Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

20

Ф. М. Достоевский.
Литография П. Ф. Бореля. 1862 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1980

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

1862—1865

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1980

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:
А. И. БАТЮТО, И. А. БИТЮГОВА, К. А. КУМПАН, Н. С. НИКИТИНА,
Т. И. ОРНАТСКАЯ, В. А. ТУНИМАНОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР,
Н. А. ХМЕЛЕВСКАЯ

Редактор XX тома
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Д $\frac{70301\text{-}534}{042\ (02)\text{-}80}$ Подписное. 4702010100.

1862

ДВА ЛАГЕРЯ ТЕОРЕТИКОВ

(ПО ПОВОДУ «ДНЯ» И КОЙ-ЧЕГО ДРУГОГО)

Именно в настоящее время мы нуждаемся в честном, прямом и, главное, верном слове о нашем народе... Народ теперь выступает на сцену, призванный к общественной жизни законоположениями 19 февраля. Что же он такое, что же это за неизвестная страна, о которой мы что-то слыхали, к которой, по-видимому, близко и подходили; что это за новый элемент русской жизни, который скоро обновит нашу общественную жизнь? Что это, одним словом, за *земство русское*? Исторически о нем знаем мы только то, что когда-то оно было одним из главных заправляющих начал нашей жизни, потом постепенно отодвигалось на задний план разными обстоятельствами, что долгое время оно, по-видимому, замирало и только по временам заявляло себя в часто грозных протестах против горькой действительности... Вопрос о народе в настоящее время есть вопрос о жизни... От того или другого решения его зависит, может быть, судьба будущего русского прогресса. И это потому так, что вопрос о русском народе видоизменяется следующим образом: есть ли у нас в настоящее время земство как элемент, отличный от служилых сословий, есть ли еще в нем теперь какая-нибудь жизнь, может ли оно обновить наше небогатое жизненностью общество?..

Такой жизненный вопрос никогда не решится по теории. Он возникал у нас, хотя и не с такой силой, давно уж, когда наше общество пришло к сознанию своей особности от других западноевропейских народов. Но любовь к теории помешала теоретикам взглянуть на факты прямо, понять их как следует. Теория хороша, но при некоторых условиях. Если она хочет формулировать жизнь, то должна подчиниться ее строгому контролю. Иначе она станет посягать на жизнь, закрывать глаза на факты, начнет, как говорится, нагибать к себе действительность. Западники, составив себе теорию западноевропейской общечеловеческой жизни и встретясь с вовсе непохожей на нее русской

жизнью, заранее осудили эту жизнь. Славянофилы, приняв за норму старый московский идеальчик, *тоже зараз* осудили в русской жизни всё, что не укладывалось в их узкую рамку. Иначе, конечно, и быть не может. Раз положенное ложное начало ведет к самым ложным заключениям, потому что теория любит последовательность. Раз положенное узкое, одностороннее начало непременно, по той же самой последовательности теории, поведет к отрицанию тех сторон жизни, которые противоречат принятому принципу.

Но в том-то, пожалуй, и заслуга теоретиков, что они в иных случаях слишком последовательны и не боятся никаких заключений... Одна фаланга нынешних теоретиков не только отрицает существование русского земства, не признает его началом, которое должно жить, но просто отрицает в самом принципе народность. Мы не станем слишком подробно разбирать мнение этой фаланги, потому что это отняло бы у нас слишком много времени и места, а главное, потому, что теория эта слишком узка и поверхностна, да и стара также. Еще у Шиллера маркиз Поза мечтает о космополитизме. Относительно предмета, который нас занимает теперь, она не выдерживает в наше время критики, и мы ограничимся о ней несколькими словами.

«Наш идеал, — говорит один лагерь теоретиков, — характеризуется общечеловеческими свойствами. Нам нужен человек, который был бы везде один и тот же — в Германии ли то, в Англии или во Франции, который воплощал бы в себе тот общий тип человека, какой выработался на Западе. Всё, что приобретено им общечеловечного, смело давайте всякому другому народу, вносите общечеловечные элементы во всякую среду, какова бы она ни была. К чему тут толки о почве, с которой будто бы нужно справляться, при усвоении ей начал, выработанных другим народом?» Таким образом, из всего человечества, из всех народов теоретики хотят сделать нечто весьма безличное, которое во всех бы странах земного шара, при всех различных климатических и исторических условиях, оставалось бы одним и тем же... Задача тут, как видно, широкая, и цель высокая... Жаль только, что не в широте задачи и высоте цели тут дело. Нам бы сильно хотелось, если б кто-нибудь из этого рода теоретиков решил бы следующие вопросы: точно ли выиграет много человечество, когда каждый народ будет представлять из себя какой-то стертый грош, и какая именно будет оттого польза? Пусть кто-нибудь из теоретиков укажет нам тот общечеловеческий идеал, который выработать из себя должна всякая личность. Целое человечество еще не выработало такого идеала, потому что образование, собственно, только в какой-нибудь двадцатой доле человечества. А если тот общечеловеческий идеал, который у них есть, выработан *одним только* Западом, то можно ли назвать его настолько совершенным, что решительно всякий другой народ должен отказаться от попыток принести что-нибудь от себя в дело выработки со-

вершенного человеческого идеала и ограничиться только пассивным усвоением себе идеала по западным книжкам? Нет, тогда только человечество и будет жить полною жизнию, когда всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону. Может быть, тогда только и можно будет мечтать нам о полном общечеловечном идеале. Иногда приходят нам в голову и такого рода мысли, что каждый, развиваясь при особых условиях, исключительно свойственных той стране, которую он заселяет, неизбежно образует свое миросозерцание, свой склад мысли, свои обычаи, свои уставы в общественной жизни... И думается, что если физически невозможно заставить народ отрешиться от всего им нажитого и выработанного в пользу, положим, и общечеловечного идеала, только добытого в других странах, то неизбежпо надобно обращать внимание на народность, если мы хотим какого-нибудь развития народу... Народные инстинкты слишком чутки ко всякому посягательству со стороны, потому что иногда рекомендуемое общечеловечным как-то выходит никуда негодным в известной стране и только может замедлять развитие народа, к которому прилагается... Мы думаем, что всякому растению угрожает вырождение в стране, где недостает многих условий к его жизни. Даже казалось нам иногда, что это желание нивелировать всякий народ по одному раз навсегда определенному идеалу в основе слишком деспотично. Оно отказывает народам во всяком праве *саморазвития*, умственной *автономии*. А по поводу тысячелетия России в нынешнем году нам пришли в голову вот какого рода соображения. За тысячу лет хотя кое-какой, но все-таки исторической жизни мы нажили некоторый опыт... Запад приходил уже спасать нас в лице Петра и целые полтораста лет различными манерами принимался он благоустроивать нашу жизнь. Но что вышло из всех подобных предприятий? Если и сделали что-нибудь они для нас хорошего, так это именно то, что доказали нам, что есть *почва* у нас, что на нее в некоторых случаях должно обращать очень и очень большое внимание. Петровские реформы создали у нас своего рода statum in statu.[1] Они создали так называемое образованное общество, переставшее не квас пить, как уверяет «Современник», а вместе с квасом и мыслить о Руси, общество, часто изменявшее народным интересам, совершенно разобщенное с народной массой, мало того, ставшее во враждебное к ней отношение. И нужно было много трудов и времени, чтоб наконец в лучшей части этого оторванного от почвы общества пробудилась мысль о народе, о народном развитии, пробудилось сознание необходимости усвоения себе народных интересов и сближения с народом.

По тому самому, что теоретики отвергают существование всякой народности, они не понимают и того, что значит «сбли-

---

[1] государство в государство (*лат.*).

зиться с народом». Они не могут понять того, что земство — самый нужный элемент в нашей русской жизни, не понимают, в чем должно состоять наше с ним сближение. «Мы ли к народу должны подойти, — говорит «Современник», — или он к нам?» — «Народ должен подойти к нам, или, лучше, мы должны подвести его к себе, потому что ведь в нас, собственно, витают общечеловечные идеалы, мы представители на Руси прогресса и цивилизации. А народ глуп, ничего до сих пор не выработал; среда народная бессмысленна, тупа». Но нам приходит иногда в голову, что народ не подойдет к нам прежде, нежели мы убавим у себя олимпийского величия, прежде чем сами подадим ему не на словах, а на деле руку. Ведь народ-то не сознает в нас нужды: *он будет крепок и без нас*... Он не исчахнет, как чахнем мы, не чувствуя под своими ногами точки опоры, не имея за своими плечами массы народа. Он тверд *сам собою*... Не крепки силами, безжизненны ведь, собственно, мы сами, имеющие честь называться образованным обществом. Нас убеждают согласиться в том, что народ — наше земство — глуп, потому что г-да Успенский и Писемский представляют мужика глупым... Вот, говорят, они не подступают к народу с какими-либо предзанятыми мыслями и глупого мужика — называют глупым. Но такие рассказы — вроде рассказа г-на Успенского «Обоз» — по нашему убеждению, составляют клевету на народ. И это ли не предзанятость взглядов? Ведь в них есть кое-какая задняя мысль, которая в иное время бывает слишком *некстати*. Тут не утешает нас даже и то соображение, представленное «Современником», что массы везде глупы, слишком *стадообразны* и во Франции, в Англии и Германии, что рутина глубоко засела в их голову и что во всем они поступают большею частию машинально. Так зачем же и хлопотать о массах, если они глупы, действуют машинально и т. п. Жаль только, что в этом случае теоретики не доводят своих заключений *до конца*...

И знаете ли, читатель, нам всё кажется, что во взгляде этой фаланги теоретиков страшный аристократизм. Они как будто делают себя аристократией просвещения и центром, которого должно держаться наше земство... И это учение теоретиков не симптом ли — только симптом под другой формой — борьбы, так часто возникавшей в древней Руси, — боярства с земством? такой факт нельзя ли назвать некоторым посягательством на народ наших чиновных сословий?.. Впрочем, бог их знает...

Но есть и еще другая фаланга теоретиков, которая, ради последовательности, тоже отвергает очень и очень многое: разумеем московских славянофилов, издающих теперь газету «День». В свое время славянофильство много сделало пользы для изучения быта нашего народа... Оно показало много сторон в русской жизни, указало значение земства в нашей истории и непосредственное его выражение — общинный быт. Оно оказывает услуги нашей литературе даже и теперь. «День» издается только

с 15 ноября прошлого года; но и в это короткое время он успел привлечь к себе внимание нашего читающего общества. И мы должны сказать, что недаром на «День» публика обратила внимание. В нем есть сила, которая невольно привлекает читателя на его сторону. Вы не можете не сочувствовать этому усиленному исканию «Днем» правды, этому глубокому, хотя иногда и несправедливому негодованию на ложь, фальшь. В едкости его отзыва о настоящем положении дел слышится какое-то порывание к свежему воздуху, слышно желание уничтожить те преграды, которые мешают русской жизни развиваться свободно и самостоятельно. В голосе «Дня» есть много честности. Он хочет действовать в интересах нашего земства, ратует за его интересы, поэтому он с особенной силой отрицает современный строй общества... И его отрицание обращено большею частию на дело. Он не тратит даром силы, не стреляет в воздух, как это часто случается с дешевыми отрицателями, тоже своего рода поклонниками «искусства для искусства». «День» затрагивает самые существенные стороны нашей русской жизни. Его отрицание идет вглубь, поднимает, так сказать, самое *нутро* вопроса, а не расплывается в воздухе, не сражается с воображаемым злом, не донкихотствует. Поставляя выше всего, хотя и понимая по-своему интересы земства, он сказал такое живое и дельное слово о крестьянском деле и тесно связанном с ним вопросе дворянском, о цензе, широко им понятом... Он поднял в интересах русской народности и польский вопрос, чрезвычайно важный при настоящих обстоятельствах... А ведь подобные вопросы для нас в настоящее время — вопросы плоти и крови. От того или другого их решения зависит вся наша будущность, весь ход русского прогресса и цивилизации. Разбирать, в частности, поднимаемые «Днем» вопросы мы не будем, потому что они — чрезвычайно важные вопросы и стоят обстоятельнейшего обсуждения, чего мы не можем сделать в тесных границах одной критической статьи. О них нужно поговорить о каждом особо и немедленно, от чего мы отнюдь не уклоняемся. Прибавим еще, что голос «Дня» мы считаем очень важным и нужным в нашей литературе, особенно ввиду постоянно возникающих новых вопросов жизни. Если в решении иных мы и разойдемся с ним, то ведь чем больше будет по ним полемики, тем лучше. Но в интересе той же правды, которую хочет «День» найти на Руси, мы должны сказать, что беспощадное отрицание в иных случаях слишком беспощадно и потому несправедливо. Ратуя за русское земство, он несправедлив к нашему так называемому образованному обществу. Признавая жизнь только в народе, он готов отвергнуть всякую жизнь в литературе, обществе — мы тут разумеем лучшую часть его. В этом случае он большой ригорист. «Всё ложь, всё фальшь, — говорит он в одной передовой статье своей, — всё внутреннее развитие, вся жизнь общества, как проказой, заражены ею (то есть ложью). Ложь в просвещении... Ложь в вдохновениях искус-

ства... Ложь в литературе...» Мы понимаем, что этот голос может быть искренен; но очевидно также, что это голос фанатизма... «День» не хочет спуститься с своей допетровской высоты, презрительным взглядом окидывает настоящую русскую жизнь, лорнирует ее сквозь свое московское стеклышко и ничего-то не находит в ней такого, к чему он мог бы отнестись сочувственно...

Назад тому два месяца мы спрашивали у «Дня»:

Неужели мы в полтораста лет хотя бы quasi-европейской жизни не вынесли ничего доброго и только внутренно развратились, изжились, потеряли всякие задатки жизни?

Неужели Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Островский, Гоголь — всё, чем гордится наша литература, все имена, которые дали нам право на фактическое участие в общеевропейской жизни, всё, что свежило русскую жизнь и светило в ней, — всё это равняется нулю?

Неужели всё это порывистое стремление литературы последних годов к прогрессу, к цивилизации, страстное желание сколько возможно улучшить русскую жизнь, это внимание к общественным вопросам в той мере, в какой позволяют внешние обстоятельства, неужели самое это глубокое недовольство современной жизнию — всё это нуль, ложь, фальшь?

Неужели общечеловечные элементы, проводником которых с Запада в русскую жизнь всегда по возможности была литература, — мы должны признать источником лжи и фальши, разъединяющей наше общество? ..

Всё ложь, всё фальшь, повторяет нам «День». Вот в этом-то голосе мы узнаем московских славянофилов-теоретиков. И у них, как у западников, то же непонимание жизни, то же посягательство на нее, та же беспощадная последовательность. И тем более досадно на это поголовное обвинение в фальши всего общества, что ведь в нем скрывается глубочайшее противоречие «Дня» самому себе. Для чего, спрашивается, он издается? Конечно, для того, чтобы принести хотя какую-нибудь пользу обществу, чтоб указать ему путь к жизни, уничтожить конечно разъедающую его фальшь? Ведь не издавался бы «День», если б фальшь до того разъела наше общество, что в нем не осталось бы никаких задатков жизни? О мертвых заботиться много нечего; с безжизненным трупом хлопотать нужно не о том, чтоб его возвратить к жизни, а поскорей убрать его из человеческого жилья, чтоб не заразились от него и живые, здоровые... Зачем же хлопочет «День» о присуждении нашего общества к жизни, о возвращении к среде народной, если, по его мнению, всё в нем ложь и фальшь?

В том-то и беда теоретиков, что они или вовсе не хотят понимать, или плохо понимают жизнь... Нам припомнилась одна тирада из передовой статьи «Дня» против некоторых увлечений. Присвоивши себе право заявлять живой, сильный протест против

лжи, фальши общества, он отрицает у *молодости* это же самое право. Преследуя то, что составляет мертвечину, хлопоча о жизни, он презирает *молодую* жизнь... Твердя о непочатых силах народных, о свежести и крепости его — славянофилы запрещают всякую деятельность молодым, крепким, в первый раз столкнувшимся с действительностию силам... Взывают к голосу народному, от народа, еще неискусившегося во зле, ожидают плодов, а молодому поколению, на которое возлагаются лучшие надежды общества, отказывают во всяком голосе... Если б «День» судил о вещах не по своему московскому идеальчику, не поверял бы жизнь теориею, а теорию — жизнью, он не напечатал бы статьи, которую мы всегда будем считать неизгладимым пятном на редакции.

Самая отрицательная часть «Дня» теряет в наших глазах часть своей силы от одного следующего обстоятельства... Мы объясним свою мысль следующим примером. Представьте, что человек подошел к безобразной куче сору, где наряду с песком, лохмотьями зарыто много и драгоценностей... Он начинает перебирать кучу; он с силой отбрасывает лохмотья, песок, разную дрянь... Стоя в стороне, вы не можете не согласиться, что называемое им дрянью действительно дрянь; вы готовы даже удивляться меткости его приговоров... Но беда-то в том, что этот разметатель сору ищет не драгоценностей там, чтоб воспользоваться ими для себя, а старый, поношенный башмак... Вы удивляетесь, почему же это он ищет не того, чего по всем вашим предположениям ему нужно бы было искать ... И вот вы видите, как та же беспощадная рука, которая отметала грязь, с тою же силою и едкою насмешкой отбрасывает и то, что вы считаете золотом... Таким образом, пред вами разбрасывается песок, лохмотья, не во имя тех дорогих вещей, которые зарыты вместе с ними, а во имя старого, поношенного башмака... Тут уже невольно приходит в голову: правда ли, что поношенный башмак, из-за которого отвергается и дурное и хорошее, лучше самых лохмотьев в этой куче?.. И вы не можете не пожалеть, что *ослепление* человека не дает ему возможности видеть в куче дряни и хлама действительно хорошее... Это сравнение, кажется, может несколько быть применимо к «Дню». Отрицательная его сторона, как мы уже сказали, бесспорно — хороша... Но во имя чего он отрицает в нашей теперешней русской куче сору и хорошее и дурное?.. Мы сказали, что он ратует за интересы земства... Но значение его, условие жизненности этого начала он понимает по-своему. Он берет не земство — то здоровое, свободное земство, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта, а берет за норму отношений земства к другим началам быт московский XVI и XVII века, когда централизация уже страшно посягнула на права и свободу земства. Одним словом, «День» отрицает теперешнюю жизнь во имя московской теории...

Но ведь она тоже кабинетное создание, плод мечты и пылкого воображения... Одним словом, она походит на старый, поношенный, хотя и не совсем еще стоптанный, башмак. В некоторых частях своих она годна еще к кое-какому употреблению, но ее нужно обновить чем-нибудь *новым.* Допетровская Русь привлекает к себе наше внимание, она дорога нам — но почему? Потому, что там видна целостность жизни, там, по-видимому, один господствует дух; тогда человек, не так, как теперь, чувствовал силу внутренних противоречий *самому себе* или, лучше сказать, вовсе не чувствовал; в той Руси, по-видимому, мир и тишина... Но в том-то и беда, что допетровская Русь и московский период только видимостью своею могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие. А если повнимательней вглядеться в эту, по-видимому, чудную картину, в отдалении рисующуюся нашему воображению, мы найдем, что не всё то золото в ней, что блестит... Она потому и хороша, что вдалеке от нас, что ее показывают при *искусственном* освещении. Посмотря на нее вблизи, найдешь, что тут и краски слишком грубы, и фигуры аляповаты, и в целом что-то принужденное, натянутое, ложное... Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси — особенно в московский период — было довольно... Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т. п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность... В допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи. Этот квиетизм, унылое однообразие допетровской Руси указывают на какое-то внутреннее бессилие. Если московская жизнь хороша была, то, скажите пожалуйста, что же заставило народ отвернуться от московского порядка вещей и повернуть в другую сторону? Одним словом, что произвело наш русский раскол? Ведь выходит, что нельзя сливать Москву с народом, нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной. «День» говорит, что в допетровской Руси были пороки только, а не ложь... Выражение слишком неопределенное... пороки в семейных и общественных отношениях... Да что же, спрашивается, после этого ложь? Не ложь ли производит и пороки, на малость которых нельзя пожаловаться в допетровской Руси?

И по этому-то московскому идеалу славянофилы хотят перестроить Русь... Для них всё наше развитие, положим небольшое, но все-таки развитие, какое у нас было со времен Петра, — всё это равняется нулю... Они ужасно бранят Петра за то, что, по выражению Аксакова, он заварил кашу слишком крутеньку, а сами немного уступают ему в своей *крутости.* В них видна та же допетровская бесцеремонность с жизнью... Для славяно-

фильства теория — такая же беспощадная, такая же скорая на всё, как и всякая другая... Нет, уж со времен Петра много воды утекло, и далеко зашла эта вода, и так ее много, что решительно нет никакой физической возможности поворотить ее назад, или вовсе ее уничтожить... Положим, вы бы, например, вздумали дать сток стоячей воде и для этой цели начали бы копать канал... Давно уж вы начали эту работу, прокопали большое пространство... Но работа ваша идет очень плохо, медленно; ваш канал слишком неглубок, и впереди не предвидится вам возможности углубить его, потому что в распоряжении вашем слишком мало рабочих рук, да и рабочая ваша масса не подновляется свежими силами... Вот вы разузнаете причину своей неудачи... Оказывается, к вашему изумлению, что направление вы своему каналу дали не такое, какое нужно дать, что главная масса рабочих, которая главным образом составляет вашу силу, на которую хотели опираться вы, которая могла бы весть ваш канал вперед, и широко, и глубоко, и прочно, — эта главная масса рабочих, вся, так сказать, суть вашей силы, отстала от вас, закопала свой канал и пошла пробивать себе дорогу по другому направлению. Ну что вы тут станете делать... Оставить всю сделанную вами работу? Но как-то чувствуется вами, что и ваша работа, как бы ни была, положим, мала она и недостаточна, всё же работа... вы сознаете, что и вы кое-что сделали и что добытое вами могло бы пригодиться и той главной массе рабочих, которая отстала от вас. Таким образом, воротиться нельзя, потому что зашли-то очень далеко... И нельзя идти далее, потому что это значило бы только еще более расходиться с главной силой, еще сильней чувствовать свое бессилие и глубже сознавать необходимость общего соединения... Что тут делать? Не лучше ли вам, не бросая своей работы, открыть сообщения с главной массой и поэтому узнать направление вашего канала; сама главная масса против желания придвинется к вам, когда увидит искренность вашего намерения соединиться; если она прежде и смотрела на вас слишком недоверчиво, то это потому, что она не видела от вас никакой помощи себе... Ведь тогда только и пойдет у вас отлично дело, когда вы соединитесь вместе, когда соедините в одно общий, добытой уже опыт и начнете дружно пробивать себе вперед дорогу... Вот этого-то и не хотят понять славянофилы; им того только и хочется, чтобы всё добытое нами в продолжение полутораста лет уничтожить и воротить наше общество назад... Возможное ли это дело? Не теория ли это, мало берущая во внимание жизнь?

Так вот два лагеря теоретиков, из которых один отвергает в принципе народность и, следовательно, наше чисто народное начало — земство. Другой понимает значение нашего земства посвоему и, во имя своей теории, не отдает справедливости нашему образованному обществу... Те и другие, как видно, судят о жизни по теории и признают в ней и понимают только то, что не

противоречит их исходной точке. А между тем часть истины есть в том и другом взгляде... и без этих частей невозможно обойтись при решении вопроса, что нужно нам, куда идти и что делать?

Несомненно то, что реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. Оно, конечно, при тех реформаторских приемах, какие употреблял Петр, преобразование и не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека. Развитие народа совершается веками, уничтожение добытого им может быть задачей тоже одних только веков... Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу — за свою одну жизнь — переменить нравы, обычаи, воззрения русского народа. Деспотизм реформаторских приемов возбуждал только реакции в массе; она тем крепче усиливалась сохранить себя от немцев, чем сильнее последние посягали на ее народность. С другой стороны, мы чрезвычайно ошиблись бы, если б подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшнейшая распущенность нравов, немецкая бюрократия — чиновничество. Не чуя выгод от преобразования, не видя никакого фактического себе облегчения при новых порядках, народ чувствовал только страшный гнет, с болью на сердце переносил поругание того, что он привык считать с незапамятных времен своей святыней. Оттого в целом народ и остался таким же, каким был до реформы; если она какое имела на него влияние, то далеко не к выгоде его. Говоря таким образом, мы вовсе не думаем отрицать всякое общечеловечное значение реформы Петра... Она, по прекрасному выражению Пушкина, прорубила нам окно в Европу, она указала нам на Запад, где можно было кой-чему поучиться. Но в том-то и дело, что она осталась не более как окном, из которого избранная публика смотрела на Запад и видела главным образом не то, что нужно бы было видеть, училась вовсе не тому, чему должна была там учиться... Оттого петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу. Бывают такие времена в жизни народа, что в нем особенно чувствуется потребность выйти на свежий воздух, какое-то особенное недовольство настоящим, потребность чего-то нового. Несомненно, что в ближайшее время к Петру уже чувствовал народ *худобу* жизни, заявлял свой протест против действительности и пытался выйти на свежий воздух... Так мы по крайней мере понимаем исторический факт — наш раскол. Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве, конечно, не чудом каким. Оно подновлено, несомненно, временем... В русском воздухе носились уже задатки реформационной бури, и в Петре только сосредоточилось это пламеннейшее общее желание — дать новое направление нашей ис-

торической жизни... Но характер всяких переходных эпох таков, что во время их чувствуется сильнейшее желание выйти из пошлого порядка вещей, но как выйти, куда идти, — плохо сознается и понимается... В том-то и была беда Петра, что желание Руси обновиться он понял по-своему, исполнял его тоже по-своему — деспотически прививал в жизнь не то, в чем она нуждалась. Поэтому Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни — но только до сих пор он и был народен... Выражаясь точней, одна *идея* Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден... Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом *своего* только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям... То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу... Русский народ не любит гоняться за внешностию: он больше всего ценит дух, мысль, *суть* дела. А преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т. д. Народ и отрекся от своих доброжелателей-реформаторов, не потому, конечно, чтобы любил бороду, гонялся за одеждой, а потому, что такой преобразовательный прием был далеко не в его духе. И чем сильнее было на него посягательство сверху, тем сильнее он сплачивался, сжимался. Борода и одежда сделалось чем-то вроде лозунга. Может быть, именно под влиянием подобных обстоятельств и сложилась в нашем мужике такая неподатливая, упорная, твердая натура.

Как бы то ни было, только факт стал очевиден, что народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой — врозь с путями высшего общества... Земство разошлось с служилыми сословиями. Последовавшие за петровской эпохой исторические обстоятельства только усиливали это раздвоение общества от массы народной. О народе — о главном — часто забывали, думали больше о самих себе. Бюрократия развивалась в ущерб народным интересам, давление сверху становилось тяжелей и тяжелей, возбуждая больший упор в народе. Крепостное право усиливалось, об образовании народа думали только немногие *горячие* головы. Сословный быт развивался в ущерб низшим классам. Высшие классы скоро утеряли самый язык, на котором говорила масса. Чужестранный элемент развился в небывалых размерах, и по обстоятельствам, по общественному своему положению, владея материальной силой, старался забрать в свои руки чуждый ему народ. Интересы разошлись до того, что всякое искреннее сочувствие народным интересам, выходившее не из народной среды, принималось массой с недоверчивостью, даже с неудовольствием,

потому что она не могла понять, каким это образом господа могут хлопотать о мужике: горькая действительность несколько раз убеждала его, сколько лжи и обмана, сколько узкого эгоизма и своекорыстия скрывается иногда под видимым участием.

В точно таких же почти отношениях находятся и теперь эти две силы, разошедшиеся друг с другом очень давно. И теперь сколько разбивается самых лучших намерений в интересах народа, именно потому, что народ не верит в их искренность. Обвинять тут народ в невежестве, непонимании хорошего, ставить подобные вещи ему собственно в укор чрезвычайно недобросовестно. Согласитесь, что иногда наши ласки к народу только нам кажутся ласками, а зачастую, в сущности-то, они бывают медвежьи. Мы ведь, нужно говорить правду, не умеем подойти к народу. Уж в этом отношении никогда нет средины. У нас или грубость такая, что просто из рук вон, или такая маниловщина, что беда да и только. Ну поймет ли нас народ, когда мы явимся к нему в лайковых перчатках и будем с простым мужиком обращаться на «вы»? Сами, конечно, виноваты. Зато редко, редко бывает, что народ верит нам и пользуется нашими советами. Из усердия к народным интересам мы являемся его советниками, например, по земледельческому его делу. Говорим ему устно и печатно, сочиняем нарочно для этой цели книжки. Но читает ли их народ, даже те, которые ему попадаются случайно в руки? Слушает ли он наши наставления? Да! читает и слушает из простого любопытства, как о новых, прежде им неслыханных вещах, с такой же охотой читает, как и Еруслана Лазаревича. Но он и не думает применять наши наставления к делу, потому, дескать, это не наше дело, а барское, писаны книжки не для нас, а для господ. И не то чтоб он тут не понимал нас, а просто потому, что не верит нашим книжкам, нашему усердию в пользу его. — С трудом прививаются народной массе и нравственные и религиозные понятия людьми, которые не из ее среды... А посмотрите, с каким напряженным любопытством, с какою жадностию, лихорадочным вниманием безмолвная толпа слушает грамотного мужика. Факт, например, и то, что сколько ведь напускной лжи и двоедушия принимает на себя мужик пред нашими судами; как иногда усиленно ловит он случай стянуть из барского кармана лишнюю копейку. Между тем нередко этот лжец, двоедушный обманщик сам-то в себе честный человек, честный пред своей общиной, пред своим миром, и не подумает обмануть своего брата мужика или схитрить пред миром... Потому, видите ли, делаются тут дела так, что суд мира есть суд в высшей степени народный, обмануть *своего* считается бесчестьем... А к нашему брату он не чует никакой привязанности; нет у нас с ним общих, связывающих уз, нет общих интересов. Вот и кажемся мы народу в некотором роде татарами, нехристями, с которыми не грех обойтись помудреней, чем с своим братом. В нашем присутствии мужик уже вовсе не тот, каков он со своими: он стес-

няется, он официален, хочет казаться... До такой степени наше общество разъединилось с народом!

Вот почему нельзя говорить, что, дескать, зачем отделять высшее общество или, точнее выражаясь, образованное общество от массы народа. По идее-то оно выходит как будто и так, да и в сущности-то оно так. Только беда наша в том, что на практике народ отвергает нас. Это-то и обидно; этого-то причины и должны мы доискаться. Родились мы на Руси, вскормлены и вспоены произведениями нашей родной земли, отцы и прадеды наши были русского происхождения. Но, на беду, всего этого слишком мало для того, чтобы получить от народа притяжательное местоимение «наш», и, конечно, самым лучшим благочестивым желанием передовых русских людей всегда будет: настолько соединиться с народом, чтоб он не отделял образованных людей от себя и считал образованное общество своим... Но это будет задачей долгого времени, и блаженное время окончательного соединения оторванного теперь от почвы общества — еще впереди. До того же времени называть себя de facto [1] народом, частию той массы, которая составляет наше крестьянство, земством — будет самообольщением. Ведь нельзя, например, не задуматься над тем, почему это мы не можем теперь найти язык, на котором могли бы искренно, сердечно беседовать с народом; почему это так сильно чуждается нас народ; так трудно нам, если только не невозможно, войти в дух, понятия и интересы народа; почему это инстинкт народный так упорно не хочет узнать в нас своих друзей? Конечно, такое явление происходит от того, что мы разобщены с народом, что история вырыла между им и нами пропасть...

И снова повторяем, что невозможно обвинять народ в том, что он плохо понимает нас, что он не развит, что он чуждается нас... Опять скажем, что в неразвитости народа виноваты и мы сами. Отчего же мы целых полтораста лет забывали о нем, не хлопотали об его развитии, предоставили его самому себе на произвол судьбы — и судьбы тягостной. Можем ли мы после этого требовать от него нравственной развитости? Во-первых, сколько есть и между нами людей, которые по своим нравственным понятиям не только не стоят выше мужика, но даже гораздо его ниже. Где, как не в этом образованном обществе, скрывается такая подлейшая ложь, такой грубый обман, такая нравственная подлость, что ей и названья не найдешь? Образованная ложь всегда выражается в жизни циничнее; тем отвратительней становится она нравственному чувству человека, чем, по-видимому, толще покрыта лаком внешней образованности и прогрессивных понятий. Если бы вы взяли простого балалайщика с рынка и он не стал бы понимать, в чем заключается вся суть очаровательной гармонии Моцарта или Бетховена, стали бы вы на него претендовать? Чтоб понимать высшую гармонию звуков, для этого

---

[1] фактически, на деле (*лат.*).

нужно иметь очень развитое ухо; на каком же основании станете вы требовать от полуразвитого уха совершенного пониманья высшей гармонии? Ведь это значило бы требовать от яблони апельсинов. И то еще нужно заметить тут, что не всегда верны те наблюдения над простым народом, какие делаются, например, г-ми Успенским и Писемским. Наблюдение над нашим простым мужиком делается, как известно, чрезвычайно поверхностно; глубь-то его душевная упускается, о ней часто и не знают те, которые, по-видимому, вблизи изучают народ, и это опять потому, что мужик не любит весь раскрываться пред господами. Оттого недоверие к бесчестности, глупости мужика, не только не бесполезно, а даже обязательно. Жаль только, что наши скептики, прилагающие свое отрицание ко всему, не употребляют его в дело на указанном нами пункте.

И от этого раздвоения народа страшно страдают обе его части. Отсутствие общих пунктов у высшего общества с низшим; противоположность интересов, созданная историческими обстоятельствами, заставляет его относиться враждебно к народу. Народу некогда идти вперед, потому что при настоящих отношениях к высшему обществу у него хватает времени только на отстаивание того, что у него есть. Предоставленный самому себе, он коснеет в невежестве, совершенно лишен всякого участия в тех общечеловеческих результатах европейской цивилизации, которыми, впрочем, только в некоторой мере владеет образованное общество. Он и прозвал себя горемыкой, потому что сам-то по себе находит весьма трудным выйти из того незавидного положения, в какое поставили его исторические обстоятельства. Редко, редко находит он себе вождей, которые указывают ему новые пути, собирают в одно его разрозненные, рассеянные силы и мощно двигают их к одной цели. И сколько тут пропадает силы! Эта тучная, могущая быть плодовитейшею земля должна лежать если не совсем впусте, то приносить вовсе не те плоды, какие могла бы приносить...

От разрыва с народом страдают и высшие классы. Их силы сравнительно с силами народа — чрезвычайно малы, если не ничтожны.

Разрозненные с народом высшие классы не подновляются новыми силами — оттого чахнут, ничего не выработывают. Не имея твердой точки опоры, они не имеют впереди ясно поставленной и точно обозначенной цели. Оттого их существование принимает какой-то бесцельный характер. Не сливая своего дела с земским делом, они по необходимости должны были поставить впереди себя только узкие цели. Оттого все лучшие порывы вперед нашего общества неизбежно отпечатлеваются каким-то характером безжизненности, чахлости... Говорят, что у нас в России не привилась наука... именно потому и не привилась, что страна располагает в пользу ее слишком малыми свежими силами. А между тем сколько сил хранится в этих сорока миллионах людей, кото-

рые чужды вовсе науки, даже не слыхали о ней. Сколько бы могло быть даровитейших тружеников науки, если бы вся эта масса была призвана к жизни, если б открыты были двери для талантов, таящихся в ней... Без соединения с народом никогда, пожалуй, не удадутся высшим классам и попытки улучшить общественный быт страны. Самая сфера мысли образованного нашего общества приняла характер какой-то условности, потому что в нее не вносится новых, свежих мыслей из массы народной, потому что не являются на умственную арену новые, свежие бойцы. И только тогда у нас явится и прочно установится наука, когда она будет достоянием не одного или нескольких привилегированных сословий, а всей массы народа... Тогда только выработается именно тот общественный быт наш, такой именно, какой нужен нам, когда высшие классы будут опираться не на одних только самих себя, а и на народ; тогда только может прекратиться эта поразительная чахлость и безжизненность нашей общественной жизни.

И вот когда у нас будет не на словах только, а на деле один народ, когда мы скажем о себе заодно с народной массой — мы, тогда прогресс наш не будет идти таким медленным прерывистым шагом, каким он идет теперь. Ведь тогда только и можем мы хлопотать об общечеловечном, когда разовьем в себе национальное... Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного только изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто общечеловеческий интерес. Прежде чем хлопотать об ограждении интересов всего человечества во всем мире, — нужно стараться оградить их у себя дома. А то может случиться, что за всё возьмемся и нигде не успеем. Говоря, впрочем, о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересе всех народов. Судьба распределила между ними задачи: развить ту или другую сторону общего человека... только тогда человечество и совершит полный цикл своего развития, когда каждый народ, применительно к условиям своего матерьяльного состояния, исполнит свою задачу. Резких различий в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал, только оттененный местными красками. Потому между народами никогда не может быть антагонизма, если бы каждый из них понимал истинные свои интересы. В том-то и беда, что такое понимание чрезвычайно редко, и народы ищут своей славы только в пустом первенстве пред своими соседями. Разные народы, разрабатывающие общечеловеческие задачи, можно сравнить с специалистами науки; каждый из них специально занимается своим предметом, к которому, предпочтительно пред другими, чувствует особенную охоту. Но ведь все они имеют

в виду одну общую науку. И отчего наука всего более идет в широту и глубь, как не от специализации ее предметов и частной разработки их отдельными личностями?

Таким образом, собственные наши интересы и интересы человечества требуют, чтоб мы возвратились самым делом на почву народности, соединились с нашим земством. Но теоретики опять задают вопрос, в чем же должно состоять это сближение с народом? Чтобы не рапространяться об этом предмете много, мы скажем коротко, что для сближения с народом образованных классов нужно:

1) Распространить в народе грамотность. Народ наш беден и голодает вовсе не оттого, чтоб у него мало было средств к добыванию насущного хлеба. Земли у нас много, заработка не трудна, по недостатку рабочих рук. Народ оттого беден и голоден, что невысок у него, по особым обстоятельствам, нравственный уровень, что он не умеет извлекать для себя пользу из тех огромных естественных богатств, какие у него под рукой. Значит, прежде всего нужно позаботиться об его умственном развитии.

2) Облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок, которые заграждают для него доступ во многие места. Средство это стоит в тесной связи с вопросом о сословных правах и привилегиях.

3) Для сближения с народом нужно несколько преобразоваться нравственно и нам самим. Нам нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических вглядов. Народу тяжелы наши кулаки, которые когда-то были так в моде, да он не терпит и оскорбительной для него французской вежливости. Нужно полюбить народ, но любовью вовсе не кабинетною, сентиментальною.

Да! нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам. Так мы понимаем сближение с народом. Читатели видят, что оно вовсе не фраза, пустое слово, а имеет большое значение в теперешней нашей общественной жизни.

Но в том-то и дело, скажут нам скептики, что мы и народ не способны ни к какому лучшему будущему. За целую тысячу лет своей исторической жизни ничего не сделали ни мы сами, ни народ. Применяя к Руси известную мысль Монтескье — всякий народ достоин своей участи, что можем сказать хорошего о нас и этом народе, который и т. д.? Об этом вопросе мы скажем следующее:

Во-первых, на что указывает нам русский раскол?.. Замечательно, что ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни. Это, конечно, происходит оттого, что они теоретики. По их теории действительно не выходит, чтоб в расколе было что-нибудь хорошее. Славянофилы, лелея в душе один только московский идеал Руси православной, не могут с сочувствием отнестись к народу, изменившему православию... Западники, судя об исторических

явлениях русской жизни по немецким и французским книжкам, видят в расколе только одно русское самодурство, факт невежества русского, гнавшегося за сугубым аллилуйя, двуперстным знамением и т. д. Они не поняли в этом странном отрицании страстного стремления к истине, глубокого недовольства действительностию. Оно и неудивительно, потому что, судя о вещах по теории, легко закрыть глаза на многое, легко напустить на себя своего рода ослепление. И этот факт русской дури и невежества, по нашему мнению, самое крупное явление в русской жизни и самый лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни.

Во-вторых, скептики забывают, что народ удержал до сих пор, при всех неблагоприятных обстоятельствах, *общинный* быт, что, не зная начал западной ассоциации, он имел уже *артель*. Западные публицисты после долгих поисков наконец остановились на ассоциации и в ней видят спасение труда от деспотизма капитала. Но в западной жизни это общинное начало еще не вошло в жизнь; ему ход будет только в будущем... На Руси оно существует уже как данное жизнью и ждет только благоприятных условий к своему большему развитию. А главным образом тут должно обратить внимание на то, с каким упорством народ отстаивал целые века свое общественное устройство и все-таки отстоял... Что ж это за явление, как не доказательство того, что народ наш способен к политической жизни?

В-третьих, посмотрите, какой иногда такт в суждении, какая зрелая практичность ума, меткость в слове проявляется в этом народе, который не имеет никакой юридической подготовки, не знает римского права. Законоположение 19 февраля вызвало народ к жизни, поставило его в новые условия,— и он вовсе не оказался неспособным обсуживать свое новое положение... Если вы следили за крестьянским делом, вы не можете не согласиться, что в фактах его проявляется не одно только невежество и глупость...

Да наконец, хотя бы эта способность самоосуждения, которая проявляется на Руси с такой беспощадно-страшной силой, не доказывает ли, что самоосуждающие способны к жизни? Не в русском характере иметь такой узкий национальный эгоизм, какой нередко встретить можно у англичанина, у немца, у француза. Так ли народ наш привержен к своим обычаям, поверьям, своему быту, как, например, англичанин к своим учреждениям... Не потому русский народ слишком крепко держится *своего*, что оно свое, а потому, что он не слыхал ничего лучшего, потому что всё другое, рекомендованное ему со стороны, он нашел худшим... Он потому и держится своего, что оно лучшим ему кажется из всего, что он слыхал и видал. А вот посмотрите, с какой настойчивостью отстаивает англичанин свои университеты, хотя и сознает, что их устройство далеко расходится с современными понятиями. Ему дорог английский метод воспитания и образования не по-

тому, чтобы он считал его лучшим из всего, что он знает в этом отношении, а потому, что это *свое*. Или посмотрите на ту сальную иногда сентиментальность, с какою немец рассуждает о своей полиции или своих Rath' ах,[1] и о превосходстве немецкой нации пред другими. Вот француз, который постоянно толкует о славе нации, о своих национальных учреждениях, о военных своих подвигах, потому только, что заговори он иначе, он изменил бы своей *славной* нации. Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине... С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрине и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительнейшая литература времен очаковских и покоренья Крыма.

И неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Не та болезнь опасна, которая на виду у всех, которой причины все знают, а та, которая кроется глубоко внутри, которая еще не вышла наружу и которая тем сильней портит организм, чем, по неведению, долее она остается непримеченною. Так и в обществе... Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на оообщественные язвы, болезни — предполагает страстную тоску о здоровье.

И неужели отрицание наше кончится только одним разрушением? Неужели на месте полуразрушенных зданий ничего не воздвигнется и это место останется пустым пожарищем?.. Неужели мы настолько задохнулись, настолько замерли, что нет надежды на наше оживление? Но если в нас замерла жизнь, то она несомненно есть в нетронутой еще народной почве... это святое наше убеждение.

Мы признаем в народе много недостатков, но никогда не согласимся с одним лагерем теоретиков, что народ непроходимо глуп, ничего не сделал в тысячу лет своей жизни, не согласимся, потому что излишний ригоризм нигде не уместен... Если друзья будут о нем такого мнения, то что же останется для его недоброжелателей?

---

[1] советниках (*нем.*).

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЧЕРНОГОРЦЫ И ЗАПАДНИКИ, САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПАЛКА

Да, опять перепалка. Случился такой пункт, на который вдруг наткнулись вместе наши славянофилы и западники, взятые в самом чистом их состоянии (увы! они еще существуют в чистом состоянии, даже в самом чистейшем, с порывами самой фанатической исключительности), наткнулись — и поневоле должны были обоюдно высказаться, выложить всё свое, — ну тут уж, разумеется, случилась и перепалка. Это новое столкновение мы спешим занести в нашу хронику: оно не без интереса.

Пункт, на котором столкнулись враги, называется *черногорцы*. Известно, что в этом году, и еще очень недавно, славяне, в том числе черногорцы, вели большой бой с султаном. Даже и теперь дело не кончено. Черногорцы действовали изо всех сил: дрались как отчаянные, били султаново войско; ну и их били. Мало того: их жгли, грабили, бесчестили, насиловали — одним словом, поступали с ними по-турецки. Тут, как и всегда бывает у славян, в самую решительную минуту случился у черногорцев раздор. Конец концов — им теперь очень худо. Всё разбито, пожжено и разорено. Конечно им надо было помочь. Делом нельзя, так хоть деньгами; иногда деньги почти то же, что дело. А так как денег у нас никогда ни на что не соберешь, то, разумеется, пришлось помогать хоть крохами. Ну вот в этом-то честь и слава тем, которые первые открыли подписку, не испугавшись этих крох и не погнушавшись крохами. Крохи все-таки лучше, чем ничего. А если мы все будем белоручничать, ждать прямо мильонов с неба, чтоб не стыдно было, дескать, нам, таким важным людям, копеечным делом заниматься, — то ведь мы при этом расчете никогда и рубля не увидим. Не брезгая же начнем с крох, а дойдем и до мильонов, хоть и не теперь, так впоследствии. Первый шаг есть всегда самое первое и самое главное дело. Только бы познакомить с этим общество, приучить, в обычай ввести, интерес возбудить...

Но вот тут-то и случилась беда. Честь первого начинания принадлежит газете «Современное слово», и тем большая честь, что «Современное слово», судя по всему, есть орган чистейшего западничества, а если уж придраться к некоторым фактам, так

даже фанатического западничества. Даже вдруг появившийся после трехмесячного перерыва «День» удивился подвигу «Современного слова»: он и не ожидал, что те в состоянии объявить подписку на черногорцев! Известно, что «День» вдруг прервался летом на своем 34 номере. Мы все, то есть, мы думаем, вся литература, искренно сожалели об этом, во-первых, по принципу, а во-вторых, и «Дня» было жалко: хорошее было издание, издавалось людьми, преданными делу, бескорыстными и прямо, откровенно, ясно излагающими свои убеждения. А ясно излагать — значит в высшей степени не сомневаться в своих убеждениях. Нам хоть и случалось задевать «День» в нашем журнале, но мы всегда верили и в искренность и в добросовестность издателей «Дня» и в этом расходимся с «Современным словом», которое печатно созналось, что до известного факта не совсем верило искренности и добросовестности редакции «Дня» в ее убеждениях. Такую редакцию, как редакция «Дня», нельзя заподозрить в неискренности. Мы уважаем ее, хотя и до сих пор не можем, например, без смеху припомнить хоть бы о предложении «Дня» о возможности обер-прокурора св‹ятейшего› синода из евреев. (Мы думаем, читатели помнят об этом фантастическом обер-прокуроре из евреев. Вопрос шел об уравнении прав евреев и русских в России. «Если будет равенство прав, то тогда, пожалуй, иной еврей дослужится до обер-прокурора синода. Ну что тогда с нами будет!» — воскликнул «День» и вывел из возможности этого обер-прокурора, что невозможно давать известных прав евреям!) Но ведь такие встречи нашего журнала с «Днем» вовсе не могут поколебать нашего личного к нему уважения. Итак, к делу. Только что вышел обновленный «День», в первом же 35 номере его раздался жестокий залп в «Современное слово», по поводу подписки на черногорцев. Правда, «Современное слово» задело славянофилов еще прежде того, при первом объявлении подписки. Но нам кажется, что тут со стороны «Дня», кроме обиды, случилась маленькая ревность к «Современному слову»: «Зачем, дескать, ты начал первый подписку, а не мы, славянофилы, настоящие друзья славян? Мы их открыли, мы их изобрели, мы даже всем надоели славянами, следственно, честь нам и слава!» Кроме этой личной ревности, непременно была и другая, более благородная ревность, то есть ревность убеждений: «Как! неомовенными, нечистыми западными руками, да еще прикасаться к такому делу!» и т. д., и т. д. Не похвалить-то поступка «День» не мог: дело все-таки было очень хорошее, да и черногорцы что-нибудь получат; но ведь что досадно, — ведь не так на дело то смотрит «Современное слово»! Без благоговения, без уважения к высоким предметам, да туда же соваться в калашный ряд! Помогают черногорцам, а между тем вовсе не потому, что они черногорцы, православные славяне, родные наши братья, плоть от плоти и кровь от крови нашей, которым предстоит со временем слиться с землей русской, а потому только помогают,

что они народ угнетенный, независимость свою поддерживают, за свободу сражаются, за принцип национальности. И вышло наконец то, что оба противника сошлись по чувству на одном и том же хорошем деле, и, сойдясь, оба тотчас же рассердились друг на друга за это же хорошее дело, чуть не застыдились даже его. По крайней мере известные оговорки и оправдания в иных случаях и в иных поступках значат, по-нашему, почти что стыдиться этих поступков. И вышла прекомическая картина. Мы не можем не представить ее в лицах: стоит с одной стороны «День», с другой — «Современное слово», а посредине стоят черногорцы; «День» и «Современное слово» очень сердитые, так что черногорцы даже побаиваются.

— Вот вам, черногорцы! — говорит «День». — Примите, Христа ради, на бедность, по-братски. Уж очень вас любим. Вы, впрочем, помните, за что мы вас любим, отнюдь не забывайте: именно за то, что вы черногорцы, а не просто какой-нибудь другой народ, который защищает свою независимость. Мы вовсе не так, как «Современное слово», которое за это только и любит вас. Значит, оно вас вовсе не любит, потому что любит одну только отвлеченность, любит в вас только народ, который защищает принцип независимости. (Эка невидаль!) Конечно, защищать независимость хорошее дело. Мы с этим согласны и очень к тому же за вас радуемся, что у вас такой дух. Но ведь представьте, допустите, что вы были бы не черногорцы, то есть не братья-славяне, с которыми мы должны слиться со временем воедино (уж что ни говори «Современное слово», продолжает «День», а это будет!). Ну что бы вы тогда для нас значили? Просто были бы какой-то там народ, который отстаивает свою независимость, и больше ничего. Пожалуй, мы бы и тогда похвалили вас (впрочем, только в таком случае, если б вы были не немцы), но уж ворочаться, так как мы теперь для вас ворочаемся, из кожи лезть — морген-фри! не стали бы ни за что. Что нам другой народ! Отвлеченность! Это мы уж «Современному слову» предоставляем. Поверьте, черногорцы, что «Современное слово» — это такая газета, такая газета, что уж...

— Черногорцы! — перебивает «Современное слово», — не слушайте «Дня»: он фанатик, он вас развращает. Вот возьмите! Это всё, что мы могли собрать по подписке. Пожалуйста, без благодарности. Нам ведь, в сущности, собственно до вас мало дела. Нам принцип, принцип дорог, принцип, который вы защищаете; помните же: мы вам помогаем как народу, защищающему принцип национальности, и главное — независимости, а отнюдь не как черногорцам. Даже в настоящем случае (так как мы затеяли с этим сумасшедшим «Днем» эту стычку) даже жаль, что вы черногорцы. Даже досадно немного. Будь вы хоть негры, так, кажется, было бы лучше. Нам ведь всё равно, что вы, что негры; помните это. Нам принцип, принцип дорог, принцип! Ну, конечно, раса... Ну, там и то, что вы, так сказать, посредники ме-

жду нами и Европой...* Одним словом, мы это еще не совсем хорошо себе уяснили, что вы посредники-то, и так это вы там будете нашими посредниками... Всё это, конечно, вздор... Но ведь надо же было что-нибудь наговорить этому... багрянородному византийцу... то есть «Дню»... Ах, если б вы (хоть на этот случай только!) были не черногорцы, а какие-нибудь швейцарцы, тирольцы, баден-баденцы, англичане! Впрочем, нам всё равно; принцип главное! Да чего медлить? Цивилизуйтесь-ка скорей! Посылайте скорее в Европу ваших детей учиться. Мы, конечно, очень стоим за принцип национальности. Но ведь неужели ж думать, что национальность заключается в породе, в вере, в языке, в народных обычаях, в истории и пр. Так «День» только может судить. Национальность, по-нашему, это... это Европа; это — быть так же как и все, чтоб никакой то есть особенности не было ни в чем, ну и, разумеется, европейская свобода, европейский прогресс, то есть не простой, естественный прогресс, а европейский. Слышите, европейский! И свобода чтоб была европейская! Э-эх! делались бы вы поскорее хоть милордами, славно бы было! Бросьте ваши горы... Да что, право: сравнять бы их, да и дело с концом; ну на что вам они? Правда, в Швейцарии есть горы, в Тироле, пожалуй, тоже... Но ведь это особенность, это клеймо; это мешает общеевропейскому развитию. Принцип, принцип, принцип первое дело! Были бы милордами — и Катков бы вас похвалил. А ведь лестно, когда Катков похвалит, неправда ли? Тоже ведь европеец... Ну-ну, не хмурьтесь, не принимайте за насмешку, про Каткова-то; мы только так... Право, право, право жаль, что вы черногорцы! Досадно даже! Даже для того, чтоб только в пику этому «Дню»... чтоб его!

Стоят черногорцы в раздумье, раскрывши рты и расставив руки, и даже совестно им. Перед «Днем»-то еще не так совестно. «Это хоть и правда, — думают они, — что мы народ, отстаивающий свою независимость; этого скрыть нельзя, но зато ведь мы и черногорцы; а это всё выкупает. Ну, а относительно „Современного слова", так действительно совестно. Тут „черногорцы" ничего не выкупают. Правда, что мы действительно народ, отстаивающий принцип независимости, да ведь с народностью-то что будешь делать! Не спрячешь, не зароешь: как ни обернешь — всё черногорец. Э-эх! передрались бы лучше у себя дома да пришли бы к нам уж совсем готовые! Лучше бы было! А еще братьями называются! Теребят только в разные стороны. Ну вас совсем!»

Конечно, черногорцы, может быть, и поделикатнее бы выразились и не сказали бы: «ну вас совсем!» с первого разу. Они еще народ кряжевой, неотесанный и не привыкли к европейским развязностям нашей с.-петербургской литературы и цивилизованных наших изданий. У них еще покамест не передаются, с означением собственных имен, такие, например, советы, что,

* «Современное слово», № 86, статья «Возрождение „Дня"».

дескать, г-ну Разину советуем не так высоко расти, г-ну Бестужеву-Рюмину советуем мазаться колесной мазью после бани, или такие, например, остроты, что г-ну Водовозову надобно возить воду. У них еще верно не употребляются в печати такие печатные возражения, как например приведенное в «Экономисте» и сделанное одному из его сотрудников: «Если безобразие ответа отнести к ненормальности мозговых отправлений автора, то патологическое составление его близко к идиотизму, если бы башкирец наш учился не у муллы на медные гроши; обладатели такой логики посылаются в дом умалишенных; башкирец из Белебея может; для вразумления его надобно обратиться не к печатному слову, а к другим... более чувствительным средствам» и проч.

Всё это только останется памятником эпохи нашего с.-петербургского европеизма, эпохи, в которую «Современное слово» укоряло «День» за то, что он ругается с ним *по-народному*, и указывало при этом на «Journal des Débats» как на пример благовоспитанности. «Что, дескать, скажут про нас европейцы? И ругаются ли, например, так в „де Деба“?» Из наших европейских и цивилизованных газет «Современное слово», конечно, могло бы узнать, что и не по-народному можно так выругаться, как и народу иной раз не снилось. А в Париже хоть и не ругаются теперь по-нашински, зато ругаются *по-своему*, даже получше нашего, и, кроме того, кроме ругательств, там в газетах и без ругательств напишут иной раз так, что стошнит всякого порядочного человека. Но, впрочем, что до того, как скажут черногорцы? что нам и до парижских корреспонденций? У нас ведь свои дела...

Свои дела, да и много дела! К чему же, к чему, скажите, пожалуйста, добровольно себе связывать руки теоретизмом и исключительностью? Что за отпетое староверство с обеих сторон! Оба издания почтенные, достойные уважения, и, что лучше всего, — дельные; и вот идет между ними такая чехарда, — уж простите за выражение, а ведь это умственная чехарда и больше ничего. «Я, дескать, люблю человека без кожи, а я люблю кожу без человека» и т. д., и т. д. А обществу-то какая нужда во всем этом, подумаешь! Конечно, западничеству не растолкуешь его исключительности ни за что; только обругают за это, и больше ничего. С славянофилами тоже в этом смысле спорить нельзя, всё одно что воду толочь. Не за смысл, собственно, этих старинных теорий мы теперь и упрекаем их. Мы верим, что эти две наивнейшие и невиннейшие теперь в мире теории умрут наконец сами собою, как две дряхлые ворчливые бабушки в виду молодого племени, в виду свежей национальной силы, которой они до сих пор не верят и с которой до сих пор, по привычке всех бабушек, обходятся как с несовершеннолетней малюткой. Нет, не этих теорий боимся мы теперь, в настоящем случае, а пример худой нам был неприятен. Случилось дело, ну хотя бы эта подписка (маленькое, большое ли дело — ведь всё равно), — и тотчас в разлад, тотчас надо тянуть в разные стороны общество, тотчас теории там, где бы надо еще крепче соединиться...

‹ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА РОМАНА В. ГЮГО «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ»›

«Le laid, c'est le beau» [1] вот формула, под которую лет тридцать тому назад самодовольная рутина думала подвести мысль о направлении таланта Виктора Гюго, ложно поняв и ложно передав публике то, что сам Виктор Гюго писал для истолкования своей мысли. Надо признаться, впрочем, что он и сам был виноват в насмешках врагов своих, потому что оправдывался очень темно и заносчиво и истолковывал себя довольно бестолково. И однако ж, нападки и насмешки давно исчезли, а имя Виктора Гюго не умирает, и недавно, с лишком тридцать лет спустя после появление его романа «Notre Dame de Paris»,[2] явились «Les Misérables»,[3] роман, в котором великий поэт и гражданин выказал столько таланта, выразил основную мысль своей поэзии в такой художественной полноте, что весь свет облетело его произведение, все прочли его, и чарующее впечатление романа полное и всеобщее. Давно уже догадались, что не глупой карикатурной формулой, приведенной нами выше, характеризуется мысль Виктора Гюго. Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия, и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Это мысль христианская и высоконравственная; формула ее — восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. Конечно, аллегория немыслима в таком художественном произведении, как например «Notre Dame de Paris». Но кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в ко-

[1] Безобразное — тоже прекрасное (*франц.*).
[2] «Собор Парижской богоматери» (*франц.*).
[3] «Отверженные» (*франц.*).

тором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непочатых, бесконечных сил своих.

Виктор Гюго чуть ли не главный провозвестник этой идеи «*восстановления*» в литературе нашего века. По крайней мере он первый заявил эту идею с такой художественной силой в искусстве. Конечно, она не есть изобретение одного Виктора Гюго; напротив, по убеждению нашему, она есть неотъемлемая принадлежность и, может быть, историческая необходимость девятнадцатого столетия, хотя, впрочем, принято обвинять наше столетие, что оно после великих образцов прошлого времени не внесло ничего нового в литературу и в искусство. Это глубоко несправедливо. Проследите все европейские литературы нашего века, и вы увидите во всех следы той же идеи, и, может быть, хоть к концу-то века она воплотится наконец вся, целиком, ясно и могущественно, в каком-нибудь таком великом произведении искусства, что выразит стремления и характеристику своего времени так же полно и вековечно, как, например, «Божественная комедия» выразила свою эпоху средневековых католических верований и идеалов.

Виктор Гюго бесспорно сильнейший талант, явившийся в девятнадцатом столетии во Франции. Идея его пошла в ход; даже форма теперешнего романа французского чуть ли не принадлежит ему одному. Даже его огромные недостатки повторились чуть ли не у всех последующих французских романистов. Теперь, при всеобщем, почти всемирном успехе «Les Misérables», нам пришло в голову, что роман «Notre Dame de Paris» по каким-то причинам не переведен еще на русский язык, на котором уже так много переведено европейского. Слова нет, что его все прочли на французском языке у нас и прежде; но, во-первых, рассудили мы, прочли только знавшие французский язык; во-вторых, — едва ли прочли и все знавшие по-французски; в-третьих, — прочли очень давно: а в-четвертых, — и прежде-то, и тридцать-то лет назад, масса публики, читающей по-французски, была очень невелика сравнительно с теми, которые и рады бы читать, да по-французски не умели. А теперь масса читателей, может быть, в десять раз увеличилась против той, что была тридцать лет назад. Наконец — и главное — всё это было уже очень давно. Теперешнее же поколение вряд ли перечитывает старое. Мы даже думаем, что роман Виктора Гюго теперешнему поколению читателей очень мало известен. Вот почему мы и решились перевесть в нашем журнале вещь гениальную, могучую, чтоб познакомить нашу публику с замечательнейшим произведением французской литературы нашего века. Мы даже думаем, что тридцать лет — такое расстояние, что даже и читавшим роман в свое время может быть не слишком отяготительно будет перечесть его в другой раз.

Итак, надеемся, что публика на нас не посетует за то, что мы предлагаем ей вещь так всем известную... *по названью*.

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС

СТАТЬЯ СО СВИСТОМ, С ПРЕВРАЩЕНИЯМИ И ПЕРЕОДЕВАНЬЯМИ

В нашей литературе раздался недавно очень щекотливый вопрос, именно: «кто виноват?». Это «кто виноват?» крикнуло недавно «Современное слово», и его крик немедленно слился с бесчисленным хором тех голосов, которые давно уже спрашивают и справляются, кстати и некстати: «Кто виноват?» Кто ж, наконец, виноват? Статья «Современного слова» продолжалась четыре номера;* ее многие читали с жадностию; мы тоже с крайним любопытством прочли ее и все-таки не узнали, кто виноват. Мало того, нам показалось, что вопрос поставлен сбивчиво и что дело затемнено. Оговоримся: мы вовсе не хотели нападать на «Современное слово». Вопрос, конечно, поставлен неточно, но нам понятна и цель, с которой он так поставлен. Тут точность сознательно была пожертвована известному результату. Собственно, с этой точки зрения всё ясно. Но вопрос в том: можно ли таким способом достигать известных и заранее поставленных результатов? Достигает ли, наконец, статья какого-нибудь результата? Такой вопрос показался нам в своем роде любопытным. Мы соображали, подводили, решали и некоторую часть наших выводов хотим теперь сообщить нашим читателям. Но прежде всего изложим содержание статьи «Современного слова».

В последнее время раздавались повсеместно крики, обвинявшие нашу молодежь; раздаются и теперь. Худо то, что рядом с дельными, заботливыми вопросами нередко раздавались и предположения опасные, нелепые, вредные, которые были даже гораздо вреднее для самих обвинителей, чем для обвиненных. Нелепица подобных обвинений падает каждую минуту и со временем падет окончательно, а нелепость иных обвинителей перейдет в историю. Это хоть бы и ничего, в историю-то, но ведь и современное

* «Современное слово», №№ 99, 100, 101, 102.

мнение высказывается. Оно есть и теперь. Некоторые даже рады были приписать всё зло молодежи и, конечно, на этом одном не успокоились. Естественно, что тотчас же и сам собою, во всем обществе, возник вопрос: «Кто ж виноват? Кто наущал молодежь и с пути ее совращал?» Эти вопросы раздались и в литературе; посыпались яростные обвинения и обличения. Но замечательно, что из всех яростных особенною яростию отличались именно те, которые чувствовали, что у них самих рыльце наиболее в пушку. Опи искали виновных всюду, и вблизи и вдали, ругались, из себя выходили и кричали таким голосом, что их чуть не в Париже было слышно. К ним приставало всё более и более литературного народу (что ж делать, мода!), и еще педавно Николай Филиппович Павлов бросил всему этому народу, всему этому новому направлению и новому слову свое горькое слово проклятия, свой стих,

Облитый горечью и злостью,

то есть хоть и не стих, а прозу, но эта проза стоит стиха. Он говорит в своем объявлении об издании газеты «Наше время» в 63 году следующее: «В литературе и в настроении общества произошла перемена. Разные общественные вопросы выяснились. Теперь в нашем смысле говорят столько голосов, что мы боимся остаться назади и уступить им в рвении».

Такая филиппика от Николая Филипповича многознаменательна. Его обвиняют, что он ретроград. Нам кажется, что к Николаю Филипповичу такое слово как-то нейдет: не по носу табак. Впрочем, положим, что он и действительно ретроград, если судить его теперь сравнительно с его прежней деятельностью в то молодое прогрессивное время лет пять тому назад, когда роль прогрессиста сулила почет и выгоду. Но к обвинениям в ретроградстве он, кажется, совершенно равнодушен. Есть такие люди, которые не только не жмутся от иных обвинений, но от этого цвет лица у них становится лучше. По крайней мере, обвинения сходили с него, как с гуся вода. Разумеется, защита его одна, как и у всех в таких случаях: «говорю, дескать, по убеждению». Мы не спорим и о том, что г-н Павлов был убежден; даже обходим вопрос: чем именно он был убежден? Ведь нам лично никакого и дела-то нет собственно до г-на Павлова и его убеждений. Заинтересовало нас только теперешнее интересное его положение: вдруг такой человек, как он, начинает замечать, что многие, даже из тех самых, которые еще так недавно смотрели на него свысока, которые подчас изливали на него свою желчь, свой яд и насмешки, что те самые рвутся теперь взапуски, чтоб говорить и писать в том же тоне и духе, как он. Мало того, рвутся до такой степени, что он уже опасается, чтоб эта накинувшаяся вдруг толпа не оттерла его совсем от тех благ и плодов, которые он завоевал своим литературным талантом. Он боится за свою литературную идею, за свою литературную собственность; ею пользуются, ее расхищают, и вот, с горьким смехом он принужден

свидетельствовать, что он, он сам, боится отстать от новых литературных талантов, он! отстать!!! Разве это не стоит стиха, облитого горечью и злостью? разве это не демонический хохот из Москвы? разве это не монолог московского в некотором роде Гамлета над черепом Йорика, королевского шута:

«Ах бедный Йорик! Знал я его, Горацио; он был весельчак и умница. . .»

Шут Йорик, разумеется, представляет в этом случае русскую литературу. Весельчак! Умница! Даже сам г-н Краевский, наиневиннейший г-н Краевский, который вовсе никогда не бывал ни весельчаком, ни. . . ну и так далее,* даже и г-н Краевский и тот кричит в своем пискливом объявлении о «Голосе», что отказывается от республики, что он не хочет вторично впасть в ошибку, которую уже до него сделала Франция. Морген-фри, дескать, теперь уж не надуешь Андрея Александровича. Как будто он был надут и прежде! Как будто и прежде-то кто-нибудь стоял собственно за республику! Как будто собственно республики искала и добивалась Франция в сорок восьмом году? Как будто республики желает кто-нибудь и теперь! О невинность! о рутина рутин! Но. . . это всё покамест в сторону. Мы остановились на том, что повсеместно у нас раздались вопросы: кто виноват? Затем стали искать виноватых. Затем стали намекать, указывать, обличать. Ярость распространялась всё сильнее и сильнее; иных и не спрашивали, но они лезли сами. Иных обвиняемых, особенно таких, которые почему-либо не могли защищаться, окричали наиболее, даже с ругательствами. Всех злее в этом смысле работал профессор от литературы «Русский вестник» и его редактор г-н Катков. И вот теперь «Современное слово», занявшись окончательно формулированием и решением этого вопроса, выводит презабавную вещь: именно что г-н-то Катков и был родоначальником всех наших злокачественных увлечений; что он, он — главнейший преследователь виновных, так сказать, Немезида всех неблагомыслящих, сыщик и изобличитель преступников, совлекавших нашу молодежь с пути истинного, что он, этот самый г-н Катков и есть этот самый главный преступник; что он начал первый, что примером своим он расплодил и последних, что от него весь сыр-бор загорелся, что, наконец, и так далее, и так далее, и так далее. Надо отдать справедливость «Современному слову»: процесс г-на Каткова изложен чрезвычайно ясно, удовлетворительно, изобличительно и поразительно. С поразительною ясностию выводится, как еще в древние времена, во времена баснословные, тотчас же после осады Трои — виноват — Севастополя, начался «Русский вестник» в Москве. Общий дух всех русских был

* В своей литературной деятельности, разумеется; никогда не позволим мы себе коснуться частной жизни литературных деятелей наших, ибо она для нас священна.

тогда настроен и расстроен в высочайшей степени! Требовали реформ, заговорили о злоупотреблениях, решали колоссальные вопросы в один присест, преследовали г-на Владимира Зотова, решались докопаться до корня, откопать этот корень, и ничего не выкопали. Чтоб откопать этот корень, и начался «Русский вестник», с английским началом и пробором, в Москве

...Как правозвестник
Московских дум и английских начал.

«Современное слово» с необыкновенною последовательностию повествует, как «Русский вестник» соблазнил сначала всё поколение и всю молодежь развратной картиной английских начал, а уж потом начал проповедовать и московские думы. Затем «Современное слово» приступает к истории московских дум и проникает при сем даже в самую таинственную сущность вещей. Мало того, пускается в археологические изыскания, стряхая пыль с древнейших хартий, и цитует древнейших мудрецов, так сказать Гостомыслов «Русского вестника», а именно Николая Филипповича Павлова, г-на Леонтьева, г-на Байбороду и проч., и проч. Стряхнули даже пыль с мирно почивающих, но незабвенных статей г-на Громеки «О полиции вне полиции». Привели цитаты из «Биографа-ориенталиста» и «Чиновника» — статей драгоценных и наполнивших в свое время весь мир изумлением. Как жаль, что ничего не цитировали при сем удобном случае из замечательной статьи того же автора о дерзости и нелепости посыпанья песком московских тротуаров в июле месяце. Уж всё бы одно к одному! Наконец, к довершению картины, изображено было пространно и тоже с поразительной ясностью, как г-н Катков, столь заботящийся о сохранении невинности и нравственного целомудрия учащихся юношей, заботящийся об укоренении в их сердцах почтительности к профессорам и авторитетам и обличающий всех тех, которые лишь подозреваемы были в соблазне невинности этих отроков, — как этот же самый г-н Катков, единственно из удовольствия повредить профессору Крылову, помещал, допускал и поощрял в своем журнале статьи, которые именно вели к возбуждению юношества против их наставников и учителей, и тем самым зарождал скептицизм, цинизм и нигилизм в их сердцах, достойных лучшей участи. И так далее, и так далее, всего не пересчитаешь; одним словом, из четырех номеров «Современного слова» выходит ясно как день, что г-н Катков, выдающий теперь себя в некотором смысле за гения-хранителя нашего, грешнее того козла, на котором исповедывались древние евреи, а потом навьюченного грехами своими пускали в степь. Родоначальником всех вин и провинностей, всех прогрессистов и нигилистов наших, «Современное слово» выставляет г-на Каткова, великодушно щадя при сем случае товарища и сотрудника его, г-на Леонтьева. После всего этого ответ на вопрос становится ясен! Вопр. Кто виноват? Отв. Катков.

Вот беспристрастное и по возможности полное извлечение статьи «Современного слова».

Какой же вопрос зародился у нас после этой статьи? Мы упомянули, что и мы начали соблазняться многоразличными вопросами и привели один из этих вопросов: достигает ли такая статья хоть какого-нибудь результата? В самом деле: что руководило публициста? К какой цели стремился он? Неужели к одному только скандалу? Но ведь это всё равно, что искусство для искусства. А уж выше позора, как служить искусству для искусства, в наше время не существует.

Заметим, что мы уже не станем теперь распространяться о том, что сам по себе вопрос неясен и поставлен сбивчиво, хотя мы и упомянули об этом вскользь на первой странице и хотя матерья эта очень интересная. В самом деле, если уже сказано «кто виноват?», значит, несомненно признается существование «вины», а если признается существование «вины», значит, допускается и виновник как отдельное лицо, как единица. Так и делает «Современное слово», называя и допуская виновника. А это невозможно. Виновника при такой постановке вопроса найти трудно; тут можно еще, пожалуй, допустить зло, но не вину, следовательно, нельзя найти и первоначального виновника. В этом смысле г-н Катков в виновники не годится, — ни г-н Катков, ни Белинский, ни кто бы то ни был. В этом столько же, как и они, виноваты и Пушкин, и Фонвизин, и Кантемир, и Ломоносов. Пойдем дальше: столько же, именно столько же, если не больше, виноваты и Лаплас, и Галилей, и Коперник. Это дело — клубок. Тут, действительно, можно добраться до Аргонавтов, или по крайней мере до призвания трех князей варяжских, до сих пор неизвестно откудова.

Нам, может быть, и очень бы хотелось распространиться на эту тему побольше, но разные обстоятельства мешают на этот раз. К тому же нас особенно завлекает вышепоставленный вопрос о цели статьи «Современного слова», о чем мы уже и начали говорить. Мы упомянули о скандале; но мы первые и отвергаем эту причину. Статья слишком серьезно и горячо написана. Тут цель была другая. Какая же? Неужели «Современное слово» имело в виду подействовать на самого г-на Каткова лично, на его сознание, совесть, упрекнуть его, убедить его и вывесть на путь истинный? Нет, и такая цель была бы нелепою. Такие господа, как г-н Катков, не выводятся такими путями на путь истинный. Прием совершенно не тот. Но если и это не так, то не имело ли в виду «Современное слово» подействовать своими доводами на иных специалистов, чтоб им помочь и направить их при решении иных вопросов? Но, сколько мы можем судить, специалисты таких извещений в руководство не принимают и ими никогда не стесняются. Одним словом, чтоб не перебирать всех наших догадок, скажем одно: мы остановились на единственно возможной причине, а именно: цель «Современного слова» была — донос

публике. Так-таки формальный донос, для настоящего и полного обличения настоящих виновников дела, виновников, разумеется, в смысле «Современного слова». Такие доносы и извещения, разумеется, сами по себе допускаются, потому что представляются всей публике. Они — гласность, обличенье, они даже иногда необходимы. Представляется характер и образ деятельности известных лиц, верно рисуется эта деятельность, выводится абсурд и зазор этой деятельности и всё это, по возможности, освещается бенгальским огнем, для удобства рассматриванья.

Но если и так, что же выходит и из этого? Неужели в самом деле «Современное слово» работало только для того, чтоб изобличить г-на Каткова лично и выставить всю его суть. Но если так, то, по-нашему, оно оказало г-ну Каткову даже услугу. Вопрос теперь именно так поставлен, что г-н Катков имеет превосходный предлог отвечать на него со всеми выгодами на своей стороне, между прочим и потому, что вопрос задан ему в самом крайнем виде:

— Ты виноват? признавайся.

— Кто, я виноват? — может спросить г-н Катков. — В чем? в том, что от меня сыр-бор загорелся? — Хорошо, пусть; но ведь я раскаялся. В том ли, что я преследую теперь моих же последователей? Но чем же другим мог бы я сильнее заявить мое раскаяние, заявить поворот в моих убеждениях? Преследую зло — значит, ненавижу его; преследую моих же последователей — значит, преследую самого себя за прежнюю деятельность. В том ли, что я переменил убеждения, но...

Но тут нам внезапно представилась другая картина. Это было виденье, сон, мечта, что угодно, но факт тот, что она нам представилась. Пред нами явилась величественной архитектуры комната, блистательно освещенная огнями. Что это: клуб, манеж, парламент? Нет, это не парламент; пьют и едят, а в парламенте только говорят. Длинные столы тянутся через всю комнату, а за столами сотни гостей. Это, верно, какой-нибудь обед по подписке, что-то торжественное, клубное, пахнет митингом. Кушать кончили, по по британскому обычаю всё еще пьют. Вдруг подымается издатель журнала и просит слова. Он желает сам перед почтенным собранием изложить свое дело; он хочет объясниться; он говорит, что его принуждают к тому его обвинители (слушайте, слушайте!), он присовокупляет, что их находится немало и в числе гостей... (шум), что вся Москва, а следовательно, и вся планета интересуются решением вопроса. (Слушайте, слушайте!) Он хочет сказать речь... (браво, bis!) Раздаются вопли одобрения и радости. Поспешно назначается президент (лицо без речей и занимающееся римскими древностями), воздвигается трибуна. Оратор всходит на нее с торжественною важностью. Он бодр, в лице его сияет самоуверенность; несколько насмешливая, но чрезвычайно идущая к делу улыбка бродит на губах его. Он прилично щурит глаза, пытливо обводит взглядом всё общество

и несколько минут наблюдает молчание. В это время усилиями президента и нескольких джентльменов, его помощников, молчание и тишина восстанавливаются. Взоры всех жадно устремлены на оратора. Он начинает:

«Милорды и господа!

Я намерен говорить о себе. Меня побуждают к тому мои обвинители. Не думайте, впрочем, что я хочу защищаться, оправдываться. О нет! Я просто хочу поговорить о своих делах, так, после обеда, так сказать, за бокалом вина. Очень приятно говорить о себе в таком почтенном собрании. Но не думайте, однако же, что я особенно люблю говорить о себе. Не скрою, я самолюбив и очень люблю помечтать иногда о своем значении и о своей славе. Но говорить, — о, я говорю только в редких случаях, когда надо, так сказать, выпалить из пушки, когда надо раздавить, скосить, уничтожить. И я раздавливаю, скашиваю и уничтожаю. Но к чему скрывать? Признаюсь вполне: если я взошел теперь на эту трибуну и объявил, что начну говорить о делах моих и о себе лично, то единственно в том убеждении, что таким разговором доставлю необыкновенное удовольствие всему почтенному собранью. (Шум.) Скажу более: я уверен, что с тех пор, как стали существовать на свете собранья, клубы, парламенты, митинги и проч., не было и не будет предмета более интересного, любопытного, важного и благородного, как тот, о котором я намерен сейчас повести речь перед почтенным собраньем.

(Начинается страшный шум. Несколько сот членов собранья ревут во всё горло. Президент тщетно звонит в колокольчик. Шум не умолкает. Во всё это время оратор гордо стоит в благородной позе и снисходительно улыбается. Он не сердится за шум и как бы любуется им; он уверен в победе. Левая рука его опирается на стол, правая заложена за жилет. Но в собраньи чрезвычайно много приверженцев и обожателей оратора. Мало-помалу они одерживают верх, и шум затихает. Несколько ярых прогрессистов с левой стороны еще долго не могут успокоиться. Особенно отличается своим волнением один джентльмен из нигилистов, с растрепанными волосами, крайний левый. Он решительно не может успокоиться. Оратор прикладывает к глазу стеклышко и минуты две его рассматривает как букашку. По-видимому, это выводит противников его из последнего терпения. Раздаются возгласы: «Ретроград! отступник! милорд!» Но молчание все-таки наконец восстановляется, и оратор продолжает, уже уверенный в победе.)

Милорды и господа! Я совершенно был уверен, что вы затеете из-за моих слов шум, и вовсе не сержусь за него. Не думаю, решительно не думаю, чтоб я хоть чем-нибудь мог нарушить законы парламентских форм. Они для меня священны. Прошу вникнуть в дело: я признаюсь, что очень уважаю себя и считаю свои интересы выше всего на свете. Но разве найдется здесь хоть

один нобльмен, из всего почтенного собранья, который бы не уважал себя и не считал своих интересов выше всего на свете? Что же, если я, сверх того, признаюсь, что не только люблю и уважаю, но даже несколько обожаю себя? Скажу более: я даже желаю, чтоб все обожали меня, и считаю, что это только мне должное. Обращаюсь опять к почтенному собранью: есть ли здесь хоть один нобльмен, который бы не желал себе того же самого? Вся разница в том, что я говорю об этом публично, а другие нет, потому что не умеют говорить о себе публично. Но, во-первых, почему же не говорить об этом публично? Всякий британец имеет привилегию оригинальности. Я хочу говорить то, что думаю, и уверен, что, выражая мнение о важности моей особы и моих интересов, не только не манкирую перед почтенным собранием, но даже делаю ему честь моею снисходительною откровенностью».

Голос с правой стороны (*сквозь зубы*). Остроумно и... и... и забавно.

Другой голос. Чувства настоящего британца.

(Лицо оратора выражает ощущение удовлетворенного самолюбия. Собранье, очевидно, склоняется, в огромном большинстве, в его пользу, а на левой стороне ропот усиливается. Начинают кричать: «Без лишних слов, без фразерства! к вопросу, к вопросу!»)

Оратор. Начну с необходимых объяснений. Я даже занимался литературой. Я перевел «Ромео и Джульетту», я написал еще одну статью, кажется о Пушкине. Я писал еще... но, право, я уже забыл, об чем я писал. Тем не менее мне очень хотелось быть известным. К чему ложная деликатность: я откровенно считал себя и считаю выше всех моих современников. Надеюсь, что никого не оскорбляю в почтенном собраньи. Но случая для меня не было. Он наступил во время нашего всеобщего обновления. Я затеял тогда мой удивительный журнал и пустил в ход английские начала. Само собою, что я тотчас же завоевал значение, деньги и бессмертную славу. И вдруг, теперь, несколько странных джентльменов (не скажу жалких, хотя и сожалею о них) объявляют... намекают... одним словом, вздумали нафискалить на меня публике и доносят, что я веду дела свои по последним вопросам не совсем... как бы это выразиться понятнее... одним словом, будто бы не совсем честно.

Разъяренный нигилист с левой стороны (*громким голосом*): Совсем нечестно!

(Ропот пробегает по собранью. Оратор несколько смущается от такого прямого и громкого восклицания. Улыбка, впрочем, не сходит с уст его. Разъяренный член, чувствуя, что совершил подвиг, смотрит на него отчаянно, прямо в упор. Воцаряется глубокое молчанье. Все ждут с напряжением, чем разрешится ссора.)

Оратор (*сдержанным, но глубоко внушительным голосом*). Я не вслушался и желаю, чтоб почтенный член повторил слова свои.

Нигилист (*громовым и страшно внушительным голосом*). На вашу уклончивую фразу: «Не совсем честно» — я возразил, что совсем нечестно! Ну, что вы на это скажете?

Оратор. В таком случае я принужден обратиться к нашему почтенному спикеру и препоручить ему спросить у почтенного члена, в обидном или не в обидном для меня смысле сказаны слова его?

Нигилист. Пусть понимает как хочет, в каком угодно смысле.

Оратор. При всем уважении к почтенному члену, я не могу удовлетвориться его ответом и потому принужден снова утруждать высокородного спикера. Я желаю положительно знать: в обидном или не в обидном смысле сказаны были слова почтенного оппонента?

Нигилист (*сверкая глазами и стукнув кулаком об стол*). В обидном! и жалею, что не могу еще сильнее выразиться.

(Сильный шум. Нигилист вскакивает с места, как бы не помня себя от ужаса. Оратор, хотя несколько бледный, еще раз спокойно обращается к спикеру.)

Оратор. В таком случае я должен особенно просить уважаемого друга моего передать почтенному оппоненту, что я, к величайшему моему сожалению, должен буду немедленно упомянуть о четвертаке, внезапно пропавшем со стола редакции.

(Неистовый шум. Оппонент в высшей степени ярости. Его успокаивают всеми средствами. Кричат со всех сторон, что он мешает, что чрез него может прекратиться речь, чтоб он убирался вон. «Вон его, вон!» Прогрессисты на этот раз уступают. Оратор пытливо и с достоинством оглядывает собранье.)

Нигилист (*в волнении с видимым отвращением*). Я говорил не в обидном, а во всеобщем смысле.

Оратор (*с поспешностью*). В таком случае я объявляю почтенному члену, что, с своей стороны, готов взять назад вопрос о внезапно пропавшем четвертаке.

Нигилист. Отвяжитесь с вашим четвертаком!.. Я говорил не в обидном, а во всеобщем смысле и... и довольно с вас!

Оратор торжествует и объявляет, что он совершенно доволен; он предлагает даже выпить с почтенным оппонентом рюмку вина. Оппонент что-то рычит про себя в знак согласия. Подымают бокалы, выпивается вино. Спокойствие восстановляется совершенно. Оратор продолжает внушительным голосом, ударяя на каждом слове:

— Итак, я говорил, что несколько странных, скажу более, — жалких (язвительно смотря на нигилиста), вредных, сумасшедших крикунов (надеюсь, что слова мои не могут быть приняты за личную обиду почтенным оппонентом) вздумали стоять на том, что будто бы я поступаю теперь не совсем честно. Да, не совсем честно; я стою на выражении, хотя, может быть, оно всё еще не имеет счастья нравиться почтенному джентльмену. Но на чем же

основываются их обвинения? Во-первых, если я и проповедывал английские начала, то кто же уверил их, что и поступать буду по этим началам? (*Смех.*) Но это в сторону. Это только вопрос о свободе личности и действий. Признаюсь, я до такой степени презираю всех моих обвинителей, настоящих и будущих, что никогда не соглашусь сделать им честь защищаться перед ними. И если говорю теперь перед таким почтенным собраньем, то единственно для того, что сам хочу позабавиться. Наш митинг дело семейное, и я уверен, что ни одно слово, произнесенное здесь, не перейдет за эти двери. А впрочем, мне всё равно... (Кое-где раздаются крики одобрения: «Слушайте! Слушайте!»)

Нигилист ворчит заглушенным голосом: «Да ведь это маскарад... Мы не в Англии... шутовство!»

Оратор. Продолжаю со всем достоинством, которым я обязан самому себе. Во-первых: утверждают, что будто бы я изложением английских начал развратил общество и особенно юную часть его, что я возбуждал... и проч., и проч. Это мне просто смешно. Обхожу на время вопрос о возбуждении общества и займусь его «юною частию», то есть школьниками. Точно никто не знает эту юную часть, точно никто сам из них не был юным и не помнит, как развивается юношество, особенно на нашей почве! Но разве можно что-нибудь скрыть от нашего юношества, от этих не сформировавшихся, но вострых, пытливых, скептических умов? Замечательно, что всё наше юношество полно скептицизма и недоверия к авторитетам. Это, кажется, закон нашей почвы. Но кому они вверятся, кто заслужит их уважение, за тем они идут с энтузиазмом. Признаюсь, мне некогда было заслуживать их энтузиазм к моей персоне. К тому же пришлось бы, пожалуй, заслуживать средствами неприличными моей особе, моему значению в свете, моему достоинству. Фамильярности и всего этого прочего я не терплю; а все эти нравственные равенства, духовные братства и проч., и проч. — всё это уже фамильярность. Тем не менее я желал поклонения, хотя бы и от этих бестяглых мальчишек. Я вообще люблю поклонение. Я люблю его даже от тех, которых в высшей степени не уважаю и презираю. Я слишком горд, чтоб скрывать что-нибудь в этом случае перед почтенным собранием.

Нигилист. Да мы не в Англии! что вы? Вы просто заигрались.

Оратор (*с презрительным взглядом на нигилиста и делая намеренно вид, что подавляет насмешливую улыбку*). Продолжаю: я надеялся, что у меня достанет ума, чтоб овладеть нашими юношами без большого труда. Но они увлеклись в другую сторону и пошли за моими последователями. Так и должно было быть; я тотчас же увидел, что этот труд потерянный да и, собственно, выгоды приносит немного. Школьниками можно всегда овладеть, хоть бы и розгой. (Браво, браво!) Кажется, моему почтенному оппоненту розги не нравятся? (*Язвительно смотрит на нигилиста, тот отвечает ему тем же*). Итак, я предпочел заняться

самим обществом, о чем и поведу теперь речь перед почтенным собранием. Положим, я п действовал на него английскими началами. Но, во-первых, я остановился на известном пункте. Разумеется, я во всё время поступал и поступаю чрезвычайно ловко, так что сначала все думали, что я никогда не остановлюсь в прогрессивном движении; но вольно ж им думать! Тогда поднялись разные общественные вопросы. Мы разрешили их в известной степени и в известном виде представляли свой идеал. Мы знали, что мы могли это делать, и пользовались обстоятельствами! О том, о чем мы говорили, можно всегда говорить, и мы это знали. Иначе надо уничтожить и математику, и железные дороги, и инженеров, и всё. Ну, я и трактовал до известной степени об известных матерьях. Кто ж виноват, что они сунулись дальше? Чем в этом случае я зачинщик? Я остановился на известной точке и знать ничего не хочу. (Браво!) Кто мне велел идти дальше? Какое мне дело? Мы в стороне. Мало того, мы должны преследовать их, обвинять их для нашей же пользы, для нашего самосохранения. Это вообще выгодно, даже во всех отношениях. А я люблю выгоду во всяком случае и прежде всего придерживаюсь практической стороны во всех обстоятельствах. (Страшные аплодисменты. Левая сторона выражает сильное беспокойство.)

Оратор (*продолжая с наслаждением*). Сейчас я сослался на практицизм. Практицизм — свойство всякого истинного британца. Но сознаюсь с гордостью: есть один пункт, на котором я страшный идеалист, и даже, при случае, готов пожертвовать и практической стороной дела. Этот пункт — собственное мое самолюбие. Не советую в этом случае раздражать меня. Тут уж я не смотрю на выгоды, и рука моя, готовая всегда пожать дружески руку моего обожателя, — рука моя всегда и везде найдет непочтительного к моим достоинствам. Будь он хоть под землей, за морями, я достану его везде и задам ему такой бокс, что до новых веников не забудет! Вот этим-то самолюбием и объясняется вся моя литературная деятельность. Из самолюбия я и журнал основал. Я хотел первенствовать, блистать и покорять.

Я ввел английские начала. Расскажу вам откровенно, как было дело: английские начала для нас тем хороши, что тут и то, и другое, и третье, и парламент, и пресса, и присяжные и т. д., и т. д., а тогда, с непривычки, всё это было как-то особенно соблазнительно, все этим бредили, начинали с азов; я очень хорошо знал, до чего дойдут.

Николай Филиппович (*с своего места*). Или лучше ни до чего не дойдут.

Оратор. Я совершенно согласен с высокородным баронетом и очень благодарен за его замечание... Итак, я очень хорошо знал, до чего дойдут; но как же было не воспользоваться случаем? К тому же английские начала — это для нас, не совсем приготовленных (то есть я, разумеется, говорю о публике; я-то приготовлен), ну-с, это для нас есть до такой степени что-то неуловимое,

растяжимое — и свободой пахнет, и аристократическим элементам льстит, — до такой степени способное, в крайнем случае (то есть когда припрут к стене), к переливанию из пустого в порожнее, что невозможно было упустить случай и не схватиться за них. Наконец, и то, что эти начала способны вполне отвлечь общество от начала народного, национального, а я его терпеть не могу (браво, браво, yes, yes![1]). Скажу более: я ненавижу его. Я уже объявил раз, что даже самой народности не признаю, и очень был рад, когда петербургские передовые ревели со мною заодно во всё горло и называли ретроградами тех, которые стоят за народ и признают его самостоятельность, то есть желают освободить его от будущего, вторичного, нравственного крепостного состояния, от будущей опеки иностранных книжек, от всех говорунов, желающих его осчастливить, отняв у него наперед самостоятельность и свободу. Все эти крошечные Петры Великие возбуждали во мне ужасный смех, но я рад был за них: пусть идут вперед, думал я, пусть идут; пусть идут! (Смех и крики одобрения.)

Нигилист. Вздор! болтовня!

Оратор (*сияя самодовольством и намеренно не замечая нигилиста*). Но я отвлекся. Я сказал, что в России английские начала вообще имеют нечто обаятельное. В Москве же они популярны. Не помнит ли кто из почтенных джентльменов князя Григория, того самого, о котором упоминает поэт в своей комедии, в разговоре Репетилова с этим бестолковым Чацким (впрочем, превосходным и истинным джентльменом)

Во-первых, князь Григорий,
Век с англичанами, вся английская складка;
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.

Я знал этого превосходного и незабвенного noбльмена, князя Григория. Он даже занял у меня книгу, которую и забыл отдать; но я уже давно простил ему это. Он тоже стоял на английских началах. Те же, которые *шли* далее его, ушли потом очень далеко. (Смех, браво, браво!) Князь Григорий испугался и уехал в свою деревню. Помню, я видел его потом в деревне, в его развалившемся деревянном замке. Он разорился и носил стеганый ватный халатишка, хандрил, кис и расправлялся на конюшне с своим камердинером Сенькой, ходившим в сюртуке с продранными локтями. От английских начал почти ничего не осталось. Вся английская складка исчезла безвозвратно. И после этого обвиняют меня, что я развращал общество? Я очень хорошо знал, что английская складка у нас в Москве, когда доходит до дела, исчезает тотчас же и безвозвратно. Разумеется, я сам смотрю на дело неизмеримо серьезнее... гм... да, я всегда уважал Великобританию... (браво, браво, yes, yes!) Я только в том смысле сейчас

---

[1] да, да (*англ.*).

говорил, что за нее уж никак нельзя обвинять в развращении. Почему ж не позабавиться этой складкой, когда она так невинна и прилична? Конечно, общество требовало обновления серьезного. Но на первых порах и англомания могла послужить. Я и употребил ее в дело. В англомании есть и еще одно драгоценное свойство (о боже, сколько в ней драгоценных свойств!) именно: она — дело готовое, устроенное, оконченное. Говоришь, проповедуешь и, разумеется, ни одной йоты не уступаешь из своих убеждений (именно потому, что ничего уступить нельзя, ничего изменить, потому что всё без нас уже сделано, а мы-то форсим и куражимся над готовым! одним словом, дело цельное и устроенное). А тем самым вы тотчас же достигаете двух выгод. Во-первых, прослываете крепко убежденным и стойким, потому что ничего не уступаете, а во-вторых, можно проповедывать без конца, а на деле...

Нигилист (*с левой стороны*). Ни с места!

Оратор. Именно ни с места! я совершенно согласен с джентльменом.

Нигилист. А еще лучше два шага вперед, а три назад.

Оратор (*с некоторой злобой*). Я вдвойне согласен с почтенным джентльменом, который любит так часто меня прерывать, и благодарю его за его замечание.

Почтенный ноблымен (*с правой стороны*). Два шага вперед и три назад, это значит ровно один шаг назад.

Оратор (*нетерпеливо и не без иронии*). Я совершенно согласен с высокородным маркизом и нахожу догадку его чрезвычайно остроумною. Но продолжаю...

Президент (*прерывая оратора*). Так как пошло на перерывы, то и я осмелюсь позволить себе одно замечание. Высокородный лорд и почтенный друг мой, вероятно, позволит ему заметить, что он отчасти на себя клевещет. Теперь он выпил несколько бокалов вина и увлекается некоторыми великосветскими замашками. Он, видимо, форсит перед нами и ставит себя гораздо хуже, чем он есть на самом деле. Надеюсь, благородный друг мой не рассердится за мое замечание. Подымаю этот бокал за его здоровье и считаю за честь во всеуслышание провозгласить, что благородный лорд искал истинной пользы при основании своего журнала и уже многократно заявлял себя самой разнообразной полезной деятельностью. (*Хнычет от умиления.*)

Николай Филиппович (*с своего места*). Мне хочется сделать одно сравнение по вопросу о полезной общественной деятельности. В нашем детстве, я думаю, мы все любили играть с котятами. Если привязать бумажку к ниточке и дергать ее перед котенком, он начинает ловить ее. Потом раздражается, увлекается игрой и наконец совершенно принимает ее за настоящую мышь, ловит ее, грызет, теребит лапками. Вот точно так же бывает и с нами по поводу этой общественной пользы. Мы большею частью эгоисты (и это прекрасно), люди положительные и само-

любивые. Я не про нас одних говорю; я говорю про весь свет, про всех без исключения, даже про самых передовых наших прогрессистов. Ну кто из нас, в самом деле, способен увлечься общественной пользой? Что до меня, так я даже убежден, что заботы об общественной пользе и быть не может ни у кого на свете, да никогда и не было; всё это обман и надуванье, но надуванье превосходное и необходимое; оно закон природы. Но несмотря на это, при случае, мы, действительно, можем увлечься игрой, как и тот котенок. При всех начинаниях наших мы уверяем публику, что стремимся к ее пользе и даже готовы за нее свою жизнь отдать. Так как у нас бывают всегда и конкуренты, то мы до того иногда раздражаемся и увлекаемся этой игрой, что наконец даже самих себя уверяем, что служим общественной пользе, что хлопочем только о ней и что она-то и есть венец всех наших желаний. Так ли я говорю? Обращаюсь к совести всего почтенного собрания и спрашиваю: есть ли хоть один джентльмен на свете, который поступал бы иначе? Впрочем, предупреждаю, мне даже приятнее будет, если вслух со мной никто не согласится. Это будет гораздо приличнее. А формы приличия — это всё, самое главное. Все мы ведь такая дрянь (я говорю про всех, то есть, пожалуй, хоть про всё человечество), что не будь этих спасительных форм, мы бы тотчас же передрались и перекусались. И потому блаженно общество, которое выжило себе эти формы, остановилось на них и умеет их отстоять. Я за формы. Но вся беда, что мы, русские, еще до них не доросли. Что же касается до мнения моего об общественной пользе, то я в нем убежден совершенно.

(Громкий крик одобрения. Но прогрессисты вскакивают с мест своих и неистово протестуют. Многие кричат, что готовы сейчас на костер за свои убеждения. Им отвечают с правой стороны: «Что костер! и костер из самолюбия, всё из самолюбия!» Шум продолжается долго, наконец мало-помалу стараниями президента видимое спокойствие возобновляется.)

Оратор. Милорды и господа! Я торжественно объявляю, что совершенно согласен с высокородным баронетом, сделавшим свое остроумное замечание о бумажке и котенке. Да, в основание всеобщей пользы полагается всегда наша собственная. Это совершенно согласно с личным началом, то есть началом западным, а следственно, и британским, в противоположность началу стадному, общинному, которого я никогда не пойму. Кстати, по поводу чисто личной выгоды: припоминаю теперь одно бессмысленное обвинение, которое воздвигают на меня мои оппоненты. Говорят, что будто бы я, когда-то преследуя моим гневом и сарказмами одного профессора, старался повредить его авторитету даже в стенах аудитории и тем самым нарушал в студентах уважение к профессору. Но это дичь, совершенная дичь! Разве я того именно добивался, чтоб искоренить в студентах уважение к профессору и вообще к авторитету наставника? Я просто был увле-

чен самолюбием, положим раздражительным, мелким (я слишком горд, чтоб скрывать это); но мне надо было излить свой гнев на профессора, и я не остановился даже и перед аудиторией, потому что в таких случаях не останавливаюсь ни перед чем. Я не пощадил юношей, говорят мне. Но что значат для меня юноши, когда меня самого задевают? Зачем они сами подвернулись мне на дороге! (yes, yes, браво! браво!) Развращал, возбуждал, возмущал! Но это смешно и противно. Кроме того, что вы уже знаете мой взгляд на юношество и мое мнение, что они и без наших возбуждений и развращений всё видят и понимают насквозь, кроме этого, спрашиваю вас окончательно: хотел ли я их возбуждать? У меня было в виду только доконать профессора, и я доконал его! (Вторичные аплодисменты).

Голоса с левой стороны. Это, наконец, несносно! всё только о себе! К делу, к делу!

Оратор. Кстати, насчет возбуждений. Вот уже более месяца как высокородный маркиз Андрью выпустил свое объявление о новой газете «Умеренный басок». Но после этого и этот почтенный ноблмен возбуждает общество? Посмотрите, в объявлении сказано:

«Мы верим, что хорошие учреждения способствуют к развитию в обществе гражданских доблестей, но вместе с тем убеждены, что даже наилучшие учреждения останутся мертвою буквою, если само общество будет равнодушно к делам общественным. Деятельная инициатива самого общества необходима.

Вследствие этого, мы, с своей стороны, постараемся постоянно и настойчиво возбуждать деятельность общества на таких предметах, которые указаны ей законом» и т. д., и т. д.

— Слышали? Он хочет, да еще *постоянно и настойчиво* возбуждать общество к деятельности и когда же? Теперь, теперь, когда мы не знаем, куда деваться от деятелей и от жажды деятельности? А он еще возбуждать хочет? (Смех.) Положим, уважаемый маркиз написал это от невинности...

Голос с правой стороны. Позвольте! Высокородный лорд, очевидно, забывает, что высокородный и уважаемый маркиз говорит о деятельности, указанной законом. Следственно, тут возбуждение иного рода.

Оратор. Я ничего не забываю. Но все-таки не могу понять объявления.

Николай Филиппович. Я совершенно его понимаю. Маркиз, конечно, говорит о гражданских и военных чиновниках и хочет их возбуждать к лучшей деятельности, то есть чтоб они служили верно и прилежно и т. д., и т. д. Одним словом, это тирада из прописей, чтоб чем-нибудь наполнить объявление. Впрочем, иначе и понять нельзя.

Оратор. Во всяком случае, я хотел только поставить на вид, как легко можно злоупотреблять словом «возбуждение». Но оставим это. Я...

Гневные голоса с левой стороны. Да кончите ли вы наконец! всё я да я! Это несносно! к вопросу! к вопросу!

Оратор. Джентльмены, я полагаю, что нахожусь в самой сущности вопроса. Я защищаюсь, или, лучше сказать, забавляюсь анализированием всех способов, которыми могу защищаться. Это, так сказать, игра... И так как, собственно, меня она забавляет, то надеюсь, что и почтенное собрание с удовольствием меня слушает (Yes! yes!). Я именно хочу рассмотреть тотчас же еще один способ к моей защите. Неловкие враги мои оборачивают па меня теперь мое же оружие и хотят меня добить упреками в неблагонамеренности. Но уж если на то пошло, то с этой точки зрения мои способы к защите великолепны: вы доказываете, друзья мои, что я теперь то и то, но что я сам был неблагонамерен и возбуждал... Но, боже мой, ведь это было, да сплыло. Теперь я благонамерен и не возбуждаю. Я одумался, я воротился (хотя я никогда не возвращался, а всегда стоял на той же точке, как и теперь. Вольно ж было им самим еще сначала меня выпихнуть на такой пьедестал. Но это только способ защиты). Я принес, наконец, богатые и сладкие плоды:

С плодами сладкими принес кошницу Тавр.

Наконец я...

Николай Филиппович. Я тоже принес плоды, но за мой десерт рассчитываю на весь обед.

Оратор. Кричат: зачем я не объявил, что изменяю убеждения? Смешной вопрос. Но если вы и без того заметили, что я их изменил, к чему ж объявлять? И однако же, в чем и когда я их изменил? повторяю, я точно таков же, как и был в самом начале. Но положим еще раз, что я изменился. Кричат, что я преследую тех, которые пошли дальше меня. Но, во-первых, чем же иначе я бы мог заявить мои новые убеждения? А во-вторых, я именно преследую их за то, что они пошли дальше меня.

Голоса. Браво, браво, ловко, хорошо!

Оратор. Но я всё насчет этих убеждений, милорды. Признаюсь, подчас меня это даже начинает бесить: все с убеждениями! у всех какая-то мода, какая-то ярость убеждений. И всё это шарлатанство и вздор!

С левой стороны. Не вздор! не вздор.

Нигилист (*с левой стороны*). Нет! здесь невозможно сидеть; я уйду!

Оратор. Кстати, я намерен еще раз повеселить почтенное собрание. Тот же самый высокородный маркиз, о котором мы сейчас говорили, подписался и под другим объявлением вместе с одним чрезвычайно почтенным и уважаемым ноблъменом. Они оба издавали и продолжают издавать вместе один известный своею древностию толстый журнал «Старухины записки». Вот слово в слово тирада из объявленья об издании этого журнала в будущем году. Всё это по поводу убеждений:

«Вопросы общественные, политика внешняя и интересы литературные и исторические — вот главные предметы, которым обыкновенно посвящены все периодические издания, ежемесячные, точно так же, как и ежедневные. Если газета преимущественно следит за интересами дня и летучими известиями, то журнал, *по нашему глубокому убеждению*, должен быть преимущественно посвящен более подробному, менее торопливому рассмотрению вопросов, возникающих в жизни. Иначе какая же его цель при существовании ежедневных газет, гораздо раньше овладевающих событиями, фактами?»

— Что ж и это убеждение, что ли? Оба думали целый год и выдумали удивительную новость: что газета говорит только про ежедневные новости, а журнал за весь месяц. Да еще уверяют, что это их *глубокое убеждение*. (Смех.) Это какая-то мода на убеждения, мания...

Николай Филиппович. А я так просто думаю, что это сатира. Оба ноблъмена хотели написать пародию на современные объявления.

Почтенный ноблъмен (*с правой стороны*). Непременно... Высокородный маркиз очень остроумен... когда захочет.

Оратор. Совершенно готов согласиться с высокородным ноблъменом, сделавшим это замечание, но уж если пошло на примеры, то я приведу сейчас один из замечательнейших примеров неловкости врагов наших. В журнальном мире существует один джентльмен...

Голоса с левой стороны. Но вы злоупотребляете терпением нашим! К вопросу, к вопросу!

Оратор (*с досадою*). Джентльмены, я убежден, что я нахожусь в самом центре вопроса и продолжаю...

Голоса с правой стороны. Yes, yes, всё это очень забавно.

Оратор. Я знаю, что это забавно. Случай, который я хочу рассказать, имеет даже некоторое сходство с моими собственными обстоятельствами (браво! браво!). Итак: в журнальном мире существует один, впрочем весьма почтенный джентльмен, издающий один журнал с весьма мрачным направлением. Человек он ловкий, а потому выезжает на благонамеренности. Враги его отыскали, что когда-то у него была какая-то Лурлея, полногрудая Лурлея, к которой он писал в свое время стишки...

Один голос. Ах это тот... как его... из кувыркателей.

Оратор. Совсем не из кувыркателей. Почтенные члены ошибаются положительно: вовсе не из кувыркателей и трясучек. Именно на благонравии он и основал свою защиту. Я хочу показать, на какую подходящую для него же самого точку опоры его ставят враги его. Откопали они эту Лурлею и ужасно обрадовались. «А! так вот как! Толкуешь о благонравии, а у тебя Лурлея была полногрудая». — «Да что ж такое, — мог бы отвечать им издатель мрачной газеты, — что ж такое, что была. Она была,

а теперь и нет. Чем же может такой случай поколебать направление моего мрачного журнала? Да тем паче (я увлекаюсь и говорю даже слогом почтенного журналиста), тем паче, что она была. Тем явственнее спасение мое, ибо утопал в смрадной нечистоте, а теперь прозрел и просиял. Тем внушительнее обращение мое, и тем паче оправдалось то, что обратило меня. Что тычете вы мне теперь сию Лурлею? О моего окаянства! О смрада бесовского! Да пусть я похотствовал с Лурлеей за ее полногрудие. Но теперь ее нет, и неужели вы, окаянные невегласи, не видите, что тем паче слава спасения моего объявляется?..»

Голос с правой стороны. Да, пожалуй...

Дряхлый, козлиный голос (*оттуда же, от дряхлого джентльмена с вставными зубами*). И... и... пол-но-грудая?

Оратор. На этот счет, к сожаленью, я не могу доставить почтенному виконту точнейших сведений. Но однако же, милорды и джентльмены, не похож ли хоть отчасти этот случай на мой? Я тоже могу защищаться в этом же роде. Что упрекаете вы меня за прежнее, скажу я им всем: прежнее давно прошло, и теперь я не только принес плоды, но даже сами вы замечаете, что пробиваюсь статьями «о сухих туманах». В портфеле редакции...

Нигилист (*с левой стороны*). Просто в шкапу. Какой там еще портфель редакции!

Оратор (*несколько язвительным тоном*). Мне кажется, почтенный член еще не привык к парламентским формам выражений.

Нигилист. И слава богу, если они только в этом и состоят! Какие тут формы! По-моему, и в парламенте режь правду.

Оратор. Правду? А четвертак?

Нигилист (*в исступлении*). Послушайте, если вы еще раз скажете слово об этом проклятом четвертаке, то я... я...

Оратор. Что?

Нигилист. Я... я уж и не знаю, что тогда сделаю!

Николай Филиппович (*язвительно*). Почтенный член хоть и не любит парламентских форм, но, очевидно, наблюдает их... в крайних случаях...

Нигилист. Вздор! Я ничего не наблюдаю... Я... я... я требую, положительно требую, чтоб оратор немедленно объяснился об этом проклятом четвертаке! Он до меня не касается! ни до кого из наших!.. Вся моя жизнь на виду... Я требую, я настаиваю! Я обращаюсь к президенту!..

(Начинается чрезвычайный шум, но оппоненты поднялись все вместе и на этот раз не хотят уступить. Президент, по их требованию, принужден формально поднять вопрос о пропавшем четвертаке. Оратор отделывается сначала парламентскими формами; но оппоненты на этот раз не хотят парламентских форм. Оратор утверждает, что сказал не в обидном смысле. «Вздор! — кричат оппоненты, — это всё формы, а нам надо правду. Правду!

правду!» Оратор сознается наконец, что он сам не знает, про что говорил, и что четвертак надо принимать в каком-то аллегорическом смысле, а что прямое значение придали ему крикуны. Прогрессисты удовлетворены. Обиженный, но удовлетворенный нигилист громко говорит: «Это сон! Это невыносимо! Прочь из этого зверинца!» И с негодованием выходит из залы. Собранье взволновано. Члены, очевидно, перессорились. Оратор чувствует себя почти обиженным.)

Оратор (*язвительно*). Это всё от убеждений... вот пример... Мы были в таком прекрасном, джентльменском настроении духа, так свободно, так легко говорили... и что же!..

Крики слева. Нет, нет, не отвертитесь. Вы нападаете на убеждения! Вы смеете не признавать убеждений!

Оратор. Напротив, я именно требую к ним уважения, и если я переменил их, то можете не уважать моих новых убеждений, но свободу перемены их не ставьте в порок.

Крики слева. Свободу так. Но разве всякое убеждение почтенно? И разве вы свободно меняете их?

Оратор. Джентльмены, я даже не понимаю, чего вы хотите. Игнорирую совершенно. Говорю окончательно, я убежден только в одном: было б мне хорошо, а если и другим, то, пожалуй, хоть и другим, но только в таком случае, когда это лично мне не мешает.

Крики справа. Yes, yes, браво, урре! урре! Это чувства настоящего британца.

Крики слева. Вздор! вздор!.. Это не так...

Николай Филиппович. Но, джентльмены, я убежден, совершенно убежден, что вы то же самое исповедуете; подумайте!

Крики слева. Вздор! Только честные убеждения почтенны! Прочь, прочь! мы довольно наслушались!.. assez causé.[1]

(Подымается шум, какого еще не было. Президент принужден прекратить заседание; джентльмены и ноблъмены, после многих препинаний, схватываются наконец за палки...)

Николай Филиппович. Вот этого-то я и боялся! Драка за убежденья, беда! Нет уж давай бог ноги!

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать!

(Цитуя эти стихи, он тихонько пробирается между сражающимися и выходит, коварно улыбаясь.)

Оратор (*в смущении наблюдавший с трибуны всю кашу*). Не дозрели до форм, не доросли! Это противно, это абструзно! А можно бы было так хорошо, так сладко проболтать, хоть до утра! (*Печально сходит с трибуны*).

---

[1] достаточно (*франц.*).

Затем начинается страшная нелепость, которую можно только увидеть во сне. Это наводит меня на мысль, что я, может быть, действительно, вижу сон. Палки, президенты, парламентские формы, высокородные маркизы, лурлеи и милорды бледнеют, переменяют лица, стушевываются и исчезают сами собой; усилие с моей стороны, и я просыпаюсь окончательно. Уже час за полночь, свечи догорают, на столе начатая статья и 102 номер «Современного слова» с вопросом: кто виноват?

Невозможно, чтоб я заснул от статьи «Современного слова», статья чрезвычайно любопытная; нет, это был сон магнетический. Но не явись в «Современном слове» эта статья, я бы не видал и такого сна, то есть нет, хоть и увидел бы, но, может быть, не записал бы его.

1863

НЕОБХОДИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ХЛЕБНЫХ И НЕХЛЕБНЫХ ВОПРОСОВ

В последнее время в текущей литературе объявилось множество голосов и мнений против нашего журнала. Нападения раздались особенно дружно тотчас по выходе в свет нашего прошлогоднего сентябрьского объявления об издании «Времени» в 63 году. Иные из этих нападений основаны чисто на конкуренции и имеют в виду одну только подписку. Купеческое дело. Так, например, г-н Краевский, сей Тамберлик русской литературы с своим новым «Голосом» и ценящий свой «Голос» чуть не вдвое того, что дают Тамберлику, разразился против нас в самое подписное время. Разражаться друг против друга в подписное время — старинная привычка старинных журналов, а отвыкать от старинных привычек, известно, нехорошо... Но этим разражениям мы теперь и отвечать не будем. В настоящую минуту мы имеем в виду других обидчиков наших, и именно тех, которые особенно рассердились за одно словцо в нашем «объявлении». До сих пор мы им совсем не отвечали, хотя вот уже четыре месяца как они выходят из себя. Но, начиная новый год издания, мы находим не лишним с самого начала года сказать несколько слов всем этим выходящим из себя господам — не в виде оправдания нашего перед ними, а так в смысле некоторого назидания. Да к тому же не худо иногда кое-что и поразъяснить...

Словцо, о котором мы сейчас говорили, они до сих пор забыть не могут. Они корчатся от него, как будто мы их посадили на булавку. Это именно то место в объявлении нашем, где мы говорим, что «ненавидим пустозвонных крикунов, свистунов, свистящих из хлеба» и т. д. Все они, видимо, приняли это место на свой счет. А между тем что же дурного мы написали? Что мы ненавидим свистунов, «свистящих из хлеба» (то есть не свистунов вообще, а именно тех, которые свищут из хлеба). Да кто же таких любит? Что может быть гаже такой деятельности? Что может быть возмутительнее, когда какая-нибудь совершенно спокойная,

сытая и вседовольная верхоглядка, чаще всего пошлейшая бездарность, думает выиграть на моде к прогрессу, обличает, свищет и выходит из себя за правду *по заказу* и *по моде*? Мы полагали, что такая деятельность, особенно при случае, даже в высшей степени вредна общему делу. Вот почему мы так резко и выразились о подобной деятельности и думаем, что выразили нашу мысль удачно и метко. Мы именно имели в виду честь и преуспеяние общего дела прогресса и добрых начинаний. Скажем всю правду: Говоря о «свистунах из хлеба», мы не предполагали, да даже и теперь еще не хотели бы предполагать, что у нас существуют экземпляры «свистунов из хлеба» в самом чистом, то есть в самом омерзительном их состоянии; но, однако, некоторые следы такого духа и направления мы и тогда еще заметили. Хоть начало, да было. Признаки такие существовали... Вот мы и сказали несколько слов в виде обличения и предостережения, да сверх того желая заявить, что с этим направлением у нас нет, не было и не будет ничего общего, потому что мы уже и тогда предвидели дальнейшее развитие этого хлебного направления. И что же? На нас вдруг поднялись целые тучи врагов. Всякий из них, даже вовсе и не хлебный свистун, принимал наше выражение на свой собственный счет. Мы полагаем, что хлебные-то и соблазнили всех, даже и не хлебных, подняться на нас, уверив тех, что мы вредим общему делу. Заметим вообще, что наши не хлебные, хоть и бывают иногда чрезвычайно хорошие люди, но все-таки большею частию народ чрезвычайно легкомысленный, спешливый и доверчивый. Самый отъявленный свистун из хлеба их надует, и они ему вверятся и примут его в сотрудники и т. д., и т. д. Даже так бывало: кто бы ни был сотрудник, хоть и зазнамо хлебный свистун, — им всё равно, свистал бы только с их голоса. Это хоть и теория, хоть и принцип, но в сущности глубокая ошибка. Для всякого хорошего дела надо, чтоб и делатель был хороший, не то — тотчас же не тем голосом закричит и повредит хорошему делу и оскандалит его в публике своим в нем участием. А при перемене обстоятельств, при дороговизне хлеба, все эти хлебные господа первые несут свои «таланты» на толкучий рынок и продают их туда, где больше дадут, то есть в другие редакции. Это называется у них благородно переменять свои убеждения. Такие сотрудники везде невыгодны, но мы полагаем, что они-то и соблазнили своим куриным криком всех других принять наше выражение о свисте из хлеба на свой собственный счет. А так как мы все без исключения обидчивы до истерики и щекотливы, как жены Цезаря, на репутации которых не долженствовало быть ни пушинки сомнения, то дело и пошло на лад. Всем известно, что благороднейших людей у нас чрезвычайное количество, но с грустию надо сознаться, что многие из них необыкновенно мелко плавают. Вот и поднялись на нас, один за другим, все эти мелкоплаватели, которых мы и не думали называть «свистунами из хлеба», «униженные и оскорбленные» нами. Поднялись даже са-

мые невиннейшие деятели, красненькое словцо принимающие за дело; поднялись дешевые обличители и рифмоплеты, составители современных буриме с направлением; поднялись всё готовые разрешить мыслители, преследователи соображения и науки; поднялись крошечные Петры Великие, в душе администраторы и чиновники, с холодным книжным восторгом (а иные без восторга), пренаивно считающие себя за представителей прогресса и глубоко не подозревающие полнейшей своей бесполезности. Но мы не удивлялись всей этой ярости. Большинство всех этих благороднейших, но не совсем глубоко плавающих господ чаще всего нападает именно на то, во что само же верует; слепо не различает своего в другой форме, проповедует прогресс, а чаще всего отстаивает глубочайшее варварство, и, отстаивая во что бы ни стало цивилизацию, санктифирует, не ведая, что творя, неметчину и регламенты. Духа русского тут и слыхом не слыхать и видом не видать. Чутья русского и во сне не предвидится. Тут, например, патриотизм без церемонии становится на фербант, потому что патриотизм — исключительность, а следственно, ведет к ретроградству. Искусство бесполезно. Самое лучшее произведение искусства — это «Илиада», а в «Илиаде» разные боги и суеверия, а боги и суеверия ведут к ретроградству. Кроме шуток. Хоть именно об «Илиаде» и не было говорено, но понятия об искусстве всех этих художников можно именно подвести под эту формулу об «Илиаде». Червонорусы ретрограды, потому что враждебно относятся к чужому вероисповеданию и фанатически стоят за свое в наш век веротерпимости и прогресса. Не говорите им, что в вопросе о вероисповедании у червонорусов именно всё заключается, что в этот вопрос, исторически, веками сошлись все остальные национальные вопросы, что этот вопрос после четырехсотлетних страданий народа обратился у него в формулу, в знамя, что он знаменует в себе разрешение всех обид, всех остальных национальных недоумений и заключает в себе национальную независимость; что всё это случилось и сложилось так исторически и что судьба червонорусов была совершенно не похожа на нашу. Нужды нет: ретроградство! одно ретроградство, ибо в наш век, век прогресса и веротерпимости, не может быть... того-то и того-то, а следовательно, и т. д., и т. д.

Правда, что многие из этих мыслителей давным-давно уже ни о чем не задумываются. Сомнений, страданий у них, по-видимому, никогда ни в чем не бывало; но самолюбия, доходящего до какой-то бабьей истерической раздражительности у них чрезвычайно много. Самолюбие есть основание их убеждений, и для самолюбия очень многие из них готовы решительно всем пожертвовать, то есть всякими убеждениями. Убеждения их удивительно ограничены и обточены. Сомневаться им уже не в чем... Для них жизнь что-то такое маленькое, пустое, что в нее не стоит и вдумываться. Самые вековечные вопросы, над разрешением которых страдало и долго еще будет страдать человечество, воз-

буждают в них только смех и презрение к страдальцам, которые их разрешали, а которые и теперь от них страдают и мучаются их разрешением, — это у них ретрограды. У них же всё разрешено и вдруг. «У меня это вдруг», — говорит Хлестаков. Какой-нибудь вопрос, вроде того: как, например, устроить на будущей неделе счастье всего человечества? — для них так же легко разрешать, как, например, высморкаться. Вера в иностранные книжки у них фанатическая. Впрочем, многие из них даже и книжек-то не читают, а так только хватают вершки от тех, которые прочли. Слыхал когда-то о лорде Джоне Росселе, Кобдене и хлебных законах, слыхал, что это было тогда либерально, ну вот для него это и теперь либерально, и не смей и не думай сомневаться, — как можно сметь свое суждение иметь. Это уж ретроградство, так и в книжке написано. Вот все-то эти преследователи вдруг и осадили нас, чрезвычайно досадуя на то, что мы им не хотим отвечать, а только обличаем их иногда, единственно чтоб каким-нибудь одним удачным примером выставить разом характер их деятельности. Мало того, они, чтоб принесть нам как можно больше вреда, видимо, стараются представить в другом виде характер нашего выражения насчет «свистунов из хлеба». Поверив настоящим свистунам из хлеба, приняв это выражение на свой собственный счет и ужасно обидевшись, они теперь ужасно хотят выставить и доказать, что мы, нападая на них, нападаем вообще на прогресс и отстаиваем мракобесие, и таким образом прямо ставят себя *представителями прогресса.* Вот на это-то мы и хотим теперь отвечать. Вопрос о «свистунах из хлеба» мы теперь кончим. Мы считаем его разъясненным достаточно. Гадко поддерживать этих свистунов, господа, а ведь вы знаете, что они существуют, по крайней мере сильно наклевываются. На свой собственный счет вы, господа, или, лучше сказать, огромная часть из вас, его не может принять, тем более что хлебные люди в последнее время слишком ярко определились в нашей журналистике: их со всех сторон видно. Мы объяснились, мы верим, что вы большею частию «не из хлеба» свищете. Вы свищете из чести, из *представительства*, но вот об этом-то представительстве мы и хотим поговорить. Послушайте, господа, какие же вы представители? Что общего между вами и прогрессом, или между вами и молодым поколением? скажите, пожалуйста! Вот это-то и возбуждало в нас всегда глубочайший смех, на вас глядя. Любимая повадка ваша — прятаться за справедливую идею и за громкие литературные имена писателей, то есть прикрываться авторитетами, преимущественно такими, которые стяжали себе особое уважение. «Нападают на нас, а! Значит, нападают на прогресс. Мы свистуны из хлеба, а! Значит, и Чернышевский, и Добролюбов свистуны из хлеба». Но, господа, мы вовсе не принимаем вас за Чернышевских и Добролюбовых. Что же касается до справедливой идеи, которою вы прикрываетесь, то надо признаться — это наиболее употребительный в нашей литературе прием. Все за-

слоняются более или менее авторитетными идеями и уверяют, что действуют по убеждению. Иные, действительно, действуют по убеждению; честь им и слава за это. Другие же хитрят, натягивают идею за уши, а под идеей-то и оказываются какие-нибудь «казенные объявления». Но положим, что вы все не хитрите, а наивно считаете себя жрецами, представителями и просветителями (пусть уж это будет дело совести многих из вас). Скажите по правде, можно ли хоть сколько-нибудь серьезно поверить вам, когда вы кричите: «Мы за прогресс, мы работаем на фабрике, а вы только мешаете» и проч. Помилуйте! да вы-то всему и мешаете! Мы именно считаем вас неумелыми, неспособными и всему повредившими. Извините, что мы так прямо говорим вам; но ведь это потому только, что с вами иначе никак нельзя рассуждать. Вы это сами знаете. Мы и говорим-то не для вас, а для публики. Вы же рассуждений не терпите, вы сердитесь и обижаетесь истерически, когда кто вас останавливает и не соглашается с вами, с вами, всё знающими, всё разрешившими. Вы приходите в бешенство, когда кто-нибудь требует от вас чутья, русского духа, гуманности, совестливости и логики. В наш век да логики! «Наш век — дело прогресса, а вовсе не логики, подите вы с логикой, assez causé! ..» [1] — скажут или подумают иные из вас, читая это. Но на этот пункт мы хотим вам дать ясный ответ.

Пожалуйста, не принимайте наше выражение о логике буквально. Никакое движение к прогрессу не исключает логики, и мы очень хорошо знаем, что никто из вас не захочет сказать буквально: «Наш век — дело прогресса, а вовсе не логики. . .» Даже напротив: самые фанатические-то прогрессисты всего больше и претендуют на логику, и претендуют именно в мгновения самого большего проявления их фанатизма тогда, когда уж действительно не до логики. Нашей фразой мы хотели только обозначить всё негодование прогрессистов, и преимущественно молодежи, на тех, которые рассуждают и сомневаются, когда надо дело делать. Это негодование, этот антагонизм всегда был и будет между двумя поколениями — юным и зрелым; он был и пребудет во все времена и у всех народов. Мало того, мы считаем его вполне законным. Нетерпеливая часть прогрессистов физически не может сделаться терпеливой. У ней и пульс ходит скорее. Она и факты должна принимать поспешнее; она удовлетворяется умозреньями, потому что и не подозревает еще всего того, чему после придется ей научиться у жизни. Была бы только идея великодушна и вела бы к развитию, — вот ей чего надобно! И без этих нетерпеливых, передовых и свет не стоит. Мало того, если б все были одни рассуждающие, одни сомневающиеся и осмотрительные, ничего бы и не было. Передовая часть общества так же законна, как и осмотрительная. Но зато те, которые себя считают представителями прогрессистов и прогрессивной идеи, о! те всегда

[1] довольно (*франц.*).

должны уметь дать отчет, хотя бы самим себе, своей совести. Они должны знать, куда идут, должны уметь указать и направить, а главное, главное — должны быть вполне совестливы в своих указаниях. Повторяем теперь вопрос: можем ли мы вас принять за представителей и указателей прогрессивной идеи? Бьемся об заклад — вы думаете, что мы хотим укорить вас в эту минуту за то, что вы горячи и поспешны до неосмотрительности. Разуверьтесь: мы именно потому считаем вас неспособными и неумелыми, что вы мертво-холодны, что в вас нет жару, нет духа, что убеждения у вас не свои, а заемные, а если и случаются свои, то легкомысленность их свидетельствует о слишком малой совестливости, с которой они приняты; что гражданского чутья нет у вас, иначе бы вы знали, на что и куда указывать, а вы в этом поминутно даете промахи; что с места вы не можете сдвинуться, а уверяете, что идете вперед, что самолюбие и выгоду вы чаще всего соединяете с общим делом и что, наконец, если уж взять всё, опять-таки вы всему мешаете. И главное, тем мешаете, что опошлили и измельчили в глазах общества самые правдивые идеи и начинанья. Вы бездарно волочили великую мысль по улице и, вместо того чтоб произвести энтузиазм, *надоели* публике, а *надоесть* в этом случае публике — великое преступление. На бездарность-то вашу мы и досадовали, и часто нам бывало очень больно, когда вы дело проигрывали. Мы болели за вас душой, когда год назад вы проиграли дело с г-ном Писемским, по поводу фельетонов Никиты Безрылова. А между тем вы были совершенно правы. Проигрывать такие дела не годится. Вы били своих и не ведали, что творили, да и теперь не догадываетесь. Хоть общество и давно смотрит на вас двусмысленно, но постоянным опошливанием того, чего не надо опошливать, все-таки можно принесть много вреда. А вы именно это делаете. Поминутно делаете. Оставляет же вас общество (а оно оставляет вас действительно) вовсе не потому, что оставляет идею, которой вы (будто бы) служите, а потому, что сами-то уж вы слишком плохи. Поверьте нам: давно уже видят и понимают, что Лев Камбек и стулья на Невском проспекте вовсе не исчерпывают собою всех современных задач, вопросов и недоумений, возникших в нашей земле в последнее время. А ведь серьезно-то говоря, у вас больше ничего и нет. Вы простодушно уверены, что именно в Льве-то Камбеке и состоит вся суть. Да я вам откровенно признаюсь: я в ужас пришел, когда вдруг разнеслась было весть, что Лев Камбек оставляет литературное поприще. Что ж будут делать наши виршеплеты, фельетонисты и вообще все они, гордо считающие себя предводителями прогресса нашего, подумал я с горестью? Ведь «*Век*» и *Лев Камбек* служили к пропитанию целых туч прогрессистов наших с их малыми детьми такие долгие, длинные годы! .. Страшно было прогрессу и обществу, когда еще года полтора тому назад (экая старина!) исчезла первая рифма — «Век», похороненная журналистами-гробокопателями. И вот теперь исчезает и вторая: Камбек. «Стулья

сняты, о боже! Что ж оставляешь Ты после этого для движения прогресса и преуспеяния нашего? — восклицал я с горестью, — вечно юного и вечно возможного Аскоченского да еще кукельван. Больше-то ведь ничего, ровно ничего не остается...»

Увы, господа! Не считайте, что мы кривляемся или говорим в насмешку. Мы прямо уверены, что, кроме Льва Камбека для кукельвана, у вас нет ничего, — нет, не было и не будет!

Пожалуйста, не говорите нам, что у вас и про городничих, и про исправников, и про корнета, играющего на пистоне, и про Сорокина и даже про эманципацию женщин. Уверяем вас, господа, что всё, о чем бы вы ни заговорили, всё это будет только Лев Камбек да кукельван. Поймите нас.

Про кукельван говорить, положим, можно, про г-на Каткова, фаддейбулгаринствующего на Москве, можно и должно, даже про Льва Камбека иногда простительно, даже про городничего *А.*, в губернии *Б.*, в уезде *В.*, обидевшего бабу *Д.*, в году от Р. Х. *Е.* и в месяце *Ж.*, тоже подчас позволительно и необходимо. Но ведь говорить надо своей инициативой, со смыслом и с толком, а не с чужого голоса. Обличаете вы иногда так, что у вас правого от виноватого не отличишь, потому что вы сами-то зачастую не знаете, кто прав, кто виноват! Видно до очевидной ясности, что дорогого у вас самих в этом святом деле обличения нет ничего. Для чего, для каких причин вы обличаете, — этого совершенно не видно, а видно то, что вы и сами-то об этом, может, не ведаете. Всё с чужого голоса. Спроси вас: где причина? где узел? где разгадка такого факта? хорош или дурен этот факт? что означает и из чего происходит? — об этом вы и намека не дадите или окончательно промахнетесь. Взгляду у вас нет никакого. Что вам подскажут, о том вы и затрещите. Скажут вам, например, что вот в том-то кое-что есть, а вы тотчас и подумаете, что в том и вся суть заключается, — то есть вся, решительно вся, и что более ничего не надо. А так как у вас чувства меры нет никакого, то и тянется у вас городничий да кукельван полтора года сряду. Внутри России, о которой вы понятия не имеете, совершаются тем временем события, возникают вопросы. Читатель требует от вас живой мысли, объяснения дела, источника, откуда оно происходит, указания на средства, хоть намека какого-нибудь, а у вас premier Petersbourg [1] начинается эмансипацией женщин. Помилуйте, да ведь всё хорошо к месту и к времени, иначе тотчас же можно опошлить великую мысль, и ваши юмористы будут только ворон пугать, а не дело делать. Вот это-то всё и называется рутиною в высочайшей степени. Гражданского чутья нет, а ведь это, как хотите, видно, заметно. За одно святое дело нечего прятаться, великой мыслью нечего прикрываться. Сквозит, видно. Надобно заставить и себя уважать, чтоб обличение было действительное и плодотворное. А как это сделать? Да как: прежде

---

[1] передовая статья Петербургской газеты (*франц.*).

всего надо быть самому гражданином. Гражданское чутье различит, о чем говорить и на что показывать, что право, что нет. Надо, чтоб видна была любовь к делу, энтузиазм. А какие мы граждане? Все мы, в сущности, раздраженные эгоисты, для которых собственные, домашние препинания дороже всякого общего дела. И таким-то соваться прямо в учители, быть пренаивно уверену, что мы-то одни и остались теперь предводителями молодых сил и начинаний общества! Да ведь это всё равно, что слепому слепого водить; да и прекомическая, в сущности, мысль! Мы благоговейно верим в наше юношество. В нем прежде всего настоящая естественная молодая сила, в нем действительные задатки начинаний, нам доселе неведомых. В нем должны быть и есть стремления и позывы до страдания, волнующие их молодые души. Им ли успокоиться на Льве Камбеке? А мы ведь успокоились видимо вседовольно. Что правду-то таить! Ну что в том, что мы обличаем? Ведь и Булгарин писал нравственно-сатирически. Вы не сердитесь и выслушайте. Захочется вам обличить, а выйдет у вас сплетня. Захочется вам сострить, посмеяться над чем-нибудь, а выходит какая-нибудь угрюмая, тяжелая ярыжность, что-то деревянное, мрачное, какое-то бездарное, однообразное, всем наскучающее тыканье пальцем. Надо выказать негодование, а так как негодование самая святая вещь, так как для негодования нужно сердце, так как нельзя изобрести или подделать негодование, если его, в сущности, нет и не может быть, то вы отделываетесь раздражительною, вас же унижающею злостью и завистью, и кто знает, может, и в самом деле принимаете это раздражение за негодование. С вами это случалось: ведь вы унижались даже до попрека редактору «Времени» за его табачную фабрику, карикатуря нас за это и ставя нам это в стыд. Вы на «Время» очень злитесь, это понятно: «Время» не хочет подчиняться вам и считать вас за деятелей, и вдруг это же невежливое «Время» имеет успех, несмотря на все ваши крики и возгласы, а может быть, отчасти и благодаря вашим крикам и возгласам. Даже наверно так. Кстати: в ненависти своей вы не раз упрекали нас, что мы не исполняем обещанного в нашей программе и поклоняемся авторитетам. Мы только улыбались, читая это. Помилуйте! Да «Время» начало с того, что не соглашалось и даже нападало на Чернышевского и Добролюбова, а они в то время были боги; оно не соглашалось и с вами и негодовало всегда на ваш казенный либерализм, застегнутый на все форменные пуговицы и занятый по частям, но без большого толку, у тех, которые понимали дело; а ведь вы еще тогда имели влияние. «Время» обличало г-на Каткова и предрекало ему новобулгаринский путь, еще тогда, когда вы все млели перед г-ном Катковым, по крайней мере ожидали от него великих преуспеяний на пути прогресса. И мы знали, что делали и на какую опасность шли нашими нападениями на авторитеты. Вы-то, впрочем, были не очень страшны, но Чернышевский и Добролюбов были другое дело. До-

бролюбов особенно: это был человек глубоко убежденный, проникнутый святою, праведной мыслью и великий боец за правду. Чернышевский работал с ним вместе. Мы не согласны были с некоторыми уклонениями Добролюбова и с теоретизмом его направления. Он мало уважал народ: он видел в нем одно дурное и не верил в его силы. Мы противоречили ему, а ведь опять-таки тогда он был бог. Вот это так авторитеты! А вы думали, что мы так же, как вы, будем нападать на тех, кого не бьет кто не хочет. Ну смели бы вы напасть па Тургенева, если б не раздался голос «Современника»! Вы так и думали, что мы начнем лупить, начиная с правого фланга: Пушкина, Гоголя, Островского, Тургенева, Писемского. Эх, вы! В самом деле, вы именно на тех только и нападаете, на кого вам старшие укажут и на кого, по-вашему, не опасно. Ну, а насчет табачной фабрики, так мы подчас и краснели за вас. Да вы-то что за аристократы, позвольте вас спросить? Либеральным изданиям уж это бы и неприлично. Ведь это напоминает нападки на Полевого за то, что он был купец. Это стыдно и бездарно. Говорилось тоже у вас, что «Время» издается для спекуляции, для поправления каких-то денежных обстоятельств. Да ведь после того каждому банкруту стоило бы только основать журнал, вот и обстоятельства поправлены, вот и денег куча. Как легко это у вас делается. Да ведь на наших глазах основывалось много журналов и газет, с величайшим желанием подписчиков, и издания падали. Другие до сих пор не могут набрать столько, чтоб окупить себя. Почему же нам-то удалось? Счастье, что ли? Да ведь помилуйте: один год — счастье, другой год — вдвое более счастья, третий — еще больше, чем прежде, счастья: «воля ваша, нужно немного и ума» для такого постоянного счастья.

Вы нападаете еще на нас за почву, за народное начало, за соединение и примирение; но об этом мы с вами говорить не будем, потому что считаем это дело серьезным. Мы об этом поговорим с другими. Прощайте.

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

О НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНАХ И О НОВЫХ ТЕОРИЯХ

Мы хотим сказать слова два о новопоявившихся и обновившихся периодических изданиях наших, преимущественно о газетах. Говорить в частности, подробно о каждом издании на этот раз мы не будем. Мы только постараемся уловить новую мысль, новое слово новых литературных органов наших, а признаки мысли, признаки нового слова и *нового направления* существуют. Нас, равно как и всю читающую публику (так по крайней мере надо предполагать), еще с осени поразило необыкновенное увеличение числа газет наших. Издатели новых органов настойчиво заявляли о своем появлении к 1-му января 63 года и уверяли, что им что-то надо и даже необходимо сказать. Все спрашивали, что же именно они хотят сказать, с какими новыми мыслями и анекдотами они явятся, что будут проповедывать? Очевидно, одни из них чувствовали, что не договорено какое-то слово и его надо договорить во что бы ни стало. Другие (из прежних деятелей) настойчиво хотели продолжать прерванное обстоятельствами. Третьи стремились явиться, так сказать, как плющ на развалинах, как новая жизнь на старом разоренном пепелище или как Мáрии на развалинах Карфагена и, кажется, были уверены, что пришло-таки наконец время и ихнему слову, что кончилось l'abomination de la désolation; [1] что пора русскому миру услышать мужей трезвых, солидных, положительных, так сказать, практически понимающих глубину вещей и которым по праву давным-давно следовало бы захватить бразды русской литературы, но до сих пор как-то не захватывалось. Господа Краевский, Скарятин, Катков и проч. засвидетельствовали о себе и о своем призвании в пышнейших объявлениях. Даже господин Розенгейм с своей «Занозой» пристегнул себя к сонму сих прозорливых и, главное, практических мужей. Даже предчувствовался отчасти г-н Илья Арсеньев в этой

---

[1] распространение опустошения (*франц.*)

многознаменательной толпе новых или, лучше сказать, самообновившихся столпов нашей деятельности; даже потянуло откуда-то самим господином Дудышкиным... Но в последнем случае нас, может быть, обманывает наше литературное обоняние, в чем и сознаемся заранее. Одним словом, ясно было, что это внезапное увеличение и самообновление наших периодических органов хотя, конечно, есть спекуляция, но все-таки не одна же спекуляция. Мы почувствовали, что тут кому-то зачем-то хочется что-то сказать. И если б даже вся эта газетомания, всё это надувающееся *что-то сказать* оказалось бы впоследствии чем-нибудь вроде опухоли, чем-нибудь вроде флюса отечественной словесности, то и тогда, решили мы, было бы недурно, потому что даже опухоли и флюсы не бесполезны для зараженных организмов. Через опухоли и флюсы вытягивается из них всякая дрянь... Но главное, повторяем еще раз, предчувствовалось какое-то новое, наклевывающееся словечко... И предчувствия нас не обманули. Оказалось, что и действительно было словечко.

Видали ль вы, господа, а если видели, то не можете ли себе припомнить и представить стадо куриц, — ну как есть, положим, хоть и с петухом, — внезапно испуганное каким-нибудь прохожим, какой-нибудь старушонкой, али мальчишкой, али, наконец, какой-нибудь собачонкой, бросившейся догонять какую-нибудь хохлатку для своего удовольствия? Стадо, с криком, немедленно рассыпается и бежит куда попало в паническом страхе. Да курица и постоянно, всю жизнь свою, до самого супа, живет в паническом страхе. Но вот гроза, чаще всего небывалая, прошла: хохлатки собираются опять в кучу. Их усиленные крики, тревожное, нервное и уторопленное кудактание всё еще продолжаются и свидетельствуют об их душевном настроении. Но в этих криках уже нет отчаяния. Малодушные и раздирающие их вопли перешли уже в какой-то даже солидный тон. Это уже какое-то новое, амбиционное кудактание, в котором чувствуется обида, амбиция, негодование, подавленное самолюбие; так и слышится: «Как это, дескать, смели нас потревожить? да кто это? да как это? Кудак-так-так!» В этом кудактании уже проглянуло чувство собственного достоинства, звучит солидарность с прежними интересами; кудактается что-то такое как будто о морали; слышится даже что-то как будто о семействе, о собственности. Проступает, наконец, доктринерство и в заключение гордое торжество: «Мы говорили, мы предсказывали, вот плоды! Кудак-так-так!..» и проч., и проч. Разумеется, наше грубое сравнение новых органов с хохлатками ни к кому не может относиться лично. Мы разумели только новый тон, новые идеи, новые принципы, новый настрой наших органов и всё это — в самом отвлеченном и наиневиннейшем смысле. Употребили же мы это сравнение, потому что оно нам кажется чрезвычайно верно.

Например: испуганная курица всё преувеличивает. Новым органам, всем вместе (потому что у всех у них видиеется одна об-

щая мысль), тоже всё кажется в преувеличенном смысле. Они толкуют с усиленным кудактанием, в котором еще слышится волнение, что что-то потеряно, что-то проиграно, что общество в чем-то оказалось несостоятельным. Они собираются в прежнее стадо и тревожно повторяют: «Мы говорили, мы предсказывали — вот плоды... и т. д.». Они как будто уверены или себя уверили, что была какая-то битва, какая-то катастрофа, «что уж республикой теперь не надуешь Андрея Александровича», что что-то упало, что-то погибло... А между тем, в сущности, ничего не упало, ничего не погибло, ничего не пропадало, всё тянется через пень-колоду по-старому, и ничего такого особенно не произошло, под чем бы можно было провести черту и подписать «Finis...»[1] Господин Скарятин («Русский листок», № 1) намекает даже на подметную литературу, на зарево пожаров и удивительно высоким слогом всё это расписывает. С господином Скарятиным, по крайней мере в направлении, очевидно, сходятся отчасти и прочие новые и обновленные издания. А ведь такое смешение фактов по-нашему неверно. Что общего с прогрессивным движением общества вообще и подметными листками неизвестной кучки? Смешивать то и другое значит прямо обвинять всё прогрессивное общество и преднамеренно умалять до микроскопических размеров всё, что заявилось нашим обществом дельного, серьезного, святого, неоспоримого во все эти шесть лет. Говорить, что народ прямо обвинил в пожарах наше юношество, опять неверно. И хоть г-н Скарятин и прибавляет, что между юношами виновников не нашлось, соболезнует, жалеет о том, что народ обвинял юношество, но, видимо, намекает, что народ и не мог не обвинить. По крайней мере в длинной диатрибе он прямо завершает несостоятельность нашего прогрессивного движения пожарами, и о пожарах он заговорил, видимо, не просто для эффекта. А между тем и о народе тут не так. Совсем не так, прямая клевета. Народ действительно обвинял, но кто подвигнул его к этому обвинению, кто надоумил — а? Хохлатки и тогда уже бегали в паническом страхе? Закудактали они первые? Не они ли всему и виною, они, которые теперь перемешивают факты и трубят победу...

Мы, конечно, не стали бы задевать лично г-на Скарятина, изобретающего удивительные вещи и максимы, но, повторяем, это кудактающее направление слышится и в других газетах, в новых и обновленных; даже «День» и тот в первых двух номерах своих вышел с сильнейшей диатрибой против нашего общества, обвиняя его в несостоятельности перед событиями. Но «День» проводил по крайней мере свою всегдашнюю идею; ему нужно было обвинить общество в неспособности и несостоятельности, чтоб кончить, что всё это от разрозненности с почвой. Мы с ним совершенно согласны, что общество наше разрознено с почвой и рано или поздно заметило бы само свою несостоятельность. Но

---

[1] Конец (*франц.*).

покамест бы оно заметило — оно заявляло себя. Оно чувствовало свое право; оно начало всё, что можно было начать; сделало всё, что могло сделать; если чего не сделало, значит невозможно было то сделать; если что сделало нехорошо, то обвинять его опять-таки невозможно, потому что ему даже времени не дано было поправить свои ошибки. Отрицать это значит преднамеренно искажать или с намерением не видеть фактов. Так и делает «День», и нам очень жаль, что он сходится в этом случае с всеобщим кудактанием. Надо быть прежде всего справедливым, и искажать факты в этом случае очень грешно, потому что таким искажением фактов запутывается общественное сознание.

Но по крайней мере «День» обвинял общество на серьезном основании. Прочие же органы обвиняют, кажется, сами не зная почему и с легкомыслием изумительным. Даже трудно представить, как можно так мало вдумываться в факты и не видать того, что всем ясно. Они думают: теперь когда поле опять стало чисто, отчего ж и не попробовать запеть в новый тон? Только тон-то этот, господа, слишком старый и избитый. Он сводится на тон тех приживалок и старых бабушек, которые молчат до первой катастрофы, вяжут чулки и переругиваются втихомолку. И потом вдруг, при первом удобном случае, все они подымаются и начинают стучать своей благодетельнице, матушке-помещице: «Вот, мы говорили, мы предсказывали, не хотели слушать, что ж вышло». А они даже и не предсказывали прежде ничего, только зевали, да при этом рот крестили по обычаю.

Разумеется, все новые органы выходят с девизом: «умеренность и аккуратность». Это бесспорно очень хороший девиз; но злоупотреблять им тоже нельзя. А как же тут не злоупотребленье, господа, когда вы все кричите и с детским легкомыслием обвиняете общество, что оно одно во всем виновато, что оно лениво, что в нем недостаток самодеятельности, что эту самодеятельность надобно возбуждать, что дитя не плачет, мать не разумеет, что общество по всем пунктам оказалось несостоятельным и проч., и проч.?

Да справедливо ли это? Вдумывались ли вы хоть сколько-нибудь в минувшие факты? Неужели они только прошли по головам вашим, нисколько не задев вашего соображения? Мы ведь верить не хотим, что у вас недостало внимания или понимания. Ведь это слишком было ясно и не в углу происходило. Ведь труднее было не понять, чем понять. А если, действительно, недостало ни внимания, ни понимания, так уж не надо бы и газет издавать. Слепой слепого водить не может.

Вникните и рассудите.

Вы обвиняете общество в несостоятельности, в лености, в недостатке самодеятельности и проч. Но, повторяем вам: общество заявляло себя по всем пунктам, всегда и везде, кто ж этого не помнит? — и именно заявляло себя ровно до тех пор, ровно до той самой черты, до которой возможно было ему заявлять себя.

Вспомните: общество заявило себя и по вопросу о распространении обществ трезвости, и по вопросу о грамотности, и по вопросу о воспитании, и по вопросу о гласности, и по вопросу крестьянскому: оно составляло по этому вопросу съезды, комитеты, адресы. И большинство и меньшинство этих съездов заявляло, печатало свои мнения, подавало их по начальству. Потом происходили другие съезды и другие собрания... Потом, особенно в городах, деятельная часть общества заводила воскресные школы, собирала сотрудников, деньги, подписки. По делу о воспитании достаточно указать хоть на деятельность графа Льва Толстого и его сотрудников... И не знаем, насколько именно все эти заявления, отдельные мнения, адресы были полезны правительству. Но что они были полезны — это несомненно. Даже бедная литература наша и та составляла собрания и записки начальству по вопросу о цензуре, и ее соображения, заявленные ею и представленные начальству, во многом послужили потом на пользу высочайше утвержденной комиссии по делам книгопечатания, о чем и сама комиссия свидетельствует в своем новом проекте устава о книгопечатании. Одним словом, общество сделало всё, что могло сделать, заявляло всё, что могло заявить. Если чего желает, жаждет общество, так это, именно, возможности и теперь делать и заявлять. Вам всё это известно. А между тем вы лезете с обвинениями. Вы, положим, и теперь не уйметесь и все-таки будете обвинять: «Если так, скажете вы, кончились все эти заявления и все эти начатки деятельности нашего общества, то оно само виновато, потому что само не так действовало. Мало того, оно увлекалось, в нем недоставало порядка, рассудительности. Слышались буйные порывы, слышалось легкомыслие... Оно не внимало гласу мужей доктринствующих. Юная часть его стремилась к погибели. Страсти были не обузданы. Везде проявлялись неумелость, неловкость, поспешность, горячка... горячка... одним словом и т. д., и т. д.».

Господа, это, положим, всё легко теперь говорить; теперь, как дело уже прошло, можно говорить как по писаному. И все-таки из ваших разговоров дела не выйдет, а одна болтовня. Потому что ведь вы только болтаете и даже теперь не в состоянии научить, как надо бы было сделать. Да если б даже вы и учили, то и тогда бы ваша наука никуда не годилась, потому что всё бы это было только одна теория, а нам уж довольно теорий, нам надобно дела. А делу иначе никто не научится как на практике, и именно рядом ошибок, понеся, может быть, даже «значительную ссадку на бока». Следственно, дело во всяком случае останавливать нельзя было, если вы хотели дела. Но объяснимся точнее:

Вы обвиняете общество, что оно не так действовало, что в нем недоставало рассудительности и практического понимания собственных интересов, что оно увлекалось легкомыслием и т. д., и т. д. Но, позвольте, господа: где, когда, в каких снах, в каких

доктринерствах видели вы, чтоб общество, столетиями отучавшееся и наконец совершенно отучившееся от дела, сразу, без науки, с первого шагу своего стало бы действовать не ошибаясь, не падая, солидно и безошибочно? Бывало ли такое общество когда на всей земле? Разверните какую вам угодно историю и справьтесь, — французскую, английскую. Ведь это только г-н Катков никогда не падает, так ему и «Теймс» в руки. А мы люди простые, обыкновенные. В самом начале, лет шесть тому назад, приобретен был великолепный результат: всё общество проснулось, восстало в одном великом движении и с верою и надеждою стало заявлять свои требования. Дитя заплакало горько, и добрая, чуткая мать начала его жадно слушать. Повторяем: этот результат был великолепный. Им надо было воспользоваться. Что ж делали тогда вы, господа доктринеры? Вы смотрели разиня рот и ждали, что вам тотчас сами влетят в рот жареные дрозды и куропатки. О вы, погубившие всё дело, вы неумелые, вы сначала накричавшие больше всех и потом первые закудактавшие! Да кто же вам велел, кто наталкивал вас ожидать немедленных дроздов и куропаток? Какой юродивый, какая старуха уверила вас, что всё пойдет безошибочно, солидно, без увлечений, без легкомыслия? Зачем вы поверили этому? Неужели у вас недостало сообразить, что никогда, нигде, ни в каком народе, от начала мира сразу никто не выступал безошибочно и тем более против предрассудков, укоренившихся в почве столетиями и имевших за собой — привычку к ним общества. Надо было именно приготовиться ко всем ошибкам, ко всем падениям, ко всем легкомыслиям и не смущаться и не пугаться пустяков, из которых вы, в паническом страхе, наделали драконов и чудовищ, напугали ими общество и таким образом шесть лет, работая, силились остановить движение. Если б вы не были мертво-холодны по натуре вашей, если б вы любили общее дело и желали его преуспеяния, то вы бы поверили в наивность и в искренность заплакавшего дитяти. Но вы ничему не поверили и успели остановить и пресечь всё в самом начале. Были, конечно, неловкости, бестактности, было неуменье вести дело. Оговоримся, однако ж: было много и хорошего, не только заявленного, но даже уже сделанного этими бестактными, плодами которых даже и вы теперь пользуетесь. Но оставим это хорошее, обратимся единственно к бестактному, неумелому и легкомысленному. Позвольте, господа, ответьте мне еще на один вопрос: можно ли научиться плавать, никогда не сходя в воду и не прикасаясь воды? А ведь вы именно этого требуете. Опять-таки говорим: ошибки нужно было предвидеть и к ним приготовиться терпеливо и с достоинством. Надо было сообразить, что ведь не карточный домик начинался строиться. Надо было сообразить и поверить, что от ошибок дошло и до безошибочности, по крайней мере дошло бы до каких-нибудь действительно выжитых, не теоретических, а практических результатов. Надо было сообразить и поверить, что общество со-

знательно не может идти против собственных своих интересов, что *сознательно* оно не стало бы легкомысленничать, когда дело до собственной шкуры доходило, что общество не стало бы свистать и шалить, а, след‹овательно›, *само* и *безо всякой* посторонней помощи сумело бы обуздать и горячих и легкомысленных, вредивших делу своей торопливостью, и именно потому бы так поступило, что никакое общество не может быть врагом собственных своих интересов. А следственно, что надо было вам делать? Поддерживать действия общества, ободрять публику, а не кудактать в паническом страхе. Стараться, чтоб никаким образом не могла быть пресечена начинавшаяся самодеятельность общества; мало того, стараться о твердых гарантиях для продолжения этой самодеятельности и с уверенностью ждать результатов. А то что вышло? Действия общества, вследствие вашего же панического страха и кудактанья, тотчас же пресекались в самом начале, и таким образом сами же вы дали право этим окудактанным вами прогрессистам и деятелям вам же в глаза сказать: «Ведь вы нам не дали ничего докончить, следственно, и не имеете права судить о том, что бы вышло». Да, это вы, вы и вам подобные всё накудактали и смутили других, от которых зависело продолжение общественной деятельности. Честь и слава только этим другим, что они во многом вас не послушались, твердо верили в успех и реформу и многое хорошее успели-таки совершить и докончить.

И теперь, господа, теперь, по-вашему, выходит, что надо приучаться к практическому смыслу теорией. Помилуйте, да в теориях мы давно уже и учителей за пояс заткнем, да еще как! Ведь вот учите же вы, например, а ведь известно, что сами вы ровно ничего еще не сделали. И в чем заключается ваша теория практической деятельности? В кудактании, в покивании главами своими и потом в правиле: сложить руки, заткнуть по возможности свои пять чувств и возложить упование. Ну этак-то мы давно уже действовали. Что ж «Русский вестник», что ли, практичен, по-вашему, с своими английскими началами? Мы потому указываем на «Русский вестник», что считаем его за петуха и предводителя всего стада вашего, хотя вы и не претендуете, что у каждого у вас свое особое мнение. Не беспокойтесь, в кудактаньи вы все сходитесь. У «Русского вестника» английские начала, он доктринер, его слушают. А между тем, по-нашему, скорей систему Фурье можно у нас ввести, чем идеалы г-на Каткова, теймствующего в Москве. Чем виноваты мы, что ему мерещится поклонение лордам, раздробление собственности на личном начале, вместо нашего дворянства маркизы и лорды a l'anglais,[1] образование, принимаемое как привилегия аристократии, увеличение платы студентов и проч., и проч. Последнее, то есть вопрос

[1] на английский лад (*франц.*).

об образовании, есть со стороны «Русского вестника» посягновение на самое драгоценное право народа русского, право, дарованное ему Петром Великим, и единственное, может быть, что только и есть безукоризненного в реформе Петра Великого. Это право на образование установлено им на самом демократическом и плодотворном основании. В этом вопросе Петр Великий сознательно презрел права породы, выдвинул вперед образованного и поставил его выше боярина. Он хотел, чтобы все образовывались; потомки его это поняли и поддерживали русское образование не иначе как на демократическом петровском начале. «Русский вестник» этого не хочет. В Англии так не делается... Но что говорить о «Русском вестнике» и о московских теймсах. Игра в карточные домики нашему обществу давно уже наскучила. Мы только указали на «Русский вестник» как на практического представителя кудактающих доктринеров... А теперь обратимся к тому, на чем остановились.

Положим, что наше общество не остановилось бы в свободном заявлении своих нужд и в отыскании немедленных средств для удовлетворения их; оно тогда, может быть, и дошло бы до того, до чего дошел «День» путем глубокого убеждения, то есть до ясного сознания своей разрозненности с почвой и с народом и, главное, до необходимости возвращения на родную почву и соединения с народным началом. Так что «Дню» нечего было бы и тревожиться и писать горькие диатрибы на наше общество, как пишет он теперь и еще долго будет писать, потому что на словах дело никогда не кончается, а, напротив, продолжается в бесконечность. Следственно, и «Дню» следовало бы стоять за практическую самодеятельность общества и верить, что она до добра доведет. Да и как не верить? Чуть только началось у нас хоть какое-нибудь практическое и свободное столкновение интересов общества и народа (столкновение, необходимо вызванное последними реформами повсеместно), как тотчас же и началось повсеместно сближение народа и общества и тотчас же, повсеместно, стала сознательно появляться мысль о необходимости этого соединения. Это так очевидно, что нечего и доказывать этого. Этого только слепой теперь не видит. И чем далее, тем очевиднее будет. Мы с твердым убеждением начинали наш журнал, провозгласив необходимость сближения общества с народным началом, и до сих пор заявляем и разъясняем эту мысль по возможности. Сколько насмешек и язвительных криков мы вынесли от всех литературных лагерей наших. Но теперь, несмотря на усиленные насмешки, переходящие даже в ругательства, мы с удовольствием видим, что с нами в унисон начинают петь чрезвычайно много голосов в литературе. В иных изданиях повторяются наши мысли до буквальной точности выражений. И однако ж, мы всегда будем стоять за правую сторону дела, и хоть, надо признаться, наше общество заявляло себя, свои нужды и требования, действительно, иногда легкомысленно, выставляя слепо западную цивилизацию

и свысока смотря на народ, но мы все-таки жалеем, что кудактающее направление успело повредить начинающейся саможизненности нашей. Они испугались даже до того, что в малодушном ослеплении своем стали смешивать подметную литературу с общею деятельностью всего общества. Поверьте, что саморазвивающееся общество само сумело бы остановить и подметную литературу. Не стало бы оно легкомысленно жертвовать своими собственными интересами и не потерпело бы и у себя легкомыслия, а следовательно, и подметной литературы, которая была бы буквально невозможна.

Зачем же вы теперь, господа, когда уже всё успели испортить, кричите, что общество лениво, не самодеятельно и не печется о своих интересах? Вы же да еще обвиняете общество? Что это насмешка иль нет? Оговоримся: мы никого из вас не обвиняем лично. Но направление теперешних изданий ваших есть то же самое доктринерствующее направление, которое еще так недавно остановило своим влиянием так много задатков и возможностей. И поэтому, кто бы вы ни были лично, мы обвиняем теперь вас, потому что у вас то же самое направление. Вот что, господа, мы вам скажем насчет лености, необразованности общества, и мы скажем нашу мысль без дальних рассуждений, для краткости присказкой. В новой газете «Очерки» помещена была довольно умненькая побасенка: «Продолжение летописи села Горохина», той самой летописи, которую начал еще Пушкин. (Кстати об «Очерках»: мы отчасти исключаем эту новую газету из числа других новых изданий и смотрим на нее особо. В ней встречаются иногда довольно верные мысли и недурные статейки, а статьи, принадлежащие г-ну Шапову, положительно хороши. Жаль только одного, что в этой газете есть один капитальный и, кажется, неисправимый недостаток, именно тот, что она — не газета. Берете вы какой-нибудь номер, желаете что-нибудь знать о современном, вчерашнем, сейчашнем, а читаете пятое или шестое продолжение о русском быте и о судьбе русской женщины при царе Алексее Михайловиче. Потом идет кяхтинская торговля, потом еще что-нибудь в этом роде, потом следуют производства в чины, и — дело кончено. Номер наполнен. Нет, газеты так не издаются. Это что-то издающееся по какому-то вдохновению. А как издатели еще с первого шагу, с первых номеров не успели спохватиться и догадаться, что так не издаются газеты, то мы, к сожалению, и считаем этот недостаток издания «Очерков» и впредь неисправимым.) В этой «Летописи села Горохина» изображено, как крестьяне села вначале даже не верили посреднику, что они уже свободны вполне, и недоверчиво выслушивали убеждения посредника к полнейшей их самодеятельности. Приходит мужик с просьбою о позволении поженить парня. Добрый и благородный посредник даже выгоняет его: «ты свободен, свободен, пойми ты это наконец, посконная твоя голова! К чему ты лезешь с такими просьбами, венчай сам как хочешь!» После этого мужики начинают наконец

верить и радоваться. Вдруг посредник собирает сходку. Сошлись охотно. Посредник предлагает миру завести школу. Мужики почесываются: «Нет, батюшка, у нас испокон века школы не бывало, и отцы и деды наши грамоте не учились, так уж школу и теперь нечего заводить. Не согласны». (Заметим в скобках, что с 19 февраля, то есть с манифеста о свободе, школы по России увеличились вчетверо; это цифра официальная. Следовательно, «Горохинская летопись» выставляет факт совершенно частный. Но это всё равно: во всяком случае свободу решения мирского приговора, если уж дана эта свобода, стеснять невозможно.) Посредник убеждает. Мужички стоят на своем. Тогда посредник начинает кричать. Мужички почесываются, но видя, что дело доходит до употребления власти, — соглашаются. Малое время спустя посредник опять собирает сходку: надо положить жалованье старшинам. Мир опять не согласен. Посредник опять кричит и власть употребляет. Кончается наконец в Горохине тем, что мужички всем миром идут к посреднику и просят его управлять ими так же, как ими правили прежде. «Невежды, ленивцы! — кричит посредник: — вы свободны! вы вполне свободны! я бьюсь, чтоб образовать вас, чтоб возродить в вас чувство самодеятельности, а вы. . .» Но гороховцы падают в ноги и стоят на своем. Посредник расставляет руки и, разумеется, решает про себя, что общество наше не приготовлено, что мужик ленив, груб и нелеп, что он не понимает благородных чувств, привык к палке, не хочет стоять за свои интересы, бежит самоуправления, самодеятельности, что он необразован, что даже и дурной помещик несравненно выше мужика, потому что образованнее, что мужиков прежде всего надо образовать, чтоб они понимали настоящую свободу, а для того надо опять взять в руки, опять надеть крепостной хомут и хорошенько, хорошенько, хорошенько их, даже хоть палкой, чтоб они знали, как об них заботятся, и понимали, что хотят возбудить их благородные чувства. . .

«Очерки», к удивлению нашему (к удивлению потому, что почти все журналы наши решили бы иначе), оправдывают горохинцев. Если уж дана им была свобода, то уж они свободны были и школ не заводить. (Бедный, но благородный духом прогрессист-посредник и не догадался в своем доктринерстве, что горохинцы, лет через пять, смотря на соседей и на всеобщий пример, сами бы завели у себя школу, и, не догадавшись об этом, чтобы завести только школу, подрезал самый основной принцип, на котором всё зиждилось, который был источником всего дальнейшего и сохранение которого было дороже всех школ на свете.) «Очерки» уверяют, что так было в прошлом столетии и в немецких государствах, когда там тоже начали заводить самодеятельность, и что горохинцы оказали даже при этом признаки здравого смысла. Господа доктринеры! положим, вы посредники, а мы, то есть общество, — горохинцы. Вот вы вызываете нас на самодеятельность. Что нам делать?

Ответ, по-нашему, ясен, и толковать нечего. Вот почему все ваши вызовы к самодеятельности нам и показались насмешкой.

Мы сейчас удивлялись, что «Очерки» решили в пользу горохинцев, и выразили наше убеждение, что все наши доктринеры и даже отъявленные краснейшие прогрессисты, может быть, решили бы иначе, а если б не решили, то *должны были бы* решить иначе, чтоб быть верными своим принципам. Не удивляйтесь нашему удивлению; мы вовсе не преувеличиваем. Но это бы еще ничего. А теперь вот начинаются даже признаки какого-то желания зла нашему мужику, какого-то отмщения ему за то, что до сих пор все так за него стояли и так за него распинались. Проглядывает даже ненависть. Это мы особенно заметили в новом органе, в газете «Русский листок». Это самый куражливый из всех новых органов, хотя, впрочем, в нравственном смысле, «Русский листок» из того же стада курица; хоть и силящаяся пропеть петухом курица, но все-таки тоже простая, обыкновенная, паническая курица. О мужике мы прочли в статьях г-на Скарятина. Оговоримся: мы не думаем, чтоб г-н Скарятин увлекался каким-нибудь пошлым плантаторским мщением. Мы толкуем его чувства иначе. Нам просто кажется, что ему надоела рутина сочувствия мужику. Бездарность, с которою иногда доводится до последней нелепейшей крайности прогрессивная мысль, у нас неудивительна. Мало того, эти бездарные до того долго волочат иногда по улице, грязнят и марают иногда самую святую идею, что повторять за ними общие либеральные и прогрессивные фразы иногда даже претит. Таким-то образом, полагаем мы, были оскорблены и эстетические чувства г-на Скарятина. Но все-таки это не дает ему права плевать на логику. Логика не рутина и не рутинный прогрессизм. Долго толковать о г-не Скарятине нечего, но на выдержку, как вам кажется, например, следующий афоризм его:

«В глазах многих достаточно быть крестьянином, чтобы быть правым, и помещиком, чтобы быть виноватым, тогда как известно, что наш крестьянин не только не лучше помещика, но, напротив, хуже его, *потому что необразованнее*, и если справедливо, что помещики нередко нарушали права крестьян, то еще справедливее и то, что крестьянин не упустит случая запустить лапу в чужое, если может сделать это безнаказанно».

(«Русский листок», № 1)

Что же это такое? Представлены на суд помещик и крестьянин. Хорошо. Вопрос, кто из них лучше? Г-н Скарятин уверяет, что помещик, *потому что он образованнее*. Ну положим, без спору, что и это хорошо. Что ж дальше? Дальше говорится: если справедливо, что помещик нарушал *нередко* права крестьянина, то и крестьянин не упустит случая запустить лапу в чужое добро.

То есть: если крестьянин запускает лапу в чужое добро, то не отрицается и то, что помещик нарушал права крестьянина, то есть брал себе у крестьянина то, что принадлежало крестьянину, а следовательно, тоже запускал лапу в чужое добро.

Итак, оба они, и помещик, и крестьянин (по г-ну Скарятину) запускали лапу в чужое добро. Но помещик лучше крестьянина, потому что он образованнее.

Помилуйте, г-н Скарятин! Что же, как же вы после этого понимаете образованность? За модный фрак или за бритье бороды? По-нашему, уж если человек образован, то он получил нравственное развитие, по возможности правильное понятие о зле и добре. Следственно, он, так сказать, нравственно вооружен против зла своим образованием, а следственно, владеет для отражения зла средствами несравненно сильнейшими, чем крестьянин (мы уже не говорим про то, что помещик во всяком случае материально обеспеченнее крестьянина; что он реже голодает, чем крестьянин, и разве только проиграется в картишки, но уж никогда не ведет на базар последнюю кобыленку, с тем, чтоб продав ее, заплатить оброк или подати).

А если так, если иной помещик нравственно и физически гораздо обеспеченнее от зла и порока, чем крестьянин, и если, несмотря на всё это, он попадается в одном и том же преступлении, как и крестьянин, то есть запускает лапу свою в чужое добро, то во имя справедливости и логики: кто из них нравственнее, кто из них лучше?

Согласитесь сами, что вину крестьянина облегчает еще сколько-нибудь его невежество и необразованность.

Воля ваша, г-н Скарятин: вы так *сами* поставили вопрос и подвели на него ответ, что обвинить непременно должно помещика. Непременно должно выйти так: он хуже крестьянина, потому что, будучи образованнее и материально обеспеченнее, сделал такое же преступление, как и крестьянин.

Это по-вашему, по-вашему же так выходит, г-н Скарятин! А между прочим, вы решаете иначе. Это уже скандал, а не логика!

Чего же после того лезть в учители, когда и свою-то собственную мысль прилично изложить не умеете.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

I. ОТВЕТ «СВИСТУНУ»

В сороковом номере газеты «Очерки» было напечатано о нас следующее постороннее письмо, присланное одним посторонним лицом в вышеупомянутую газету.

Г-н Редактор!

Надеюсь, что вы дадите место моей заметке в вашей газете. Цель ее — уличить редакцию «Времени» в явной недобросовестности и непоследовательности и отметить характеристическую черту для будущего историка русской литературы и журналистики.

В январской книжке этого года редакция «Времени» по поводу объяснений своих в нападении, произведенном на *свистунов* в объявлении об издании журнала на 1863 год, выгораживает, между прочим, из числа этих злокозненных людей покойного Добролюбова, признавая его за человека, «*глубоко убежденного, проникнутого святою, праведной мыслью, за великого бойца за правду*». Далее редакция почтенного журнала говорит, что по силе и значению в литературе Добролюбов был бог, и восхваляет себя за борьбу с ним против неуважения его к народу и неверия в его силы.

Справедливость последнего подлежит суду критики; что касается до первого, то во имя уважения к памяти покойного следует остановить г-на редактора «Времени» и указать ему на руководящую статью его журнала, помещенную в № 3 прошлого года, — вскоре после смерти Добролюбова.

Голос «Времени» прозвучал не без резкости и резюмировался окончательно в мнении о Добролюбове таким образом на стр. 32: «Мы чувствуем желание взглянуть свысока на Добролюбова, потому что находим у него очевидные недостатки, промахи всякого рода, *мысли неточные, недодуманные, мелкие, фальшивые, вопиющие противоречия и плоскости; концы, вовсе не идущие к началу, начала не доведенные до конца и т. д. Этих ошибок, этих примеров всякого рода путаницы и бессвязицы можно было бы набрать столько, сколько угодно*» и т. д.

Пусть редакция «Времени» сравнит сама это прежнее свое мнение с новейшим и объяснит, путем какой логики и какого чувства пришла она к мнению о покойном как о человеке, проникнутом *святою, праведной мыслью*, как о великом бойце *за правду*?

Примите, и проч.

С в и с т у н.

Вот наш ответ:

Господин Свистун!

Мы решились вам отвечать, хотя ваше письмо адресовано не к нам, а редактору «Очерков». Но так как дело касается лично до нас и в вашем письме говорится только об нас, то вы, конечно, и не удивитесь, что мы берем на себя приятную обязанность отвечать на это письмо. Решились же мы вам отвечать по трем нижеследующим причинам:

Причина первая: По тону вашего письма в газету «Очерки» мы убедились, что вы, милостивый государь, человек совершенно посторонний, то есть что вы не принадлежите к раздраженным против нас лично редакторам и издателям и, кроме того, что вы браните нас не из каких-нибудь выгод. Извините нас за эту откровенность; но вы имени вашего не подписали, а на нас столько пишется ежедневно ругательств, столько гаденьких пошлостей, что мы невольно принуждены быть подозрительными и различать между нашими оппонентами. Иным отвечать — так слишком уж много им чести будет. В вашем же письме мы не видим никаких намеков, никаких посторонних затаенностей. Вы прямо заботитесь о деле и добиваетесь решения противуречия, поразившего вас в нашем журнале. Вы, видимо, тоскуете и беспокоитесь и, несмотря на все старания и напряжения ваши, вы все-таки не в состоянии своими собственными средствами разрешить вопрос. Мы искренно спешим вам на помощь, — вам, человеку благородному (потому что вы заботитесь о правде), человеку добрейшему (это видно) и, наконец, человеку бескорыстно питающему благородную любовь к отечественной словесности (это уже очевидно).

Причина вторая: Кроме чрезвычайно резкого выражения вашего, милостивый государь: «*уличить редакцию „Времени“ в явной недобросовестности*», всё остальное написано у вас без особенных ругательств. Значит с вами говорить еще можно. Теперь нам стоит только уличить вас в некотором непонимании дела, и вы, как человек, прежде всего отыскивающий правду, вероятно, тотчас же сознаетесь в своей ошибке и возьмете выражение ваше о нашей недобросовестности (единственное оскорбительное для нас выражение в письме вашем) назад.

Причина третья: Мы отвечаем вам, милостивый государь, еще и потому, что вы в письме вашем подписались: «свистун», без прилагательного «хлебный». В противном случае, то есть если б вы подписались: «хлебный свистун», мы бы не стали вам отвечать.

Собственно, против свиста мы ничего не имеем. Это только особенная форма проведения мысли, употреблявшаяся в последнее время с большим успехом в отечественной словесности. Мы сами иногда посвистывали. И потому ваша подпись: «свистун» — очень хорошая подпись. Но хлебный свистун есть тот, который

продает свой свист и, главное, направление своего свиста за деньги тому, кто больше даст, и таким образом свищет на первого встречного по заказу. Согласитесь сами, что иметь дело с такими господами неприлично. Да и такие случаются между ними ярыги, что и представить себе нельзя. Не отвечать же им. Теперь, окончив всё предварительное и обстоятельно перечислив вам почти по пальцам все побуждения, склонившие нас отвечать вам, мы просим у вас извинения, милостивый государь, за некоторое многословие наше, заставившее вас, очевидно, потерять несколько драгоценных минут вашего драгоценного времени (потому что время для человека, ищущего правды, всегда драгоценнее, чем для человека, ищущего неправды). Мы всё это очень хорошо понимаем. Но ведь возможности нет, милостивый государь! Иной раз изложишь свою мысль, кажется уж ясно; а смотришь: тут же, перед вами же так ее перевернут, что сам не узнаешь и дивишься. Вот хоть бы и вы, милостивый государь (говорим это с горестью), вы, почтенный любитель отечественной словесности! Ну как бы, кажется, не понять вам наших слов о Добролюбове? А между тем вот не поняли же вы! .. И потому извините за излишнее теперешнее многословие наше: такую уж манеру взяли; просто разжевываем и в рот кладем, точно грудным детям или старикам беззубым. Побольше-то наговоришь, так оно как будто и яснее.

Итак, к делу:

Помилуйте, почтенный свистун, где же у нас противоречие? Вы свидетельствуете, что мы, с одной стороны, выставляем покойного Добролюбова за человека, «глубоко убежденного, проникнутого святою, праведной мыслью, за великого бойца за правду», называем его богом (не для нас, разумеется, богом, а для его яростных последователей, вы забыли разъяснить это) и, по вашему же заявлению, тут же, после этих похвал, мы восхваляем себя за борьбу с ним против неуважения его к народу и неверия в его силы.

Но, смотря с другой точки зрения, в другой статье нашей (написанной прежде) мы пишем, что находим у него *«мысли неточные, недодуманные, мелкие, фальшивые, вопиющие противоречия и плоскости: концы, вовсе не идущие к началу, начала, не доведенные до конца, и т. д. Этих ошибок, этих примеров всякого рода путаницы и бессвязицы можно было бы набрать столько, сколько угодно»* и т. д.

Мы уже не говорим о том, милостивый государь, что оба эти отзыва выхвачены вами отрывками из средины статей наших. Представляясь отрывками, без последовательной связи с своим предыдущим, они кажутся гораздо более резкими, и видимое противоречие их между собою гораздо неожиданнейшим, чем на самом деле. Но мы все это вам уступаем и не хотим прибегать к таким мелким оправданиям, потому что, в сущности, и не нуждаемся в оправдании. Мы только вам разъяснить хотим, да и то

только вам лично, потому что чувствуем к вам особенную симпатию.

Если вы, милостивый государь, хоть капельку потрудитесь углубиться в нашу мысль и рассудите вместе с нами, то вы сейчас же сами всё поймете. В самом деле: чем первый наш отзыв о Добролюбове противоречит в сущности второму? Всё дело в том, что вы никак не можете себе представить, чтоб человек, «глубоко убежденный, проникнутый святою, праведной мыслью, великий боец за правду», мог хоть когда-нибудь ошибиться и наврать вздору. Помилуйте, да это случается на каждом шагу, каждый день. Оглянитесь кругом. Вот, например, стоит перед вами человек, по житию чуть не праведник, убежденный в правде глубоко и свято, вы его уважаете, вы его, наконец, любите, и вдруг этот прекрасный господин, в одно прекрасное утро и единственно, чтоб достигнуть своей благороднейшей цели, начинает в ваших же глазах колотиться об стену головою. Что вы скажете тогда, милостивый государь? Откажете ли вы ему тогда в возвышенности духа и в том, что он проникнут святою и праведной мыслью? Очевидно, нет: он в жертву самого себя, свою голову приносит, так что всё это может оставаться при нем — то есть и глубокое убеждение, и святость и праведность. Откажете ли вы ему в том, что он великий боец за правду? Очевидно, нет. С этой-то целью он и стукается перед вами головой об стену, да как еще — в кровь! и всё это за правду. Разве вы таких бойцов не видывали? В чем же вы найдете, наконец, ошибку этого господина, его изъян, абсурд? Очевидно, в средствах, им употребляемых для достижения его цели. Он в средствах и только в средствах ошибается, не так взглянул на предмет, и в этом смысле вы, разумеется, найдете в поступке его столько «*путаницы и бессвязицы, сколько вам будет угодно*».

Но, скажете вы, ваш прекрасный человек был сумасшедший, дурак. Неправда, милостивый государь, он мог быть не только не сумасшедшим и не дураком, но даже очень умным человеком. Он только *ошибался*, и больше ничего. Разве умные люди не могут ошибаться? Да гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются. Вот рутина, так та реже ошибается. Вы не верите: разверните историю, оглянитесь кругом, и вы каждую минуту найдете преумного человека, который для благороднейшей цели стукается лбом об стену. Нужно только глаза иметь и увидите. Возьмите людей исторических: ну, Петра Великого, например, или помельче, возьмем хоть Сперанского... Разве они не ошибались и в то же время не имели благороднейшей цели — счастья отечества? Возьмите других европейских людей: Игнатий Лойола, например. Ну для чего он употребил столько благороднейшей энергии, столько силы духа и упрямства, столько огромного ума! А между тем цель его была высокая — счастье человечества. Чем он хотел до-

стигнуть его? — усилением католичества, — значит, колотил головой об стену.

«Да, но Добролюбов не мог так, как они, ошибаться! — говорите вы, и это — голос всех последователей Добролюбова. — Он был без ошибок, он не мог ошибаться». Но в этом-то мы с вами и разнимся, милостивый государь; такого детского и смешного поклонения мы не можем иметь, хотя эта разница и не составляет предмета настоящего противуречия. Не забывайте этого. Дело идет теперь только о нашей непоследовательности, о нашей нелогичности и о нашей недобросовестности, в которых вы нас обвиняете. Что же касается до Добролюбова, то будь он разгений, он все-таки мог ошибаться, по крайней мере так же, как ошибались и те нами названные великие люди. А ведь Добролюбов далеко был не гений, а разве только что умный человек. Для своего времени он мог делать те же самые ошибки, как те для своего. Конечно, были умные люди, которые и тогда не ошибались, но, по нашему убеждению, Добролюбов не принадлежал к их числу...

Ясное дело, что довольно грубое сравнение наше о стуканьи лбом не может быть отнесено к Добролюбову во всей его резкости. Но отчасти — непременно да. Предположите же теперь, что мы *действительно* и глубоко убеждены, что Добролюбов не понимал народа, видел в народе и в обществе по преимуществу одно только темное царство; грубые и наносные явления, так сказать, кору, принимал за сущность дела; даже иногда явления самые светлые и отрадные в нашем народе, грубо не поняв их, относил к мерзейшим; в силах народных усомнился и придавал значение по преимуществу одной только западной выкройке. Положим, что мы глубоко и свято убеждены во всем этом. Ну вот это-то и есть его стуканье об стену. Что ж из того? Разве такое убеждение разрушает в нас веру, что Добролюбов был в то же время благородный деятель, что он стремился неуклонно к правде, то есть к освобождению общества от темноты, от грязи, от рабства внутреннего и внешнего, страстно желал будущего счастья и освобождения людей, а следовательно, был благороднейший деятель в нашей литературе. Даже, может быть, самые ошибки его происходили иногда от излишней страстности его душевных порывов. Добролюбов мог даже, если б остался жив, во многом изменить свой взгляд на вещи, поправить свои ошибки, найти другую, *настоящую* дорогу к своей цели, только одной своей благородной и праведной цели он не мог изменить никогда. Цели и средства — это разница, милостивый государь. Белинский был благороднейший из благороднейших деятелей русских, но раза три в жизни основным образом менял свои убеждения. Одной правде он не изменял никогда. Это чрезвычайно яркий пример, милостивый государь, зачем вы его не припомнили?

Мы боролись с Добролюбовым и убеждены, что хорошо делали. Некоторые из бездарных последователей его в настоящую

минуту довели презренье к народу и неверие к силам его до такого абсурда, что разве только один безобразно громадный размер их нелепости, пошлости и бездарности делает их безвредными. Скоро сделает и смешными; это непременно, потому что это уже и теперь начинается. А между тем, благодаря святочтимой молодежью памяти Добролюбова, эти бездарные, единственно только тем, что прикрываются авторитетом Добролюбова, который бы их сам отверг, все-таки имеют некоторое и чрезвычайно вредное влияние на молодежь. Против этого надобно бороться, и мы будем бороться.

Прибавим наконец, чтоб кончить о Добролюбове, что мы всегда признавали в нем талант и, кроме того, во многом соглашались с ним, в том именно, в чем он не ошибался, и тут он был увлекателен и высокоталантлив, а следственно, если мы умели это заметить и оценить (и поверьте, получше многих других), то опять-таки имели право и хвалить его. А в похвале-то вы нас и упрекали. Теперь перейдем к нашему главному вопросу.

Итак, милостивый государь, где ж оно, где ж это противоречие? Вся штука вышла из того, что вы не хотели даже и предположить, чтоб умный и свято проникнутый любовью к правде человек мог ошибаться! Да что это за безграничное поклонение перед авторитетами! Что за *служебность* (мы нарочно выбираем словцо помягче) перед человеком, которого почитаем и уважаем. По нашему мнению, можно уважать безо всякой служебности. Нет, почтенный свистун, всё это обличает только некоторую вашу неумелость, некоторую вашу скороспелость, некоторую неудачу вашего мышления, а... не нашу *недобросовестность*. Согласитесь, милостивый государь, что взваливать на людей такое тяжкое обвинение нужно осмотрительнее, совестливее, не торжествуя заранее, конечно, если вы только сами человек...

Ах, милостивый государь! Вы не поверите, в какое положение мы иногда бываем поставлены. Кажется, уж на что разжевываем, кажется, уж ясно говорим, — нет, хоть что хочешь делай с иным деятелем, просто хоть кол теши. Это что еще вы! С нами, может быть, уже сотни таких примеров случались. Многие лезут-то ведь не для правды, а с тем, чтоб как-нибудь оскорбить, оговорить. Самолюбие в них до последней болезненности раздражено, так что отца родного готов на рынке продать, только чтоб дали ему вас ущипнуть. Не отвечать же таким, разумеется. Притом же тупость, тупость... Да кстати, вот вам один анекдотик из сотен с нами случившихся. Позвольте вам его рассказать, тем более что он имеет необыкновенное сходство с вашим письмом (то есть сюжет другой, но прием-то мышления тот же, логика одинаковая). Наконец и то, что случай этот вовсе не заключает в себе той злокозненности и злокачественности, об которых мы сейчас говорили. Это просто замечание, сделанное нам одним любителем отечественной словесности, та-

ким же бескорыстным и добродушным искателем правды, как и вы. Замечание это было сделано нам в «Сыне отечества» в прошлом году, в одном из воскресных нумеров в ноябре месяце. Будьте так добры, выслушайте.

Разительное сходство с настоящим случаем.

Рецензент «Сына отечества» разбирал октябрьскую книжку «Времени». В сентябрьской книжке нашей была статья г-на Родевича «По поводу общественной нравственности». В октябрьской же помещена была другая статья на ту же тему, г-на Сокальского. Далее будем говорить словами самого рецензента:

«Указанными статьями мы и можем кончить обзор вышедшей книжки „Времени" (октябрьской). В заключение мы укажем в ней только на одну странность. В разбираемой нами книжке, между прочим, помещено письмо г-на Сокальского: „Заметка по вопросу об общественной нравственности", вызванное статьей г-на Родевича о том же предмете. В том, что явились эти заметки, удивительного нет ничего, но удивительно следующее примечание, сделанное к письму редакцией: „Хотя эта статья и *противоречит* статье г-на Родевича, недавно напечатанной в нашем журнале, но так как она *прогрессивна* и *гуманна* и трактует о деле с особенной оригинальной точки зрения, то нам кажется, что подобные противоречия служат к дальнейшему разрешению вопроса". Мы позволяем спросить: считает ли после этого редакция самую статью г-на Родевича *прогрессивной* и *гуманной*?»

Ах, боже мой, да почему же нет? Точно прогрессивный и гуманный человек не может ошибаться? Сошлись, положим, г-н Родевич и г-н Сокальский. Оба они и прогрессивны и гуманны; оба стремятся к той же цели. Но во взгляде на дело, но в средствах к достижению цели они расходятся радикально и вот — заспорили. Неужели один из них должен уж непременно сейчас же сделаться и не прогрессивным и не гуманным, потому только, что он не согласен, противоречит? Противоречие противоречию розь. Ведь у них цель одна. Да они и оба могли ошибаться и в то же время оставаться и прогрессивными и гуманными. По тысяче человек иногда сходятся и спорят в парламентах, и бывает, что один идет против всех, и впоследствии оказывается, что он-то и был прав. Что ж, неужели все остальные 999 мошенники и дураки или не прогрессивные и не гуманные? Прямо приходится вывести, что прогрессивные и гуманные люди никогда не ошибаются, никогда друг другу не противоречат, а ведь это явный абсурд, особенно среди нашей действительности. Ну как бы, кажется, не понять этого абсурда, как бы, кажется, не домыслить! А ведь вот же не понял, не домыслил человек! Ну, посудите сами, милостивый государь, ну как прикажете отвечать на такие вопросы? А ведь почти всё такие. В наше-то, в наше-то положение вникните. Мы, разумеется, и не отвечали «Сыну отечества», да вот теперь кстати по поводу вашего письма припомнили... Сходство-то уж очень с вами разительное.

А впрочем, милостивый государь, относительно вас мы не тяготимся. Обращайтесь к нам и впредь, присылайте, присылайте нам ваши противоречия! Всё, что можем, — мы для вас сделаем, ценя вашу благородную жажду правды и вашу прекрасную любовь к отечественной словесности. Еще раз извините за многословие; но что ж делать! разжевываем, разжевываем...

II. МОЛОДОЕ ПЕРО

По поводу литературной подписи. «Современник»», № 1 и 2

Брамбеус! решительно Брамбеус! Прочел с удовольствием. Фыркал, прыскал со смеху. Пыхтел, задыхался. Потел! Игриво. Молодое перо. Талант. Каратель пороков. Упование России... Игрун, визгун, танцует. Далеко пойдет. Молодец.*

И всё-то дело из-за г-д Скавронских. Г-н А. Скавронский поместил в декабрьской книжке «Времени» заявление о том, что подписью его злоупотребляет какой-то другой г-н Н. Скавронский, в Москве. Г-н А. Скавронский испугался, чтоб его как-нибудь не смешали с г-ном Н. Скавронским. Ну так вот, как смел г-н А. Скавронский испугаться и напечатать, что он А. Скавронский, а не Н. Скавронский? Он — простой, обыкновенный сочинитель. По крайней мере, если б был генерал от литературы, какой-нибудь Катков, а то — А. Скавронский! И туда же! Обличить, обличить скорее, неотлагательнее! Страждет литература, страждет общество. Надо карать, свистать, плевать. Даже непочтительность к старшим замечается. Если всё это спускать, так ведь что из этого выйдет?

Впрочем, дело ясное: Молодое перо. Надо было дать пищу сатирическому уму. Искусство для искусства. А действительно, игриво написана статейка (в «Современнике», в номере первом и втором. Вообще в «Современнике» как будто начинается опять искусство для искусства. Новая похвальная струя). Я, действительно, смеялся (кроме шуток): очень, очень забавно и с несомненным талантом. Только вся штука мне кажется несправедливою. Извините, молодой рецензент, но у меня болит сердце. Вы начинающий талант, блестящий — это правда, но послушайте, однако, нас, стариков. Не тратьте даром молодых сил, сил юных, пылких, неопытных. Еще у Кошанского сказано, что хорошие мысли предпочитаются блестящему слогу. Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой. Взгляните на старую кокетку: одежда ее блестит совершенствами, разубрана розами, пахнет мускусом. Но, однако, что скрыто под сей одеждой? Фальшивые зубы, фальши-

* Невинное подражание слогу ба́рона Брамбеуса, сделанное не без цели.

вые косы, фальшивые, так сказать... впрочем, опасно пускаться в дальнейшие подробности. Одним словом, молодой человек, вы убежали бы от ветхой прелестницы с отвращением и ужасом. Убегайте же подобным образом от наружного литературного блеска, берегите себя от соблазнов блестящего слога, дуньте на тень Брамбеуса, которая носится перед вами, соблазняя вас на мишурные подвиги, и она исчезнет, как исчезает колечко табачного дыма, выпущенное ловким военным курителем. Вместо всего этого заботьтесь о содержании, о мысли. Размыслите, молодой, но блестящий писатель, ведь вы ошибаетесь.

Почему, скажите, г-н А. Скавропский не имеет права досадовать, что другой писатель подписывается его именем? Потому что он не генерал, не великий писатель? Но ведь всякому свое дорого. Что ежели б вы сами изобрели себе какой-нибудь псевдоним и приобрели себе славу, а другой какой-нибудь проказник в Москве взял бы да и стал подписываться вашим же псевдонимом, да еще, положим, где-нибудь в «Русском вестнике». Ну что бы вы тогда сказали? Конечно, и вы бы тотчас же «впились» в нарушителя собственности. Или нет? Не верится что-то. Ведь впились же вы теперь в почтенного А. Скавронского за то только, что, по вашему мнению, он суется в калашный ряд. Ну что ж, что он не так славен, как вы? Он, может быть, еще будет так же славен, как вы? Вспомните разговор престарелого Аннибала и молодого Сципиона при их свидании:

Аннибал. Я был славен, когда ты еще не родился.
Сципион. Я буду славен, когда ты умрешь.

Не правда ли, что это величественно? Это из древней истории. Все эти римские анекдоты тем хороши, что с успехом прилагаются к современной русской литературе. Повторяю вам, молодой человек, всякому свое дорого. Если г-н А. Скавронский ценит свой труд (а это благородная черта), то и ревнив к своему труду. Как он смеет представляться генералом, говорите вы? Но он, может быть, вовсе и не представляется генералом, а требует себе только своего, своего собственного. Кто знает, если б вы могли отдать ему свое блестящее имя, то он, может быть, и не взял бы его. Мне, дескать, мое дорого, а чужого не надо. Я не знаю ваших сочинений, молодой поэт, знаю только одну теперешнюю статью вашу о «Литературной подписи» в «Современнике». Она игрива, бесспорно, но, может быть, А. Скавронский и не захотел бы подписаться под вашей статьей. Всякому свое, да и только. Употреблю сравнение. Представьте себе, молодой, но талантливый рецензент, представьте себе какой-нибудь великолепный дом на Невском проспекте или где-нибудь поблизости на канавке. Дом, так сказать, палаццо, вилла, дворец, полы парке, ну и все там эти роскоши. Прохожие любуются величественной архитектурой. Какой-нибудь скромный и отчасти голодный чиновник, с ветхим портфелем под мышкой и даже без за-

мочка, потому что ключик лет десять тому назад затерян семерыми детьми, пробирается мимо, в притруску, в департамент, но, подняв нечаянно голову, встречает дом, и сердце его оживляется. Архитектура производит свое действие, потому что искусство неотразимо. Он ощущает удовольствие и с новым рвением спешит на службу. В этом великолепном доме живет богач и, разумеется, радуется. Но вот рядом с великолепным домом богача стоит еще маленький деревянный домик, в один этаж, окна в четыре не больше и осененный березками. В этом доме живет бедняк и наслаждается невозмутимым спокойствием совести. Всех этих мраморов и этажерок нет у него, но он об них не тужит: у него есть хорошая книга, испытанный друг, всегда готовая котлетка — и чего же больше для счастья человеческого? Но вот однажды утром молодое поколенье зажигает дом богатого владельца. Через два часа остается один только пепел (разумеется, владелец спасается; так нужно для сравнения, вы увидите дальше). На другое же утро молодое поколенье зажигает и деревянный домик скромного счастливца. Через полчаса от него не остается и камня на камне. Разумеется, и богатый владелец и бедный счастливец будут горько плакать, но кто вам поручится, что бедняк не заплачет еще горче, чем великолепный вельможа... Теперь оборотим медаль и разъясним аллегорию. Представьте себе, что богатый вельможа — это вы,. генерал и блестящий писатель, владелец бедный — это А. Скавронский. Различие качеств обоих домов пусть означает различную степень ваших литературных талантов; таланты здесь изображены под видом домов, что употребляется в литературе (см. дом Краевского на Литейной и дом Старчевского на Мойке). Представив всё это, вы тотчас же догадываетесь, что А. Скавронскому точно так же дорог и, может быть, еще дороже его скромный талант, чем вам ваш блестящий.

Но вы, может быть, не согласитесь и с этим сравнением, молодой рецензент; вы, может быть, скажете, что поступок А. Скавронского омерзителен, что воображать себя генералом, которым интересуется публика, смешно и что надо карать общественные, так сказать, язвы. Что это, наконец, святое дело журнала, его направление, его назначение. Что А. Скавронский самолюбив, тогда как А. Скавронский не должен быть самолюбив. О молодое перо, молодое перо! — восклицаю я. Согласен, согласен, что всё смешное в литературе надо искоренять и преследовать, но мало ли в литературе нашей что делается? Мало ли в ней не только смешного, но даже омерзительного делается, а между тем вы обратили внимание только на А. Скавронского, и избрали его предметом блестящей статьи своей, и пропустили омерзительное. Да ведь это сплетня, только сплетня и ничего больше. Какое уж тут святое дело журнала, его направление и назначение, какие тут язвы. Тут просто литературная игривость молодого пера — и ничего больше. И наконец, зачем вы смотрите

на весь этот факт только с смешной стороны? Возьмите его хоть со стороны коммерческой. За литературный труд получается у нас плата. Если господин под вашим псевдонимом начнет писать плохие статьи, так ведь, пожалуй, подумают, что это вы пишете плохие статьи и будут вас пропускать в журнале, не разрезывать. Справятся немногие, уверяю вас. Так ведь это, так сказать, подрыв. А г-н А. Скавронский имеет известность. Г-н А. Скавронский с талантом, уж это как хотите-с. Жаль вот, что я не читал его «Бедных в Малороссии», о которых вы упоминаете в вашей блестящей рецензии. Но я зато читал его «Беглых в Новороссии» и знаю наверно, что роман этот имел очень большой круг читателей и приобрел писателю значительную известность. Ну вот, г-н А. Скавронский и дорожит этой известностью. Да если б даже он преувеличил немного свое значение (хотя, право, его протест во «Времени» нисколько этого не доказывает), так ведь это так возможно, так всякому безобидно. Ведь это со всяким, ей богу со всяким, может случиться. Ведь вот вы, например, чего доброго, пожалуй, вопьетесь теперь в меня за то, что я не согласен с вашей рецензией. Вы же так щекотливы, так обидчиво чувствуете чужое самолюбие... А знаете что, молодой человек: ведь это вы нарочно написали «Бедных в Малороссии» вместо «Беглых в Новороссии» — для усиления своего остроумия. Будто, дескать, и название-то романа забыл, потому что не стоит и помнить. О молодое перо! Истинно говорю, мое сердце скорбит, что столько остроумия потрачено с такою эфемерною целью. Заботьтесь о мыслях, молодой человек, о мыслях и вспомните мое сравнение с престарелой кокеткой.

Ведь еще это знаете что? Ведь это литературная, так сказать, халатность, да еще халатность-то с распахиванием халата (Vous comprenez?[1] «Ничего, ничего, молчанье!»).

Нет, опять-таки, почему ж непременно только генералы смеют писать о себе заявления, почему именно вы за генералов одних стоите, почему они так вам милы, блестящий и талантливый аристократ? Но ах... Что ж это я... Позвольте... да!.. ах, боже мой, да ведь я дал маху. Вы тоже и генералов литературных отделываете. Хотя, впрочем, этот генерал уже не генерал, а статья совершенно особенная. У вас написано:

«Поверит ли, например, кто-нибудь, что один литератор вдруг ни с того ни с сего объявил недавно в „Северной пчеле“, что он так велик, что его даже во сне видит другой литератор? Что должна думать и чувствовать публика, которую потчуют подобными заявлениями?»

Да это про Тургенева, про известное заявление Тургенева, напечатанное в «Северной пчеле» прошедшей осенью! А другой-то литератор, который видел сны, это, разумеется, г-н Некрасов. Всё ведь это теперь заявлено официально, следовательно,

[1] Вы понимаете? (*франц.*).

можно называть и имена. А ведь, однако, вы и тут покривили, молодой человек. Ведь Тургенев вовсе не заявлял, «что он так велик», как вы утверждаете и что поэтому его и видят во сне, да вовсе и в мыслях этого не имел, ошибаться тут уж никак нельзя было. История эта слишком известная: человека приглашают в журнал, боятся, что потеряли его сотрудничество, заискивают в нем, для чего и пишут ему чувствительные письма, напоминая о прежней дружбе и о том, что даже и теперь его видят во сне, и только что человек не подался на чувствительность, не поверил и отказался от журнала, — начинают распространять и писать в журнале, что его чуть не выгнали, потому что не согласны с его направлением. Нет, уж согласитесь сами, что тут уж не только сны, тут уж и наяву-то было другое. Покривили, покривили душою, молодой человек! Ведь вы всё это знали и зазнамо иначе выставили, а ведь это уж не совсем честно (в литературном отношении, разумеется). Вы добиваетесь славы Сенковского, Жюль-Жанена, Дружинина, это похвально, добивайтесь, но:

Береги честь смолоду, —

гласит пословица. Или вы уж так весь впились в интересы редакции «Современника», что, впиваясь, оставили прежнее у порога? Конечно, талантливый молодой человек, вы защищаете новых друзей ваших; дружба дело святое, прекрасное, но вы напрасно думаете, что г-н Тургенев уж так обидел г-на Некрасова, напечатав о его ежедневных снах: видеть во сне отсутствующего друга — факт, по-нашему, очень похвальный, которого стыдиться нечего, если он искренен и если наяву всё продолжалось точно так же, как и во сне. Но г-н Тургенев доказывает, что не так продолжалось, а для этого и напечатал это письмо. Конечно, может быть, и лучше бы было совсем не печатать об этих письмах: ведь г-н Некрасов и, в самом деле, да еще очень мог видеть известного человека во сне и даже с самою бескорыстною целью. Но ведь что ж прикажете делать, когда наяву-то совсем напротив было. Ведь тут терпенье потерять можно. И презабавная у вас, право, мысль, молодой человек: одного пусть щиплют, теребят и душат, а тот и не пикни. Сложи руки да улыбайся. Про одного два года пишут, что его выгнали из журнала, а тот, с фактическими доказательствами в руках, два года молчит и не объявляет, в чем правда, и вот только что успел заявить настоящую правду, он уж и виноват выходит. И вот уже молодое, но талантливое перо скрыпит всему свету о новом его преступлении. Проказники!

ОПЯТЬ «МОЛОДОЕ ПЕРО»

Ответ на статью «Современника» «Тревоги „Времени“» («Современник», март, № 3)

Впился-таки! Не выдержал самого первого натиска! Я и предрекал, что вопьется... О молодое перо! Какой визг из-за того, что вам отдавили ножку. А вспомните-ка, молодой, но блестящий талант, вспомните, как вы куражились в феврале над А. Скавронским за его «Литературную подпись»!* А вот как коснулось до вас самих, так и наполнили тотчас же вселенную своими воплями:

Remplit les bois et les campagnes
Du cri perçant de ses douleurs.[1]

Вот потому-то сейчас и видно, что еще молодой талант, да еще без всякой дрессировки. А еще обижается за слово «молодой»!

Вы рассердились на статью во «Времени». Вы проговорились и упоминаете о ней в вашей статье «Тревоги „Времени“». А не надо бы было упоминать, не надо бы было проговариваться, что от нее пострадали, а следственно, что вас злость берет и тянет выругаться в предупреждение разлития желчи. Статья ваша точно доктором вам прописана, по рецепту. Она пахнет аптекой, гофманскими каплями, уксусом и лавро-вишневой водой. Вот это-то и значит свои бока подставлять. Тут именно надобен вид, что и видом не видал враждебной статьи и слыхом не слыхал о ней. А кто спросит: «Читали, как вас отделали?» — Э, вздор! что читать! есть мне время читать *такие* статьи! A propos

* См. «Современник», № 1 и 2 и ответ во «Времени»: «Журнальные заметки. II. Молодое перо».

[1] Своими стонами страдалец наполнял || Леса и долы (*франц.*).

mon garçon,[1] ведь «у испанского посланника вчера был, кажется, раут?» * Ну и замять разговор испанскими-то делами.

Важности, солидности, великосветской небрежности было бы больше. А то: «Ой, больно!» Сейчас надо и показать, что больно. И вышел водевиль: «Отдавленная ножка, или Отмщенный А. Скавронский». Ну что ж, что больно? До свадьбы заживет.

В ваших же интересах говорю; добру учу; о неопытность!

Вы вообще ужасно спешите. Молодая прыть. Вам ужасно хочется оправдаться, поскорей, как можно поскорей уверить публику, «что это не я; что это всё от злобы, а я самый блестящий талант». Правда, ваше положение понятно, и я искренно ему сочувствую. Как в самом деле: столько времени подвизался на прихотливом поприще российского юмора, столько лет повременные издания похваливали, столько лет срывал цветы удовольствия, — «розы рвал и фиалки поливал» и вдруг — ругань! да еще какая: называют «молодым пером», «молодым человеком» (что может быть ужаснее!), ставят на одну доску с А. Скавронским, говорят, что подражает Брамбеусу, *Дружинину* (согласитесь, что «Дружинину-то» вас наиболее и кольнуло. Так ли? Знаю я сердце человеческое иль нет?). Говорят, наконец, будто ваши критические статьи — одно искусство для искусства, цветы удовольствия, «часы досуга», перлы, скатившиеся с молодого пера, употребленного с эфемерною целью.

И брызгал перлом водомет.**

Шумиха слов, колечки табачного дыма, выпущенные ловким военным курителем, и (что всего хуже) некоторое литературное виляние туда и сюда, литературные, так сказать, *прибавления* к «Инвалиду-Современнику». По поводу прибавлений дают вам разные советы, вам, прогрессисту-то! Да еще не простому прогрессисту, а перепеченному недавно в нигилисты по редакционной надобности. И это в первый раз еще так относятся к вам, в первый раз в жизни в продолжение стольких приятных лет дешевенькой литературной игривости. Да как тут не взбеситься, как тут не прорваться, как тут не проврaться. О! мой нигилист du lendemain! [2] Будьте уверены, что я слишком хорошо понимаю ваше положение...

Но остановимся на минуту для одного щекотливого объяснения.

Вы горько жалуетесь, что мы называем вас «*молодым* человеком», «*молодым* пером», «*молодым*, но блестящим талантом» и проч. Всё — *молодым*. Вам кажется это неуважительно, и вы

---

[1] Кстати, мой мальчик (*франц.*).

* Фраза не наша. Сей фразой начиналась одна повесть одного гвардейского офицера в стариннейшей «Библиотеке для чтения» тридцатых годов. Не без намеренья ее помещаем.

** Стих Всеволода Крестовского.

[2] завтрашнего дня (*франц.*).

дуетесь. (Если б вам не было горько, вы бы не высказались.) О неопытность! Да жалоба-то ваша и есть первое доказательство вашей молодости. Какой юноша не обижается, когда его называют молодым человеком? Какой юноша не скоблит себе усов перочинным ножичком, чтоб они поскорее росли? Я соглашаюсь, что всё это признаки нежные, грациозные, признаки весны и молодого поползновения... Тем не менее вы сами себя с головой и выдали. Но успокойтесь; объявляю вам торжественно, что, намекая на вашу молодость, я не прямо разумел ваши лета, а говорил метафорически. В сущности мне и дела-то нет, молоды вы или стары. В статье моей «Молодое перо» я разумел только вашу молодость и неопытность в российской журналистике, так сказать, нововыпеченность. И не в злом каком-либо смысле я разумел это, о нет! Я искренно любовался, глядя на вас, — любовался этой прытью, этим молодым прискоком и вывертом, этими, так сказать, первыми, радостными взвизгами молодого литературного дарованья. Я люблю эти первые взвизги, молодой человек! Вы показались мне в некотором смысле гусаром в русской литературе, молодым, краснощеким корнетом отечественной словесности (вроде «Корнета, играющего на пистоне», о котором упоминалось как-то раз в «Головешке»). Итак, успокойтесь. Вы промахнулись, вы не сумели скрыть, что вам отдавили ножку. Но кураж! Поправитесь после. Какой солдат не надеется быть фельдмаршалом!

Но однако ж (я все-таки не могу забыть этого!), к чему, к чему доходить до такого бешенства, до такого нервного сотрясения, до такой пены у рта! До гофманских-то капель для чего доходить? Ведь вы ругаетесь, как какой-нибудь сотрудник «Головешки», а хуже уж ничего про литературного человека нельзя придумать. Ведь вам только один шаг остался до попреков за табачную фабрику.* Ведь вся статья ваша — только «головешкина» отрыжка и ничего больше. А «Головешка» вдобавок еще, говорят, теперь постится и на постном масле начиная с самой подписки сидит... (Vous comprenez, n'est ce pas? [1])

Вижу, вижу вас теперь, как наяву, о молодое, но необстрелянное дарованье, — вижу вас именно в тот самый момент, когда вам принесли февральскую книгу «Времени» и сказали вам, что в ней есть статья против вас, под названием «Молодое перо». Вы саркастически улыбнулись и свысока развернули книгу. Всё это представляется мне в воображении как по писаному. Если у вас были в это время гости, или вы были в гостях, вы, прочтя статью, постарались, разумеется, скрепить себя; но нервная дрожь, некоторое подергивание губ, краска, пятнами выступившая на вашем лице, — всё это ясно свидетельствовало о беско-

* Обыкновенные литературные упреки «Искры» редактору «Времени», у которого была табачная фабрика.

[1] Вы понимаете, не так ли? (*франц.*).

нечной злобе, клокотавшей в жаждущем похвал сердце вашем. Вы даже попробовали улыбнуться и выговорить: «совсем не остро...» Но как-то не вышло, как-то уж очень жалко выговорилось. По крайней мере гости сконфузились и старались па вас не взглядывать, старались заговорить о чем-нибудь другом. И вы всё это тут же заметили... Но зато, помните ли, помпите ли ту грустную минуту, когда вы пришли домой и, наконец оставшись один, дали волю всему, что сдерживали в груди вашей? Помните ли, как вы разломали стул, разбили вдребезги чайную чашку, стоявшую на вашем столе, и, в ярости колотя что есть силы обоими кулаками в стену, вы клялись с пеной у рта написать такую статью, такую ругательную статью, что стоял мир и будет стоять — а такой статьи еще не бывало до сих пор ни на земле, ни в литературе! И вот вышли ваши «Тревоги „Времени“». О, поверьте, что мне не надо было подкупать наборщиков вашей типографии (в чем вы нас упрекнули), чтоб узнать, что всё так и было, то есть и разбитая чашка, и кулаки в стену, и проч., и проч. Я предузнал всё это единственно одним воображением, но предузнал по духу, по тону вашей ответной статьи. Иначе что же такое ваша статья? Откуда же могло поместиться в ней столько бешенства и печеночного расстройства? Откуда столько ругательств, столько личных ругательств и уподоблений в этой статье и во всех других выходках против «Времени», помещенных в той же мартовской книжке «Современника»? Тут уж явная очевидность, а не наборщики.

Кстати, знаете что: ведь я совершенно уверен, что это вы сами написали: «Тревоги „Времени“», а между тем вы объявляете, что эта статья будто бы прислана вам одним из друзей ваших, каким-то молодым нигилистом. Другими словами: вы спрятались под стол, прикрывшись именем вымышленного друга. Прием чрезвычайно наивный. Тю-тю, дескать, Костенька спрятался; нянюшка ищи... А нас еще упрекаете, что мы сами себе письма пишем. Мало того: я даже совершенно уверен, что и примечание от редакции, сделанное к вашей статье, и разные там московские известия о толстоте тела г-на Лонгинова, всё это ваше, всё это вы сами сочинили. Конечно, я не имею никаких осязательных фактов, но я убежден в этом; мне так кажется. Ну что же делать с убеждением? Виноваты, впрочем, вы: к чему прятаться? Уж не было ли у вас каких-нибудь особенных целей? А вот посмотрим:

Во-первых, вы что-то заговорили о типографских наборщиках. Это в примечании от редакции «Современника» к вашей статье. Выпишем-ка это примечание. Вот оно слово в слово.

«Верность этого замечания поразительна. Во втором своем номере „Время“, желая изобидеть одного из наших сотрудников, по поводу помещенной в первом томе „Современника“ рецензии на „Литературную подпись“ г-на Скавронского, поместило статью „Молодое перо“, в которой, во-первых, сравнивает нашего сотрудника с бароном Брамбеусом, и во-

вторых, обращаясь к нему, постоянно называет его „молодым человеком“. Точь-в-точь такое же сравнение и обращение делал два года тому назад „Русский вестник“, у которого „Время“ все это и заимствовало, разумеется внеся в это заимствование своих собственных „сапогов всмятку“. Эти „сапоги всмятку“ заключаются в том, что будто бы наш сотрудник-рецезент до того „впился в интересы редакции «Современника», что, впиваясь, оставил прежнее у порога...“. Читая эти слова, мы долго не могли прийти в себя от изумления. Что это такое! да ведь рецензия не подписана! к кому же может относиться обвинение „Времени“? и как могло узнать „Время“, кто именно написал статью, приведшую его в такое волнение? Или, быть может, „Время“ имеет привычку справляться у наборщиков типографии, в которой печатается „Современник“? Но если это так, то уверяем вас, о „Время“, что наборщик, сообщивший интересные для нас сведения, обманул вас. Лицо, которое вы так легкомысленно упрекнули в чем-то, „прежнем“, уже четыре года *постоянно и исключительно* печатает свои сочинения в „Современнике“; если же в прошлом году и было помещено несколько его рассказов во „Времени“, то это произошло единственно оттого, что „Современник“ был закрыт, а налагать на уста молчание не всегда бывает для литератора удобно. Следовательно, интересы „Современника“ всегда были близки этому рецензенту, следовательно, и впиваться было не во что, следовательно, и слова ваши, как и вообще ваши слова, суть не более как толкование в пустыне и о пустыне. Что же касается до того, что вы в полемике своей против неизвестного вам рецензента сослались на пословицу „береги честь смолоду“, то надо думать, что презренная эта выходка употреблена вами в припадке особенного увлечения и что впредь этого с вами не случится. *Ред.*».

Ну-с, а ведь я вас теперь поймаю. Знаете, что я хочу? Я хочу вас изобличить. Я хочу выставить всему свету: кто вы и какой вы именно деятель в отечественной словесности. А изобличив, я вам самому предложу вопрос: можно ли с вами вести хоть какое-нибудь дело серьезно? Вся-то штука в том, что вы думали, я вас не изобличу.

Во-первых, о наборщике. Вы удивляетесь, каким образом я мог узнать ваше имя, и предполагаете, что я непременно должен был подкупать наборщика. Хоть тут у вас и заключается одна ядовитенькая мысль, именно заявить о нас публике, что мы из тех, которые подкупают наборщиков с целью пошпионить о другом журнале, то есть почти что распечатываем чужие письма, но на всё это я смотрю как на пустяки. Разобижены вы очень, ну там вдобавок еще воинственная кровь, Барклай де Толли зашевелился... одним словом, простить вам на первый случай можно. К тому же вы сами знаете — дело это слишком шутовски разъясняется. О призвании вашем из-за моря, к участию в «Современнике», конечно, с целью подымать «Современник», сама редакция столько уже печатала в своих объявлениях, что узнать вас очень легко было. Следовательно, это дело поконченное. Но не в том дело. Главная суть в том состоит, что я теперь могу вас назвать публично, изобличив вас при этом, что вы, умышленно, с тем, чтоб нам повредить, исказили в одном дельце правду. Извольте послушать.

Вы уверяете (то есть редакция «Современика» уверяет, но я считаю, что это всё равно, и имею право на это. Я положи-

тельно знаю, что вы участвуете в интересах редакции, и, следственно, примечание, сделанное редакцией к вашей статье, не могло вас обойти. Вы знали про это примечание, вы, может быть, сами же держали его корректуру; без вашего ведома оно не могло пройти; может быть наконец, вы сами же его и писали, так же, как и статью, в чем я убежден. Следовательно, вы и отвечаете за всё, что *сочинено* в примечании. Почему я так резко говорю о моем праве всё это высказывать и так бесцеремонно и публично нарушать ваши бесчисленные псевдонимы, вы поймете сейчас, прочитав немного далее). Итак, вы уверяете в примечании к вашей статье, что «лицо (то есть вы), которое мы (по вашим словам) так *легкомысленно* упрекнули в чем-то „прежнем“,* уже четыре года *постоянно* и *исключительно* печатает свои сочинения в „Современнике“, и что если в прошлом году и было помещено несколько рассказов этого лица (то есть ваших) во „Времени“, то это произошло *единственно* оттого, что *„Современник“ был закрыт, а налагать на уста молчанье не всегда бывает для литератора удобно*».

Заметьте это покамест. Теперь в другом месте статьи «Тревоги „Времени“» вы говорите:

«И еще вы хвастаетесь, что вас любит публика, что у вас много подписчиков. Знаете ли, кому вы этим обязаны? Вы обязаны этим „Современнику“, который некоторое время заблуждался, что из вас может нечто выйти, и занимался наставлением вас на путь истинный: вы обязаны этим временному прекращению того же „Современника“, которое на минуту сосредоточило у вас все литературные силы. И тут покровительствующею вам силою явились не собственные ваши сапоги всмятку, а чужая неудача».

Короче сказать, если б не случилось с «Современником» несчастья, то есть если б не принужден он был остановиться в июне месяце, то, по-вашему, к нам бы не пришли литераторы с своими статьями, что вы сами «единственно» только потому и печатали у нас прошлого года свои статьи, что «Современник» не издавался, и всё это подразумевается потому, что наш журнал сам по себе до того ничтожен и не имеет никакой цены, что к нам нельзя идти таким молодым, но блестящим талантам, как вы, когда издается «Современник». Это ясно и очень хорошо растолковано в другой раз в газете «Очерки», где один господин уже успел подхватить вашу мысль и написал на нас длиннейшую статью с ядом и ругательствами. Вот отрывок, в котором подтверждается ваша мысль:

«Успехом своим „Время“ обязано некоторым, помещавшимся в нем беллетристическим произведениям, характер и направление которых, впрочем, так же относились к характеру и направлению „Времени“, как цветы к морозу. Тут напечатаны были некоторые из произведений Островского, Щедрина, Помяловского; тут же помещены были „Униженные и оскорбленные“ Ф. Достоевского, с их сладеньким героем Ваничкой, и

---

* См. статью «Молодое перо». «Время», № 2.

„Записки из Мертвого дома". Вообще беллетристический отдел во „Времени" был нередко положительно хорош, но и в этом отношении редакция не причинна. Пожар способствовал ей много к украшению ее журнала. Писатели, помещавшие статьи свои во „Времени" после петербургских пожаров, теперь публично объявляют, что они загнаны были в этот журнал горькою необходимостью (см. «Современник», № 3)».

Под этой статьею в «Очерках» подписано: И. Дмитриев. Кстати, объявляем публике, что этот самый г-н И. Дмитриев сам доставил в наш журнал свою статью под названием «Провинциальная газета». Эту статью, по ее незначительности, мы не напечатали и возвратили назад автору. Теперь эта статья появилась в «Современнике» (№ 1 и 2), а сам он ругает нас в газетах и объявляет, что писатели загнаны были в наш журнал горькою необходимостью, то есть запрещением «Современника».

Конечно, отказ напечатать статью г-на И. Дмитриева во «Времени» непременно нужно принять в соображение. Но вот что особенно удивляет нас: почему же, если прекратился «Современник», г-н И. Дмитриев обращался именно в наш журнал? Разве не было «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и множества еженедельных изданий, кроме «Времени»? Почему же непременно все эти блестящие таланты (то есть г-н Дмитриев и «молодое перо») сами текли во «Время», а теперь объявляют, что были только загнаны к нам одною необходимостью, то есть запрещением «Современника»?

Но это в скобках, а теперь опять к вам.

Ну что, если я вас сейчас же изобличу и докажу, что вы говорите неправду, докажу тем, что назову вас лично и объявлю, какие статьи печатали вы у нас *прежде закрытия* «Современника» и даже безо всякой необходимости?

Я имею на то право, милостивый государь! Намерение ваше повредить изданию «Времени» дает мне это право. А повредить вы желали — это слишком очевидно. Неужели вы скажете нет? Подражатели ваши уже кричат в других газетах с ваших слов, что «пожар способствовал нам много к украшению». Следовательно, самая законнейшая в таком случае наша защита — это полнейшее изобличение вас в неправде, с фактами в руках.

И неужели ж, неужели ж предположить, что вы действительно сказали публично *неправду, надеясь на безнаказанность*? То есть, рассуждали вы, ведь не узнают, кто сказал, имени-то не подписано, стало быть, и нельзя изобличить положительно. Ну и скажу, что я загнан был в их журнал *единственно* из горькой необходимости, другие подхватят, и пойдет, и пойдет.

Не верю и не хочу я верить этому, милостивый государь. Вы желали нам повредить, это так, но неужели вы хотите действовать из-за угла, спрятавшись под псевдоним в надежде на то, что его нельзя нарушить? Не верю и потому еще раз буду с вами деликатен: я не открою полного имени вашего, милостивый государь, ни названия статьи вашей.

Вот почему и объявляю теперь только о том, *что, во-первых, в апрельском нумере «Времени» за прошлый год были помещены у нас две ваши статьи.*

Во-вторых, что в апреле же месяце прошлого года, как известно вам самим и известно целому свету, «Современник» еще издавался. Мало того, ни «Современнику», ни кому-либо на свете не приходило в голову, что издание его будет приостановлено в июне месяце. А следственно, вы, милостивый государь, *свободно, по всей собственной вашей* воле доставили в наш журнал ваши статьи, несмотря на то, что еще издавался «Современник» *и что не было никакой «горькой необходимости» обращаться к нам, а не к «Современнику».**

Теперь позвольте вас спросить: что обо всем этом можно подумать и как прикажете теперь объясняться с вами?

Я знаю, у вас есть отговорка, что всё это напечатала редакция «Современника», а не вы. Полноте! А впрочем, пожалуй, попробуйте отказаться от своего участия в примечании редакции «Современника» к «Тревогам „Времени"». Тогда мы уже принуждены будем обличить вас еще короче и объявить публично, *от кого именно* мы узнали все подробности о том, до какой степени вы *близки* к редакции «Современника», а следственно, могло или нет теперешнее примечание редакции «Современника» в статье «Тревоги „Времени"» миновать ваше ведение? Заметьте, однако же, что мы имели бы полное право напечатать это и теперь, собственно потому, что вы заподозрили нас в подкупе наборщиков, тогда как сами очень хорошо знали, *от кого* мы узнали о том, что именно вы будете писать в «Современнике» фельетон. Ваш наговор о подкупе наборщиков дает нам полное право защиты, а следственно, полного изобличения.

Это естественно и вполне законно.

Ну-с, а теперь позвольте вас еще раз изобличить.

В примечании к вашей статье говорится:

«Что же касается до того, что вы в полемике своей против неизвестного вам рецензента сослались на пословицу „береги честь смолоду", то надо думать, что *презренная* эта выходка употреблена вами в припадке особенного увлечения и что впредь этого с вами не случится».

Вот видите, грозных-то слов наставили, а концы-то скрыли. Ну к чему вы скрыли от ваших читателей, из-за чего вышло дело? Написали бы *всё*, и ваши читатели очень бы хорошо по-

* Временная приостановка «Современника» не принесла нам никакой пользы. Ни одного нового, значительного сотрудника она нам не доставила. Г-да Островский, Помяловский, Щедрин печатали у нас еще долго до приостановки «Современника». Во втором же отделе журнала не участвовал никто из пишущих в «Современнике», да и боже сохрани. Из 4300 подписчиков за прошлый год 4000 уже были у нас до прекращения «Современника». «Молодое перо» отлично хорошо знает, что летом подписка почти прекращается. С июня до конца года у нас вряд ли прибавилось 300 подписчиков. Следственно, прекращение «Современника» и подписчиков нам не могло принести.

няли, что выходка наша отнюдь не презренная, а, напротив, в высшей степени законная. Дело вышло из-за Тургенева.* В вашей статье «Литературная подпись»** вы упомянули о Тургеневе, что будто бы он недавно объявил в газетах, что он, Тургенев, *так велик*, что другие литераторы видят его во сне. В статье моей «Молодое перо» я изобличил вас и доказал вам, что Тургенев нигде и никогда не упоминал о том, что его видят другие писатели во сне *собственно потому, что он так велик*. Не только буквально, *но даже и смысла такого* никак нельзя придать его обличительному письму на г-на Некрасова. Я вывел на чистую воду, что слова эти и смысл этот прибавили вы сами от себя. Да поймите же наконец: тут дело вовсе не о Тургеневе как писателе, то есть нравится он вам или не нравится, ретроград он или прогрессист? Тут дело просто о том, что вы взвели на человека, да еще отсутствующего, вредную ему неправду; вы придали ему слова, совершенно выдуманные вами, которых он *никогда не говорил* и никогда и не думал говорить. А следственно, вы придавали ему смешные и презренные черты характера, которые сами в нем выдумали и тем самым умышленно старались повредить ему лично в общем мнении из интересов редакции «Современника». Разве это всё не очевиднейшие факты? Вы, наверно, не будете иметь неловкости опровергать их, потому что кто ж вам поверит при таких фактах? Вспомните, что этот же самый «Современник» был совершенно изобличен Тургеневым в явной несправедливости против него обнародованным письмом г-на Некрасова в «Северной пчеле». Зная всё это очень хорошо, вы все-таки решились стать за «Современник». На мой взгляд, это в высшей степени нехорошо. Но клянусь вам торжественно, что я совершенно был и буду убежден, что вы сделали это некрасивое дельце не из грубого какого-нибудь личного интереса. Тем-то и комичен для меня весь этот случай, что вы, по моему мнению, сделали всё это совершенно бескорыстно, по глубокой доброте души, из пламенного желания угодить «Современнику». Вы до того вошли в интерес «Современника», что решились на все эти поступки даже, может быть, и *никем не прошенный*. В этом случае вы были, так сказать, plus royaliste que le roi.[1] Это мое глубокое убеждение, и я не могу до сих пор изменить его! Вот почему я и написал пословицу:

Береги честь смолоду.

Это значит, что если б я не предполагал в вас чести, то и не написал бы вам, что надо беречь ее. Потому что когда нет ничего, значит и беречь нечего. Да и судить вас я позволил себе единственно только как литератора. И однако ж, несмотря на все эти соображения, у вас все-таки на совести «*литературное прибав-*

---

* См. статью «Молодое перо». «Время», № 2.

** «Современник», № 1 и 2-й.

[1] роялист больше, чем сам король (*франц.*).

ление», то есть прибавление с целью повредить! Сравните это *прибавление* с прибавлением о «горькой необходимости», которое мы изобличили выше, и скажите мне, можно ли назвать мое обличение презренной выходкой, как вы, не совестясь, говорите мне в глаза, в примечании к «Тревогам „Времени“»?*

Теперь, после всех этих объяснений, позвольте мне изложить вам, как смотрю я на вас чисто в одном только литературном отношении.

Вы — натура по преимуществу художественная, и всё, что вы ни делаете в литературе, более ничего как искусство для искусства. Вы примкнули к «Современнику» не по убеждению, а из искусства для искусства (потому что и в «Современнике»-то убеждений почти совсем теперь нет, а уж с вас спрашивать будет излишняя роскошь. Ну да вы еще смолоду, следовательно, удовлетворяетесь не очень-то многим). Вы и начали в нем искусством для искусства! Вас тотчас же завлекло новое обаяние. Прекрасное желание быть полезным вашему журналу доведено в вас, как в натуре поэтической, до маниловщины. Из обыкновенного либерала вас тотчас же перепекли в нигилиста. Но какой же вы нигилист, помилуйте? Весь нигилизм ваш заключается в чем-нибудь вроде насмешек над толстотой телесной конструкции г-на Лонгинова (которого у вас называют по имени. Прелесть!). Но весь нигилизм ваш не может тоже вам подсказать, есть ли особенное какое-нибудь достоинство в том, что вы тоненький, и вот, за недостатком убеждений, вы плаваете покамест между сих двух противоречий и очень довольны. Как вы мелко плаваете, видно из того, что вы до сих пор еще боитесь Каткова. «Прихлопнет и не пикнете», — говорите вы нам, грозя нам сим московским деятелем. Слова многознаменательные. Вы не верите даже и в то (да и в голову вам это никогда не заходило), что кто лжет, тот и слаб, будь он хотя бы десять вершков росту. Когда вы сочиняли ваши обличительные вещи, вы и обличали не из негодования какого-нибудь и не из убеждения в чем-нибудь, а просто потому, что обличение модная, так сказать, струя. Чем выше вы, как литератор, Надимова, который утверждал, что надо крикнуть на весь свет и т. д.? Уверяю вас, что тот кажется мне еще выше вас: у того была какая-то наивная общественная цель, а у вас: искусство для искусства и ничего более. Будто уж не

---

* Я всё так пишу: *«вы говорите в глаза»*, хотя примечание к «Тревогам „Времени“» подписано *не вами*, а редакцией «Современника». Но так как без вашего ведома это примечание не могло сочиниться, так ведь оно всё равно. Повторяю: вы, пожалуй, будете в претензии, зачем я смешиваю так утвердительно вас и редакцию «Современника» вместе? Отвечаю еще раз: утвердительно говорю я об этом потому только, что вы наговором вашим о подкупе наборщиков «Современника» дали мне сами это право. Рассудите: чтоб опровергнуть наговор, я, конечно, должен сказать, что знаю *из первых рук*, как у вас дела установились и на каких интересах. Стало быть, если я всё это знаю, мне и наборщиков подкупать было не надо.

может быть искусства для искусства в обличительном роде? Уверяю вас, что вы тому яркий пример. Вы зубоскалили, как будто играя в зубоскальство, оттого, я уверен, что все ваши изображения вообще неверны и из любви к искусству искажены. Несмешную сторону в этих же явлениях вы, наверное, просмотрели. Оттого все ваши обличения поражают своим мелководием, несмотря на бесспорное остроумие, и сверх того, читая их, выносишь впечатление, что тут нужно бы еще что-то непременно досказать — иначе будет неполно. Соображаешь еще далее и прощаешь вас от души. Ну какой же, думаешь, это нигилист? Ну что вы можете *отрицать*, вы, литератор по натуре воинственный и в высшей степени верующий во всё свое право обличать? Что можете вы, например, отрицать в себе, вы, при такой необъяснимой самостоятельности? Когда вы писали ваши обличения, я уверен, вы ни разу не пострадали от мысли, что и вы, может быть, очень похожи на ваших героев, а эта мысль должна непременно быть у всякого обличителя. У вас же холодный смех и ничего больше, разумеется до тех пор, пока не раздражат вашего самолюбия. Тут уж святых вон понéси и пропадай всё на свете. Живьем рады проглотить (ваши слова, употребленные против нас). Ваше творчество не сатира, а зубоскальство, а стало быть, и ваша деятельность не дело, а искусство для искусства. Вот почему я искренно, в глубине сердца моего, извиняю и наклонность вашу к «литературным прибавлениям» и отнюдь не припишу их чему-нибудь очень дурному и нелитературному. Вы делаете эти «прибавления» ужасно невинно, младенчески, чисто из добродетели, и яд ваш, и злость ваша, и остроумие ваше — всё это тоже младенчески чисто, потому что всё это одно искусство для искусства, а вы — художник, следовательно, у вас уж так и чешется, чтоб тотчас же всё, за что ни схватитесь, возвести в перл созданья.

Вас потянуло к нигилистам, и вы даже не усомнились, в самом ли деле это нигилисты, и такие ли бывают нигилисты. Вы примкнули к ним, от души, веря, что они всех сильнее. Вы до сих пор не замечаете, до какой степени всё это пробивается красненькой казенщиной, до какой степени малым удовлетворяется, до какой степени боится отрицать и до того слабо, что не может существовать само по себе, а непременно прикрытое общественной идейкой, красненьким крылышком. Потребность прикрытия — это черта литературных нигилистов наших. Подождите, вам придется еще кланяться «Головешке» и уважать ее, чтоб только сделать себе партию. Вы не сделаете так, как мы, вы не пойдете смело вразрез всему, что виляет и, взятое само по себе, очень нехорошо. Вы не рискнете на столько врагов, на сколько мы рискнули. Вы говорите, что у нас всего понемножку. Если б мы были такие же, как вы, если б мы желали только аплодисментов и верили таким же слепеньким образом, как вы верите, то мы бы тотчас же к вам примкнули, и поверьте, что составили бы себе тотчас легонькую и бесспорную карьеру; ведь фейер-

башничать по писаному очень легко. Какой-нибудь «обличительный поэт» скитался по литературе, как какая-нибудь бессонная нимфа по брегу Пенея, а только что примкнул к казенной красноте в «Искре» и сделался великим человеком. Мы восстали на хлебных свистунов, мы сказали святую правду, вы нас за это слепо ругаете и говорите, что мы садимся между двух стульев. О юная неопытность! Какой это нигилист из «Головешки» вас этому научил! Поверьте, что через хлебных-то свистунов (к которым и вы примыкаете) и проигрывает святая идея. Это-то и нужно искоренить и истребить во что бы ни стало. Ими уже брезгает общество, тяготится ими и их оставляет. Увидите, что когда святая идея прогресса выбьется из теперешних дрянных тенет и заявит себя чем-нибудь новым, вы сами ее не узнаете и примете, пожалуй, за ретроградство. Сыпля перлами остроумия, вы было начали уверять, что нас вовсе не ругают, что это мы сами выдумали. «За что вас не любить-то», — говорите вы. Слова ваши мы и принимаем в шутку, но согласитесь сами, что сквозь смех у вас проглядывает и яд. Нечего вам кругом-то указывать. Мы всегда нападали и изобличали первые и вовсе не удивляемся, что нас ругают. Если нас никто не ругает, как вы утверждаете, вы-то против нас из-за чего выходите из себя, вот уже три номера сряду? А это началось еще прошлого года перед закрытием «Современника», потому что тогда он серьезно струсил за свое безграничное прежнее влияние. Помните статью «О духе времени» г-на Антоновича. Статейка из себя вылезала. Тогда-то вы и начали борьбу. А «Отечественные-то записки» осенью, а старая-то «Библиотека для чтения», а «Очерки», вот уже четвертый раз бросающиеся на нас с тем, чтоб нас проглотить, а «Искра»-то «Искра»! а «Русское-то слово», — это отражение «Современника» в грошовом зеркале. Да вы припомните: ведь это такое бешенство, такая против нас ярость, что они ведь не спят по ночам от нас, а если спят, так я уверен, что видят нас каждую ночь во сне (так как уж пошло всё на сны). Да ведь мы пропитываем всех виршеплетов наших с их малыми детьми. А отчего, отчего это всё? А оттого, что у нас у одних, может быть, хватило настолько смелости, чтоб так резко высказать всю правду насчет бездарности, пошлости, лености и злокачественности этих прогрессистов. Вы скажете, что то же самое делает и Катков, и Скарятин, и Аскоченский. Нет, не то же самое. Те во имя мрака ратуют, а мы во имя света. Их не слушают, а нас послушают. И не говорите нам, что мы садимся между двух стульев. Вздор, это и есть дорога! Вы уж давно на полу сидите, да не догадываетесь. Погодите, может, и догадаетесь. А впрочем, нет. Никогда не догадаетесь. Ведь пророчество наше сбылось, что «хлебные свистуны» закричат на нас, что мы, на них нападая, на прогресс нападаем. Ну какой они прогресс, какие они представители прогресса? Это бездарность, волочащая великую идею по улице. Да мы в тысячу раз более прогрессисты уже хоть тем, что идоло-

поклонства в нас нет, что мы не смешиваем прогресса с этими тупенькими представителями и поминутно разворачиваем их муравейник. Нам приятно смотреть, как они там копошатся. Скоро опять разворотим. Мы правду говорим и договоримся, что нас поймут. Все эти трудолюбивые муравьи не понимают, насколько мы дальше их в этом же самом прогрессе идем. Вы говорите, что мы не понимаем, что такое авторитет, и смешиваем его с лицами (о, упрек из второго класса гимназии! Сколько вы баллов получили за это, мой нигилист?). Вот вам авторитетная идея: хлебные свистуны — они всегда были спокон веку везде. Бездарность есть тот же застой прогресса. Где есть поступление вперед, там в голове движения не должно быть бездарности. А где есть торговля прогрессом из-за хлеба и литературных чинов, там уж полная мерзость запустения. Это уж наступает, так сказать, бюрократия прогрессизма. Вот вы к ней-то и примкнули, думая, что она посильнее...

Ну довольно, кажется, всё. И так я с вами заболтался. Собственно, направление наше я пред вами защищать не стану. К чему? Да, кстати, благо припомнил. Есть еще одно обстоятельство, о котором надо упомянуть. Вы пишете про нас:

«Мало того: я даже думаю, что если признавать силу булгаринской традиции, то надо признать, что она тоже коснулась и вас... разумеется, *покуда* только невинной своей стороной».

Вот видите ли: я хоть и никакой цены не даю иным вашим словам, но это *покуда* я не хочу пропустить без оговорки и вот что вам объявлю: я думаю, что самая существенная черта булгаринства есть — усиленное до малодушия самосохранение. В нас же, хотя вы и обвиняете нас в булгаринстве, вовсе нет настолько слишком уж самоохранительного и виляющего до малодушия благоразумия (как, например, было в Булгарине), то есть «пропадай другие, было б нам хорошо». Ведь вот девиз настоящего булгаринства. Против нас вы не найдете ничего, что бы оправдывало в нас подобный девиз. Наше имя, слава богу, честно. А потому и ваше словцо покуда никуда здесь не годится.

Ну вот и всё. Хотел было я, правда, вам стихи сочинить, в pendant[1] к вашим, в которых вы сравниваете нас с утками и с разными птицами.

Плавали в затишьях да в озерах тихих,
Страховых плодили да Косицят серых,

Косицяток серых, Достоевских белых,
Смирно поживали, в роще толковали.

Да что, и ваши-то стихи я нахожу плохими, а уж у меня так ровно ничего не выходит. И знаете, всё хореем, да и стыдно как-то:

---

[1] дополнение (*франц.*).

Век и Век и Лев Камбек,
Лев Камбек и Век и Век.
На пистончике корнет
Страхов жители планет.

Вот всё, что я выдумал, да, пожалуй, еще есть две строчки.

Ро-ро-ро, ро-ро, ро-ро
Молодое перо.
Усь-усь, усь-усь-усь!
Ах, какой же это гусь!

Это в pendant к вашим уткам. Но ведь всё такая дрянь и мои, да и ваши, пожалуй. Точно на балалайке что-то вытренькивают. Впрочем, мои стихи надо читать эдак нараспев, чтоб что-нибудь вышло. Надо эдак руки в боки, и притоптывать по комнате шпорой. Может, и хорошо выйдет, не знаю. Впрочем, как вам покажется. Тут уж на ваш собственный суд.

Да вот еще хотел я спросить, щекотливый предмет: что это у вас в «Тревогах „Времени"» за Олепька Р. такая и Машенька Н.? Хоть убейте — ничего не понял, а очень интересно. Я долго размышлял: метафорически это иль нет, и, право, согрешил, — подумал: уж не насчет ли поползновения тут что-нибудь, а? Какая уж, думаю, метафора? Воинственность, известное дело... А впрочем, господь знает, что вы тут разумели; не разберешь! Да, вот что еще: пишите-ка веселее! Я потому вам это говорю, что знаю, у вас талант, вы можете писать весело. К черту гофманские капли, не правда ли? А впрочем, мелькают и у вас веселые мысли. Например, когда вы говорите:

«Хотите, я сейчас же пять печатных листов таких стихов напишу? Хотите, я каждый месяц сто таких книжек сочиню, как 1-й № „Времени" за сей 1863 год?»

Ух, страшно! Зарубит гусар. Сейчас видно военную косточку! .. Ну да прощайте, довольно с вами.

P. S. A propos.[1] Кланяйтесь Оленьке Р. и Машеньке Н., если они в самом деле не выдумка. Ведь вот как, однако ж, весело кончилось...

Как гусара не любить!
Это не годится...

---

[1] Кстати (*франц.*).

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «ВРЕМЕНИ» * НА НАПАДЕНИЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В № 109 «Московских ведомостей» есть против нас статья по поводу нашей статьи «Роковой вопрос» («Время», № 4), полная клевет и... намеков. Подписано: Петерсон.

Вот эта статья от слова до слова:

«Такая статья, как „Роковой вопрос“, не должна была явиться без подписи автора. Только бандиты наносят удары с маской на лице. Quand on a son opinion, il faut en avoir le courage.[1]

Вся статья основана на ложных показаниях, а следовательно, и выводы должны быть ложны. Разве не ложь сравнивать цивилизацию высшего класса Польши с цивилизацией русского народа вообще? Разве не ложь говорить, что поляки с целью распространить цивилизацию завладели Украйной и Москвой? Странно, что с подобною благородною жаждой относительно *чужих* народов поляки с своими собственными крестьянами обращались как с скотами. Неужели поляки считали средством цивилизации отдачу на откуп жидам церквей Малороссии? Никогда Польша *вся* не восставала; восставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, то есть крестьяне, никогда не сочувствовали панам, потому что

---

* Мы получили эту статью при следующем письме:

«Милостивый государь Валентин Федорович!

В № 109 „Моск‹овских› вед‹омостей›“ помещена против нас статья, требующая немедленного ответа. В ней нас обвиняют в том, что мы стоим за польский интерес в ущерб русскому. Надо быть крайне несведущим в русской журналистике, чтобы взвести на нас подобное обвинение. Скорее можно обвинить „Время“ в ультрарусском народном направлении, и, конечно уж, в польском вопросе „Время“ не станет противоречить своей трехлетней деятельности.

Так как статья „Моск. вед.“ требует немедленного ответа, а следующий № „Времени“ выйдет еще через несколько дней, то Вы меня премного обяжете, поместив мой ответ в Вашей газете.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем к Вам уважении.

М. Достоевский»

[1] Обладая собственным мнением, нужно иметь смелость его защищать (*франц.*).

раб своему угнетателю сочувствовать не может. Вся история Польши доказывает, что этот цивилизованный народ никогда не имел политического такта, а варварская Россия еще в 1612 году доказала, что в высшей степени обладает этим тактом. На чьей же стороне перевес государственного ума? Теперь бунтует только частица Польши, и *вся* Россия единодушно дает ей отпор. Не может ли другой подумать, что в подписи статьи словом: „Русский“ таится коварный умысел? Разумеется, поляки поторопятся перевести эту статью на все языки Европы и скажут: „Вот видите ли, как сами русские думают. Не правы ли мы?“ Поди потом разуверяй Европу. Она и без того закидала нас грязью и клеветой.

Редакция журнала „Время“ имела полное право напечатать статью „Роковой вопрос“, но, печатая статью безыменного автора, она сделала бы очень хорошо, если б оговорилась: согласна ли она или нет с мнением автора, имя которого, если б оно было известно, произносилось бы с презрением каждым истинно русским».

Мы бы, разумеется, не стали отвечать г-ну Петерсону, ни даже «Московским ведомостям». Мы давно уже стараемся ничего не говорить ни о «Русском вестнике», ни о «Московских ведомостях». Но... обстоятельства. Надо предупредить дурные последствия.

Итак, г-н Петерсон, вы изволите говорить, во-первых, что статья наша основана на ложных показаниях. Что же в ней ложно? Вы не потрудились объяснить, в чем состоят эти ложные показания. Вы только говорите: «Разве не ложь сравнивать цивилизацию высшего класса Польши с цивилизацией русского народа вообще?»

Но что же это означает и какая ж тут может быть ложь? Почему ложь?

Для нас, между прочим, тем-то и важен этот вопрос, что поляки со всей своей (бесспорной) европейской цивилизацией «носили смерть в самом своем корне». В статье нашей это сказано ясно, слишком ясно, и указано, почему это так. Именно потому, «что эта цивилизация была не народною, не славянскою, что в ней не было никакой самобытности, и потому она не могла слиться в крепкое целое с народным духом». Вот тут невозможно не сопоставить, что цивилизация в Польше была цивилизацией общества высшего и лишена была земских элементов, удалилась от народного духа, как у нас сказано.

И что же мы проповедывали целые три года в нашем журнале? Именно то, что наша (теперешняя русская), заемная европейская цивилизация, в тех точках, в которых она не сходится с широким русским духом, не идет русскому народу. Что это значит втискать взрослого в детское платье. Что, наконец, у нас есть свои элементы, свои начала, народные начала, которые требуют самостоятельности и саморазвития. Что русская земля скажет свое новое слово, и это новое слово, может быть, будет новым словом общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира. Мы так верим, мы так говорили. В элементах нашей народной цивилизации мы всегда видели признаки земщины, тогда как в европейской — признаки аристокра-

тизма и исключительности. Мало того, мы признаем, что мы, то есть все цивилизованные по-европейски русские, оторвались от почвы, чутье русское потеряли до того, что не верим в собственные русские силы, не верим в свои особенности, падаем ниц, как рабы, перед петровской голландией, смеемся над словом «народные начала», считаем его ретроградством, мистицизмом.

Таковы и вы, г-н Петерсон. Мы в нашей статье посягнули на то, на что бы вы и во сне не решились, на то, что серьезно и искренно уважал даже император Александр I, который именно во имя уважения к польской цивилизации дал полякам высшее устройство, чем русским, считая русских гораздо ниже образованными поляков.

Ну так вот мы даже на это посягнули, на самую их европейскую цивилизацию, на самую их образованность, на самую их гордость и славу. Если для поляков и для вас, г-н Петерсон, она всё еще гордость и слава, то мы-то ее, эту польскую цивилизацию, в грош не ставим. Для того-то и вся статья наша написана. А вы и не догадались? Мы вам скажем, почему вы не догадались: потому именно, что вы сами благоговеете перед польской цивилизацией, потому что вы ревнуете к ней, завидуете ей. Вы обиделись. «И мы, дескать, тоже образованные»... А почему вы обиделись? Да именно потому, что у вас и в воображении никогда не было другой мерки достоинства и развития русского, кроме европейской цивилизации quand même.[1] Вы ее только одну и признаете. Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени и, во имя вашего англизированного патриотизма, обижаетесь, что поляки нас образованнее, в европейском смысле, другими словами, что русские упорно хотят остаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов. Да ведь это-то и хорошо; но ведь поляков-то и сгубила их цивилизация. Несмотря на всю их гордость этой цивилизацией, до того сгубила, что им теперь уже нет воскресения, хотя бы они и сделались политически независимыми.

Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своем месте в Европе, — в Польше (может быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получал такой степени прозелитизма, как в Польше. Что же вы пишете: «Разве не ложь говорить, что поляки, с целью распространить цивилизацию, завладели Украйной и Москвой»? А то как же? Неужели вы этого не понимали до сих пор? У них вся цивилизация обратилась в католицизм, а мало ли они жгли да кожи сдирали

---

[1] во что бы то ни стало (*франц.*).

с русских за католицизм? Мало ли они донимали нас, плевали на нас как на хлопов и за людей нас не считали? Из-за чего это было, как вы думаете? Именно из католической пропаганды, из ярости уловлять прозелитов, из ярости ополячить и окатоличить. Ясное дело, что народ, который за людей не считает людей другой веры, не уважает ничего так высоко, как себя и свою веру, а следовательно, и способен употребить всё, чтоб обратить всех в свою веру. Обращенные русские дворяне становились тотчас же панами, а прочие были только хлопами. Само собою разумеется, что поляки должны были считать это не только благородным, но даже святейшим делом, гордиться им, теперь этим славятся, а вы и теперь считаете это благородным и прекрасным поступком, то есть пропаганду, да не с точки зрения поляков, а *сами от себя* считаете. Это ясно в вашей статье высказано, г-н Петерсон.

Мы в нашей статье «Роковой вопрос» стали на точку зрения поляков и сказали, что они, страстно преданные и верующие в свою (аристократическую и католическую) цивилизацию, должны надмеваться ею, гордиться ею перед нами, которых они до сих пор считают за хлопов и варваров, и даже тем более гордиться, чем более они принижены перед нами, считать наше первенство за вопиющую несправедливость судьбы и восставать против этой судьбы; что ж, разве это именно не так, с их точки зрения? Ведь это факт, ведь факта не спрячешь в карман. Да в этом весь и вопрос, может быть, заключается, именно весь, весь! Где ж им понять, допустить и уверовать, что русская земля, может быть, заключает в себе земские начала, не низшие начал западной цивилизации. Ведь этого и Европа не допускает и нас постоянно не любит, терпеть даже нас не может. Мы никогда в Европе не возбуждали симпатии, и она, если можно было, всегда с охотою на нас ополчалась. Она не могла не признать только одного: нашу силу, — и эта физическая, материальная сила (так, по крайней мере, Европа должна была смотреть на нас) всегда возбуждала в ней негодование. Да ведь и не одна Европа. Разве вы сами не судите о русских точно так же, как судит о нас Европа? Мы еще два года назад укоряли «Русский вестник», что он русской народности не признает. Теперь московский теймс горячится и не замечает, что вся эта горячка есть пародия на английский теймс и что самый патриотизм его — англизированный патриотизм. Как хотите, а мы отличаем патриотизм и, главное, руссизм «Московских ведомостей» от высокого и искреннего патриотизма Москвы. Мы никак не можем их сливать вместе. Тот патриотизм, который в самостоятельность русского развития не верит, может быть искренний, но во всяком случае смешной патриотизм. Между прочим, у вас вот какая логика:

Поляки не должны славиться своей цивилизацией, а следственно, они и не славятся своей цивилизацией.

Разве это логика?

Я-то, положим, не нахожу ничего, чем поляки могут славиться, — но в том-то и трагедия, что поляки верят в эту ядовитую свою цивилизацию слепо. Как в величайшую славу свою верят. Вот это как вы порешите?

Наша статья подписана «Русский». Вы изволите говорить:

«Не может ли другой подумать, что в подписи статьи словом: „Русский“ таится коварный умысел». И прибавляете: «Разумеется, поляки поторопятся перевести и скажут: вот как сами русские» и т. д.

Отвечаем: Очень может быть, что поляки поторопятся перевести, тем более что они все-таки поляки, а вы русский, да ничего не поняли в нашей статье.

А что касается до подписи, то писал статью действительно русский, а именно: Н. Н. Страхов, наш сотрудник. Это объявляем с позволения г-на Страхова, а вместе с тем прибавляем уже собственно от себя, что русский Страхов сто́ит по крайней мере русского Петерсона. Это уже наше личное мнение.

Само собою, что редакция «Времени» совершенно и вполне согласна с статьею своего сотрудника. Это мы во всеуслышание объявляем.

Наконец, чтоб заключить:

Г-н Петерсон говорит: «Имя автора, если б оно было известно, произносилось бы с презрением каждым истинно русским».

Отвечаем:

Вашему имени, г-н Петерсон, мы не придаем никакого значения, да и статья ваша, собственно в литературном смысле, чрезвычайно пустая статья. Мы бы на нее ни за что не стали вам отвечать, как уже и заявили выше. В том-то и дело, что в другом, то есть не в литературном смысле, ваша статья — нехорошая статья, именно тем, что поневоле требует ответа. Она даже и не статья. Она просто — дурное дело, г-н Петерсон. Очень дурное дело. Вот почему мы и посоветуем вам обратить внимание скорее на свое имя, г-н Петерсон, и поберечь его. Право, не худо будет, г-н Петерсон.

1864

ГОСПОДИН ЩЕДРИН, ИЛИ РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ

У нас, в литературном и преимущественно в журнальном мире, случаются целые катастрофы, даже почти романы. Вот, например, недавно, очень недавно, случилась странная кутерьма. «Русское слово», орган неумеренных нигилистов, напал на «Современник», орган умеренных нигилистов. С горечью попрекнуло «Русское слово» «Современник». Из этих попреков усматривается, что «Современник» теперь уже не современник, а ретроград, потому что позволил г-ну Щедрину, своему сотруднику, писать о мальчишках, о каких-то «вислоухих», о ничего не понимающих и всё портящих, о каком-то «засиживаньи» и, наконец, о ужас! чуть ли не об эстетике. Ясное дело, что «Современник» ретроград. «И это в том органе, где писали Белинский и Добролюбов!» Ужас! ужас! Так что «Современник», говорят, даже и струсил, до того струсил, что запретил будто бы г-ну Щедрину вести дальнейшую полемику с «Русским словом» и, так сказать, посягнул на свободу «пера». Всё это не более как слухи, но эти слухи тем более усилились, что в апрельской книге «Современника» г-н Щедрин очевидно стушевывается. Наконец пошли слухи еще более потрясающие: стали говорить, что г-н Щедрин разрублен пополам г-ном Зайцевым, на две особые половинки... Потом пронесся еще один потрясающий слух, что в обеих половинках г-на Щедрина пробудилось чувство литературного достоинства, что он не хочет стеснять и продавать редакции свое право иметь и выражать свои убеждения, что он оставляет редакцию, что он будто бы рассорился с «Современником», что он соединяется с каким-то посторонним сатириком и едет в Москву издавать там свой собственный сатирический орган, что остановка только за тем: где достать направленье? — а как только достанут они направление, то тотчас же и уедут из Петербурга в Москву. И вдруг, о диво! вышел майский № «Современника», и г-н Щедрин опять там, — правда унылый, немного встревоженный, немного не по себе, и уж об «Русском слове» ни полслова, ни-ни-ни, но зато все-таки г-н Щедрин в «Современнике». Подписи нет, но в некоторых ста-

Господинъ Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ.
(Эпоха. 1864. № 5. Май).

У насъ, въ литературномъ и преимущественно въ журнальномъ міре, случились два маленькие раскола, даже почти рознь. Вотъ напримѣръ недавно, очень недавно случилась странная исторія. «Русское Слово», органъ нескрываемыхъ нигилистовъ, напало на «Современникъ», органъ умеренныхъ нигилистовъ. Съ горечью попрекнуло «Русское Слово» «Современникъ». Изъ этихъ попрековъ усматривается, что «Современникъ» теперь уже не современникъ, а ретроградъ, потому что позволилъ г-ну Щедрину, своему сотруднику, писать о мальчишкахъ, о какихъ-то «вислоухихъ», о ничего не понимающихъ и все порицающихъ, о какомъ-то «взбалтываніи» и наконецъ, о [illegible] эстетикѣ. Ясно было, что «Современникъ» ретроградъ!» — И это въ томъ органѣ, гдѣ писали Бѣлинскій и Добролюбовъ! Учись! учись! такъ что «Современника» говорятъ даже и страшно, до того страшно, что [illegible]

«Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». Страница наборной рукописи. Автограф Ф. М. Достоевского. 1864 г.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

тейках «*Греческий человек Трефандос*» выглядывает из-за каждой строки, каждая мысль пахнет «*фиками*», как же не г-н Щедрин? Итак, что же всё это? Что же означали все эти слухи? Выходит теперь, что или «Современник» решается быть ретроградом, продолжая удерживать у себя г-на Щедрина, или г-н Щедрин раскаялся и дал редакции слово быть послушным и больше не баловаться. Одно из двух непременно было. Действительно, в последнее время г-н Щедрин (и бог знает с чего) вздумал выражать в «Современнике» такие убеждения, которые прямо и буквально противоречат самым основным убеждениям последних годов «Современника», и не мудрено, что «Русское слово» даже стыдит г-ном Щедриным «Современник». Мало того, «Русское слово» теперь утверждает, что г-н Щедрин выражает вовсе не убеждения, а испускает «какую-то желтую жидкость». Следственно, если г-н Щедрин всё еще в «Современнике», то он непременно просил пардону, иначе как же бы мог он остаться. Ведь не может же быть, чтоб «Современник» действительно захотел противоречить всему тому, о чем проповедовал в последние годы, и, по их понятиям, — «сретроградничать»? Или, может быть, просто-запросто «Современник», утратив всех своих главных сотрудников, сам теперь не ведает, что творит? И это вероятно. Во всяком случае всё это очень интересно. Чтоб разрешить как-нибудь этот «вопрос», надо бы по-настоящему бросить серьезный взгляд на весь ансамбль этой повести и, из любви к русской литературе, проследить всё сначала. Но признаемся, несмотря на всю нашу привязанность к русской литературе, мы бы никак не решились на такой скучный подвиг, как вдруг в наш «портфель редакции» поступила одна рукопись, — роман, в котором как нарочно изображено нечто аналогическое... Эти «современные» романы ужасно распространяются. Поступившая рукопись — произведение одного начинающего пера, очевидно имеющее иносказательный смысл. «Страшимся сказать», но думаем, что молодой романист в своем произведении имел в виду едва ли не «Современник» — журнал, в который, по-видимому, перешли все «трефандосы и фики» г-на Щедрина из «Губернских очерков». Вот несколько глав из этого нового «Опыта о новых хлыщах».

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ЩЕДРОДАРОВ»

I

ЩЕДРОДАРОВ ВСТУПАЕТ В ЖУРНАЛ «СВОЕВРЕМЕННЫЙ» В КАЧЕСТВЕ СОРЕДАКТОРА

...Итак, Щедродарова взяли и сделали соредактором «Своевременного». Произошло это назад тому года полтора. Щедродаров еще гулял на воле и беспечно наслаждался жизнию, но в «Своевременном» произошли беспорядки. Старые, капитальные сотруд-

ники исчезли: Правдолюбов скончался; остальные не оказались в наличности. Редакция и ближайшие сотрудники тотчас же собрались для рассуждений. Может быть, даже они уселись при этом в кружок на стульях, но во избежание личностей не будем упоминать о таких пустяках.

— Наше дело плохо, — начал один из редакторов. — Вы знаете, господа, что Правдолюбов скончался, что другие...

— Еще бы не знать, — отвечали хором.

— К делу! Мы остались одни. Этого мало. К тому же мало из нас литераторов. На первый случай, разумеется, мы станем зады твердить...

— Зады твердить! Зады твердить! — раздалось опять хором.

— ...Но задов хватит ненадолго. Жизнь идет. Являются новые вопросы, новые факты. Об них нужно будет говорить и нам; а без прежних главных сотрудников мы можем дать маху. Что делать?

— Во-первых, напечатать роман «Что делать?»! — отвечали сотрудники.

— Это само собой, но далее?

— А далее я придумал очень хорошую вещь, — решил один из компании. — Когда нас кто-нибудь припрет к стене и вообще во всех тех случаях, когда потребуется дать мнение точное и положительное, мы тотчас же объявим, что всё объяснится, «когда наступят новые экономические отношения»; затем несколько точек, и дело в шляпе. Этого хватит года на полтора, даже на два.

— Гм! Милая идейка, тем более что ее можно употреблять решительно во всяком случае. Я вас спрашиваю: что не зависит от экономических отношений? Таким образом, самая банальная идея примет вид как будто настоящей идеи. И даже чем чаще ее повторять, тем больше она в глазах неучей получит значения и тем самым избавит нас от обязанности делать дело. Но мне кажется, что и этого мало...

— Мало, мало!..

— Видите ли, господа, в нашем журнальном деле кто сидит и молчит, не огрызается и сам не нападает, тот всегда кажется большинству подписчиков и не силен и не умен, хотя бы он пресовестливо занимался делом и понимал дело лучше, чем всякий другой. Кто же нападает первый, лает и кусается; кто нагло и нахально не отвечает на самые точные запросы, а прямо плюет на них, свистит, карикатурит и бросается сам всех ругать, хотя бы и без разбора, тот в глазах рутины и большинства всегда кажется сильным и себе на уме. Так поступим и мы, тем более что мы очень часто так поступали и прежде. И потому нам теперь надо — шавку, шавку, лающую и кусающуюся. Надеюсь, вы понимаете, господа, что я употребляю слово *шавка* в самом благороднейшем, в самом высшем литературном значении. Да и чем шавка хуже каких бы то ни было зверей или птиц? Важна тут,

собственно, не шавка, а шавочные свойства ее. Мы только цыкнем: «усь-усь!», и приобретенная нами шавка должна бросать всё, срываться с места, лететь, впиваться, в кого ей укажут, и теребить до тех пор, пока ей не крикнут: «ici!» Разумеется, чем меньше будет у нашей шавки идей, — тем лучше. Зато у ней должна быть игра, перо, злость, беспримерное тщеславие и... и... говоря литературным языком, — невинность, чтоб она ни о чем не догадывалась. Мне кажется, что г-н Щедродаров, известный наш юморист и сатирик, если б его пригласить в состав редакции, мог бы в этом духе успешно служить нам постоянным сотрудником...

— Так, так! — закричали все, но встал оппонент.

— Я согласен, — сказал он, — что у Щедродарова своих идей нет и что это довольно значительное преимущество. Согласен тоже, что он тщеславен. Но кроме этих двух его преимуществ, что в нем еще? Ведь у него только «трефандосы да фики». Только этим и пробавляется!

— Правда, — возразили оппоненту, — но у него игра, у него словечки, он вертляв, у него совершенно беспредметная и беспричинная злость, злость для злости — нечто вроде искусства для искусства. Злость, в которой он и сам ничего не понимает. А это-то всего драгоценнее... Стоит только направить эту злость, и он будет кусать всё, что ему ни укажут, потому что ему только бы кусать. Прочтите, г-н оппонент, о нем статью г-на Скрибова, которая явится через полтора года в журнале «Заграничное слово». Там довольно удачно его оценят как юмориста и укажут на «трефандосов и фики».* Но эти-то недостатки мы и употребим

---

* Очевидно, молодой романист имеет в виду статью г-на Писарева в «Русском слове». Вот отрывок из этой статьи:

«Г-н Щедрин, сам того не замечая, в одной из глуповских сцен превосходно охарактеризовал типические особенности своего собственного юмора. Играют глуповцы в карты:

— Греческий человек Трефандос! — восклицает он (пехотный командир), выходя с треф. Мы все хохочем, хотя Трефандос этот является на сцену аккуратно каждый раз, как мы садимся играть в карты, а это случается едва ли не всякий вечер.

— Фики! — продолжает командир, выходя с пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострел! — говорит генерал Голубчиков, покатываясь со смеху, — ведь этак и всю игру с тобой перепутаю.

Не кажется ли вам, любезный читатель, после всего, что вы прочитали выше, что г-н Щедрин говорит вам „трефандос“ и „фики“, а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смеху, кричите бессильным голосом: „Ой, да перестань же, пострел! Всю игру перепутаю“... Но неумолимый остряк не перестает, и вы, действительно, путаете игру, то есть сбиваетесь с толку и принимаете глуповского балагура за русского сатирика. Конечно, „тайные поросячьи амуры“, „новая затыкаемость старой непоглощаемости“ и особенно „сукин сын туз“ не чета „греческому человеку Трефандосу“. Остроты г-на Щедрина смелее, неожиданнее и замысловатее шуток пехотного командира, но зато смеется над остротами г-на Щедрина не один глуповский генерал Голубчиков, а вся наша читающая публика, и в том числе наша умная, свежая и деятельная молодежь».

в свою пользу. Трефандосы — пошлость, это известно, но зато они всем по плечу. Это рутинно, но рутинный успех хоть и короток, хоть и скоро проходит, но зато скоро распространяется, а Щедродаров нам всего-то на два, на три года и нужен. Наконец, если б Щедродаров был поумнее, что ж бы мы с ним тогда стали делать? Он стал бы рассуждать и не слушаться. А главное, и конец концов, у него, сколько я вижу по его сочинениям, гражданского чувства ни капли. Ему, кроме себя, всё равно, а следовательно, только польстить его тщеславие, и он на всё будет согласен...

— Польстить, но не очень, — раздался один голос. — Строгость не мешает.

— О, конечно; строгость, и даже усиленная. Но он уж тем одним пленен будет, что станет членом редакции. Итак, решено или нет?

— Позвольте, непредвиденный случай. А что если он наконец поймет и в нем возбудится чувство литературного достоинства?

— Гм. Ну это мы еще посмотрим...

— И наконец, как вы скажете ему: «Ты шавка и, следовательно, лай!» Мне кажется, это даже нелитературно.

— О, это вздор, на всё есть свои словечки. Можно, например, не говорить: «Лайте!», а можно сказать: «Издавайте звуки» или что-нибудь в этом роде. Не беспокойтесь, поймет, тем более что ему самому только того и надо... Итак, решено или нет?

— Решено, решено!

И вот таким-то образом и поступил Щедродаров в редакцию «Своевременного».

II

УСЛОВИЯ

Принят был Щедродаров на чрезвычайно тяжких условиях; но так как он был ужасно рад, то и не заметил их, бедняжка! Даже едва прослушал, вряд ли понял. Явился он в редакцию охорашиваясь, и ему тотчас же, в общем собрании, были предложены все эти пункты. Вот из них некоторые:

Пункт первый. Молодое перо! Знайте, что вы пришли сюда — издавать звуки. Город «Пупов» пора бросить. Все эти «трефандосы» — вздор. Вы, конечно, можете наполнять ими и теперь наш отдел беллетристики, но тем не менее вы должны стремиться к другому, высшему идеалу, а именно: популяризировать естественные науки, излагая их в виде повестей и рассказов. Это высшая цель для всякого художника и поэта. Но это со временем, а покамест только издавайте звуки. Заметьте, я не говорю вам: «лайте», потому что это выражение нелитературное, а говорю: «издавайте звуки». Надеюсь, вы понимаете, что оно значит?

— Еще бы-с, — отвечал Щедродаров и приосанился. Член редакции обвел всё собрание внушающим взглядом: «Говорил ведь, что поймет!»

Пункт второй. Молодое перо! Отселе вы должны усвоить себе нашу тактику и следовать ей безусловно. Вы должны почитать, прикрывать и защищать всех тех, которые заявляют себя прогрессистами. Даже если б они того и не стоили, даже если б они были из второго класса гимназии, даже если б они на деле просто безобразничали; но если только они заявили уже себя перед публикой хотя бы только четырьмя прогрессивными строчками или два года сряду пробавлялись какими-нибудь двумя, хоть такими, например, стишонками:

Век и Век и Лев Камбек,
Лев Камбек и Век и Век,

то знайте, что они для вас священны. И если б даже они из меры вон забезобразничались или заврались — всё равно вы должны, если уж нельзя их хвалить, то просто молчать о них и отнюдь не издавать на них звуков. Если кто-нибудь из них напишет в стихах или прозе о «Гражданской слезе» и заявит об этом публично, то такой уже должен быть, для вас во всяком случае, неприкосновенен. И хотя бы такой перед вами явился даже...

— Даже в пьяном виде, — перебил Щедродаров с юмором, так и ожидая, что вот все покатятся со смеху, как от «фиков», и тотчас же похвалят его за веселость. Но он рассчитывал без хозяина. Это был народ угрюмый, которого не проймешь юмористикой. Прерванный оратор нахмурился и внятно, раздельно и строго произнес:

— Да-же в пья-ном ви-де-с.

Щедродаров струсил.

Пункт третий. Молодое перо! Вам предстоит участвовать в отделе критики; итак внушите себе за правило, что яблоко натуральное лучше яблока нарисованного, тем более что яблоко натуральное можно съесть, а яблоко нарисованное нельзя съесть. Следственно, искусство вздор, роскошь и может служить только для забавы детей. Эта громадная в простоте своей «новая идея» должна заменить вам отселе все курсы эстетики и сразу поставить вас на надлежащую точку при оценке всех, так называемых, «художественных произведений». Поняли?

Но Щедродаров до того подобрел от радости, а с другой стороны, до того начал трусить, что не посмел ничего сказать против даже того: что, во 1-х, яблоко натуральное и яблоко нарисованное, два совершенно разнородные предмета, которые никоим образом нельзя сравнивать; а во 2-х, что, положим, яблоко натуральное едят, но яблоко нарисованное для того именно и нарисовано, чтоб на него *смотреть,* а не есть. Что нельзя же в самом деле всего съесть, что ни есть на свете, и нельзя же ограничить по-

лезность предметов и произведений одною съедобностью. Но Щедродаров смолчал по причинам вышеизложенным.

Пункт четвертый. Молодое перо! Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин — роскошь и вздор. Поняли?

Но Щедродаров опять смолчал. Он не решился даже справиться, как смотреть на Пушкина, например, хоть тем, у которых уже есть сапоги?

— Равномерно вздор и Гомер, и Александр Дюма, и все прочие, потому что у Гомера бездна предрассудков, есть привидения, и он верит в чудеса и богов, а следственно, может заразить этими предрассудками юношество; так что просвещенный Курочкин, уничтожающий предрассудки, несравненно и во всяком случае выше непросвещенного Гомера. Островского можно печатать единственно потому, что он обличил московских купцов; другого же достоинства в нем нет ни малейшего; разве то, что он *имя*, а потому и можно еще напечатать «Минина», но единственно в подписные месяцы.

Вздор и роскошь даже сам Шекспир, потому что у этого даже ведьмы являются, а ведьмы — уже последняя степень ретроградства и особенно вредны для русского юношества, которое и без Шекспира заражается ведьмами еще от нянек. Но заметьте себе, молодое перо! О Шекспире можно и погодить, а следственно, и не издавать звуков, единственно потому что (и черт знает зачем!) вздумалось похвалить его Бюхнеру, в «Stoff und Kraft», а так как надобно стоять за всех прогрессистов, а тем паче за Бюхнера, то Шекспира можно и пощадить, конечно до времени.

Но всё это так ничтожно, — прибавил оратор, — что я не делаю об этом особого пункта, а причисляю прямо к четвертому, то есть к пункту о сапогах и о Пушкине.

Пункт пятый. Молодое перо! Вам укажут пять «умных книжек», которые вы непременно должны прочесть, чтоб нам уподобиться. Этак через полгода вы непременно должны будете сдать экзамен в прочитанном, в присутствии всех членов редакции и главнейших сотрудников.

Пункт шестой. Молодое перо! Вам надо проникнуться капитальнейшею мыслию нашего направления, а именно: для счастия всего человечества, равно как и отдельно для каждого человека, прежде всего и важнее всего должно быть — брюхо, иначе — живот. Что вы смеетесь, милостивый государь?

Щедродаров тотчас же завилял и объявил, что он вовсе не смеялся.

— Я вспомнил-с только про «пуп земли», в который так бессмысленно верит народ, зараженный пагубными предрассудками-с, — пробормотал он в надежде рассмешить и таким образом переменить гнев на милость. Но опять не удалось.

— «Пуп земли!» Милостивый государь! — возвысил голос оратор, — и вы смеете ставить ваш бессмысленный «пуп земли» рядом с величайшей экономической идеей нашего времени, рядом с последним словом реальных и социальных наук! Знайте же, что брюхо — это всё, а всё прочее, почти без исключения, — роскошь и даже бесполезная роскошь! К чему политика, к чему национальности, к чему бессмысленные почвы, к чему искусства, к чему даже наука, — если не сыто брюхо? Набейте живот, и всё остальное найдется само собою, а если и не найдется, так опять-таки всё равно, потому что всё остальное роскошь и бесполезность. Муравьи, ничтожные муравьи, соединясь для самосохранения, то есть для брюха, к стыду людей, умели изобрести муравейник, то есть самый высочайший идеал социального устройства, который только можно представить себе. Напротив, — что сделали люди? Девять десятых людей на всем земном шаре постоянно ходят не сытые! Отчего это? Оттого, что люди глупы, не умеют разглядеть, в чем их настоящая выгода, бросаются за погремушками, за какими-то искусствами, за бесполезным, коснеют в предрассудках, живут сами по себе наобум, по своей воле, а не по умным книжкам и, таким образом, бедны, разъединены и не умеют ничего предпринять. Но достигните только того, чтоб все были сыты, то есть первого шага, и человечество схватит луну за рога, если уж так очень понадобится. Понимаете?

Щедродаров хотел было возразить, что, конечно, было бы очень полезно сначала обеспечить себе брюхо, а потом уж до всего дойти; но что с этакой идеей можно, пожалуй, тысячу лет простоять на одной точке желаний и гнева, не достигнув ни малейшего практического результата, а напротив, просмотрев жизнь и всё перепортив. Хотел он тоже прибавить, что, может быть, это вовсе не так легко, как кажется, и что, может быть, схватить луну за рога гораздо легче, чем предварительным и преднамеренным параличем всех остальных способностей человека достигнуть повсеместно сытого брюха; но Щедродаров был уже так утомлен и испуган, а сверх того, он был так мало устроен для подобных ответов, что смиренно молчал, в надежде, что тот скоро кончит.

— И потому, — продолжал оратор, — если на случай придется вам писать, например, политическую статью, положим хоть о славянском вопросе, то вы прямо напишете, что «День» порет вздор. Что стоны славян и желание их освободиться от австрийцев и турок — тоже вздор. Что такие желания — роскошь и даже непозволительная; что славянам совершенно должно быть всё равно: сами ль они по себе аль под австрийцами и под турками, потому именно, что прежде всего им надо думать о брюхе, а потом разве уже прогнать и турок; но не иначе как в виде роскоши. Понимаете?

Равномерно, если человек скажет вам: я хочу мыслить, я мучусь неразрешенными вековечными вопросами; я хочу любить, я тоскую по том, во что верить, я ищу нравственного идеала,

я люблю искусство или что-нибудь в этом роде, — отвечайте ему немедленно, решительно и смело, что всё это вздор, метафизика, что всё это роскошь, детские грезы, ненужности; что прежде всего надо — брюхо; и что, наконец, если уж очень у этого человека зачешется, то порекомендуйте ему взять ножницы и обстричь себе зачесавшееся место. Танцевать хочу — ноги стриги; рисовать хочу — руки стриги. Тоскую, мечтать хочу, — голову прочь. Брюхо, брюхо и одно брюхо, — вот, милостивый государь, великое убеждение! Понимаете ли, молодое перо?

Молодое перо хотело было заметить, что если обстричь всё остальное, так ведь оставшееся одно брюхо будет, пожалуй, и мертвое. Но он этого не заметил, потому что не мог заметить, а не мог потому, что голова его вовсе не так была устроена, чтоб об этом думать. И потому он только хлопал глазами и ужасно скучал.

— Я по лицу вашему вижу, что вы не совсем меня поняли, — заметил оратор. — Всё еще ветрены; прочтете пять умных книжек, сдадите экзамен, и тогда — посмотрим.

— У меня еще нет своих мыслей, — смиренно поддакнул Щедродаров.

— Знаем. Но у вас игра, у вас перо; и если пять умных книжек вам пойдут впрок, то вы будете издавать хорошие звуки. Мы на вас надеемся. А город «Пупов» надо непременно бросить. «Трефандосы и фики» — вздор-с...

Щедродарова покоробило. Ведь и он был самолюбив.

— У меня не одни «трефандосы и фики», — проговорил он с скромною сдержанностию. — У меня в одном месте есть, что «стряпчий городничему живот укусил».

— Как? Неужели? где же это? — спросил с приятным удивлением оратор.

— В такой-то и такой-то повести, — ответил Щедродаров, повеселев и охорашиваясь как живчик.

— Ну... это, конечно, что-нибудь; но ведь это еще далеко не всё.

— Неужели-с? а ведь я думал, что уж и всё, — искренно отвечал Щедродаров, ужасно и немедленно подобрев от похвалы.

— То-то и есть, молодой человек, — напутствовал его оратор внушительно. — Идите же; возьмите с собой выданные вам умные книжки и — с богом, издавайте звуки. Так стряпчий городничему... Как это у вас там: живот укусил?

— Живот-с.

— Мне именно нравится, что живот. Напоминает нашу теорию, разница в том, что мы хотим не укусить живот, а насытить. Конечно, и у вас проведена в этом новая идея, но это еще не всё... Итак, с богом! Я вижу, вы устали... Идите и издавайте звуки.

III

БУНТ ЩЕДРОДАРОВА

Щедродаров издавал звуки почти с лишком год. И на кого он не издавал звуков! В невинном усердии своем он доходил до того, что бросался на людей без причины, ни за что, а так, чтобы исполнить долг юмористики. Иногда его хвалили и гладили по головке. В «Своевременном» чувствовали, что он может приносить своего рода плод; рутинные читатели, которые готовы смеяться даже сто раз сряду повторяемым «фикам» (а таковых огромное число), были удовлетворены. Чего же более? К тому же Щедродаров, между действительно талантливыми вещами, мог писать иногда по целым листам юмористики, в которых ни редакция, ни читатели, ни сам он не понимали ни шиша, но в которых как будто намекалось на что-то такое таинственное, умное и себе на уме, одним словом в духе редакции, так что простодушный читатель бывал очарован и говорил про себя: «Вот оно что!» Это правда, что у него не было ни малейшего гражданского чувства и потому он без зазору лаял, глумился и срамил самых честнейших и толковых людей, наряду с паскуднейшими: была бы только юмористика. В сущности, это был поклонник искусства для искусства, юмористики для юмористики. Был бы только «трефандос», а к кому он относится — всё равно.

Но проходило время, он читал, и невольно идеи стали заходить в неозабоченную до сих пор вопросами его голову. Прочитывая по обязанности то, над чем ему предписано было смеяться, он невольно просвещался и невольно новый свет начал озарять его. Правда, ненадолго; но мало-помалу начало в нем пробуждаться что-то вроде сознания. Не скажу, чтоб появлялись в нем признаки гражданского чувства: легкомыслие и оскорбленное постоянно тщеславие делали то, что на завтра же он по обязанности «издавал звук» на то самое, с чем сегодня мысленно был согласен. Вообще в нем началось беспокойство. Ему захотелось что-то сказать, что-то выразить. Куда и во что он не кидался! Самые разнородные, самые противоречащие мнения и даже теории сходили с его пера, и если б публика не принимала всего этого сплошь за «юмористику», то была бы иногда очень удивлена. Что же касается до редакции, то она на него надеялась и под конец не очень ввязывалась в издавание звуков. Она слышала «звуки» и была покойна. Когда же Щедродаров уж так путался, что сам терял свою голову, то выбегал перед публику и откалывал штучку. Публика смеялась, ему это льстило, и он, как натура художественная, мигом успокоивался. Но счастие не долговечно. Не столько новые идеи, которые отрывками забрели в его голову, сколько зависть к фельетонисту Кроличкову в «Заграничном слове» возбудили его тщеславие. Тогда-то он и махнул в «Своевременном» знаменитые свои статьи о мальчишках и об

засиживателях новых идей, что прямо противоречило второму пункту условий, по которым он был принят в «Своевременном».

С яростию восстали Скрибов и Кроличков и победоносно уличили «Своевременного» в ретроградстве; поднялись трус и суматоха в редакции «Своевременного». Редакторы сбежались и смотрели так, как будто в доме горит. Тотчас же потребовали Щедродарова. Но тот уже приготовился. Он вошел независимо; на челе его блистала эмансипация; он встал в дверях, опершись о косяк рукою, а глаза скосил в окно, как будто совершенно не его дело и смотреть не стоит. В ужасе переглянулись между собою редакторы.

IV

ТРАГЕДИЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ

— Что вы сделали! что вы сделали, несчастный! — накинулись на него хором редакция и сотрудники.

— Что я сделал? ничего я не сделал, — отвечал Щедродаров. — «Не испугаешь, дескать, теперь».

— Как ничего! Мы за вами в последнее время не смотрели, а вы что тут напороли?

— Ничего не напорол. Значит, у меня теперь свои мысли явились, вот и всё.

— Но, несчастный, у вас нет мыслей, у вас никогда не было своих мыслей. Мы вас и брали с тем, чтобы у вас не было никаких своих мыслей, а чтоб вы только издавали звуки, а вы...

— А вот теперь у меня и явились свои мысли. Que diantre![1] У «Дня» свои мысли, даже «Голос» уверяет, что у него свои собственные мысли, почему же у меня не может быть своих мыслей?

— Но, несчастный, это уже другой вопрос — почему? И откуда, откуда у вас теперь могли завестись свои мысли? Вы взяли их из «Времени»! Смотрите, смотрите, читайте: вот «Заграничное слово». Тут выписана тирада из «Времени» 62-го года против мальчишек. Слушайте:

«Но мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтоб свистать, выезжающих верхом на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма».

— Слышали? Знайте же, несчастный, что «Заграничное слово» прямо говорит, что вы это взяли из «Времени», что у вас рази-

[1] Какого черта! (*франц.*).

тельное сходство во всем, даже в выражениях. Слушайте: вот ваша юмористика по тому же поводу:

«Но без сомнения всего более способствуют заблуждению публики некоторые вислоухие и юродствующие, которые с ухарскою развязностию прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением... Одним своим участием они делают неузнаваемым всякое дело, до которого прикасаются, подобно тому, как мухи летом в одну минуту засиживают какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную... Нет мысли, которой наши вислоухие не обесславили бы, нет дела, которого они не засидели бы».

— Как же не из «Времени»? даже выражения сходные!

— Ну что ж, что из «Времени», — отвечал в свою очередь пикированный Щедродаров. — Я, действительно, признаюсь, что я эту мысль заимствовал из «Времени», так же как и много других, потому что это хороший журнал, и вы напрасно заставляете меня издавать на него звуки. Но я не крал у «Времени», я только сошелся с ним мыслями... Что ж, и я могу сходиться мыслями... У меня и выражения другие. У меня тут есть: «засидели идею, как мухи». Это прекрасное словечко, и жаль, что вы его не понимаете!

— Но, несчастный! ведь хорошо бы оно было тогда, когда б вы его за нас употребили, а ведь вы употребляете его против нас; против нас! слышите ли?

Да ведь я о мальчишках писал, а не против вас.

— О мальчишках! да ведь это всё равно, что на самих себя поднять руки! Чему же вас учили тогда при приеме в редакцию? Не понимает! не понимает! И к тому ж у «Времени» много подписчиков, а он-то его и поддерживает!

— Да что вы на меня, в самом деле! — вскричал Щедродаров, уже совсем рассердившись. И что вы всё про «Время» да про «Время»! Повторяю вам, это хороший журнал, и я много из него почерпнул! Вы меня заставили смеяться над ними, им язык выставлять! По вашей милости, я, например, смеялся и над «Днем». В «Дне» люди серьезные, там наука, там многолетнее, преемственное и честное исследование. Они пользы хотят. Их никто ни в чем негражданственном упрекнуть не может. Их идея всё больше и больше в ходу; она признана даже старинными и отъявленными их врагами. С ней можно не соглашаться, но к «Дню» нельзя относиться без уважения. А между тем я, по вашей милости, туда показывал шиши да кукиши, ставил рядом чуть не с Аскоченским! Вот что значит звуки-то издавать!

— Да кто ж вам велел так ревностно действовать? Сами себя, значит, тешили.

— И что вы напали так на меня за мальчишек? Да помилуйте, они всё засидели, всё перепортили. «Время» тогда только о плутах говорило и справедливо: ведь либерализмом и прогрессизмом они всё равно что торговали у нас в последнее время. Я же об вислоухих упомянул. Из этих хоть есть честные, да всё

перепортили. Мы бы могли иметь положительные результаты; где они? Мы всё прогуляли с вашей системой и с вислоухими! И что такое «гражданская слеза»? Да ведь они только пишут, что льют ее, а мне давай настоящую. Да хоть и настоящую — они и ту засидели, и ту засидеть изловчились. Ведь этак всё можно наконец опошлить и засидеть так, что свежему человеку претить начнет.* Ведь мы своих же от себя отбиваем.

Гражданская слеза! Да ведь это фраза, казенная фраза! Я уважаю того, который действительно льет ее, — но моду на гражданские слезы не стану уважать потому только, что тут написано словечко «гражданские». Да ведь после этого явятся когда-нибудь штатские слезы, партикулярные слезы, слезы комиссариатские, слезы общества заготовления сухих продуктов — так всё это и уважай? Морген-фри, je tantipathe!..

— Что за тон! Что у него за тон! Боже мой, что он говорит! — прокричали в ужасе сотрудники.

—Чего тон? никакого нет тону! а вон там у вас в «Своевременном» напечатано:

Позади бесцветная
Дней былых равнина,
Спят в ней безответные
Слезы гражданина...

Так ведь это на смех написано! Ну как могут слезы спать в равнине? А вы благоговеете!

Но тут уж и член редакции пришел в ярость.

— Как, милостивый государь! И вы смеете! Да ведь это слезы гражданина! И какое вам дело, что они снят в равнине? Ну пусть себе спят, пусть что угодно делают, но зато это слезы не простые, а гражданина; смотрите, видите: написано: «гражданина». Наши убеждения...

— Не верю я теперь вашим убеждениям.

— Наши убеждения — брюхо, милостивый государь! наши убеждения о брюхе! брюхо, брюхо — слышите вы?

— Наплевать мне на ваше брюхо, довольно наслушался! не верю я теперь вашему брюху! насытить брюхо ценою предварительного паралича всех членов и всех способностей организма — нелепость! А вы, напротив, в своем фанатизме к брюху дошли до того, что, в свою очередь, все члены и все способности организма, кроме брюха, — считаете нелепостью. Так поступили вы с искусством, с нравственным идеалом, с историческим ходом вещей, со всею жизнпю. Где же практический смысл? Вы против жизни идете. Не мы должны предписывать законы жизни, а изучать жизнь и из самой жизни брать себе законы. Вы теоретики!

---

* Нам кажется, что молодой романист, доставивший нам «Щедродарова», не умеет изображать характеров. Щедродаров из 1-й главы не может так говорить, как он теперь говорит, это уже не художественно. Впрочем, это роман сатирический, роман-карикатура, и *в своем роде* всё это верно. *Ред.*

— Да это целиком из «Времени»! Он его наизусть выдолбил!

— Что ж, я действительно многие места из «Времени» наизусть заучил. Хоть я и издавал звуки по поводу «Времени», но я много обязан «Времени». Я не понимаю, как можно стоять на воздухе, не чувствуя под собой почвы. Англичанин, немец, француз, каждый особо тем и сильны, что стоят каждый на своей собственной почве и что прежде всего они англичане, французы и немцы, а не отвлеченные общечеловеки. Прежде чем что-нибудь сделать, нужно самим чем-нибудь сделаться, воплотиться, самим собою стать. Тогда только вы и можете сказать свое слово, представить свою собственную форму мировоззрения. А вы отвлеченные, вы тени, вы — ничего. Из ничего ничего и не будет. Вы чужие идеи. Вы — сон. Вы не на почве стоите, а на воздухе. Из-под вас просвечивает...

— Так и чешет, так и чешет!

— Ну да, так и чешет! Я вот и сам раз десять написал: «когда настанут новые экономические отношения», да что в том толку? Самому смешно становилось. Когда они настанут, как настанут? С неба, что ль, упадут? Это фраза! На этой фразе можно тысячу лет просидеть, а дела ровно никакого не будет...

— Он вольнодумец! — закричали все, окружая Щедродарова. — Как вы смеете!

— Нет-с, я только перепеченный нигилист и хотел действительно быть полезным. Я хотел, чтоб и у меня были свои мысли, а вы и не замечали моих усилий. Я вон в феврале месяце нарочно в деревню ездил за своими мыслями (прочтите мой талантливый февральский фельетон в «Своевременном»). Я там увидел мужика и очень удивился, что он беден. Я и прежде видал мужика, но я никогда об нем не задумывался. Конечно, читатели не виноваты, что я это только в первый раз увидал; но я был так удивлен, что принял это за «новую идею». Мало того: я сделал «новое экономическое отношение»...

— Вы, *вы* сделали «новое экономическое отношение»! — закричали все в изумлении.

— Да-с, я, я сам, moi-même! Потому что я тоже могу иметь свои мысли. Я вывел, что если вы в Москве нанимаете извозчика, то не торгуйтесь с мужиком, потому что он беден, и не давайте пятиалтынного, если он спросит двугривенный. Напротив, дайте ему четвертак, если он просит двугривенный... И это, конечно, новое экономическое отношение и, конечно, стоит всякого вашего...

Но тут раздался такой гомерический хохот, что Щедродаров совсем сбился с толку. Он и без того был взволнован всей этой сценой. Некоторое время он в изумлении оглядывал хохочущих сотрудников; но потом вдруг закрыл глаза руками и зарыдал, как маленькое дитя ...

Вот несколько глав. Далее не хотим печатать. Мы полагаем, что это не художественное произведение, что это — роман-карикатура. Всякая карикатура, как известно, заключает в себе преувеличение смешной стороны дела; но в то же время заключает в себе и некоторое справедливое основание. Опять-таки «страшимся сказать», но нам действительно кажется, что наш романист имел в виду чуть ли не «Современник». Есть некоторое сходство, например, хоть в главе «об условиях». Разумеется, они, может быть, не так нелепо происходили, как здесь описано, но — на всё есть свои словечки и формы... Что же касается до главы о суматохе в редакции, до «трагедии в стакане воды», как обозначено у романиста, то, право, не знаем, есть ли тут верное основание. В справедливости всех эти слухов (подавших мысль романисту), мы (повторяем это еще раз) основываемся на том полном убеждении нашем, что г-н Щедрин в последнее время сильно противоречил в своих последних статьях духу и направлению «Современника». А если так, то, конечно, основание слухам значительное. Одно из двух: или «Современник» меняет свои убеждения, или г-н Щедрин дал слово раскаяться. Но что об этом! Нечего плакать заранее. Природа устраивает всё к лучшему.

Наш романист изображает, может быть, уж слишком яркими красками легкомыслие г-на Щедрина. Но припоминая всё случившееся действительно и даже до нас коснувшееся, не можем не признаться, что основания нашего романиста несколько справедливы. Не утверждаем, что г-н Щедрин действительно заучивал наизусть тирады из «Времени» и ими пользовался как для своих сочинений, так и в практической жизни. Нам кажется это даже некоторым преувеличением. Но однако ж, не мы первые засвидетельствовали о том, что г-н Щедрин заимствовал из «Времени» тираду о «подхлестывающих себя кнутиком рутинного либерализма» (фраза кудреватая, соглашаемся в этом без спору, хотя вовсе не отступаемся от нее). Это засвидетельствовало «Русское слово» — орган, нам противуположный и нас не жалующий. Припоминаем еще, что в самом начале поприща г-на Щедрина в «Современнике» в качестве соредактора, когда он явился тогда юмористически в фельетоне, играя, шаля и заигрывая, ему действительно случилось сделать против нас выходку, вполне легкомысленную, если только можно ограничиться одним только этим прилагательным. А именно: чтобы (по мнению его) уронить вполне наш тогдашний журнал в глазах публики и вполне выразить к нему свое презрение, г-н Щедрин объявил печатно в «Современнике», что если он помещал у нас прежде статьи, то единственно потому, что «Современник» тогда приостановился на несколько месяцев, а литератору не всегда выгодно ждать несколько месяцев; следовательно, г-н Щедрин только *по необходимости* принужден был у нас печататься. Мы немедленно его уличили. Мы доказали ему цифрами, что в то самое время, когда

он отдал в редакцию нашего журнала свою статью, — «Современник» еще издавался; мало того: ни «Современнику», ни г-ну Щедрину, ни кому бы то ни было на свете никоим образом не могло тогда прийти в голову, что «Современник» приостановит свое издание. А следовательно, если б г-н Щедрин действительно тогда же (то есть до вступления своего в «Современник» в качестве соредактора) питал такое ужасное отвращение и пренебрежение к нашему изданию, то для него ничего бы не было легче как отдать свою статью не нам, а в «Современник». Таким образом, мы тогда же уличили г-на Щедрина в «сознательной неправде». Г-н Щедрин не отвечал. И что бы мог он возразить против цифр?

Нас уверяли, что статья «Литературные мелочи» в майском номере «Современника» принадлежит г-ну Щедрину, хотя и нет подписи. Мы, впрочем, и сами узнаем в этой статье «Молодое перо», — так уж мы привыкли к его игре. Статья эта написана как-то печально, в ней какое-то уныние, беспокойство; какие-то жалобы. Веселость напускная, выделанная, как бы для того только, чтоб исполнить долг службы и обязанности. Против «Русского слова» в ней уже нет почти ничего. Всё это отчасти служит основанием слухам и тоже хоть отчасти оправдывает нашего романиста. Кстати, в этой статье есть неблаговидная выходка против нас: намекается, что мы, начав издание «Эпохи», будто бы изменили в некотором пункте свои убеждения. За недостатком места мы не можем теперь распространиться об этом и опровергать автора. Но автор статьи, помещая свое показание об изменении наших убеждений, совершенно знал наперед, что мы не будем опровергать его. Знал он это вполне. Это верно и ясно как день. Теперь вопрос: стало быть, он прикрывался этим знаньем? А если так, то чем же, в сущности, он себя обеспечивал? Вещь удивительная: до сих пор «Современник» не так действовал. Прежде он не позволил бы себе такой выходки. Стало быть, действительно, он изменил свое направление.

Что же касается грусти и уныния, просвечивающих в майском фельетоне, то вот для образчика место начала, со второй страницы. Это место даже на нас навело уныние.

«Что такое дрянь? В просторечии слово это прилагается преимущественно и даже исключительно к явлениям мира вещественного. Всякое вещество, вследствие разложения или принятия в себя чуждых примесей потерявшее свой естественный, здоровый вид, называется „дрянью“. „Не тронь, батюшка, это «дрянь»!“ — говорит заботливая няня своему питомцу, когда он, движимый любознательностью, хочет прикоснуться к какой-нибудь слякоти или к чему-нибудь гниющему. Но как ни права няня в своем определении, она все-таки не исчерпывает сущности предмета, о котором говорит. Понятие, заключающееся в слове „дрянь“, чрезвычайно обширно и из мира вещественного очень удобно переносится в мир нравственный и умственный,

Если б няня знала, что известный ей какой-нибудь Петр Иваныч или Иван Петрович совершенно такая же „дрянь“, как и то гниющее вещество, на которое она сейчас указывала, то она точно так же предостерегла бы своего питомца: „Не тронь, батюшка, Петра Ивановича: это дрянь“! ..»

Согласитесь сами, что всё это не совсем весело. Ну, скажите, в чем тут идея: что не одно то дрянь, что валяется на заднем дворе, а есть и люди дрянь. Но кто ж этого не знал? Согласитесь сами, что это можно сказать в одной строчке. Согласитесь сами, что об этом можно и вовсе не говорить. То-то и есть, господа, тяжела, ух тяжела обязанность присяжного юмориста. Писать не о чем, неприятности, желчь, голова в отлучке, мыслей не бывало, — нет, пиши, вертись, как бес перед заутреней, переливай из пустого в порожнее, подавай на грош юмористики, — ну и натуживается юморист и прудит на целой странице, что можно сказать в двух словах. Каторжная должность!

Конечно, и в этом отрывке не без юмора. Слышите: «но как ни права няня в своем определении, она все-таки не *исчерпывает* сущности предмета»... Слышите, слышите! Нянька глупая, безмозглая баба, которая двух сложить не умеет, и про нее вдруг говорят, что она *не исчерпывает* предмета, точно про ученого профессора! Тонкий, тонкий сатирик г-н Щедрин и великий бичеватель наших общественных язв! Говорите же после того, что у него только сто раз повторенные «фики».

И однако ж, все-таки это не то. Не то, что прежде, не то... Иногда автор даже хочет развеселиться, и вдруг тайная грусть невольно влечет его к унылым думам; он не выдерживает и жалуется горько, отчаянно жалуется. Вот, например:

«Точно то же следует сказать о вещах. Есть положения злые, есть положения глупые и есть положения просто дрянные. Злые и глупые положения всегда имеют сзади себя некоторую систему, которая их объясняет и в то же время делает возможным противодействие. Напротив того, дрянные положения отличаются совершенным отсутствием системы, поэтому-то они живучее и злых и глупых положений, это те самые положения, которыми никто не доволен, но которые терпеливо выносят из опасения попасть или в глупое, или в злое положение. И тут имеется своего рода хвост и уши, которые на первый взгляд пленяют, но, разумеется, что здесь обаяние имеет смысл еще более вредный. Если мы временно обольщаемся дрянным человеком, то это не налагает на нас никаких обязательств, кроме одного: отвернуться от такого человека, как только мы убедимся, что он дрянь; но когда мы обольщаемся дрянным положением, то хотя бы это обольщение было и временное, но последствия его будут гораздо ощутительнее, потому что связь с положением захватывает человека гораздо глубже и разностороннее и, следовательно, действует на него несравненно растлительнее, нежели связь с изолированною дрянною личностью».

Да-с, надо слишком хорошо узнать на практике: что такое скверное положение, чтоб так ярко уметь описать его! И смотрите: он даже с любовью рассматривает это положение, с каким-то унынием отчаяния. Он роется в дрянном положении, он копается в нем, он *исчерпывает* его; он как бы наслаждается этим исчерпыванием, нюхает это дрянное положение и рад тому, что нюхает, «скверно, так пусть же вот еще скверней будет!» Он иронически читает даже себе мораль, говорит, что надо «терпеливо выносить такие положения. И тут имеются своего рода хвост и уши, которые на первый взгляд пленяют», говорит он. Мне кажется, что автор тут далеко зашел. Про хвост еще не знаем как сказать; но уши-то кого ж пленить могут? Это уже какой-то скрежет зубовный! Мрачно! да, мрачное положение описал автор!

Тут, впрочем, много затаенной грусти. Это не шекспировская страстная выходка, когда у него каждый стих похож на «булат, закаленный в слезах влюбленной девушки», как выразился один француз о Шекспире. Нет, в сущности, это только тихая жалоба, тихое воркование молодой горленки, тихая, но бесполезная жалоба сельской девы, которую выдают постылому, на тему Кольцова «Без ума без разума Меня замуж выдали»:

Без ума без разума
Меня «Слову» выдали,
Золотое перушко
Силой укоротали...

В самом деле, ну что, если нашему сатирику вдруг скажут: Не угодно ли, дескать, переложить к следующему номеру сию Ботанику в «Губернские очерки»? Каково это слышать художнику! Ну что тогда делать?

Право, не знаем. Нам кажется, что если есть хоть тень вероятности в слухах и если действительно существует посторонний сатирик, то отчего ж и не отправиться с ним в Москву и не издавать там свой собственный орган? Что же касается до трудности отыскать направление, то и это не может служить препятствием. Можно просто издавать журнал с тою целью, чтоб в каждом номере заявлять, что, дескать «я — литературное совершенство». Цель, конечно, не высокая, но зато забавная и которая может доставить г-ну Щедрину несколько приятных минут.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

10-го июля, после болезни (разлития желчи), получившей почти неожиданно пагубный исход, скончался издатель и редактор «Эпохи» Михаил Михайлович Достоевский. Как брат и ближайший сотрудник покойного, считаю должным и нелишним упомянуть теперь о литературной и издательской его деятельности.

Мысль об издании журнала возникла у Михаила Михайловича еще давно. Мысль его состояла в том, что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни. Михаил Михайлович был убежден, что все неудачи русского общества, вся бесхарактерность некоторых слоев русской народности происходит именно от разлагающего, ленивого и апатичного нашего космополитизма, доведшего нашу разобщенность с почвой до равнодушия к ней, до смешного непонимания ее и даже — в иных индивидумах — до какого-то как бы обязательного, почти хвастливого принципа не понимать и не признавать ее вовсе. Особенно последнее обстоятельство возбуждало горячий протест в убеждениях Михаила Михайловича. Когда-то, в молодости своей, он был самым страстным, самым преданным фурьеристом. Процесс обращения от беспочвенного, отвлеченного верования к чисто русскому общению, к русскому, родному верованию произошел в нем органически, нормально, как всегда бывает с людьми, действительно одаренными жизненностью. Он очень хорошо знал, что идея почвы, народности — идея не новая, не отысканная кем-нибудь, не мечтателем каким-нибудь выдуманная для собственного удовольствия, а рано или поздно обязательная каждому русскому, как земскому человеку; что она, собственно,

никогда и не начиналась, а всегда преемственно продолжалась в здоровой и постоянно протестовавшей против космополитизма части нашего общества, — с того самого времени, когда могучий преобразователь России, усомнившись в состоятельности московского царства, усомнился и в самых силах народных и грозною рукою стеснил их развитие, конечно, убежденный в полезности своей новой цели, но за достижение которой, может быть, заплачено было им слишком дорого. Михаил Михайлович знал очень хорошо, что он и его сотрудники, может быть, менее, чем многие другие, приготовлены защищать и отстаивать идею почвы и народности, что нам слишком многому предстоит еще самим *учиться*, чтоб быть вполне русскими; что мысль о возвращении к земству требует смиренного отношения к ней, а не бесцеремонного *воззрения* свысока. Он прочувствовал на самом себе, жизнию, что всё самое основное, самое святое в нашей теперешней жизни — воспитание, развитие, любимые воспоминания — всё, всё в некоторых слоях общества сложилось по преимуществу в форме западной науки, искусства, учений, убеждений и что слишком малый уголок остался в душе каждого современно цивилизованного русского человека для родных, почвенных, земских впечатлений, а в иных они заглохли уже почти окончательно. Понимая это и смотря с глубоким, даже до наивности, уважением на обязанность издателя и редактора журнала, он долгое время колебался начинать журнал.

А между тем Михаил Михайлович был редактором по преимуществу. Это был человек, с уважением относившийся к своему делу, всегда сам занимавшийся им, никому не доверявший даже на время своих редакторских обязанностей и работавший беспрерывно. Он был человек образованный, развитый, уважавший литературу и сам литератор, страстно любивший поэзию, и сам поэт. С жаждой идеала и с потребностью нравственного убеждения он принимал свои убеждения самостоятельно и не прежде, как пережив их в себе, так сказать, органически.

Наблюдательность и вдумчивость в жизненные явления во многом обеспечивали его от ошибок и придавали всегдашнюю трезвость взгляду его. Он горячо, с страстным участием следил за движением современной общественной жизни и, сколько я помню, почти всегда составлял себе о нем точное мнение. Он был знаток европейских языков и литератур, много читал и всегда умел угадать то, что надо читателю и чем наиболее интересуется русский читатель в данный момент. Состав книжек журнала, выбор статей, выбор вопросов, о которых именно теперь нужно бы говорить и о чем журналу надо дать свое мнение, — всё это почти вполне принадлежало самому Михаилу Михайловичу. Он охотно выслушивал советы, охотно сам спрашивал их, во многом не признавая себя судьею; но, выслушав совет, почти всегда поступал самостоятельно. Это был человек скромности даже необыкновенной, но в высшей степени полной самого бла-

городного самоуважения, о чем особенно знали все наиболее близкие к нему люди. Но он редко с кем сходился близко; для этого ему надо было сойтись с человеком вполне, любовно, сердцем, а сердца своего он не отдавал легко, без разбору; те же, кого он любил, знают, как он умел любить. Мнения свои он высказывал осторожно, не любил длить споров, метко отличал убеждение серьезное от болтовни или от напускного увлечения. Сотрудника он оценял с первого разу и почти всегда безошибочно. Я сказал, что он сам был поэтом и литератором. Когда-то, в молодости своей, он занимался даже художественной литературой. Он написал несколько повестей и рассказов. Их хвалили, и в них, действительно, были признаки таланта, особенно в одном небольшом рассказе, помещенном в «Отечественных записках» в 48 году. Но некоторый успех, приобретенный им с первого разу, не соблазнил Михаила Михайловича. Всегда строгий и требовательный к самому себе и не признавая в себе решительного творчества, он перестал писать. Этот трезвый и даже несколько гордый взгляд на свои литературные труды весьма редко встречается в молодых начинающих писателях; а Михаил Михайлович, по моему личному мнению, был уж слишком строг к трудам своим. Несколько более ценил он свои переводы из Шиллера и Гёте. Самые значительные из этих переводов: «Дон Карлос» Шиллера, появившийся сначала в «Отечественных записках» и потом в издании г-на Гербеля, и «Рейнеке-Лис» Гёте, изданный года три назад отдельною книгой, тоже вторым изданием. Впрочем, брат мой никогда и ни с кем не заговаривал сам о литературных трудах своих.

Точно та же строгость была в нем и к трудам его по изданию журнала. Всегда буквально заваленный работою по изданию, он сам писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики. Те, которые упрекают редакторов в том, что они мало пишут и, стало быть, как бы пользуются чужими трудами, не понимают, что говорят. Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания — всё исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль писать именно о том, что надо журналу. От редактора исходит единство и целость журнала.

Но, несмотря на успех журнала, самым строгим, самым требовательным ценителем журнала был постоянно сам Михаил Михайлович. При всей трезвости его взгляда, при всем понимании того, что журналу, действительно имеющему что сказать, нужно иногда несколько лет, чтобы определиться, высказаться в некоторой полноте и уяснить до известной степени читателям свои взгляды и свои убеждения. Михаил Михайлович весьма часто бывал недоволен. Он желал беспрерывного усовершенствования журнала и верил в успех. Он лучше готов был выдать книгу

совершенно без того или другого отдела, если на тот раз не имел, чем заместить его, чем наполнять журнал чем-нибудь и как-нибудь.

Но уже здоровье его было расстроено; в нем уже начинался зародыш той болезни (нарыв в печени), от которой он умер. Усиленные заботы по изданию утомляли его чрезмерно. К весне он стал чаще и сильнее хворать. Несмотря на то, он не отрывался от работы. Болезненное состояние сказывалось более и более: он стал беспокоен, раздражителен. Наконец, в июне он заболел опасно; доктора предупреждали его об опасности; но он не хотел, несмотря на их приказания, перестать работать. Он занимался даже накануне смерти, и болезнь перешла вдруг в безнадежное состояние...

Михаил Михайлович был человек настойчивый и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых, разряду весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и умеющих довести его до конца, несмотря на препятствия. К несчастию, характер покойного был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя, мало высказывался, особенно в несчастьях и неудачах. Когда он страдал, то страдал один и не обременял других своею экспансивностью. Только удачу, радость любил он делить добродушно с своими домашними и близкими; в такие минуты он не мог и не хотел быть один. Это определение его характера почти слово в слово совпадает с тем, что накануне его смерти было высказано консилиумом докторов о свойствах характера Михаила Михайловича.

Я не пишу биографии моего брата; я хотел только упомянуть об одной его литературной деятельности.

Жалею, что не могу сказать об его личном характере всего, что мне хотелось бы высказать: я понимаю, что я был слишком близок к покойному, чтоб говорить про него теперь всё то хорошее, что я мог бы сказать...

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

В июльском номере «Современника» помещены две чрезвычайные статьи, направленные против «Эпохи», очевидно, в отместку моей статье: «*Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах*» («Эпоха», № 5). Одна статья: «*Торжество ерундистов*» — не подписана, стало быть, от редакции; другая: «*Посланье оберстрижу, господину Достоевскому*» — подписана псевдонимом: «Посторонний сатирик» и снабжена следующим, весьма замечательным примечанием редакции «Современника»:

«Мы решительно не одобряем ни чересчур резкого тона этого „послания“, ни его бесцеремонных полемических приемов, а печатаем его единственно во уважение его цели, которая действительно стоит того, чтобы для ее достижения *употребить даже те неодобрительные средства*, какие употребил автор послания. *Ред.*»

Это значит: «Цель оправдывает средства» — правило старинное, всем известное и вдобавок западническое, следовательно, ни с какой стороны не противоречит направлению «Современника».

Цель эта достигается в обеих статьях личными ругательствами, но совершенно уж прямыми и по преимуществу такими, каких еще не бывало в русской печати («плюнуть на вас», «дуракова плешь» и проч.). Лично же против меня употреблено столько сплетен, что отвечать на это мне нет уже никакой возможности, а после теории «*неодобрительных средств*», так простодушно провозглашенной «Современником», — нет и надобности.* Но все-таки я не могу не сделать, теперь же, одного заявления публике, к которому нахожу себя решительно вынужденным.

---

* В обеих статьях «Современника» есть только одно серьезное место. Это знаменитый пункт — «о яблоке натуральном и яблоке нарисованном», составляющий почти всю сущность нигилистического воззрения на искусство. «Современник» выказал в своем возражении всю бедность своего понимания этого вопроса. А между тем вопрос слишком важный, и мы непременно намерены, в скором времени, поговорить о нем обстоятельнее — собственно ради важности вопроса.

Я понимаю, что можно смеяться над болезнию какого-нибудь больного человека, то есть я этого вовсе не понимаю, но я знаю, что известного развития человек может сделать это из мщения, в припадке уж очень сильного гнева. «Посторонний сатирик» (не знаю, кто он именно) уверяет в одном месте своей статьи, что знает меня лично. Он говорит: «Я сам лично слышал от него (то есть от меня) такие слова»... и т. д. Значит, он был знаком со мною, коли разговаривал со мной, а может, и теперь знаком. Итак, действительно, может быть, ему подробно известно, что у меня есть болезнь и что я лечусь. Знает, может, и то, как и когда получил я болезнь и т. д., одним словом, в подробности. И вот в своей статье он корит меня несколько раз тем, что я больной, а в одной выставленной им карикатурной сцене, где я изображен лично, смеется над тем, что я больной. Повторяю, всё это возможно в известном человеке и при известной степени гнева, и дивиться тут нечему. Но за что же он доктора-то моего обругал? — вот чего я решительно не могу понять и каждый день дивлюсь этому.

Вот в чем дело: «Посторонний сатирик» в одном месте своей статьи (перепечатав и присвоив себе из одной моей прошлогодней, полемической статьи против г-на Щедрина несколько строк целиком, но без всякого обозначения вводным знаком заимствованного места), обращаясь ко мне прямо, лично, с такими словами: «Статья ваша точно доктором вам прописана по рецепту», вдруг, ни с того ни с сего, прибавляет от себя: «И доктор-то ваш, видно, такая же „дуракова плешь“» («Современник», июль. Стр. 158).*

Что же это, наконец, такое? Скажите, чем тут виноват мой доктор? В журнальном споре нашем он никогда, ничем (вот уж ровно ничем!) не участвовал! В прежних полемических статьях между нами и «Современником» о нем никогда не упоминалось (да и как могло упоминаться?). Заметьте, что тут, в этих чрезвычайно странных словах «Постороннего сатирика», нет ни малейшего иносказания. Он прямо, лично, упорно обращается в своей статье ко мне и несколько раз называет меня по имени, говорит: «вы... вы, Федор Достоевский», и т. д., несколько раз повторяет это. Тут именно разумеется мой доктор, тот, который меня лечит. Злость, конечно, может бывать беспредельною, но может ли она выражаться до такой степени неожиданно?

---

* Выражение: «дуракова плешь» было употреблено однажды прошлого года, неизвестно для какой красы, в «Современнике». Один из сотрудников наших, И. Г. Долгомостьев, написал тогда же против некоторых мнений «Современника» научно-полемическую статью, нарочно назвал ее, пародируя «Современник», «Сказание о дураковой плеши», подписался псевдонимом: *Игдев* и поместил ее, прошлого же года, в нашем журнале. «Современник», как я догадываюсь, приписывает эту статью мне и вот почему, при обругивании моего доктора, употребил слово «дуракова плешь», а не другое какое ругательство. Но дело не в ругательном слове, а для чего ругать моего доктора?

Н. Я. Необходимое заявление. Эпоха 1864. Июль. 1

2

(по преимуществу)

Цель эта достигается в обеих статьях личными ругательствами, но такими, каких еще не бывало в русской печати. К тому же лично про меня употреблено столько клевет и сплетен, что отвечать на это мне нет даже никакой возможности, а после теории «необязательных сведений», провозглашенной «Современником», — нет и надобности.х) Но все-таки я не могу не сделать, теперь же, одного заявления нашим публике, к которому нахожу себя решительно вынужденным. // 3

х) В обеих статьях «Современника» есть только одно серьезное место: это знаменитый пункт — «о яблоке натуральном и яблоке нарисованном», составляющий почти всю сущность [illegible] эстетических его воззрений на искусство. «Современник» высказал в этом всю бедность своих понимания. [illegible]

А между тем вопрос [illegible]

[illegible]

И мы непременно намерены на днях же в следующем номере «Эпохи» поговорить о всем, что составляет собственно ряд весьма вопросов.

«Необходимое заявление». Страница чернового автографа. 1864 г.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Я видал иногда и знаю, что ругающийся человек может, если уж очень зол, выругать зараз вместе с вами и кого-нибудь из ваших родственников: «если и теща есть, так чтоб и теще!», как говорится у Гоголя в комедии. И потому если б «Посторонний сатирик» выругал заодно со мною кого-нибудь из моих родственников или родственниц, то это было бы хоть сколько-нибудь понятно; они мне родственники, следовательно, уж тем и виноваты. Тут хоть и бесконечно малая доля какой-то логики, но всё же логики. Но доктор, доктор, о котором прежде никогда и никто не упоминал, который подвернулся потому только, что подвернулось слово «доктор», — за что доктора-то? Неужели за то, что я и семейство мое пользовались иногда его советами? Какая же это наивная злость!

Во всем этом случае меня, конечно, не злость удивляет (мало ли какая бывает злость!), но именно вся эта загадочная неосновательность. Ничего не могу отгадать... Не встречался ли как-нибудь «Посторонний сатирик» с моим доктором где-нибудь в гостях, и тот, как-нибудь в разговоре, чем-нибудь ему не понравился? И вот, выругивая меня теперь, «Посторонний сатирик», может быть, вдруг вспомнил, что и тот тоже ему не понравился, и, чтобы не терять времени и не забыть выругаться, заодно и решился его обругать вместе со мной. Тем более, что тот меня лечит. Прекрасно-с. Но опять-таки кому не покажется, что в таком случае естественнее было бы распорядиться особой статьею, чтобы было не так отрывочно и неожиданно; или по крайней мере тут же объяснить чем-нибудь, хоть двумя-тремя словами в выноске, для связи, — что вот, дескать, есть и еще человек, который тоже мне не понравился, а я и забыл его обругать, так уж и его тут зараз... Но нет. «Посторонний сатирик», изругавшись, тут же сейчас и забывает совсем моего доктора, совсем бросает его и уже более не поминает о нем ни разу, как не поминал никогда и прежде... Зачем же он ругал его! Неужели и вправду только за то, что тот меня лечит? Удивительно!

Редакция «Современника» хоть и упомянула в своей заметке, внизу статьи, что не одобряет таких *бесцеремонных* полемических приемов, но, очевидно, она надеется, что такие именно приемы и будут ей способствовать к *достижению ее цели.* Неужели могут способствовать? И за что, за что, скажите, обругали они совсем постороннего человека! Ну много ль им из этого выгоды?

ЧТОБЫ КОНЧИТЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С «СОВРЕМЕННИКОМ»

Господа Современники, в июльской книге нашей, по поводу двух ваших статей об «Эпохе», сотрудник наш Ф. Достоевский написал о вас заявление, самое необходимое, — в три страницы. На это вы отвечаете полемикой ровно *в сорок восемь страниц*! Нас и прежде поражало ваше необузданное многословие, а теперь мы просто в смущении; ибо невольно рождается неразрешимый вопрос: что же будет, если мы напишем вам уже не три страницы, а шесть страниц или восемь страниц? Что будет, наконец, если б мы рискнули написать вам тоже сорок восемь страниц? В последнем случае даже и представить себе ужасно, что будет.

И не скажет ли всякий, читая вас: «К чему там у них такой шум, такой стук и азарт? Куда текут эти многоводные реки полемики? Стало быть, есть же что-нибудь, что их *не шутя растревожило*?» Слышите? Действительно, ведь только от смущения и замешательства можно попасть в такую однообразную и скучную колею, в какую вы попали, — и не замечать этого. Ну не изображаете ли вы таким образом собою эмблему испуганной коровы, попавшей на рельсы железной дороги и которую догоняет вагон. Случай редкий, но возможный. Объятая смущением, сама еще не веря своему несчастью, лупит она

всё прямо, всё прямо по рельсам, в припрыжку,

всё одной и той же колеей, не догадываясь, наивная, что стоит ей только на минуту покинуть рельсы и взять капельку вправо — и она спасена, и может опять давать молоко! В этой яркой картине вы, по простодушию вашему, а вместе с тем и по некоторой неуклюжести вашей, как бы изображаете собою вышеозначенное наивное создание, а ваши увлечения и дурные страсти — изображают вагон, наполненный самими же вами и вашими статьями. Таким образом, вы губите и давите себя сами, а между тем —

увы! — может быть, и вы бы могли давать молоко! Но глух и слеп современный человек, и бесследно проходят для него примеры из всемирной истории!

Сорок восемь страниц ответа на три страницы! И неужели вы не сообразили, что это не только бестактно, но и бездарно; что можно отвечать и двумя страницами, но так, что и на двух страницах (если вы правы) можно совершенно разрушить своего противника, и даже также окончательно, как например года три назад, Антонович (хотя и не на двух страницах и хотя вовсе был не прав) разрушил г-на Тургенева. Ну кто, скажите, еще помнит теперь о г-не Тургеневе? И напротив, как велик стал Антонович! Вспомните тоже полемические статьи господина Пушкина. Написать столько страниц самой неестественной ругани на три страницы самой вежливой, в своем роде, заметки значит самим признаться: во-первых, что вы короче написать *не умеете* (что очень печально!), а во-вторых, что у вас недостает аргументов, потому что неестественная ругань у русского человека начинается только тогда, когда у него уже нет аргументов. Помните поговорку: «Юпитер, ты сердишься, стало быть, ты не прав». Ну а если к тому же сердится совсем и не Юпитер, а, например, всего только вы, так ведь тогда выходит комизм. Что еще простительно Юпитеру, то вам непростительно.

И наконец, совсем, что ли, глупою считаете вы публику? Считаете ли вы, что ее можно уверить во всем, в чем угодно, — в том, например, что сказать: «ваш доктор — дуракова плешь» — значит совершенно то же самое, что проговорить просто и вообще слово «доктор»? В том ли, например, что повесть, которою мы огрешились прошлого года: «о разбитой чашке и о кулаках в стену» (вызванная гораздо грубейшей, предварительной статьей «Современника», о чем вы забыли упомянуть), — может быть названа такою же точно личностью, как прямое в глаза: «Шваль, ракалья, издыхающая тварь»? Заметим кстати, что эта повесть о «разбитой чашке» (которой, впрочем, уже полтора года), хоть и груба, хоть и невежлива (в чем сознаемся бесспорно), но уж по тому одному не может быть названа прямою, настоящею личностью, что никому из разумных читателей в мире и в голову не придет, что тут описывается действительное приключение, чтоб подглядеть которое нам надо было, как вы говорите, подкупать кухарку. Это просто была карикатура, имевшая целью осмеять чрезвычайную личную раздражительность нашего прошлогоднего оппонента. сделавшего из законнейшего спора (между прочим, об осмеянии г-на Тургенева как частного лица, единственно в угоду редакции «Современника») — совершенно личный спор. Карикатуры позволительны, а резкость нашей карикатуры, повторяю, была вызвана *предварительно* такими выходками от нашего оппонента, которые, конечно, были вдвое грубее нашей карикатуры.

Равномерно, поймет публика, что вовсе нельзя назвать сплетней — слухи, напечатанные нами (с большими оговорками), о том,

что г-н Щедрин уезжает в Москву с каким-то посторонним сатириком издавать собственный свой журнал. Этот слух, равно как и все те слухи, о которых мы тогда напечатали, не нами были сочинены, а существовали действительно, оправдывались противоречиями в направлении г-на Щедрина и «Современника»; а главное в том, что все эти слухи, хотя и подсмеиваясь мы их тогда поместили, не приносят ни малейшего бесчестия г-ну Щедрину. Убежать же в Москву от «Современника» не только не бесчестно, но даже и разумно. Сплетней, милостивые государи, называется собственно то, когда *сознательно лгут* с целью обесчестить человека или как-нибудь повредить ему в глазах общества. Когда же взводят на человека капитальное обвинение, *наверно* зная, что тому человеку по некоторым причинам невозможно защищаться и ответить, тогда уже выходит нечто позорящее сплетника, тем более что правда, рано ли, поздно ли, а всегда открывается. — И наконец, чтобы заключить этот пункт, — неужели вы думаете, что публика не догадается, наконец, что вся эта беспримерная в летописях российской словесности ругань должна же иметь у вас побуждение гораздо серьезнейшее, чем, по-видимому, выставляется? Ведь вы уж одним азартом вашим сами себя с руками выдаете и не догадываетесь об этом.

И кому вы служите (о близорукие) этим азартом! Знаете ли, знаете ли вы, кому вы всем этим прислуживаете? Дети вы! «Мáстеры» вы, а не «Мистеры»! *

Впрочем, мы решились вас успокоить совершенно и заявить вам, раз навсегда, что впредь вы никаких более ответов на эту тему от нас не дождетесь; это последний. Извините, пожалуйста, что теперь ответили: но невозможно было не высказать кой-чего на прощанье. В прошлом номере «Эпохи» мы попробовали было не упоминать о вас почти вовсе, надеясь, что и вы перестанете. Но видим теперь, что вам невозможно перестать, что вы жаждете ответа, что вы жаждете сцепиться, что вам хочется еще страниц пятьсот написать. Ну так и ждите же! — Не будет вам более от нас ответа, хотя бы вы ругались еще три года. (Другое дело идеи, «проводимые» вашим журналом, о них мы еще будем говорить не раз, тем более что идеи не ругань, хотя с некоторого времени всё труднее и труднее становится различить, — что такое у вас идеи и что у вас ругань? Сами вы спутались и, очевидно, принимаете одно за другое.)

На прощанье, чтоб закончить *совсем* нашу с вами *полемику*, мы хотим вам сказать словечка два — как бы вы думали о чем? — О стрижах. — Мы давно об этом хотели сказать словцо, да всё не хотелось связываться. Ну а теперь, так как уж дело кончается, по крайней мере с нашей стороны, и нам, по всей вероятности, уже не придется более возвращаться к этой *теме*, так отчего ж и

---

* *Мáстеры* не значат, впрочем, *мастерá*. Делаем это примечание собственно для не знающих английского языка.

не высказаться? Итак знайте, что *стрижи*, по нашему мнению, — очень хорошенькие птички: во-первых, они красивы, а во-вторых, предвещают ясную погоду.* Вспомните начало одного стихотворения:

Жди ясного на завтра дня:
Стрижи мелькают и звенят.

Предвещать ясную погоду — очень лестно, особенно теперь, в наше время. И кто же, — вы, — дали нам это названье! — Что может быть лучше ясной погоды, ясных, тихих, миротворных дней! Что может быть лучше, как *предвещать* эти грядущие дни, стремиться к ним и ободрять других в этом стремлении... Это уж совсем не то, что «посылать шиши в беспредельное пространство и считать их разрушительными гранатами», — как выразились о вас «Отечественные записки». В том-то и вся разница между нами: мы ясную погоду предвещаем, а вы — посылаете шиши в беспредельное пространство. И так пусть мы будем *стрижи*, а вы — угадываете ли теперь, кто вы такие?

Но довольно!.. Вот вам уж не на сорок восемь, а по крайней мере на шестьдесят или на семьдесят страниц материалу.

---

* Памятный «Современнику» сотрудник наш, г-н Игдев, доставил еще в прошлом месяце в нашу редакцию учено-полемическую статью о предпоследней ругани «Современника», с эпиграфом из Островского: «*Да вы не очень, а то я испугаюсь*». Но мы не напечатали тогда эту статью собственно потому, что она уж очень снисходительна к «Современникам»; ибо г-н Игдев сам с ними схватывается и даже ругается; ну а уж это значило их баловать. Но в статье этой есть трактат о стрижах, из которого мы и берем два-три места на выдержку:

«Стриж — птица весьма почтенная и, как всем известно, хорошую погоду предвещающая... Это так называемая „береговая ласточка“ (Hirundo riparia Cuv.), русское название которой — стриж — происходит от корня *стри*, означающего быстроту (вспомните в «Слове о Полку Игореве»: «Се ветры, *Стри*божи внуци, веют с моря стрелами» и проч., или прочтите объяснение этого места у г-на Буслаева). Такое название дано им по изумительной быстроте их полета, о котором обыкновенно говорится: „стрижи *мелькают*“. В общей родовой характеристике Кювье говорит о них, что их кости „indiquent, même dans le squelette, à quel point ces oiseaux sont disposés pour un vol vigoureux“, то есть показывают даже в скелете, до какой степени способны эти птицы к могучему полету. Скажите, пожалуйста, что же бранного и обидного в названии „стрижи“? Я решительно теряюсь в догадках»...

И т. д. Тут уж почтенный автор начинает с ними *схватываться*. Но вот еще выдержка:

«...Значит, что же дурного в стрижах? Уж не то ли, что они истребляют насекомых? Удивительно, как не пришло вам на мысль, что, воспользовавшись вами же данным прозвищем, мы сравним вас с насекомыми, которые, завидя страшную для них птицу...» и т. д. и т. д. Тут опять схваточка.

ПРИМЕЧАНИЕ
‹К СТАТЬЕ Н. СТРАХОВА «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АПОЛЛОНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ГРИГОРЬЕВЕ»›

Никак не могу умолчать о том, что в первом письме Григорьева касается меня и покойного моего брата. Тут есть ошибки, и по некоторым из них полную правду могу восстановить только я; я был тут сам деятелем, а по другим фактам личным свидетелем.

1) Слова Григорьева: «Следовало не загонять как почтовую лошадь высокое дарование Ф. Достоевского, а холить, беречь его и удерживать от фельетонной деятельности, которая его окончательно погубит и литературно и физически»... — никоим образом не могут быть обращены в упрек моему брату, любившему меня, ценившему меня, как литератора, слишком высоко и пристрастно и гораздо более меня радовавшемуся моим успехам, когда они мне доставались. Этот благороднейший человек не мог употреблять меня в своем журнале как почтовую лошадь. В этом письме Григорьева, очевидно, говорится о романе моем «Униженные и оскорбленные», напечатанном тогда во «Времени». Если я написал фельетонный роман (в чем сознаюсь совершенно), то виноват в этом я и один только я. Так я писал и всю мою жизнь, так написал всё, что издано мною, кроме повести «Бедные люди» и некоторых глав из «Мертвого дома». Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело еще в моей голове, но *непременно* должно было написаться к завтраму. Привыкнув так работать, я поступил точно так же и с «Униженными и оскорбленными», но никем на этот раз не принуждаемый, а по собственной воле моей. Начинавшемуся журналу, успех которого мне был дороже всего, нужен был роман, и я предложил роман в четырех частях. *Я сам* уверил брата, что весь план у меня давно сделан (чего не было), что писать мне будет легко, что первая часть уже написана и т. д. Здесь я действовал не из-за денег. Совершенно сознаюсь, что в моем романе выставлено много кукол,

а не людей, что в нем ходячие книжки, а не лица, принявшие художественную форму (на что требовалось действительно время и *выноска* идей в уме и в душе). В то время как я писал, я, разумеется, в жару работы, этого не сознавал, а только разве предчувствовал. Но вот что я знал наверно, начиная тогда писать: 1) что хоть роман и не удастся, но в нем будет поэзия, 2) что будет два-три места горячих и сильных, 3) что два наиболее серьезных характера будут изображены совершенно верно и *даже* художественно. Этой уверенности было с меня довольно. Вышло произведение дикое, но в нем есть с полсотни страниц, которыми я горжусь. Произведение это обратило, впрочем, на себя некоторое внимание публики. Конечно, я сам виноват в том, что всю жизнь так работал, и соглашаюсь, что это очень нехорошо, но...

Да простит мне читатель эту рацею о себе и о «*высоком даровании*» моем, хотя бы в том уважении, что я первый раз в жизни заговорил теперь сам о своих сочинениях. Но повторяю, в фельетонстве моем я сам был виноват и никогда, никогда благородный и великодушный брат мой не мучил меня работой... Добрый Аполлон Александрович, с которым я сошелся гораздо ближе впоследствии, всегда следил за моей работой с горячим участием, и это объясняет слова его. Он только не знал на этот раз, в чем дело.

2) Н. Н. Страхов хоть и представляет далее в статье своей комментарий на слова моего брата, приведенные Аполлоном Григорьевым о Киреевском, Хомякове и о. Феодоре, но так как я сам был тут, при этом разговоре, то считаю, как личный свидетель, не лишним разъяснить эти слова в их настоящем смысле.

Аполлон Григорьев весьма часто упоминал во «Времени» о Хомякове и Киреевском, и упоминал всегда так, как хотел, потому что сама редакция «Времени» вполне ему сочувствовала. Но то было худо, что часто он *неумело* упоминал об этих лицах, потому что говорил о них голословно. Масса читателей тянула тогда совершенно в другую сторону: про Хомякова и Киреевского было известно ей только то, что они *ретрограды*, хотя, впрочем, эта масса их никогда и не читала. Следовало знакомить с ними читателей, но знакомство это делать осторожно, *умеючи*, постепенно, более проводить их дух и идеи, чем губить их на то время громкими и голословными похвалами. Оттого-то какой-нибудь тогдашний прогрессист, раскрывая книгу и наталкиваясь прямо на слова: «великие мыслители Хомяков, Киреевский, о. Феодор», с презрением закрывал журнал не читая, а Григорьева называл сумасшедшим и смеялся над ним.

Покойный брат мой, излагая всё это Григорьеву в совершенно дружеском разговоре, при котором я тогда присутствовал и в котором участвовал, заключил такими словами: «Помилуйте, да каждый читатель после этого совершенно вправе вас спросить: какие же глубокие мыслители Киреевский и Хомяков?» (то есть когда вы не объяснили этого, а написали голословно).

Но Григорьев никогда не понимал таких требований. В нем решительно не было этого такта, этой гибкости, которые требуются публицисту и всякому *проводителю идей*. Даже так случалось, что после подобных объяснений ему иногда казалось, что от него требуют отступничества от прежних убеждений.

3) Совершенная правда, что в журнале в первые годы его существования были колебания — не в направлении, а в способе действия. Были тоже ошибки в некоторых убеждениях. Но направление могло только *формулироваться* с годами. Иметь направление и уметь его ясно и всем понятно формулировать — дело розное. Последнее приобретается опытом, временем, жизнию и находится в прямом отношении к развитию самого общества. Отвлеченная формула не всегда годится. Кому есть что сказать, тот знает, как иногда трудно высказаться. Рутинные формулы, взятые напрокат, да еще задним числом, то есть когда уже все о них имеют некоторое понятие, гораздо более удаются, более нравятся обществу, чем незнакомые ему убеждения. Только обносившиеся идеи *очень* понятны. В прежних ошибках мы готовы сознаться искренно; но ведь мы не могли их тогда видеть сами, именно потому, что и тогда действовали по твердому убеждению.

4) Что же касается до того: пускать ли того или другого в сотрудники или до требования человека нового и свежего для Политического обозрения и проч., и проч., — то этими требованиями Аполлон Григорьев только доказал, что он не имел ни малейшего понятия о практической стороне издания журнала. Если, положим, К<усков> и М<инаев>, с образом мыслей которых журнал вполне несогласен, представят к напечатанию в редакцию журнала такие статьи, которые на этот раз не претивуречат его главной идее, его направлению, а между тем сами по себе любопытны и даже талантливы, то эти статьи, разумеется, можно напечатать. Иначе ни один журнал не состоится. Так же точно нельзя не ошибиться, хоть раз, в напечатании какой-нибудь неудачной драмы или повести. Ошибался и Аполлон Григорьев, а такое требование с его стороны было слишком строго. Требование же «нового и свежего человека» для Политического обозрения — было еще строже. Требовать вдруг *всего* — было невозможно. Впоследствии Политическое обозрение во «Времени» составлялось весьма талантливо и замечательным сотрудником; но и оно далеко не выражало направления журнала. Трудно сразу отыскать для каждого отдела людей с талантами, равносильными таланту Островского, да еще начинающему журналу. Уже довольно того, что журнал ищет этих людей и сознает их необходимость. Но всего досаднее в подобных случаях то, что такого сотрудника в данный момент может и совсем на свете не быть.

Сделаю еще одно последнее, общее замечание. В этих великолепных, *исторических* письмах, в которых не звучит ни одной фальшивой (неискренной) ноты и в которых так типично, хотя всё еще не вполне обрисовывается один из русских Гамлетов на-

шего времени (настоящих Гамлетов), — в этих великолепных письмах, говорю я, не всё и теперь может быть взято редакциею «Эпохи» без оговорок. Без сомнения, каждый литературный критик должен быть в то же время и сам поэт; это, кажется, одно из необходимейших условий настоящего критика. Григорьев был бесспорный и страстный поэт; но он был и капризен и порывист как страстный поэт. Я не о том, собственно, говорю, что он *увлекался*, — фраза, которую некрологисты его (из которых, без сомнения, редкий и читал Григорьева) обратили в пошлое выражение. Григорьев был хоть и настоящий Гамлет, но он, начиная с Гамлета Шекспирова и кончая нашими русскими, современными Гамлетами и гамлетиками, был один из тех Гамлетов, которые менее прочих раздваивались, менее других и рефлектировали. Человек он был непосредственно и во многом даже себе неведомо — почвенный, кряжевой. Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура (не говорю — как идеал; это разумеется). От этого и происходило, что малейший порыв свой в общем деле он считал до того *кровным* и необходимым для *всего* дела, до того неразрывным с делом, что малейшее неудовлетворение этому порыву казалось ему иногда падением всего дела. И так как раздваивался жизненно он менее других, и, раздвоившись, не мог так же удобно, как всякий «герой нашего времени», одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже в прекрасных стихах, с самообожанием, и с некоторым гастрономическим наслаждением, — то и заболевал тоской своей весь, целиком, *всем человеком*, если позволят так выразиться. В этом настроении написаны и письма его.

«Я критик, а не публицист», — говорил он мне сам несколько раз и даже незадолго до смерти своей, отвечая на некоторые мои замечания. Но всякий критик должен быть публицистом в том смысле, что обязанность всякого критика — не только иметь твердые убеждения, но *уметь* и проводить свои убеждения. А эта-то *умелость* проводить свои убеждения и есть главнейшая *суть* всякого публициста. Но Григорьев, судя о слове *публицист* с предубеждением, — по некоторым частным примерам бывших у нас публицистов, — не хотел даже и понимать, чего от него добивались, и, кто знает, по своей гамлетовской мнительности, может быть, думал, что от него добиваются отступничества.

Я полагаю, что Григорьев не мог бы ужиться вполне спокойно ни в одной редакции в мире. А если б у него был свой журнал, то он бы утопил его сам, месяцев через пять после основания.

Но я рад чрезвычайно, что публика и литература могут яснее узнать, по этим письмам Григорьева, какой это был правдивый, высоко честный писатель, не говоря уже о том, до какой глубины доходили его требования и как серьезно и строго смотрел он всю жизнь на свои собственные стремления и убеждения.

КАЛАМБУРЫ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

Я решительно восстаю против одного старинного и укоренившегося в русской литературе предрассудка насчет А. А. Краевского, редактора и издателя «Голоса», газеты политической и литературной. Почему, почему именно все эти сатирические наши листки, все эти критики и летописцы, фельетонисты и юмористы, все, все, и теперь, и прежде, и запрежде, и гораздо прежде, — все, только лишь касалось или коснется дело до литературной деятельности А. А. Краевского, тотчас же как-то странно переменяют тон, каков бы он ни был до этого случая и кто бы ни были сами все эти о́рганы и деятели, — тотчас же начинают престранным образом шутить и, что всего досаднее, делают это как будто совершенно невольно, с таким безошибочным и невинным видом, как будто уж это решено, что они имеют какое-то литературное право на такие странные отношения? И вот этак-то продолжалось в продолжение всей литературной карьеры Андрея Александровича, начиная с его «Бориса Годунова» и кончая его последними штучками с «героем Кастельфидардо». По-моему, это какой-то смешной предрассудок и больше ничего. Это вздор, и этот вздор надо искоренить. И на чем же это основывается? Всё дело в том, что г-н Краевский в продолжение своей литературной карьеры не успел, за делами, сделаться литератором! Отнюдь мы этого не поставим ему в упрек. Да и смешно было бы утверждать, что всякий, кто не литератор, тот уж и не замечательный в литературе человек. Напротив, Андрей Александрович весьма замечательный человек в литературе. Мало того, можно быть чудеснейшим человеком и чрезвычайно мало смыслить в русской литературе. Коль уж на то пошло, скорей мы поставим это обстоятельство в упрек русской литературе, а не Андрею Александровичу. С своей стороны, мы торжественно признаем за ним голос в русской литературе. Конечно, он желает теперь (и недавно сам заявил об этом желании), чтоб на журналы как можно меньше подписывались (если уж нельзя так сделать, чтоб совсем на них не подписываться), а подписыва-

лись бы лучше на газеты (то есть на «Голос», конечно: не станет же Андрей Александрович приглашать на «С.-Петербургские ведомости»). Но это желание, по-моему, самое с его стороны естественное. Каждому издателю хочется как можно больше подписчиков. А случись, что лопнут все журналы, так уж, разумеется, к «Голосу» придет больше публики. Таким образом, нельзя и не согласиться, что г-н Краевский издает теперь голос уже не в пользу, а отчасти в ущерб русской словесности, потому что все-таки публика хоть и выигрывает вместо журналов «Голос», но зато теряет самые журналы. Но этим я вовсе не хочу сказать, что г-н Краевский издает и свой «Голос» в ущерб русской литературе, хотя, впрочем, помещая в нем свой голос в ущерб русской литературе, он уже тем самым издает и «Голос» в ущерб русской литературе. Признаюсь, господа, я немного тут путаюсь с этими двумя разными голосами. Терпеть я не могу каламбуров, а они, как нарочно, теперь, когда бы надо говорить яснее, так и лезут. И потому, чтоб удобнее различить эти два голоса, назовем один из них — именно тот самый, который издает Андрей Александрович в ущерб русской литературе, — его натуральным голосом, то есть тем, которым он обыкновенно говорит разные слова. Тот же «Голос», который издает Андрей Александрович на пользу русской литературы, назову, для различия от первого и для ясности, — ненатуральным голосом Андрея Александровича, тем более что он его только издает, но им ничего еще до сих пор не выговорил. Получаются, таким образом, два совершенно различные голоса и оба принадлежащие Андрею Александровичу: один его собственный натуральный голос, а другой хоть и тоже его собственный «Голос», но уже ненатуральный. Натуральный раздается в ущерб русской литературы, а ненатуральный издается в пользу русской литературы, и натуральный помещается в ненатуральном, так что ненатуральный «Голос» Андрея Александровича заключает в себе и натуральный голос Андрея Александровича. Но, к сожалению моему, я замечаю, что тут выходит опять закорючка: ведь ненатуральный «Голос», издающийся на пользу русской литературы, помещая в себе натуральный голос, раздающийся во вред русской литературы, тем самым тотчас же и сам становится вреден русской литературе; да, кроме того, я именно с тем и перо взял, чтоб доказать, что и натуральный-то голос Андрея Александровича, раздавшийся в ущерб русской литературы, совсем ненатурален, а, напротив, вызван одними только, не касающимися литературы, интересами «Голоса», ненатуральной газеты Андрея Александровича. Как же мне быть теперь с такими гадкими и глупейшими каламбурами, которые сами напрашиваются и будто нарочно из-под пера выскакивают? Ведь из-за них выходит теперь, что Андрей Александрович издает оба свои голоса в ущерб русской литературе. Что делать; мне кажется, в этой путанице отчасти он сам виноват, и именно тем, что всю жизнь на свое литературное дело

смотрел не как на дело, а как на *дела*. При таком взгляде на литературу всегда каламбур выйдет. Конечно, этими словами я вовсе не хочу сказать чего-нибудь дурного собственно и про *дела*, то есть что эти дела были не дело. Напротив, не делая литературного дела, а обратив его в *дела*, Андрей Александрович тем самым обделал и свои делишки, и до такой степени уверен в том сам, что даже и теперь, в «Голосе», заявляя желания свои о подписке, хотя и говорит не дело, но, говоря это не дело, воображает, что успеет обделать другое дело, которое наиболее считает за дело и которое отлично могло бы устроить его *дела*... Тьфу пропасть, опять полон рот каламбуров! Господа, я уверен, вы смотрите на меня с сожалением; но позвольте, однако же, дайте и мне оправдаться; я вам докажу сейчас, самым естественным образом, что тут, заговори только обо всех этих делах, никак уже нельзя миновать каламбура и опять-таки всё по той же причине (совершенно от меня не зависящей), что тут, из литературного дела, делают *дела*, а не дело. Смотрите, вот перед нами «Голос» и в нем объявление. Об чем же гласит это объявление? Это объявление гласит об издании ежемесячного журнала «Отечественных записок» в будущем 1865 году. (Слушайте!) Известно, что редактор «Отечественных записок» — тот же самый Андрей Александрович, который издает и «Голос». (Слушайте, слушайте!). Говорится, во-первых, в этом объявлении, что «Отечественные записки», вместо прежней, неуклюжей и несвоевременной формы своего выхода, в каждый месяц по одной книжке, получат в будущем году более легкую и своевременную форму, а именно — будут являться двумя книжками в месяц, так что выйдет уже не двенадцать книжек в год, а двадцать четыре. «Плохой признак!», — думаете вы, еще не зная, в чем дело. «Все падающие и обессилевшие журналы обыкновенно прибегают к таким же самым *механическим* уловкам самоспасения. Чем бы духом обновляться, они обновляются какимнибудь внешним кунштиком — или на части дробятся, или обертку меняют — и воображают, что этим спасут себя. ***Тяжелый*** журнал, раздробляясь на две книги, не станет от этого *легче*, и слишком увлекается Андрей Александрович, думая, что от легкости раздробившихся книжек упавшего журнала его будет легче *поднять*». Так думаете вы, но, подумав побольше и сообразив факты, вы увидите, что главное дело не в этом, а в том, с какою целью было написано всё объявление. Попробуйте прочесть нижеследующее; это уж говорит сам Андрей Александрович:

«Форма ежемесячных журналов, являющихся в виде толстой книги, усвоена была нашей периодической литературой в то время, когда журналы и газеты не касались еще ни политики внешней, ни суждений о вопросах внутренней жизни, когда журналы довольствовались только искусством, только наукою, по возможности, в их отвлеченной форме... С 1834 по 1856 г. форма толстых ежемесячных книг была почти единственною в русской журналистике. Но с 1856 года положение это изменилось к лучшему: журналы получили возможность говорить о тех рефор-

мах, которые предпринимаются правительством; литературе сделались более доступны и науки политические и иностранная политика; стали являться произведения, проникнутые более близким отношением к жизни ежедневной. Вследствие всего этого газеты получили силу, которой они никогда не имели в России, *ежемесячные же журналы потеряли все свое прежнее значение.* И нет ничего удивительного: чисто литературные и чисто ученые интересы, которым исключительно служили прежние журналы, отодвинулись на второй план; а между тем слишком отдаленные сроки появления книжек лишали редакцию возможности своевременно вести имеющую бесспорно важное значение хронику политической и общественной жизни и участвовать в решении возникающих вопросов. Обыкновенно событие, давно уже известное, обсуженное газетами, является в журнале чрез месяц, через два после того, как о нем объявлено в ежедневных листах, а в провинцию приходит с помощью ежемесячного журнала и нашей тяжелой почты так поздно, что о нем к тому времени читатели успеют уже и забыть. Такое неблагоприятное положение ведет к тому, что *самые жизненные отделы журнала должны прекратиться, и издания эти поневоле превращаются в сборники или литературных статей, или ученых трактатов, большею частью чисто теоретического направления.* Журнал ежемесячный перестает иметь то значение, которое имел некогда и которое было условлено отсутствием в обществе политических интересов и преобладанием литературных; а интересы литературные не так скоропреходящи, как политические и общественные».

«Что же это такое? — подумал было я, несколько удивленный, когда прочитал это; — с первого взгляду как будто и дело, а потом...» Да полно, правду ли уж тут наговорил Андрей Александрович! Во-первых, он утверждает, что *ежемесячные журналы потеряли свое прежнее значение*, газеты же получили силу. И всё это с 1856 года. Но припоминая и соображая, я вывожу, что напротив, именно около этого времени журналы-то и усилились и получили новое значение в публике; именно около этого времени основалось много новых журналов и некоторые из них достигли громадного числа подписчиков, в сравнении с прежними временами. Из них основался в Москве «Русский вестник» и имел до 7000 подписчиков, некоторые же говорят, что и более. Он и теперь имеет до 6000 подписчиков. «Современник» возрос, с прежних 4000 (maximum прежнего времени), до 6000 подписчиков. Основалось «Русское слово» и живет до сих пор. Четыре года тому назад началось «Время», совершенно новый журнал, и на второй уже год имело более 4500 подписчиков, на третий год доходило до 5000 подписчиков и зашло бы, может быть, и дальше, если б журнал продолжался. Началась в нынешнем году «Эпоха»... Ведь это, как хотите, факты. Этак не падают и не теряют значения в публике. Вот «Отечественные записки», правда, потеряли прежнее значение, но ведь это, может быть, совсем не от тех причин, которые выставил Андрей Александрович, а так, оттого, что старое старится, а молодое растет — вот и всё. Но, может быть, Андрей Александрович не одно такое падение имел в виду. Он вот говорит дальше, что почему-то «*самые жизненные отделы журналов должны прекратиться, и издания эти поневоле превращаются в сборники или литературных статей, или ученых трактатов, большею частию чисто теоре-*

тического направления». Как так, прекратиться? — говорю я, начиная еще более удивляться. Да ведь это не только против фактов, но и против смыслу, потому именно, что самая сущность газет, как летучих минутных изданий, различна от сущности журналов; так что эти сущности одна другую исчерпать и в себе совместить не могут — газета не может заменить журнала, а журнал не может заменить газету, — а должны подобные издания, каждое, следовать своим путем и держаться своей дороги. И почему же самые жизненные отделы журналов должны прекратиться? почему именно журналам остается говорить только в «чисто теоретическом» направлении? Закон это какой, или обязанность? Что подразумевал тут Андрей Александрович? Да ведь всё, именно всё, что было пережито за это *последнее* время, с 56 года, в журналах же было пересказано, всё это отразилось и явилось в них, потому что у нас вся литература совокупляется в одних журналах. Там, как бы ни явилось, а явилось. Как умели и как могли, так и заявляли. А газеты, и именно те, которые наиболее теперь читаются, — явились только в недавнее время. И «Московские ведомости» и теперешние «С.-Петербургские» — очень недавно явились в теперешних своих редакциях, а «Голос», тот и основался-то только с прошлого года и покамест до сих пор, сколько мы знаем, еще ничего не сказал такого особенного, чтобы можно было заключить что-нибудь особенное. Даже, может быть, не только особенного, но и ничего нельзя заключить из того, что он высказал. Впрочем, это уж на любителя. Любопытно, однако же, узнать, что именно подразумевает «Голос» под этою «жизненностью журнальных отделов»? Уж не «реформы ли, предпринимаемые правительством», как он выше говорит в своем объявлении, уж не «науки ли политические и иностранную политику», уж не «произведения ли, проникнутые более близким отношением к жизни ежедневной»? Но ведь об этом и только об этом и говорят журналы; мало того, *только* журналы и могут говорить об этом *как следует*, то есть способны сказать о подобных предметах (разумеется, по возможности и по способности) веское, значительное и обстоятельное слово, потому что они имеют время изучать, соображать и выводить результаты из накопившихся фактов. Ежедневные же, наприм‹ер›, газеты не имеют на это достаточно времени, должны помещать факты так, как они в ту минуту явились, иногда совершенно отдельно и внезапно, так что и говорить об них могут только то, что в данную *минуту могут о них сказать,* за неимением времени ждать накопления однородных фактов, чтоб изучить их и вывести из них *безошибочное и беспристрастное* следствие. А одни факты, без обстоятельного их изучения и без окончательного слова о них, — только суета и путаница. Вообще же даже и претензии не могут брать на себя газеты — высказывать скорее других что-нибудь точное, прочное и окончательное, чему причиною именно то, что двух дел разом делать нельзя. И что значит: «произведения, проникнутые более

близким отношением к жизни ежедневной». Есть много книг, проникнутых несравненно более близким и продолжительным отношением к жизни ежедневной, чем множество газет ежедневных. Дело в деле, а не в одном факте ежедневности. Если же газеты захотели бы взять на себя и изучение и полную разработку тех фактов, о которых заявляют у себя ежедневно, и взялись бы представлять эту разработку в виде обстоятельных, прочных и основательных трактатов, ранее всех других, собственно потому, что они газеты, — то смело можно сказать — они взялись бы за невозможное дело. Да и то изучение и та разработка фактов, которые газеты могли бы сделать (даже и не ранее других), доступны им только в виде заключительных слов, окончательных выводов, в виде почти голословных или уже слишком малословных мнений, хотя и верных, может быть, но необстоятельных и сокращенных, за физической невозможностью говорить иначе; не хватит у них на это ни места, ни времени, да и по сущности своей должны они заниматься совсем другим, а не этим. Всего нельзя взять на себя. Нигде газеты не исчерпывали *всю* насущную жизнь человечества и не совмещали в себе *всю жизненность* данной минуты. Я здесь говорю о журналах и о газетах вообще, без отношения к «Голосу» и к нашим ежемесячным журналам. Если же применить всё вышесказанное к «Голосу» и сообразить, что это он один хочет заключить в себе всю нашу жизненность (не о «С.-Петербургских же ведомостях» он говорит), да еще рекомендует себя в этом отношении публике *единственно на том основании*, что он выходит листами раздельно, на каждый день по листу, а не в виде тридцати листов разом, — то это было бы уже слишком механически с его стороны. Слишком уже механически понимает жизнь Андрей Александрович. По его философии выходит, что жизненность заключается в раздроблении предмета на части. Этак было бы уже слишком легко жить. Руби с плеча и дело с концом. Это дело не дрова, Андрей Александрович. Можно подозревать, что почтенный издатель «Голоса» принимает за жизненность еще и то, что он печатает в «Голосе» телеграммы и имеет способ уведомлять, *прежде* всех, о случившихся вчерашний день фактах. Не говоря уже о том, что настоящее дело не в том только состоит, что я скажу о нем первый и прежде других, а в том, *как* и *что* я скажу, — положим прямо, что издатель «Голоса» будет говорить, как восьмой мудрец. Но если он точно восьмой мудрец, то он тут же, сейчас после телеграммы, и должен прибавить: «Говорю, что могу сказать в данный момент, а дальше подождем и посмотрим. Вот вам известие, — и того уж довольно, что я вам первый его сообщаю и свое слово на первый раз говорю; цените это, — ну, положим, хоть в пятнадцать рублей с пересылкою на дом. Но то, что выйдет или может выйти из всех этих фактов, не только сразу, но, может быть, и годами-то иногда не разучишь. Ведь не всякое дело в две минуты кончается. Подожду,

соображу, что скажут и другие и *все*. Ум и жизнь всем принадлежат, а не мне одному. Да у меня и места нет, чтоб *всё* говорить. Я непременно об этих фактах обязуюсь вам высказать мое собственное и даже руководящее мнение впоследствии, когда время придет, но уж, конечно, после того, когда жизнь и наука свое слово скажут и многое мне объяснят, да и то вкратце скажу — в виде руководящей статьи, которые я все сам пишу. А чтоб окончательно быть à la hauteur du sujet,[1] обратитесь и к тем, которые этими делами специальнее и подробнее меня занимаются. Ведь оттого, что они *подробнее и пространнее дело изложат и его изучат, у дела не убудет жизненности,* а напротив, они-то, может быть, жизненную-то сердцевину дела и отыщут и разрешат. Дело не в телеграммах и не в раздроблении по листам и не в одной скорости, не в одной поспешности передачи известий. Известие-то всегда есть, да что передать-то о нем — вот затруднение! Вот за границей везде издаются по поводу изучения накопившихся фактов книги, трактаты, *брошюры*, и все их читают, кому надо жить и кто интересуется своею жизнию. У нас, по укоренившейся нашей привычке, книг еще очень мало выходит, разве в перепечатках из журналов да в переводах, а вся литература совокупляется покамест в журналах. Ну, и читайте журналы... Ведь не все же они издавались и издаются „по возможности в отвлеченной форме“, как я в объявлении моем о них заявил (точно они уж нарочно старались издаваться в отвлеченной форме, да еще „по возможности“, то есть как будто сами из кожи лезли, чтоб быть как только возможно отвлеченнее). Ведь интересы политические и общественные вовсе не так скоропреходящи, как я тоже об них заявил в том же объявлении. Это я с хитростью там написал. Вы не верьте; да и поверить-то этому нельзя, потому что это бессмыслица. Напротив, чем важнее политический и общественный интерес, тем дольше он продолжается и тем большего и основательного требует изучения. Есть интересы, которые и в две недели проходят со всем своим следом, а есть и такие, которые целый век сряду бывают насущными, а другие помногу веков не проходят. По крайней мере, месяц-то сроку, до выхода журнальных книжек, проживут. Так ведь эти-то последние интересы поважнее первых. Не в одной поспешности и не в одном первом слове, которое я о них в „Голосе“ тотчас произнесу, состоит вся их жизненность. И поспешишь, да людей насмешишь. И то часто людей смешим, не всё же на одного себя принимать. Да и не всяк тот прав, кто вперед выскакивает. Пожалуй, и поспешишь сказать, да иной раз как с дубу. Послушаем и умных людей. А последний-то, может, и меня лучше скажет. Всякому свое найдется, не говоря уже о том, что есть бездна отделов, которые, уже по самой сущности газет, в них войти не могут и о которых надо же кому-нибудь говорить...»

---

[1] На высоте предмета (*франц.*).

Но этак не говорит Андрей Александрович и журналам оставляет одну мертвую, безжизненную теорию... а на свой пай всю жизненную суть берет... Ну, а науки? а литература? а искусство? а изучение коренных фактов нашей насущной жизни и ее особенностей — и в этом, пожалуй, Андрей Александрович не видит ничего современного, живого, впечатляющего, насущного? А реформы правительства, а перерождение нашего внутреннего быта, а продолжающиеся огромные факты нашей современной русской жизни, вроде, наприм<ер>, крестьянской реформы и рядом с ней вопроса капитального и основного — о теперешнем положении дворянства? Ведь это вопросы не скоропреходящие, постоянные, не по две недели живущие, а вековые, которые еще нужно пережить, чтоб разрешить окончательно и которые требуют долгого, постоянного и прочного изучения и наблюдения, а между тем они вопросы не мертвые, а самые жизненные. Не все же вопросы похожи на вопрос о Блондене или о том, какие увеселения происходили на прошлой неделе в Фонтенебло. Даже смерть какого-то господина Мокара, об котором до этого случая никто ничего не знал, и о которой вдруг заявили все телеграммы и premier-петербурги, — нас не так взволновала, как вышеприведенные постоянные наши вопросы, требующие огромного и жизненного изучения. И неужели, как только кто-нибудь начнет говорить о них добросовестно, подробно, основательно и, главное — *не вкратце, не по листам каждодневно,* а в форме особых статей, то уже сейчас же и лишится жизненности и уж не будет стоить никакого внимания читателей? И почему, почему непременно, если напечатать свое слово в книге, а не по листам, так уж и выйдет сейчас отвлеченно и непременно в «теоретическом» направлении? Мне кажется, Андрей Александрович тут просто сбился, от излишнего желания подписчиков, и попал в каламбур. За делами, он, может быть, не успел еще изучить философию вопроса о теоретическом и практическом и знает практическое только на практике. Постараемся же помочь ему в этом случае и изложим ему философию теоретического и практического вкратце и по возможности популярно. Направление теоретическое — это вот, видите ли, такое, когда действуют непрактически, говорят наобум, из своей головы, больше фантазиями, чем основываясь на точном понимании вопроса о том, где раки зимуют. Ну, а практическое — это такое направление, когда уж говорят и действуют не теоретически, а так, что мимо рта ложки не пронесут. Самый яркий пример соединения сих двух направлений в одно представляет собою сам «Голос». «Голос» хотя, в сущности, и теоретического направления, потому что говорит весьма часто наобум, не подумавши, фантазиями, а большею частию так и совсем не знает, что говорить, — но в то же время он и практического направления, потому что преследует цели деликатные и весьма *интересные.* А так как преследовать подобные деликатные цели все-таки надо не наобум, а подумавши, то

и выходит, что иногда и нельзя двумя делами заниматься разом и смешивать теорию с практикой, иначе, пожалуй, не туда попадешь, да и цели своей повредишь. Знал бы себе «Голос» одни свои цели деликатные, да поменьше бы говорил. Молчать-то в ином случае выгоднее, а то и людей насмешишь. . . Вот полная философия теоретического и практического, в изложении кратком и общедоступном.

«Но позвольте, однако же, — скажет мне кто-нибудь, — это всё философия, а вы обещались заявить каламбур. Вы хотели, кажется, доказать, что заговори только обо всех этих делах, так уж и нельзя миновать каламбура. Где же тут каламбур?»

А вот, не угодно ли прочесть еще немножко подальше из объявления Андрея Александровича, если вы до сих пор еще не заметили каламбура сами. И обратите внимание на то, что эта вторая тирада, которую мы сейчас выпишем, этот крутой переход от преимущества газет к «Отечественным запискам» следует прямехонько за первой тирадой, которую прочли вы выше, безо всякого промежутка:

«Всё это заставило редакцию „Отечественных записок“ изменить срок появления книжек и вместо двенадцати выдавать подписчикам в год *двадцать четыре книги* (около 250 страниц каждая), то есть *по две книжки в месяц, первого и пятнадцатого числа каждого месяца.* Двухнедельный выпуск журнала даст более возможности *своевременно* группировать и обозревать как внешние политические события, так и общественную жизнь России; в эти же более близкие сроки выхода книжек редакция может скорее знакомить читателя со статьями, имеющими современный интерес, но по своему объему не являющимися в газетах. Двухнедельный срок даст более возможности сообщать также и литературные известия своевременно. Романы, которые тянутся в ежемесячных журналах по нескольку месяцев, могут быть напечатаны несравненно скорее в двухнедельном издании и своевременнее удовлетворять возбуждаемый ими интерес».

Как же не каламбур? Знаете ли, как бы надо было по-настоящему читать это место, сейчас после первой тирады? Вот как: «Всё это заставило редакцию „Голоса“ склонить своих подписчиков, а вместе с тем и подписчиков „Отечественных записок“ уже не подписываться более на „Отечественные записки“, а вместо них подписываться на „Голос“, потому, во-первых, что какая же нужда в издании, в котором „самые жизненные отделы должны прекратиться“, как мы сами же, издатели, в этом же самом объявлении свидетельствуем? Во-вторых, ведь „Отечественные записки“ обращаются теперь „только в сборник литературных статей или ученых трактатов, но большею частию чисто теоретического направления“. Ну, какая же разница с „Голосом“? Во-первых, в „Голосе“ (и уж, конечно, в одном только «Голосе», не в «С.-Петербургских же ведомостях»?) совокупляется всё, что только есть теперь жизненного в русской литературе, а во-вторых, направление в нем такое практическое, что сам „Сын“ позавидует. Может быть, вы соблазняетесь тем, что мы обещаемся изда-

вать вам „Отечественные записки“ по два раза в месяц и что таким образом „двухнедельный выпуск журнала даст более возможности *своевременно* группировать и обозревать как внешние политические события, так и общественную жизнь в России“. — Ну, не чудаки ли вы, господа? Подумайте: не смешная ли это причина после всего того, что мы выше высказали? Ведь не стали бы мы даром руки на себя подымать! Ну что ж из того, что мы месячный срок сокращаем на двухнедельный? Ну, положим, и вправду, что журнал, от одного только этого механического раздробления книжек, возродится духом и воскреснет. Пусть даже он станет через это разом лучше всех наших журналов. Да ведь все-таки он на целых четырнадцать дней отстанет от „Голоса“, от его телеграмм и вчерашних известий, а стало быть, ровно в четырнадцать раз будет отвлеченнее, теоретичнее и безжизненнее „Голоса“. „Голос“ уж одно слово „Голос“! Подписывайтесь, пожалуй, если только у вас лишние деньги есть, и на „Отечественные записки“; мы не препятствуем; но если вы в состоянии подписываться только на одно какое-нибудь издание, то смешно уж будет, если вы предпочтете „Голосу“ „Отечественные записки“. Не стал же бы я сам, редактор и издатель „Отечественных записок“, читать вам напрасно целую рацею о безжизненности журналов сравнительно с газетами, и где же? — в самом объявлении об „Отечественных записках“! Недаром же я говорил, вашу же пользу имел в виду. И наконец (между нами), вряд ли и выгода какая-нибудь будет от того, что мы каждые пятнадцать дней выходить будем. Дело-то не в механике, а в уме. Иному и во весь год умного слова не удается сказать; а вы хотите, чтоб мы в пятнадцать дней справились. . .» *

Вот бы как следовало по-настоящему написать, чтоб не противоречить первой тираде. А между тем вышел каламбур: «Голос» рекомендует «Отечественные записки», а они из благодарности, должно быть, говорят, что они теоретичны и безжизненны и рекомендуют вместо себя «Голос». Как же не каламбур? А всё от того, что тут *дела,* а не дело.

И до того это очевидно и ясно, что даже последнее преимущество, оставленное в виде утешения журналам перед газетами, — и то было разрушено Андреем Александровичем в ближайших номерах «Голоса». И того, даже ради «Отечественных записок», не пощадил! Сказано было, что литература и романы

* Мы отнюдь не желали бы, чтоб эти слова были отнесены на счет «Отечественных записок». Мы искренно желаем «Отечественным запискам» всякого успеха и обновления и первые будем их приветствовать на их новой дороге, если действительно окажется у них какая-нибудь новая дорога. «Отеч‹ественные› зап‹иски›» журнал старинный и почтенный, имеющий свою замечательную историю в истории нашей литературы. Как же не интересоваться им, несмотря даже на его бесцветную и ничем не замечательную историю в последние годы? Настоящее же объявление, очевидно, совершилось по воле Андрея Александровича. Так мы и понимаем это событие.

остаются журналам и что это — их особенность перед газетами. И вот в «Голосе» тотчас же, вслед за этим, один «посторонний, но беспристрастный критик» поспешил изложить свое беспристрастное мнение (как кстати!), что с появлением «Голоса» и его телеграмм вся литература и всё искусство убиты у нас наповал, потеряли всё свое прежнее значение и более не возродятся, да и не к чему им возрождаться. Что не только, например, хоть Тургенев или кто-нибудь из современных писателей, но даже сам Гоголь теперь уже анахронизм перед «Голосом». Мало того, что нет ни одной драмы на свете (даже и Шекспировой?), которая бы могла равняться в значении с телеграммами «Голоса». Эта ничтожная и тупейшая статья весьма любопытна — не смешным содержанием своим, а как известного рода факт нашего времени. И кто не замечал, сколько тупости и оскудения ума, сколько детского неумения и бессилия, сколько недоросшего и неспособного до чего-нибудь дорасти, сколько колебания в убеждениях и убежденьицах, сколько гнилости и неспособности куда-нибудь приткнуться и на какое-нибудь дело набрести — оказалось вдруг, в последнее время, в нашем обществе, сбившемся и потерявшемся от последних реформ; вдруг поставленном на свои ноги и оставленном на свои силы; давно уже оторвавшемся от всего родного и живого и ни к чему не пристроившемся! Как ни жалко комичны некоторые факты, хоть бы литературной, например, жизни нашей, как ни ничтожны иногда все эти бездарные пародии «своих собственных» мнений, голосов, направлений и проч., мы все-таки считаем довольно любопытным и даже серьезным делом — разобрать подробнее, в одном из ближайших номеров наших, хоть одно из этих последних явлений нашей общественной жизни. На первый случай возьмем нашу «политическую науку и политическую жизнь», как выражается «Голос». Тема огромная, но не пугайтесь, господа, мы займемся покамест только нашими ежедневными политическими газетами, издающимися в С.-Петербурге, и постараемся изучить и определить беспристрастно: насколько, действительно, совмещают они в себе жизненного и живительного в настоящий трудный и роковой момент нашей общественной жизни?

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «ПО ПОВОДУ САМОПРИЗНАНИЙ ДВУХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ»›

Я тоже встретил в Швейцарии русского тринадцатилетнего мальчика, учившегося три года в Женеве, в пансионе. Он вывезен был из России по десятому году и уже забыл чрезвычайно много русских слов, понимал меня плохо, хотя ему, очевидно, хотелось поговорить со мной по-русски. Выговор его был очень смешон. Мне было вовсе не до смеху на него глядя.

ОБ ИГРЕ ВАСИЛЬЕВА В «ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ»

Вы хотите, чтоб я описал вам мое впечатление от игры Васильева в роли Краснова. Прежде всего (признáюсь откровенно), до этого раза я не видал его [1] никогда. Знаете ли что? Я вошел в театр с предубеждением к Васильеву. Я слышал такие похвалы ему от тех, которые уже видели его в «Грех да беда», что во мне невольно родилось сомнение. «Мочаловская игра!» — ведь это уж слишком много сказать. А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актера, подобно‹го› Васильеву.

Драму Островского я читал два раза и был на первом представлении, в котором [2] играл Краснова [3] г-н Бурдин. Лицо Краснова до того уже было мне понятно из чтения, что я без большого труда догадался, что господин Бурдин очень мало понял [4] в своей роли, то есть, может быть, и понял, да выразил совершенно об-

---

[1] *Было*: Васильева
[2] *Начато*: ког‹да›
[3] *Вместо*: играл Краснова — *было*: очень отличился
[4] *Вместо*: очень мало понял — *было*: ничего не понял

ратное.[1] До сих пор не могу догадаться, для чего он всё старался рассмешить публику? Мне кажется, приготовляясь к представлению, он прочел предварительно в одном из последних номеров «Русского вестника» афоризм, заключающийся в том, что можно увидеть всё на свете, всякую возможную диковинку, но одного только нельзя никогда увидать: это русского купца влюбленным. Таким образом, «Русский вестник» отнимает у русского человека [2] чуть не последнюю способность человеческую, так сказать, уже животную способность: любить и ревновать. . . [3]

Г-н Васильев в роли Краснова играл [4] человека, себя уважающего, серьезного, строгого и как будто очищенного своей страстью, как будто несколько отрывающегося от своей среды. Видно, что в нем крепко засело что-то новое, что-то вроде [5] неподвижной идеи, овладевшей всем существом его. Видно, что с этим человеком уже три года совершается что-то необыкновенное. Три года он любит без памяти и ходит как отуманенный от любви к своей пустенькой Тане, которой только разве некоторая совершенно еще детская неразвитость мешает сделаться также цивилизованною по-«благородному», как ее сестрица, девица Жмигулина, и говорить ко всякому слову: «Мы к этому не привыкли, потому что мы другого совсем воспитания». Влюбленный Краснов до того ничего не понимает в жене своей, от страсти к ней, что даже готов видеть в ней до сих пор что-то высшее, что-то чрезвычайно отходящее вверх от него и от его среды. И заметьте: весь этот взгляд уживается в нем вместе с глубоким самоуважением и с уважением ко всему правдивому и человеческому, даже и в своем быте. Но разум его как-то ударился в одну сторону. Краснов до сих пор, после трех лет доказанной невозможности, верит в то, что жена еще его полюбит. «Любовь через пять лет иногда приходит», — думает он про себя. Он любит страстно, и хоть вы от него никогда не дождетесь рабского самоуничижения, но Таня, видимо, властвует всей душой его и стала его кумиром. Афоня, больной брат его, свидетельствует, что он перед ней на коленках стаивал и всю родню на нее променял. Любовь растет всё больше и больше. Родню хоть он и принимает у себя, но как-то больше по обычаю, чем по сердцу, как-то рассеянно; ни о чем-то он сам не заговорит; ничего-то в городе, в его среде его не интересует. Он брезгливо слушает самодурные выходки своего родственника и объявляет ему,

---

[1] *После*: обратное — *зачеркнуто*: Он просто запросто ломал [⟨ку‹пчика⟩] уездного купчика, и всё старание его было рассмешить публику. Он, кажется, не мог представить себе, что в Краснове [может] [могло] есть что-то серьезное, высшее, не поддающееся смеху. Я даже думаю ‹*не закончено*›

Было: народа

После: ревновать — *было*: Когда в [первом акте] первый раз вышел г-н Васильев в роли Краснова, я увидал человека себя ‹*не закончено*›

[4] *Начато*: предста‹влял›

[5] *Вместо*: Видно, что в нем∾вроде — *было*: *а*. [Видно] У него как будто остановилась какая-то неподвижная *б*. [В нем] Видно, что в нем крепко засела какая-то новая, что-то вроде

что это всё только один[1] кураж. За язвительное слово против Тани он тотчас же выгнал сестру из дому, из-за чаю. Этому человеку такие разрывы со своей средой уже стали теперь нипочем. Таня — вот его мечта; когда-то она его полюбит? — вот его забота и мука. Что говорят о Тане, как глядят на такую красавицу другие, завидуют ли ему, что у него красавица жена, — вот покамест всё его наслаждение, всё его счастье. . .[2] Да, актер прежде всего лицедей, а всё это созданное поэтом[3] лицо я увидел во плоти и в крови в игре Васильева и воочию убедился, что лицо это — правда.

А между тем начинается драма; в Краснове разгорается желчь и ревность. Вообще это желчный человек: он своего не отдаст, не уступит никому и в сделки не войдет ни в какие, хотя бы он был так же цивилизован, как герои «Подводного камня».[4] Натура останется, выскажется, и это — натура, а не самодурство. Этому человеку половинок не надобно. Таня до того пуста, что даже не понимает, не подозревает, какой ужас в судьбе ее, не понимает, как страшна эта страсть, чем она грозит, что обещает и чем всё это может кончиться. Ей просто скучно, и больше ничего.[5] «Образованность»[6] и презрение к «мужику» препятствуют разглядеть и ее сестрице, в каком крайнем положении находится Таня.[7] От скуки, от какой-то детской тоски Таня бросается на первую встречу — на гаденького Валентина Павловича Бабаева. При встрече с ним ей вспомнились первые годы ее юности, ее первый рассвет, в богатом барском имении, где было столько хороших кавалеров, где барышни так хорошо одевались, так резво играли в саду, бегали с кавалерами в горелки. Воспоминания о горелках, может быть, нравятся ей больше всего даже и теперь, больше самого Валентина Павловича. Этот Валентин Павлович, которого некоторые наши[8] критики приняли за человека любящего, чуть не страдающего, за жертву самодурства и во всяком случае как протест самодурству, — гораздо хуже дурака и собственно тем, что он еще не вовсе дурак, а между тем пошл, как дурак. Этот светящийся червячок, который своему лакею, за грубость его с уездным подьячим, замечает: «Как ты груб» — в то же время безо всякого угрызения совести, даже как-то невинно, то есть совершенно несознательно, увлекает женщину, начинает с ней любовь и даже чуть-чуть ей самой не говорит: что это всё pour

---

[1] только один *вписано.*

[2] *Между строками вписано и зачеркнуто*: Он [как-то] подчас как-то серьезно говорит, отрывисто, не р ‹*не закончено*›

[3] поэтом *вписано.*

[4] *После*: камня». — *было*: Этому человеку половинок не надобно.

[5] Ей просто скучно, и больше ничего. *вписано.*

[6] *Вместо*: «Образованность» — *было*: Сестрице-то ее «образованность»

[7] *Было*: сестра.

[8] *Вместо*: некоторые наши — *было*: наши

passer le temps,[1] потому только, что скучно четыре дня без клубнички сидеть в городишке; и говоря это, он считает себя совершенно правым перед своею совестью.

‹ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. А. ГОЛОВАЧЕВА О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ›

По поводу споров о классическом и реальном образовании — провести идею, что реальное образование не *может* не сохраняться у нас, не развиваться и не усиливаться, но рядом с ним должно непременно идти (вместо классического) *познание России* (усиленное), ее истории, языков, народностей, обычаев всех славянских историй и наречий и даже отчасти византизма. Если уж нельзя быть нашему юношеству на деле Русским, то пусть будут хоть по науке. Одним словом, во что бы то ни стало преодолеть и сознать законы русской мысли и русского развития и их особенности, индивидуальности в отличие от всепоглотившей римско-германской мысли. Эта же *русская мысль* и ее законы почти и не подозреваются русскими даже в том, что она должна быть на свете, есть действительно и что с условиями ее развития слита, может быть, вся русская будущность.

— 2) Отчего у нас вяло образование? — потому что нам нужно не просвещение, не промышленность, не счастье, а централизация государства в самодержавии, а след‹овательно›, чиновники.

Но в чем же ошибка? Именно в том, что самодержавие себя сознало (при Петре) на европейский манер и утратило мысль о древнерусском *отношении своем к народу.*

Государственная центральная идея у нас пересолила, через норму перешла, враждебное и победное европейское начало в себя приняла, а след‹овательно›, завела дружину для самосохранения, то есть чиновников, прежде же оно свободно относилось к народу и Земского собора не боялось.

---

[1] чтоб провести время (*франц.*).

ЗАПИСИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ТЕТРАДЕЙ 1860—1865 гг.

‹I. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1860—1862 гг.›

ПОЛЕЗНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Ряд статей

Шекспир. Его бесполезность. Шекспир как отсталый человек (по Шекспиру государственные люди, ученые, историки учились) (мнения «Современника»).

Нравственность (Щеглова). Мнения Чернышевского. ‹с. 3›

Ряд статей о судах. Судья ‹?›

Аномалии Европы и России.

Что значит Рим для папы. ‹с. 4›

Нечто о современном общественном направлении.

Мысль о назначении России в Азии и в ее естественных пределах. ‹с. 5›

На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается.

Чудо воскр‹есения› нам сделано нарочно для того, чтоб оно впоследствии соблазняло, но верить должно, так как этот соблазн (перестанешь верить) и будет мерою веры. ‹с. 19›

БУДУЩИЕ КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Наша теперешняя литература и наша теперешняя публика

1) Публика и литература — кто кого опередил?
2) Портреты публики, историческое ее состояние.

3) Портреты литераторов.

Эгоизм и так называемые направл‹ения›

Катков, Милюков, ambition rentrée,[1] промахи. . .
50 р‹ублей› «Светоча», Пирогов, «Современник» — на что может решиться «Р‹усский› вестн‹ик›», личности и портреты á la Жемчужников.

4) Чернышевск‹ий› — недавняя полемика. Что есть истинности в «Современнике».

5) Правды, правды!

Но рассмотрим идею нашей литературы и в следующих статьях, с Гоголя. ‹с. 8›

В «Ряде статей»:

Гоголь — гений исполинский, но ведь он и туп, как гений. ‹с. 94›

Куда вы торопитесь? (Чернышевский). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово! Оно разъединено. ‹с. 8›

NB. С циническою откровенностью говорить о вопросах и как они принимаются обществом (вопрос о женщине, всё в голове, а не в теле).

Вы утверждаете, что общество созрело, а вопрос о Пирогове, как вы, дозревшие, его разрешили? Если б вы дозрели, то так бы не разрешили.

Вы препинаетесь о Кавуре,[2] о «Р‹усском› в‹естни›ке» нечего и говорить — журнал отпетый. ‹с. 7›

Strepito belli propelentur artis.[3]

Литература в упадке, напрасно г-н Антонович говорит о Гете. Мы готовы биться об заклад, что он не развернет Гете всю жизнь свою, а может быть, и не развертывал. Мы даже уверены, что г-н Антонович и во времена процветания литературы не развернул бы Гете: ведь надобно же и врагам отдавать справедливость.

Ну, этого и Петр Лаврыч не разрешит, который всё знает.

2

Теперь поступки дороже статей. Вы говорили, что Добролюбов — гений, умаливали, упрашивали публику признать его за гения. След‹овательно› не выдержали ‹с. 46› (Базаровские)

[1] Подавленное честолюбие (*франц.*).

[2] *Далее было*: вопрос

[3] Грохот войны разгоняет искусства (*лат.*).

тона, а след‹овательно›можно надеяться, и другие так будут поступать, ‹с. 47›

Прочесть и перечесть

Боклея — что можно;

«Contradictions économiques» [1] Прудона. «De la démocratie en Amérique» [2] Токвиля. ‹с. 48›

В статью «Гоголь и Островский»

Не в свои сани не садись, Бородкин,[3] Русаков, да ведь это анализ русского человека, главное: *прямота* описаний. Он полюбит прямо, закорючек нет, прямо выскажет, сохраняя всё высокое целомудрие сердца. Он угадает, кого любить и не любить сердцем *сейчас*, без всяких натянутостей и проволочек, а кого разлюбит, в ком не признает правды, от того отшатнется разом всей массой, и уж не разуверить его потом никакими хитростями: не примет и к вам не пойдет, не надует ничем,[4] разве прямо с чистым сердцем назад воротитесь: ну тогда примет, даже и не попрекнет. ‹с. 54›

Чернышевскому: Б-а, ба и т. д. Весь комизм тут заключается в том, что ведь этого никак не может быть на деле, даже вообразить этого нельзя, а так только на бумаге у себя в кабинете.[5] Г-н Чернышевский тешится тем, что подзывает к себе пальцем [6] всех великих мира сего: Канта, Гегеля, Альбертини, Дудышкина и начинает их учить по складам. Эта потеха очень невинная и, конечно, очень смешная, она напоминает Поприщина, вообразившего, что он испанский король.

Ведь мы знаем, что такое г-н Чернышевский. Если у него есть идея, к чему он унижает ее, коверкая себя? Ведь вот теперь дошло до того, что даже Н. Ф. Павлов возвышается над г-ном Чернышевским и называет его азиатом, «Р‹усский› вестник» читает ему мораль — а уж это выходит штука. И ведь аргументы Н. Ф. Павлова очень крепки; одна только сущность дела не крепка, а ведь об ней не говорят да и говорить не будут. А нам жаль, ради г-на Чернышевского жаль. Вы вредите сами себе. Мы вам это часто говорили. ‹с. 60›

Чернышевскому

Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались.

Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные. Да ведь как и скучно‹-то›.

Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы.

---

1 «Экономические противоречия» (*франц.*).
2 «Демократия в Америке» (*франц.*).
3 *Было*: Дородкин
4 *Вместо*: не надует ничем — *было начато*: разве только не над‹ует›
5 у себя в кабинете *вписано*.
6 *Вариант*: призывает к себе

Если кто мог негодовать вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы.

Но вы уж слишком размахались.

(NB. Французы бы не пошли против Гарибальди.) ‹с. 89›

Sic.

Плоды не едят на картине. Вы, пожалуйста, не думайте, что мы шутим. Нет, вы столько писали о политической экономии, что — и т. д.

Положим, вам позволено похвастаться, потому что вы защищаетесь против тех, которые вам говорят, что вы ничего не знаете, но нельзя же быть шутом.

В основе мы с вами согласны; но [1] вы построили на этой основе всё вздор.

Вы хоть и шут и невежда, но вы честны и в основании верны.

Мы не успели себя особенно заявить в политической экономии; но мы не помещали статей пол‹итико›-экон‹омических›, хотя бы потому только, что и у вас уж их слишком много. ‹с. 90›

У нас есть убеждения, и мы тоже вас никого не боимся.

Начало: [2]

Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже ежились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали и мы решились лучше молчать, хотя я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутовство. . . Но теперь вы начали, и теперь мы очень желали бы высказать вам всё, не так, как прежде, чуть-чуть.

И высказать всё:

вы желчевик
вы смешно разнузданный
и *развернулись*. ‹с. 91›

Чернышевский говорит, что он семинарист.[3]

Чернышевскому. К чему это слишком выделанное высокомерие и назойливость в ваших статьях, чтоб прельщать [4]. . . и с маловестною [5] скоростию разрешать вопросы.

Чернышевскому. Г-н Чернышевский что-нибудь вычитает и ужасно обрадуется новому знанию, — до того обрадуется, что ему тотчас же покажется, что другие еще ничего не знают из того,

---

[1] *Далее было*: что

[2] *Далее было*: М‹илостивый› г‹осударь›

[3] *Далее было*: Зачем ‹?› Семинаристы привносят в нашу литературу особенное отрицание, слишком [полное] враждебное и слишком резкое — потому слишком ограниченное.

[4] *Далее было*: гимназистов

[5] *Было*: с бессовестною

что он узнал. Он так и сыплет познаниями и учит всех бе-а-ба. Это, ‹с. 92› разумеется, простительно, если только от радости, простительно и хвастовство его. Всё это из доброго источника. (Падение Запад‹ной› Римск‹ой империи›).

Пародия крестовых походов.

Вот г-н Писарев пошел дальше.[1]

Он, может быть, пишет очень хорошо. Говорю «может быть», потому что ничего не понимаю из того, что он пишет.

Невежество Чернышевского.

Семинаризм.

Ну что это за тон? Пад‹ение› Западной Римской ‹империи›

Мы, впрочем, написали пародию. ‹с. 93›

У г-на Чернышевского всё значат книжки, и прежде всего книжки.

Он сам признается. Об жизни он понятия не имеет.

Как вы поступили с Пироговым?

С Кавуром?

Искусство, а Марко Вовчок и Бов?

И посмотрите, что выходит:

Тут нужно служить делу, а у нас раздоры о том, кто больше знает, кто больше книжек прочитал.[2] «Я-то, дескать, знаю,[3] а ты-то вот не знаешь, я-то читал эту книжку, а ты-то не читал». Я не против книжек ваших говорю. Прилагайте к делу, распространяйте их, ‹с. 94› но не радуйтесь, что вы только одни знаете.

Христос-то вот не так поступал.

А до дела дойдет у вас, тотчас и выйдет Пирогов.[4]

Вы тупы, никакого политического такта.

Вы всякое практическое дело испортите.

Шутовство и Балакирев

Теперь ведь [5] вас не бьет, кто не хочет (вот даже г-н Павлов), забывая, что лежачего не бьют; а вы уж давно лежите, только не замечаете этого сами.

Вы похожи на нетрезвого, который долго буянил и которого наконец обхватили руками и который всё еще продолжает махать своими руками и кричит.

---

[1] *Далее было*: Спрашив‹ается› всеми порядочными людьми ‹?› ужели с г-ном Писаревым, г-ном Чернышевским ‹?›

[2] кто больше книжек прочитал *вписано*.

[3] *Было*: читал

[4] *Рядом с текстом*: Христос-то ∾ Пирогов — *знак*: NB

[5] *Вариант*: уж

Во многих статьях своих вы походили на человека, у которого недостает аргументов в споре и который с досады начинает плеваться.[1] ‹с. 95›

Вы ударились в шутовство; это ловкий прием. Всякий скажет: что же, ведь шут, свистун, что взять с свистуна; пишет он зато забавно. Вы действительно пишете забавно.

Мы приглядывались к вам; мы думали, что вы на многое благородно осмелились, что вы не хотите педантизма, мы были последние, которые вас отстаивали и защищали.

Нам даже ваш тон, ваш неслыханный по безбоязненности и нарушению приличий слог казался значительным. Именно нам казалось, что вы нарочно хотите поставить себя выше известных приемов литературных, выше слога, что вы даже с намерением нарушаете и разбиваете [2] китаизм литературных отношений, чтоб именно показать тем, что вам истина дороже всего, и чтоб испугать этим врагов своих, чтоб они сказали: «Этот человек ничего не боится, он страшен, он плюет на наши приемы, обычаи; нет, ‹с. 96› его ничем не опутаешь». Эта смелость нам нравилась. Но увы! Мы поэтизировали. Павлов прав, говоря про ваше самолюбие.

Уверяем вас, что прием ваш был превосходен; вы навели страх. Но вы не поддержали его и упали с бесславием. А знаете, чем можно было поддержать: сознаться в своих промахах, в своей заносчивости, в своем невежестве. Нет, вы не решились. Плохо. Вы бы показали тогда, что вы выше мелочного самолюбия, что вы благородно-самолюбивы, что истина для вас всё, что для вас прежде всего — основная мысль, была бы она верна. Но вы этого не сделали, и мы убеждены теперь, что никогда не сделаете. Следы необъятного самолюбия, которому вы всем жертвуете.

И вышло, что всё это от безобразного самолюбия.

Стукотня в литературе, последняя литературная грызня. ‹с. 97›

Собаки грызутся, картина. Чужие забежали, десятки бросаются,[3] покамест не облили водой.

Красота и естественная потребность красоты.

Человек с двумя ушами, но вам непременно хочется обстричь одно ухо ножницами, и вот создается журнал с специальною целью обстричь у себя это ухо и ходить об одном, да и других склонить к тому же.

Резать носы.

---

[1] *Текст*: Теперь ведь вас не бьет ∾ плеваться. — *обведен чертой*.
[2] и разбиваете *вписано*.
[3] *В рукописи*: бросается.

Пирогов. Как вы ни оправдывайтесь, а сочувствие не на вашей стороне; вас обвиняют, вы хорошему делу своему сами повредили.

Тон не такой должен быть с Пироговым. ‹с. 98›

Розги надо было чем-нибудь заменить, — хорошим обращением, ну а Пирогов не надеялся найти умеющих.

Притом это дело прошлое, старина. Надоели нам уж эти розги и ваши статьи о них. Следственно, для чего же вы вспомнили? Чувствуете сами, что хвост запачкан, и оправдаться хотите.

Ведь какая казенщина-то, как это надоедает, как это всё обнаженно. ‹с. 99›

Впрочем, это уже сочинение г-на Бова (а не Чернышевского). Ну это уж совсем другое дело (NB, то есть это уже не Чернышевского).

«Современник» — точно школьники, от которых отвернулся учитель. ‹с. 100›

Чернышевскому. А ведь перед г‹осподином›-то Буслаевым вы были неправы.[1] ‹с. 102›

Вопрос о Пирогове

(Опыт окончательного и заключительного мнения)

Мы говорим «опыт», потому что этот вопрос, кажется, никогда не кончится. Он значителен. Много произвел. Много было замешано и т. д. Теперь он опять возобновляется, точно о жидах.

Первоначально было «Великорусские иллюзии — розгами».

Выписки наибольших дерзостей и беспристрастнейшее изложение *правды.*

Выписываем эту старую статью.

Для незнающих — для объяснения, а для знающих — в напоминание.

Опыт окончательного решения по вопросу о Пирогове. ‹с. 80›

Г-н Бов горько жалуется на журнальных крикунов, обвинивших, что будто он бросал в Пирогова грязью.

Это, конечно, неловко. Вы только обрадовались возможности провести свою идейку и, несмотря на то, что такое тот человек, которого вы обвиняете, вы, подцепив одно его заблуждение, пустились скакать перед ним, точно как бы перед Аскоченским, и тем сами себя уронили. А в сущности, разглядите сами, ‹с. 100› будто это не грязь. Ну будьте хоть сколько-нибудь справедливы — поглядите. Вам не было дела до заслуг, до того, что это деятель, вы освистали его. Если б вы значили очень много — это было бы жестоко; если же вы значите мало, то есть если есть шанс, что с вашим мнением почти все [2] не согласятся, то это уж грязно,[3]

---

[1] *Рядом с записью:* Чернышевскому ∾ неправы. — *на полях помета:* NB_2

[2] *Далее было начато:* гряз‹но›

[3] *В рукописи:* угрязно

ухарски-удало. Если б вы хотели просто заметить Пирогову, то никто вам не мешал, вы бы сделали даже пользу всем, потому что вы были справедливы (хотя это вам ничего не стоило; вы говорили из давно прочитанных книжек, а сами-то ничего не выдумали). Но нет, вам именно хотелось повторить басню Крылова:

Ай моська, знать она сильна,
Что лает на слона.

Согласитесь, что это правда. Боже нас сохрани, разумеется, требовать от вас признания публичного. Вы ‹с. 101› на такое признание не способны; нимало. Нет, про себя-то сознайтесь, и то хорошо будет. ‹с. 102›

Г-н Бов пишет,[1] что он и не заботится (август, 266 стран‹ица›) о том, что скажут журналисты и что он подивился бы, если б они не воспользовались случаем обругать его. . . Ах, боже мой! Если б вы не заботились, зачем бы вы нам два печатных листа написали? Как это всё делается скучно и как наивно!

266 стр. — «Да, впрочем, что же за дело публике до моих тайных намерений?» Вот как! Вы журналист, вы деятель, как же не думать о ваших намерениях, а во-вторых, и не запретите ведь. ‹с. 103›

266) «В серьезности и горячности тона и высказалось то глубокое уважение, которое я питал к г-ну Пирогову». Вовсе не было серьезности и горячности тона. Была *радость*, что вы наконец накинуться [2] на то, что *получше* вас. К чему уж теперь хитрить и оправдываться? Ведь громкими фразами ничего не сделаешь и не отговоришься от всеобщего впечатления, произведенного вашей статьей. Впрочем, еще было бы ловко (такое прикидывание и оправдание),[3] если б прием-то уж не устарел. А то слишком стар. Наизусть знаем. ‹с. 104›

267) Мысль Бова: «Я думал, что Пирогов восторжествует над средою, но я горько обманулся».

Так, стало быть, уж, по-вашему, Пирогов уступил, он не передовой человек. (Какая шутовская мелочность в понимании жизни: точно дети, право!) Да если б Пирогов и ошибся раз (и эта ошибка — мелочь, потому что вы уж слишком обрадовались парижской идейке), так разве он такой человек, что может разом обратиться в отсталого? Да ведь он из таких, которые ради всеобщей пользы могут согласиться в ошибке. Из такого ли материала Пирогов?

Что за скороспелый принципик! Вот, дескать, мы знаем идейку, что не надо сечь, а вы-то не знаете! — Ухватились, поймали чужое! рады! именинники! Не в сечении дело: сечение завтра же изменится, а в взгляде, в деятельности Пирогова, в человеке и в том, что он борется, чего он хочет, чем жертвует. Угорелый народ! ведь это шутовство! ‹с. 105›

[1] *Далее было*: да зачем
[2] *Так в рукописи.*
[3] *Далее было*: такой

267.[1] Во-1-х. Зачем же выбрали за авторитетное, а во-2-х, вы из таких, что одна уступка, и уж у вас всё пропало. Вам нужно разом всего. Да ведь это история ваша с Кавуром, почем вы знаете, что стоила Пирогову его уступка?

А *главное*, пусть вы правы.

Да *тон-то* вашей статьи с г-ном Пироговым неправ. Не в свисте должна была состоять она. Вы сами себе повредили. Не верите? Посмотрите на факт: ну кто с вами согласен?

370) О том, что Пирогов сам заявил розги и *заслонил* комитет. Да ведь на это можно было отозваться сожалением, а не свистом. Тем более, что он это сделал наверно по *bonhomie*.[2]

371) [3] Убеждения — так. Да человека-то вы просмотрели, деятеля. Он ошибся, и за ошибку, за одну ошибку вы уж не уважаете его более. Зачем же вы требовали от Пирогова более, чем он мог вам дать, вы сами увлеклись, как мальчик (ваши слова), и, увидя, что Пирогов в одном ошибся, тотчас же смешали его с грязью. Да ведь в нем, кроме этой ‹с. 106› ошибки, было много прекрасного и великого, перед которым мог бы остановиться ваш свист.

— Да для чего я к человеку буду чувствовать уважение, если он действует не так? — скажете вы.

— Да, он ошибся; но вся его деятельность [4]

— Почему к человеку благородному и желающему добра надо быть снисходительнее?

— Почему, почему — это не разъяснишь, если вам нечем понять![5] ‹с. 107›

---

[1] *Было*: 367. *После исправления помечено*: ошибка.

[2] добродушию (*франц.*).

[3] *Далее было начато*: Да че‹ловека›

[4] *Далее было*: скажете вы

[5] *Далее было*: Важнее-то всего то, что Пирогов наверно не кривил душой, а, действительно, согласился на мнение комитета. Он ошибся, положим. Но действительность сшибает иногда и гениальных людей с ног. И это очень важно, что он не кривил душой. Вы захохочете: чем же ‹с. 107› очень важно? Напротив, если б составили препятствия, согласиться было бы ему лучше, чем согласиться самому: во 2-м случае ума нет, а в 1-м — его принудили, ему руки связали, мало ли что бывает? Вы так и рассуждаете. А между прочим, так ли? Нет, не так. Если бы он уступил — это было бы хоть и извинительно при известных обстоятельствах, но во всяком случае хуже, чем по убеждению. [В убеждениях] (Заметьте, что тут ошибка даж‹е› преувеличена: она даже и не в убеждении [а в], Пирогов нигде не соглашается с розгою как с принципом, даже в своем отчете, он только ошибается в применении, допускает как временное).

Это уж действительно ошибка. Но [ведь] что важно в том, что это ошибка, а важно то, что если доказать ясно, что это ошибка, то Пирогов завтра же переменил свои убеждения и отбросил бы ошибку, потому что человек-то все-таки бы остался. В человеке-то и главное; Пирогов же непременно бы согласился, на то он и Пирогов. А вы человека-то осмеяли, деятеля полезного стерли в ирах и, действительно, забросали грязью. ‹с. 108›

Вы во всем совершенно справедливы. Кроме злости и тона. Вы набросились на г-на Пирогова как на человека совершенно потерянного, забросав его грязью, и в лице Пирогова оскорбили всех, общество благодарнее, чем вы думали. Оно может простить заблуждение. Вы не простили, то есть вы человека не цените, люди без гуманности.

№. Возраж‹ения› Вову «От‹ечественных› записок» слабы. И опять: лучше бы, если б Пирогов, не кривя душой, а по незнанию.

Главное.

№. Слишком уж мало было благодарности, слишком много замечалось удовольствия в выставлении языков и в показывании шишей. Попался наконец. Ведь точно вы рады были наконец, что *попался* человек. «Поймали наконец и этого![1] Был, дескать, деятель, все считали безукоризненным, никто не мог поколебать его, а вот мы, дескать, отыскали же, каковы молодцы; нет, ‹с. 109› уж мы так гуманны, что от нас не спрячешься!» Разумеется, *может быть*, у вас этого *чувства* совсем не было. Но [2] всем показалось-то, как будто есть. Общество чутко. Оно всё восстало против вас. Почему? Значит, симпатизировало Пирогову, и тон ваш действительно был злораден и нахален, точно вы *действительно* радовались, найдя *ошибку*.[3] Общество защищало свое нападение на вас. Защищать можно плохо, а основание-то все-таки было справедливо. Е. Суд‹овщиков› (в «От‹ечественных› з‹аписках›»), Драгоманов могли плохо нападать, но они все-таки оставались представителями общего мнения справедливого.

А что общее мнение все-таки [4] не за вас, а за Пирогова, то, значит, Пирогов заслужил обществу и оно сердечно ему предано, а вы нет. Значит, дорога ваша довольно ложная. Свистать и свистать — ведь это сушь! Любви к делу мало! Гуманности мало! ‹с. 110›

Вот общество-то и угадало, на чьей [5] стороне *истинная правда*. Этот факт свидетельствует, что общество наше несравненно развитее в гуманном отношении, чем многие думают. Если вы любите успех, прогресс то есть, то вы сами, г-н Бов, должны быть этому рады. ‹с. 113›

Две отметки на страницах 378 и 379.

Кто знает, г-н Бов, может, «мои стихи имели влияние», да и вся статья имела, говорим мы, но тут уж не г-н Бов виноват, а весь скандал, вся литература этой статьи. Кулаками не лечут. Ведь вы не докажете, что если б не было скандала, не было бы и такого успеха. Этого же успеха можно было достигнуть и другими средствами.

---

[1] Поймали наконец и этого! *вписано.*
[2] *Было*: Но ведь
[3] *Далее было начато*: Значи‹т?›
[4] все-таки *вписано.*
[5] *Вместо*: на чьей стороне — *было*: где

2-я заметка Бова, что замечания его «не были никем опровергнуты, а подтверждений было много. . .», да в главном-то вы не догадываетесь — тон. Публику *раздражили*.

379) Замечание о наказании за лихоимство и воровство — зачем (по Бову) одно менее, другое более.

Да вот, например, маленький фактик, в 1858 году были высечены 561, а в 1859 (при Пирогове) 27, вы замечаете тотчас же: «Уж одно это сличение цифр показывает, что розгу совсем можно вывесть»,[1] и сердитесь, что не вывели. А почему, однако же, такая перемена с 561 на 27? А потому, что тут был Пирогов. За это вы и не подумали поблагодарить. Пирогов ошибся, положим, но ведь что же-нибудь да сделал. ‹с. 114›

Бов и Пирогов

И затем на странице 381.

Дикое рассуждение *увольнением*. Разбор этого (наш), противуречие себе Бова в выписке.

Наше мнение: чем заменить розги. Заменить, конечно, трудно. Самое лучшее: не сечь да и только. Но чем заменить? Это другой вопрос.

Когда сами педагоги исправятся, тогда и на мальчика будут действовать нравственно. Как исправиться? как это сделать? Да, как это сделать? Это похоже на то, что иному учителю, например, войти в класс нельзя: и смеются над ним и кидаются в него всякой всячиной. Но ведь не над всеми же смеются. Есть такие, которых и уважают. Ну так как сделать тем, чтоб над ними не смеялись?

Задача, несколько похожая на то: как сделать, чтоб нас уважали?

Тоже смешно увольнять и после *дерзости*, да ведь вы террор предлагаете.

Антагонизм с начальством, да мы об заклад побьемся, что начальник, в сущности, больше виноват, чем ученик. За что же увольнять?[2] ‹с. 72›

382 стр. Смешная уступка Бова розге: обнаружил ребенок полное раскаяние, да еще его сечь. Да за что же? Хорош. Да этого-то и должна добиваться педагогика. Полное раскаяние смывает все преступления и удовлетворяет все *обиды*, сделанные начальнику. Тут уж непременно *должно быть* прощение, *безусловное* прощение. Вы себе противуречите, г-н Бов. Полно, так ли? Да нет, вы себе и[3] не противуречите. . . Разумеется, надо, чтоб раскаяние было искренное; но, по-нашему, не много надо психологии, чтоб это подметить, а если надует, ну, пожалуй, во 2-й, в 3-й раз можно постращать *исключением*. А сечь — ни под каким видом.

---

[1] *Далее было*: а не за

[2] больше виноват ∾ увольнять *вписано на полях*.

[3] *Вместо*: Да нет, вы себе и — *было*: Нет вы себе

На родителей смотреть нечего. Им самим надо начальству прочесть нотацию: вы, дескать, испортили ребенка, а мы теперь маемся с ним. . . и т. д.

382. *Прямо за этим*: отцы возымеют же, наконец, амбицию. След‹овательно›[1] сечение уменьшится (по Бову). Да отчего отцы возымеют амбицию, когда сами просят? Или вы намекаете на коренную, радикальную перемену нравов, конечный прогресс: но ведь и Пирогов говорил, что розга в нравах и исчезнет[2] с изменениями нравов, да вы же смеялись над этим. ‹с. 73›

382. О личности Пирогова. Сами же соглашаетесь, г-н Бов, какова была личность Пирогова. Не следовало бы потом тешиться над ним. Сами себя осуждаете. Возразить-то бы можно было, но[3] *возразить как Пирогову*, уличить его в ошибках,[4] а не как *последнему шарлатану*.

«Честь и слава», — говорите вы дальше. В том-то и ошибка, что вы говорите это теперь, а полтора года назад сквозь ошибку не видали ни чести, ни славы.

Вы возражаете, я знаю, на это, что ваша статья своею резкостью и сделала пользу. . . Ишь какова строгость! И с кем же? точно с мальчишками, нет, с Пироговым.

Говоря об личности, мы не против вашего замечания говорим, что личность не обеспечивает. Это полнейшая правда. Но мы только хотели сказать, что вы личность-то Пирогова пропустили. Хотя, впрочем, на странице 383 вы хоть и говорите, что «конечно так, Пирогов говорил это», то есть что педагоги одних с ним убеждений, — вы хоть и говорите, повторяю, что правила лучше, чем личность. Конечно, так, правила хорошо, но ведь писаные правила — *нуль*, нарушить их всегда можно, ну, а при хорошей ‹с. 74› личности и дурные правила не стеснят.[5] Любопытно знать, не польстил ли Пирогов своим сотрудникам, верно ли он сказал о них? Но одно бесспорно: его влиянием дан толчок делу и хоть не полный, но он не умрет. А ведь это тоже результат.

386) (в начале страницы). Эманципаторы получают от таких голосов, как Бова, новую силу (будто бы); то-то и есть, служи́те делу, обрушивайтесь на факт, но щадите лицо, не будьте бесстыдны, отдайте каждому по заслуге. Чему вы удивляетесь, что все на вас? Нет, такие голоса не подмога. (Если ваш голос и сделал[6] хорошее (силою факта), то он больше бы сделал, если б раздался строго, а не шутовски).

386. «*И разумные приверженцы эманципатора радуются возражениям*».

---

[1] *Вместо*: След‹овательно› — *было*: Эка
[2] *Было*: изменится
[3] *Было*: но как
[4] уличить его в ошибках *вписано*.
[5] *Было*: не в правило
[6] *Было*: дал

Хорошо-с; но вот и вы, стало быть, должны радоваться нашему возражению. Ведь мы вам почти ни в чем не противуречим. Мы только призываем вас à la pudeur.[1] ‹с. 75›

386. Выписка бранчивая Бóва, чем оскорбились последователи Пирогова?

Ответ наш: нет. Вы не отнимали ничего у Пирогова, но вы уж слишком обрадовались, скакали на одной ножке и действительно были негуманны — оскорбили всех. (И тут-то эти выписки).

388). Если хотите, ваша статья, по нашему глубокому убеждению, должна была не уничтожить уважение к Пирогову, а *еще* более возбудить к нему симпатии. (NB. *Сам Пирогов* упал,[2] говорите вы в оправдание, да это недостаточно. Это и в насмешку принять можно. Неловко изъяснились.)[3] Но вот что было: все побоялись, что теперь падет уважение к Пирогову, и восстали на вас.[4] Конечно, боязнь была ложная, и если явилось несколько людей, отвернувшихся от Пирогова, то ведь они слишком плохой были народ, должно быть так, такой, что и внимания обращать не стоило. Г-н Драгоманов говорит о них как об факте, как о бывшем впечатлении после вашей статьи. Нам кажется, и он один из оскорбленных, один их тех, которые испугались, что поколеблется авторитет Пирогова, и придает слишком большое значение факту. ‹с. 76›

391. Заключение Вова, зачем, дескать, Пирогов не направил всех сил на *решительное* и *коренное* изменен‹ие› и т. д.

Ответ наш: вероятно оттого, что рассудил, что ничего бы не сделал. Вы сами об этом свидетельствуете, что один человек не сделал; *среда, дескать*. След‹овательно›, Пирогов рассудил, что лучше сделать хоть *что-нибудь*, если не всё. Вы недовольны этим «хоть что-нибудь», г-н Бов? Но ведь оно всё же лучше, чем ничего. Наконец, по-вашему, нужно, чтоб всё общество, чтоб сама среда обратила внимание на свое положение и почувствовала необходимость изменить его. Помилуйте, да если вся среда будет хороша,[5] то тогда всё само собой изменится, а если часть, то, конечно, вы правы, подымая ваш голос. Но ведь мы сказали, в чем ваша была ошибка. А теперь скажем наше мнение, что [6] все-таки сделано *хоть что-нибудь*, а это лучше, чем ничего, а во-вторых, нравственное влияние Пирогова осталось хоть не на коллегию, не на педагогов (а может, и на них), а на всю Россию. Деятельность Пирогова заявлена перед Россией, и дело так или этак пошло вперед. Вот 1-й шаг, дело [7] сейчас, после Пирогова, по-нашему, ‹с. 77› конечно, пойдет хуже, может быть, явится отъявленный антагонизм Пиро-

---

[1] к стыдливости (*франц.*).
[2] *Далее было начато*: да это не дост‹аточно›
[3] *Далее было*: Побоялись
[4] *Далее было*: *а.* Конечно, боязнь *б.* Этого боятся
[5] будет хороша *вписано.*
[6] *Вместо*: наше мнение, что — *было*: чем все
[7] *Было*: и это дело

гову, но дело Пирогова не умрет, и явится антагонизм антагонистам. И по-нашему, не одно *коллегиальное начало*, выданное им,[1] — его заслуга, а *сам он* есть заслуга. Мы вовсе вам не противуречим, что хорошо было бы,[2] если б Пирогов провел всю свою идею. Очень бы хорошо было, конечно.[3] Мы даже обвиняем его, только вот в чем наиболее, что он согласился сказать всей России, что мнение педагогов о розге *он сам разделяет*; когда потом сам признался, что его принудили (в противном), но он оставил по себе влияние личности. Будь он либеральный деспот, он бы оставил *в такой среде*, в которой он жил, только ненависть по себе и правила, которые завтра б, может быть, переделались тем же коллегиальным началом под другим влиянием. Нет, он не был *только* либеральный деспот. Он оставил влияние высоко гуманное. Это влияние, может быть, не умрет и в коллегиальном совете и преобразует его впоследствии. Это очень может быть. Ну так вот эту-то личность, гуманное-то это начало и не следовало слишком оскорблять резкими выходками, да и публику тоже. ‹с. 78›

Вы заключаете тем, что всё как бы не понимаете, в чем вас обвиняют, именно что вы оскорбили г-на Пирогова. Но вы, может быть, и не оскорбляли г-на Пирогова, мы хотим этому верить. Мы даже веруем, что в вас не было зависти, что вот, дескать, есть гуманный деятель, так зачем не вы один? Нет, мы верим, что вы не оскорбляли *сознательно*. Вы только неловко написали вашу статью и этой неловкостью всех оскорбили, и эта неловкость действительно, может быть, произошла от недостатка гуманности на практике. Ведь велико расстояние от гуманности в теории до практики. Вы думали сделать справедливо, а сделали только нахально. Вы говорили правду, но говорили не так, как надо было говорить с Пироговым (по мнению[4] всех, след‹овательно›, справедливо), а как с шарлатаном. Вы тоном ошиблись. В объяснительной статье вы, положим, оправдываетесь. . . Это хорошо. Вы во многом сознаетесь. . . Усиленно хвалите Пирогова. . . Но опять-таки то, что в главном-то не умеете сознаться и не понимаете, что надо. . в точку-то не попали. . . ‹с. 79›

Главное

NB. Вы говорите: *правила* лучше. Это, конечно, хорошо; но чем освящены эти правила, чем гарантировались правила — это начальник. Следующий начальник их переменит. Что же за гарантия? Вы говорите: *среда*. Среда — это так. Но зачем же вы так обвиняете Пирогова за правила и даете правилам такую цену? ‹с. 80›

---

[1] выданное им *вписано.*
[2] *Далее начато*: что
[3] *Далее было*: Мы даже вместе с вами, но мы
[4] *Вариант*: по приговору

Всё у вас, положим, так, но вы выразились не так. <с. 79>

№. Вы тщеславитесь и хвалитесь, что, обойдясь с Пироговым *построже*, достигли вот таких результатов. Строгость полезна, но не с такими людьми, как Пирогов. Зачем вы, например, уменьшаете такой факт, как прощальный обед и публику, провожавшую на десять верст. Ведь тут был энтузиазм. Ведь значит же это что-нибудь. Ведь оно даже такой результат имело, что вот вы, например, схватились за перо, чтоб оправдываться. . . виноваты, чтоб покарать врагов своих. Так или этак, все-таки схватились за перо. Ведь почувствовали же вы, что было что-то уж слишком сильное в симпатии к Пирогову: а ведь говорите же вы, что «можно многое сказать на проводах лестного, можно сказать то, что нравится Пирогову». Зачем вы как бы умаляете размер и значение этих проводов, говоря об них таким тоном. Хорошо ли это? Вы вот смеетесь, что обвиняют вас за тон вашей первой статьи, не понимаете, в чем была ваша ошибка. Ну так вот вам для примера этот ваш <с. 81> отзыв, с улыбочкой, о проводах, не поймете ль чего-нибудь?

Об увольнении

Увольнять. Непрактично, г-н Бов, непрактично! И увольнять, когда вы сами-то говорите, что, может быть, мальчик сшалил по глупости. Зачем же разрушать всю карьеру его, зачем же делать его, может быть, на всю жизнь несчастным? Мне, право,[1] кажется, что вы это на смех сказали. Это, значит, выходит: погибай всё, только бы принцип был исполнен, только бы не секли. В этом-то и комизм. Французские книжки, наигранная гуманность.[2] Ведь даже и не практично, это просто зверство.

Положим, он может еще в другую гимназию. Ну а если это сопряжено с местом жительства родителей? Ведь у бедных людей часто ужасно много препятствий, г-н Бов. Ведь его, пройдет время, и в юнкера или в писцы, и карьера погибнет и сделает<ся>, может быть, вором окончательно и серьезно. . . Нехорошо, г-н Бов, по крайней мере неудачно. *Нечего за них держаться*, говорите [3] вы. Как это легко, право, выговаривается. Всего-то четыре слова. Слава богу, что это, по крайней мере, только в литературной статье, а не на деле. <с. 82>

Не соблюдена была надлежащая экономия в выставлении языков и в показывании шишей.

Вы поступили с г-ном Пироговым так, как будто он совсем отступил от свое<го> мнения. Настоящий суд над г-ном Пироговым был бы таков: «Что вы, Пирогов, добровольно перешли в партию обскурантов или только сделали уступку противникам?» Но об-

---

[1] право *вписано.*

[2] Французские книжки ∾ гуманность *вписано.*

[3] *Было*: сказа<ли>

скурантизм в Пирогове невозможен, след‹овательно› уступка. Какого рода и для чего? Довольно плохая и нехорошая, правда. Можно ли было без нее обойтись? Почти можно. Для чего же вы так сделали? Для того, что если всего не мог сделать, так чтоб̄ часть сделать.[1] А разве вы думали, что без этой уступки не спасете части? — Думал, ибо мне оставалось выбирать из двух:[2] или удалиться, или обеспечить себе хоть какую-нибудь деятельность. Действительно ли вы так рассуждали? — Действительно.

А если так, то в чем же вина г-на Пирогова? В том, что, может быть он преувеличил препятствия, скоро уступил и, главное, написал сам, что во всем соглашается с педагогами. Но ведь это еще не отступничество. А вы поступили с ним как с отступником. ‹с. 83›

Наказание-то вышло не в меру.

А просто-запросто [3] вы думали, что другим приемом, другим литературным слогом будет не так, и пустились свистящим слогом.

И чего мы спорили, когда дело надо делать![4] Заговорились мы очень, зафразерствовались, от нечего делать только языком стучим, желчь свою, не от нас накопившуюся, друг на друга изливаем, в усиленный эгоизм вдались, общее дело на себя одних обратили, друг друга дразним; ты вот не таков, ты вот не так общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю (главное: *я-то лучше тебя знаю*). Ты любить не можешь, а вот я-то любить могу, со всеми оттенками, — нет, уж это как-то не по-русски. Просто заболтались. Чего хочется? Ведь в сущности все заодно? К чему же сами разницу выводим, на смех чужим людям? Просто от нечего делать дурим.

— (утонченности разные выводим).

— ведь только чертей тешим раздорами нашими! ‹с. 84›

Общее чувство возбудили против себя (статьей о Пирогове). Мы не преувеличиваем, говоря про общее чувство. Мы его не по журналам меряем, не по «Отечеств‹енным› запискам», не по «Русскому вестнику». Журналам-то мы, пожалуй бы, и не поверили. Нет, мы от посторонних людей слышали.

Я знаю, вы думаете, что молодежь за вас,[5] значит, вы угодили делу вашим [6] тоном статьи. Не знаем, неужели молодежи нравится такое лаяние? То же можно бы сказать, да не теми словами; сердечная разборчивость ведь есть и в молодежи. Неужели ей нравится только грубость? Не верим.

Говорят, г-ну Чернышевскому нельзя было и отвечать иначе г-ну Громеке как: «Благороднейший г-н Громека, ваши увлечения

---

[1] *Далее начато*: Правда ли
[2] выбирать из двух *вписано*.
[3] *Далее было*: у вас
[4] *Далее было*: Нет! Это уже как-то
[5] *Далее было*: но я-то
[6] вашим *вписано*.

и т. д.». Это, впрочем, становится даже немного понятно, особенно если припомним некоторые «Соврем‹енные› хроники» или «Современные летописи» [1] по поводу недавних событий в «Отеч‹ественных› записках», но и т. д. ‹с. 85›

Непременно разборы

«Читальник»
По поводу одной рецензии
Авторитеты (и Чернышевский)
Кузьма Прутков
Поэтики Всеволод Крестовский, Д. Минаев, Николай Курочкин и проч.
Кохановская
Гончаров ‹с. 104›

Современнику

— Нет уж вы слишком размахались (о Кавуре) ‹с. 107›

«Современнику» легко издаваться. Он берет за самую легкую сторону: самую крайнюю, тут и идея не своя — ничего своего нет. Всё, дескать, скверно. Даже и в России, даже и в ней элементов своих вы не находите (спросят их) — и в ней тоже. Молодежь горячо, с чувством, с сердцем бросается за [2] крайними вождями, она им верит. Наши Прудоны, дескать. Увы! чтоб быть Прудоном, много надо иметь. Конечно, и в исповедывании крайней идеи *во что бы то ни стало* (то есть для успехов журнала) — много можно встретить остановок, много подводных камней. Ведь нельзя же всё отрицать. Надо ведь и об чем-нибудь сказать положительно, высказать энтузиазм кому-нибудь — показать свои карты. Ба! Да у нас и на это лекарство есть, крайний свист. Всё свистать, всё благородное и прекрасное, каждый факт освистать, прикинуться Диогенами, скептиками, дескать, мы смеемся, скалим зубы, а в груди-то, в груди-то у нас сколько заложено! И страданий, и того, и сего. . . Долго ведь не догадаются! . . [3] ‹с. 113›

«Русская речь», № 64, 10 августа. ‹с. 113›

Наши критики до сих пор силятся не понимать Пушкина. ‹с. 115›

---

[1] *Далее начато*: в «От‹ечественных› записках»
[2] *Далее начато*: вож‹дями›
[3] крайний свист ∾ не догадаются *вписано на полях*

Мы хотим того же, что и вы, совершенно того же, но только с тем условием, чтоб это тоже было *толковее* сделано.

Что же делать, если мы принимаем, что непосредственное соединение с народом есть средство к спасению единства, а на образование и грамотность мы смотрели как на средство к соединению, не единственное, но, бесспорно, одно из [1] главнейших?

Вы же, может быть, и нехотя, но отвергая спасение единственно в непосредственном соединении, смотрите ‹с. 67› на народ поневоле свысока. Ставя цивилизацию [2] единственным рычагом и средством к выходу, говоря, что она fara da se,[3] вы уже тем самым презирали народ, хоть не по чувствам, но de facto,[4] презирали тем уже, что не видели в нем прямой ‹с. 68› необходимости для дела.[5] Это уже почти было презрение высшего сословия. А между тем вы *даже и языка такого не выработали, чтоб заговорить с народом*, чтоб растолковать себя народу, чтоб доказать ему, что не всё же плантаторы между фрачниками, а есть люди, ему сочувствующие. Не верит он вам до сих пор, не поверит и в будущем и даже просто понять не может, из-за каких вам причин заступаться за него. Вы хотите всё растолковать ему в 10 минут: ну-тка,[6] подите-ка растолкуйте. ‹с. 69›

Вы с желчью спрашивали нас, какие же средства к соединению. Спрашивали, а между тем знали, что мы не можем отвечать ясно и точно, отчасти уже и потому, что вопрос этот до того громаден, что мы не берем на себя его разрешение. Мы предлагали одно средство: грамотность — вы смеялись над нами. Вы знали, что мы можем предложить еще много других. Мы просто кричали 2 года о соединении потому, что оно — единственный путь нашего спасения. Впрочем, мы верили, что кто хочет — достигнет. Сто раз ошибется, но добьется до чего-нибудь. Истинное убеждение упорно. А так как это ‹с. 70› единственный путь, то и сама дорога как-нибудь вывезла бы.

Пошлого либерала мы всегда ненавидели, потому что он ни к чему не ведет, а к крикуну чувствовали ненависть, потому что крикуны всегда ведут назад.

(NB. Здесь показать, каким образом крикун ведет назад.)

Крикун почти всегда *бездарен по природе своей* и других тащит в бездну, пошлым, неумелым толкованием дела пугая публику.[7] Кто любит дело делать, тот не любит много кричать. Конечно, в наше время и слово — дело. Но кто владеет новым словом,

---

[1] одно из *вписано*.
[2] *Вместо*: Ставя цивилизацию — *было*: Вы цивилизацию ставили
[3] справится сама (*итал.*).
[4] фактически (*лат.*).
[5] *Далее было начато*: В вас
[6] ну-тка *вписано*.
[7] и других ∞ публику *вписано между строками*

много ли таких, которые умеют что-нибудь сказать не с чужого голоса? [1] ‹с. 71›

В смехе, в вечном смехе есть суть.

Вы изгоняете энтузиазм из молодежи, а ведь наше время такое, что энтузиазм необходим.

Вы зовете с собой на воздух, навязываете то, что истинно в отвлечении и отнимаете всех от земли, от родной почвы. Куда уж сложных — у нас самых простых-то явлений нашей русской почвы не понимает молодежь, вполне разучились быть русскими. А это уж старина, это уж отсталость, это только самая крайняя западническая гиль. Вы спросите, что ж Россия-то на место этого даст? Почву, на которой *укрепиться вам можно будет* — вот что даст. Ведь вы говорите непонятным ‹с. 102› нам, массе, языком и взглядами. Погодите, начнет жить народ, и вы явитесь такими пигмеями перед ним; он вас проглотит.

Вы только одному общечеловеческому и отвлеченному учите, а еще матерьялисты. ‹с. 103›

‹II. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1863—1864 гг.›

Что такое настоящая война?

Польская война есть война двух христианств — это *начало* [2] будущей войны православия с католичеством, другими словами — славянского гения с [3] европейской цивилизацией. Итак, развитие у нас и развитие не официальное (по голландской программе), а народное. ‹с. 151›

Наши петербургские газеты виляли туда и сюда, некоторые просили у каждого нового сотрудника «сыскать им направление» (sic) и либеральничали против г-на Каткова.

Навьюченный книгами г-н Дудышкин.

Г-н Катков не находит разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами. Тут г-н Катков сломит ногу. ‹с. 152›

Память чувства (статья Сеченова).[4]

Как не догадаться, что общечеловеческий дух и есть отличительная, личная способность нашей нации. (Славянофилы.)

Погодина защита Петра I-го — суконная фабрика ‹с. 153›

Мы не общество. Простой народ общество; а мы публика (в проект).

---

[1] Конечно ∾ голоса? *вписано на полях.*

[2] *Далее было*: и это от

[3] *Далее начато*: с цивилиза‹цией›

[4] *Далее было начато*: Contradictio‹ns› Противоречия (*франц.*).

В политич‹ескую› статью

Об изобрет‹ении› оружий.
Эмиль Жирарден в «Голосе» («*Le Droit*»).
Статейка о естественных границах.
Из этой статейки переход на почву и о ложных идеях.
Ж.-Ж. Руссо (оставался молодым ‹?›)
Главное развить. ‹с. 133›
Между нами и цивилизацией *вера*. Начало католическое и византийское.

Шедо-Ferroti «Opinion publique en Russie». — X. «Que fera-t-on?. . .» [1] ‹с. 134›
Гражданские слезы: штатские. *Откуп нар‹одных› слез.*
Слезоточивость не нравится.
Окарикатурили. Сука.
Гамалиил.
Разбор слов Гамалиила, свобода слова. ‹с. 4›

Во всех животных поражает нас одно их свойство, именно их *правда*, а след‹овательно›, *правдивость*, наивность. Они никогда не притворяются и никогда не лгут. Животные разделяются по обыденному отношению к человеку на *три* разряда: 1) одних мы любим, 2) других боимся и 3) которых не замечаем (насекомые и проч‹ее›). ‹с. 127›

«Современник». Июль. Статья о романе «Проклятый»: «Умственные способности Терезы плохи, потому что она ходила по монастырям».

Так только слуги могут разговаривать о своих господах. ‹с. 6› [2]
— Ты немногим задайся, братец, и лучше немного, да хорошо сделай.
— Нельзя русскому человеку задаваться немногим. Это немецкая работа. Русский человек лучше сделает много, да нехорошо. ‹с. 7›

Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить его без бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не [3] от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*. Раньше не оставит бога, как уверившись математически, а семейства прежде, чем мать не захочет быть [4] матерью.

---

[1] «Общественное мнение в России». — X. «Что сделают?. . .» (*франц.*).
[2] *Далее нумерация страниц с обратной стороны книжки.*
[3] *Было*: не изменится
[4] *Вместо*: не захочет быть — *было*: не будет

а человек не захочет обратить любовь в клубничку. Можно ли достигнуть этого оружием? И как сметь сказать заране, прежде опыта, что в этом спасение? И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень. ‹с. 23›

Рудин. *Волынцев*[1] (в этой тупице аристократической).

Теоретикам и нигилистам можно сказать: вы проповедуете социализм, но сами же вы верите в *опыт*. Знайте же, что никогда вам не убедить никого в социализме путем голословного убеждения. Нужен опыт. А следственно, надо хлопотать только об усилении и о прогрессе в теперешней жизни, которую вы презираете, а между тем этим усилением вы будете приобретать всё более и более опытов, чрез которые народы сами собою дойдут до социализма, если только правда, что он представляет универсальное лекарство всему обществу. ‹с. 37›

16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?

Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, — невозможно.[2] Закон личности на земле связывает. *Я* препятствует.[3] Один Христос мог, но Христос был вековечный от века[4] идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа, как *идеала человека во плоти*, стало ясно как день, что[5] высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), ‹с. 41› чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*, —⌜это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастие. Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма, и в слитии, оба, и *я* и *все* (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтож‹енн›ые друг для друга, в то же самое время ‹с. 42› достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо.

Это-то и есть рай Христов.[6] Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, оканчивает свое земное существование. Итак,

---

[1] *В рукописи описка*: Волонцев
[2] *Далее было начато*: Личн‹ость?›
[3] *Далее было начато*: Между тем
[4] вековечный от века *вписано*.
[5] *После*: что — *начато*: разв‹итие›
[6] Христов *вписано*.

человек есть на земле существо только развивающееся, след‹овательно›, не оконченное, а переходное. ‹с. 43›

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть бога? — мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое [1] вряд ли будет и называться ‹с. 44› человеком (след‹овательно›, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами).[2] Эта черта предсказана и предугадана Христом, — великим и конечным идеалом развития всего человечества, — представшим нам, по закону нашей истории, во плоти;

эта черта:

«Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божии». — Черта глубоко знаменательная.

1) Не *женятся* и не *посягают*, — ибо не для чего; развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо и

2) Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для всех). Семейство, ‹с. 45› то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека.[3] Семейство — это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развития (то есть сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя [4] окончательного идеала своей цели, должен беспрерывно отрицать его. (Двойственность).

NB. Антихристы ошибаются, опровергая христианство следующим главным пунктом опровержения: 1) «Отчего же христианство не царит на земле, если оно истинно; отчего же человек до сих пор страдает, а не делается братом друг другу?» ‹с. 46›

Да очень понятно почему: потому что это идеал будущей, окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру, которая не женится и не посягает, и, 2-е. Сам Христос проповедовал свое учение только как идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение о мече), ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивающаяся, а там — бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся

---

[1] *В рукописи*: который

[2] (след‹овательно› ∾ существами) *вписано*.

[3] *Далее было начато*: Это

[4] *Далее было*: закону

и наполненное, для которого, стало быть, «времени больше не будет».

NB₂. Атеисты. отрицающие бога ‹с. 47› и будущую жизнь, ужасно наклонны представлять всё это в человеческом виде, тем и грешат. Натура бога прямо противоположна натуре человека. Человек по великому результату науки, идет от многоразличия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. А натура бога другая. Это полный синтез всего бытия,[1] саморассматривающий себя в многоразличии, в Анализе.

Но если человек не человек — какова же будет его природа?

Понять нельзя на земле, но закон ее может предчувствоваться и всем человечеством в непосредственных эманациях (Прудон, происхождение бога) и каждым частным лицом. ‹с. 48›

Это слитие полного *я*, то есть знания и синтеза *со всем*. «*Возлюби всё*, *как себя*». Это на земле невозможно, ибо противуречит закону [2] развития личности и достижения окончательной цели, которым связан человек. След‹овательно›, это закон не идеальный, как говорят антихристы, а нашего идеала.

NB. Итак, всё зависит от того: принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, то есть от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки.

Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого *я*? Говорят, человек разрушается и умирает *весь*.

Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, ‹с. 49› так и нравственно оставляет память свою людям (NB. *Пожелание вечной памяти* на панихидах знаменательно), то есть входит [3] частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества. Мы наглядно видим, что память великих развивателей человека живет между людьми [4] (равно как и злодеев развитие), и даже для человека величайшее счастье походить на них. Значит, часть этих натур входит и плотью и одушевленно в других людей. Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в *я* Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его ‹с. 51› окончательной натуры, то есть в Христа. (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура бога, значит, Христос есть отражение бога на земле.) Как воскреснет тогда каждое *я* [5] — в общем Синтезе — трудно представить. Но живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале — должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную. Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в раз-

---

[1] *Далее было*: вечно
[2] *Далее было*: личности, то есть
[3] *В рукописи*: входят
[4] *Было*: между ними
[5] *Далее было начато*: трудно пр‹едставить›

личных разрядах [1] (в дому отца моего обители многи суть). ‹с. 52› Всё себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно.

Итак, человек стремится на земле к идеалу, *противуположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил *любовью* в жертву своего *я* людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе земля была бы бессмысленна.

Учение материалистов — всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть. ‹с. 53› Учение истинной философии — уничтожение косности, то есть мысль, то есть центр и Синтез вселенной и наружной формы ее — вещества, то есть бог, то есть жизнь бесконечная.

Путаница и неопределенность теперешних понятий происходит по самой простейшей причине: отчасти оттого, что правильное изучение природы происходит весьма недавно (Декарт и Бэкон) и что мы еще собрали *до крайности* мало фактов, чтоб вывести из них хоть какие-нибудь заќлючения. А между тем торопимся делать эти заключения, повинуясь нашему закону развития. Выводить же окончательные ‹с. 54› результаты из теперешних фактов и *успокоиваться* на этом могут разве только самые ограниченные натуры, кто бы они ни были и как бы ни назывались. ‹с. 55›

Революционная партия тем дурна, что нагремит больше, чем результат стоит, нальет крови гораздо больше, чем стоит вся полученная выгода. (Впрочем, кровь у них дешева.) Всякое общество может вместить [2] только ту степень прогресса, до которой оно доразвилось и начало понимать. К чему же хва‹та›ть дальше, с неба-то звезды? Этим всё можно погубить, потому что всех можно испугать. В сорок восьмом даже буржуа согласился требовать прав, но когда его направили было дальше, где он ничего понять не мог (и где в самом деле было глупо), то он начал отбиваться и победил. В настоящее время в Европе [3] нужно только возможно больше самоуправления и свободы ‹с. 57› прессы. Но там и это не достигнешь. Общество подозрительно и не в состоянии вынесть свободы. Вся эта кровь, которою бредят революционеры, весь этот гвалт и вся эта подземная работа ни к чему не приведут и на их же головы обрушатся. ‹с. 58›

---

[1] *Далее было начато*: ибо ведь
[2] *Вариант*: получить
[3] В Европе *вписано.*

Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю, Россия уж уделила Польше свою мысль, привила ей свой характер, и эта мысль — *цепь*, с которою теперь Польша с Россиею Польша связана нераздельно.[1] ‹с. 65›

Воротиться к почве.

Никто не может быть *чем-нибудь* или достигнуть *чего-нибудь*, не быв сначала самим собою. ‹с. 68›

Костомарову

Да и время наше есть время опошленных истин.

Вы не такой пошляк, как Пушкин, писавший пошленькие стишонки; вы петербургский историк, которого изыскивают даже в академических календарях.

Так что ж; кто боится Тохтамыша, а кто боится потерять популярность «Искры» и у Абличительного поэта.

Современнику. Что у вас за мизерный либерализмик.

Костом‹аров›. Служит многим господам. ‹с. 69›

Рой

Девственник. Оно, положим, отлично — но глупо. Слово «девственность» как-то нейдет к этому увальню с маркизскими кудрями, к этой *держиморде* с хрусталями. ‹с. 73›

Заметка

В литературе мы до такой степени еще дети, что ни один почти наш литературный орган не в силах признать того хорошего, что действительно хорошо у врагов [2] наших.

В полемику

. . . Мы ведь этому, хоть бы нигилистскому или естественно-научному направлению даже рады. Оно придает некоторую смелость мысли, рутинно-чиновничьей забитости (хотя и омерзительно одностороннюю). Но не беспокойтесь, всё это, перейдя через эту некоторую смелость мысли, придет на почву и к народным началам. Да и единственный [3] ведь это путь. Нигилисты, стало быть, отстали. Ничего, догонят. ‹с. 75›

[1] *Так в рукописи.*

[2] *Вместо:* у врагов — *было начато:* у враждеб‹ного?›

[3] *Вместо:* единственный — *было:* единственно правиль‹ный›

Наши либеральные тупицы провозглашают Пушкина отсталым сравнительно с Рылеевым. Рылеев был только Карамзин в стихах — и только. А Пушкин был русский человек и отыскал Белкина. ‹с. 76›

из лучиночек [1]

— Бедные жалкие дурачки!

Мы не за то ругаемся с ними, что они проповедуют общечеловека (способность России к синтезу), а за то, что они проповедуют общечеловека на чужих помочах. C'est plus qu'un crime, c'est une faute.[2]

У них великий аргумент, что наука общечеловечна, а не национальна. Вздор, наука везде и всегда была в высшей степени национальна ‹с. 77› — можно сказать, науки есть в высочайшей степени национальны.

2×2=4 — не наука, а факт.

Открыть, отыскать все факты — не наука, а работа над фактами есть наука, и т. д.

Станция Тверь, profession de foi.[3] ‹л. 78›

Из католического христианства вырос только социализм; из нашего вырастет братство. ‹с. 79›

Социализм основан на неуважении к человечеству (стадность) (а сантиментальность,[4] которую вы берете, — вздор). ‹с. 81›

Вы обращаете литературу, все убеждения литературные в одну только личность. Вы мстительны, как г-жа Музовкина.

И чем вы хвалитесь? Что у вас нет никаких убеждений.

Гадко видеть, в наше время особенно, человека безо всяких убеждений и проч. . . .

Эта страница блестящая. Она показывает, как надо прошпиговывать молодых литератор‹ов› с неблаговидными свойствами и идолопоклоняющихся своей личности. . .

Кто не согласен с вами, тот и осел. (Уважение к человеческому достоинству.) (Сальяс, палку.)

О монастырях (в «Современнике» разбор «Проклятого»). «Глупа, потому что религиозна». Ну не дико ли это? Ну разве неправду мы написали в условиях? ‹с. 83›

— Да я жить хочу.

— Да, но жизнь есть роскошь.

---

[1] *Далее было*: Чер‹нышевский?› — Аристот‹ель?›

[2] Это больше чем преступление, это ошибка (*франц.*).

[3] исповедание веры (*франц.*).

[4] *Над словом*: сантиментальность — *запись карандашом*: механизм

Мальтус, Писарев.

Яблоко нарисованное и яблоко действительное.

«Книжный вестник» — не то что уж золотушная, а *скрюченная* газетка. ‹с. 117›

Как кому угодно.[1]
Учитесь, милые дети!

Нет, не дается нигилизм г-ну Щедрину, не дается. Он в таком же затруднении, поступив в нигилисты, как и генерал Зубатов, в его собственной повести, когда он хочет следовать за веком, биржу придумывает и даже выразиться не умеет. Сам г-н Щедрин назвал такого сорта людей умирающими. Нет, уж пусть г-н Щедрин пишет по-прежнему повести, не заботясь о нравоучениях к ним. *Нравоучение ему всегда подскажут.* ‹с. 135›

Мы хотим дело делать, а не теории испускать.

Г-н Костомаров, который не всегда пожинал лавры от нигилистов, хлопочет, может быть, о возвращении этих аплодисментов. Потому-то, вероятно, он и Пушкина пошляком выругал. Русский-то историк! Пушкина-то!

Чтоб быть русским историком, нужно быть прежде всего русским.

Вы [2] не русского духа, я сужу это по фактам и говорю в глаза. Имейте мужество, чтоб говорить это тоже в глаза.

Я люблю роль Москвы в русской истории и говорю об этом прямо.[3] ‹с. 136›

Кохановской

Мы многому научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, что́ хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует.

Не в господине же Каткове совокупилась русская красота. ‹с. 137›

Кто слишком крепко стоит за насильственную целость России, во что бы то ни стало, тот не верит в силу русского духа, не понимает его, а если понимает, то явно ему зла желает. Я сам буду стоять за политическую целость этой громады, до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими страданиями. Но главное не в том: (в чем главное). ‹с. 138›

---

[1] *Далее было начато*: Нет, не д‹ается›
[2] *Далее было*: ненавидите
[3] Я люблю ∾ прямо. — *вписано вдоль полей.*

Доживывать Данию. ‹с. 143›

«Contradictions économ‹iques›» Proudhon.[1]

Мы не считаем национальность последним словом и последнею целью человечества.

Только общечеловечность может жить полною жизнию. Но общечеловечность не иначе достигнется как *упором в свои национальности* каждого народа.

Идея почвы, национальностей есть точка опоры; *Антей*. Идея национальностей есть новая форма демократии.

Она явилась spontanément.[2]

Мы верим в spontanneité[3] идей человечества. *Proudhon*. ‹с. 147›

— Отчего у нас заблуждаются?

— Потому что дела не знают.

— Позвольте вас спросить, откуда мы узна́ем дело?

При незнании дела вечные беспорядки.

Укроти голову.

Речь архангельского протопопа. ‹с. 148›

Хотелось бы хоть немножко правды сказать.

Славянофилы, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное. ‹с. 151›

‹III. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг.›

24 августа.

О задатках и Ласенере.[4]

Об объявлениях об «Эпохе». ‹с. 3›

26 ‹августа› 3 часа ночи.

NB. Завтра же составить объявление в «Голос» и проч. ‹с. 5›

1 ‹сентября›

Собрать завтра утром материалы для статьи: ответ «Совр‹еменни›ку». ‹с. 7›

8-е сентября.

7) Засвидетельствовать в 1-й же статье о чрезвычайном множестве незнающих грамоте кандидатов университета и студентов.

№ 36 «Дня» ответить о кафедрах «русск‹ого› дух‹овенства›».

---

[1] «Экономические противоречия» Прудона (*франц.*).

[2] самопроизвольно (*франц.*).

[3] самопроизвольность (*франц.*).

[4] *В рукописи:* Лесенере

. . вы смеетесь?. . 1/2 дела будет сделана, не будет и паршивой Белой Арапии.

Белоараповцы не замечают, что социализм вовсе не обязательно общечеловечен, что идеал общечеловечия вовсе не тот (а христианский), что социализм только есть органический продукт западной жизни и всех противуречий ее. Учение белоараповцы принимают, а то, из чего произошло оно (то есть почву, органическое начало этого учения), отвергают. Ведь только на Западе, и только на одном Западе, могло оно явиться. Форма социальных стремлений, форма рисующегося вдали для России идеала должны быть не те, а наши, собственные наши, органический наш продукт. Хоть кол теши, не понимают!! «Хотя бы кто из мертвых воскрес, и того не послушают». ‹с. 9›

В Записн‹ую› книгу

NB). Отнюдь не надо ждать, пока у нас *образуются* адвокаты, то есть пока мы подрастем да разовьемся, и лучше уж вводить суды повсеместно, без дожидания. Во всяком случае хуже прежних судов не будет, хотя бы в новые поступили большею частию или старье или [1] неумелая молодежь. В этом решении надобно различать *главнейшую идею*: именно, что подготовка никогда не делается предварительно: будут только болтать, будет только одна болтовня и ничего больше. На деле, на деле совершится подготовка! Пусть сначала пойдет плохо (во всяком случае лучше прежних судов будет). Подготовка совершится скоро: [2] завяжется [3] интересно, начнется *дело*, а не болтовня. *Дело* очищает разум, формирует человека, а болтовня растлевает. А если вы будете всё только готовиться да готовиться, то только укорените еще более болтовню и уже окончательно искорените всякую выдержку в молодых людях. Да и почему так уж решено, что людей нет?

Правда, по-видимому, их нигде нет. В учителя нет, как и в высшие, так и в низшие. В адвокаты, в ‹с. 23› судьи тем паче. Но мы еще переживаем и не можем дожить совсем старые порядки. Куда же денется страшно обедневшее и ни при чем находящееся дворянское сословие, особенно второго и третьего разряда? Безденежье скоро доконает и научит выходу: явятся адвокаты и учителя, а покамест они переговариваются и перекликаются по-французски на земских сходках. Но это уже последние могикане. . .

Может быть, всеобщее-то обеднение отчасти и пользу принесет. Правда, кто говорит — и множество мошенников образуется. ‹с. 24›

---

[1] *Далее было начато*: повес‹ы?›
[2] *Далее начато*: войд‹ут?›
[3] *В рукописи*: завяжутся

Журнал в 6 печатных листов в 2 недели.[1] ‹с. 27›

Подписка по 6 листов[1] ‹с. 28›

Газета в 1 1/2 листа без приложений, а роман отдельно.[1] ‹с. 29›

Весь успех зависит оттого, как будут составлены 1-е шесть номеров.

Как можно более известий. ‹с. 32›
Проект «Записной книги» без подписки
По 6 печатных листов в две недели.
3 листа «Записной книги»
3 листа романа

Pagination suivie.[2]
NB. Итак, всего будет 6 листов в месяц. Полная книга, *первая*, будет в *36* листов в шесть месяцев.
Роман же прилагается с особым *pagination*.[3] ‹с. 34›

Проект газеты в 2 листа в неделю без приложения.[4]
В статью «Наши направления. Западники. Славянофилы и реалисты»[5]

Проект газеты в 2 листа в неделю без приложения бумаги.[6] ‹с. 43›

Западники. ‹с. 44›

Славянофилы

Славянофилы не верят ни в одно из европейских учреждений, ни в один вывод европейской жизни — для России. Они отвергают и конституционные, и социальные, и федерально-механические учения. Они верят в начала русские и уверены, что они заменят и конституцию и социализм сами из себя, нося в себе зародыши своей правды и уж, конечно, имея право так же жить и развиваться самостоятельно, как жил и развивался самостоятельно Запад. ‹с. 45›

---

[1] *Далее следует расчет на издание журнала и газеты.*
[2] Пагинация сплошная (*франц.*).
[3] *Далее следует расчет на издание книги.*
[4] *Далее следует расчет на издание газеты.*
[5] «В статью ∾ и реалисты» *зачеркнуто*
[6] *Далее следует расчет на издание газеты.*

Реализм есть ум толпы, большинства, не видящий дальше носу, но хитрый и проницательный, совершенно достаточный для настоящей минуты. Оттого он всех увлекает и всем нравится, всем по плечу. Когда надо, он и славянофилов обкрадывает. ‹с. 47›

Об этой драме пророчествовали, что публика побежит от театра, как от Мамая; другое дело выведут кого из театра, а публика, может, и не побежит. ‹с. 61›

«Голос» и «С.-П‹етербургские› ведомости» — сии два наипочтеннейшие русские издания —

Ты там шути, а, однако ж, Шмерлинг-то воротился.

И если я [1] встречаю г-на Загуляева у входа ‹в› Пассаж, так сказать, с государственным видом лица.

Секрет! И я, разумеется, прохожу с почтительным видом мимо, потому что сам вижу — секрет! Мало того, я даже горжусь, что и мои соотчичи могут иметь секрет.[2]

Андрей Александрович есть только ухудшенная Евгения Тур, а Евгения Тур есть улучшенный Андрей Александрович.

Чувствуешь, что ум тут Персиньи, и ничего не поделаешь, что от него так и веет Персиньи.

Точно «Siècle» и «Opinion National» (своего Opinion'у,[3] если б так издавались).

Да, но те на французском, стало быть, нам надо перевод, да, но отчего же *не свои*, думаю я.

Но ведь я им добра же желаю, но отчего бы, кажется не догадаться. Правда,[4] на это, я чувствую, надо много ума, кроме ума, надо понимать вещи, надо быть самостоятельным, надо иметь мнение, надо иметь направление. Да кроме того, чтоб иметь *свое* направление, надо и быть *своим*, то есть русским. ‹с. 66›

Политик Загуляев.

Кастельфидардо, лгать (мы, конечно, не позволили бы себе употребить такое [5] резкое слово, если б на всей этой лжи не лежало того оттенка совершенно детской невинности, который характеризует ложь, сказанную в первом детском возрасте,[6] не лишенную даже детской грациозности) и вилять.

Но всего смешнее, когда они начнут: мы предсказывали, мы смотрим на претензии принца Аугустенбурга, или недалеко

---

[1] *Далее было*: тут

[2] *Над словами*: иметь секрет — *вариант*: быть в секрете

[3] Opinion — мнение (*франц.*).

[4] *После*: Правда — *начато*: я им добра же‹лаю›

[5] *Вместо*: не позволили бы ∾ такое — *было*: не употребили такого

[6] *После*: возрасте — *было*: и

с этим уедет Тьер. . . Или Шлиммер Шнапс,[1] министр княжества Зигхарственкера, воротился в Эшен. Причина скорого его возвращения неизвестна. Да вам-то, вам-то что до этого за дело? Вы-то тут при чем? Из чего вы горячитесь, хлопочете, узнаете, волнуетесь, [2] играете в «Теймс» или в «Opinion National», потому что у вас, во-1-х, никакого опиньона и быть не может,[3] а во-вторых, от вас его и не нужно, просто не нужно, да и дело с концом.[4] ‹с. 67›

А‹ндрей› А‹лександрович› воображает, что тяжелый и упавший его журнал от *механического* раздробления на две книжки станет легче и что таким образом его можно будет легче *поднять*.

Принц Августенбург — высокие особы, Датский вопрос, достодолжное уважение.

В «От‹ечественных› зап‹исках›», в которых уверялось, что Островский принял московских купцов за свой идеал.

Серебром лишь побряцал он, то есть он хоть и не бряцал серебром, потому что нет серебра и оно употребляется только в поэзии, даже, может быть, и у него теперь, но зато он действовал [5] кредитками, но и сии последние, которые вместо бряцания издают, несмотря ни на какие финансовые кризисы, тот приметнейший хруст и шелест, который способен перевернуть иное литературное сердце [6] к стопам ‹?› каких угодно убеждений.[7]

Мы ‹*нрзб.*› поэзии и презренный металл презираем. ‹с. 68›

Таким образом, г-н Загуляев утверждает, что загулял корректор, а нам кажется, что подгулял сам г-н Загуляев.

Заглавие: Голос г-на Краевского в «Голосе» [8] против русской журналистики и литературы.

Мы согласны, что всё это каламбуры и публика может на нас подосадовать. Но мы не виноваты. А виноват г-н Краевск‹ий›.

Вот что значит [9] литературное дело обратить в дела́. Как

---

[1] *Над словами*: Или Шлиммер Шнапс — *вписано*: Причина скорого его возвращения неизвестна.

[2] *После*: волнуетесь — *было*: вы просто

[3] *После*: не может — *вариант*: — а во-вторых, вы ни при чем, и дело с концом.

[4] *К словам*: Да вам-то ∾ с концом. — *варианты*: *а*. Ну точно большие и играют в «Теймс» или в «Opinion National» *б*. Ну точно большие, говорим — так настоящие большие. *Внизу листа вписано*: и издают «Premier-Petersbourg», как большие

[5] *Вместо*: зато он действовал — *было*: *а*. по крайней мере *б*. но *в*. зато у него есть

[6] *К словам*: иное литературное сердце — *вариант*: иное *сотрудничье* сердце

[7] *Вместо*: к стопам ‹?› каких угодно убеждений — *было*: к каким хотите убеждениям

[8] *Вместо*: Голос ∾ в «Голосе» — *было*: *а*. *Как в тексте б*. *Начато*: Собствен‹ный› *в*. Голос *г-на* Краевского в собств‹енном›

[9] *Далее было*: занимаясь

только вы это сделаете,[1] то тотчас же и ввяжетесь в такие каламбуры, из которых вам и не выйти.

Г-н Боборык‹ин›, проехав свою путь-дорогу, дошел до убеждения, что более уже ехать *некуда*, и раздваивается на два проселка.[2]

Таким образом, они разбивают тяжелые «От‹ечественные› зап‹иски›» на две книжки, воображая, что они от этого сделаются *легче* для чтения и что таким образом упавший журнал легче можно будет *поднять.*[3]

Но этот упавший журнал был слишком *тяжел*, чтоб его можно было поднять. ‹с. 69›

А что такое «Голос»? Прихвостень.

Пусть бы статьи[4] писал какой-нибудь наш политик вроде г-на Загуляева и проч., или г-н Краев‹ский›, которому за делами некогда заняться литературой.[5] Тогда можно еще простить, но, очевидно, писал эту статью не литератор, человек с делом не знакомый и грубо не понимающий того, о чем пишет.

Насчет Тургенева «Зап‹исок› охот‹ника›» отзыв «Голоса».[6]

Г-н Краевский за делами не успел заняться литературой. Мы г-ну К‹раевско›му вовсе и не ставим этого в упрек. Смешно было бы утверждать, что всякий, кто не[7] литератор, дурной[8] человек. Можно быть очень честным человеком и ровно ничего не смыслить в литературе.[9]

Зато он делал дела.[10] То же самое случилось и с г-ном Краевским, и мы вовсе не теряем от этого надлежащего к нему уважения.

Да и что такое Кастельфидардо и Каталафими, что их не знать бесчестье. Эка важность!

Г-н Краевский написал объявление.

Г-н Краевск‹ий› издает теперь «Голос» в ущерб[11] русской литературе, то есть я вовсе не хочу теперь сказать этой фразой,[12] что он издает «Голос» (то есть газету «Голос») в ущерб русской литературе (хотя, впрочем, по совести говоря, помещая такие объявления, действительно издает «Голос» в ущерб русской лите-

---

[1] *Вместо*: Как только вы это сделаете —*было*: *а*. Если вы это сдел‹аете› *б. начато*: Пусть всяк‹ий›

[2] и раздваивается на два проселка *вписано*.

[3] *Вместо*: упавший журнал ∾ поднять — *было*: их можно будет легче поднять.

[4] *Вместо*: статьи — *было*: это

[5] которому ∾ литературой *вписано*.

[6] Насчет Тургенева ∾ отзыв «Голоса» *вписано на полях*.

[7] *Над словами*: кто не — *начат вариант*: ровно нич‹его›

[8] *К слову*: дурной — *вариант*: пустой

[9] *К словам*: и ровно ничего не смыслить в литературе — *вариант*: не быв литератором

[10] *Над словами*: делал дела — *вписано*: человек

[11] *К слову*: в ущерб — *вариант*: против

[12] этой фразой *вписано*.

ратуре).[1] Нет, я хочу сказать в эту минуту, что ‹с. 71› господин Краевский издает свой, свой собственный натуральный голос в ущерб русской литературе. (А впрочем, и ненатуральный «Голос» ведь тоже «собственный» «Голос» г-на Краевского.) Одним словом, он издает два голоса в ущерб русской литературе.[2] Ну что ж, он хоть и в ущерб русской литературе издает голос (натуральный), но тем [3] самым он делает хоть и не дело, но зато делá, — но уметь обделывать свои делá, разумеется, дело, а не пустяки. Таким образом, не делая *дела*, он делает дело, и обратно. Фаворизир‹ованный› человек.[4] Одним словом, он обделывает свои делишки, и довольно с вас. Ему, видите ли, надобно, чтоб на журналы не подписывались, и вот он издает свой натуральный голос в своем ненатуральном «Голосе», что не надо подписываться на журналы. Таким образом, и натуральный голос становится ненатуральным, хотя, впрочем,[5] вовсе не «Голосом». Черт возьми, опять запутал.[6]

Таким образом, в объявлении об «Отечественных записках» помещается в сущности хвала «Голосу» и порицанье «Отечественных зап‹исок›», и [7] вместе с тем это объявление в «Голосе» служит в то же время объявлением к подписке на «Отечеств‹енные› записки», и в этом объявлении говорится, что журналы [8] вздор, подписываться не стоит, а надо подписываться на «Голос». Одним словом, тут столько каламбуров.[9]

---

[1] *Вместо*: по совести говоря ∾ русской литературе — *было*: *а.* он и действительно [он] издает свой «Голос» в ущерб русской литературе *б.* оказывается, что он и действительно издает газету «Голос» *в.* впрочем он

[2] *Рядом с текстом*: господин Краевский издает свой, свой собственный ∾ литературе, — *на полях вписано*: Ну, и в одном «Голосе» ненатуральном помещается другой голос натуральный (но я не утверждаю, что натуральный голос г-на Краевского натурален в этом смысле), в ненатуральном натуральный голос, который помещается совсем, впрочем, ненатурально. Ну и довольно. Устал.

[3] *Было*: этим

[4] но уметь обделывать свои дела ∾ человек *вписано*.

[5] *Над словами*: хотя, впрочем — *вписано*: ненатуральным

[6] *Рядом с текстом*: Ему, видите ли, надобно ∾ запутал. — *на полях вписано*: Подает натуральный голос против литературы. Голос его от этого становится ненатуральным, но вовсе не обращается в ненатуральный «Голос», то есть в газету «Голос», хотя и помещается в газете «Голос».

[7] *Далее было*: тем

[8] *Над словами*: что журналы — *вписано*: на «Отечеств‹енные› зап‹иски›»

[9] *После*: каламбуров — *следует текст*: *а.* хоть и не дело, но зато дела, и это принимает за дело. Таким образом, не делая дело, а делая делá, он делает дело, и это дело выходит вовсе не дело, и, как нам кажется, не поможет ему [устроить] обделать [свои] его дела. *б.* хоть и не дело, но зато дела и это принимает за дело. Таким образом, не делая дело, а делая делà, он делает дело и хотя при этом говорит не дело, но, говоря не дело, он воображает, [что говорит дело, уверяет что] что [этим не делом] объявляет этим не делом свои дела [которые и считает за дело, хотя всё это, повторяю, вовсе не дело. Одним словом, тут] выходят какие-то каламбуры и загадки, которые г-н Краевский задает публике вроде je suis ce que je suis ‹я есть то, что я есть (*франц.*)›, и посмотрите, н‹а›п‹ример›, это объявление (объявление. . .) и потом, таким образом, выходит, что [в «Голосе» поселился голос]

Один собственный его голос, а другой тот «Голос», в котором помещается его собственный голос в ущерб русской литературе. ‹с. 70›

Русский за границей теряет употребление русского языка и русских мыслей.

О итальяне, итальянке
Газета «Весть».
Надо д‹ействовать› через Управу благочиния.
Формулярный список русских литераторов.
Основание Вавилона.
О итальянах и итальянках. ‹с. 141›

Но нет человека, который бы, читая о чашке, не понял, что это просто литературная выходка, может быть злая (аллегория и т. д.), но не прямо случившаяся лично, а только обрисовывающая известную степень его литературного настроения, а следств‹енно›, и характер его полем‹ического› ответа, здесь желчный и личный. Сплетня, где выдумано и прилгано, а то ясные, правдивые слухи, в которых ровно ничего нет бесчестного и кто прочтет мою статью.[1] Зато нет человека, который бы, прочитав слова «ракальи», «шваль», «плюнуть на вас» и «что *докажет вам* такая же дуракова плешь», — не принял этого прямо, что вы прямо ругаетесь и ругательствами отстаиваете свои литературные мнения. Обе вещи[2] далеко не то же самое. А кстати, об авторе. Вот ваши отговорки. Эти смешные отговорки. Он уверяет, что это то же самое.

(Мальчик прибить хочет насмерть в школе.) И однако ж, милостивый государь,[3] я-то вот только три страницы пишу, а вы мне на эти 3 страницы ровно *60* страниц пишете.[4] Если б мальчик, к чему бы так много прудить. Не так это всё у вас выходит. Действительно, вы похожи на мальчиков. . . . Не сердитесь, пожалуйста.

Сами же признались в такой гадости, а ведь это все оттого, что вы думаете, что в вас публика *влюблена*. Тем-то вы и смешны, что думаете до сих пор, что вы владыки и представители науки и общ‹ественного› мнения. Не замечаете своего падения. Это очень комично.

Шиши. Тьер. Я более самолюбив, чем вы думаете. И он спрашивает меня, отчего вы то-то и то-то. Наивный вы человек. ‹с. 72›

Разжалобить

Нет-с меня с этой стороны знают хорошо, и вам тут ничего не сделать. Если ж вы думаете, что уж вы так добили меня, то ведь

---

[1] а следств‹енно› ∾ статью *вписано между строками и на полях.*
[2] *Вместо*: обе вещи — *было начато*: В это‹м›
[3] *Далее было*: вот
[4] *Было начато*: отвеч‹аете›

это опять шиши в беспредельное пространство. Уверяю вас, что вы нам еще много чести придаете, что пишите 50 страниц на 3.

NB. Наивный человек оправдывается тем, что их подшпиговывает.

Положим, оно и выражает и идет к ним, но как, скажите, говорить и писать: обер-шиш господин Пыпин?

Может быть, оно даже и идет, но как сказать частному человеку: ты шиш, выговорить, напр‹имер›: редакт‹ор› «Сов‹ременника›» это обер-шиш г-н Пыпин или это маленький шиш г-н Ан‹тонович› или крошечный шишик с гражданской слезой такой-то. Это мерзость, как бы ни было метко это прозвище. Ни за что я их не стану называть обер-шишами.

От гражданских слез у них болят глаза, и все они с красными слезливыми глазами, точно в насморке.

Я, положим, согласен, что стена и чашка — резки, но, однанако ж, он литературным образом обокрал меня, без знаков ‹?›

Final. Над вами только можно смеяться и шутить, но говорить с вами серьезно нельзя, неприлично.

Тут перо дрожит и слюни на губах.

Это и должно было тем кончиться, дальше уж им нечего говорить; они кончили, как кончили все баричи. Потому что это баричи (quelques gentilhommes qui se sont occupés de la litterature).[1] Белая Арапия — барская затея. А с Белой Арапией всё сказано, дальше некуда — в безвоздушное пространство.[2] Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших, которые представляют из себя вялое, пошлое поколение наших шатающихся даром[3] лишних людей. Теперь наступают совсем другие идеи. Идеи почвы и ‹*нрзб.*› в неразрывности с идеей ‹*нрзб.*› с нар‹одом›.

Они только еще зарождаются, но те уже чуют их и проклинают. ‹с. 73›

Вы не выносите убеждений, вам противуположных?

Что нами скверно сделано, то так и скажем, что скверно сделано. Мы честны, мы прямы, мы лгать не хотим-с, а не лгать теперь это, знаете, — подвиг. Вы на него не решитесь.

Человек, когда узнает свой интерес, перестанет и т. д.

Прекрасная *фраза*. Но тут именно забыт ответ на ясно поставляющийся сам собою вопрос: что такое свой интерес и в чем он состоит?

---

[1] несколько господ, занимающихся литературой (*франц.*).
[2] *Далее было начато*: Куда
[3] даром *вписано*.

Они разом решили: всеобщее матерьальное богатство.

Этот пункт [1] у них бесспорный и даже не требует разрешенья. В Белой Арапии это поставлено идеалом.

Для этого нужно было всем смириться и согласиться жить в обществе, весьма похожем на муравейник.

Но так как они предчувствовали, что им возразят: что человек не согласится столько пожертвовать, — то они прямо ударились в нигилизм и стали отрицать человека, чувство, душу, религиозность, искусство, свободу — всё, — отрицать как мальчики, не давая никаких решений и ‹*нрзб.*› только шиши в беспредельное пространство. ‹с. 74› Щедрин о вислоухих и засиживателях, но главное он не подозревал, что написал на «Современник» же.

Стрижи. И назвать-то вы не умели остроумнее.[2] Стрижи ровно ничего не означают в том смысле, в каком вам бы хотелось. А вам, очевидно, очень хотелось. Вот и ракальями, швалью — вы браниться умеете, но ведь это вовсе не остроумие, по недостаток остроумия.[3] Jupiter — и хоть вы не Юпитеры.

Стрижи обозначают ясную погоду.

Ну, а шиши, действ‹ительно›, нечто означают. Но как ни мерзит — не скажу, чтобы давать прозвища было нечто глупое. *Это* полезно‹е›

Шиши, как вам кажется?

Угодно ль на себе примерить?

А ведь согласитесь, что ужасно впору и премило сидит на вас.

. . .Крошечный шиш, так сказать, шишенок, — какой-нибудь из ваших поэтов с гражданской слезой на глазах.

Разжалобить публику. Ну так нет! Согласитесь сами, что я бы это гораздо раньше мог сделать. Просто я выставил о факте, заявив, что ругают моего доктора, а меня корят тем, что я больной. ‹с. 75›

‹IV. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг.›

Политические статьи. Заметки.

19 августа. В политическую статью.

1) Entente cordiale.[4] Поплатилась покамест Дания. Но на восточном вопросе они согласны против России. Разногласие будет тогда, когда кто-нибудь из них обеих — или Англия, или Франция, — приобретет слишком уж большой перевес перед другой державой, и entente cordiale нарушится. Этого нам должно желать. Тогда ввяжется и Россия. Наверно, кончится разделом Турции между 3-мя державами: Францией, Англией и Россией,[5]

---

[1] *Было*: вопрос

[2] *После*: остроумнее — *начато*: потому что

[3] *К слову*: остроумия — *вариант*: аргументов

[4] Доброе согласие (*франц.*).

[5] *Рядом с текстом*: приобретет ∾ Англией и Россией — *на полях вписано*: NB. Пока французы будут ждать, что больной человек цивилизуется.

и этот раздел поставит нас во вражду с Австрией. Но это в отдаленном будущем. Но мало ли что будет в отдаленном будущем. Не забудем того, что отдаленное будущее теперь какие-нибудь 30—40 лет. Супрематия Пруссии.

2) Ну, а случай в отдаленном будущем (оружие) (Америка изобре‹ла›.) Тогда всё переменится.[1] Границы нарушатся (о внутренней племенной национальной силе, которая должна заменить границы естественные). Почва, дух народный.

3) Эмиль Жирарден «Le Droit» («Голос»).

4) Статейка о естественных границах (из этой статейки переход на почву). Ложь Руссо («Le Droit». Эм. Жирарден). Историческая правда. Социалисты: два миллиона голов. Польша и социалисты. Банкет Гарибальди ‹с. 3›

19 августа. Полити‹ческая статья›

5) Наша цивилизация и европейская. Не хотим европейской. Всё различие: Вера, Будущее. Разумеется, не такие гадания, как книга Шедо-Ферроти. О книге Шедо-Ферроти.

6) Обо всех европейских державах порознь. Крупная история дел за всё лето. Пальмерстонова речь избирателям. (См. газеты за 19-е августа.) Кто умен ‹?›

Талер, деньги, идол, бог.
Падение идеала в Европе.
Франция давно не первенствовала, их идеал обшарпался.
Илья Муромец. Смирение.

21 августа. Статья «*Morning Post*», хвалебная Наполеону, по поводу именин его (см. «Московск‹ие› ведомости», 19 августа).

В том же № «М‹осковских› вед‹омостей›» статья из «*Journal des Débats*» (ставшего официозным) о похищении в Риме мальчика Коена: грозятся папе.

NB. Папская власть падет. Может быть, падением поднимется и очистится, но не пойдет впрок; ибо очистится кунштиком. Нет веры в самом ‹с. 5› папе. В служителях церкви — разве суеверие. (Попытки обновленного христианства в величайших представителях католицизма, Ламенне, Лакордер.) Наивные богомольцы во всем свете будут поражены падением светской власти папы, и их теплое сочувствие к падшему папе дойдет до энтузиазма и, наверно, будет иметь сильное влияние на дела Европы. У них явятся такие поклонники, на которых Римский двор даже и не рассчитывает теперь. Помутится Европа, и много сил в Европе уйдет на это движение в пользу папе и на противудействие этому движению. Этого надобно ожидать. С другой стороны, и церковь обновится — но не иначе как в кунштик, как в два фазиса — в иезуитизм и в социализм. Она соединится прямо с революционерами и с социалистами — в искренних представителях своих искренно, в неискренних — разбойнически (вроде того,

[1] *После*: переменится — *было начато*: О крепост‹и›

как теперь помогает разбою в Италии), но не иначе как в том и другом случае привнеся в революцию иезуитизм.[1]

NB. О социалистах (глубокая противуположность ‹с. 7› социализму христианства). Лучиночки и братство.[2] По крайней мере католики (церковь [3]) допустят *все средства* (после падения власти) и этим одним уже примут и внесут иезуитизм. (Нидерланды и происки католической партии). Хомяков, гадкая статья Чаадаева.[4]

21 августа. «Голос» 20 августа (отмечено).

23 августа. «Московские ведомости». Суббота 22 августа. NB. Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то это даром не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн.

Пруссия разыгралась. Нет чувства меры. Бредит военными делами. Маршируют в ряд.

Смотри NB, поставленное мною в «Москов‹ских› ведом‹остях›». (выписка).

NB. «Если б я был дипломатом,[5] я, на месте России, не дарил бы никого своим союзом, а показывал бы величайшее равнодушие — быть или не быть в том и другом союзе. Загадочное положение придало бы мне много интересу. Меня бы начали куртизанить. С другой стороны, я бы много наблюдал и не давал бы завязываться чему-нибудь мне невыгодному, и если б дошло *до дела*, вдруг связался бы в союз там, где и не ожидали и где, по расчетам, было бы мне всего выгоднее. Но главное — реформы внутри и чугунки». ‹с. 9›

29 августа. «Journal de St. Pétersbourg» 27—28 августа. О поляках. Между прочим: иезуитизм сгубил их. Что такое иезутизм? Перевести эту статью и перейти к иезуитизму и папству. Сущность папства. Умирание его. *Доказать*, что папство гораздо глубже и полнее вошло *во весь Запад*, чем думают, что даже и бывшие реформации есть продукт папства, и Руссо, и французская революция — продукт западного христианства, и, наконец, социализм, со всей его формалистикой и лучиночками, — продукт католического христианства.

Совершенная логичность в постройке идеи: что если папа владыка духовный и если церковь совмещает в себе ответы на всё и ключи будущего, то ясно, стало быть, что кому ж и подчинены должны быть все, как не папе (логистика в характере римской постройки. Хомяков). Папство как бы должно [6] было восстановиться. Нарисовать идеал папы: ‹*нрзб.*› Христов наместник, владыка. Переход к русскому духовенству. Братство.

---

[1] *Было*: социализм
[2] *Далее начато*: Ниде‹рланды›
[3] *После*: церковь — *начато*: не остановит
[4] *Вместо*: гадкая статья Чаадаева — *было*: Чаадаев.
[5] *Было*: ловким дипломатом
[6] *Над словом*: должно — *вариант*: могло

Ссора принца Вельского с матерью. Речь Персиньи. *Католицизм* (*сила ада*). Безбрачие. Отношение к женщине на исповеди. Эротическая болезнь. Есть тут некоторая тонкость, которая может быть постигнута только самым подпольным постоянным развратом (Marquis de Sade). Замечательно, что все развратные книжонки приписывают развратным аббатам, сидевшим в Бастилии, и потом в революцию, за табак и за бутылку вина. Влияние через женщин. Книга Мишле.[1] ‹с. 11›

30 августа. Духинский («От‹ечественные› зап‹иски›». Июль).

Россия, ее назначенье. О покорении духом, а не ме́чем.[2] *NB. главное.* Прежнее построение Европы искусственно-политическое всё более и более падает перед стремлением к национальным народным построениям и обособлениям (представительница этого построения — Австрия).

Построиться иначе — может быть, главная задача 19-го века. Тогда-то и возможны будут правильные международные отношения, и догадаются, может быть, народы, что не следует мешать друг другу и интриговать друг против друга. Потому что каждая нация, живя для себя, в то же время, уже тем одним, что *для себя* живет, — для других живет. (NB. Каждая нация принесет свою часть развития в общенародное целое[3] и проч.) ‹с. 13›

Коен и католицизм. (Что можно проиграть из-за какого-нибудь Коена). Останется не любовь, а страх.

14 сентября. Нравственность народа ужасна. Вот плоды крепостного состояния. *Нигилисты в народе.* Солдат, не верующий в бога, кормилица.[4] Наука нужна. Нужно что-нибудь, чтобы он сам решил любить и уважать, а не то, что ему навязано. Впрочем, разгул и масленица после крепостного состояния. ‹с. 14›

Семинаристы.

Пеш и бос.

Миром управляют поэты (900 Андр‹еев› Алекс‹андрович›ей).

Рутина и ее качество. (Мир заждался господина.)

Нигилизм (подробнее).

1) Об отношениях к женщине. Семена Захожева записки.

Именье. (Бедная женщина. Статья Сол‹овье›ва). ‹с. 17›

СОЦИАЛИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

В социализме — лучиночки, в христианстве крайнее развитие личности и собственной воли.

Бог есть идея, человечества собирательного, массы, *всех*.

Когда человек живет массами (в первобытных патриархальн‹ых› общинах, о которых остались предания) — то человек живет *непосредственно*.

---

[1] Книга Мишле. *вписано рядом с текстом*: *Католицизм* ∾ через женщин.

[2] *Было*: мечом

[3] *Вместо*: в общенародное целое — *было*: в общенародную час‹ть?›

[4] Солдат ∾ кормилица *вписано*.

Затем наступает время переходное, то есть дальнейшее развитие, то есть цивилизация. (Цивилизация есть время переходное.) В этом дальнейшем развитии наступает феномен, новый факт, которого никому не миновать, это развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных, законов масс). Человек как личность всегда в этом состоянии своего общегенетического роста становился во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и *всех*. Терял поэтому *всегда* веру и в бога. (Тем кончались всякие цивилизации. В Европе, например, где развитие цивилизации дошло до крайних пределов, то есть до крайних пределов развития лица, — вера в бога в личностях пала.) Это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о боге тому свидетельствует. Второе свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и всё сознает.

Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели — мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. Указан Христос. (NB. Ни один атеист, оспоривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что ОН — идеал человечества. Последнее слово — Ренан. Это очень замечательно.)

В чем закон этого идеала? Возвращение в непосредственность, в массу, но свободное и даже не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно сильному, непобедимому ощущению, что *это* ужасно *хорошо*. ‹с. 21›

И странное дело.[1] Человек возвращается в массу, в непосредственную жизнь, след‹овательно›, в естественное состояние, но как? Не авторитетно, а, напротив, в высшей степени самовольно и сознательно. Ясно, что это[2] высшее самоволие есть в то же время высшее отречение от своей воли. В том моя воля, чтоб не иметь воли, ибо идеал прекрасен.

В чем идеал?

Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое *я* — и отдать это *всё* самовольно *для всех*. В самом деле: что станет делать лучшего человек, *всё* получивший, *всё* сознавший и всемогущий? Если вы его оставите в раздробленном на личности состоянии, то вы дальше *брюха* ничего не получите. Социалисты дальше брюха не идут. А наша «Молодая Россия» — только и делает уже несколько лет, что стремится всеми силами своими доказать, что дальше и всего того, что в нем заключается, ничего и нет. Пусть смеют они отрицать их. Да [и] они и не станут отрицать. Они *с гордостию* в этом признаются: сапоги лучше

---

[1] *Далее было начато*: массе
[2] *Вместо*: Ясно, что это — *было*: Это

Шекспира, о бессмертии души стыдно говорить и т. д., и т. д.[1] А по Христу получите:

Есть нечто гораздо высшее бога-чрева. Это — быть властелином и хозяином даже себя самого, своего *я*, пожертвовать этим *я*, отдать его — всем. В этой идее есть нечто неотразимо-прекрасное, сладостное, неизбежное и даже необъяснимое.

Необъяснимое именно.[2] Начни объяснять социалист, — он скажет: это потому, что если представить себе, что всякий отдаст *всё*, даже себя, даже *я* свое для всех, то, значит, не будет бедного, а все страшно будут богаты. И соврет социалист грубо, гнусно и пузато. Ибо хотя действительно так, то есть все будут богаты, но на этом социализм и останавливается. Да и быть того не может, потому что социалист не может себе и представить, как можно добровольно отдавать себя за всех, по его, это безнравственно. А вот за известное вознаграждение — вот это можно, вот это нравственно.[3] А вся-то штука, вся-то бесконечность христианства над социализмом в том и заключается, что ‹с. 22› христианин (идеал), всё отдавая, ничего себе сам не требует.

Мало того: даже враждебен к идее о вознаграждении, о гонораре, он понимает ее как бессмыслицу и примет вознаграждение только от любви к дающему или потому только, что чувствует, что после этого еще сильнее будет любить дающего (новый Иерусалим, объятия, зеленые ветви).

Впрочем, социализм даже и до такого[4] объяснения христианства рационально не доходил, а доходили только некоторые его представители, да и то поэты. Всё же будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели — в сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных обязанностях, и высшая его мораль при этом, *высшее* ободрение человечеству состоит в том[5] уверении и ободрении прозелитов,[6] что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для *самих себя*, в собственном интересе, travail, дескать, attroyant.[7]

Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там. . . не верьте Апокалипс‹ису›.

Социализм есть последнее, крайнее до идеала развитие личности, а не норма, то есть сознательно развитые единицы личностей, в высшей степени, соединенные тоже в высшей степени во имя красоты идеала, и дойдет до убеждения, сколько разумного, столько и *всем человеком* (то есть самого непосредственного) —

---

[1] А наша «Молодая Россия» ∾ т. д. *вписано.*

[2] *Вместо*: именно — *было начато*: пот‹ому›

[3] Да и быть того не может ∾ нравственно. *вписано между строками и на полях.*

[4] *Было*: до этого

[5] *Было*: в том, что

[6] *К словам*: и ободрении прозелитов — *вариант*: и вещании прозелитам

[7] труд привлекателен (*франц.*).

что самое высшее[1] распоряжение собой — это пожертвовать даже собой.

Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация — среднее, переходное. Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается[2] идеал, след‹овательно›, уж по одной логике, ‹с. 23› по одному лишь тому, что в природе всё математически верно, след‹овательно›, и тут не может быть иронии и насмешки, — есть *будущая жизнь.* ‹с. 24›

I

С Петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе. Оттого развилось сознание и самоанализирование, но материалу для познавания (непосредственно народной жизни) всё менее и менее становилось («День», № 5, 65 г.).

NB. Социальные теории уже тем грешат, что они есть продукт этой высшей отломленной жизни. Человек отрезал себе нос и все члены, и радуется, что без них можно бы обойтись, тогда как наоборот надо бы, то есть стремиться дать развитие всем отрезанным членам. ‹с. 25›

В «Записную книгу». Процесс Никитченко. ‹с. 96›

Передовая статья.

. . .И вот всё поколенье оказалось несостоятельно, и это плоды трудов Петра! Что принесло, чем кончило наше поколенье: социальные не свои теории и рабскою боязнию иметь свою мысль («Совр‹еменник›», «Рус‹ское› слово»). И это еще лучшее, потому что что ж представляют нам другие-то представители высшего общества? Ломаный французский язык с акцентом и доживание доходов, а остальная огромная масса живет, перебиваясь копейками и ничего не видя, кроме своих интересов. Это даже и не буржуазия; это какие-то *вполне уж личинки.* Своя связь была нарушена, новая не завелась под гнетом административных начал, а у *буржуазии* по крайней мере до конца концов было что-то, что ее связывало.

Есть еще доктора, студенты; эти — или обличиваются ‹?› как-нибудь и где-нибудь, или идут в социалисты-западники. До того нравственная связь плоха, что нигилистки родят и вытравляют.

---

[1] *Было*: лучшее
[2] *Было*: кончается

В объявление о журнале

Искусством мы потому занимаемся особенно, чтоб заявить о нашем уважении к органическим проявлениям жизни духа, который хотят игнорировать *нравоучители*.

Записки журналиста

«Я надломлен» («Уголки поэзии»). Что это они как скоро все устали; господи, как скоро устает это поколение отрицателей!

Да чего ж он не сунулся-то к ней (к Лилиньке). Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: *она* бы жила на его руках, и он бы чувствовал, что она бы жила (хотят счастья только себе). Расходятся из эгоизма направления, в безмолвном и гордом страданье. Бессмысленные романтики — да им всех хочется, так и прите за всех на крест, и то счастье.

Что останется после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица!

Да бедны мы. Э-эх!

Как это оправдывает. Но может ли эта ничтожность их намерений быть счастливыми мешать? Их счастью помешает. Но намерение. . . нет, не должно. Немецкий это расчет, а не гуманный. Да даже и расчет на их стороне. Ведь работает же Лилинька, работает же и он, — ну, работайте вместе.

Письма об *исходе* (отрывки и планы).[1]

Некрасова продернуть.

Дешевый гуманизм г-на Щедрина.

Г-н Пыпин есть только либеральный барабан и больше ничего. ‹с. 136›

В статью *ответ «Современнику»*.

Всё это было чрезвычайно комично: сначала уничтожался Тургенев[2] (из угожд‹ения› «С‹овременни›ку») за то, что он художник, и вдруг выдумывают про г-д Зайцева и Писарева, что они засидели идею, как мухи, — за то же самое, за их антихудожественность. Всё это комично. Зачем же на полпути останавливаться? Когда выход — Зайцев. А г-н-то Пыпин что тут делал? Несчастный г-н Пыпин, не знающий куда ему деться: туда или сюда? ‹с.137›

Кумиры западнические разбились (Гер‹цен›), но внутри у нас только Катков. Но общество требует нравственной приманки, требует любить, уважать и идолопоклоняться. А нравственной приманки у г-на Каткова нет никакой.

Остается Акс‹ако›в?

---

[1] *К слову*: планы — *вариант*: намеки

[2] *Над словами*: уничтожался Тургенев — *вписано*: вошел в интерес «Современника».

Статья о Тьере «Современника» — развить в статье образ действий Тьера и белоараповцев.

В романе Ахшарумова, 3-я часть. Осел-герой не знает, жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

— Не хочу жить на твой счет, — говорит героиня герою. Все они боятся этого как чумы. Это безнравственно. Это — делиться, начала разделения, это — хлопотать о своей ювелирской вещице — личности. Еще правило — *единственность* сюжета нигилистических романов.

Еще что

Тут нигилисты противуречат себе, тут они мещане и собственники.[1]

NB. Из этого статью: Нигилистические романы. ‹с. 138›

Вы были ряд нахальных бездарностей, вы и простояли очень недолго.

Чернышевский порядочный компилятор, не всегда, впрочем, добросовестный.

9 сентября. В статью «Яблоко натуральное» и проч. В человеческом уме понятие о предмете, и даже совершенно цельное понятие, всегда предшествует основательному знанью этого предмета. Итак, мы воспринимаем природу целым, но бессознательно или малосознательно.[2]

Даже так:[3] знание предмета, если оно еще не совершенно полное, может вредно влиять на цельное восприятие предмета.

(Вопрос: что мы знаем цельно?) Строго говоря: чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь. Пропорционально накоплению сознания теряет он и жизненную способность.[4] Итак, говоря вообще: сознание убивает жизнь. В людях простых, может быть грубых и неразвитых, одним словом, в таких, как мы[5] все, — всё, что мы сказали теперь о парализации жизни, выразилось одним грубым и откровенным выражением, которое вовсе не так глупо, как обыкновенно на него смотрят: «Э, да всё это философия!» — говорят иногда эти люди и говорят правду, глубокую правду. Замечательно, что эта поговорка[6] существует у всех цивилизованных народов. Как люди свежие, не окалечившиеся[7] мыслью, они не могут без смеху смотреть, как сознание хотят нам выдать за жизнь. Но сознание идет иногда еще дальше и еще смешнее: это когда оно хочет заменить жизнь теориями о ней, основанными на знании, прямо вытекшими из знания. Не мешает об этом подумать нашим теоретикам и белоараповцам.

---

[1] Тут нигилисты ∾ собственники. *вписано на полях.*

[2] или малосознательно *вписано.*

[3] *Далее было начато*: мож‹ет›

[4] Строго говоря ∾ способность *вписано.*

[5] *Было*: вы

[6] *Было*: это выражение

[7] *Вместо*: не окалечившиеся — *было начато*: трону‹тые›

Тип этих чревовещателей Белой Арапии — это евнух Пушкина (которого они так не любят) в «Бахчисарайском фонтане». Этот евнух смотрит так же холодно [1] и метафизически на настоящую горячую жизнь и так же хорошо понимает ее, как и наши белоараповцы. Сознанье — болезнь. Не от сознания происходят болезни (что ясно как аксиома), но само сознание — болезнь. ‹с. 139›

Мне нужно то, что у меня есть, а чего нет, я не хочу присвоять себе. Может быть, у меня есть талант, может быть, я когда-нибудь докажу, что у меня был талант даже значительный, может быть, окажется, что талант был только посредственный. Пускай!

«А вот отделал я их». А вы тут, верно, стояли да мне поддакивали. Я редко в таком смысле бываю откровенен с людьми, не разделяющими моих убеждений, и потому вы, верно, делали вид, что разделяете мои убеждения, и поддакивали. А теперь вот сплетничаете. И только это-то вы и могли найти на меня из фактов? Да кто ж не рад,[2] когда удалось отделать. Признаюсь, я очень бывал рад иногда.

Только «Стрижей» не вы писали, в «Стрижах» есть веселость. . .[3] А что, если вы солгали?

Капитолий

Вы ошибаетесь, г-н Посторонний сатирик. Смотрите, не подставляете ли вы свою физиономию под публичный плевок.

Забезобразничались. Да разве не возмутительно видеть шулера-сатирика, который годился бы разве в маркеры и проч.

Вы исчезаете, вы исчезнете, яко прах, — и беситесь и злитесь — вы, относившиеся с презрением и ненавистью к народному духу, к народным силам и ко всему русскому.

Вы не понимаете в искусстве *ничего*, в *высшей степени ничего*. ‹с. 140›

Во-1-х, эту статью вашу я не читал двадцать дней после ее появления, потому что мне было некогда и этому есть свидетели. Даже и № «Современника» я отдал в чужие руки. Вы очень интересуетесь, ну так я вам это и объявляю.

«А вы и рады». Мне жаль их как людей и литераторов. Про это мы и говорить не будем. В этом отношении меня знают хорошо другие люди, люди *честные*, м‹илостивый› г‹осударь›, и мне говорить с *вами* об этом значит унижать себя.

Во мне много есть недостатков и много пороков. Я оплакиваю их, особенно некоторые, и желал бы, чтоб на совести моей было легче. Но чтоб я вилял, чтоб я, Федор Достоевский, сделал что-нибудь из выгоды или из самолюбия, — никогда вы этого не докажете и факта такого не представите. (Вы меня вынудили сказать это. Вы *лично меня* назвали, вы лично напали на меня.) Наперед вам я это говорю, я бы не стал унижаться, а перед пе-

---

[1] *Было*: равнод‹ушно›
[2] *Было начато*: не сплет‹ничает?›
[3] *Далее было начато*: Вы

чатью с гордостью повторяю это. Не стану защищать себя фактами. Об этом другие за меня засвидетельствуют, что я не предал раз в жизни [1] за выгоду, на это есть фактические доказательства, и желаю, чтоб вы о себе тоже могли представить. А между тем неизвестно даже, кто вы такой?

А между тем вы своим изменили (когда на нас клеветали, что мы просили прощения). Ведь чем тогда вы маскировались?

«Били кулаком в стенку». Я соглашаюсь, что с моей стороны это было тогда легкомысленно, была юмористика — именно то, в чем я упрекал г-на Щ‹едрина›. Но теперь, теперь я уже не скажу, что это легкомысленно. Теперь я думаю, что это действительно было так.

Об искусстве. Финал. Не беспокойтесь, это вовсе не так глупо. Я *знаю, что пишу правду и дело.* Только поняли ли вы-то меня? [2]

Вы теперь погибли, вы теперь раздавлены и проч. Сам трубит победу. Это старые и чрезвычайно глупые приемы, которые надо бросить. Очень уж глупо, и себя очень выдают они. ‹с. 141›

Как будто тут есть что-нибудь:

Помещать статью, хотя бы и в журнале с враждебным направлением. Тут ровно ничего дурного — если вы помещали то именно, что вы в каждом журнале поместили бы. Другое дело начать петь с чужого голоса. ‹с. 142›

Да, я болен падучею болезней, которую имел несчастье получить 12 лет назад.[3] Болезнь в позор не ставится.[4] Но падучая болезнь не мешает деятельности. Было много даже великих людей в падучей болезни, из них один даже полмира перевернул по-своему, несмотря на то, что был в падучей болезни. К каким приемам вы прибегаете.

У нас нет вестовщика. Ведь вы его не назовете. Назовите-ка. А вот вы так говорите, что у вас есть вестовщик.[5]

«Он мне сам [6] говорил». Стало быть, вы меня знаете, зачем же прячетесь. Если вы знаете, то [7] знаете и больше. Ну что ж вы можете сказать? Скажите. Не то ли, что у меня и доктор пил. Не то ли, что я, может быть, вам же делал добро. Я знал двух, которые мне напакостили [8] и которые, кроме помощи,[9] ничего от меня не видели. Таких множество.

Вы не выставите ни одного факта про меня лично, про Федора Достоевского, чтоб я вилял из-за выгод, из-за почестей, из-за самолюбия.

---

[1] раз в жизни *вписано*.

[2] *Вместо*: вы-то меня — *было*: вы насчет

[3] *К словам*: имел несчастье ∾ назад — *вариант*: получил в неприятную эпоху жизни.

[4] *Далее было*: но если

[5] *Далее было*: Заметьте, я не говорил ему, что он г-жа Музовкина.

[6] *Вместо*: сам — *было*: много

[7] *Далее было начато*: дол‹жны?›

[8] *Вместо*: мне напакостили — *было начато*: отвернул‹ись?›

[9] *Было*: добра

Я с благородной гордостью говорю это.

Говорю и в литературе.

Но ведь это вещь серьезная (монастырка), ведь это извращение понятий юношества, извращение законов природы. Ведь эти понятия яд. До известной широкости понимания *доходят, только* перейдя юношество.

Вы подкрепляете свое свидетельство тем, что меня знаете. Если это не ложь, призовемте третейский суд, и тогда явитесь на него и докажите: что вы, во-1-х, меня видели в смешном положении, что я вилял когда-нибудь из выгод, чтоб я писал о честности, будучи вором, и, будучи вором, спекулировал бы на либерализм и на народные слезы, что я брал напрокат псевдонимы и, наконец, что на меня можно кому-нибудь плюнуть. Докажите, что я не честный литератор, и посмотрим, что скажет третейский суд. Что я когда-нибудь заботился очень о личном моем авторитете и проч.

Вспомните Кречинского. Он именно говорил о плевках. Чтоб с вами того не случилось.

О Тургеневе.

Но ведь то, что написал г-н Антонович, было слишком глупо даже и для г-на Антоновича. <с. 143>

«Современнику».

«Дорого бы дали и проч.» — нет-с, дорого нельзя дать.

Во-вторых, вы до того озлились, что подставляете бока. (Вы сначала учите злости: одна баба наговорит, а другая обдаст одним словом), а выдержать не умеете, тотчас же всю подноготную и лезете высказывать. И выходит баба, которая ничего в себе удержать не умеет.

(Теория яблока).

Ведь он опять солгал. (Если когда-нибудь окажется, что это он написал «Стрижей», значит, он опять солгал.)

А лгать подло. Оставляю его при его совести. В положение это вы себя поставили себя [1] и навек себя замарали. Музовкина, у вас враги, и всё личные. У вас нет литературных врагов, у вас всё личные.

Не беспокойтесь, я знаю себе цену в литературе, я не г-жа Музовкина.

Я ничего лично не имею против г-на Щедрина, он мне отнюдь не враг. Но я преследовал в нем литератора продажного (что я слыхал лично от г-на Щедрина). Кто ж и мог ему выставить весь позор его положения.

Вам нельзя со мной об этом говорить. Да и я не буду с вами об этом говорить. Об этом другие могут свидетельствовать.

Вы хотите говорить обо мне лично. Вы проиграете. Монастырка <*нрзб.*> глупа.

---

[1] *Так в рукописи.*

Я пишу теперь серьезно, без малейшей претензии на юмористику. Тут дело не в юмористике. Да и неприлично мне *теперь* заниматься с вами юмористикой. Это значит на равную ногу себя с вами поставить. А я могу быть на равной ноге только с порядочными людьми.

А вы этому рады? Чему-с? Не смешивайте двух вещей.

. . .Но вашему замешательству, конечно, рад. А что вы замешались, то в этом сами признаетесь. И это меня удивляет, что вы признаетесь. Судя по вашему тону, вы вовсе не замешались.

Я жалею о безвременно умершем Добролюбове и о других — и лично, и как о писателях. Но из этого сожаления не скажу, чтоб они не врали. Мы говорили это и прежде, и разговор наш был с уважением к всякой статье друг друга. Но у них был талант, а у вас нет... в вас и теперь комизм, что вы их именами прикрываетесь и думаете, что они вам свою репутацию в наследство оставили. Что им следовало, то и вам. Но вы, друзья, годитесь на жаркое. Это вы забыли.

Психологии у вас недостало. Свое должно понравиться уж тем одним, что вы его так высоко цените (не ценили бы, так не цитовали бы).

Это я вам [1] с насмешкой говорю. <с. 144>

Со всем сознанием своего достоинства говорю: вы не найдете таких фактов (чтобы я вилял).

Хотя уж теперь дело идет о г-не Страхове, а не обо мне, и вы продолжите,[2] точно мне говорите, чтоб мне приписать всё то худое, что вы хотите сказать о г-не Страхове. (Ловкий маневр. Коли теща есть, так чтоб и теще). Но я все-таки заступлюсь за г-на Страхова.

Г-н Страхов не побоится сказать, что все ваши «слухи» о сдерживании пера — вздор.[3] Подтвердят, что это вздор, и другие свидетели. Пишу же я вам это вовсе не для того, что считаю важным вас в этом разуверять, а для того, чтоб вывести [4] вас перед читател<ем> — и какие вы люди (вы же побоитесь сказать, что это ложь). Ведь вы очень хорошо знаете и понимаете причину, по которой не отвечал и не отвечает г-н Страхов, зачем же вы лжете?

О дураковой плеши в этих *случаях говорят наверно*. Так делают честные люди по крайней мере.

За что ж вы моего доктора-то обругали? Это ведь в вас злоба.[5] Знал бы, так не связывался. Хотите, я уговорю моего доктора навестить вас?

Воняет, воняет! (поговорка Суворова).

---

[1] *В рукописи*: вас
[2] *Далее было*: мы
[3] *Далее было начато*: То, что он сказал
[4] *Далее было начато*: вам на
[5] *Над словами*: Это ведь в вас злоба — *вариант*: Если теща, так чтоб и теще.)

Нет, г-н Страхов обращался к г-ну Каткову с письмом как к своему знакомому и имел полное право обращаться именно с таким письмом.

Г-н Катков глубоко ошибается. Он теперь сам говорит, что надобно *глубже* смотреть на это дело, не одним внешним образом. Крик у славянофилов.

Каткову не отвечаем. Ведь вы знаете почему? Знаете отлично хорошо, а пишете. Ведь это в высшей степени нечестно.

Впрочем, вы сами говорили от *ред‹акции›*, что всеми средствами (беспрерывное bis).

Нет ни одной статьи, которой бы я скрыл, и не то что по запросам каким-нибудь, а так, по первому спросу объявить готов. Что же запрещено, что ли, писать под псевдонимом? Да вот вы же пишете и даже на раз взяли имя. Я не прячусь, м‹илостивый› г‹осударь›. Я не прячусь, я ни от кого не прячусь. Нет ни одной статьи, от которой бы я отказался (потому что от редакции), выражал мнение редакции. Писали *сообща.* А вот вы так прячетесь, вы говорите, что «Стрижей» написал не Щедрин. А [1] что ж, если это писал Щедрин? Значит, вы солгали и т. д.

Что, если когда-нибудь откроется? Ведь всё открывается. ‹с. 145›

«Современнику».

. . .И до чего вы дошли: две статьи, две статьи, две статьи разом, в одном номере двумя авторами! Даже скрыть не умели, как вы раздражены!

«Соберемся в кружок и хохочем». Если есть словечки, мы хвалим. У г-на Щедрина (М. Е. Салтыкова) бывает иногда ядовитая веселость, — всё же лучше, чем совсем уж плоская бездарность: прочтет кто-нибудь у нас вслух, и мы смеемся. Об этом человек 20 могут засвидетельствовать. А вы так вот напротив. И какие вы унылые теперь стали:

«Угрюмый, верный и тупой. . .»

«Ослом»; да я из одного уважения к самому себе не захочу так ругаться.

Кто вас в огород пустил?

Вы мещане социализма, точно так же, как «Голос» — мещанин либерализма.

По обыкновенному, по мещанскому, по вашему понятию (жену не надо любить, и дурак, что любит).

Какой вы сатирик! Вы ругатель, а не сатирик.

Вы ничего не можете доказать про меня. Я же вот представил два доказательства: одно математическое, а другое теперь, которое и оставляю на совесть.

Письмо к Каткову. Ведь вы же не можете сказать, что г-н Страхов тут унижался, что он неискренно говорил, что он просил про-

---

[1] *Далее было:* вот

щения. Он излагал свои убеждения в этом письме сознательно, ясно и с достоинством.

Но я вовсе не признаю за авторитет г-на Каткова. Он ошибался положительно, да! да! да! Глубже. . . Катков брал у нас всё. <с. 146>

NB. Нигилистический роман. Его концепция — всегда одно и то же: муж с рогами, жена развратничает и потом опять возвращается. Дальше и больше этого они ничего не могли изобресть.

Об обеспечении духовенства. «*День*» *29 августа.*

Финал моей статьи: в ответ «Современнику» на его майскую выходку против «Дня».

Мы вовсе не такие почвенники, чтоб отвергать общечеловеческий идеал и, призывая к почве, — тупить людей, суживать их горизонт и стеснять горизонт. Мы потому, главное, не таковы, что христиане, вполне христиане. А первый догмат христианства — общность закона для всех, общность идеала, все братья. «Шедше научите вся языцы» и проч. Поймите же нас. Мы почвенники, во-1-х, потому, что верим, что ничего на свете не происходит отвлеченно (вне настоящей, исторической) жизни и скачками. Если можно согласиться с идеями Бокля о влиянии климата и других вещей на образ развития и круг понятий народов, то ясно из этого же, что по прекращении этих условий прекратятся и понятия народов, образовавшиеся под этими условиями. Почва обработанная изменяет климат (население), железные дороги сближают расстояния и т. д. Если в самом деле правда, что народы магометанские и не могли быть не магометанами, то правда и то, что обращаться в христианство они и не могли раньше срока *всем народом*, а только разве <с. 147> отдельными личностями. (Теперь все обращаются). Следственно, и мы, прежде чем не выживем всего своего и не станем общечеловеками. Во-2-х). Путь ваш к достижению общечеловеческого идеала нам кажется неправильным; ибо чтоб *выжить* из прежних идей и усвоить, *нажить* себе новые идеи, влечения и стремления, — нужно действительно жить настоящей жизнью, а не одним только мозгом, общим мышлением. (NB Прим<ер>: Общая идея сострадания и человеколюбия и более частная: сожалей, дескать, вот этого — понятнее. В 1-м случае мышление, во 2-м действительная жизнь). А чтоб настоящим образом, то есть взаправду, жить — надо быть у себя, своим, почвенным; земским и проч. и выжить всё на практике (и потому ваш прием ложен). А в-3-х и главное (что собственно составляет не одну идею почвы, а нашу, собственно отличительную характеристику нашего журнала) — мы верим, что наш, собственно наш, *русский* почвенный идеал несравненно *выше* европейского (что он только сильнее разовьется от соприкосновения и сравнения с европейским). но что он-то и возродит всё человечество.

Развитие.[1] Все признаки этого, понятие о геройстве, о общинном владении, о собственности. Там социализм и лучиночки, у нас братство, там личность, у нас общность, и в этом смысле Духинский прав.

Вы верите в l'homme de la raison, в l'homme de la nature и de la vérité [2] и не замечаете, что он — кукла, которая не существует.

Напротив, l'homme de la nature et la vérité есть тот, который есть. <с. 148>

Естественные науки, именно на которые вы упираетесь, должны бы прежде всего вас этому научить. Одно бы вас извинило [3] несколько: это то, если бы вы в l'homme de la nature et de la vérité верили как в идеал. Но ясно, что нет, ибо вы тогда верили бы, что человек остановился, или не верили бы, что человек со временем может быть l'homme de la nature et de la vérité.

— ваши романисты выдумали только разврат в браке. <с. 149>

<V. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1864—1865 гг.>

Политическое обозрение

Новые изобретения вроде пороха.

В то время, когда Гольштейн со Шлезвигом <. . .> [4] у нас Кавказ покорен. Все наши искусственные границы (Финляндия, Польша) суть естественные и приобрет<ены> бессознательно. У нас собственный <?> мир <?> и нам надо, стало быть, Турцию. Но приобретя это всё, Россия берет на себя обязанность <. . .> (ассимиляция внешняя — Катков, внутренняя — «День»). Поляков и турок нельзя сделать русскими насильно, но надо их ассимилировать развитием <?> русского духа (почвенные идеи) [5] <. . .> Пруссия силой соберет Германию. Австрия — швах перед ней. Внешние ухищрения. <. . .> другое дело — Пруссия. Силой она соберет Германию, в то время когда Австрия будет разлагаться <?>. Западная Германия частию примкнет к Пруссии, частию — к Франции. Тогда изменится карта Европы.

Весь реализм Писемского сводится на знание, куда какую просьбу нужно подать.

Сила не нуждается в ругательствах.

---

[1] Развитие *вписано.*

[2] человек разума, человек природы и правды (*франц.*).

[3] *Вместо*: извинило — *было начато*: измен<ило>

[4] *Последующая запись, сделанная карандашом, в значительной степени стерта. Поврежденные места отмечены*: <. . .>

[5] *Далее две строки не разобраны.*

Обломов.[1] Русский человек много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он палач себе за это. Это самое характеристическое свойство русского человека. Обломову же было бы только мягко.

Это только лентяй, да еще вдобавок эгоист.

Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. Он также и барич,[2] но и барич-то уже не русский, а петербургский.

«С<овременни>ку». Всё из лучиночек, взгляд комический. Вы так сделали, что ваш взгляд уважать нельзя.

Всё мещанство социализма проявилось в вас, так же как в «Голосе» — всё мещанство петербург<ско>го либерализма.

Пишущий с акцентом вроде того, как говорят с акцентом.

Ант<онович>

Мало того, разрушил — сдунул г-на Тургенева с русской литературы.

Свою мертвящую хронику прогресса.

Малоизвестный г-н Пыпин обер-ши<ш>

Просто шиш г-н Ант<онович> и маленький шиш Н. Г.-М. с гражданской слезой на глазах.

Каткову.

Вы пользуетесь теперь русским духом как государственный человек, в виде хорошего средства для вызова, но вы этим не вызовете.

Для «Голоса»

Серебром лишь побряцал он

На небе много звезд прекрасных — одним словом, ровно столько же, сколько может явиться в Петербурге политических обозревателей (серебром лишь побряцал он).

Нашелся же для известных идей г-н Скарятин. Найдутся и Анд<рея>Краевского люди,[3] которые будут ему писать всё что угодно и *как* ему угодно, одним словом, будут развивать его литературные мысли и даже мечты, так как самому ему, за делами, некогда.

Передовые статьи в генваре

О помещичестве и белоручничестве в нашей литературе

О примирении *общечеловека с почвой*

---

[1] Обломов *вписано.*

[2] *Вместо*: Он также и барич — *было*: Это барич

[3] *Было*: писатели

Тема

То, что называется в России *обществом*, набиралось и составлялось из помещиков. В последнее время из чиновников (буржуазия).

Теперь помещиков нет. Наше общество должно быстро измениться.

Яблоко натур<альное>

Вы хотите заставить человечество не объясняться образами. (режь нос). Человек с самых первых времен объяснялся образами. Каждый язык полон образами и метафорами. Вы посягаете на образное изложение мысли, вы заговорщики против прогресса, бедные, несчастные невежды.

Формульность — достояние.

Рама есть удел Запада, от формулы они и погибнут, формула тянет к муравейнику. Как можно больше оставить на живого духа [1] — это русское достояние. Мы приняли святого духа, а вы к нам несете формулу.

Дв<ойниче>ство.

---

[1] *После*: духа — *начато*: тогд<а>

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РЕДАКЦИОННЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЖУРНАЛОВ «ВРЕМЯ» И «ЭПОХА» (1862—1865)

1862

‹1. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВРЕМЯ» НА 1863 г.›

«Время» в будущем 1863 году будет издаваться под тою же редакцией, в том же составе и в том же направлении, как и в настоящем году. В будущем месяце мы надеемся представить подробный отчет нашим читателям как о пути, уже пройденном нами, так и о том, в чем состоят теперь надежды и намерения наши. На этот же раз мы ограничиваемся этим коротким объявлением о продолжении нашего издания.

‹2. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВРЕМЯ» НА 1863 г.›

«ВРЕМЯ» ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ИЗДАВАЕМЫЙ М. ДОСТОЕВСКИМ

С будущим годом начнется третий год издания нашего журнала. Направление наше остается то же самое. Мы знаем, что некоторые из недоброжелателей наших стараются затемнить нашу мысль в глазах публики, стараются не понять ее. Недоброжелателей у нас много, да и не могло быть иначе. Мы нажили их сразу, вдруг. Мы выступили на дорогу слишком удачно, чтоб не возбудить иных враждебных толков. Это очень понятно. Мы, конечно, на это не жалуемся: иной журнал, иная книга иногда по нескольку лет не только не возбуждают никаких толков, но даже не обращают на себя никакого внимания ни в литературе, ни в публике. С нами случилось иначе, и мы этим даже довольны. По крайней мере, мы

возбудили толки, споры. Это ведь более лестно, чем встретить всеобщее невнимание.

Конечно, мы оставляем в стороне пустые и ничтожные толки рутинных крикунов, не понимающих дела и неспособных понять его. Они с чужого голоса бросаются на добычу; их натравливают те, у которых они в услужении и которые за них думают. Это — рутина. В рутине никогда не было ни одной своей мысли. С ними и толковать не стоит. Но в нашей литературе есть теоретики и есть доктринеры, и они постоянно нападали на нас. Эти действуют сознательно. И они понимают нас, и мы их понимаем. С ними мы спорили и будем спорить. Но объяснимся, почему они на нас нападали.

С первого появления нашего журнала теоретики почувствовали, что мы с ними во многом разнимся. Что хотя мы и согласны с ними в том, в чем всякий в настоящее время должен быть убежден окончательно (мы разумеем прогресс), но в развитии, в идеалах и в точках отправления и опоры общей мысли мы с ними не могли согласиться. Они, администраторы и кабинетные изучатели западных воззрений, тотчас же поняли про себя то, что мы говорили о почве, и с яростью напали на нас, обвиняя нас в фразерстве, говоря, что почва — пустое слово, которого мы сами не понимаем и которое мы изобрели для эффекта. А между тем они нас совершенно понимали, и об этом свидетельствовала самая ярость их нападений. На пустое слово, на рутинную гонку за эффектом не нападают с таким ожесточением. Повторяем: было много изданий и с претензией на новую мысль и с погоней за эффектом, которые по нескольку лет издавались, но не удостоивались даже малейшего внимания теоретиков. А на нас они обрушились со всею яростью.

Они очень хорошо знали, что призывы к почве, к соединению с народным началом не пустые звуки, не пустые слова, изобретенные спекуляцией для эффекта. Эти слова были для них напоминаньем и упреком, что сами они строят не на земле, а на воздухе. Мы с жаром восставали на теоретиков, не признающих не только того, что в народности почти *всё* заключается, но даже и самой народности. Они хотят единственно начал общечеловеческих и верят, что народности в дальнейшем развитии стираются, как старые монеты, что всё сливается в одну форму, в один общий тип, который, впрочем, они сами никогда не в силах определить. Это — западничество в самом крайнем своем развитии и без малейших уступок. В своей ярости они преследовали не только грязные и уродливые стороны национальностей, стороны, и без того необходимо долженствующие со временем уступить правильному развитию, но даже выставляли в уродливом виде и такие особенности народа нашего, которые именно составляют залоги его будущего самостоятельного развития; которые составляют его надежду и самостоятельную, вековечную силу. В своем отвращении от грязи и уродства они, за грязью и уродством, многое проглядели и многое не заметили. Конечно, желая искренно добра, они были слиш-

ком строги. Они с любовью самоосуждения и обличения искали одного только «темного царства» и не видали светлых и свежих сторон. Нехотя они иногда почти совпадали с клеветниками народа нашего, с белоручками, смотревшими на него свысока; они, сами того не зная, осуждали наш народ на бессилие и не верили в его самостоятельность. Мы, разумеется, отличали их от тех гадливых белоручек, о которых сейчас упомянули. Мы понимали и умели ценить и любовь, и великодушные чувства этих искренних друзей народа, мы уважали и будем уважать их искреннюю и честную деятельность, несмотря на то, что мы не во всем согласны с ними. Но эти чувства не заставят нас скрывать и наших убеждений. Молчание было бы пристрастием; к тому же мы не молчали и прежде. Теоретики не только не понимали народа, углубясь в свою книжную мудрость, но даже презирали его и, разумеется, без худого намерения и, так сказать, нечаянно. Мы положительно уверены, что самые умные из них думают, что при случае стоит только десять минут поговорить с народом и он всё поймет; тогда как народ, может быть, и слушать-то их не станет, об чем бы они ни говорили ему. В правдивость, в искренность нашего сочувствия не верит народ до сих пор и даже удивляется, зачем мы не за себя стоим, а за его интересы, и какая нам до него надобность. Ведь мы до сих пор для него птичьим языком говорим. Но теоретики на это упорно не хотят смотреть, и кто знает, может быть, не только рассуждения, но даже самые факты не могли бы их убедить в том, что они одни, на воздухе, в совершенном одиночестве и без всякой опоры на почву; что всё это не то, совершенно не то.

Что касается до наших доктринеров, то они, конечно, не отвергают народности, но зато смотрят на нее свысока. В том-то и дело, что весь спор состоит в том, как нужно понимать народ и народность. Они понимают еще слишком по-старому; они верят в разные общественные слои и осадки. Доктринеры хотят учить народ, согласны писать для него народные книжки (до сих пор, впрочем, не умели написать ни одной) и не понимают главнейшей аксиомы, что только тогда народ станет читать их книжки, когда они сами станут народом, от всего сердца и разума, а не по-маскарадному, то есть когда народные интересы станут совершенно нашими, а наши его интересами. Но подобное возвращение на почву для них и немыслимо. Недаром же они так много говорят о своих науках, профессорствах, достоинствах и чуть ли не об чинах своих. Самые милостивые из них соглашаются разве только на то, чтоб возвысить народ до себя, обучив его всем наукам и тем образовав его. Они не понимают нашего выражения «соединение с народным началом» и нападают на нас за него, как будто это какая-то таинственная формула, под которой заключается какой-то таинственный смысл. «Да и что нового в народности? — говорят нам они. — Это тысячу раз говорилось и прежде, говорилось даже в недавние давнопрошедшие времена. В чем тут новая мысль, в чем особенность?»

Повторяем: всё дело в понимании слова «народность». В наших словах о соединении не было никакого таинственного смысла. Надо было понимать буквально, именно буквально, и мы до сих пор убеждены, что мы ясно выразились. Мы прямо говорили и теперь говорим, что нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче; что надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица. Вот что мы говорили и до сих пор говорим. Такого полного соединения, конечно, теоретики и доктринеры не могли понимать. Не могли понимать и те, которые уже полтораста лет поневоле привыкли себя считать за особое общество. Мы согласны, что совершенно понять это довольно трудно. Из книг иногда труднее понять то, что понимается часто само собой на фактах и в действительной жизни. Но, впрочем, нечего пускаться в слишком подробные объяснения. За нашу идею мы не боимся. Никогда и быть того не могло, чтоб справедливая мысль не была наконец понята. За нас жизнь и действительность. И боже! какие нам иногда делали возражения: боялись за науку, за цивилизацию! . . «Куда денется наука? — кричат они. — И неужели нам всем воротиться назад, надеть зипуны и куда-нибудь приписаться?» На это мы отвечаем и теперь, что за науку опасаться нечего. Она — вечная и высшая сила, всем присущая и всем необходимая. Она — воздух, которым мы дышим. Она никогда не исчезнет и везде найдет себе место. Что же касается до зипунов, то, может быть, их и не будет, когда мы настоящим образом поймем, что такое народ и народность. Может быть, оттого-то именно, что мы искренно, а не на шутку воротимся к народу, и начнут исчезать у него зипуны. Разумеется, это замечание мы делаем для робких и белоручек, им в утешение. Мы же уважаем зипун. Это честная одёжа, и гнушаться ею нечего.

Мы признаемся: нам труднее издавать журнал, чем кому-нибудь. Мы вносим новую мысль о полнейшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала. Мы должны говорить патетически, уверять и доказывать. Мы должны выказать идеал наш и выказать в полной ясности. Обличителям легче нашего. Им стоит только обличать, нападать и свистать, чтоб быть всеми понятыми, часто не давая отчета, во имя чего они обличают, нападают и свищут. Боже нас сохрани, чтоб мы теперь свысока говорили об обличителях. Честное, великодушное, смелое обличение мы всегда уважаем, а если обличение основано на глубокой, живой идее, то, конечно, оно нелегко достается. Мы сами обличители; ссылаемся на журнал наш за всё это время. Мы хотим только сказать, что обличителю легче найти сочувствие. Даже разномыслящие и не совсем согласные с обличителем готовы примкнуть к нему ради обличения. Разумеется, мы вместе с нашими обличителями, и дельными и дешевыми, отвергаем и гнилость иных наносных осадков и исконной грязи. Мы рвемся к обновлению уж, конечно, не меньше их. Но мы не хотим вместе с грязью и выбросить золота; а жизнь и опыт убедили нас, что оно

есть в земле нашей, свое, самородное, что залегает оно в естественных, родовых основаниях русского характера и обычая, что спасенье в почве и народе. Этот народ недаром отстоял свою самостоятельность. Над ним глумятся иные дешевые критики; говорят, что он ничего не сделал, ни к чему не пришел. Вольно ж не видать. Это-то мы и хотим указать, что он сделал. Это укажут и последствия, разовьет и наука; мы верим в это. Уж одно то, что он отстоял себя в течение многих веков, что на его месте другой народ, после таких испытаний, которые тысячу раз посылало ему провидение, может быть, давно стал бы чем-нибудь вроде каких-нибудь чукчей. Пусть на нем много грязи. Но в его взглядах на жизнь, в иных его родовых обычаях, в иных уже сложившихся основаниях общества и общины есть столько смысла, столько надежды в будущем, что западные идеалы не могут к нам подойти беззаветно. Не подойдут и потому, что не нашим племенем, не нашей историей они выжиты, что другие обстоятельства были при созданьи их и что право народности есть сильнее всех прав, которые могут быть у народов и общества. Это аксиома слишком известная. Неужели повторять ее? Неужели повторять и то, что считающие народ несостоятельным, готовые только обличать его за его грязь и уродство, считающие его неспособным к самостоятельности, уже тем самым про себя презирают его? В сущности, один только наш журнал признает вполне народную самостоятельность нашу даже и в том виде, в котором она теперь находится. Мы идем прямо от нее, от этой народности, как от самостоятельной точки опоры, прямо, какая она ни есть теперь — невзрачная, дикая, двести лет прожившая в угрюмом одиночестве. Но мы верим, что в ней-то и заключаются все способы ее развития. Мы не ходили в древнюю Москву за идеалами; мы не говорили, что всё надо переломить сперва по-немецки и только тогда считать нашу народность за способный материал для будущего вековечного здания. Мы прямо шли от того, что есть, и только желаем этому *что есть* наибольшей свободы развития. При свободе развития мы верим в русскую будущность; вы верим в самостоятельную возможность ее.

И кто знает, пожалуй, нас назовут обскурантами, не понимая, что мы, может быть, несравненно дальше и глубже идем, чем они, обличители наши, доказывая, что в иных *естественных* началах характера и обычаев земли русской несравненно более здравых и жизненных залогов к прогрессу и обновлению, чем в мечтаниях самых горячих обновителей Запада, уже осудивших свою цивилизацию и ищущих из нее исхода. Возьмем хоть один из многих примеров. Там, на Западе, за крайний и самый недостижимый идеал благополучия считается то, что у нас уже давно есть на деле, в действительности, но только в естественном, а не в развитом, не в правильно организованном состоянии. У нас существует, например, так, что, кроме ограниченного числа мещан и бедных чиновников, никто не должен бы родиться бедным. Всякая душа, чуть выйдет из чрева матери, уже приписана к земле, уже ей отре-

зан клочок земли в общем владении, и с голоду она умереть не должна бы. Если же у нас, несмотря на то, столько бедных, так ведь это единственно потому, что эти народные начала до сих пор оставались в единственном, в неразвитом состоянии, даже не удостоивались внимания передовых людей наших. Но с 19 февраля уже началась новая жизнь. Мы жадно встречаем ее.

Мы долго сидели в бездействии, как будто заколдованные страшной силой. А между тем в нашем обществе начала сильно проявляться жажда жить. Через это-то самое желание жить общество и дойдет до настоящего пути, до сознания, что без соединения с народом оно одно ничего не сделает. Но только чтоб без скачков и без опасных salto-mortale совершился этот выход на настоящую дорогу. Мы первые желаем этого. Оттого-то мы желаем благовременного соединения с народом. Но во всяком случае лучше прогресс и жизнь, чем застой и тупой беспробудный сон, от которого всё коченеет и всё парализируется. В нашем обществе уже есть энтузиазм, есть святая, драгоценная сила, которая жаждет применения и исхода. И потому дай бог, чтоб этой силе был дан какой-нибудь законный, нормальный исход. Разумеется, свобода, данная этому выходу, хотя бы в свободном слове, сама себя регуляризировала бы, сама себя судила бы и законно, нормально направила. Мы искренно ждем и желаем того.

Нам кажется, что с нынешнего года наша прогрессивная жизнь, наш прогрессизм (если можно так выразиться) должен принять другие формы и даже в иных случаях и другие начала. Необходимость народного элемента в жизни становится очевидной и ощутительной. Иначе не будет основания, не будет поддержки ни для чего, ни для каких благих начинаний. Это слишком очевидно, и на деле в этом согласны и прогрессисты и консерваторы.

Мы уважаем всякое благородное начинание; в наше время, когда всё запуталось и когда повсеместно возникает спор об основаниях и принципах, мы стараемся смотреть как можно шире и беспристрастнее, не впадая в безразличность, потому что имеем свои собственные убеждения, за которые горячо стоим. Но вместе с тем и всем сердцем сочувствуем всему, что искренно и честно.

Но мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтоб свистать; выезжающих верхом на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма. Убеждения этих господ им ничего не стоят. Не страданием достаются им убеждения. Они их тотчас же и продадут за что купили. Они всегда со стороны тех, кто сильнее. Тут одни слова, слова и слова, а нам довольно слов; пора уж и синицу в руки.

Мы не боимся авторитетов и презираем лакейство в литературе; а этого лакейства у нас еще много, особенно в последнее время, когда всё в литературе поднялось и замутилось. Скажем еще одно

слово: мы надеемся, что публика в эти два года убедилась в беспристрастии нашего журнала. Мы особенно этим гордимся. Мы хвалим хорошее и во враждебных нам изданиях и никогда из кумовства не похвалили худого у друзей наших. Увы! неужели такую простую вещь приходится в наше время ставить себе в заслугу? . .

Мы стоим за литературу, мы стоим и за искусство. Мы верим в их самостоятельную и необходимую силу. Только самый крайний теоретизм и, с другой стороны, самая пошлая бездарность могут отрицать эту силу. Но бездарность, рутина отрицают с чужого голоса. Им с руки невежество. Не за искусство для искусства мы стоим. В этом отношении мы достаточно высказались. Да и беллетристические произведения, помещенные нами, достаточно это доказывают.

Мы не станем говорить здесь о тех улучшениях, какие намерены сделать в будущем году. Читатели сами их заметят.

Вот наша программа:

ПРОГРАММА

I. *Отдел литературный.* Повести, романы, рассказы, мемуары, стихи и т. д.

II. *Критика и библиографические заметки* как о русских книгах, так и об иностранных. Сюда же относятся разборы новых пьес, поставленных на наши сцены.

III. *Статьи ученого содержания.* Вопросы экономические, финансовые, философские, имеющие современный интерес. Изложение самое популярное, доступное и для читателей, не занимающихся специально этими предметами.

IV. *Внутренние новости.* Распоряжения правительства, события в отечестве, письма из губерний и проч.

V. *Политическое обозрение.* Полное ежемесячное обозрение политической жизни государств. Известия последней почты, политические слухи, письма иностранных корреспондентов.

VI. *Смесь.* а) Небольшие рассказы, письма из-за границы и из наших губерний и проч. b) Фельетон. c) Статьи юмористического содержания.[1]

---

[1] *Далее следует*: «Время» будет выходить в 1863 году каждый месяц, книгами в 30 и более листов большого формата.

Редакциею будут приняты все меры к правильной и скорой доставке журнала подписчикам.

Цена изданию для Петербурга и Москвы 14 р‹ублей› 50 коп‹еек›. С пересылкою и доставкою на дом 16 р‹ублей› сер‹ебром›.

Подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы в конторах журнала «Время».

В Петербурге — в книжном магазине Базунова, на Невском проспекте, в доме Энгельгард‹та›;

в Москве — в книжном магазине Базунова, на Страстном бульваре, в доме Загряжского.

1864

‹ОБ ИЗДАНИИ НОВОГО ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА «ЭПОХА», ЛИТЕРАТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ МИХАИЛА ДОСТОЕВСКОГО›

В текущем 1864 году будет издаваться, под редакцией *Михаила Достоевского*, новый литературный и политический журнал «Эпоха». Выходить он будет раз в месяц, в объеме наших ежемесячных журналов, то есть от 30 до 35 листов большего формата в каждой книге.

Первые два номера «Эпохи», январский и февральский, выйдут в конце февраля, в одном большом томе (не менее 60 листов). Таким образом, редакция избежит дальнейших запаздываний, и с марта книги «Эпохи» будут выходить уже аккуратно. В этом первом томе, между прочим, будет помещена повесть *И. С. Тургенева* «Призраки» и повесть же *Ф. М. Достоевского*.

Цена без доставки 14 рублей 50 копеек с пересылкою и доставкою 16 рублей.

РАСЧЕТ С ПОДПИСЧИКАМИ «ВРЕМЕНИ» 1863 ГОДА

Подписчики «Времени» 1863 года, желающие выписать «Эпоху» в будущем году, благоволят выслать в редакцию «Эпохи» 6 руб. (с пересылкой 7 руб.) и получат сполна все двенадцать книг нового журнала. Редакция просит вернее обозначить адресы. К скорой и верной доставке книг редакциею будут приняты все зависящие меры.

Те же из подписчиков, которые не пожелают возобновить подписку, получат, начиная с майской книги, восемь книг «Эпохи», так как в мае было прекращено издание «Времени». Редакция озаботится, чтоб в этой майской книге не было никаких продолжений. Таких подписчиков редакция также просит заявить письменно, не последовало ли каких перемен в их адресах.

В заключение М. Достоевский считает долгом заявить следующее:

Во-первых, он приносит искреннюю благодарность своим прежним подписчикам. Несмотря на то, что с его стороны до сих пор не было никаких объявлений, к нему поступило не более сотни писем от подписчиков «Времени» с требованием расчета.

Во-вторых, мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами,

---

Иногородные адресуют свои требования просто: в редакцию журнала «Время» в С.-Петербурге. Почтамту известно помещение редакции.

Редакция отвечает за исправность доставки своего журнала только подписавшимся в вышеозначенных конторах или в самой редакции.

чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала. Великие события последнего времени, заявившие собой первые признаки (после эпохи двенадцатого года) соединения общества с земством, так что та и другая стороны начали почти понимать друг друга, — составляют наглядный пример того, чего мы всегда желали и к чему стремилось наше направление. Придет же наконец время, когда направление всех истинно-русских будет слишком ясно без всяких разъяснений, без всяких печальных недоразумений.

Подписка на «Эпоху» принимается: в Петербурге — в книжном магазине А. Ф. Базунова, на Невском проспекте, в доме Энгельгардт‹а›; в Москве — в книжном магазине И. В. Базунова, на Страстном бульваре, в доме Загряжского. Иногородные адресуют свои требования просто: в редакцию журнала «Эпоха» в Санкт-Петербурге. Почтамту известно помещение редакции.

Редакция отвечает за исправность доставки журнала только подписавшимся в вышеозначенных конторах или в самой редакции.

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «ЭПОХА» ПОСЛЕ КОНЧИНЫ М. М. ДОСТОЕВСКОГО›

С кончиною Михаила Михайловича Достоевского, издателя и редактора журнала «Эпоха», издание журнала перешло в собственность его семейства, которое будет непосредственно участвовать в издании, а ответственным редактором утвержден один из прежних сотрудников Михаила Михайловича, А. У. Порецкий. Но спешим уведомить наших подписчиков, что направление журнала «Эпоха» остается то же, которое дал ему покойный издатель. Новый редактор и все прежние, постоянные сотрудники неуклонно будут следовать по прежнему пути.

Объявление об издании журнал «Эпоха» появилось в первый раз только в феврале нынешнего года. Первые две книги вышли в одном томе в конце марта. Издатель напрягал все свои силы, чтоб войти в сроки и не опаздывать. Но наконец болезнь и смерть его на некоторое время совершенно остановили издание. Даже майская книга журнала не могла быть своевременно разослана в губернии вследствие остановки всех дел по изданию после смерти издателя. Теперь, после утверждения нового редактора и разрешения семейству покойного продолжать журнал, дела по изданию пойдут усиленно, и новые издатели повторяют обещание покойного М. М. Достоевского войти в сроки. Поэтому, в наивозможно скорейшем времени выйдет июльская, а вслед за нею и августовская книжки «Эпохи».

‹1› ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция нашего журнала, с самого начала его, в марте месяце, когда вышли разом январский и февральский номера «Эпохи», объявила о расчете своем с подписчиками прежде изда-

вавшегося журнала «Время». По этому расчету подписчики на «Время» 63-го года, получившие всего только четыре книги журнала, приглашались заявить редакции «Эпохи» о желании своем получить «Эпоху» вместо журнала «Время». Те из подписчиков, которые пожелали бы получить журнал с первого номера, приглашались внести 6 р<ублей> с пересылкою 7 р<ублей>. Те же, которые пожелали бы получить журнал только с 5-й книги (т. е. с того самого номера, на котором остановился прошлого года выход журнала), не платили, разумеется, ничего, но приглашались убедительно заявлять свои требования на получение «Эпохи» с 5-го номера по возможности заблаговременно, ибо редакция «Эпохи» сообразно с этими заявлениями могла рассчитывать, в каком количестве экземпляров печатать журнал. Кроме того, редакция убедительно просила всех подписчиков «Времени» изъявляющих требование получить журнал с 5-го номера, *сообщить в редакцию свои адресы.*

Об этом расчете и все эти приглашения и просьбы свои редакция публиковала постоянно во всех выходивших номерах своего журнала, и, кроме того, во всех известнейших и наиболее читаемых газетах, петербургских и московских.

Наконец, чтобы склонить подписчиков «Времени», имеющих право на получение «Эпохи» с 5-го номера, заранее сообщать свои требования и адресы, редакция «Эпохи» опубликовала срок (1-е июня) и объявила, что она может высылать журнал только тем из подписчиков, которые заявят свои требования и сообщат свои адресы до этого срока. Но это заявление не помогло ничему.

Требования на журнал продолжались и после 1-го июня, продолжаются и до сих пор. . . Редакция по-прежнему удовлетворяет всем этим требованиям.

Но как быть с теми из требующих, которые, несмотря на десятки объявлений редакции во всех главнейших газетах, московских и петербургских, до сих пор не присылали ни требований, ни адресов, и вдруг — шлют к нам сердитые письма (теперь, в августе и в сентябре) и изъявляют свое удивление и неудовольствие на то, что до сих пор не получают журнала, тогда как имеют право получать его бесплатно с 5-го номера. Но почему же не присылали они до сих пор своих требований и адресов, тогда как несколько десятков раз редакция «Эпохи» приглашала их к этому? Редакция не может знать *сама собой* не только их теперешних адресов, но даже находятся ли они в живых. Нам известно, по четырехлетнему опыту издания, что по крайней мере 1/4 всех подписчиков каждогодно меняют свои адресы. Мы не можем взять на себя послать книжку журнала в Томск или в Иркутск, получить ее обратно и послать потом в Варшаву. «Адрес мой тот же» пишут к нам некоторые из бывших подписчиков «Времени», «почему же нам не присылают журнала?» Но почему же редакция могла знать, что адрес их тот же? Потому ли, что подписчик не извещал о перемене своего адреса? Но на это нельзя положиться, когда уже прошел с лишком

год, после того как он сообщил прошлого года свой адрес редакции. Доказательством тому может служить, что и теперь, каждую неделю, мы получаем требования на журнал от прошлогодних подписчиков, переменивших свои адресы, а между тем эти подписчики не заявляли же до самого сентября о своем желании получать «Эпоху». Что же, если б мы, не дожидаясь их требований, послали им журнал в июне по прежним адресам? Книга воротилась бы к нам обратно. . . Для избежания этих-то всех беспорядков, предвиденных редакциею на основании неоднократного опыта, мы и просили всех прежних подписчиков «Времени» предварительно присылать в редакцию извещение о желании получать журнал, а вместе с тем и свои адресы. Эту просьбу мы возобновляли беспрерывно, и несмотря на то, все-таки есть негодующие и удивляющиеся, что им до сих пор не высылают журнала. Таких писем редакция получила, конечно, не много; но, желая совершенно избавиться от незаслуженных упреков, мы просим хоть раз внимательно взглянуть на которое-нибудь из многочисленных объявлений наших.

Многие спрашивают, будет ли издаваться «Эпоха» и в будущем 1865 г.?

Отвечаем: «Эпоха» издаваться будет, *непременно*, в прежнем составе, в прежнем направлении, с прежними сотрудниками. Издаваться она будет семейством покойного М. М. Достоевского, которое будет принимать непосредственное участие в издании. О всем этом заявлено будет в свое время, в подробном объявлении от редакции.

Августовская книга журнала выйдет в самом непродолжительном времени.

ОБ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА «ЭПОХА», ЛИТЕРАТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО, ИЗДАВАЕМОГО СЕМЕЙСТВОМ М. М. ДОСТОЕВСКОГО

Издание «Эпохи», журнала литературного и политического, будет продолжаться в будущем 1865 году семейством покойного Михаила Михайловича Достоевского. «Эпоха» будет выходить попрежнему раз в месяц, в прежней программе, в объеме наших ежемесячных журналов, то есть от 30 до 35 листов большого формата в каждой книге.

Собственники журнала принимают в издании его непосредственное участие.

Все прежние всегдашние сотрудники покойного редактора, и почти все те писатели, которые помещали свои произведения в изданиях М. Достоевского (г-да Порецкий, Аверкиев, Страхов, М. Владиславлев, Ахшарумов, А. А. Головачов, Долгомостьев, Островский, Плещеев, Полонский, Милюков, Ф. Достоевский, Бабиков, Фатеев, Майков, Тургенев и многие другие), по-прежнему будут помещать свои труды в «Эпохе».

Из них А. Н. Островский положительно обещал нам в будущем году свою комедию. И. С. Тургенев уведомил нас, что первая написанная им повесть будет помещена в нашем журнале. Ф. М. Достоевский, кроме постоянного, непосредственного своего участия в «Эпохе», поместит в ней в будущем году свой роман. Журнал постоянно расширяет круг своих сотрудников.

Направление журнала неуклонно остается прежнее. Разработка и изучение наших общественных и земских явлений в направлении русском, национальном по-прежнему будут составлять главную цель нашего издания. Мы по-прежнему убеждены, что не будет в нашем обществе никакого прогресса, прежде чем мы не станем сами настоящими русскими. Признак же настоящего русского теперь — это знать то, что именно теперь надо не бранить у нас на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить уметь — вот что надо теперь наиболее настоящему русскому. Потому что кто способен любить и не ошибается в том, что именно ему надо любить на Руси — тот уж знает, что и хулить ему надо; знает безошибочно, и чего пожелать, что осудить, о чем сетовать, и чего домогаться ему надо; и полезное слово умеет он лучше и понятнее всякого другого сказать, — полезнее всякого присяжного обличителя. Многое научились мы бранить в нашем отечестве, и иногда, надо отдать справедливость, довольно остроумно и как будто даже и метко бранились. Чаще же всего городили ужаснейший вздор, за который покраснеют за нас грядущие поколения. Но зато мы до сих пор не научились и, почти сплошь, не знаем того, что именно должно не бранить на Руси. За это и нас никто не похвалит. В самом деле, в чем мы наиболее все ошибаемся и в чем все до ярости несогласны друг с другом? В том, что именно у нас есть хорошего. Если б нам только удалось согласиться в этом пункте, мы б тотчас же согласились и в том, что у нас есть нехорошего. Неумелость эта — опасный и червивый признак для общества. Вот отчего нас (то есть общество) до сих пор и не понимает народ. Народ и мы — любим розно; вот в чем наш главный пункт разделения. Непонятно и смешно другим стало наше выражение: «*почва*». Почва вообще есть то, за что все держатся и на чем все держатся и на чем все укрепляются. Ну а держатся только того, что любят. А что мы любим и умеем любить теперь в России искренно, непосредственно, всем существом нашим? Что нам в ней теперь дорого? Разве не за стыд, не за ретроградство считают у нас до сих пор идею о том, что мы — сами по себе, что мы своеобразны, *своеисторичны*? Разве не за принцип науки считают у нас, что национальность, *в смысле высшего преуспеяния*, есть нечто вроде болезни, от которой избавит нас всестирающая цивилизация?

По нашему убеждению, как бы ни была плодотворна сама по себе чья-нибудь захожая к нам идея, но она лишь тогда только могла бы у нас оправдаться, утвердиться и принести нам действительную пользу, когда бы сама национальная жизнь наша, безо всяких внушений и рекомендаций извне, сама собой выжила эту

идею, естественно и практически, вследствие практически сознанной всеми ее необходимости и потребности. Ни одна в мире национальность, ни одно сколько-нибудь прочное государственное общество еще никогде не составлялись доселе по предварительно рекомендованной и заимствованной откуда-нибудь извне программе. Всё живое составлялось само собой и жило в самом деле, заправду. Все лучшие идеи и постановления Запада были выжиты у него самостоятельно, рядом веков, вследствие органической, непосредственной и постепенной необходимости. Те, которые начинали в Англии парламент, уж, конечно, не знали, во что он обратится впоследствии. Отчего же обличители наши отказывают нам в собственной, своеобразной жизни и смеются над выражениями нашими: «органическая, почвенная, самостоятельная жизнь»? Но, смеясь свысока, они то и дело шибаются сами и путаются в современных явлениях нашей национальной жизни, не зная, как и определить их: органическими или наносимыми, хорошими или дурными, здоровыми или червивыми? Они до того теряют точность в определениях, что даже начинают бояться определений и всё чаще и чаще спасаются в отвлеченность. Всё более и более нарушается в заболевшем обществе нашем понятие о зле и добре, о вредном и полезном. Кто из нас, по совести, знает теперь, что *зло* и что *добро*? Всё обратилось в спорный пункт, и всякий толкует и учит по-своему. Говоря это, мы не выставляем, разумеется, себя безошибочными и всезнающими; напротив, мы, так же как и все, можем городить вздор, совершенно искренно и добросовестно. Мы, не попрекая, говорили сейчас: мы, сокрушаясь, говорили. Но нам все-таки кажется, что наша точка зрения дает возможность вернее и безошибочнее разузнать и точнее распределить то, что кругом нас происходит (мы не журнал наш хвалим теперь, мы точку зрения хвалим). На такой точке зрения мы уже не можем, например, оставаться в недоумении перед недавними фактами нашей национальной жизни, не зная, как отнестись к ним, то есть и за общечеловеческие наши убеждения боясь, и неотразимый факт проглядеть боясь, — сбиваясь и путаясь и на всякий случай наблюдая благоразумное виляние туда и сюда.

Ни одна земля от своей собственной жизни не откажется и скорее захочет жить туго, но все-таки жить, чем жить по чужому и совсем не жить. Мудрецы и реформаторы являлись в народах тоже органически и имели успех не иначе как только когда состояли в органической связи с своим народом. Говорят, в то время, когда шло у нас дело об улучшении быта наших крестьян, один французский префект заявил и свой проект из Франции. По его мнению выходило, что ничего нет легче, как дело освобождения; что стоит только издать указ, состоящий в том, что все имеющие родиться в русской земле, с такого-то года и с такого-то числа, родятся свободными. Et c'est tout..[1] И удобно и гуманно. Над этим французом

[1] И это всё (*франц.*).

у нас смеялись — совершенно напрасно, по-нашему. Во-первых, он, разумеется, решил по-своему, по духу и идеалу своей нации, и не мог быть в своем решении не французом. По убеждению же француза, человек без земли, пролетарий — все-таки может считаться свободным человеком. По русскому, основному, самородному понятию, не может быть русского человека без общего права на землю. Западная наука и жизнь доросли только до личного права на собственность, следственно, чем же был француз виноват? Чем же он виноват, когда мы сами наше братское, широкое понятие о праве на землю за низшую степень экономического развития по западной науке считаем? А во-вторых, чем выше этого француза наши собственные журнальные мыслители и теоретики? — Всякая здоровая и земская сила верит в себя и в свою правду, и это есть самый первый признак здоровья народного. Эта народная вера в себя и в собственные силы — вовсе не застой, а, напротив, залог жизненности и энергии жизни и отнюдь не исключает прогресса и преуспеяния. Без этой веры в себя не устоял бы, например, в продолжение веков белорусский народ и не спас бы себя никогда. — Народ, как бы ни был он груб, не станет упорствовать в дряни, если только сам сознает, что это дрянь, и будет иметь возможность изменить ее по своему собственному распоряжению и усмотрению. От науки тоже никогда народ сам собой не отказывается. Напротив, если кто искренно чтит науку, так это народ. Но тут опять то же условие: надо непременно, чтоб народ сам, путем совершенно самостоятельного жизненного процесса дошел до этого почитания. Тогда он сам к вам придет и попросит себя научить. Иначе и науку он не примет от вас и от дряни своей никогда не откажется. Народ же выживает свои выводы практически, на примерах. А чтобы иметь собственный, неоспоримый пример, надо жить самостоятельно, надо натолкнуться на этот пример настоящей практической жизнию. Итак, что же выходит? Выходит, что не надо посягать на самостоятельность жизни национальной, а, напротив, всеми силами расширять эту жизнь и как можно более стоять за ее самобытность и оригинальность. Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга ее самостоятельной деятельности как в экономическом, так и в духовном отношении, — пропорционально постепенности освобождения ее от вековой ее в себе замкнутости. Повторяем, вот к чему прежде всего надо стремиться и чему надо способствовать. До тех пор будет у нас на виду одно только смешение языков в нашем образованном обществе и чрезвычайное духовное его бессилие. Мы видим, как исчезает наше современное поколение, само собою, вяло и бесследно, заявляя себя странными и невероятными для потомства признаниями своих «лишних людей». Разумеется, мы говорим только об избранных из «лишних» людей (потому что и между «лишними» людьми есть избранные); бездарность же и до сих пор в себя верит и, досадно, не замечает,

как уступает она дорогу новым, неведомым здоровым русским силам, вызываемым наконец к жизни в настоящее царствование. И слава богу!

Конечно, все мы, в нашей литературе, все, кроме весьма немногих, вообще говоря — любим Россию, желаем ей преуспеяния и все ищем для нее того, что получше. Одного только жаль: все мы желаем и ищем каждый по-своему и расползлись в разных «направлениях», как раки из кулька. Почти все у нас ссорятся и перессорились. Правда, ничего более нам не оставалось и делать в качестве уединенных людей и покамест никому ненадобных и никем не прошенных. Но все-таки если проявлялись где признаки самостоятельной жизни в нашем обществе (то есть собственно в образованном обществе), то уж, конечно, наиболее в литературе. Вот почему мы, несмотря на смешение языков и понятий и на всеобщие ссоры, все-таки смотрим на нашу литературу с уважением, как на явление жизненное и в своем роде — совершенно органическое. Осуждая других в ссорах и распрях, мы не думаем исключить и себя; мы тоже не избежали своей участи; не извиняемся и не оправдываемся; скажем одно: мы всегда дорожили не верхом в споре, а истиной. Конечно, и ловкие спекуляции на убеждения уже водятся в нашей литературе; но в сущности, даже и тут — более явлений смешных, чем серьезных; более комических историй, раздраженных самолюбий и напрашивающихся в карикатуру претензий, чем истинно грустных и позорных фактов. Мы обещаемся внимательно следить за ходом и развитием нашей литературы и обращать внимание на всё, по нашему мнению, значительное и выдающееся. Мы не будем избегать и споров и серьезной полемики и готовы даже преследовать то, что считаем вредным нашему общественному сознанию; но *личной* полемики мы положительно хотим избегать, хотя и не утверждаем, что до сих пор не были сами в ней, хотя бы и невзначай, виноваты. Мерзит это нам, и не понимаем мы, как можно позорить бранью и сознательной клеветой людей (на что решаются некоторые) за то только, что те не согласны с нами в мыслях. — Хвалить дурное и оправдывать его *из-за принципа* мы не можем и не хотим. Издавать журнал, так чтобы все отделы его пристрастно составлять из одних *подходящих* фактов; видеть в данном явлении только то, что нам хочется видеть, а всё прочее игнорировать и умышленно устранять; называть это «*направлением*» и думать, что это и правильно и беспристрастно и честно, — мы тоже не можем. Не так разумеем мы *направление*. Мы не боимся исследования, свету и ходячих авторитетов. Мы всегда готовы похвалить хорошее даже у самых яростных наших противников. Мы всегда тоже готовы искренно сознаться в том, в чем мы ошибались, тотчас же, как нам это докажут.

«Эпоха», с самого начала своего существования, подверглась большим и неожиданным неудачам. Во-первых, она вышла поздно; покойный издатель объявил об издании своего журнала только в феврале нынешнего 1864 г. Первые два номера, в одной книге,

могли выйти не ранее 20 марта. Следственно, журнал опоздал с самого начала. Покойный издатель обещал войти в сроки и непременно сдержал бы свое слово; для этого он имел перед собой девять месяцев и сделал бы это, постепенно, не торопясь и, таким образом, не вредя составу номеров журнала поспешностью.

Но неожиданная болезнь и смерть его совершенно остановили издание почти на полтора месяца. Образовавшаяся наконец редакция увидела вдруг перед собой бездну новых трудностей, которые должна была преодолевать.

Во-первых, опоздали поневоле вдвойне против прежнего.

Во-вторых, письменные сношения журнала, несколько сот рукописей, хранящихся в конторе журнала, — всё это было незнакомо, неизвестно; всё это предстояло разобрать и распутать, иногда совершенно безо всякой руководящей нити. Переписка с иногородными увеличилась, усложнилась. Прежние решенные дела требовали объяснения, проверки, новых решений. Рукописи требовали нового разбора и нового с ними знакомства. Не говорим уже о чисто материальных препятствиях и заботах, которые, однако же, все требовали настоятельного и скорейшего разрешения и отнимали время у редакции. Тем не менее редакция поставила себе в обязанность ввести журнал в срок. Сентябрьский и октябрьский номера будут печататься разом в двух типографиях и выйдут оба в ноябре месяце. Ноябрьский и декабрьский номера выйдут в декабре. Январский № будущего 1865 г. выйдет *непременно* в январе. Придать делу такой усиленный ход редакция не могла с самого начала; она должна была сперва обеспечить почти все отделы журнала, не повредив ему поспешностью.

Редакция обратит особое внимание на рассылку своего журнала в губернии и доставку его подписчикам. Хотя жалоб на неправильную доставку книг получалось в редакции не более чем в прежнее время, но тем не менее редакция сознается, что должны быть произведены улучшения, и она непременно займется ими.

‹2› ОТ РЕДАКЦИИ

Два месяца тому назад, в нашем объявлении об издании «Эпохи» в будущем 1865 году, мы обещали *положительно* войти в сроки: ноябрьскую и декабрьскую книги за нынешний 1864 год выдать в декабре, а январскую книгу будущего года в январе. Но несмотря на то, что последние номера «Эпохи» печатались в двух типографиях разом (Тиблена и Праца) и что приняты были все меры к скорейшему выпуску запоздавших номеров, к концу декабря могла явиться только одна ноябрьская книга. Дело журнальное слишком сложное и зависит иногда от многих самых неожиданных обстоятельств. Впрочем, надеемся, что подписчики «Эпохи» видели наши усилия: 28 ноября вышла сентябрьская книга «Эпохи», 12 декабря октябрьская, и наконец теперь, в конце декабря, выходит ноябрьская, которая поспела бы и раньше, если б

не помешало прекращение типографских работ по случаю праздников. Декабрьская книга явится в январе будущего года, а первый январский номер 1865 года, как мы твердо надеемся, выйдет тоже в конце января, — так мы и обещали в объявлении нашем. Таким образом, в конечном результате, мы все-таки сдержим то, что обещали первоначально.

Окончание статьи г-на Филиппова: об особых родах гражданского судопроизводства — не могло явиться в ноябрьской книге «Эпохи».

Политическое обозрение откроется у нас с декабрьской книги.

‹3› ОТ РЕДАКЦИИ

Мы опоздали выходом январской книги «Эпохи» на *тринадцать* дней против срока, обещанного нами подписчикам нашим в прошлогоднем нашем объявлении об издании «Эпохи» на 1865 год. Но повторяем, с конца ноября, когда вышла еще только сентябрьская книга «Эпохи», по 10-е февраля нынешнего года выдано было нами, кроме сентябрьского номера, четыре книги журнала; таким образом, почти в каждые две недели выходило по номеру, и каждый номер заключал в себе не менее *тридцати пяти* листов. Одним словом, мы сделали всё, что могли сделать, и надеемся, что подписчики наши извинят, что мы, в конечном результате, опоздали тринадцать дней против того, как обещали первоначально.

И хотя мы предварительно взяли меры, чтобы поспешность выпуска последних пяти номеров журнала не повредила их внутреннему содержанию, тем не менее она была слишком обременительна для редакции. Теперь мы уже не будем спешить в такой степени, но все-таки обещаем, что не оставим наших усилий окончательно войти в сроки до тех пор, пока каждый номер журнала не будет выходить *в первой половине соответствующего ему месяца*. Этот окончательный труд будет уже гораздо легче, чем всё то, что нам удалось сделать до сих пор, то есть сократить запоздалый срок выпуска книг вместо трех месяцев, как было еще недавно, на *один* только месяц, как теперь.

Редакция «Эпохи» твердо надеется выполнить все свои обещания, данные ею публике при объявлении о подписке на 1865 год.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»

Многие неблагоприятные обстоятельства, большею частию от нынешней редакции не зависевшие и постигнувшие наше издание еще с прошлого года, заставляют нас прекратить в настоящее время выпуск нашего журнала, а вместе с тем и продолжающуюся на него подписку.

Мы вошли в соглашение с издателем «Библиотеки для чтения», и он принял на себя высылать всем согласным на то подписчикам

нашим, вместо нашего журнала, свой журнал, со всеми его приложениями, вплоть до конца нынешнего года, начиная с апрельской книжки.

В самом непродолжительном времени мы разошлем подписчикам нашего журнала более подробное объявление. Это объявление задержалось на несколько дней. Оно будет вложено в № иногородным и разослано столичным подписчикам на журнал «Эпоха». Оно будет приложено к апрельскому номеру «Библиотеки для чтения», который и разошлется на этот раз ко всем нашим подписчикам без исключения. Дальнейшую же высылку своего журнала подписчикам «Эпохи» «Библиотека для чтения» будет производить уже по получении от них самих на то заявлений и требований.

Контора редакции журнала «Эпоха», а вместе с тем и вся текущая ее переписка перемещается в контору журнала «Библиотека для чтения». Почтамту известно помещение редакции.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ
(1862—1865)

1862

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. А. БИБИКОВА «ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕСТИ»›

О прекрасной и замечательной повести «Молотов» г-на Помяловского мы выскажем свое мнение в этом году.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ОЧЕРКИ ПОСЛЕДНЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ»›

‹1›

Статья эта главным образом заимствована нами из публичных лекций Уильяма Реймона, читанных им в 1861 году в Берлине и изданных под заглавием: «Etudes sur la littérature du second Empire français, depuis le coup-d'Etat du deux Décembre». Взгляд автора на многие современные явления литературы — французский, и потому иногда расходится с нашею русскою критикою. Тем не менее статья эта весьма любопытна, и потому мы представляем ее на суд наших читателей.

‹2›

Здесь автор делает странный промах. Эти произведения потому-то и стали общечеловеческими, что они в *высшей* степени национальны и в *высшей* же степени выражают свою эпоху.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Н. Н. СТРАХОВА «НЕЧТО ОБ „ОПАЛЬНОМ ЖУРНАЛЕ“ (ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ)»›

Мы находим это письмо весьма недостаточным и удивляемся легкомыслию и односторонности своего сотрудника. Считаем нужным прибавить по крайней мере следующие замечания:

1) Г-н Антонович нашел у нас множество противоречий и требует их разъяснения. Эх, вы! Чудачина! (Мы пародируем здесь манеру г-на Антоновича и допускаем такое обращение только в этом смысле.) Да мало ли противоречий мы вам указывали у вас, а ведь вы *ни одного* из них и не подумали разрешить. Что же вы к нам-то пристали?

2) Г-н Антонович опять предлагает «Времени» множество вопросов. Он просит, чтобы «Время» его *научило* и основывает свою просьбу на том, что он подписчик «Времени» и заплатил за журнал 16 рублей. Редакция сим уведомляет его, что она никак не брала, а равно не может взять на себя и впредь трудную обязанность научить его, а потому готова по первому востребованию возвратить ему деньги, с вычетом, однако же, за полученные им книжки.

3) Г-н Антонович требует от г-на Косицы, чтобы тот объяснил ему, о каком идеализме идет речь в письме: «Пример апатии». Не имея нимало в виду «придираться к физиономии» г-на Антоновича (извините за его собственное выражение), мы заметим вообще, что всякий человек, делающий такой вопрос, очевидно, с трудом еще понимает связь предложений, стоящих одно возле другого. Иначе он не мог бы упустить из виду, что в разбираемой им статье тут же стоит прямое определение идеализма, с его вредной стороны. «Не всё ли зло — сказано нами — происходит оттого, что мы слишком уважаем то, что не следует уважать, считаем важным то, что не имеет никакой важности? Что мы так охотно признаем право там, где нет права, что мы так легко жертвуем собою, так легко везде творим себе идолов и кумиры?»

А потом вот еще: с какой стати г-н Антонович клеплет на нас, будто мы «Современник» сравнивали с Базаровым? Это было бы уж непростительно дерзко с нашей стороны. Мы раз как-то осмелились уподобить его Ситникову, да и это сделали с разными оговорками. Нужно же ведь и врагам отдавать справедливость.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. Н. ТКАЧЕВА «О СУДЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ЗАКОНОВ ПЕЧАТИ»›

С этим положением, по нашему мнению, нельзя вполне согласиться. В судах по уголовным и другим преступлениям от присяжных требуется только здравый смысл и честная совесть. В суждениях же о делах печати *необходимо* образование. Иначе самая легкая критика необразованными присяжными будет приниматься

за обиду. Нужна некоторая начитанность, нужно знание современного положения литературы, чтоб судить о ее преступлениях. Иначе обвинению будет предоставлено обширное поле действовать на темные умы присяжных, и защита едва ли будет в состоянии успешно бороться с обвинением в такой темной и невежественной среде.

‹ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ А. САГОТОВИЧА «ЮРИДИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОДНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ОКОНЧАТЕЛЬНО РЕШЕННОГО В 1849 ГОДУ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ»›

Перед теми благими реформами, которые предпринимает правительство по части судоустройства и судопроизводства, не бесполезно оглянуться на прошлое и сознать, от каких вопиющих злоупотреблений избавляемся мы при новых институциях. С этою именно целью и напечатана предлагаемая статья.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ОЧЕРКУ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО «БУРСАЦКИЕ ТИПЫ»›

Всё описываемое здесь — дела недавнего прошедшего. Время и прогресс берут свое в самых непроходимых захолустьях, в самых страшных средах. Сам автор в конце своего очерка говорит о лучших людях, о лучшей будущности.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К РОМАНУ С. Н. ФЕДОРОВА «СВОЕ И НАНОСНОЕ»›

Автор прислал нам для печати одну — первую часть своего романа. Так как она составляет совершенно отдельный эпизод и имеет свой вполне законченный интерес, то мы печатаем ее, не дожидаясь продолжения, тем более что нам неизвестно положительно, когда мы будем иметь его в руках. Когда получим его, то новым подписчикам нашим мы представим эту первую часть в приложении, если окажется в этом надобность, то есть продолжение не будет само по себе составлять совершенно цельного эпизода.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. П. СОКАЛЬСКОГО «ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ»›

Помещаем это письмо, во-первых потому, что мысль автора показалась нам сама по себе замечательною, а во-вторых потому, что вопрос об общественной нравственности так мало еще выяснен и определен в нашей литературе, что мы с охотою даем место еще статье по этому предмету. Хотя эта статья и противоречит статье г-на Родевича, недавно напечатанной в нашем журнале,

но так как она прогрессивна и гуманна и трактует о деле с особенной и оригинальной точки зрения, то нам кажется, что подобные противоречия служат к дальнейшему разрешению вопроса, в котором окончательного слова еще долго ждать.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К «ПИСЬМУ К РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ВРЕМЯ“ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ПЕВЕЦ КУБРЫ“» АЛЕКСАНДРЫ ШАЛИКОВОЙ›

Редакция печатает это письмо единственно из принципа справедливости. Оценка деятельности и самого характера лиц, сошедших с общественной сцены, есть несомненная принадлежность литературы, и оспаривать у нее это право в наше время немыслимо. Г-н Колбасин, автор статьи «Певец Кубры», выводил свои заключения, основываясь на фактах и на *подлинных* письмах. Верны ли его выводы, он предоставляет судить читателям. Факты и письма налицо. Но если б он в чем и ошибся, то это будет только ошибка, и подозревать его в клевете на человека, давно уже умершего, мы не могли и не имели на то права. Это искреннее мнение редакции. Письмо это мы печатаем без малейших перемен и выпусков.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПИСЬМУ И. А. ЩЕДРИТСКОГО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ПЕВЕЦ КУБРЫ»›

Помещаем это письмо г-на Щедритского без всяких перемен и выпусков, во-первых, по просьбе княгини Шаликовой, признавшей его удобным к печати и полезным для своей статьи, а во-вторых, как образец полемики хвостовского времени. Мы просим извинения у г-на Колбасина за те личные, невозможные ни в какой литературе ругательства, которые он встретит в этом письме. Впрочем, мы не поместили бы его ни за что, если б не были уверены, что письмо это и особенно его непозволительный тон послужат скорее к оправданию, чем к обвинению г-на Колбасина. Такие письма не оскорбляют.

1863

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. КОСИЦЫ (Н. Н. СТРАХОВА) «„СЛОВО И ДЕЛО“, КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ Ф. Н. УСТРЯЛОВА (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВРЕМЕНИ»)»›

В редакцию было доставлено много критических статей, в которых новая комедия рассматривалась с такой точки зрения.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ ИГДЕВА (И. Г. ДОЛГОМОСТЬЕВА) «НЕКОТОРЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ»›

Многие уверяют, впрочем, что московские купцы никогда и не думали заявлять подобного мнения и что всё это была газетная утка.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «НУЖЕН ЛИ ФЛОТ РОССИИ»›

Несколько флотских офицеров просили нас дать место этой статье в нашем журнале. Исполняя их желание, мы, с своей стороны, устраняемся пока от решения этого вопроса и не берем на себя ответственности за высказываемые в этой статье мнения. Мы желали бы только ею возбудить вопрос в обществе и в литературе.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ СТАТЬЯ О НОВОЙ КНИГЕ («СЕВЕРНОРУССКИЕ НАРОДОПРАВСТВА ВО ВРЕМЕНА УДЕЛЬНО-ВЕЧЕВОГО УКЛАДА», СОЧ. НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА. СПб., 1863. ДВА ТОМА)»›

Статья эта прислана нам из провинции. Нам показалась она замечательною, и мы решились напечатать ее, не дожидаясь продолжения статьи г-на А. Григорьева о той же книге.

1864

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ТЕОРИЯ БЕЗОБРАЗИЯ»›

С удовольствием печатаем эту статью (из губернии), хоть и не во всем согласны с ее почтенным автором. Но не согласны мы, говоря относительно, только в мелочах, например в некоторых суждениях его о наших современных литераторах и проч., но главная, основная идея его совершенно разделяется нами. Нам особенно приятно указать читателям на твердый, искренний и благородный тон этой статьи; так может выражаться только твердое убеждение и искреннее желание добра.

Статья эта до крайности наивна — не можем этого не заметить. Принимать сколько-нибудь за серьезное *некоторые* мнения эксцентрического, хотя и уважаемого нами, талантливого г-на Писарева и совершенно уже странные мнения г-на Зайцева — положительно невозможно. Никто не виноват, что эти господа не знают азбуки во многом из того, о чем они берутся судить. . . Но несмотря на эту странную наивность, или, лучше сказать, может быть, через эту-то

именно наивность, — статья г-на Соловьева нам особенно симпатична. Слышен голос свежий, голос, далекий от литературных сплетен и от всей этой литературной каши. Это голос самого общества, голос тех *всех*, которые уж, конечно, имеют право иметь о нас свое мнение. . . Мы помещаем статью г-на Соловьева почти без изменений и просим его сотрудничества.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «ЗНАЧЕНИЕ ОСТРОВСКОГО В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ»›

‹1›

Наше мнение — что никому даже и в голову не придет сопоставлять Островского с Шекспиром или Пушкиным, несмотря на всё значение Островского в нашей литературе. Но так как по поводу этого сопоставления автор статьи говорит довольно любопытные и дельные вещи, то мы и помещаем всю его статью целиком и допускаем условно возможность подобных вопросов и сопоставлений.

‹2›

Об этом и вопроса не может быть. Пушкин угадал самую основную суть того, что народ наш считал и считает за самую высшую нравственную красоту души человеческой: это — тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбие* — если так можно выразиться: что-то младенчески-чистое и ангельское живет в представлении народном о том, что народ считает своим нравственным идеалом. Этою кроткою, смиренною и ничем не поколебимою любовью проникнута у Пушкина русская речь в Годунове. Далеко не так у Островского.

‹3›

Почему же *не русское*? Или всё, что у нас есть оторванного цивилизацией от народного быта, — уже не русское? Напротив, тип Чацкого только и дорог нам тем, что это изображение *русского*, оторванного от народного быта. Иначе, что ж бы он для нас значил? Это доказывается отчасти уже симпатичностью для нас этого типа и беспрерывною его повторяемостью в нашей литературе.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ Э. РЕНАНА «ДРЕВНИЕ РЕЛИГИИ»›

В нашей литературе есть замечательное, европейски известное сочинение покойного графа С. С. Уварова об Элевзинских таинствах.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ»›

‹1›

Автор говорит здесь как бы от лица редакции. Действительно, по нашей просьбе написал он эту оценку деятельности и литературных заслуг покойного и дорогого сотрудника нашего. Как ближайший из друзей покойного, он полнее и удобнее других мог исполнить эту обязанность.

‹2›

Она должна их устранить, чтоб быть логичною и с собой согласною — если б даже того и не хотела, если б сама натура критика лично вооружалась против того всею своею жизненностию. Пример — Белинский в последние годы своей деятельности.

‹3›

Это и потому еще, что Григорьев был шире, глубже и несравненно богаче одарен природою, чем Добролюбов. Добролюбов был очень талантлив, но ум его был скуднее, чем у Григорьева, взгляд несравненно ограниченнее. Эта узкость и ограниченность составляли отчасти даже силу Добролюбова. Кругозор его был у́же, видел и подмечал он меньше, след‹ственно› и передавать и разъяснять ему приходилось меньше и всё одно и то же; таким образом, он само собою говорил понятнее и яснее Григорьева. Скорее договаривался и сговаривался с своими читателями, чем Григорьев. На читателей, мало знакомых с делом, Добролюбов действовал неотразимо. Не говорим уже о его литературном таланте, большем, чем у Григорьева, и энтузиазме слова. Чем у́же глядел Добролюбов, тем, само-собою, и сам менее мог видеть и встречать противуречий своим убеждениям, след‹ственно›, тем убежденнее сам становился и тем всё яснее и тверже становилась речь его, а сам он самоувереннее.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ОЧЕРКУ М. ДОЛГОМОСТЬЕВОЙ «ИНСТИТУТКИ»›

Помещаем эти записки, не изменяя ни слова.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ Г. ЛОТЦЕ «НАСЛАЖДЕНИЕ В ЖИЗНИ И ТРУД»›

Предлагаемая статья взята нами из только что вышедшего в свет 3-го тома Микрокосмоса, сочинения проф. Лотце в Гёттингене (244 стр. — 282). Она показалась нам замечательной по ори-

гинальному вопросу, который она возбуждает, и не менее оригинальному решению, которое она дает на него. Вопрос этот можно формулировать так: увеличилась ли сумма счастия в человеческой жизни равномерно с развитием господства человека над природой, возможного для него при теперешнем развитии естественных наук? Лотце рассматривает отношение форм труда к наслаждению и, становясь на историческую почву, следит за соотношением их при разных исторических формах жизни. Так как прогресс естественных знаний имеет отношение к жизни главным образом своей технической стороной — насколько он дает нам средства подчинять силы и вещества природы своим целям — и так как этот прогресс имел могущественное влияние на формы современного труда, а затем и жизни, то автор рассматривает формы труда и развившиеся на них формы жизни, чтоб из разъединения в теперешней жизни труда от наслаждения вывести свое оригинальное заключение. Мы знаем наперед, что вывод проф. Лотце найдут весьма странным люди, толкующие об естественных науках и современном общественном прогрессе как главных элементах человеческого счастья в настоящем и будущем, безмерно возвышающих нас над старыми невежественными временами. Но вопрос уже потому можно считать нерешенным, что на него даются совершенно противоположные ответы. Поэтому читатели наши, вероятно, не сочтут излишним для себя узнать мнение о нем одного из современных умов — тем более, что вопрос ставится, анализируется с замечательною краткостию рассуждений и достойной внимания силою мысли.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ТЕОРИЯ ПОЛЬЗЫ И ВЫГОДЫ»›

‹1›

Автор говорит здесь про отзыв в своей статье «Теория безобразия», напечатанной в июльской книжке нашего журнала.

‹2›

Разумеется, автор говорит здесь не о благоразумно-буржуазном делении нравственной стороны человека на части. То есть что одна сторона человека должна признавать в том-то и том-то свои права, а другая — и долги к человечеству. Нам кажется, что автор понимает примирение эгоизма и гуманизма только в высшем самосознании, то есть чем выше будет сознание и самоощущение своего собственного лица, тем выше и наслаждение жертвовать собой и всей своей личностью из любви к человечеству. Здесь человек, пренебрегающий своими правами и возносящийся над ними, принимает какой-то божественный образ, несравненно высший образ

всесветного, хотя бы и гуманного кредитора, благоразумно, хотя бы и гуманно занимающегося всю жизнь определением того, что *мое* и что *твое*.

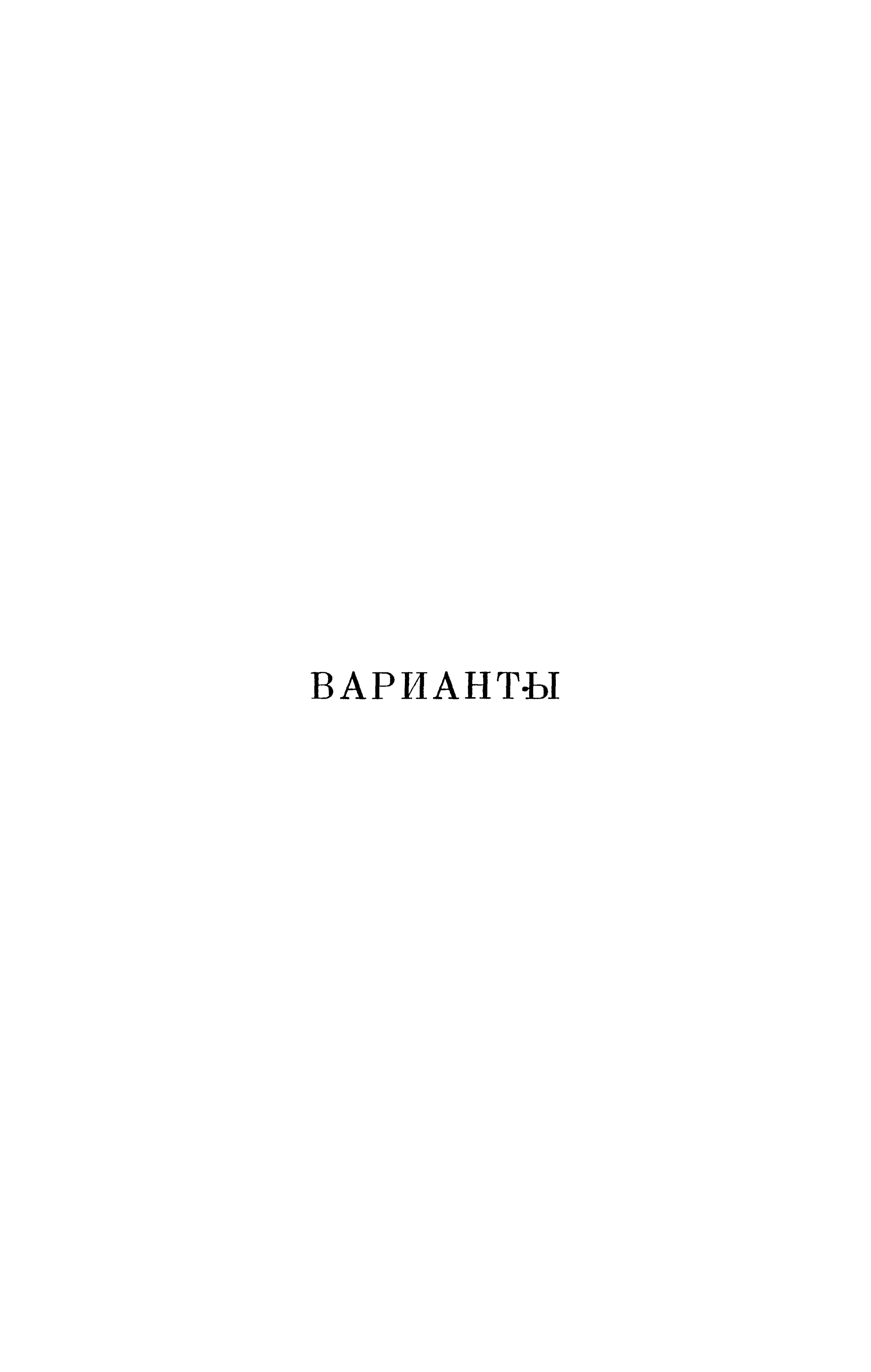
‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НОВОПРИЕЗЖЕГО»›

Мы помещаем это письмо г-на М. Ва., потому что по убеждениям, в нем высказанным, оно близко к направлению нашего журнала. Многое кажется нетронутым в нем и многое сказано весьма кратко, что требовало бы обширных рассуждений. Но в коротком письме, может быть, и нельзя было иначе высказаться. Поэтому г-н М. Ва. сделает очень хорошо, если не ограничится одним этим посланием, а сделает содержание этого письма предметом целого ряда писем. Так как это письмо прислано нам *действительно* новоприезжим, то читателям может быть небезынтересно слышать голос о русской литературе и действительных ее задачах от человека, почти два с половиной года жившего среди западноевропейской цивилизации.

1865

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ДЕТИ»›

Эту идею мы оставляем на ответственности автора.

ВАРИАНТЫ

ГОСПОДИН ЩЕДРИН, ИЛИ РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ

(Стр. 102)

Варианты наборной рукописи (НР)

1

Над заглавием рукой Достоевского написан и зачеркнут текст: Насытить брюхо ценою предварительного паралича всех членов и всех способностей организма — нелепость. А вы, напротив, в своем фанатизме к брюху дошли до того, что все члены и все ‹*нрзб.*› способности организма ‹*нрзб.*›. Как поступили вы с искусством, с нравственными идеалами, с фантазией, со всем. *На полях рядом с этим текстом помета:* «Корпус».

Под заглавием: («Эпоха», 1864, № 5, май).

Стр. 102.

17 *После*: на свободу — *вписано*: его

18–19 **Всё это** ∾ усилились, что / Всё это слухи, но эти слухи, имеющие и основание. Эти слухи тем более усилились, что [говорят]

19 очевидно / как-то

22 половинки... / половинки, так что в одной половинке только ножки еще подергиваются, а в другой только усики шевелятся, а весь г-н Щедрин уже запрещен окончательно...

24 литературного достоинства / [литературного] собственного достоинства

26–27 он будто бы рассорился / он рассорился

27–28 с каким-то посторонним сатириком / *а.* с каким-то сатириком. *б.* с каким-то [совершенно] посторонним сатириком

34 ни полслова, ни-ни-ни / ни-ни-ни, ни полслова

35 *После*: в «Современнике» — Вот где подлинно «Старик везде и нигде»! * *На нижнем поле примеч. Достоевского*: Старинный роман

Стр. 104.

2 строки / строчки ◊
8 всё это / это
5 у себя *вписано.*
6 раскаялся / пролил слезы раскаяния
7–8 Действительно, в последнее время / *Начато*: В послед‹нее›
11–12 «Современника» ∾ даже стыдит / «Современника». Почти то же самое утверждает и «Русское слово». Более того: оно стыдит
12–13 «Русское слово» теперь утверждает / оно утверждает теперь
15–16 он непременно ∾ остаться / стало быть, он просил пардону, и обещался не испускать более этой желтой жидкости
17 Ведь / Да и
17 действительно *вписано.*
18–19 *После*: в последние годы — *начато*: Чтит
19 и, по их понятиям, — «сретроградничать»? / Неужели он действительно хочет измениться и «сретроградничать»? всех *вписано.*
22 всё это очень интересно / это интересно
23 надо бы / надо бы [было]
26 нашу *вписано.*
27 на такой скучный подвиг / на это
27 *После*: вдруг — *начато*: в [редакцию]
27 наш *вписано.*
27–28 наш «портфель редакции» / в портфель редакции [нашего жу‹рнала›].
30–31 Поступившая рукопись — произведение / Это произведение
31 пера / писателя
36 новых *вписано.*
38 Щедродаров / Г-н Щедрин
38 журнал «Своевременный» / «Современник»
40–41 ...Итак ∾ «Своевременного». / Всё, разумеется, началось с начала, то есть с того самого момента, когда взяли г-на Щедрина и сделали его в «Современнике» соредактором.
41 Щедродаров / Г-н Щедрин
42 и беспечно наслаждался жизнию *вписано.*
42–43 в «Своевременном» / в «Современнике»

Стр. 105.

1 Правдолюбов / Добролюбов
2–3 Редакция ∾ собрались / Редакция тотчас же собралась
3–5 Может быть ∾ пустяках. / Мы, конечно, не ручаемся за буквальность и точность этих рассуждений, в том *Далее текст поврежден.*
7 Правдолюбов / Добролюбов
8 Еще бы не знать / *а.* Знаем, з‹наем› *б.* Уж конечно, знаем
8 хором / все хором
10–11 На первый случай ∾ зады твердить... / Конечно, мы будем зады твердить...
13 ...Но задов хватит ненадолго. / ...Но только вот что: задов хватит ненадолго.

14 *После*: факты — *начато*: Ибо ну

17–26 *После*: «Что делать?»! — *до слов*: — Гм! Милая идейка — *текст поврежден.*

27 — Гм! Милая идейка / — Премилая идея

27 употреблять / употребить

28 во всяком / при всяком

31–32 тем больше она ∾ избавит / *а.* тем больше она получит значения, глубины и избавит *б.* тем больше она в глазах неучей (а для неучей-то мы и пишем) получит значения, глубины и избавит

35 в нашем журнальном деле / У нас, между литераторами,

36 сам *вписано.*

37 большинству подписчиков / подписчикам

39 *После*: первый — свистит

41 свистит *вписано.*

41 карикатурит / карикатурит их

41 всех *вписано.*

45 *После*: кусающуюся — *начато*: Издание со‹чинений?›

Стр. 106.

1 собственно *вписано.*

2 нами / наша

4 теребить / грызть того

6 *После*: быть — веселость

8–10 Мне кажется ∾ в этом духе / Мне кажется, г-н Щедрин, если б его пригласить в состав редакции, мог бы в этом случае

12 Так, так! / Это так, это так

13 Щедродарова / г-на Щедрина

13 у Щедродарова / у Щедрина как у литератора

14 преимущество / достоинство

15 он тщеславен / *а.* он беспримерного тщеславия, как литератор *б.* он беспримерного, еще не слыханного до сих пор в литературе тщеславия *в.* он беспримерного тщеславия

18 игра / веселость

19 *После*: словечки — он вертляв *вписано.*

19 он вертляв / он вертится, как «бес перед заутреней»

22 А это-то всего драгоценнее... / И потому, понимаете ли:

24 г-на Скрибова / г-на Писарева

25–26 «Заграничное слово» / «Русское слово»

26 Там довольно / Там действительно

26 его оценят как юмориста и *вписано.*

28–29 Очевидно ∾ статьи / Вот это место у г-на Писарева

30–52 Г-н Щедрин ∾ деятельная молодежь / (NB Следует выписка № 1)

Стр. 107.

1 это известно / знаем

2 всем по плечу / популярны

4 а Щедродаров ∾ нужен / (а нам всего-то он на два, на три года и нужен) *вписано.*

5 Щедродаров / г-н Щедрин

5 был поумнее / в литературном отношении был поумнее

7 у него / у г-на Щедрина

8 кроме себя *вписано.*

9 тщеславие / тщеславию

14 пленен / польщен

14 Итак / Бьюсь об заклад, что он все эти три года каждый день [будет именинник именинником] от радости будет чувствовать себя именинником. Итак

15 *После*: нет? — Решено! решено!

И вот такпм-то или почти таким образом и принят был г-н Щедрин в редакцию «Современника». Это догадки. Но, по сущности дела, что-нибудь в этом роде непременно должно было быть.

16 Позвольте *вписано.*

22 «Лайте!» / Извольте лаять

30 был Щедродаров / он был

38 *После*: беллетристики — *вписано и зачеркнуто*: об котором мы не очень заботимся

39 высшему / более высшему

41–42 Но это со временем, а покамест / Вы же, покамест, только *вписано.*

Стр. 108.

2 всё собрание / всех

5 безусловно / постоянно *вписано.*

5 Вы / а именно: Вы ◊

9 заявили уже себя / явились

11 или / если

11 пробавлялись / пробавлялись бы

11 какими-нибудь *вписано*

15 они / они уж

18 не издавать на них звуков / не нападать

18 на них *вписано.*

19 об этом *вписано.*

20 такой уже / он

20 во всяком случае / просто

21 даже... / даже в двусмысленном виде, даже...

25–26 юмористикой / даже и юмористикой

32 тем более / потому *вписано.*

34 может служить / слу‹жит›

35 громадная / громадная и великая

35 «новая идея» / мысль

36 курсы / пункты

36 и сразу / и должна сразу

41 во 1-х *вписано.*

43 а во 2-х *вписано.*

43 положим *вписано.*

46 что ни есть на свете *вписано.*

Стр. 109.

1 предметов и произведений *вписано.*

4 Пушкина / сочинений Пушкина

5 очень можно / еще можно

6 а следственно, Пушкин — роскошь и вздор *вписано.*
9–10 например ∾ сапоги / уже после приобретения сапог
11–12 вздор ∾ прочие / и Гомер и все прочие вздор
12 бездна / есть
14 просвещенный Курочкин / например г-н Курочкин ◊
16 непросвещенного Гомера / Гомера ◊
17 обличил / абличил
22 являются / есть
22 уже последняя степень *вписано.*
23 русского *вписано.*
24–26 Но заметьте ∾ не издавать звуков / Но что о Шекспире можно отчасти и погодить
25 зачем / отчего
28 тем паче / тем более
29 *Вместо*: Шекспира можно и пощадить, конечно до времени — *начато*: до времени можно и пощадить
32 к пункту *вписано.*
38 Вам надо проникнуться / ‹*нрзб.*›
41 иначе / ‹*нрзб.*›
43–44 не смеялся / не смеется
46–47 зараженный пагубными предрассудками-с *вписано.*
47–48 таким образом *вписано.*

Стр. 110.

2 ваш бессмысленный / ваш бессмысленный, исполненный предрассудков *вписано.*
3 экономической / социальной
8 нашего времени *вписано.*
12 к стыду людей *вписано.*
12 умели изобрести / изобрели
15 *После*: десятых — *начато*: зем‹ного›
16 *После*: не сытые — *начато*: И так
17 разглядеть / *начато*: вид‹еть?›
18 какими-то *вписано.*
19 сами по себе *вписано.*
19 по своей воле *вписано.*
24 возразить / сказать
26 *После*: но — *было*: *а.* что это непрактично и *б.* что отчасти это и непрактично, и
29 *После*: перепортив — *было*: Он хотел было указать что человечество ни за что не согласится плюнуть на все остальное и жить только для брюха, что человеку вместе с пищею хочется и свободы, калачика, пошалить, поиграть [пошалить] и пофантазировать, что жизнь дается однажды и что потому всякому хочется как можно больше на своей воле пожить [хотя бы и поступать ‹*нрзб.*› а не в муравейнике. Одним словом, сытое брюхо, может быть [будет] последний шаг [человечества], а не первый шаг;] что сытое брюхо может быть достойным продуктом всех жизненных сил, а не предварительным и преднамеренным параличом всех остальных способностей человека; что человек ни за что не захочет жить по книжке

29 *После*: прибавить, что — *было*: достигнуть этого

31–32 предварительным ∾ способностей человека / ценою пренебрежений жизни

33 *После*: брюха — *начато*: что мы еще не знаем законов жизни и мало их исследовали; и что, наконец, [отыскание] искание подобных задач — ‹*нрзб.*›, а в одном отвлеченном отношении всё равно, что искание философского камня: но

34 он ∾ устроен/ его голова была так мало устроена

35 смиренно молчал / он молчал

36 на случай придется / например случится

37 *После*: например — [хоть] *вписано*.

41 *После*: непозволительная — *начато*: пото‹му›

41 должно быть *вписано*.

42 сами ль ∾ под турками / что сами по себе, что австрийцы, что турки

44 разве ∾ турок / уже приобресть остальное

47 неразрешенными вековечными / философскими

Стр. 111—112.

1–29 отвечайте ему ∾ легкомыслие и — *листы рукописи этого отрывка утрачены.*

Стр. 112.

30 постоянно *вписано*.

30 делали / сделали ◊

31 самое *вписано*.

32–33 *После*: захотелось — *вписано*: [сегодня]

34–35 и даже теории *вписано*.

36–37 была бы ∾ удивлена / *а*. ему бы даже досталось *б*. ему бы могло и достаться

39–40 Когда же ∾ путался / Иногда Щедродаров, когда сам уж так путался

40–41 выбегал ∾ штучку / *а*. он, как мужик, воспетый Глинкой, выбегал на ули‹цу› *б*. он выбегал перед публикой в виде мужика, с которым Глинка познакомил наше высшее общество, и откалывал штучку.

41–42 Публика ∾ мигом успокоивался. / Публике нравилось, и его это успокоивало.

43 отрывками *вписано*.

44 *После*: сколько — *начато*: фельето

Стр. 113.

1 противоречило / противуречило

2 *После*: в «Своевременном» — еще прежде того он вздумал цитовать из «Разъезда» Гоголя, что также ‹?› прямо противуречило пункту об эстетике.

3–4 победоносно уличили / заключили

4 «Своевременного» / «Своевременный»

7 *Вместо*: на — *начато*: как

8 встал / стал

10 смотреть / *а*. смотреть туда *б*. смотреть на всех ◊

10 не стоит / не стоит. Одним словом, эмансипировался. ◊

12 IV / 4 ◊

14–15 накинулись / закричали

19 напороли / *начато*: настря‹пали?›

21 явились *вписано.*

23–24 никаких *вписано.*

25 свои *вписано.*

29 другой вопрос — почему? / вопрос филологический ‹?›

30 могли завестись / завелись

31–32 вот ∾ тирада / Вот тирада

Стр. 114.

12–13 отвечал в свою очередь пикированный Щедродаров *вписано.*

17 с ним *вписано.*

17 Что ж, и я могу сходиться / Почему ж? И я могу сойтись

18 и выражения / выражения

19 словечко / словечко-с

22 употребляете / употребили

24 писал / говорил

25 О мальчишках! да ведь это всё равно. / *а.* О несчастный! да ведь это всё *б.* О мальчишках! Нам писать о мальчишках, — да ведь это всё равно

25 на самих себя / на себя самих

26 тогда *вписано.*

2

Стр. 116.

13 Вы — сон. / повторяете и того не замечаете! — *Конец варианта, начало которого — в утраченном листе рукописи.*

14 Из-под вас / У вас

15 так и чешет! / так и чешет по-печатному!

19 Это фраза! / Это фраза, фраза!

20 ровно *вписано.*

21 Он вольнодумец / Но вы вольнодумец после этого, милостивый государь, вы якобинец! Как вы смеете!

21–22 окружая Щедродарова / пылая гневом

23 Нет-с, я только / Нет, я

23 *После*: хотел — *начато*: честн‹о›

25 и не замечали моих усилий / не заметили

26 в деревню ∾ мыслями / ездил за своими мыслями в деревню

26 мой талантливый *вписано.*

27 в «Своевременном» *вписано.*

27 увидел / видел

29 не задумывался / не думал

30 только в первый раз / *а.* первый раз *б.* всего первый раз

33 Вы, *вы* / Вы, вы, *вы*

36 мысли / мысли, и мое экономическое отношение стоит всякого вашего.

38 спросит / просит

40 конечно *вписано.*

40–41 вашего... / вашего. Здесь

42 такой / кругом Щедродарова такой
42–43 Щедродаров совсем сбился / он сбился
44 45 в изумлении ∾ сотрудников / смотрел выпуча глаза на сотрудников

Стр. 117.

1 Вот несколько глав. Далее не хотим печатать. *вписано.*
3 как известно *вписано.*
4–5 заключает ∾ основание / заключает и справедливую сторону дела
5-6 Опять-таки «страшимся / *а. Начато*: Потому что если? *б.* Повторяем: страшимся
7 Есть / Как будто даже и есть
8 например / есть, например
8 хоть в главе «об условиях» / в условиях
8–9 может быть *вписано.*
10 свои *вписано.*
10–11 до главы о суматохе / до суматохи
14 повторяем это еще раз *вписано.*
14 полном / искреннем
14–15 убеждении / предположении
15 сильно / совершенно
21 изображает / ‹*нрзб.*› рисует
22 Но *вписано.*
22–23 всё случившееся действительно / всё действительно бывшее
24–25 *После*: справедливы. — *Начато*: Года полтора назад мы даже предупреждали г-на Щедрина еще ‹?›
26–27 как для своих сочинений, так и в практической жизни *вписано.*
27–28 Нам ∾ преувеличением. / Положительно говорим, что [что тут] нам кажется это преувеличением.
35 он явился / *а. Как в тексте. б.* он в первый раз явился тогда *вписано.*
36 в фельетоне / *а. Начато*: в «Со‹временнике»› *б. Вписано*: в первый раз
36 играя, шаля и заигрывая / *а.* играя и заигрывая *б.* играя, юля и заигрывая
36 *После*: заигрывая — *было*: мы, движимые к нему участием, решились предупредить его о его собственном положении и в ответ на его вирши, направленные против нас, написали ему во «Времени» свои вирши [нарочно самые], — вирши безобразные и в высшей ‹степени?› нехудожественные, но в которых каждая строчка служит ему намеком, предупреждением и, так сказать, прообразованием всей будущности, которую он сам приуготовлял себе. Вот эти вирши:
38 одним только *вписано.*
39 прилагательным / эпитетом
41 к нему свое презрение / свое к нам презрение
42–43 единственно / это
43 *После*: приостановился — *было*: изданием
45 г-н Щедрин / он
46 у нас печататься / печатать у нас
47 самое *вписано.*
48 нашего журнала / «Времени»

Стр. 118.

8 приостановит / будет принужден приостановить

5–6 тогда же (то есть до вступления своего в «Современник» в качестве соредактора) *вписано.*

9 тогда же *вписано.*

10 что бы / что

11 *После*: против цифр? — *было*: Мы нарочно припомнили это обстоятельство. В [ма‹йском›] [последней] книжке «Современника» [нынешнего года], в майском номере, есть опять [вых‹одка›] подобная же выходка г-на Щедрина против нас, даже, может быть, еще более мрачного оттенка, чем тогдашняя. Тут уж не легкомыслие. Тут уже не знаем, как и назвать. (Надеемся, г-н Щедрин не станет утверждать, что статья не его, потому что им не подписана.) В этой, действительно, веселой статейке

14 Мы, впрочем, и сами / Признаемся, что мы и сами

15 игре / юмору

15 *После*: игре. — *начато*: А если только это его

17 выделанная / *Начато*: как бы по

18–19 Против «Русского слова» / о «Русском слове»

19 уже нет почти ничего / нет ничего

20 *После*: основанием — *начато*: распр

20 и тоже / и

22 намекается, что мы / и если действительно статья принадлежит г-ну Щедрину (в чем, кажется, трудно усумниться), то он [расчетливо] хорошо сделал, что не взял в обычай подписывать под фельетонами свое имя. В этой статье, направленной против нас, [гово] намекается, что мы ◊

22 начав издание «Эпохи» *вписано.*

23 изменили в некотором пункте / в некотором пункте изменили

23 свои убеждения / свое направление

25 статьи *вписано.*

25 *После*: показание — *начато*: вполне

26 наших убеждений / нашего направления

27 его / автора

29–30 обеспечивал? / обеспечивал и [где] в чем искал протекции? ◊

31 *После*: такой выходки — *вписано*: и такого прикрытия ◊

31–32 Стало быть, действительно / Действительно

33–35 Что же касается ∾ навело уныние. / Что же касается о грусти, невольно разлитой по всему этому фельетону, то вот для образчика начало:

35 Это место / Оно

Стр. 119.

7 не одно то / не всё то

10 не говорить. / не говорить. В чем же тут «новая идея»?

10–11 То-то и есть ∾ юмориста. / Тяжела, господа, обязанность присяжного юмориста.

12–14 Писать не о чем ∾ переливай / *а.* Не об чем писать, желчь, голова болит, мыслей никаких, — нет, пиши, вертись, переливай *б.* Писать не об чем, неприятности, желчь, голова в отлучке, мыслей не бывало, — нет, пиши, вертись, как бес перед заутреней, переливай

14 на грош / в номер

15 прудит на целой странице / разводит на странице

16 в двух словах / в двух словах [и чего даже можно] По крайней мере деньги за всю страницу возьмет, хоть тем [наверстает] себя утешит

16 Каторжная должность! / Каторжная, господи, должность!

20 *После*: баба — *начато*: нянька, и к ней вдруг

22 г-н Щедрин *вписано*.

23 общественных язв / обществ

24 «фики» / «фики», когда такой тонкий политический намек умел сделать!

25 *После*: это не то. — *начато*: Уныло, уныло как ‹*нрзб.*› ... Нет к унылым думам / к тем же унылым думам

28 Вот *вписано*.

Стр. 120.

12 пленить могут / могут пленять

13 *После*: автор! — *начато*: Это впр‹очем›

15 булат / сталь

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

(Стр. 125)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 125.

18 достигается / по преимуществу достигается

19 но совершенно ∾ такими / но такими

20–21 *Слов*: («плюнуть на вас», «дуракова плешь» и проч.) — *нет*.

21 Лично же / К тому же лично

22 сплетен / клевет и сплетен

23–24 так простодушно провозглашенной / провозглашенной

25 *После*: заявления — *начато*: [нашим]

29–30 составляющий ∾ на искусство. / самый важный пункт в вопросе об искусстве и в то же время в нигилистических ученьях об искусстве.

30–31 в своем возражении ∾ этого вопроса. / *а.* в своем объяснении всю мелочность своего понимания этого вопроса *б.* в своем объяснении всю бедность и мелочность своего понимания этого вопроса.

31 А между тем ∾ важности вопроса. / *а.* вопроса. А между тем [прочим] вопрос слишком важный, и мы непременно намерены не далее как в следующем номере «Эпохи» поговорить о нем обстоятельнее собственно ради важности вопроса. *б.* вопроса, и мы непременно намерены указать ему на эту мелочность не далее как в следующем номере «Эпохи». Редко «Современник» высказывается в чем-нибудь положительно и серьезно, он [большею частию действует] действовал до сих пор отрицательно и с юмором и, таким образом, всегда умел показать вид, что знает и мог бы высказать гораздо больше, чем [вы предполагаете] с виду кажется. Тактика ловкая, именно тактика отрицательная. Но так умели действовать [его недавние] только одни прежние коноводы «Современника», которые подчас хоть и много говорили вздору, но зато были несравненно ученее и талантливее теперешних. Если

и завирались они, то завирались с талантом. [Не так умеет, видно, ‹нрзб.› действовать теперешняя] Характеристика же теперешней осиротелой редакции есть та, что все эти сироты врут без таланта (исключая г-на Щедрина разумеется, который в вышеупоминавшихся статьях «Современника» не участвовал). Вот хоть бы и [теперь] в настоящем вопросе о «яблоках»: первое дело, не следовало бы высказываться положительно; но они высказались, и мы непременно им ответим. Вопрос слишком серьезный...

Ред.

Варианты первой корректуры «Эпохи» (К)

На полях помета Достоевского: Прошу отпечатать [с ‹этого›] по сделанным поправкам два других корректурных листа и доставить в редакцию поскорее. Ф. Достоевский.

Стр. 125.

8–9 весьма замечательным примечанием / примечанием

16 западническое / вполне европейское западническое

18 достигается / по преимуществу достигается

19 совершенно уж прямыми и по преимуществу такими / такими

21 Лично же / К тому же лично

22 сплетен / клевет и сплетен

23–24 так простодушно провозглашенной / провозглашенной

24 *После*: надобности — *было*: Действительно, такое наивное признание в выборе употребляемых ими средств, само собою, снимает с меня и все их наговоры. Заподозревает и правдивость их наговоров.

30 бедность / *а.* бедность и мелочность *б.* мелочность

32 в скором времени / не далее как в следующем номере «Эпохи»

Стр. 126.

1–2 над болезнию какого-нибудь больного человека / над моею болезнию

2 я этого вовсе не понимаю / я не понимаю

2 я знаю / знаю

4 уж очень сильного / чрезвычайно сильного

10–11 болезнь ∾ одним словом, в подробности / *а.* болезнь, именно «падучая болезнь» *б.* болезнь и что я лечусь. Знает, может, и то, как и когда я получил болезнь и т. д., и т. д.

15–16 гнева, и дивиться тут нечему / гнева

39 выражаться до такой степени неожиданно / *а.* быть до такой степени неосновательною *б.* быть до такой степени неожиданною

43–44 назвал ее, пародируя «Современник» / назвал ее

Стр. 128.

7 уж тем / уж тем одним

10–11 потому только, что подвернулось / потому, что подвернулось только

11–12 за то / за то только

13 Какая же это наивная злость / *а.* Но ведь тут дело совсем о другом вопросе... И к тому же доктор — человек общественный: се-

годня я лечусь у него, а завтра, при несчастии, может обратиться к нему и сам «Посторонний сатирик». Доктор не родственник. Он не *мой* исключительно, не *мой* особенно, чтоб его можно было заодно со мной обругать, как родственника или родственницу... *б.* Но ведь тут дело совсем о другом вопросе...

14–15 удивляет (мало ли какая бывает злость!) / удивляет

19 в гостях / в гостях, на вечере

19–20 ему не понравился / не понравился

22 не терять времени и не забыть выругаться / не терять времени

23 тот / он

29–30 мне не понравился, а я и забыл его обругать, так уж и его тут зараз... / *а.* мне не нравится, так я уж и его тут зараз ругаю. *б.* мне не нравится и еще не обруган, так я уж и его тут зараз ругаю.

33–34 прежде... Зачем же он ругал его! ∾ Удивительно! / *а.* прежде... Во всяком случае удивительно! *б.* прежде... За что ж он обругал его! Удивительно!

34 *После*: Удивительно! — *было*: Кто знает, может быть, это именно то самое состояние и есть, когда гневливый человек, за отсутствием врага, вдруг начинает колотить кулаками в стену. Но в стену колотить все-таки несколько [понятнее], логично, потому что стена безлична и не может [о себе напомнить, что она совсем не враг] сказать ему: «Я стена, а не враг твой», и таким образом [безлична] во время остановить сердящегося, а у доктора свое лицо, свое собственное, особливое лицо, которое тут же бы, кажется, и должно было напомнить (именно своей особливостью), что вот, дескать, я совсем не тот; я сам по себе и ничем тут не виноват, ну и проч., и проч. А между тем совсем не то вышло.

38 приемы / средства

39–40 И за что ∾ постороннего человека! / [Ну за что] И за что, за что, скажите, обругали они [моего доктора] совсем постороннего человека!

Варианты второй корректуры «Эпохи» (НК)

Стр. 126.

11 и т. д., одним словом, в подробности / и т. д., и т. д.

37 *Фразы*: Тут именно разумеется мой доктор, тот, который меня лечит — *нет*.

39 выражаться до такой степени неожиданно? / быть до такой степени неожиданною?

Стр. 128.

11–12 Неужели за то / Неужели за то только

13 Какая же это наивная злость! / Но ведь тут дело совсем о другом вопросе...

19 тот / он

29–30 не понравился, а я и забыл его обругать, так уж / не нравится и еще не обруган, так я уж

33–34 Зачем же он ∾ Удивительно! / Зачем он обругал его! Удивительно!

ПРИМЕЧАНИЯ

1

В двадцатом томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского публикуются: 1) статьи и заметки из журналов «Время» (1862—1863) и «Эпоха» (1864—1865); 2) пять записных книжек и тетрадей Достоевского 1860—1865 гг., материалы которых тесно связаны по содержанию с его публицистической и редакторско-издательской деятельностью первой половины 1860-х годов. Подготовительные материалы, планы и наброски художественных произведений из указанных книжек и тетрадей, напечатаны в томах I (планы переработки «Двойника»), III, IV (заметки к «Запискам из Мертвого дома») и V, а потому в настоящем томе не повторяются; отдельные заметки из тех же книжек и тетрадей, не имеющие творческого характера (дневниковые записи, перечни денежных расходов, долгов, различного рода подсчеты и др.) будут воспроизведены в одном из последующих томов.

В отделе «Приложения» печатаются: 1) редакционные объявления «Времени» и «Эпохи» (1862—1865); 2) редакционные примечания из обоих журналов за тот же период.

Редакционные объявления и примечания в обоих журналах в наибольшей своей части принадлежат Ф. М. Достоевскому (так, он является автором всех редакционных объявлений и примечаний, появившихся в «Эпохе» после смерти М. М. Достоевского, — см. стр. 417). В остальных случаях автором их является его старший брат или в некоторых отдельных случаях — другие постоянные сотрудники журнала. Когда авторство Ф. М. Достоевского по отношению к редакционным документам и примечаниям не вызывает сомнений, это отмечается (а в необходимых случаях и специально аргументируется) в примечаниях. Здесь же отмечаются случаи, когда у нас есть основания полагать, что объявления и примечания написаны М. М. Достоевским или когда они могут быть с равным основанием приписаны любому из двух редакторов «Времени» и «Эпохи» (или могли быть плодом их коллективного труда). В последнем случае составители комментария и редакция данного издания ограничиваются соображениями о большей или меньшей вероятности участия Ф. М. Достоевского в их написании. Редакция не ставила своей непременной задачей каждый раз во что бы то ни стало однозначно решить вопрос об авторе того или иного редакционного примечания (как и в предыдущем томе), считая

эту задачу в ряде случаев и неразрешимой и бесплодной в научном отношении, — там, где речь идет о небольших по объему примечаниях, нейтральных по тону и не имеющих сколько-нибудь яркой индивидуальной окраски, примечаниях, выполнявших к тому же в журнале скромные технические и информационные цели. Тем не менее независимо от того, кто был автором каждого редакционного объявления или примечания, мы сочли целесообразным собрать их в настоящем томе за период с 1862 по 1865 г. все — так же, как это сделано в т. XIX для объявлений и примечаний 1861 г., поскольку все эти документы в той или иной мере отражали общую согласованную точку зрения обоих редакторов «Времени» и «Эпохи» и представляют интерес для уяснения общих принципов их редакционно-издательской деятельности. К тому же, независимо от авторской принадлежности, они, как правило, дают дополнительный материал для понимания определенной стороны взглядов Достоевского-художника и мыслителя.

Не публикуются в настоящем томе, как и в предыдущем, те немногочисленные анонимные статьи «Времени» и «Эпохи» за соответствующие годы, которые с определенной долей вероятности могут быть приписаны Достоевскому, но пока не могут, по мнению редакции, быть атрибутированы ему более уверенно: статьи эти будут помещены в одном из последующих томов, в разделе «Dubia».

2

1862—1865 гг. были периодом напряженной творческой работы Достоевского-художника. В это время заканчиваются «Записки из Мертвого дома», пишутся «Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Крокодил» (см.: наст. изд., тт. IV, V). Все эти произведения появляются во «Времени» и «Эпохе». Дважды на протяжении указанного периода Достоевский возвращается к переработке «Двойника», но так и не завершает ее (см.: наст. изд., т. I, стр. 432—436, 484—485). А в 1865 г., очутившись в тисках жесточайшей нужды, Достоевский предпринимает второе (четырехтомное) издание своих сочинений, подготовка которого потребовала немало времени и труда.

В личной жизни писателя это был период двух его заграничных поездок (летом 1862 и 1863 гг.) и весьма тяжелых для него переживаний: болезнь и смерть первой его жены М. Д. Исаевой (Констан), увлечение А. П. Сусловой и разрыв с ней, запрещение «Времени» в мае 1863 г. и, наконец, смерть любимого старшего брата — М. М. Достоевского, после которой он принял на себя заботу о его семействе и долговые обязательства, единолично пытаясь продолжать издание начатого ими совместно журнала «Эпоха». Крах последнего весной 1865 г. окончательно подрывает материальное положение писателя. Лишь предпринятые им отчаянные меры борьбы с надвигающейся нищетой дают в конце концов Достоевскому возможность в июле выехать за границу, чтобы на время скрыться от требований кредиторов и сохранить условия, необходимые для творческого труда.

Длительные отлучки из Петербурга во время заграничных поездок, болезнь жены и вызванный ею переезд (на время с ноября 1863 г. до конца апреля 1864 г.) в Москву, откуда писатель мог лишь несколько раз, на сравнительно недолгое время, вырываться в Петербург, не давали Достоевскому в 1862—1864 гг. столь же постоянно и активно участвовать в этот период в повседневной работе по изданию журналов и уделять столько же времени публицистической деятельности, как в 1861 г. Уже в 1862 г. число и объем его журнальных статей во «Времени» сокращаются. Период организации «Эпохи», выход первых номеров нового журнала падает на время жизни писателя в Москве. Тем не менее и в 1862 г. Достоевский продолжает оставаться не только ведущим сотрудником художественного отдела «Времени», но и идеологом журнала. Уже в статье «Два лагеря теоретиков» (1862), имевшей программный характер, писатель постарался в изменившихся по сравнению с 1861 г. исторических условиях, на новом этапе литературно-общественной борьбы, размежевания социально-идеологических группировок и направлений, сформулировать основные установки «Времени». Вслед за этим он же берет на себя продолжение полемики с Катковым, славянофилами и революционно-демократическим «Современником». Здесь в качестве основного оппонента Достоевского с 1862 г. выступает М. Е. Салтыков-Щедрин. В 1863 гг. Достоевский принимает на себя сложную обязанность ответить катковским «Московским ведомостям», напечатавшим в связи с появлением в апрельской книжке «Времени» статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» доносительную статью К. Петерсона о журнале братьев Достоевских, вызвавшую вскоре его запрещение цензурой. Наконец, в «Эпохе», сразу после возвращения в Петербург в 1864 г., писатель возобновляет полемику со Щедриным. После смерти брата, став, как мы уже знаем, единоличным редактором журнала, он продолжает эту полемику.

В статье «Два лагеря теоретиков» в ответ на упреки публициста «Современника» М. Антоновича в неопределенности и расплывчатости программы «Времени» Достоевский дополнил эту программу новыми важными пунктами: «облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок», «открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам». «Общинный быт», «артель», способность русской народной массы упорно отстаивать «целые века свое общественное устройство», раскол как выражение уже в прошлом ее «страстного стремления к истине» и «глубокого недовольства действительностью» — все это «доказательство того, что народ наш способен к политической жизни», — утверждает Достоевский (см. выше, стр. 20). Эти положения отличались несомненным демократизмом.

В то же время Достоевский все более прочно утверждается на позициях мирного, безреволюционного изменения действительности. В противовес революционным демократам и их вождю Н. Г. Чернышевскому он отстаивает идею нравственного перевоспитания и общества в целом, и отдельного человека как единственно возможный, с его точки зрения, путь к преобразованию жизни. Свой этический идеал Достоевский стремится обосновать, опираясь на переосмысление христианского учения и норм христианской нравственности. О сложных и напряженных размыш-

лениях над ними свидетельствуют такие записи 1863—1865 гг., помещенные в данном томе записных тетрадей, как заметки, сделанные после смерти М. Д. Достоевской («Маша лежит на столе...») и наброски статьи «Социализм и христианство» (см. выше, стр. 172—175, 191—194).

Указанной позицией Достоевского объясняется острота и резкость, часто свойственная его полемике с лагерем «Современника» и в записных тетрадях, и в статьях 1862—1865 гг. Она же определила непримиримые, едкие сатирические нападки Щедрина на «Время» и его редакторов, как и столь же резкий тон ответных статей Достоевского.

И Достоевский, и Щедрин не щадили друг друга в своих статьях, ибо они горячо принимали к сердцу вопросы русской жизни и страстно стремились к ее изменению, но по-разному понимали пути и методы, которые должны были к нему привести. В этом, в конечном счете, причина той горячности, с которой оба они вели полемику, нередко весьма болезненно задевая друг друга. В то же время оба они — и это хорошо видно как из печатаемых в этом томе статей, так и из позднейшего отзыва Щедрина о Достоевском — высоко ценили друг друга как писателей, прекрасно понимали разницу между своим оппонентом в данной полемике и заурядными, реакционно или либерально настроенными современниками. Такова та сложная диалектика взаимоотношений двух великих русских писателей, которую необходимо учитывать для правильного понимания глубокого и принципиального диалога между ними, который начался еще в 1840-х годах и с новой силой возобновился в 1870-х (анализ этого диалога, хотя и не в полном его объеме, см. в примечаниях к статьям Достоевского в данном томе, где указана также основная литература вопроса).

3

История журнала «Время» (за весь период его существования с момента основания до цензурного запрещения в апреле 1863 г.) сжато освещена в т. XVIII наст. изд. (стр. 207—212) (ср.: *Нечаева, «Время»; Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*, стр. 9—158). Новейшие исследования показали, что запрещение «Времени» не было результатом простого недоразумения, как нередко ошибочно полагали в прошлом; в правительственных и цензурных кругах «Время», при всех его расхождениях с «Современником», довольно скоро снискало репутацию неблагонадежного журнала, ряд сотрудников которого, как и многие помещаемые редакцией материалы, отличаются «вредным направлением» (*Нечаева, «Время»*, стр. 288—316). Этим объясняется быстрая реакция цензурных инстанций и немедленное решение царя о закрытии журнала, после того как катковские «Московские ведомости» (издатель которых был раздражен длительной и резкой полемикой с ним Достоевского, а вместе с тем воспользовался случаем для расправы с влиятельным конкурентом, тем более что число подписчиков «Времени» и тираж его постоянно возрастали) обратили внимание правительства на статью Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» и истолковали ее как скрытую поддержку польского восстания.

В действительности смысл статьи Страхова и позиция «Времени» в польском вопросе были другими: «Время» указало лишь на необходимость, с его точки зрения, перенести рассмотрение польского вопроса из одной политической также в более широкую, философско-историческую плоскость; при этом оно выдвинуло взгляд на польское восстание 1863 г. как на результат исторически обусловленного, неизбежного столкновения двух различных религий и цивилизаций. Такое толкование «рокового вопроса» подкреплялось ссылкой на позицию Пушкина перед лицом польского восстания 1831 г. (в особенности в стихотворении «Клеветникам России»), по существу же оно соответствовало характерному для Достоевского (как и для Страхова) представлению о различии глубинных основ восточной и западной цивилизации (см. выше, стр. 99—100); при этом решающее значение «почвенники» — Достоевский и Страхов, вслед за славянофилами 1840—1850-х годов, были склонны придавать различию между восточным (православным) и западным (католическим) христианством; в последнем они усматривали продолжение римской государственности со свойственным ей рационализмом и отношением к обществу как лишенному внутренней жизни, бездушному механизму.

Тем не менее уже самая постановка Страховым вопроса о польском восстании не как о результате преступных, «злокозненных» действий повстанцев и их слепых орудий — русских нигилистов (именно так объяснял польское восстание Катков), но как об исторически обусловленном конфликте, вызванном целой цепью сложных причин и поэтому требующем серьезного, вдумчивого отношения со стороны мыслящей части общества, — не только противоречила комментариям официозной прессы, но и казалась правительству Александра II крайне неуместной и нежелательной в момент восстания. Излагая заключительный вывод статьи Страхова, обозреватель Третьего отделения, писал, что, по мнению журнала «Время», «...для уничтожения притязаний Польши, Россия, в семье славян, должна принять на себя передовую роль в цивилизации» («Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 220). Таким образом, в призыве «Времени» к просвещению и развитию самобытных национальных начал Третье отделение склонно было усматривать своеобразную завуалированную форму пропаганды идеи реформ, государственных и общественных преобразований. Именно этим, надо полагать, была вызвана резкость ударов, обрушившихся на журнал братьев Достоевских, несмотря на их стремление самооправдаться и отвести от журнала угрозу запрещения (см. выше, стр. 97—101).

24 мая Александр II по докладу министра внутренних дел П. А. Валуева отдает высочайшее повеление о прекращении издания журнала «Время» за статью «Роковой вопрос» «неприличного и даже возмутительного содержания», идущую «прямо наперекор всем действиям правительства» и якобы оскорбляющую народное чувство, а также за «вредное направление» журнала (см. *Сб. Достоевский, II*, стр. 560). 26 мая Валуев доводит это решение царя до сведения Цензурного комитета, а 29-го комитет оповещает о нем М. М. Достоевского (там же, стр. 566—567). 1 июня распоряжение о закрытии журнала «Время» было официально опубликовано в газете «Северная почта» (1863, № 119).

Ответ Ф. М. Достоевского «Московским ведомостям», уже набранный, не был пропущен цензурой и не мог способствовать спасению обреченного журнала.

В написанных после смерти Достоевского воспоминаниях Страхов осторожно упрекает обоих редакторов «Времени» в том, что до его выступления со статьей «Роковой вопрос» «журнал дурно исполнял обязанности, предлежавшие тогда всякому журналу, а особенно патриотическому». «„Время“ 1863 г. было замечательно интересно в литературном отношении <...>, — продолжает он. — Но о польском вопросе ничего не было написано» (*Биография*, стр. 247). Это дает основание подозревать о разногласиях в редакции: по-видимому, какое-то время, несмотря на настояния и прямое недовольство Страхова, братья Достоевские воздерживались от выступлений по польскому вопросу, а возможно, и не сразу дали согласие на помещение его статьи.

В тех же воспоминаниях Страхов, оправдываясь, что ни у братьев Достоевских, ни у него не было «и тени полонофильства», вынужден признать, что его статья тем не менее причинила «огорчение» не только Каткову, но и «многим патриотическим людям», например И. С. Аксакову, и что автор вынес за нее немало «презрительных взглядов и холодностей <...> даже от иных близких знакомых». Наоборот, она понравилась, по словам Страхова, многим «полякам», а те, кто сочувствовал революционной Польше, принимали часто автора «за полонофила» (там же, стр. 247, 258). Как на причину всего этого Страхов указывает на теоретичность, сухость и отвлеченность своей статьи, дававших повод для превратных толкований. В действительности, дело, по-видимому, обстояло сложнее: не одна «отвлеченность» изложения статьи Страхова, но и самая позиция журнала в политической обстановке, накаленной польским восстанием, казалась правительству и реакции подозрительной. Она, даже вопреки намерениям автора, позволяла делать вывод, что «польское дело есть дело цивилизации». Именно поэтому долгое время журналу, по словам Страхова, «не позволялось оправдываться» (там же, стр. 254, 258).

После запрещения «Времени» братья Достоевские предпринимают лихорадочные меры для того, чтобы добиться отмены этого запрещения или получить возможность возобновить издание журнала. Но хлопоты их долго оставались безрезультатными. Спасло положение, как можно полагать на основании воспоминаний Страхова, то, что автором статьи «Роковой вопрос» был именно он, а не один из братьев Достоевских («Московские ведомости» подозревали в авторстве в первую очередь Ф. М. Достоевского). К тому же Страхов не только не мог не чувствовать перед Достоевскими двойной вины (мало того, что его статья вызвала запрещение журнала, она и напечатана была, по-видимому, как говорилось выше, по его настоянию, вопреки первоначальному желанию редакции не вмешиваться в обсуждение польского вопроса), — по собственному его признанию, он боялся, что его вышлют из Петербурга. Это вызвало усиленную активность Страхова в стремлении самооправдаться. «Я тотчас написал М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, — вспоминает Страхов, — составил объяснительную записку для министра внутренних дел и предполагал подать просьбу государю <...> И М. Н. Катков и И. С. Аксаков отозвались сейчас же и

принялись действовать с великим усердием» (*Биография*, стр. 254). Перемена позиции Каткова, вызванная, вероятно, с одной стороны, тем, что он добился своей главной цели — запрещения конкурирующего журнала, а с другой — тем, что автором статьи оказался Страхов, на которого Катков смотрел как на союзника в борьбе с «нигилизмом», решила дело. В № 5 «Русского вестника» за 1863 г. Катков напечатал статью, повторявшую его прежние нападки на «Роковой вопрос» и журнал братьев Достоевских, но снимавшую со статьи Страхова упреки в полонофильстве. Что касается Аксакова, то из ответного его письма Страхову от 6 июля 1863 г. видно, что он хотя и оценил «Время» как «хороший беллетристический журнал, более чистый и честный, чем другие», но отказался признать его журналом с «народным направлением» (там же, стр. 257). Заметкой «Русского вестника» редакция «Времени» и сам Страхов были, по его оценке, «ограждены от всяких дальнейших дурных последствий <...> никого из нас больше не трогали и <...> через восемь месяцев Михаилу Михайловичу Достоевскому дозволено было начать новый журнал» (*Биография*, стр. 255—256).

4

После того как Страхову удалось побудить Каткова отказаться от политических обвинений, выдвинутых против него и братьев Достоевских, М. М. Достоевскому было дано обещание разрешить ему возобновление журнала под измененным названием. Но «цензурное ведомство оказалось — по словам Страхова — крайне тугим <...> разрешение все оттягивалось. Почему-то принят был срок восьми месяцев со времени запрещения» (*Биография*, стр. 267). 15 ноября М. М. Достоевский (заручившись предварительным устным согласием) подает министру внутренних дел просьбу разрешить ему с января 1864 г. издание журнала «Правда». И это название, и предложенное вслед за ним редактором второе — «Дело» было отвергнуто цензурой и признано «опасным». Наконец редакция, «скрепя сердце», остановилась на прежде «забракованном» названии «Эпоха» (там же). Но и под этим названием журнал был разрешен лишь после вторичной подачи прошения с приложением подробной программы «Эпохи». В первом прошении министру редактор заверял, что направление будущего журнала «будет в полной мере русское», созвучное «патриотическому настроению общества», а во втором, что целью «Эпохи» будет «уяснять читателям те великие силы, которые таятся в русской жизни, которые служат задатками нашего будущего развития и блага и к которым так скептически и отрицательно относятся зачастую наша литература и общество». В таком верноподданническом же духе была составлена М. М. Достоевским официальная программа. 24 января 1864 г. царю был представлен доклад министра, где сообщалось, что статья «Роковой вопрос» была напечатана во время болезни редактора, «по прискорбному недоразумению», а 27 января М. М. Достоевскому сообщено, что министр внутренних дел разрешит ему под его «личною» редакциею издание журнала «по представленной <...> программе, но с исключением из оной

юридического отдела»[1] (*Сб. Достоевский, II*, стр. 569—574; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 5—14).

19 ноября 1863 г. Ф. М. Достоевский писал брату из Москвы в связи с сообщением о подаче им первого прошения министру: «Главное, чтоб не обманывали обещаниями и *действительно* позволили бы поскорее „Правду". Я признаюсь тебе, что не очень в отчаянии, что совершенно нельзя воскресить „Время". „Правда" может произвести такой же эффект, если не больше <...> Обертку можно ту же, как и у „Времени", чтобы напоминало собою „Время", раздел в журнале один, как в „Revue des Deux Mondes", а в объявлении о журнале, на 1-й строчке, в начале фразы напечатать что-нибудь вроде: „Время требует правды... вызывает на свет правду" и т. д., так, чтоб ясно было, что это намек, что „Время" и „Правда" одно и то же. За одно боюсь, за объявление. Друг мой, тут нужно не искусство, даже не ум, а просто вдохновение. Самое первое избежать рутины, так свойственной в этих случаях всем разумным и талантливым людям. Напишут умно, кажется, ни к чему нельзя подкопаться, а выходит вяло, плачевно и, главное, похоже на все другие объявления. *Оригинальность* и приличная, то есть *натуральная*, эксцентричность — теперь для нас первое дело. Пишешь, что уже сел писать объявление <...> Знаешь, какая моя идея? Написать лаконически, отрывочно гордо, даже не усиливаясь делать ни единого намека, — одним словом, высказать полнейшую самоуверенность. Само объявление должно состоять из 4-х—5-ти строк. А там расчет с подписчиками, тоже крайне лаконический. Надобно поразить *благородной* самоуверенностью».

Эти советы Ф. М. Достоевского определили характер и тон объявления о подписке на журнал «Эпоха» и о расчете с подписчиками «Времени», напечатанного в петербургских газетах 31 января и 1 февраля 1864 г. (см. выше, стр. 213).

Позднее разрешение послужило причиной запоздания в выходе номеров. Вот даты цензурных разрешений всех номеров «Эпохи»: январь—февраль (двойной номер) — 20 марта (объявление о выходе появилось в петербургских газетах 24 марта); март—23 апреля (объявл. 3 мая); апрель—3 июня (объявл. 7 июня); май—7 июля (объявл. 12 июля); июнь—20 августа (объявл. 30 августа); июль—19 сентября (объявл. 29 сентября); август—22 октября (объявл. 27 октября); сентябрь—22 ноября (вышел 28 ноября); октябрь—24 ноября (на книжке, вероятно, опечатка: 24 октября; вышел 12 декабря); ноябрь—24 декабря (объявл. 1 января 1865 г.); декабрь—25 января 1865 г. (объявл. в тот же день); январь 1865 г.—5 февраля (вышел 13 февраля); февраль—13 марта (вышел 22 марта).

Период организации нового журнала и издание первых книжек происходили в отсутствие Ф. М. Достоевского. Из Москвы он приезжал в Петербург в ноябре—декабре 1863 г. и в феврале 1864 г. Возможно, что

---

[1] По программе, составленной братьями Достоевскими, отдел этот должен был «занять одно из самых видных мест в журнале», причем в нем должны были, кроме статей, печататься «русские процессы, лишь только возникнет гласное судопроизводство».

в этот период он принял некоторое участие в редактировании первой (двойной) книги «Эпохи». После смерти жены Достоевский переезжает в Петербург и начинает принимать более деятельное участие в журнале. В майской книге появляется его полемическая статья против Щедрина. Между тем заболевает Михаил Михайлович и умирает 10 июля 1864 г.

«Эпоха» уже в самом начале не имела того успеха, что «Время». Позднее объявление подписки, особенно трудные цензурные условия, не всегда удачный подбор материала — все это мало способствовало распространению журнала. Число подписчиков сильно упало, и издание стало приносить убытки. В таком состоянии Ф. М. Достоевский взял журнал в свои руки после смерти брата. Так как он, как лицо, находившееся под надзором полиции, не мог выставить своего имени в качестве редактора, то номинальным редактором был избран один из сотрудников «Времени» и «Эпохи», Александр Устинович Порецкий. Об утверждении его редактором было подано прошение в Цензурный комитет от имени вдовы М. М. Достоевского 18 июля, и вскоре Порецкий без особых затруднений был утвержден. Начиная с июньского номера в заголовке писалось: «„Эпоха“, журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского».

Ф. М. Достоевский принял на себя всю материальную ответственность за издание. По смерти своего старшего брата Михаила Федор Михайлович принял на себя все долги по журналу «Время», издававшемуся его братом. Долги были вексельные, и кредиторы страшно беспокоили Федора Михайловича, грозя описать его имущество, а самого посадить в долговое отделение. В те времена это было возможно сделать — так, со слов Федора Михайловича, сообщает в своих воспоминаниях А. Г. Достоевская (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 58).

Новый (1865-й) подписной год начался с еще меньшим материальным успехом, чем предыдущий. Удалось собрать лишь около 1300 подписчиков. Расходы и долги настолько превысили доход, что вскоре продолжение издания оказалось невозможным, и издание прекратилось на февральской книге 1865 г. крахом предприятия. Ф. Достоевский остался должен своим кредиторам около 15 000 рублей, которые он с большим трудом выплачивал почти до последнего года своей жизни (ср. письмо к А. П. Сусловой от 23 апреля 1867 г.).

Описанию агонии «Эпохи» посвящено письмо Ф. Достоевского Врангелю от 31 марта—14 апреля 1865 г.

Несмотря на появление в литературно-художественном отделе «Эпохи» шедевров И. С. Тургенева («Призраки»), Ф. М. Достоевского («Записки из подполья»), Н. С. Лескова («Леди Макбет Мценского уезда») и ряд отдельных других удач, по общему своему уровню он значительно уступал литературно-художественному отделу «Времени». В идеологическом отношении в новом журнале гораздо резче обозначились реакционные тенденции «почвеннической» программы братьев Достоевских. Усилившаяся резкая полемика с «Современником» заслонила собою те демократические начала, которые отчетливо прозвучали в первых объявлениях об издании «Времени» и в статье «Два лагеря теоретиков». Это падение художественного и идейного уровня «Эпохи» по сравнению со «Временем» было

обусловлено как общим изменением исторической обстановки (смена общественного подъема после 1863 г. периодом реакции), так и пошатнувшимся материальным положением М. М. Достоевского, растерянностью редакторов «Эпохи» и их вынужденной постоянной оглядкой на цензуру. Существенную роль здесь сыграла и сложность той переходной фазы в развитии мировоззрения Ф. М. Достоевского, которая обозначилась в 1864—1865 гг., в годы, предшествовавшие созданию «Преступления и наказания» (подробнее об «Эпохе» см.: *Биография*, стр. 269—276; *Сб. Достоевский, II*, стр. 569—577; *Нечаева, «Эпоха»*).

Тексты настоящего тома подготовили и примечания к ним составили: А. И. Батюто («Два лагеря теоретиков» (с участием Г. М. Фридлендера), «Щекотливый вопрос», «Ответ редакции „Времени" на нападение „Московских ведомостей"», «Каламбуры в жизни и в литературе»), Н. А. Хмелевская («Славянофилы, черногорцы и западники», «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов»), И. А. Битюгова («Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях», «Несколько слов о М. М. Достоевском», «Примечание ‹к статье Страхова „Воспоминания об А. А. Григорьеве"›»), Н. С. Никитина («Журнальные заметки», «Опять „Молодое перо"», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Необходимое заявление», «Чтобы кончить...», рукописные варианты статьи «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах»), В. А. Туниманов (редакционные объявления и примечания «Времени», 1862—1863 гг.), Т. И. Орнатская («Заметки по поводу статьи А. А. Головачева о классическом образовании», записные книжки и тетради Достоевского; комментарии к ним — совместно с К. А. Кумпан) и Г. М. Фридлендер («Предисловие к публикации „Собор Парижской богоматери"», «Об игре Васильева в „Грех да беда на кого не живет"», «О подписке на журнал „Эпоха"...», «Примечание к очерку „Институтки"»›, вводная статья; последний ее параграф — сокращенная обработка комментария Б. В. Томашевского).

Редакционно-техническая работа по подготовке тома к печати осуществлена Г. В. Степановой.

ДВА ЛАГЕРЯ ТЕОРЕТИКОВ

(Стр. 5)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 2, отд. II, стр. 143—163, без подписи (ценз. разр. — 26 февраля 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 125—157. Авторство Достоевского установлено (по содержанию и стилистическим признакам) Л. П. Гроссманом (см. там же, стр. 123).

Печатается по тексту первой публикации.

Статья принадлежит к числу важнейших программных публицистических выступлений Достоевского 1860-х годов.

В декабрьской книжке «Современника» за 1861 г. была напечатана статья М. А. Антоновича «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)», представляющая собой развернутую критику «почвеннических» идейных установок журнала братьев Достоевских, которые получили выражение в объявлениях об издании «Времени» и программном цикле статей Ф. М. Достоевского «Ряд статей о русской литературе» (см.: наст. изд., тт. XVIII и XIX). Теоретическую платформу «Времени», призыв Достоевского к примирению народа и высших, образованных классов Антонович охарактеризовал как бессодержательную утопию, как набор прекраснодушных фраз, мешающих подлинному, революционному просвещению народа. Для того чтобы помочь народу получить образование, утверждал Антонович, полемизируя с выводами статьи Достоевского «Книжность и грамотность», мало составить для него азбуку и читальник. Для этого нужно освободить его от помещичьего гнета, обеспечить материальные условия его быта, без чего все разговоры о народном образовании останутся словами. Поэтому лучшая часть «образованного меньшинства» не должна «сидеть и ждать у моря погоды», к чему ее призывают сотрудники «Времени», а действенно бороться за улучшение социально-экономических условий жизни, рост благосостояния народных масс (*С*, 1861, № 12, стр. 180—188; ср.: Г. М. Фридлендер. Новые материалы из наследия художника и публициста. *ЛН*, т. 83, стр. 101—103).

Появление статьи Антоновича вызвало у Достоевского желание отозваться на нее. Однако заготовки для полемической статьи в адрес журнала революционной демократии 1860-х годов и ее руководителей, сохранившиеся в записных книжках писателя (см. выше, стр. 152—170), остались неиспользованными. Вместо нее Достоевский помещает во «Времени» данную статью, где он по-прежнему ведет полемику на два фронта — одновременно против публицистов «Современника» и против славянофильского «Дня».

Славянофилам, западникам и публицистам «Современника» Достоевский адресует один общий упрек в том, что при всем своем искреннем

желании блага народу они остаются «теоретиками», то есть исходят из выводов отвлеченной «книжной» теории, а не из реальной жизни. Наперед заданные, абстрактные теоретические установки закрывают для них, по мнению писателя, путь к проникновению в подлинную сложность исторического положения русского общества и психологии русских народных масс.

Неумение и сознательное нежелание провести грань между руководителями «Современника», с одной стороны, западническо-либеральными и славянофильскими «теоретиками», с другой, утверждение, что в отношении «теоретиков» «Современника» к народу сказывается «страшный аристократизм», неверие в разум и творческие потенции народа, — было глубочайшим заблуждением Достоевского. Здесь проявилась решающая слабость его стихийного демократизма, проникнутого неверием в возможность союза народа с революционной интеллигенцией и в ее руководство народом.

Вместе с тем в статье отчетливо проявилась сильная сторона идей Достоевского-публициста — его вера в то, что «разрозненные с народом высшие классы» не могут в новых, пореформенных условиях оставаться движущей силой русской культуры и государственности: «Да! нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам» (стр. 18, 20). Долгая и упорная борьба русских народных масс против угнетения и официальной церкви, породившая явления раскола, стремление «целые века» отстаивать свое общинное устройство, «зрелая практичность» их ума, постоянно проявляющаяся в современную эпоху, — всё это, по Достоевскому, бесспорное и прямое доказательство способности русского народа «к политической жизни», в которой отныне он призван самостоятельно участвовать, — без чего невозможен никакой сколько-нибудь серьезный дальнейший прогресс русского общества (см. выше, стр. 21). В этих утверждениях Достоевского-публициста отразился его горячий демократизм, который — объективно — высоко поднимал основные идеи его статьи над уровнем славянофильской публицистики и сближал его позиции, при всей исторической противоречивости мировоззрения писателя, с позицией «Современника».

Главные идеи статьи «Два лагеря теоретиков», призывающей «теоретиков» славянофильского и разночинно-демократического направления к сплочению и солидарности на единой для всех «почвеннической» основе, справедливо писал Л. П. Гроссман, атрибутируя статью Достоевскому, «настолько совпадают с положениями программных объявлений „Времени“ и „Эпохи“ <...> Пушкинской речи и соответствующими страницами „Дневника писателя“, что авторство Достоевского здесь можно считать несомненным» (*1918*, т. XXIII, стр. 123).

Полемизируя с «теоретиками» сразу на два фронта, Достоевский нередко пользуется аргументацией, заимствованной из их же теоретического арсенала. Так, упреки И. С. Аксакову в поклонении его и его друзей узкому «московскому идеальчику» опираются в значительной мере на характеристику допетровской эпохи, принадлежащую Герцену, а указание на оппозиционную роль раскола, противопоставленного Достоевским как важнейшее явление народной жизни, — воззрениям славянофилов на Московскую Русь, подсказано сочинениями А. П. Щапова о расколе (см. об этом ниже, примеч. к стр. 5). Славянофильское осуждение послепетровской русской литературы и просвещения вызывало резкие возражения Достоевского уже раньше («Последние литературные явления. Газета „День“». *Вр*, 1861, №№ 11—12; см.: наст. изд., т. XIX, стр. 60), причем до него, процитировав тот же отрывок из передовой Аксакова, последнему с революционно-демократических позиций возражал Чернышевский («Народная бестолковость». *С*, 1861, № 10; см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 829). Известная перекличка с разночинно-демократической точкой зрения на славянофильство ощущается и в письме Достоевского к Н. Н. Страхову от 18 (30) сентября 1863 г.: «Славянофилы, разумеется, сказали *новое слово*, даже такое, которое, может быть, и избранными-то не совсем еще разжевано. Но какая-то удивительная *аристократическая сытость* при решении общественных вопросов». Тем не менее, несмотря на стремление Достоев-

ского к объективной беспристрастной оценке и анализу сильных и слабых сторон славянофильства и западничества, предпочтение им все-таки в основных решающих пунктах исторической концепции славянофилов сказывается в статье достаточно определенно.

Полемику с «теоретиками» «Современника» по вопросу о народности во многом предваряет более ранняя статья — «Рассказы Н. В. Успенского» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 178 и след.).

Стр. 5. ...*по временам ∾ протестах против горькой действительности*... — Намек на крестьянские восстания под предводительством Разина и Пугачева, имена которых упоминались несколько позже в напечатанных во «Времени» статьях А. П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны» и М. В. Родевича «Некоторые черты из истории послепетровского времени» (*Вр*, 1862, №№ 10—11; 1863, № 4). Достоевский, по всей вероятности, учитывал при этом и книгу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858 г.), в которой рассказывалось о поголовном уничтожении помещиков восставшими крестьянами. Об отношении Достоевского к щаповской трактовке раскола см. ниже, примеч. к стр. 12.

Стр. 6. *Одна фаланга нынешних теоретиков не только отрицает существование русского земства ∾ но просто отрицает в самом принципе народность.* — Достоевский подразумевает публицистов «Современника» — Чернышевского, Добролюбова, Антоновича (см. ниже, примеч. к стр. 7, 8).

Стр. 6. *Еще у Шиллера маркиз Поза мечтает о космополитизме.* — См.: Ф. Шиллер. Дон-Карлос, д. III, явл. 10; д. IV, явл. 21.

Стр. 7. *Петровские реформы создали у нас ∾ так называемое образованное общество, переставшее не квас пить, как уверяет «Современник», а вместе с квасом и мыслить о Руси*... — Полемический ответ на ироническую интерпретацию «Современником» истории становления реакционно-славянофильской, а вместе с тем и почвеннической доктрины. В статье «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)» Антонович писал: «История „почвы“ начинается с „Маяка“, толковавшего, впрочем, не о почве, а о народности. С легкой руки почтенного журнала поднялись продолжительные и ожесточенные споры о народности; явилась народность в науке, народность в искусстве, народность в жизни; явилось также и отрицание этой троякой народности. Многочисленные солидные умы совершенно серьезно препирались между собою о том: можно ли знать русскую историю без сочувственного отношения к ней? Пушкин народный ли поэт? Квас лучшее ли питье, чем вода? И да и нет слышалось с разных сторон и в разных углах. Потом спорящие дошли до того, что говорить и спорить дальше не было никакой возможности, и тогда только ясно почувствовали всю пустоту и бессмысленность спора. А между тем они так привыкли к фразе, что им и в голову не приходило спросить себя: да что же такое народность? ‹...› Вдруг раздается новая фраза: „почва“ ‹...› Фраза о почве до того мила своей неопределенностью, что на ней сошлись и согласились даже те, которые некогда враждовали между собою из-за фразы о народности ‹...› и другая сторона враждовавших принялась распевать по древним „крюкам“: „Да, мы оторвались от почвы, от утробы и персей нашей матушки — Древней Руси, затянули полное тело ее, красавицы, в узкое немецкое платье, вместо квасу поим ее водою. А то ли дело квас! Подкрепляемые им римляне покорили весь мир. И если б мы пили квас, давно бы уже соединили всех славян в одну огромную братскую семью, и земля наша была бы тогда велика и обильна“» (*С*, 1861, № 12, стр. 172, 173).

Стр. 7—8. ...*они не понимают и того, что значит «сблизиться с народом» ∾ не понимают, в чем должно состоять наше с ним сближение.* — Достоевский повторяет обвинения по адресу «западничества», высказанные им уже ранее в полемике с «Русским вестником». Главным средством сближения образованного класса с народом (или земством) Достоевский считал взаимовыгодный обмен духовными ценностями, то есть, по его

определению «просвещение <...> с обоих концов» (см. об этом: наст. изд., т. XIX, стр. 109). В статье «Последние литературные явления. Газета „День“» та же идея выражена словами народа, обращенными к русским образованным людям, прошедшим выучку на Западе: «Научите же вы меня теперь тому, что вы за морем узнали, и опишите мне в точности все ваши странствования и страдания. Я же вас научу тому, что вы своего позабыли» (наст. изд., т. XIX, стр. 65).

Стр. 8. *«Мы ли к народу должны подойти, — говорит „Современник“, — или он к нам?» «Народ должен подойти к нам, или, лучше, мы должны подвести его к себе...»* — Осудив незадолго перед тем методы народного просвещения, рекомендованные деятелями славянофильского и либерального толка (см.: «Книжность и грамотность». Наст. изд., т. XIX, стр. 7, 24 и др.), Достоевский не соглашается здесь с выводами также и демократа М. А. Антоновича (в статье «О почве...») о роли грамотности для улучшения положения народа. Последний полагал, что без руководства со стороны разночинно-демократической интеллигенции народ будет читать не столько «хорошие», сколько те «дурные книги», при виде которых «невольно возбуждается досада на изобретение типографского искусства». Поэтому Антонович утверждал: «...народ, предоставленный самому себе и своему настоящему течению, не далеко уйдет по пути развития <...> верхний слой необходимо должен помогать ему» (*С*, 1861, № 12, стр. 184, 185). Это рассуждение Антоновича Достоевский полемически квалифицирует как проявление «олимпийского величия» публицистов «Современника», их неверия в народные идеалы.

Стр. 8. *«А народ глуп, ничего до сих пор не выработал; среда народная бессмысленна, тупа».* — В пылу полемики Достоевский приписывает в данном случае Антоновичу точку зрения на народ, скорее близкую взглядам В. А. Зайцева, но совершенно чуждую направлению «Современника». Из контекста статьи «О почве...» видно, что подобная — пассивистская — точка зрения решительно осуждалась Антоновичем. Он пишет: «Есть еще целая группа взглядов на почву, по-видимому самых разнообразных, но в существе дела очень сходных между собою; все они, подобно изложенным выше, приводят к апатии и совершенному равнодушию в народном деле. „Везде и во всем, — говорят одни, — много значит народ. А посмотрите на наш народ, что он такое? Как он глуп, груб и невежествен! Он ничего не знает, не понимает своего положения, своих отношений и своих выгод; что прикажете делать с ним? Нет, нет, ничего не поделаешь; наш народ слишком, слишком невежествен; оттого-то он и находится в таком положении. Оттого-то участь его так горька. Никак нельзя и помочь ему, подождем, пока он хоть немного образуется и сделается повежливей“» и т. д. (см.: *С*, 1861, № 12, стр. 183, а также стр. 184—185).

Как автор статьи «О почве...» Антонович солидарен с Чернышевским и Добролюбовым, пропагандировавшими мысль о необходимости радикального улучшения, прежде всего, материального положения народа — главной предпосылки успешного искоренения его невежества, исторической «глупости» и неразвитости. Последние они считали следствием неблагоприятных исторических и социально-политических условий крепостничества и призывали к устранению этих условий революционным путем.

Несмотря на полемические издержки статьи, некоторые упреки Достоевского в адрес Антоновича не были лишены оснований. Возражая против чрезмерно критического отношения почвенников к Западу, Антонович язвительно напоминал своим противникам из лагеря славянофилов и почвенников, что все (или почти все) благие начинания на русской почве (в смысле просвещения и т. п.) обязаны своим происхождением западноевропейскому влиянию. «И с чего вы взяли, что западная образованность и цивилизация для нас узки и невыгодны, и как прикажете понимать эту фразу? — вопрошал Антонович. — Вы вот, например, до сих пор не стояли на почве, питались наукою и другими плодами, тоже выросшими не на почве, однако благодаря этим плодам вы дошли до сознания своего положения и необходимости сближения с почвою; а сама-то почва и до сих

пор не имеет этого сознания, и вы бы его не имели, если б погружены были в почву. Мы освободились от множества предрассудков и других разного рода нелепостей, населяющих почву; и этим также обязаны влиянию на нас западной науки и образованности. Мы пользуемся разными удобствами жизни, опять благодаря тому же влиянию <...> Куда ни посмотришь, во всех так называемых отрадных явлениях замечается влияние Запада» (*С*, 1861, № 12, стр. 180). Достоевский полагал, что, рассуждая таким образом, деятели «Современника», в особенности Антонович, преуменьшали потенциальные возможности «почвы», то есть народа. В статье «Ответ „Свистуну"», говоря о том, что «некоторые из бездарных последователей» Добролюбова «в настоящую минуту довели презренье к народу и неверие к силам его до <...> абсурда», Достоевский имеет в виду прежде всего Антоновича (см. выше, стр. 75—76). Впрочем, отдавая должное Добролюбову, Достоевский полагал, что и он «не понимал народ, видел в народе и в обществе по преимуществу одно только темное царство...» (стр. 75).

Стр. 8. *Нас убеждают согласиться в том, что народ — наше земство — глуп, потому что г-да Успенский и Писемский представляют мужика глупым... Вот, говорят, они не подступают к народу с какими-либо предзанятыми мыслями и глупого мужика — называют глупым.* — Достоевский полемизирует здесь со вступительной частью статьи Чернышевского «Не начало ли перемены?», в которой говорилось о том, что своими рассказами Н. В. Успенский внес значительный вклад в русскую литературу, отказавшись от идеализации народа, свойственной его предшественникам — Д. В. Григоровичу, И. С. Тургеневу и др. «Ведь г-н Успенский выставил нам русского простолюдина простофилею, — писал Чернышевский. — Обидно, очень обидно это красноречивым панегиристам русского ума, — глубокого и быстрого народного смысла. Обидно оно, это так, а все-таки объясняет нам ход народной жизни, и, к величайшей досаде нашей, ничем другим нельзя объяснить эту жизнь, кроме тупой нескладицы в народных мыслях» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 874). Имя Писемского в статье Чернышевского не упоминается, но Достоевский имел основание назвать его народные рассказы в одном ряду с рассказами Н. Успенского, так как в них акцентируется обычно также «нескладица в народных мыслях».

Стр. 8. *...не утешает нас даже и то соображение, представленное «Современником», что массы везде глупы ∾ они поступают большею частию машинально.* — В статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский писал: «Русскому мужику трудно связать в голове дельным образом две дельные мысли, он бесконечно ломает голову над пустяками, которые ясны, как дважды два — четыре; его ум слишком неповоротлив, рутина засела в его мысль так крепко, что не дает никуда двинуться, — это так; но какой же мужик превосходит нашего быстротою понимания? О немецком поселянине все говорят то же самое, о французском — то же, английский едва ли не стоит еще ниже их...» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 875). Определения «машинальное движение», «машинальное действие», «машинальное напряжение» при характеристике поведения и отдельного человека, и массы народа не раз употребляются Чернышевским в той же статье (см.: там же, стр. 885, 886). Близкое употребление этого определения мы встречаем в обобщающих характеристиках купеческой среды в статье Добролюбова «Темное царство»: «Там господствует вера в одни раз навсегда определенные и закрепленные формы. Знания здесь ограничены очень тесным кругом, работы для мысли — почти никакой; всё идет машинально, раз навсегда заведенным порядком» (*Добролюбов*, т. V, стр. 105).

Стр. 8. *...указало значение земства в нашей истории и непосредственное его выражение — общинный быт.* — Здесь имеются в виду главным образом сочинения К. С. Аксакова, о котором Достоевский писал в статье «Последние литературные явления. Газета „День"»: «Ни один западник не понял и не сказал ничего лучше о мире, об общине русской, как Константин Аксаков в одном из самых последних своих сочинений, к сожалению

неоконченном». Незадолго перед этим (1861 г.) вышел в свет первый том «Полного собрания сочинений К. С. Аксакова» (подробнее см.: наст. изд., т. XIX, стр. 259—260).

Стр. 9. *Поставляя выше всего, хотя и понимая по-своему интересы земства...* — Ссылаясь на ряд государственных исторических актов, поколебавших привилегированное положение сначала родовитой знати, а потом всего дворянства вообще (уничтожение местничества при царе Федоре Алексеевиче, петровская табель о рангах, указ Петра III о вольности дворянской, наконец, отмена крепостного права, нанесшая последний и, по его мнению, самый чувствительный удар дворянству как привилегированному сословию), И. С. Аксаков приходил к выводу, что «объем и определение земства в настоящее время расширились» за счет включения в него дворянства. «Распущенная дружина обращается домой, в *земство*, и вносит в него новые элементы. В земстве мы видим или скоро увидим, — утверждал он, — два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения, *общинников-крестьян* и *личных землевладельцев*, большинство которых едва ли не исключительно составляют теперешние дворяне. *Других* делений нам не предвидится. Взаимный союз этих двух стихий, чуждых замкнутости, исключающий взаимную односторонность; их искреннее сближение и дружное действие; сближение не внешнее только, но и нравственное, в области исторических и духовных общенародных начал, могли бы служить, кажется нам, залогами богатого будущего развития...» (*Д*, 1861, 2 декабря, № 8, стр. 3). В следующей передовой статье «Дня» говорилось о том, что успешное решение важных практических задач пореформенного общественного развития — «вопроса о земских повинностях, об областном управлении, о судопроизводстве и о прочих преобразованиях, необходимость в которых так уже гласно заявлена», — по-настоящему возможно лишь после решения проблемы массового и добровольного перехода дворян в земство. К этим прекраснодушным декларациям «Дня» редакция «Времени» относилась крайне скептически. В статье «Рассказы Н. В. Успенского» И. С. Аксаков сравнивался с «господином, который поклялся не прикасаться к воде, пока не выучится плавать». «„День“ <...> серьезно уверяет, — не без сарказма отмечалось в статье, — что в настоящую минуту мы, русские, не можем приступить ни к каким внутренним и самым необходимейшим для нас реформам, пока, дескать, помещики и дворяне все сами собою, совершенно и безусловно не перейдут в земство (№ 9-й «Дня»). Идея о переходе в земство великолепнейшая и плодотворнейшая. Но жди пока это случится само собою» (*Вр*, 1861, № 12, отд. II, стр. 176).

Стр. 9. *...сказал такое живое и дельное слово* ∾ *вопросе дворянском...* — Подразумевается позиция «Дня» по вопросу о путях упорядочения новых экономических отношений между крестьянством и дворянством после 19 февраля 1861 г. Согласно положению о крестьянской реформе, за отходящую к ним землю крестьяне обязаны были в течение нескольких лет выплачивать своим бывшим владельцам денежный выкуп. Однако они зачастую не соглашались подписывать «уставные грамоты», регламентировавшие такие отношения между ними и помещиками. Как и большинство дворян, И. С. Аксаков считал, что отказ помещика от выкупа за землю означал бы его разорение. Вместе с тем он настойчиво доказывал, что и строптивость «освобожденных» крестьян естественна, так как в их сознании понятие о барщине и оброке неразрывно связано с крепостным состоянием, уже отмененным. Пореформенные «недоразумения» между крестьянами и помещиками И. С. Аксаков предлагал разрешить способом, рекомендуемым в пространной статье Д. Ф. Самарина «Уставная грамота», печатавшейся в нескольких номерах газеты «День». Опираясь на знание «народного быта» и народной психологии, на присущее народу, по его мнению, уважение к высшей власти, Д. Ф. Самарин уверял, что крестьяне охотно пойдут на уплату выкупа в форме государственной подати, взимаемой правительственными чиновниками. Полученную сумму прави-

тельство отдаст помещикам и, таким образом, претензии конфликтующих сторон будут удовлетворены. В случае же ежегодной недоимки в размере 4 или 5 миллионов рублей Д. Ф. Самарин советовал помещикам проявлять гуманность, свойственную просвещенным людям, и не настаивать на взыскании этой недоимки в последующие годы (*Д*, 1861, 25 ноября, № 7, стр. 2—5).

Будучи на каторге, Достоевский на собственном горьком опыте убедился, насколько глубока нравственная пропасть, отделяющая мужика от «барина», — это один из основных тезисов «Записок из Мертвого дома». Поэтому практические соображения славянофилов о способах хотя бы частичного преодоления этой пропасти должны были его заинтересовать и вызвать его сочувствие.

Резюме по крестьянскому и дворянскому вопросам было сформулировано Аксаковым в передовой «Москва. 6-го января», написанной в связи с открытием в Москве дворянских выборов. Увлекая читателя «в область мечтаний», близких миросозерцанию Достоевского, которого на всем протяжении его жизни не покидала идея о братстве людей всех сословий и наций, Аксаков выдвигал в своей статье проект межсословного сближения, а затем и межсословной гармонии, базирующейся на следующей основе: «... русское дворянство слишком просвещено, чтобы идти наперекор истории и созидать то, что, несмотря ни на какие попытки, не могло выработаться в течение тысячи лет исторического существования русской земли; что не совместно ни с началами народными, ни даже с степенью развития современного общечеловеческого просвещения. *Всякие новые привилегии* дворянству могли бы быть даны только к ущербу прочих сословий, только бы стеснили и ограничили права чужие и еще бы более уединили, следовательно бы и обессилили, новопривилегированное дворянское сословие — раздором и враждебностью отношений с сословиями низшими. Нравственное единство и цельность русской земли, столь желанные и столь необходимые для ее преуспеяния, были бы решительно невозможны, если б в XIX веке, в начале второго тысячелетия ее исторического бытия, было создано новое привилегированное сословие или аристократия на западный лад. Таким образом, дворянство, убеждаясь, что отмена крепостного права непреложно логически приводит к отмене всех искусственных разделений сословий, что распространение дворянских остающихся привилегий на прочие сословия вполне необходимо, считает долгом выразить правительству свое единодушное и решительное желание:

чтобы дворянству было позволено: *торжественно, пред лицом всей России, совершить великий акт уничтожения себя, как сословия;*

чтобы дворянские привилегии были видоизменены и распространены на все сословия в России» (*Д*, 1862, 6 января, № 13, стр. 2).

Стр. 9. ...*о цензе, широко им понятом...* — Возражая против поземельного ценза, ограничивающего право людей небогатых (главным образом крестьян) «участвовать в общественных делах своей страны посредством избрания представителей или в качестве представителя», И. С. Аксаков писал в передовой «Москва. 23-го декабря»: «Почему меньшинство „имущих“ имеет право решать участь громадного большинства „неимущих“? Почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранит в себе всемирно-историческую идею известного народа, должно быть лишено голоса в вопросах, непосредственно до него касающихся? Почему листья должны себя считать привилегированнее корней... и т. д.» (*Д*, 1861, № 11). В той же статье Аксаков доказывал, что одинаково вредны как высокий, так и низкий поземельный цензы, назначаемые для вступления в высшее сословие. В первом случае это привело бы, по его мнению, к созданию замкнутой привилегированной касты наподобие западноевропейской поземельной аристократии, к которой большинство народа будет испытывать «неприязненное» чувство и служить «опорою всякому враждебному для меньшинства действию». Низкий же ценз сыграл бы роль развращающей приманки, вытягивающей из народа «лучшие его соки», которые в иной среде лишатся своей «органической

производительности». Низкий ценз, полагал Аксаков, мог бы создать в России «нечто вроде польской шляхты — вредной общественной стихии, не имеющей ни той силы, какую дает аристократическое начало, ни силы, сознаваемой в себе массою простого народа, с которой разделяет шляхту ложный принцип превосходства» и т. п. Заключая свою статью славянофильским прогнозом идеального общественного устройства России, в котором будут мирно сосуществовать равноправные стихии личного и общинного землевладения и предостерегая от попыток искусственного создания, в том числе с помощью ценза, всякого рода привилегий и «соблазнов», Аксаков утверждал: «В этом отношении должна быть предоставлена полнейшая свобода самой жизни; но это не свобода, если, например, для общины, для ее развития, затворив крепко все двери, вы оставите отворенною только одну — выход из общины в сословие *личных* землевладельцев...»

Стр. 9. *Он поднял в интересах русской народности и польский вопрос...* — В течение второй половины 1861 г. славянофильский «День» вел полемику с Чернышевским. Последний в статье «Национальная бестактность» (*С*, 1861, № 7) упрекал львовскую газету «Слово» за разжигание национальной розни между русинами и поляками, вредной для обоих народов, коренные интересы которых совпадают. Чернышевский разъяснял, что определяющей особенностью общественно-политической жизни Галиции является, как и в любом другом уголке земного шара, борьба сословий, а не народностей, и что все ее население равно испытывает гнет самодержавия. Статья Чернышевского вызвала возражения В. Ламанского и П. Лавровского (*Д*, 1861, №№ 2—5), доказывавших, что и в XIX веке поляки высокомерно третируют русинов, малороссов и русских, как племена низшие по развитию, и так же, как их предки, мечтают о расширении своих границ до Днепра (включая Киев и киевскую область) и Смоленска. «Не в одних русских видах, но для блага *всего* славянства обязаны мы соблюдать целость и единство *русской земли*», — писал В. Ламанский, делая отсюда вывод о необходимости бороться с угрозой этому единству со стороны Польши (*Д*, 1861, 21 октября, № 2, стр. 17).

Итоги полемики в «Дне» подвел И. С. Аксаков, высказавший ряд соображений по польскому вопросу, которые — в той или иной мере — были близки позиции журнала братьев Достоевских. Аксаков писал, что Россия «*менее всех* неправа в разделе и уничтожении Польши, но, как страна нравственная, *тяжелее всех* чувствует то, что было неправого в этом деле». Редактор-издатель «Дня» высказался против предоставления Польше, пока, государственной независимости. Он мотивировал это тем, что «ультра-монтанский католический фанатизм, шляхетский аристократизм и исключительная гордая национальность» неизбежно приведут, в случае ослабления сдерживающего начала в лице русского самодержавия, к новой эпохе «неправедных кровопролитий» на русской земле. Пересмотр исторически сложившихся отношений между Россией и Польшей станет, по Аксакову, возможным тогда, когда поляки обнаружат искреннее намерение «переродиться, покаяться в своих исторических заблуждениях и стать славянским мирным народом». Несмотря на сквозящее в ней недоверие к современной Польше, передовая Аксакова заканчивалась выражением надежд на будущее примирение России и Польши и призывала к всеславянскому единению. «Мы убеждены, что рано или поздно последует теснейшее и полнейшее, искреннее соединение славянской Польши с славянскою же Россией, что к тому ведет непреложный ход истории, — но не лучше ли, ввиду такого неизбежного исторического решения, предупредить всё, что грозит нам бедой, враждой и раздором, добровольно, сознательно *покаясь взаимно в исторических грехах своих*, соединиться вместе братским, тесным союзом против общих врагов — наших и всего славянства?» (*Д*, 1861, 18 ноября, № 6, стр. 3, 4).

Стр. 9. *«Всё ложь, всё фальшь, — говорит он в одной передовой статье своей, — всё внутреннее развитие, вся жизнь общества, как проказой, заражены ею (то есть ложью)».* — Неточная цитата из передовой статьи И. С. Аксакова «Москва. 14-го октября» (*Д*, 1861, 15 октября, № 1), кото-

рую Достоевский уже цитировал раньше в статье «Последние литературные явления. Газета „День“» (наст. изд., т. XIX, стр. 58—59). За ту же мысль о фальши во «всем» критиковал Аксакова Чернышевский в статье «Народная бестолковость» (*С*, 1861, № 10; см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 829).

Стр. 10. *Назад тому два месяца мы спрашивали у «Дня»: Неужели мы в полтораста лет хотя бы quasi-европейской жизни не вынесли ничего доброго, и только внутренно развратились...* — Достоевский ссылается на свою статью «Последние литературные явления. Газета „День“» (*Вр*, 1861, № 11—12; ср.: наст. изд., т. XIX, стр. 57—66), в которой он резко критиковал славянофилов за идеализм в понимании русской жизни и безоговорочно враждебное отношение к европейскому.

Стр. 10—11. *Нам припомнилась одна тирада из передовой статьи «Дня» против некоторых увлечений ∾ Если б «День» судил о вещах не по своему московскому идеальчику ∾ он не напечатал бы статьи, которую мы всегда будем считать неизгладимым пятном на редакции.* — Речь идет о передовой «Москва. 28-го октября». И. С. Аксаков резко осуждал в ней «студенческие беспорядки» в Петербургском университете (осень 1861 г.). Он расценивал их как прямое порождение «ложной» образованности послепетровского периода, и высказывал по адресу учащейся молодежи обвинения, граничившие с доносом. «Общество слепо поклоняется *передовым* людям Европы, — писал с раздражением Аксаков, — молодежь отыскала еще *передовейших* <...> Общество заимствует у Запада моды, одежды, юбилеи, *бюрократию, аристократию*; молодежь — демонстрации и *демократию* <...> Общество выбирает себе, например, в подражание Европе, цвет... желтый (*австрийский*); молодежь — *красный*. Общество увлекается теорией французского консерватизма; молодежь — теорией французского либерализма... Sapienti sat. <Для понимающего достаточно (*лат.*)>. — Надеемся, что мы высказали нашу мысль по *возможности* ясно». Далее, обращаясь непосредственно к студентам и обзывая их «пустоцветами» и «пустозвонами», Аксаков советовал им «учиться» и не помышлять об участии в общественной жизни: «Бросьте все ваши бесполезные толки, волнения без содержания и без цели <...> Сами вы знаете, нигде, ни в каком государстве подобные явления не могут быть терпимы <...> На крестьянские сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несут тягла. Вы также, вы еще не имеете полных прав гражданских, а следовательно, и голоса в делах общественных» (*Д*, 1861, 28 октября, № 3, стр. 2).

Стр. 12. *...допетровская Русь и московский период только видимостью своею могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие ∾ В допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азиатского...* — Выраженное здесь критическое отношение как к русской государственности до Петра, так и к деспотизму самого Петра созвучно оценкам Герцена, писавшего в «Былом и думах»: «Монгольская сторона московского периода, исказившая славянский характер русских, фухтельное бесчеловечье, исказившее петровский период...» (*Герцен*, т. IX, стр. 87).

Стр. 12. *...что произвело наш русский раскол? Ведь выходит, что нельзя сливать Москву с народом, нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной.* — Достоевский возражает против основного положения статьи «Краткий исторический очерк земских соборов», являвшейся, по существу, перепечаткой авторского вступления к первому тому Полного собрания сочинений К. С. Аксакова (М., 1861). Утверждая, что наибольшее согласие между народом и высшей властью было достигнуто в период создания и укрепления московского централизованного государства, К. С. Аксаков писал здесь: «Первый русский царь, Иоанн IV, едва венчался на царство, как созвал выборных из городов, с разных концов России, в Москву, на Красную площадь. Одно это собрание выборных с разных концов России показывает уже новую эпоху, показывает уже в России цельность и единство земское, цельность и единство государственное <...> теперь все эти области слились в одно, точно так же, как и отдельные властвования слились в одну

власть; теперь в Москве встречаются друг с другом на соборе единая русская земля и единое русское государство» (*Д*, 1862, 6 января, № 13, стр. 5). Полемизируя с братьями К. С. и И. С. Аксаковыми, Достоевский в данном случае опирается прежде всего на исторические исследования А. П. Щапова «Русский раскол старообрядства» (Казань, 1858) и «Земство и раскол (с XVIII столетия)» (*ОЗ*, 1861, № 12), в которых раскол рассматривался как выражение народного протеста против самодержавия. В 1862 г. Достоевский поместил во «Времени» несколько статей о расколе, написанных Щаповым, хотя и считал его «человеком без твердого направления деятельности», а потому относился к нему «осторожно» (записная книжка 1876—1877 гг. см.: *Нечаева*, *«Время»*, стр. 196—199).

Стр. 12. *«День» говорит, что в допетровской Руси были пороки только, а не ложь...* — Подразумеваются слова из передовой статьи И. С. Аксакова «Москва. 14-го октября»: «И сколько накопили мы лжи в течение нашего полуторастолетнего разрыва с народом!.. Это не значит, чтобы до разрыва не было у нас ни зла, ни мерзостей: их было много, но то были пороки, порождения грубости и невежества. Только после разрыва заводится у нас *ложь*: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа, и вся поверхность земли населяется призраками и живет призрачною жизнию!» (*Д*, 1861, 15 октября, № 1).

Стр. 12. *...бранят Петра за то, что, по выражению Аксакова, он заварил кашу слишком крутеньку...* — Приводимое выражение принадлежит не И. С. Аксакову, а А. К. Толстому, напечатавшему в газете «День» (1861, 11 ноября, № 5, стр. 3) притчу «Государь ты наш, батюшка...». Здесь говорится о том, как Петр I, заваривая «кашу» государственных реформ из «круп», добытых «за морем», помешивал ее «палкой». Достоевский намекает на пятую строфу:

— Государь ты наш, батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет кру́тенька!
— Кру́тенька, матушка, кру́тенька,
Кру́тенька, сударыня, кру́тенька!

В заключение поэт указывает на то, что слишком крутую и слишком соленую кашу, заваренную Петром, придется расхлебывать «детушкам» (см.: А. К. Толстой. Собрание сочинений, т. I. М., 1963, стр. 251).

Стр. 15. *Крепостное право усиливалось...* — Подразумевается главным образом царствование Екатерины II.

Стр. 15. ... *об образовании народа думали только немногие горячие головы.* — По всей вероятности, намек в первую очередь на Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. Незадолго до опубликования статьи «Два лагеря теоретиков» Достоевский поместил на страницах своего журнала статью Д. Маслова «Державин — гражданин» (*Вр*, 1861, № 10), являвшуюся, по существу, панегириком Радищеву и Новикову (см.: *Нечаева*, *«Время»*, стр. 204—205).

Стр. 17. *...невозможно обвинять народ в том, что он плохо понимает нас, что он не развит ∞ в неразвитости народа виноваты и мы сами.* — В статье «Не начало ли перемены?», цитируя песню убогого странника из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?», Чернышевский сопроводил ее слова следующим комментарием: «— „Я живу холодно, холодно". — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — „Я живу голодно, голодно". — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь? — „Жену я бью, потому что рассержен холодом". — Да разве жена в этом виновата? <...> Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилею. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (*Чер-*

нышевский, т. VII, стр. 874). Достоевский не улавливал в этих словах Чернышевского призыва к революции и истолковывал их в духе своих почвеннических представлений о непонимании интеллигенцией народа и ее вине перед ним.

Стр. 20. ...*известную мысль Монтескье — всякий народ достоин своей участи*... — Монтескье Шарль-Луи де Секонда (1689—1755) — французский писатель и философ-просветитель, автор сочинения «О духе законов» (1748; русск. перевод — 1775 (т. I); 1809—1814), где он утверждает, что законы у каждого из народов отвечают «общему духу нации» и «следуют за нравами» (кн. 19, гл. IV—V, XXI—XXVI; ср.: Ш. Монтескье. Избранные произведения. Госполитиздат, М., 1955, стр. 412, 421—424). В 1862 г. в Петербурге начало выходить новое издание этого наиболее известного труда Монтескье в переводе Е. Коренева, вышедшем впервые в 1839 г. Данное упоминание Монтескье — единственное у Достоевского.

Стр. 21. *Западные публицисты после долгих поисков наконец остановились на ассоциации и в ней видят спасение труда от деспотизма капитала.* — Подразумеваются Л. Блан во Франции, Ф. Лассаль и Г. Шульце-Делич в Германии, считавшие кооперативные товарищества и производственные ассоциации рабочих, субсидируемые правительством, и ссудо-сберегательные кассы действенным средством перехода к социализму (см. о Л. Блане: Ю. Г. Жуковский. Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции. *С*, 1864, №№ 4 и 6). С убеждениями Достоевского в том, что в отличие от западноевропейского капитализма, порождающего неизбежно пролетариат, крестьянская артель представляет оригинальную русскую форму социальной ассоциации, перекликаются выводы помещенной в журнале «Время» (1861, № 9, отд. II, стр. 42—68) анонимной рецензии на книгу А. Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России». Рецензент полагает, что с отменой крепостного права в России создаются благоприятные предпосылки для процветания ассоциаций в кустарной промышленности.

Стр. 21. ...*посмотрите, с какой настойчивостью отстаивает англичанин свои университеты, хотя и сознает, что их устройство далеко расходится с современными понятиями.* — Критике архаической системы образования в английских университетах, царящей в них кастово-аристократической замкнутости, нарочитой отрешенности от живой действительности была посвящена во «Времени» анонимная статья М. И. Владиславлева, написанная в связи с выходом в свет книги В. Игнатовича «История английских университетов» (СПб., 1861). Статья заканчивалась рядом четко сформулированных полемических возражений на апологию английской университетской жизни в среде русских англоманов: «И если наши англоманы между хорошими в Англии вещами указывают нам на тамошние университеты, то пусть не обижаются на нас, если мы скажем, что классическое тамошнее воспитание несовременно, туторская система воспитания и корпоративное устройство далеко расходятся с современными понятиями, метод занятий студенческих совсем не приспособлен к принципу систематического развития, какое нужно для современного человека, и к интересам науки; что их нельзя назвать пристанищами свободной науки и что в самой стране они поддерживают господство только авторитета, предания и формы» (*Вр*, 1861, № 11—12, стр. 48—49).

Стр. 22. *Народ наш с беспощадной силой* ∾ *бичевать самого себя*... — Несколько позже, быть может, под известным влиянием Достоевского, аналогичную оценку русскому народу даст Тургенев, назвавший его «народом, главная отличительная черта которого до сих пор состоит в почти беспримерной жажде самосознания, в неутомимом изучении самого себя, — народом <...> не щадящим собственных слабостей <...> не боящимся выводить эти слабости на свет божий...» (*Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 51).

Стр. 22. ...*времен очаковских и покоренья Крыма.* — Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (д. 2, явл. 5). Под «положительнейшей литературой

времен очаковских и покоренья Крыма» Достоевский, несомненно, подразумевает здесь не только верноподданнические формулы в произведениях одописцев XVIII в., но и официозно-консервативную, а также либерально-умеренную литературу и публицистику времен Николая I и Александра II.

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЧЕРНОГОРЦЫ И ЗАПАДНИКИ, САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПАЛКА

(Стр. 23)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 9, отд. II, стр. 132—137, без подписи (ценз. разр. — 14 сентября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 253—258. Принадлежность статьи Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209).

Печатается по тексту первой публикации.

Начиная с конца XV в. между Турцией и славянским населением территории, впоследствии названной Черногорией, почти постоянно происходили войны. Спасаясь от турецкого нашествия, население Зеты (юго-запад нынешней Черногории и Северной Албании) бежало в труднодоступные Черны горы (Верхнюю Зету). Эта территория и получила название Черногории. Она была официально включена (с 1499 г.) в состав Османской империи, но сохранила широкую автономию. Черногорцы упорно отстаивали свою независимость. В 1711 г. были установлены политические связи Черногории с Россией. В 1857—1858 гг. черногорцы начали войну против Турции; она окончилась разгромом турецкой армии и присоединением к Черногории отвоеванных у турок территорий. Во время правления князя Николая Негоша (1860—1918) была проведена реорганизация армии и государственного аппарата.

Однако в восстании против турок в 1861—1862 гг. Черногория, Босния и Герцеговина вновь потерпели тяжелое поражение. По мирному договору в Цетиньи Черногория вынуждена была признать верховную власть Порты.

Лишь победа России в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.) принесла Черногории независимость.

Стр. 23. *Пункт, на котором столкнулись ∾ бой с султаном.* — О войне Черногории с Турцией (которая началась еще осенью 1861 г. и окончилась поражением Черногории осенью 1862 г.) писали газеты и журналы: «Современное слово» (1862, №№ 15, 17, 27, 44, 46, 58—61, 98); «День» (1862, №№ 30, 36, 41, 43, 44); «Северная почта» (1862, № 185); «Московские ведомости» (1862, №№ 21, 25); «Иллюстрированный листок» (1862, №№ 39 и 40); «Отечественные записки» (1862, № 10); «Основа» (1862) и др. Издания эти придерживались разных общественно-литературных ориентаций.

Стр. 23. *Честь первого начинания принадлежит газете «Современное слово»...* — Объявление о подписке в пользу черногорцев впервые появилось в газете «Современное слово» в 1862 г. (№ 63, стр. 249). Вскоре оно было перепечатано в газетах: «День», «Journal de St.-Petérsbourg», «Современная летопись», «Московские ведомости», «Одесский вестник» и в других изданиях.

Стр. 24. ...*появившийся после трехмесячного перерыва «День» удивился подвигу «Современного слова»...* — «День» — еженедельная славянофильская газета, издавалась в Москве с 15 октября 1861 г. (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 57—66, 253—262). В 1862 г. после № 34 (2 июня), последовало, по высочайшему повелению, запрещение его издания, но 1 сен-

тября того же года вышел № 36, и издание газеты продолжалось до 1865 г. Объявление о «подписке в пользу бедствующих православных славян, отстаивающих свою веру и независимость», в газете «День» было напечатано в № 36 (1862, 8 сентября, стр. 17). Там же в примечании И. С. Аксакова говорится и об аналогичной подписке, объявленной в газете «Современное слово».

Стр. 24. ...*хорошее было издание, издавалось людьми, преданными делу*... — Издателем газеты «День» был И. С. Аксаков. Политический отдел ей не был разрешен, а потому газета носила преимущественно литературно-общественный характер. В издании принимали также участие М. П. Погодин и Ю. Ф. Самарин. Достоевский неоднократно и доброжелательно, и критически упоминал о газете «День» в своем журнале (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 57—66 и примеч. к ним; *Вр*, 1861, № 11, отд. II, стр. 64—75; 1862, № 1, отд. III, стр. 38—45 и № 2, отд. II, стр. 143—163; 164—168).

Стр. 24. ...*расходимся с «Современным словом»* ∞ *редакции «Дня» в ее убеждениях.* — Речь идет о статье: «Возрождение „Дня"» (*ССл*, 1862, № 86, стр. 343).

Стр. 24. *«Если будет равенство прав, то тогда, пожалуй, иной еврей дослужится до обер-прокурора синода.* — Речь идет о законе, вышедшем 27 ноября 1861 г., по которому русские евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, допускались на службу по всем ведомствам. По этому поводу в газете «День» было напечатано: «Так, например, нельзя же предположить, чтоб обер-прокурором святейшего синода мог делаться еврей, еврей не по происхождению, а по вере!» (*Д*, 1862, № 19, стр. 1).

Стр. 24. ...*в первом же 35 номере его раздался жестокий залп в «Современное слово», по поводу подписки на черногорцев.* — В примечании И. С. Аксакова к «Подписке в пользу бедствующих православных славян, отстаивающих свою веру и независимость», читаем следующее: «Очень жаль, что г-н Редактор ‹«Современного слова»› так увлекся своею враждою и, предпринимая святое дело благотворения, с самого первого приступа загрязнил его ложью и клеветою, пользуясь перерывом славянофильского органа „Дня", — чем самым и компрометировал себя во мнении всех наших заграничных единоплеменников» (*Д*, 1862, № 36, стр. 17).

Стр. 24. ...*«Современное слово» задело славянофилов еще прежде того, при первом объявлении подписки.* — В «Подписке в пользу черногорцев» редакция «Современного слова» выразила сомнение в искренности любви славянофилов к славянам, обвинив их в том, что славянофилы любят всё славянское преимущественно на словах, а не на деле (см.: *ССл*, 1862, № 63, стр. 249).

Стр. 26. *«Современное слово», № 86, статья «Возрождение „Дня"».* — В названной статье речь идет о сочувствии «всем без исключения славянам». «Если не ошибаемся, то в настоящее время мы одни в русской прессе поддерживаем мысль о необходимости связи со славянами как с естественными нашими союзниками и как с посредниками между Европой и нами, — посредниками, которые привязывают нас к Европе и без которых вся будущность нашей политики должна бы ограничиться Азиею» (*ССл*, 1862, № 86, стр. 343).

Стр. 26. ...*и Катков бы вас похвалил.* — Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист, редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» (см. о нем также ниже, стр. 278—291, 296).

Стр. 26. ...*г-ну Разину советуем не так высоко расти, г-ну Бестужеву-Рюмину советуем мазаться колесной мазью после бани, или такие, например, остроты, что г-ну Водовозову надобно возить воду*.— Разин Алексей Егорович (ум. в 1875 г.) — публицист и педагог, автор «Политического обозрения» во «Времени» (см. о нем подробнее ниже, стр. 337). Здесь обыгрывается сходство фамилии «Разин» с французским словом: racine (корень). Корень не растет вверх — таков, вероятно, смысл остроты.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — историк. Его статьи, печатавшиеся в «Московских ведомостях» и «Отечественных записках», касались вопросов славянофильства и его судьбы в русской литературе. Водовозов Василий Иванович (1825—1886) — педагог и переводчик. Печатался в «Отечественных записках» (перевод «Зимней сказки» Генриха Гейне, статья «О русской народной педагогике»); в «Вестнике Европы» («О новом плане устройства народной школы»).

Стр. 27. *«Если безобразие ответа ∾ более чувствительным средствам» и проч.* — Речь идет о статье доктора медицины Эмилия фон Кнаута «Башкирцу из Белебея» («Экономист», 1862, кн. 5—6, отд. II, стр. 140—147) — ответе на статью «О земледелии в Башкирии», напечатанной за этой подписью в том же журнале («Экономист», 1862, кн. 3, отд. II, стр. 91—103). Последняя статья, в свою очередь, была ответом Я. Сахарову (В. В. Григорьеву) на статью «Заметки относительно земледелия в Башкирии», напечатанную в журнале «Вестник промышленности» (1861, № 1). В своей статье фон Кнаут утверждает, что Башкирец неправильно понял статью Я. Сахарова, основная мысль которой была та, что «хозяйственный быт народа составляет область, в которую администрация не должна вторгаться ни под каким предлогом, и что всякое вмешательство администрации в эту область, даже с самыми лучшими намерениями, оканчивается всегда вредом для народа» («Экономист», 1862, кн. 5—6, отд. II, стр. 140). Далее фон Кнаут пишет, что противник Я. Сахарова должен был бы более аргументированно возражать ему, противопоставив его теории — свою. В полемическом задоре фон Кнаут допустил в своей статье резкие, процитированные Достоевским, выражения. Белебей — уездный город Уфимской губернии.

Стр. 27. *...«Современное слово» укоряло «День» за то, что он ругается с ним по-народному, и указывало при этом на «Journal des Débats» как на пример благовоспитанности.* — См. статью «Возрождение „Дня“» (*ССл*, 1862, № 86, стр. 343). «Journal des Débats» — французская газета, издававшаяся в Париже с 1789 по 1920 г., причем первое ее название было «Journal des Débats et décrets», а с 1814 г. — «Journal des Débats politique et littéraires».

‹ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА РОМАНА В. ГЮГО «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ»›

(Стр. 28)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано под названием «Предисловие от редакции»: *Вр*, 1862, № 9, отд. I, стр. 44—46, без подписи (ценз. разр. — 14 сентября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXII, стр. 229—232. Авторство Достоевского установлено (по содержанию и стилистическим признакам) Л. П. Гроссманом (см.: там же, стр. 224—226).

Печатается по тексту первой публикации.

Перевод романа Гюго, которому была предпослана данная заметка, был первым полным переводом «Собора Парижской богоматери» на русский язык. Как видно из приходно-расходных книг редакции журнала «Время», деньги за перевод были уплачены постоянной переводчице журнала Ю. П. Померанцевой, которой он, по-видимому, и был выполнен (*ГБЛ*, ф. 93, I.3/21, л. 38). Б. В. Томашевский высказал предположение что переводчиком романа был П. Смирнов (*1926*, т. XIII, стр. 607). Однако предположение это опровергается конторскими записями о выплате гонорара Ю. П. Померанцевой. Как установил Б. В. Томашевский, этот

же перевод (без предисловия Достоевского) был переиздан отдельной книгой в 1874 г.

Имя В. Гюго завоевало известность в России уже в конце 1820-х — начале 1830 годов.[1] Его роль главы тогдашних французских романтиков в борьбе с авторитетами и традициями классицизма не могла не привлечь к нему внимания, не вызвать горячего сочувствия русских романтиков 1820—1830-х годов. Восторженным поклонником Гюго был один из главных поборников романтизма в русской литературе пушкинской поры, издатель журнала «Московский телеграф» (1826—1834) Н. А. Полевой. Более сдержанно относился к французскому поэту, драматургу и романисту-романтику (как это видно из отзывов о Гюго в поэме «Домик в Коломне», статьях и письмах к Е. М. Хитрово) Пушкин, воспринимавший его творчество, как и многие другие русские современники, в русле того направления, которое получило во Франции и России 1830-х годов название «неистовой школы».[2] Тем не менее слава Гюго в России 1830-х годов быстро росла. Его основные произведения становились в это десятилетие почти сразу же после их появления на французском языке и в оригинале и в переводах достоянием русского читателя. В 1830 г. вышел русский перевод «Последнего дня приговоренного», в 1833 г. — «Гана Исландца». Точно так же — вскоре после появления французского оригинала — печатаются в русских журналах в 1830-х годах — один за другим — переводы драм Гюго. Сложнее обстоит дело с «Собором Парижской богоматери». Отрывки из этого романа появились в русском переводе уже в год его выхода в свет и продолжали публиковаться в следующем году.[3] Но полностью русский перевод романа не смог тогда появиться из-за цензурных препятствий.[4]

Если в начале 1830-х годов, в период расцвета русского романтизма, В. Гюго быстро завоевал в России широкое признание, то в 1840-х годах, с переходом русской литературы к реализму, его слава заметно падает. Показательна та эволюция, которую пережил в своем отношении к Гюго с 1830-х по 1840-е годы В. Г. Белинский. В «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский восторженно отозвался о «Гане Исландце» (*Белинский*, т. I, стр. 33), а в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) писал о «Последнем дне осужденного» как о произведении, полном «ужасной, раздирающей истины» (там же, стр. 269). Но к началу 1840-х годов прежнее восхищение уступает место в статьях критика значительно более сдержанным оценкам романов и драм Гюго. «Гюго, Сю, Жанен, Бальзак, Дюма, Жорж Занд и другие возникли и проходят на наших глазах и готовятся к смене», — писал критик в 1841 г. (*Белинский*, т. IV, стр. 420). И хотя изменение отношения Белинского к кумирам русской романтической критики было в начале 1840-х годов в известной мере вызвано его временным «примирением с действительностью», сопровождавшимся отказом от юношеского романтического радикализма, Белинский после осуждения своих «примирительных» настроений уже не возвращается к прежним своим эстетическим симпатиям. Твердо став на

---

[1] О восприятии Гюго и истории издания его главнейших произведений в России XIX в. см.: М. П. Алексеев. В. Гюго и его русские знакомства. *ЛН*, т. 31/32, стр. 777—915.

[2] Отношение Пушкина к Гюго охарактеризовано Б. В. Томашевским в статьях «Пушкин и французская литература» и «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово». В кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Советский писатель», Л., 1960 (по указателю).

[3] См.: «Московский телеграф», 1831, ч. 40; «Телескоп», 1832, ч. 7.

[4] Об отношении к творчеству В. Гюго царской цензуры и о цензурной истории его произведений в России XIX в. см. публикацию И. Айзенштока и Л. Полянской «Французские писатели в оценке царской цензуры» (*ЛН*, т. 33/34, стр. 783—795).

революционные позиции и высоко отзываясь в конце жизни о французской литературе, ее революционных и социалистических идеалах, Белинский и в это время сохраняет сдержанное отношение к Гюго-романтику, сложившееся у него в конце 1830-х годов. «Посмотрите на Виктора Гюго, — заявлял он в 1845 г., — чем он был и чем он стал! Как страстно, как жадно, с какою конвульсивною энергиею стремился этот человек, действительно даровитый, хотя и нисколько не гениальный, сделаться представителем в поэзии национального духа своей земли в современную нам эпоху! И между тем, как жалко ошибся он в значении своего времени и в духе современной ему Франции! И теперь еще высится в своем готическом величии громадное создание гения средних веков — „Собор парижской богородицы“ <...> а тот же собор, воссозданный Виктором Гюго, давно уже обратился в карикатурный гротеск, в котором величественное заменено чудовищным, прекрасное — уродливым, истинное — ложным <...> Франция, некогда до сумасшествия рукоплескавшая Виктору Гюго, давно обогнала и пережила его...» (*Белинский*, т. VIII, стр. 567—568; ср.: там же, стр. 140—142). Через два с половиной года, в своей последней, итоговой статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, хотя и с оговоркой, что деятельность Гюго и других французских романтиков 1830-х годов в последнее время получила «новое направление», более близкое к изменившимся общественным запросам, в прежних их произведениях — в том числе «Соборе Парижской богоматери» — по-прежнему акцентирует то, что он считает общим их эстетическим недостатком: «И что составляет главный характер этих произведений, не лишенных, впрочем, своего рода достоинств? — преувеличение, мелодрама, трескучие эффекты. Представителем такого направления у нас был только Марлинский, и влияние Гоголя положило решительный конец этому направлению» (*Белинский*, т. X, стр. 313).

Новая волна широкого общественного и эстетического интереса к творчеству В. Гюго поднимается в России с 1850-х годов. Этому способствует несколько различных причин. Главные из них — общественный подъем, который Россия переживает после смерти Николая I, а вместе с тем и эволюция, пережитая самим французским поэтом. Недавний либеральный романтик стал видным деятелем демократической левой, а после бонапартистского переворота 1852 г. — политическим эмигрантом, врагом и смелым обличителем империи Наполеона III. Гневная, разящая лирика «Возмездий» и других поэтических произведений Гюго 1850-х годов, его политические речи и статьи, памфлет «Наполеон Малый», «История одного преступления» обновляют интерес русского читателя к творчеству поэта. Гюго воспринимается теперь русским обществом не как дерзкий литературный бунтарь и экспериментатор (так было в 1830-е годы), но как один из виднейших представителей европейской демократии и связанной с ее идеями социально-демократической литературы 1850—1860-х годов. Этот новый интерес к Гюго — политическому поэту, смелому социальному романисту и мыслителю достигает апогея в 1862 г., после выхода «Отверженных». Отрывки из них уже в год публикации романа сразу же появляются в нескольких русских газетах и журналах. Но уже вскоре печатание романа приостанавливается по указанию Александра II.

Интерес Достоевского к Гюго, который он испытывал на протяжении всего своего творчества, зародился в юношеские годы.[1]

---

[1] Об отношении Достоевского к Гюго см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 167, 258—259; *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 300; т. II, стр. 178—179 (см. также по указателю); *Библиотека*, стр. 118—120; *Д, Письма*, т. I, стр. 467 (примеч. А. С. Долинина); А. Г. Цейтлин. «Преступление и наказание» и «Les misérables». «Литература и марксизм», 1928, № 5, стр. 20—58; А. Л. Бем. Гюго и Достоевский. «Slavia», т. XV, 1937—1938, стр. 73—86; В. В. Виноградов. Из биографии

Вскоре после переезда в Петербург для поступления в Инженерное училище 9 августа 1838 г., Достоевский, рассказывая старшему брату о книгах, прочитанных в Петергофе во время летних лагерей, называет «Виктора Гюго, кроме Кромвеля и Гернани». В конце октября того же года Достоевский в письме к брату полемизирует с напечатанной в журнале «Сын отечества» переводной статьей французского критика Г. Планша о Гюго: «О, как низко стоит он во мненьи французов. Как ничтожно выставляет Низар его драмы и романы. Они несправедливы к нему, и Низар (хотя умный человек), а врет». Из другого письма к М. М. Достоевскому от 1 января 1840 г. видно, что особенное восхищение Достоевского в ранние годы вызывали не романы и драмы, а лирика Гюго. Сопоставляя Гюго с Гомером, Достоевский видит их близость в «младенческом верованьи в бога поэзии». В этом смысле второй из них выражает, по словам молодого Достоевского, дух древней, первый же — «как лирик, чисто с ангельским характером, с христианским, младенческим направленьем поэзии» — дух новейшей, европейской цивилизации.

В 1848—1849 гг. на одном из собраний литературного кружка петрашевца С. Ф. Дурова Достоевский, по свидетельству своего приятеля А. П. Милюкова, читал «несколько стихотворений Пушкина и Виктора Гюго, сходных по основной мысли или картинам, и при этом мастерски доказывал, насколько наш поэт выше как художник» (*Достоевский в воспоминаниях,* т. I, стр. 185; *Милюков,* стр. 179).

После пребывания на каторге, в 1850-х—начале 1860 годов,[1] интерес Достоевского к Гюго приобрел особенную интенсивность. В это время складываются эстетические взгляды великого русского романиста и определяются прочно черты того творческого метода, который получил свое выражение в романах и повестях Достоевского двух последних десятилетий. И именно в начале 1860-х годов Гюго выступает в качестве автора «Отверженных» — грандиозной по широте охвата современной жизни и по яркости символов-обобщений социально-гуманистической эпопеи, сразу же, в год ее выхода в свет, прочитанной Достоевским и поразившей его близостью многих основных тем и мотивов темам и мотивам собственного его творчества. Знакомство с «Отверженными» во Флоренции в 1862 г. (*Биография,* стр. 244), совпавшее с напряженными размышлениями Достоевского о его дальнейшем творческом самоопределении, способствовало новому углублению его творческих связей с Гюго. Приглядываясь к опыту Гюго — социального романиста, временами соглашаясь, а временами расходясь и споря с ним, Достоевский в следующие два десятилетия постоянно сознает близость своих художественных задач и задач французского писателя в освещении вопросов исторической жизни эпохи.

Есть основания полагать, что внимание Достоевского к Гюго не как к лирику и драматургу, а как к одному из крупнейших представителей насыщенных философской мыслью жанров социально-психологического романа и повести в литературе XIX в. определилось еще до появления «Отверженных». В начале 1860 г. старший брат писателя М. М. Достоевский опубликовал в петербургском журнале «Светоч» свой перевод «Последнего дня приговоренного к смерти» Гюго («Светоч», 1860, № 3, стр. 79—166). По свидетельству приятеля обоих братьев Достоевских —

одного «неистового» произведения В кн.: В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Л., 1929, стр. 127—152; G. Fridlender. Les notes de Dostoïevski sur V. Hugo. Cahiers de L'Herne. Série slave. Dostoïevski. Paris, 1973, pp. 288—294; см. также: наст. изд., т. VII, стр. 355, 404—405; т. IX, стр. 429—430, 433, 449; т. XV, стр. 463; Е. И. Кийко. Из истории создания «Братьев Карамазовых». В кн.: *Материалы и исследования,* т. II, стр. 125—129.

[1] *Врангель,* стр. 32.

критика А. П. Милюкова, заведовавшего редакцией «Светоча», перевод был выполнен М. М. Достоевским по его заказу.[1] Но если учесть, во-первых, известную нам из ряда отзывов русского романиста о «Последнем дне приговоренного» особую его любовь к названному произведению Гюго, а во-вторых, то, что перевод был выполнен М. М. Достоевским в момент, когда его брат только что горячо отдался работе над «Записками из Мертвого дома», естественно возникает предположение, что мысль напечатать в «Светоче» новый перевод романа Гюго (изданного на русском языке еще в 1830 г., но с тех пор не переиздававшегося) вряд ли могла возникнуть у Милюкова и М. М. Достоевского без общения с Ф. М. Достоевским.

В «Последнем дне осужденного» Гюго создал один из первых в европейской литературе XIX в. образцов психологической новеллы, где основой драматического напряжения являются не внешние события, а движение мысли отъединенного от людей, запертого в своей камере осужденного. Гюго выбрал своим героем преступника. И в то же время, подобно будущим героям Достоевского, преступник этот — не обычный убийца, но «уединившийся мыслитель», мысль которого от его мгновенных «сиюминутных» переживаний и частной судьбы непосредственно переносится к широким социальным проблемам, к общим вопросам бытия человека и общества. Прошлое, настоящее и будущее неотступно стоят перед ним, тревожат его ум и совесть. Поэтому своеобразная стенографическая запись противоречивого вихря его переживаний оказывается насыщенной глубоким драматизмом и патетикой. Все это сближает ранний роман Гюго с эстетикой Достоевского. «Последний день приговоренного» можно охарактеризовать как своеобразный творческий эксперимент в духе «реализма, граничащего с фантастическим» (если воспользоваться термином Достоевского). Герой поставлен здесь автором в необычные, исключительные условия: он ведет записки, по словам Достоевского, «не только в последний день свой, но даже в последний час, буквально, в последнюю минуту» и при этом с необычным умом и энергией фиксирует в них все свои переживания. Но эта «фантастическая форма рассказа», преднамеренно выбранная Гюго, не только не мешает глубине и правдивости его шедевра, но, напротив, усиливает впечатление от него: без нее он не мог бы придать своему рассказу присущего ему глубокого драматизма, создать «самого реальнейшего и самого правдивейшего произведения из всех, им написанных» (см. предисловие Достоевского к «Кроткой»: наст. изд., т. XXIV).

Перевод «Собора Парижской богоматери» появился во «Времени» в момент, когда имя Гюго как автора только что напечатанных «Отверженных» было у всех на устах. Именно на это рассчитывали, по-видимому, братья Достоевские, решившиеся поместить в своем журнале хорошо известный русскому читателю с 1830-х годов, хотя и не печатавшийся до этого в России полностью, роман Гюго. Но, публикуя во «Времени» «Собор Парижской богоматери», издатели журнала, в особенности Ф. М. Достоевский, руководствовались не только соображением о том, что после появления «Отверженных» этот роман мог рассчитывать на новый интерес русского читателя. Достоевский стремился побудить публику в свете социальной проблематики «Отверженных» свежими глазами прочитать более ранний роман Гюго. Воспринятый в контексте «Отверженных», «Собор Парижской богоматери» уже заключает в себе истоки проблематики позднейших произведений — в этом один из главных тезисов предисловия Достоевского. Интерпретации творчества Гюго романтической критикой 1830-х годов, судившей о нем в исторической перспективе литературно-эстетической борьбы с классицизмом, Достоевский противопоставляет принципиально иное, более широкое истолкование обще-

---

[1] *Милюков*, стр. 209.

ственного и этического смысла его произведений, ставшего очевидным после появления «Отверженных».[1]

Еще до появления перевода «Собора Парижской богоматери» во «Времени» А. А. Григорьев в статье «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 288—290) назвал этот «гениальный» роман «высокопоэтическим созданием», «колоссальным романом (до сих пор еще не переведенным по-русски)» (*Вр*, 1861, № 3, отд. II, стр. 43, 49, 58). Возможно, что приведенные замечания Григорьева могли подсказать братьям Достоевским мысль о помещении во «Времени» полного перевода романа (или наоборот — что мысль эта возникла в редакционном кружке «Времени» еще до появления статьи Григорьева и что, когда он ее писал, ему было известно о заказанном редакцией переводе «Собора Парижской богоматери»).

Исходя в формулировке социально-гуманистических идей Гюго из «Отверженных» и радуясь их «всеобщему, почти всемирному успеху», Достоевский оценивает «Собор Парижской богоматери» как более раннее, менее отчетливое выражение той же великой идеи «оправдания униженных и всеми отринутых парий общества» (стр. 28).

Вывод о «восстановлении погибшего человека» как об «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия», сформулированный Достоевским в предисловии к «Собору Парижской богоматери», явился не только результатом теоретического осмысления творчества Гюго и других близких писателю великих явлений искусства и литературы, предшествовавших и современных ему. Вывод этот явился выражением собственной его творческой программы, осуществленной в ближайшие годы после написания предисловия к «Собору Парижской богоматери» в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», при работе над которыми (как и над последующими своими романами) Достоевский не раз возвращался мыслью к идеям данного предисловия и к образам романов Гюго (см.: наст. изд., т. VII, стр. 77, 185, 355, 404—405; т. IX, стр. 242, 264; т. XIII, стр. 382; т. XV, стр. 205). Замысел романа-эпопеи дантовского масштаба, которая «хоть к концу-то века» выразила XIX век и его идеалы «так же полно и вековечно», как «Божественная комедия» — «верования и идеалы» католического средневековья, получил дальнейшее развитие в работе над

---

[1] Полемизируя против подведения общего смысла творчества Гюго под формулу «le laid c'est le beau» (восходящую к Предисловию Гюго к его ранней драме «Кромвель», 1827), Достоевский, как можно полагать, имел в виду не только Н. А. Полевого и других представителей французской и русской романтической критики, но и Белинского. Последний писал в 1844 г. в рецензии на перевод драмы Гюго «Бургграфы»:

«Имя Гюго возбуждает теперь во Франции общий смех, а каждое новое его произведение встречается и провожается там хохотом. В самом деле, этот псевдоромантик смешон до крайности. Он вышел на литературное поприще с девизом: «le laid c'est le beau», и целый ряд чудовищных романов и драм потянулся для оправдания чудовищной идеи <...> Его пресловутый роман «Notre Dame de Paris», этот целый океан диких, изысканных фраз и в выражении и в изобретении, на первых порах показался гениальным произведением и высоко поднял своего автора <...> Но то был не гранитный пьедестал, а деревянные ходули, которые скоро подгнили, и мнимый великан превратился в смешного карлика с огромным лбом, с крошечным лицом и туловищем. Все скоро поняли, что смелость и дерзость странного, безобразного и чудовищного — означают не гений, а раздутый талант и что изящное просто, благородно и не натянуто» (*Белинский*, т. VIII, стр. 140). О том, что Достоевский относил Гюго к числу писателей, перед которыми Белинский был «отчасти виноват», отзываясь о них без достаточного основания «свысока», так как «они не приходились под мерку нашей слишком уже реальной критики того времени», см. т. XIX, стр. 90, 289—290.

«Житием великого грешника» и «Братьями Карамазовыми» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 508—509; т. XV, стр. 399, 400, 463). Руководствуясь в своей работе художника в первую очередь «текущими» вопросами русской жизни и строя свои творческие концепции по иным, более сложным психологическим законам, Достоевский в 1860-х и 1870-х годах внимательно присматривается к образам и творческим концепциям Гюго, то находя в них опору для себя, то вступая с Гюго в идеологическую и творческую полемику.

Не случайно поэтому в письме, написанном в мае 1879 г., на имя Президента Международного литературного конгресса в Лондоне, Достоевский назвал В. Гюго «великим поэтом», гений которого со времен его детства оказывал на него неизменно «могучее влияние». Проблема бедности и тесно связанная с нею проблема преступления, воплощенные в близких — и в то же время психологически глубоко несходных — образах Клода Гё и Жана Вальжана, с одной стороны, и Раскольникова — с другой; вопрос об участи женщины, обреченной несправедливым общественным порядком на проституцию, поставленный в тех главах «Отверженных», которые посвящены Фантине, а также в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», судьбы девочки и мальчика из социальных низов — Козетты и Нелли, Гавроша, Коли Красоткина и мальчика у Христа на елке; проблемы пролития крови и смертной казни преступника, идеологический «спор» между революционером 1793 года и епископом Мириэлем, между пламенным защитником прав человека — Анжольрасом, погибающим на баррикаде, и стоическим проповедником морали милосердия Жаном Вальжаном, между Ипполитом и князем Мышкиным, Иваном и Зосимой — спор, где каждый герой несет в себе, в авторском понимании, частицу высшей, общечеловеческой правды и справедливости, — таковы темы, связывающие в единый узел в понимании создателя «Униженных и оскорбленных» и «Преступления и наказания» творения Гюго и собственные его произведения.

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС

СТАТЬЯ СО СВИСТОМ, С ПРЕВРАЩЕНИЯМИ И ПЕРЕОДЕВАНЬЯМИ

(Стр. 30)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 10, отд. II, стр. 141—163, без подписи (ценз. раз. — 27 октября 1862 г.).

В собрание сочинений включено впервые в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 320—354. Принадлежность статьи Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209).

Печатается по тексту первой публикации.

В статье «Щекотливый вопрос» полемика Достоевского с М. Н. Катковым достигает кульминационной точки. Годом раньше писатель отмечал и положительные качества «Русского вестника». Теперь же этот журнал становится в его изображении похож на «притон» беспринципных шутов, готовых, в зависимости от той или иной общественной конъюнктуры, жонглировать любыми идеями и убеждениями. Сменив оружие и без того жесткой критики на оружие пародии, Достоевский при оценке едва ли не всей литературно-критической и обличительной продукции «Русского вестника» за семилетний период его существования склонен к порицанию и насмешке. Нельзя сказать, чтобы этот переход к пародии был случайным. Уже в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (*Вр*, 1861, № 5) Достоевский писал о Каткове: «Подумаешь, что ему приятнее всего, собственно, процесс, манера наставлений и болтовни» (наст. изд., т. XIX,

стр. 129). Это явная наметка, как бы заблаговременная подготовка к изображению целого комплекса черт, определяющих важнейшие особенности портретного и нравственного облика «оратора» — Каткова в «Щекотливом вопросе». Точно так же безусловно Каткову, пользовавшемуся репутацией завзятого англомана, адресованы были сарказмы объявления об издании журнала «Время» в 1862 г. «Третьи хотят, — отмечал здесь Достоевский, характеризуя различные направления журналистики, — выписывать русскую народность из Англии, так как уж принято, что английский товар самый лучший ‹...› Перед авторитетами мы не преклонились. Фразерства, эгоизма, самодовольства и самолюбия, доходящего до пожертвования истиной, мы не щадили в других и даже, может быть, увлекались до ненависти» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 149).

Задача Достоевского-пародиста значительно облегчалась в данном случае появлением в газете «Современное слово» статьи «Кто виноват?». Анонимный автор этой статьи утверждал, что Катков, якобы злонамеренно сплотивший некогда вокруг «Русского вестника» литераторов, зараженных духом крайнего отрицания, — главный, а может быть и единственный, виновник зарождения и пышного расцвета в журналистике разрушительных идей нигилизма. Аноним «Современного слова» никак не мог постичь, что при всех их претензиях на резкость и правдивость тона сочинения публициста С. С. Громеки и писателей Н. Ф. Павлова и П. И. Мельникова-Печерского, обильно цитировавшиеся и до наивности тенденциозно комментировавшиеся им в подтверждение своего заключения, отнюдь не возвышались до уровня обличений, посягающих на основы существующего строя. Что у них было только одно преимущество перед массой обличений благонамеренного толка — они были талантливы. Нередко указания автора статьи «Кто виноват?» на разрушительное воздействие ранней публицистики «Русского вестника» граничили просто с абсурдом. Достаточно сказать, что студенческие волнения, вспыхнувшие осенью 1861 г., он считал логическим следствием полемики Каткова с профессором Крыловым (см. ниже, стр. 287).

Не заблуждаясь насчет истинного значения обобщений этой статьи, Достоевский остроумно воспользовался многими ее данными для собственной своей полемики с Катковым и его сотрудниками. Особенно это заметно во вступительной части «Щекотливого вопроса», предваряющей собственно пародию. Важную роль сыграла статья анонима «Современного слова» в формально-сюжетном построении пародии Достоевского.

«Уличив» Каткова в потворстве нигилизму уже в первые годы после падения Севастополя и вместе с тем с удовлетворением констатируя его переход на прямо противоположные позиции, автор статьи «Кто виноват?» сетовал: «Но возбудить движение и потом противу него же ратовать по меньшей мере неблаговидно. Прикрываться же заявлением, что редакция не принадлежит теперь ни к какой партии, что она держится абсолютной истины, еще не значит оправдать свою прошедшую деятельность и объяснить настоящую и будущую. ‹...› Вот почему мы думаем, что общество имеет полное право требовать от „Русского вестника“ отчета и объяснения его прошедшего способа действий, так прямо противоречащего настоящему» (*ССл*, 1862, 6 октября, № 102). Нетрудно заметить, что именно этот «отчет» занимает центральное положение в сюжете пародии.

Несомненна определенная зависимость приемов построения, а отчасти и содержания настоящей пародии от традиций сатирических обличений «Свистка» и «Искры». Кроме подзаголовка, прямо указывающего на эту связь, таковы применяемый вслед за Добролюбовым выпад против ученого академизма «Русского вестника», выраженный в форме кокетливо-самокритичного признания его редактора («пробиваюсь статьями о „сухих туманах“») и хлесткая перелицовка искровской характеристики либеральной прессы в характеристику прессы главным образом охранительной («два шага вперед, а три назад»). См. ниже соответствующие примечания.

Наконец, особого внимания в описании «магнетического сна» заслуживают штрихи, свидетельствующие об удачном использовании в целях пародирования взглядов Каткова некоторых мотивов творчества Тургенева. В речах англоманствующего «оратора» иногда весьма явственны отзвуки речей джентльмена с «душистыми усами» — Павла Петровича Кирсанова из романа «Отцы и дети», незадолго перед этим прочитанного Достоевским с восторгом (см. ниже, примеч. к стр. 42). С другой стороны, небезынтересно отметить, что такие черты «оратора», как непомерная болтливость, самолюбование, тщеславие, манерно охорашивающийся эгоизм, являются как бы дальним апрошем к знаменитым пародийным сценам романа «Бесы», в которых в очень неприглядном свете будет выставлен уже сам Тургенев. Таким образом, Катков и Тургенев, изображаемые в различные периоды обращения Достоевского к пародии, оказываются кое в чем неожиданно похожими друг на друга. Если в 1862 г. Тургенев образами своего романа «помогает» Достоевскому в создании пародии на Каткова, то примерно через десять лет редактор «Русского вестника» *не помешает* Достоевскому поступить аналогичным образом с Тургеневым. Перед нами в данном случае одно из многочисленных свидетельств очень характерной для Достоевского широкой амплитуды колебаний в отношении к своим современникам.

Стр. 31. ...*Облитый горечью и злостью*... — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «1-е января».

Стр. 31. ...*в своем объявлении об издании газеты «Наше время»*... — Далее приводится цитата из объявления, напечатанного в газете «Наше время» (1862, 4 октября, № 212).

Стр. 31. *Его обвиняют, что он ретроград.* — Многочисленные обвинения такого рода выдвигались «Современником», сатирической периодикой во главе с «Искрой», герценовским «Колоколом» и даже «Русским вестником». Они были обусловлены тем, что с конца 1861 г. под влиянием официального поворота к реакции либерал Н. Ф. Павлов перекрасился в охранителя. С этого периода его газета «Наше время» приобретает полуофициозный характер и пользуется регулярной финансовой поддержкой со стороны правительства как привилегированное издание, включившееся в активную борьбу с революционно-демократической идеологией. «Ретроградство» Павлова оттенялось и еще одним, по-видимому, общеизвестным в то время обстоятельством. Так как расходы на издание газеты не окупались ввиду неуклонного сокращения и без того небольшого числа подписчиков, Н. Ф. Павлов надоедал министру внутренних дел П. А. Валуеву назойливыми просьбами об увеличении денежного вспомоществования (см.: П. А. Валуев. Дневник, т. I. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 157; Мих. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст. СПб., 1904, стр. 107—109; В. П. Вильчинский. Николай Филиппович Павлов. Л., 1970, стр. 153—160). Сокращение подписки на «Наше время» и платные услуги Павлова правительству были постоянной мишенью насмешек прежде всего «Искры». Так, в стихотворной пародии «Лорд и маркиз, или Жертва казенных объявлений» «Искра» доводила до сведения широкого читателя следующее признание «маркиза» Павлова «лорду» Каткову (*И*, 1862, 16 ноября, № 44):

Я, собственно, подпиской
Не озабочен, сэр... Times, Siècle, Debats и Presse
Не от подписчиков имеют интерес...
Подписчик! Фи, милорд!.. как тривиально это!
Без них обходится хорошая газета.
И лучший журналист, по-моему, есть тот,
Кто не для чтения газету издает,
А больше для других, возвышенных стремлений...

Л. П. Гроссман полагает, что иронические титулы «лорд» и «маркиз», которыми Достоевский наделил Каткова и Павлова, заимствованы им из этой пародии «Искры» (см.: *1918*, т. XXIII, стр. 319). Такому заключению противоречат установленные Б. В. Томашевским даты цензурного разрешения десятой книжки «Времени» (27 октября 1862 г.) и объявлений в петербургских газетах о выходе ее в свет (1 ноября 1862 г.). При этом Б. В. Томашевский отмечает: «Более показательны даты газетных объявлений, появляющиеся дней через 5 после выхода книги» (*1926*, т. XIII, стр. 562). Следовательно, «Щекотливый вопрос» появился в печати по крайней мере на две недели раньше стихотворной пародии (дата 44-го № «Искры» — 16 ноября 1862 г.), и можно смело говорить о заимствовании у Достоевского, а не Достоевским.

Враждебное отношение к Павлову безусловно разделялось и Достоевским, всегда очень чутко реагировавшим на несоблюдение этических норм. В своей антипатии к Н. Ф. Павлову Достоевский руководствовался также специфически идеологическими, почвенническими соображениями, обусловленными различным подходом его журнала и газеты «Наше время» к дворянскому вопросу. Ряд статей Б. Н. Чичерина, печатавшихся в газете Павлова и представлявших собою реакционно-аристократическую апологию дворянства как единственной серьезной руководящей силы в государстве, вызвал, еще за несколько месяцев до опубликования статьи «Щекотливый вопрос», самую резкую критику журнала братьев Достоевских (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 84—86).

Стр. 31. *...он и действительно ретроград, если судить его теперь ∾ роль прогрессиста сулила почет и выгоду.* — Брезгливое чувство, сквозящее здесь и ниже в оценках пореформенной публицистики Н. Ф. Павлова, сказывается и на отношении Достоевского к литературно-критической деятельности последнего в годы его сотрудничества в «Русском вестнике». И эта деятельность, имевшая в основном все-таки прогрессивное значение, оценивается Достоевским чрезвычайно низко, что уже не совсем справедливо (см. ниже примеч. к стр. 33, о статьях Павлова «Чиновник», «Биограф-ориенталист» и др.).

Стр. 32. *...г-н Краевский, который вовсе никогда не бывал ни весельчаком, ни... ну и так далее...* — Типичная для публицистики 1860-х годов насмешка над Краевским. В связи с такого рода выпадами против издателя «Отечественных записок» «Искра» отмечала в своей «Хронике прогресса»: «...А. А. Краевский до того потерял свой ученый и литературный кредит в общем мнении, что сделался развлечением даже для „Развлечения“» (*И*, 1862, 31 августа, № 33, стр. 430). Наиболее полное выражение антипатия Достоевского к Краевскому получила несколько позже (см. статью «Каламбуры в жизни и литературе» и комментарий к ней). Впрочем, из дальнейшего контекста «Щекотливого вопроса» видно, что уже и здесь, издеваясь над Катковым, Павловым, Леонтьевым и другими публицистами, все более склонявшимися после крестьянской реформы к правой общественно-политической ориентации, Достоевский ставит по существу в один ряд с ними и Краевского (см. след. примеч.).

Стр. 32. *...кричит в своем пискливом объявлении о «Голосе» ∾ до него сделала Франция.* — Это объявление было напечатано в газете «С.-Петербургские ведомости» (1862, 30 августа, № 189). Называя его «пискливым», Достоевский ядовито подчеркивает отчетливо сказавшееся в нем своекорыстие умеренного либерала Краевского, заявившего о своей готовности беспрекословно служить властям предержащим, то есть «держать нос по ветру». Краевский, например, с неодобрением констатировал в своем объявлении, явно солидаризируясь при этом и с Катковым и с Павловым, что «давно уже, но с особенною силою после Севастополя, дух отрицания овладел» русской литературой и журналистикой сверх всякой меры и до сих пор «не встречает надлежащего отпора». Всегда отличавшийся осторожностью и расчетливой предусмотрительностью,

Краевский тем не менее с ханжеским сожалением заявлял о том, что именно «осторожность не была нашею добродетелью». Сущность направления будущего «Голоса» Краевский определял следующим образом: «...будучи твердо убеждены, что время отрицания и разлада проходит, мы радостно приветствуем наступление новой эпохи — эпохи *согласного* действия сверху и снизу, для сооружения нового на месте разрушенного, для укрепления того, что, по-видимому, поколеблено. Водворению и упрочению этого *согласия*, от которого только и можно ожидать прочного, действительного прогресса, — будет преимущественно посвящена наша газета...» Достоевский уже здесь не без основания подозревает предпринимателя Краевского в равнодушии к критическому реализму большой русской литературы. Дальнейшие события, в частности предпочтение, отданное Краевским и некоторыми его сотрудниками ежедневной печати, и обнаружившийся при этом недостаток уважения к таким писателям, как Тургенев и даже Гоголь, полностью подтвердили эти подозрения (см. наст. том, стр. 147 и примечания к ней).

Что касается отказа «от республики», Достоевский имеет в виду следующую декларацию из объявления Краевского: «Относительно иностранной политики наше полнейшее сочувствие принадлежит ныне повсюду укрепляющемуся в Европе общественному порядку. При настоящей степени развития общества во всех значительных государствах Европы мы не верим успеху там республиканской формы правления. Франция представляет яркую картину тех результатов, до которых доходит общество, когда оно, подчиняясь влиянию энтузиастов, провозглашает республику, не сделавшись наперед республиканским по мысли и чувству» (*СПбВед*, 1862, 30 августа, № 189).

Стр. 32. *Как будто и прежде-то кто-нибудь стоял собственно за республику! ∾ Как будто республики желает кто-нибудь и теперь!* — Характерный для Достоевского выпад против нагло преуспевающих буржуа (к которым он относит и Краевского), лицемерно маскирующих свои материально-эгоистические интересы громкими словами о свободе, всеобщем благоденствии. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский писал: «...человек всегда и во все времена боготворил матерьялизм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными изо всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. „Всяк за себя, и только за себя, и всякое общение между людьми единственно для себя“ — вот нравственный принцип большинства теперешних людей...» Эта характеристика века подкреплялась Достоевским следующим примечанием под строкой: «Основная идея буржуазии, заместившей собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй, и ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире».

Стр. 32. *Иных обвиняемых, особенно таких, которые почему-либо не могли защищаться ∾ «Русский вестник» и его редактор г-н Катков.* — Под «обвиняемыми» подразумеваются Герцен и отчасти Огарев. В период возникновения петербургских пожаров и появления прокламации «Молодая Россия», призывавшей к свержению самодержавия и немедленному повсеместному физическому уничтожению «императорской партии» (вторая половина мая 1862 г.), в реакционно-либеральных кругах русского общества господствовало убеждение в том, что эти события — прямое следствие провокационных указаний из Лондона. В связи с этим, а также задетый рядом статей Герцена, в особенности же статьею «Молодая и старая Россия», защищавшей авторов упомянутой прокламации, как людей по молодости лет излишне горячих, но безусловно честных и благородных, Катков выступил в своем журнале с пространной «Заметкой для издателя „Колокола“», отличавшейся беспримерной резкостью тона. В этой «заметке» такие определения личности Герцена, как «фразеолог», «бездушный фразер», «жалкий ломака», «шутовской папа», были еще

не самыми грубыми. Возлагая на Герцена всю тяжесть ответственности за происходящее в России, Катков называл его человеком, променявшим «совесть» на дешевую популярность, тщеславным «генералом от революции», который «сам сидит в безопасности, а других посылает на подвиги, ведущие их в казематы и в Сибирь» (*РВ*, 1862, № 6, стр. 834, 844, 845). Катков писал о том, что «Молодую и старую Россию» он прочел «с несравненно большим омерзением, чем прокламацию. Там просто дикое сумасбродство, — утверждал он, — а тут видите вы старую блудницу, которая вышла плясать перед публикой» (там же, стр. 848). Откровенной ненавистью была проникнута катковская характеристика деятельности Герцена в целом. «В то время, когда он начал действовать, — писал Катков о руководителе русской революционной эмиграции, — Россия действительно вступала в новую эпоху. Но он оставался все тот же; он продолжал жеманиться, как и в то время, когда писал записки доктора Крупова, статьи об изучении природы и социалистические бредни *с того берега*. Он остался всё тот же <...> кипящий раздражением пленной мысли, бесспорно утвердивший за собою только одно качество, — качество бойкого остряка и кривляки» (там же, стр. 837). Осуждая редактора «Русского вестника» и в данном случае («...таких, которые почему-либо не могли защищаться, окричали наиболее...»), Достоевский находится под определенным воздействием анонимного автора «Современной хроники России» в журнале «Отечественные записки», который следующим образом отзывался о полемике Каткова с Герценом: «Тут хладнокровие наконец изменило почтенному журналу: он стал раздражителен, сварлив и начал браниться так, как никогда не бранились его противники. В последней книжке, в ответе своем издателю „Колокола“, он дошел до такого ругательства, что становится грустно за человека, который дозволяет своему раздраженному самолюбию низводить себя на такую ступень <...> Получив возможность бороться с мнением *Колокола*, он поспешил сейчас же сорвать сердце, дать волю накопившейся желчи, заняться личными счетами <...> По поводу прокламации „Молодая Россия“ „Русский вестник“ сообщает нам, что г-н Герцен не нашел в этой прокламации ничего оскорбительного для русского самолюбия, за исключением несвоевременного ее появления, да небольшой доли подражания Бабёфу. Он совершенно оправдывает эту прокламацию и складывает вину на правительство, на общество <...> Хотелось бы нам сказать кое-что по этому случаю г-ну Герцену, но удерживаемся только потому, что *не хотим воспользоваться односторонним правом открыто нападать на те мнения, которые нельзя защищать так же открыто...*» (*ОЗ*, 1862, № 8, стр. 47—48; курсив наш, — *ред.*).

Стр. 33. ...*преследовали г-на Владимира Зотова...* — Подразумевается вспыхнувшая во второй половине 1858 г. бурная полемика ряда периодических изданий с знакомым Достоевскому, вероятно, еще по кругу петрашевцев В. Р. Зотовым, потворствовавшим появлению на страницах редактируемой им еженедельной газеты «Иллюстрация» нескольких анонимных антисемитских фельетонов под общим названием «Дневник знакомого человека», вызвавших негодование всей передовой русской печати. Уже первый из этих фельетонов, рассказывавший о поведении белорусского еврея «г-на N», неожиданно разбогатевшего в результате темных коммерческих махинаций, пестрил сентенциями вроде следующей: «Мильонер — значит великий человек. Долой ермолку, пейсы, балахон, нарядился во фрак — просто цымес! <...> Оставалось съездить в Париж, чтоб сделаться гениальным человеком. И поехал...» (*Илл*, 1858, 26 июня, № 25). Это антисемитское зубоскальство встретило отпор со стороны газеты «Русский инвалид» (1858, № 168), на что «Иллюстрация» не замедлила ответить новым фельетоном (с характерным подзаголовком: «Западнорусские жиды и их современное положение»), в котором плутни, самодовольство и хвастовство «г-на N» квалифицировались уже как типичные черты нравственного облика всего еврейского населения западнорусских губерний (см.: *Илл*, 1858, 4 сентября, № 35). После этого

со статьями, осуждавшими «Иллюстрацию» и поднимавшими вопрос о гражданских правах для евреев, выступили М. И. Горвиц («Атеней», 1858, № 42) и И. А. Чацкин (*РВ*, 1858, № 9). Тогда анонимный сотрудник В. Р. Зотова пустил в ход клевету. «Статья наша в № 35 „Иллюстрации“, — писал он, — вызвала оппозицию со стороны иудофилов, без всякого сомнения, агентов знаменитого г-на N, который, как видно, не жалеет золота для славы своего имени, и вот явились в печати два еврейские литератора — некто Ребе-Чацкин и Ребе-Горвиц» (*Илл*, 1858, № 43, 30 октября).

Включившийся в полемику Н. А. Добролюбов писал по поводу процитированного заявления автора «Дневника»: «Смысл этой фразы ясен <...> Передаем этот факт без всяких пояснений, которые считаем в этом случае излишними и даже унизительными для нравственного чувства как своего собственного, так и наших читателей, не нуждающихся, конечно, ни в каких возгласах для оценки подобных явлений. Впрочем, многие уважаемые литераторы и ученые торжественно протестовали против „Иллюстрации“ в „СПб ведомостях“, „Русском вестнике“ и „Московских ведомостях“» (*Добролюбов*, т. III, стр. 471). «С.-Петербургские ведомости» (1858, 25 ноября, № 258) напечатали литературный протест, подписанный несколькими десятками имен, в том числе Чернышевским, Тургеневым, К. Д. Кавелиным, А. Д. Галаховым, А. А. Краевским, В. Д. Спасовичем и др. С «Иллюстрацией» полемизировали также не только «Московские ведомости» (1858, №№ 140, 149), но и «Северная пчела» (1858, № 262). Но самую обширную подборку обличительно-полемических материалов, среди которых видное место занимали статья Н. Ф. Павлова «Вопрос о евреях и „Иллюстрация“» и новые списки протестующих (среди них Марко Вовчок (М. А. Маркович), П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров и Т. Г. Шевченко) поместил на страницах своей «Современной летописи» «Русский вестник» (1858, № 11).

Отвечая на этот поток писем, статей и протестов, В. Р. Зотов оправдывался тем, что, как редактор, он физически не в состоянии уследить за каждым неосторожным или бестактным словом своих сотрудников. Тем не менее он не назвал автора «Дневника», укрывшегося под псевдонимом «Знакомый человек» (см.: *Илл*, 1858, 27 ноября и 11 декабря, №№ 47 и 49). Недавно установлено, что им был публицист П. М. Шпилевский (см.: «Ученые записки Тартуского ун-та», 1959, № 78, стр. 120).

Сопоставляя полемические суждения Достоевского в данной статье с позднейшими главами «Дневника писателя» за 1877 г. (март), посвященными положению евреев в тогдашней России, мы находим в них много общего. Так, статья «19 нумер „Дня“» (*Вр*, 1862, № 2) четко противопоставляется одной из передовиц И. С. Аксакова, настойчиво возражавшего против уравнения гражданских прав евреев с правами других инородцев. Аксаков недвусмысленно обвинялся здесь в антигуманном отношении к евреям, недостойном истинного христианина и вообще любого образованного человека. Даже в том случае, если эта статья была написана не Достоевским, а кем-нибудь из его сотрудников, она несомненно отражала принципиальную позицию журнала, а значит, и позицию его редактора. Венцом суждений Достоевского по еврейскому вопросу в 1877 г. явилась, как известно, формула: «Но да здравствует братство». О трудных поисках этой универсальной формулы свидетельствуют в конце концов и некоторые моменты его ранней публицистики, связанные прямо или косвенно с охарактеризованной выше полемикой с зотовской «Иллюстрацией».

Стр. 33. ...*Как провозвестник // Московских дум и английских начал.* — Неточная цитата из сатирического стихотворения «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», написанного Н. А. Некрасовым совместно с Н. А. Добролюбовым и напечатанного анонимно в четвертом номере «Свистка» (*С*, 1860, № 3). У Некрасова:

Тот мудрый град, где смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад, бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней», как ручеек, журчал...

За несколько месяцев до написания Достоевским статьи «Щекотливый вопрос» эти же строки из стихотворения Некрасова и Добролюбова цитировались «Искрой», обращавшей внимание читателей на единомыслие между Катковым и Н. Ф. Павловым, а также на то, что публицистика этих журналистов приобретает с течением времени все более откровенный охранительный характер. «Когда ближе поприглядишься к „Русскому вестнику“, — отмечалось в „Хронике прогресса“ „Искры“, — оказывается запах его положительно один и тот же с „Нашим временем“, хотя как

Смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад, давно бушует „Вестник“

о самоуправлении, а „Наше время“, подобно трудолюбивой пчеле ... собирает соты с цветов централизации» (*И*, 1862, 17 августа, № 31).

Стр. 33. *...цитует древнейших мудрецов, так сказать Гостомыслов «Русского вестника»...* — Ироническая квалификация сотрудников журнала Каткова, сочинения которых цитировались или упоминались в статье «Кто виноват?» (см. выше, стр. 279). Многие из них подвизались в «Русском вестнике» с начала его существования. Гостомысл — легендарный славянский князь, отличавшийся необыкновенной мудростью. С его именем в русских летописях связывается сказание о призвании на Русь варягов.

Стр. 33. *Стряхнули даже пыль с мирно почивающих, но незабвенных статей г-на Громеки «О полиции вне полиции».* — В предшествующей полемике с Катковым Достоевский склонен отвергать обвинение в издевательском и даже мало-мальски пренебрежительном отношении к деятельности С. С. Громеки в «Русском вестнике» (см.: наст., изд., т. XIX, стр. 108, 121, 303). Между тем ближайшее знакомство со статьями этого публициста, напечатанными в журнале Каткова, убеждает в том, что отношение к ним со стороны Достоевского ни в коем случае не могло быть вполне лояльным. Дело в том, что, критикуя в целом ряде статей неуважение к законам и произвол, бумажную волокиту и безграничный бюрократизм, царящие в русском судебно-полицейском аппарате, Громека в то же время неумеренно восхищался эффективной и в высшей степени общественно полезной, по его мнению, деятельностью лондонской полиции и английского суда присяжных и пропагандировал их в качестве образца для подражания в русских условиях (см.: «Два слова о полиции». *РВ*, 1857, № 6; «Пределы полицейской власти». *РВ*, 1858, № 5; «Полицейское делопроизводство». *РВ*, 1858, № 7; «О полиции вне полиции». *РВ*, 1858, № 10; «Последнее слово о полиции». *РВ*, 1859, № 4). Такая точка зрения на судебно-полицейские порядки в России и Англии вряд ли могла импонировать Достоевскому, сурово разоблачавшему впоследствии («Дневник писателя» и роман «Братья Карамазовы») беспринципность русской адвокатуры и несправедливость русского суда присяжных, устроенных по западному образцу.

Стр. 33. *Привели цитаты из «Биографа-ориенталиста» и «Чиновника» — статей драгоценных и наполнивших в свое время весь мир изумлением.* — Статья Н. Ф. Павлова «Чиновник», посвященная анализу одноименной комедии графа Соллогуба, была напечатана в «Русском вестнике» (1856, №№ 6 и 7). Остроумная и дельная, она снискала одобрение многих литераторов того времени, в том числе таких авторитетных, как Чернышевский и И. С. Тургенев (краткую сводку положительных отзывов о ней см. в кн.: В. П. Вильчинский. Н. Ф. Павлов. Л., 1970, стр. 120—

121). Н. Ф. Павлов разоблачал пустую болтовню не знающего действительности главного героя комедии Надимова — неправдоподобно безупречного чиновника, высокопарно толкующего о любви к отечеству и предлагающего рецепт молниеносного искоренения взяточничества путем административного замещения низкооплачиваемых чиновников людьми честными и богатыми. Что касается Достоевского, его, по-видимому, особенно неприятно «изумила» некоторыми своими выводами вторая из названных статей Павлова — «Биограф-ориенталист» (*РВ*, 1857, № 3). Она представляла собою резкую отповедь на статью В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» («Русская беседа», 1856, кн. 3 и 4), в которой набрасывалась тень на нравственный облик Грановского и ставилось под сомнение значение его ученой деятельности и западнических убеждений. Отвергая узкий специализм претензий к Грановскому со стороны В. Григорьева, Н. Ф. Павлов писал: «Нам нужны еще не прихотливые произведения ограниченной специальности... а, напротив, деятели, подобные Грановскому, которых влияние на общество поднимает науку и в общественном мнении ставит самих специалистов на подобающее им почетное место» (*РВ*, 1857, № 3, стр. 250). И далее: «Григорьеву неизвестно, что покойный профессор остается и останется в воображении студентов каким-то идеальным образом; что имя его будет передаваться ими из поколения в поколение; что в Москве, в Петербурге, по другим краям России вспомнится не раз это благородное имя; что долго, долго не зарастет тропа, ведущая к его могиле и не завянут цветы, благоухающие над нею. Он писал мало, но много сделал...» (там же, стр. 253). Эта апология Грановского во многом противоречила точке зрения Достоевского на людей сороковых годов, получившей через десяток лет художественное воплощение в центральных образах романа «Бесы». Еще большее «изумление» у почвенника Достоевского, граничившее наверняка с негодованием, должны были вызвать обобщающие суждения автора «Биографа-ориенталиста» на тему о русской «самобытности» и «пристрастии к иностранному». «Россия оказала пристрастие к иностранцам и прекрасно сделала, — утверждал Павлов. — У славян иностранное является не историческою случайностью, не подмогой в исторических затруднениях, не временным оживлением, а законом, без которого немыслима их история <...> пристрастие к иностранному обнаруживается не в одних высших классах — это взгляд неверный и поверхностный, — продолжал далее Павлов, как бы авансом опровергая воззрения Достоевского на русскую историю послепетровского периода, неоднократно высказывавшиеся в его публицистике 1860—1870-х годов, — а во всех без изъятия, как только свет ученья озаряет в них ум и как только они сталкиваются на практике, в жизни, в домашнем обиходе с плодами иностранной образованности» (*РВ*, 1857, № 3, стр. 226, 227). Обращаясь к литературе, Павлов указывал на то, что русская «самобытность» получила уничтожающе справедливую оценку в комедии Фонвизина «Недоросль», в «Семейной хронике» Аксакова и в «типических лицах Гоголя» и что «попытки в другом роде <...> были совершенно неудачны. Когда <...> писатель желал во что бы то ни стало создать идеал добра, правды из стихий, неоскверненных прикосновением чуждых влияний; когда он погружался искренно в эту ложную самобытность <...> когда до такой степени отталкивал он всё иностранное, что даже в жаркий летний день не допускал у своего героя никаких прохладительных питий, кроме разных вкусных квасов, то выходили последствия странные <...> Под пером Гоголя являлись уже не живые люди, а куклы, поставленные на риторические ходули, напыщенные, безобразные, мертвые, как например жалкие фигуры Уленьки и Костанжогло» (там же, стр. 228).

Стр. 33. *Как жаль, что ничего не цитировали ∾ посыпанья песком московских тротуаров в июле месяце.* — Достоевский вновь подтрунивает над Павловым, подчеркивая убогость сюжета его обличительной статьи «Из московских записок» (*РВ*, 1859, № 8), в которой метались громы и молнии на этот раз по явно ничтожному поводу. Возмутившись поведе-

нием дворника, тупо выполнявшего бессмысленный приказ «хожалого» посыпать песком и без того удушливо пыльные в летний зной улицы Москвы, Павлов указывал затем еще на два-три факта, свидетельствовавшие о халатности и недостатке служебного рвения в действиях низшей городской администрации. Этим, по существу, исчерпывалось содержание его статьи.

Стр. 33. *...г-н Катков, единственно из удовольствия повредить профессору Крылову ∞ статьи, которые именно вели к возбуждению юношества против их наставников и учителей...* — Аналогичное обвинение Каткову выдвигалось Достоевским задолго до появления в печати статьи «Кто виноват?» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 307). Речь идет о целом ряде статей из «Русского вестника», в которых обличалось невежество профессора римского права Н. И. Крылова («Изобличительные письма» и «Дополнительная заметка» Байбороды, «Письмо к редактору» П. М. Леонтьева, «Объяснение от редактора» М. Н. Каткова — *РВ*, 1857, № 4). Все эти статьи компрометировали Н. И. Крылова в глазах студентов Московского университета, которым он читал лекции. Псевдонимом «Байборода» пользовались М. Н. Катков, Ф. М. Дмитриев и П. М. Леонтьев.

Стр. 33. *...грешнее того козла...* — Подразумевается описанный в Библии обряд возложения грехов еврейского народа на козла, отпускаемого затем в пустыню (Книга Левит, гл. 16, ст. 21—22). Отсюда крылатое выражение «козел отпущения».

Стр. 34. *...можно добраться до Аргонавтов...* — То есть чуть ли не до начала «истории» рода человеческого. Согласно античной мифологии, аргонавтами (моряками с корабля «Арго») назывались греческие герои, отплывшие во главе с Язоном в далекую Колхиду, чтобы похитить там золотое руно.

Стр. 34. *...или по крайней мере до призвания трех князей варяжских, до сих пор неизвестно откудова.* — Отголосок журнальной полемики между сторонниками различных теорий происхождения Руси. Более популярная «норманская» теория защищалась М. П. Погодиным, автором книги «О происхождении Руси» (1825), «жмудская» — Н. И. Костомаровым, выступившим со статьей «Начало Руси» (*С*, 1860, № 1). 19 марта 1860 г. состоялся публичный диспут между Погодиным и Костомаровым, однако вопрос о происхождении Руси остался по-прежнему неясным. В полемике принимали участие Чернышевский и Добролюбов, считавшие концепцию Погодина научно не обоснованной (*Чернышевский*, т. VII, стр. 296—299; *Добролюбов*, т. VI, стр. 39—43). Три князя варяжских — легендарные Рюрик, Синеус и Трувор, которые пришли управлять Русью по приглашению славян, погрязших в неурядицах и междоусобицах. Касаясь впоследствии очередного спора между Погодиным и Костомаровым по поводу статьи Костомарова «Куликовская битва» и собираясь написать об этом статью, Достоевский писал брату (5 марта 1864 г.): «...я не знаю историю так, как они оба, а между прочим, мне кажется, что есть что сказать и тому и другому». По-видимому, уважением и к Погодину и к Костомарову, сочетавшимся у Достоевского с сомнением в основательности собственных исторических познаний, следует объяснить смысловую неопределенность концовки комментируемой фразы («до сих пор неизвестно откудова»).

Стр. 35. *Поспешно назначается президент (лицо без речей и занимающееся римскими древностями)...* — Намек на ближайшего единомышленника Каткова профессора римской словесности в Московском университете П. М. Леонтьева, издавшего в 1855—1857 гг. «Пропилеи. Сборник статей по классической древности». Как соредактор и сотрудник Каткова по изданию «Русского вестника» Леонтьев не отличался особой плодовитостью. Быть может, также и этим обстоятельством, а не только намерением пародировать «парламентские формы» и преклонение перед ними русских англоманов катковского пошиба объясняется беглое замечание о нем Достоевского: «лицо без речей».

Стр. 37. *Я перевел «Ромео и Джульетту»...* — Отрывки из пятого действия шекспировской трагедии в переводе М. Н. Каткова были напечатаны в журнале «Московский наблюдатель» (1839, № 1) под названием «Сцены из „Ромео и Юлии“». Полный перевод трагедии был напечатан Катковым в следующем году.

Стр. 37. *...я написал еще одну статью, кажется о Пушкине ∾ я уже забыл, об чем я писал.* — Речь идет о статье Каткова «Пушкин» (*РВ*, 1856, №№ 1 и 3), написанной в связи с выходом в свет шеститомного собрания Сочинений Пушкина в издании П. В. Анненкова (СПб., 1855). Слова «кажется о Пушкине» намекают на «забывчивость» Каткова, резко изменившего к 1861 году свое былое положительное отношение к Пушкину. Полемизируя с редактором «Русского вестника» в 1861 г., Достоевский порицал его за пренебрежение к русскому реализму послепушкинской поры и особенно за чрезмерную недооценку самобытности и народности творчества Пушкина, во многом аналогичную суждениям таких критиков, как С. С. Дудышкин и Гымалэ (Ю. А. Волков) (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 298, 307). Между тем в статье «Пушкин» Катков придерживался по существу еще прямо противоположной точки зрения, явно созвучной взглядам Достоевского. Он, например, писал: «Русское слово в лице Пушкина нашло путь к жизни и приобрело способность выражать действительность в ее внутренних источниках. До него поэзия была делом школы, после него она стала делом жизни, ее общественным сознанием. Потому-то Пушкина и назвали первым народным поэтом нашим. Он был действительно народным поэтом, хотя не в том смысле, что брал предметы для своих произведений из среды в теснейшем смысле народной. Пушкин, как известно, в этом смысле не народен. Общий инстинкт назвал его народным потому, что в нем с особенною силою почувствовалось живое и оригинальное движение мысли в русском слове» (*РВ*, 1856, № 3, стр. 284). Следует указать также на явную перекличку некоторых положений статьи «Пушкин» с позднейшей аргументацией Достоевского в защиту «бесполезного» искусства и свободы творчества, выдвинутой в ходе полемики с Добролюбовым («Г-н —бов и вопрос об искусстве») и опять-таки самим же Катковым («Литературная истерика». См. комментарий к этой статье — наст. изд., т. XIX, стр. 310). «Линии Рафаэля не решали никакого практического вопроса из современного ему быта, — отмечал Катков, — но великое благо и великую пользу принесли они с течением времени для жизни; они могущественно содействовали и ее очеловечению» (*РВ*, 1856, № 1, стр. 312). И далее: «Не заставляйте художника браться за „метлу“, как выразился Пушкин в стихотворении „Чернь“. Поверьте, тут-то и мало будет пользы от него. Пусть, напротив, он делает свое дело; оставьте ему его „вдохновение“, его „сладкие муки“, его „молитвы“. Если только вдохновение его будет истинно, он, не заботьтесь, будет полезен» (там же, стр. 313). Однако наряду с этим в статье «Пушкин» выдвигался на передний план целый ряд суждений совсем другого рода. Именно на эти суждения нацелено в данном случае полемическое жало Достоевского. Из этих суждений Каткова следовало, что Пушкин был по преимуществу поэтом «мгновения», неспособным к глубокому философскому постижению и художественному отражению действительности. Характеризуя все творчество Пушкина, он утверждал: «Везде отдельные моменты, изображения отдельных положений, нигде нет последовательного развития. Либо целое распадается на эпизоды, и повествование служит только нитью, на которой нанизывается великолепный ряд картин... Либо поэт, замыслив целое, остается при начале или при каком-нибудь отрывке из замышленного повествования; замысел не развивается, и поэт останавливается на каком-нибудь моменте... таковы все эти отрывки или начала поэм, которых так много у Пушкина» (*РВ*, 1856, № 3, стр. 292). Все это в известной степени уже предвосхищало четкое и грубо сформулированное Катковым впоследствии (и столь возмутившее Достоевского) заключение о «незрелости» пушкинского гения, о фрагментарности его «Египетских ночей» и т. п. (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 132—133, 307).

Стр. 37. *Я затеял тогда мой удивительный журнал...* — «Русский вестник» под редакцией М. Н. Каткова начал издаваться с января 1856 г.

Стр. 38. *...упомянуть о четвертаке, внезапно пропавшем со стола редакции.* — См. комментарий к статье «Литературная истерика» (наст. изд., т. XIX, стр. 310—311).

Стр. 39. *Кажется, моему почтенному оппоненту розги не нравятся?..* — Намек на непримиримую позицию, занятую «нигилистами», то есть представителями разночинно-демократического лагеря, в полемике по вопросу о телесных наказаниях в средних учебных заведениях. Поводом для полемики явились «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий киевского учебного округа», опубликованные известным педагогом-гуманистом Н. И. Пироговым («Журнал для воспитания», 1859, № 11). Несмотря на то что Н. И. Пирогов занимал тогда важный пост попечителя киевского учебного округа, он не сумел противостоять реакционерам от педагогики, ратовавшим за телесные наказания, и это нашло отражение в изданных им «правилах». С резкой отповедью Н. И. Пирогову выступил прежде всего Добролюбов в статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (*С*, 1860, № 1). О других отрицательных откликах демократической печати на упомянутые «Правила» см.: *Добролюбов*, т. VI, стр. 473. Что касается Достоевского, он не согласился с чрезмерно суровым, по его мнению, отношением критиков-демократов к Н. И. Пирогову. В записной книжке, относящейся к 1860—1862 гг., он отмечал: «Вы набросились на г-на Пирогова как на человека, совершенно потерянного, забросав его грязью, и в лице Пирогова оскорбили всех. Общество благодарнее, чем вы думали. Оно может простить заблуждение. Вы не простили, то есть вы человека не цените, люди без гуманности» (см. выше, стр. 161).

Стр. 41. *Я уже объявил раз, что даже самой народности не признаю ∾ ревели со мною заодно...* — См. комментарий к статьям Достоевского «„Свисток" и „Русский вестник"» и «По поводу элегической заметки „Русского вестника"» (наст. изд., т. XIX, стр. 298, 331). «Петербургские передовые ревели со мною заодно» — по всей вероятности, намек на С. С. Дудышкина и Гымалэ (Ю. А. Волкова), отрицавших народность творчества Пушкина. См. реальный комментарий к статье Достоевского «„Свисток" и „Русский вестник"» (наст. изд., т. XIX, стр. 298).

Стр. 41. *Те же, которые шли далее его, ушли потом очень далеко.* — Намек на участь декабристов, отправленных Николаем I в «каторжные норы» Сибири.

Стр. 42. *В англомании есть и еще одно драгоценное свойство ∾ ни одной йоты не уступаешь из своих убеждений ∾ а мы-то форсим и куражимся над готовым!..* — Эта и некоторые другие выспренно-бранчливые тирады из перебранки англоманствующего «Оратора»-Каткова с «нигилистом» и другими оппонентами «слева» — результат пронзительно-пародийного преломления знаменитого эпизода романа Тургенева «Отцы и дети» (1862), восторженно встреченного Достоевским. В десятой главе романа Павел Петрович Кирсанов говорит Базарову: «...я уважаю аристократов — настоящих. Вспомните, милостивый государь <...> английских аристократов. Они не уступают йоты от прав своих, и потому они уважают права других; они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и потому они сами исполняют *свои* обязанности. Аристократия дала свободу Англии и поддерживает ее.

— Слыхали мы эту песню много раз, — возразил Базаров...» Слова Павла Петровича Кирсанова: «...без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе, — а в аристократе эти чувства развиты, — нет никакого прочного основания общественному ... bien public, общественному зданию. Личность, милостивый государь, — вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится» — также находят пародийное соответствие в заявлении «Оратора»-Каткова: «Да, в основании всеобщей пользы полагается всегда наша

собственная. Это совершенно согласно с личным началом, то есть началом западным, и следовательно, и британским...» Наконец, цинично-хвастливая фраза «Оратора»: «Во-первых, прослывете крепко убежденным и стойким, потому что ничего не уступаете, а во-вторых, можно проповедовать без конца, а на деле...», прерываемая на полуслове резонно-издевательской подсказкой нигилиста: «Ни с места!» — является пародийным вариантом базаровского резюме в той же беседе: «...вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для bien public?»

Стр. 42. *А еще лучше два шага вперед, а три назад.* — Скрытая и, по-видимому, намеренно неточная цитата из разночинно-демократической «Искры». Весь титульный лист «Искры» от 19 октября 1862 г. (№ 40) занимала карикатура, изображающая молоденькую женщину — «Идею», вдохновенно парящую в воздухе по направлению к окну, забранному решеткой, и ковыляющую внизу с потухшим взором неряшливую старушку — «Прессу», сгибающуюся под тяжестью растрепанных тюков с газетами. Карикатура сопровождалась подстрочником, высмеивающим чрезмерно осторожный способ либерального движения к прогрессу:

«Идея. Мы уговорились ехать вместе?

Пресса. Извините — не могу... дала обет идти пешком: три шага вперед и два назад.

Идея. Ну, так конный пешему не товарищ — прощайте!»

Несколько видоизменяя формулировку «Искры» и вкладывая ее в уста угрюмого нигилиста, Достоевский пользуется ею в качестве характеристики либерально-дворянской печати, цинично переходящей на охранительные позиции.

Стр. 44. *Вот уже более месяца как высокородный маркиз Андрью выпустил свое объявление о новой газете «Умеренный басок».* — Маркиз Андрью — А. А. Краевский. «Умеренный басок» — газета Краевского «Голос», объявление об издании которой было напечатано в газете «С.-Петербургские ведомости» (1862, 30 августа, № 189; см. выше примеч. к стр. 32).

Стр. 45. *С плодами сладкими принес кошницу Тавр.* — Цитата из стихотворения Г. Р. Державина, включенного им в состав его «Описания торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила» (1791). Достоевский имеет в виду также и пояснение содержания этой строки, сделанное Н. Кошанским: «...как юный невольник, новой владычице своей» (Н. Кошанский. Общая реторика. Изд. 2-е. СПб., 1830, стр. 18—19). Цитата из Державина и подразумеваемое разъяснение ее в общеизвестной реторике полемически указывали на переход Каткова в услужение «новой владычице» — охранительной печати.

Стр. 45. *Я тоже принес плоды, но за мой десерт рассчитываю на весь обед.* — Очередной намек на материальную подоплеку перехода Н. Ф. Павлова в лагерь охранителей. Как издатель опекаемой правительством антидемократической газеты «Наше время» Павлов с октября 1861 г. по апрель 1862 г. получил через Министерство внутренних дел 26 тысяч рублей и требовал добавки (П. А. Валуев. Дневник, т. I. М., 1961, стр. 157).

Стр. 45. *...известный своею древностию толстый журнал «Старухины записки».* — Здесь в уста Каткова вложено пародийное название «Отечественных записок» Краевского, часто встречающееся в полемических статьях и заметках Достоевского и Ап. Григорьева.

Стр. 46. *Враги его отыскали ∾ полногрудая Лурлея, к которой он писал в свое время стишки...* — Подразумевается издатель мракобесной «Домашней беседы» В. И. Аскоченский, опубликовавший в молодости сборник стихотворений с эротической окраской. Сборник осмеяли «враги» Аскоченского, поместившие на страницах сатирического журнала «Искра» серию пародийных стихов и карикатур под названием: «Амурные аккорды и скандалезные картинки, или Иллюстрированный Аскоченский. (Извле-

чено из собрания стихотворений Виктора Ипатьевича, изданного в Киеве в 1846 году)» (*И*, 1861, 27 октября, № 41, стр. 596—597). В пародии были строчки:

В сладострастьи томно млея,
Слаще девственных сирен
Полногрудая Лурлея
Пела песенку свою.

Аскоченский-стихотворец высмеивался «Искрой» также в статье «Газета „День“ и Иван Яковлевич Корейша». В одном из подстрочных примечаний к этой статье указывалось: *«Полногрудая Лурлея, обманутый Гименей* и пр. заимствовано из книжки стихотворений г-на Аскоченского» (*И*, 1861, 24 ноября, № 45, стр. 656).

Стр. 47. *...пробиваюсь статьями «о сухих туманах».* — «Сухой туман» — название компилятивной статьи Я. И. Вейнберга, трактовавшей вопрос о происхождении некоторых физических явлений в природе («Атеней», 1858, часть пятая, сентябрь и октябрь, стр. 182—190; 258—267). Статья подвергалась насмешкам из-за явной незначительности своей темы и полного несоответствия ее содержания профилю «Атенея», на обложке которого было указано: «Журнал критики, современной истории и литературы». Употребляя название этой статьи в качестве характеристики содержания «Русского вестника», нередко грешившего тяжеловесной ученостью и сухостью, академической удаленностью от текущей литературной и общественно-политической злобы дня, Достоевский-пародист идет по стопам Добролюбова, удачно заимствуя из его сатиры приемы борьбы с тем же противником. Еще до начала ожесточенной полемики «Русского вестника» с «Современником», высмеянной затем в статьях Достоевского (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 297, 332, 333), иронически сетуя на «невнимание» к нему и его «Свистку» со стороны катковского журнала, Добролюбов писал: «До сих пор солидные люди нас знать не хотели, или, говоря любимым слогом некоторых ученых, „*игнорировали*“, и это чрезвычайно нас беспокоило. „Что же это в самом деле, — думали мы, — разве мы не стоим никакого внимания? Ну, положим, я дурен; так и скажи, что я дурен, а не молчи! Ведь писали же в «Атенее» несколько статей о сухих туманах: что ж, мы разве хуже сухих туманов?“» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 395). Последующие выпады Добролюбова против «Русского вестника» совсем уже отчетливо гармонируют со смыслом ядовитого намека Достоевского на присутствие «сухих туманов» и прочего «академизма» в содержании этого журнала. «Пренебрежение русских ученых нас очень беспокоило, — продолжал Добролюбов. — Мысль привлечь их внимание всё более овладевала нами, а один из наших сотрудников дошел даже до того, что заключил мечту всей своей жизни в том, чтобы увидеть о „Свистке“ печатный отзыв профессора *Леонтьева*! Как мы ни уверяли нашего сотрудника, что г-н Леонтьев по одним уже строгим и классическим отношениям своим к университету должен удалять от себя всякую мысль о свисте, — ничто не помогало <...> мы сознаемся, это уже была крайность, нечто болезненное — mania leontiana. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, если б увидели, что заслужили внимание, например, хоть г-на Рачинского, столь знаменитого своею критикою стихотворений г-на Майкова (справьтесь, пожалуйста, в «Русском вестнике», 1858, № 10). Если же заговорил бы о нас г-н Бунге, г-н Горлов и вообще кто-нибудь из ученой *публики*, дававшей недавно обед бельгийскому экономисту Густаву де Молинари, — нашему счастью пределов бы не было... Но нет, наши ученые решительно продолжали нас игнорировать» (там же, стр. 396).

Стр. 48. *Москва, России дочь любима, // Где равную тебе сыскать!* — Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы», выбранная Пушкиным в качестве эпиграфа к 7-й главе «Евгения Онегина». Стихотворение это цитируется в «Дружеской переписке Москвы с Петер-

бургом», привлекшей внимание Достоевского в связи с его полемикой с Катковым (см. выше примеч. к стр. 33).

Стр. 48. *Это противно, это абструзно!* — Пародия на стиль публицистики М. Н. Каткова. Прилагательное «абструзный» (вместо абстрактный), употребленное в «Элегической заметке» Каткова, щедро цитируемой Достоевским в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“», уже тогда вызвало со стороны писателя град насмешек. «Эко словечко-то! — восклицал он. — Тридцать педантов, сойдясь вместе, не выдумают ничего лучше этого слова!» И далее: «О милое словечко! Где это вы его достали? По делу виден художник» (наст. изд., т. XIX, стр. 174, 178).

Стр. 49. *...стушевываются и исчезают сами собой...* — Глагол «стушеваться» впервые был употреблен Достоевским в повести «Двойник», о чем напоминается в статье «История глагола „стушеваться“», помещенной в «Дневнике писателя» за 1877 год.

НЕОБХОДИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ХЛЕБНЫХ И НЕХЛЕБНЫХ ВОПРОСОВ

(Стр. 50)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 29—38, без подписи (ценз. разр. — 11 января 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 187—202. Авторство Достоевского установлено (по содержанию и стилистическим признакам) Л. П. Гроссманом (см.: там же, стр. 183—186).

Печатается по тексту первой публикации.

Причиной, вызвавшей «Объяснение», было появление полемических откликов в ряде журналов на объявление о подписке на «Время» на 1863 г. (см. выше, стр. 206), которое являлось программной статьей, разъяснявшей суть почвеннического направления журнала, и содержало скрытые резкие нападки на редакцию «Современника» (см. выше, стр. 211). «Объяснение» развивает положения этой программной статьи и обращено к редакциям журналов «Отечественные записки», «Современник», «Искра», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и др. См. ниже, стр. 308.

Стр. 50. *...по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов...* — Намек на выражение «свистуны из хлеба» и «свист из хлеба» из статьи А. Ленивцева (псевдоним А. В. Эвальда) «Недосказанные заметки» (*ОЗ*, 1862, № 10, отд. III, стр. 222—223). Выражения «свист», «свистуны» полемически восходят к названию сатирического отдела «Современника» — «Свисток». Достоевский неоднократно употреблял подобные выражения. Например, в романе «Подросток»: «...эти свистки и комки грязи», «После проклятий, комьев грязи и свистков...» (наст. изд., т. XIII, стр. 378).

Стр. 50. *...г-н Краевский ∾ с своим новым «Голосом»...* — Газета «Голос» под ред. А. А. Краевского выходила в Петербурге с 1863 по 1884 г. Статья, направленная против объявления «Времени», была напечатана не в «Голосе», который в 1862 г. еще не издавался, а в «Отечественных записках» того же Краевского (*ОЗ*, 1862, № 10, отд. III, стр. 222—223). Достоевский намеренно путает названия обоих изданий Краевского, каламбурно обыгрывая название газеты — «Голос».

Стр. 50. *Тамберлик* Энрико (1820—1889) — знаменитый итальянский певец (тенор). В сезон 1862/63 г. он гастролировал в Петербурге, и объявление о его бенефисе 11 января 1863 г. было помещено в газете «Голос» (1863, № 7, 8 января).

Стр. 50. *...вот уже четыре месяца как они выходят из себя.* — В апрельском номере «Современника» за 1862 г. М. А. Антонович писал в обзоре «Русская литература»: «„Время“ не имеет ни твердой программы,

ни определенного направления. „Какая же вы почва? — вы печатаете одни страсти и ужасти"» (*С*, 1862, № 4, стр. 271). (Перефразированные слова Антоновича: *ОЗ*, 1862, № 10, отд. III, стр. 222). В «Недосказанных заметках» А. Ленивцев (А. В. Эвальд) присоединился к упрекам Антоновича и обратился к редакции «Времени» со следующими словами: «О почве вы не имеете понятия; для разработки этого понятия вы ничего не сделали; работали для этого одни славянофилы» (*ОЗ*, 1862, № 10, отд. III, стр. 222). И далее: «...братья Достоевские, неизвестно с чего и почему, объявили себя славянофилами» (там же, № 11, отд. III, стр. 43). Помня об упреках Антоновича, Достоевский пишет о нескольких журналах, нападающих на «Время», хотя фактически речь идет об «Отечественных записках».

Стр. 50. ...*ненавидим пустозвонных крикунов, свистунов, «свистящих из хлеба»*... — Неточная цитата из программной статьи «Времени», объявляющей подписку на 1863 г. Там сказано: «...мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба...» (*Вр*, 1862, № 9, стр. 9; ср. выше, стр. 211). Цитата эта (в полном виде) была приведена в упомянутой статье Ленивцева (стр. 225), а позднее, в несколько искаженном виде, в первой статье цикла «Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 372).

Стр. 51. ...*как жены Цезаря, на репутации которых не долженствовало быть ни пушинки сомнения*... — Подразумевается выражение, по свидетельству Плутарха и Цицерона, произнесенное Юлием Цезарем, который, будучи уверенный в невиновности своей жены, все-таки развелся с ней, когда стало известно, что к ним в дом на ритуальное празднество женщин тайно проник мужчина: «Жена Цезаря должна быть выше подозрений». Слова эти вкладывает в уста Цезаря также и Шекспир (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., Гослитиздат, 1966, стр. 230).

Стр. 51. ...*«униженные и оскорбленные» нами*... — Достоевский цитирует название своего романа, печатавшегося во «Времени» в 1861 (№№ 1—7).

Стр. 52. ...*поднялись крошечные Петры Великие, в душе администраторы и чиновники*... — Намек на М. Е. Салтыкова-Щедрина, занимавшего ранее различные административные посты, в том числе вице-губернатора в Рязани (1858) и Твери (1860).

Стр. 52. ...*санктифирует*... — Т. е. санкционирует (от лат. sanctio — нерушимое постановление).

Стр. 52. ...*становится на фербант*... — Т. е. высылается, или прогоняется (от нем. verbannen — высылать, ссылать, отгонять (от себя) и прогонять) (ср.: наст. изд., т. XIII, стр. 149).

Стр. 52. ...*после четырехсотлетних страданий народа*... — Речь здесь идет об Украине, находившейся с XIV в. под гнетом польских феодалов. Особенно долгим и мучительным владычество их было в Правобережной и Западной Украине, в том числе в Галиции (которая еще в XII в. называлась Червонной Русью).

Стр. 53. *«У меня это вдруг», — говорит Хлестаков.* — Цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. I, явл. VIII). В литературной полемике 1860-х годов цитаты из «Ревизора» были очень распространены (ср., например, заметку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Литературная подпись», направленную против «Времени», — *С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 140—142).

Стр. 53. *Слыхал когда-то о лорде Джоне Росселе, Кобдене и хлебных законах*... — Джон Россель (Рассел, 1792—1878) — английский государственный деятель, глава партии вигов, премьер-министр в 1846—1859 и 1865—1866 гг.; Ричард Кобден (1804—1865) — английский политический деятель, лидер фритредеров. Оба они поддерживали начавшееся в Англии в 1830-х годах движение об отмене «хлебных законов», устанавливавших высокие пошлины на импорт продуктов земледелия, выгодные для крупных землевладельцев. В 1846 г. «хлебные законы» в Англии были отме-

нены, что явилось ударом для земельной аристократии и способствовало быстрейшему развитию капитализма в стране.

Стр. 53. *...как можно сметь свое суждение иметь!* — Измененная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3): «...не должно сметь // Свое суждение иметь».

Стр. 53. *Вы свищете из чести...* — На это обвинение М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Наша общественная жизнь» ответил: «„Время“ свистит и в то же время говорит: „Из чести лишь одной я в доме сем свищу!“» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 21). Последние слова — перефразированная цитата из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (В. Л. Пушкин. Опасный сосед. Пг., 1922, стр. 12). Первый номер «Времени», в котором напечатана комментируемая статья, имеет дату цензурного разрешения — 11 января 1863 г., первый же—второй номер «Современника», где напечатано начало цикла «Наша общественная жизнь», был разрешен цензурой 5 февраля 1863 г. Поэтому Салтыков-Щедрин уже здесь имел возможность откликнуться на статью Достоевского.

Стр. 53. *Значит, и Чернышевский, и Добролюбов свистуны из хлеба».* — Добролюбов был основателем «Свистка», Чернышевский руководил в это время в «Современнике» отделом критики.

Стр. 55. *Вы бездарно волочили великую мысль по улице...* — Ср. со словами Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы»: «...какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу...» (наст. изд., т. X, стр. 24) и с ответом Достоевского А. Д. Градовскому: «Тяжело было видеть, что идею, которой служу я, волокут по улице» (*ДП* за 1880 г. Глава третья, IV).

Стр. 55. *...вы проиграли дело с г-ном Писемским, по поводу фельетонов Никиты Безрылова.* — Никита Безрылов — псевдоним А. Ф. Писемского. Его фельетоны, подписанные этим псевдонимом, печатались в «Библиотеке для чтения» (1861, № 12 и 1862, № 2). Г. З. Елисеев в «Современнике» резко обрушился на Писемского за эти фельетоны как на редактора «Библиотеки для чтения». В ответах от имени редактора и от лица Никиты Безрылова Писемский писал: «Не понимать смеху — чисто органический недостаток, почти равняющийся непониманию вкуса пищи» (*БдЧт*, 1862, № 1, отд. II, стр. 112—114). Таким образом, Писемский отверг истолкование своих фельетонов как имеющих политический антидемократический смысл. Однако сотрудники «Современника» в следующем номере «Искры» (1862, № 7) заявили о своей солидарности с Елисеевым. Достоевский, по-видимому, считал, что полемику с Писемским, который на деле в своих фельетонах отнюдь не был аполитичен, следует вести более умело и тонко, отвечая на сатиру сатирой и на юмор юмором, а не прямым политическим разоблачением.

Стр. 55. *...Лев Камбек и стулья на Невском проспекте...* — Камбек Лев Логинович — журналист, редактор «Петербургского вестника», в 1861—1862 гг. обличитель мелких, незначительных злоупотреблений (см.: наст. изд., т. XII, стр. 285). Ср. также стихотворение Д. Д. Минаева «Демон века», где есть такая строчка:

...И лишь по улицам столицы
Ловил скандалы Лев Камбек

(см.: Д. Д. Минаев. Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения обличительного поэта (темного человека). СПб., 1863, стр. 151). Упоминанием о «стульях на Невском проспекте» Достоевский задевает редакцию «Искры» (см.: *И*, 1863, № 1, стр. 3). Возможно, что Достоевскому было известно стихотворение одного из деятельных сотрудников «Искры» — Д. Д. Минаева — «Песня о стульях на Невском проспекте. (Уличное воспоминание)» (см.: Д. Д. Минаев. Думы и песни..., стр. 164—165).

Стр. 55. *Ведь «Век» и Лев Камбек ∾ прогрессистов наших...* — См.: наст. изд., т. X, стр. 24; т. XII, стр. 285.

Стр. 56. ...*вечно юного и вечно возможного Аскоченского да ещё кукельван.* — Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционный журналист, с 1858 по 1877 г. издавал еженедельную газету «Домашняя беседа». Обскурантизм, доходящий до крайнего мракобесия, восстановил против него прессу 1860—1870-х годов. Кукельван, вернее кукольван, — растение. В. И. Даль пишет о его семени: «...идет в аптеки, а более известно как отрава на рыбу, которая делается от него бешенкою, верховодкою» (*Даль*, т. II, стр. 214). Это выражение как синоним верхоглядства и безответственности часто встречалось в журнальных статьях 1860-х годов (см., например: Н. Степанов. Современные бичи человечества: откуп и пиво с кукельваном. *И*, 1862, № 3, стр. 67).

Стр. 56. ...*про корнета, играющего на пистоне, и про Сорокина.* — См. наст. том, стр. 85 и 311. А. Сорокин — владелец книжного магазина в Петербурге, упомянутый в предисловии к альманаху «Зубоскал» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 216).

Стр. 56. ...*про г-на Каткова, фаддейбулгаринствующего на Москве...* — С 1863 г. редактор и издатель «Русского вестника», в прошлом — либерал и член кружка Белинского. Катков стал вдохновителем реакционной политики самодержавия. Это дало Достоевскому основание сравнить его с Фаддеем Булгариным (1789—1859), в молодости дружившим с декабристами, а после 1826 г. ставшим правительственным агентом.

Стр. 57. ...*ведь вы унижались даже до попрека ∾ ставя нам это в стыд.* — Речь идет о фельетоне Никиты Безрылова (А. Ф. Писемский) «Идеальный редактор». Здесь сказано: «...воображаемый мой редактор знает все науки — качество тоже довольно редкое в петербургских редакторах, которые если и опытны в каких-нибудь учениях, так разве в каких-нибудь коммерческих, хозяйственных, так, например, по части разведения табаку, или выделки сигар...» (*БдЧт*, 1862, № 2, отд. II, стр. 149). О папиросной фабрике М. М. Достоевского писала также «Искра» (1863, 12 апреля, № 13, стр. 195).

Стр. 57. ...*«Время» ∾ нападало на Чернышевского и Добролюбова...* — См.: наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103 и примеч. к ним.

Стр. 58. *Ну смели бы вы напасть на Тургенева, если б не раздался голос «Современника»!* — Отклик на журнальную полемику вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», возникшую в 1862 г. «Современник» отозвался на выход романа статьей М. А. Антоновича с резкими обвинениями по адресу Тургенева в отрицательном отношении к демократической молодежи. В качестве заглавия ее критик использовал название романа ретрограда В. И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (см.: *С*, 1862, № 3, отд. II, стр. 65—114). По словам Г. З. Елисеева, «„Современник“ окрестил этим именем самого Тургенева для вящего его унижения в глазах читателя» (Г. З. Елисеев. Воспоминания. В кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., изд. «Academia», 1933, стр. 274).

Стр. 58. ...*„один год — счастье ∾ нужно немного и ума»...* — Перефразировка слов, приписываемых А. В. Суворову: «Сегодня удача, завтра удача, помилуй бог! Надобно же немного и ума!» (Н. А. Полевой. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск. СПб., 1843, стр. 312).

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМЕТКА О НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНАХ И О НОВЫХ ТЕОРИЯХ

(Стр. 59)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 175—188, без подписи (ценз. разр. — 11 января 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 161—182. Принадлежность статьи Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209).

Печатается по тексту первой публикации.

В статье получило отражение состояние русской журнальной и газетной прессы в конце 1862—начале 1863 г., когда общественный подъем сменился правительственной реакцией. Передовая печать подверглась гонениям, были приостановлены «Современник» и «Русское слово». Однако по предварительным рекламам, напротив, создавалась видимость некоторого оживления консервативной и либеральной прессы. Среди новых периодических изданий, объявленных на 1863 г., были «Голос», политическая и литературная газета А. А. Краевского, «Весть», служащая продолжением «Русского листка», издателями-редакторами которой были В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов, «Очерки» — газета А. Н. Очкина, «Заноза», сатирический «журнал», издаваемый сначала М. П. Розенгеймом, а позднее (с 1864 г.) И. А. Арсеньевым, «Народное богатство» (с 1 ноября 1862 г.), «Современный листок политических, общественных и литературных известий», «Мирской вестник», «Мирское слово», «Народная газета», «Известия С.-Петербургской городской Думы» и др. Появились извещения о перемене в редакции «С.-Петербургских ведомостей» (арендатором-редактором стал В. А. Корш) и их «коренном преобразовании», о слиянии газетного отдела «Русского вестника» «Современной летописи» с «Московскими ведомостями», которые переставали быть монополией Московского университета и полностью переходили с 1863 г. в руки М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, об отделении от «Русского инвалида» самостоятельной газеты «Современное слово» и, наоборот, о соединении редакций «Акционера» и «Дня». В «Журнальной заметке» Достоевский продолжает начатую им в статьях 1861—1862 гг. («Ответ „Русскому вестнику“», «По поводу элегической заметки „Русского вестника“», «„Свисток“ и „Русский вестник“», «Щекотливый вопрос») борьбу с реакционным «доктринерством» Каткова. Характеризуя направление периодики начала 1863 г., Достоевский выделяет Каткова как предводителя, «петуха», и называет остальные вторящие ему журналы и газеты кудахтающим «стадом куриц». Он берет под защиту от них прогрессивное общественное движение последних шести лет и его результаты. Достоевский обличает Каткова в незнании народа и непонимании состояния и потребностей русского общества, в преклонении перед английским государственным устройством и институтом сословий и попытках внедрить эти чуждые установления в России. Особенное возмущение Достоевского вызывает аристократическая позиция катковского журнала в вопросах образования. С неменьшим сарказмом он пишет о программе издаваемого А. А. Краевским «Голоса», не лишенного показного либерализма и вместе с тем наряду с прочими газетами этого года не выходящего за границы «умеренности и аккуратности». Славянофильская газета «День», с которой Достоевский полемизировал ранее (в статьях «Последние литературные явления. Газета „День“» и «Два лагеря теоретиков»), вызывает у него более серьезное отношение к себе. С ней Достоевский сходится в тезисе о необходимости ликвидации разрыва между обществом и «почвой», но для него остается неприемлемым ретроспективный идеал аксаковской газеты и ее пессимизм в оценке достижений современного развития.

Журнальная заметка Достоевского примыкает к той линии его публицистики 1861—1862 гг., в которой проявилось сочувствие писателя передовому общественному движению тех лет. Он выступает с опровержением ложных обвинений в поджигательстве, предъявляемых молодежи во время весенних пожаров 1862 г. Так же как в двух предназначенных для публикации во «Времени» и запрещенных статьях о пожарах, направленных против «потворства подобным толкам» и, в частности, «двусмысленного отзыва об этих слухах» в передовой статье «Северной пчелы» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 16—54), Достоевский в «Журнальной заметке» язвительно

высмеивает редактора «Русского листка» В. Д. Скарятина за намеки на связь зарева пожаров с «подметной литературой», то есть с прокламацией «Молодая Россия». Газету В. Д. Скарятина, автора антинигилистической статьи «О табунных свойствах русского человека», опубликованной в «Современной летописи» «Русского вестника» (1862. № 17) и попавшей под сатирический обстрел «Искры», Достоевский относит к тому же катковскому направлению и называет «силящейся пропеть петухом курицей». Однако «подметные листки неизвестной кучки» Достоевский отделяет от прогрессивного движения, возлагая задачу борьбы с ними на демократическую, а не на реакционную журналистику. Статья, как и ряд других его выступлений этих лет, противоречива: наряду со знаменательным утверждением, что «скорее систему Фурье можно у нас ввести, чем идеалы г-на Каткова, теймствующего в Москве», писатель осуждает революционные акты и пытается декларировать свое особое направление. Для статьи характерна оптимистическая оценка произведенных в начале 60-х годов реформ, начиная с вопроса о воспитании, грамотности, трезвости и кончая вопросом крестьянским. Такая «самодеятельность общества» внушала Достоевскому надежду на возможность сближения интеллигенции и народа, и он ратовал за принцип свободы, за возможность «и теперь делать и заявлять». Призывая общество обратиться к «почве», Достоевский в соответствии с антикрепостнической программой его журнала «Время» в целом (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 71—92) выступал за право народа на самостоятельные решения, выражал веру в его развитие, защищал народ от злобных выпадов того же Скарятина в «Русском листке» и отстаивал положение о большей ответственности материально обеспеченных и образованных сословий.

Стр. 59. *Господа Краевский, Скарятин, Катков и проч. засвидетельствовали о себе и о своем призвании в пышнейших объявлениях.* — См.: *СПбВед*, 1862, 30 августа, № 189 (объявление о газете «Голос»); «Русский листок», 1863, № 1 (вступительная редакционная статья); *РВ*, 1862, № 9 (о централизации в руках М. Каткова и П. Леонтьева «Русского вестника» и «Московских ведомостей»).

Стр. 59. *Даже предчувствовался отчасти г-н Илья Арсеньев.* — Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — журналист, сотрудничавший в «Северной почте», основанной министром внутренних дел П. А. Валуевым, затем совместно с М. П. Розенгеймом издававший «Занозу», официальным редактором которой он становится с 1864 г. В середине 60-х годов основал «Петербургский листок» и «Петербургскую газету» и участвовал в ряде скандальных процессов с их сотрудниками, которых он эксплуатировал. В литературных кругах было известно, что он был агентом III Отделения.

Стр. 60. *...потянуло откуда-то самим господином Дудышкиным...* — С. С. Дудышкин (1820—1866) — критик, заведовавший редакцией «Отечественных записок» с 1861 по 1866 гг. Особое возмущение Достоевского вызвала статья Дудышкина о Пушкине (*ОЗ*, 1860, № 4). Достоевский в «Книжности и грамотности» (статья первая) выразил намерение «тиснуть особую статью в ответ на все мнения г-на Дудышкина» (*Вр*, 1861, № 7).

Стр. 61. *...«что уж республикой теперь не надуешь Андрея Александровича»...* — А. А. Краевский писал в объявлении о газете «Голос»: «При настоящей степени развития общества во всех значительных государствах Европы мы не верим успеху там республиканской формы правления. Франция представляет яркую картину тех результатов, до которых доходит общество, когда оно, подчиняясь влиянию энтузиастов, провозглашает республику, не сделавшись наперед республиканским по мысли и чувству» (*СПбВед*, 1862, 30 августа, № 189).

Стр. 61. *...даже «День» и тот, в первых двух номерах своих, вышел с сильнейшей диатрибой против нашего общества...* — В 1 и 2 номерах газеты «День» была опубликована редакционная статья, в которой писалось: «В самом деле, какие бы ни были тому исторические причины — настоящее положение наше довольно безотрадно. Мы попали в какой-то

безысходный круг <...> Куда ни оглянешься — везде отсутствие общественной силы, — везде и всюду присутствие громадной, могущественной силы государственной, исполняющей в то же время должность силы общественной» (*Д*, 1863, № 2, стр. 2).

Стр. 63. ...*о чем и сама комиссия ∾ в своем новом проекте устава о книгопечатании*. — В «Первоначальном проекте устава о книгопечатании, составленном комиссией, высочайше учрежденною при министерстве народного просвещения» (СПб., 1862) говорилось о жалобах со стороны литераторов на произвол цензуры. Как ответ на них рассматривался закон об отмене для выходящих в Москве и Петербурге изданий в области наук, словесности и искусств объемом в двадцать и более печатных листов предварительной цензуры и замене ее карательной. Однако эта мера не привела к облегчению положения редакторов журналов: их действия были скованы судебной и административной ответственностью — после третьего предупреждения издание прекращалось.

Стр. 65. ...*«Русский вестник» ∾ с своими английскими началами?* — В «Отечественных записках» с явным сочувствием так характеризовалось направление катковского журнала: «Русский вестник» хлопочет о приискании не только новых форм, но и новых начал для нашего будущего развития. Он выбрал начало аристократическое, как наиболее целительное, наиболее обещающее нам всякого благополучия. Всякий понимает, что под именем аристократии почтенный журнал этот разумеет не то привилегированное сословие, которое погубило Францию, губит Пруссию, разъедает Австрию, а ту великую, политическую силу, которая создала образцовые учреждения Англии и вознесла эту страну на степень недосягаемого политического могущества» («Современная хроника России». *ОЗ*, 1862, № 12, стр. 58).

Стр. 65. ...*образование, принимаемое как привилегия аристократии*... — В «Русском вестнике» на февраль 1861 г. была опубликована статья М. М. Вольского «Оксфордский университет», в которой восхвалялись «твердость и постоянство политического быта» Англии, «постепенность политических реформ»; могущественное содействие такому порядку автор статьи видит в воспитании, причем в воспитании прежде всего «тех классов общества, в руках которых находится управление страной» (*РВ*, 1861, № 2, стр. 595—596).

Стр. 66. *В иных изданиях повторяются наши мысли до буквальной точности выражений*. — По всей вероятности, Достоевский имеет в виду «Современник» и сатирическое приложение к нему «Свисток». В объявлении об издании журнала «Время» на 1863 г. он писал о свистунах, «свистящих из хлеба», «выезжающих верхом на чужой, украденной фразе» (см. стр. 211). Позднее Достоевский повторил то же самое обвинение по отношению, с одной стороны, к ««Русскому слову», с другой — к Щедрину (см. выше, стр. 113).

Стр. 67. *В новой газете «Очерки» помещена была довольно умненькая побасенка: «Продолжение летописи села Горохина»*... — В аллегорической истории «Село Горохино», опубликованной в газете «Очерки» от 13 и 14 января 1863 г. (№№ 13 и 14) рассказывалось о падении в селе Горохине вечевого устройства и возобновлении форм самоуправления после манифеста 19 февраля, о пережитках крепостничества в народном сознании и о неудаче вследствие этого попыток нововведений, предпринимаемых мировым посредником.

Стр. 67. ...*статьи, принадлежащие г-ну Щапову*... — Поздравительной новогодней статьей А. П. Щапова, историка и публициста-демократа, открывалось издание газеты «Очерки». А. П. Щапов, как и Достоевский, возлагал большие надежды на дальнейшее поступательное развитие русского общества. «Здравствуй, Новый год надежд на гласный суд, на областные земские собрания! Великий вопрос освобождения крестьян в 63-м году вступит в новую фазу движения и раскрытия. Да будет он залогом и инициативой нашего всеобщего народного освобождения от рутины, апатии и обновления», — писал Щапов («Очерки», 1863, 1 января, № 1).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

(Стр. 71)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 2, отд. II, стр. 213—226, без подписи (ценз. разр. — 6 февраля 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 205—226. Принадлежность статей Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209), второй статьи — с некоторым сомнением (см. ниже).

Печатается по тексту первой публикации.

Заметка «Молодое перо» тесно связана с последующими полемическими выступлениями писателя в адрес Салтыкова-Щедрина, в частности со статьей «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах».

Рядом с названием статьи «Ответ „Свистуну“» в списке Н. Н. Страхова поставлен знак вопроса. Печатая эту статью, Л. П. Гроссман писал в примечаниях по поводу примеров, приведенных в ней для доказательства положения: «...гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей», а также об оценке деятельности Игнатия Лойолы как о характерных для Достоевского (*1918*, т. XXIII, стр. 203). Эти наблюдения исследователя могут быть дополнены: в «Ответе „Свистуну“» есть и другие принципиально важные формулировки, перекликающиеся с теми, которые содержатся в статьях, бесспорно принадлежащих Достоевскому.

Так, в «Ответе „Свистуну“» дано следующее определение «хлебного свистуна»: «...хлебный свистун есть тот, который продает свой свист и, главное, направление своего свиста за деньги тому, кто больше даст, и таким образом свищет на первого встречного по заказу». Это определение и по смыслу, и по формулировке очень близко к сказанному в статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов»: «...все эти хлебные господа первые несут свои „таланты“ на толкучий рынок и продают их туда, где больше дадут, то есть в другие редакции».

Кроме того, «Ответ „Свистуну“» написан в том снисходительно-ироническом тоне, который присущ вообще полемическим выступлениям Достоевского. В этой статье налицо и некоторые более частные, но чрезвычайно характерные особенности стилистической манеры писателя. Таково, например, своего рода «нагнетение» смысла путем нарочитого употребления одного и того же определения с разными определяемыми словами в одной и той же фразе: «...что нового скажет „Русский вестник“ в своем новом отделе» («„Свисток“ и „Русский вестник“»); «Странная, действительно странная судьба этого странного писателя!...» («По поводу элегической заметки „Русского вестника“»); «Разражаться друг против друга в подписное время — старинная привычка старинных журналов, а отвыкать от старинных привычек, известно, нехорошо...» («Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов»); «...напечатано о нас следующее постороннее письмо, присланное одним посторонним лицом» («Ответ „Свистуну“»); «...несколько драгоценных минут вашего драгоценного времени» (там же).

Отличительной особенностью синтаксиса Достоевского являются скобки, которыми писатель широко пользуется, заключая в них не только собственно вводные предложения, но и предложения придаточные, а также всякого рода уточнения: «...время стремлений, борьбы, колебаний и веры (потому что наше время есть время веры)... » («Г-н —бов и вопрос об искусстве»); «Нельзя же говорить (потому что так задалось в кабинете)...» (там же); «...Гоголь (до болезни его)...» («Последние литературные явления»); «...вам, человеку благородному (потому что вы заботитесь о правде)...» («Ответ „Свистуну“»); «...несколько драгоценных минут

вашего драгоценного времени (потому что время для человека, ищущего правды, всегда драгоценнее, чем для человека, ищущего неправды)» (там же); «...в другой статье нашей (написанной прежде)...» (там же).

В свете сказанного сомнения Н. Н. Страхова в принадлежности статьи «Ответ „Свистуну“» Достоевскому представляются необоснованными.

«Журнальные заметки» — начало нового этапа в полемике «Времени» (а позднее — «Эпохи)» с «Современником», которая велась на протяжении всего периода издания журналов братьев Достоевских (см. об этом: *Нечаева, «Время»*, стр. 266—287; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 185—189; Г. М. Фридлендер. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста. *ЛН*, т. 83, стр. 97—107).

На этом новом этапе полемика «Времени» с «Современником» стала полемикой Достоевского с Салтыковым-Щедриным. Она возникла в обстановке начавшегося кризиса революционно-демократических идей, связанного с крушением надежд революционно-демократического лагеря на ближайшее осуществление крестьянской революции. В этих условиях Достоевский активно противопоставил почвенническую идеологию революционно-демократической, которая, по его мнению, со смертью Добролюбова и заключением в Петропавловскую крепость Чернышевского была профанирована их учениками и последователями. Первое же выступление Достоевского в адрес революционной демократии было воспринято ею как тактический ход редакции «Времени», воспользовавшейся уроном в рядах противника для нанесения удара. Это в значительной степени повлияло на характер и содержание полемики Достоевского с Салтыковым-Щедриным, которая от выступления к выступлению — как с той, так и с другой стороны — становилась все более насыщенной элементами памфлетности, выпадами личного характера. Свою роль сыграли в этой полемике и цензурные обстоятельства, исключавшие возможность прямого и полного обсуждения проблем, связанных с русской государственностью, народом, революцией.

Однако, несмотря на формы ведения спора, его принципиальная идейная подоплека, в основе которой лежали политические, эстетические и этические разногласия писателей, была очевидной. Отголоски этой длившейся более полутора лет полемики можно найти в целом ряде прямо к ней не относящихся произведений Достоевского и Салтыкова-Щедрина, написанных как в 60-е, так и в позднейшие годы. Идейные взаимоотношения писателей, привлекавшие внимание еще дореволюционных исследователей,[1] подробно рассмотрены в кн.: С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы (Гослитиздат, М., 1956). Однако, богатая по материалу и наблюдениям, эта книга отмечена известной прямолинейностью исследовательского подхода. С. С. Борщевский рассматривает отношения Достоевского и Салтыкова-Щедрина как спор непримиримых антагонистов, борьбу революционного (Щедрин) и реакционного (Достоевский) мировоззрений. Между тем принципиальные идейные расхождения писателей не исключали глубинной общности их гуманистической позиции и идеала. Эта общность — в беспощадном отрицании существующего мира, в боли за поруганную личность, в понимании сложности человеческих отношений, обусловленной самой природой человека. «Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предведений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества», — писал Щедрин об авторе «Идиота», выражая в этих словах и свое собственное писательское кредо (*Салтыков-Щедрин*, т. IX, стр. 412).

---

[1] См.: А. Л. Волынский. Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896, стр. 413—420; Ив. Иванов. Писарев, его сподвижники и враги. («Молодая Россия» шестидесятых годов). «Мир божий», 1899, № 2, стр. 209—232.

«Жизненные и литературные пути Достоевского и Салтыкова во многом сходны, и эта близость еще резче обнажала разногласия», — справедливо отмечает Л. М. Розенблюм (*ЛН*, т. 83, стр. 40), существенно дополняя и корректируя освещение темы «Щедрин и Достоевский» в книге С. С. Борщевского.[1]

Начало полемики с Салтыковым-Щедриным было положено Достоевским в «Объявлении о подписке на журнал „Время" на 1863 г.», напечатанном в сентябрьском номере «Времени» за 1862 г. Достоевский сделал здесь неожиданный по своей резкости выпад, который революционная демократия с полным основанием могла принять на свой счет. «...Мы ненавидим, — писал он, — пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтоб свистать; выезжающих верхом на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма. Убеждения этих господ им ничего не стоят. Не страданием достаются им убеждения. Они их тотчас же и продадут за что купили. Они всегда со стороны тех, кто сильнее. Тут одни слова, слова и слова, а нам довольно слов; пора уже и синицу в руки» (стр. 211).

На это обвинение Достоевскому не могли сразу ответить те, к кому оно в первую очередь было адресовано: ведущие органы революционной демократии «Современник» и «Русское слово» правительственным распоряжением от 15 июня 1862 г. были приостановлены на 8 месяцев. Тем не менее реакция либеральной прессы, и в частности «Отечественных записок» (см. об этом выше, стр. 292), побудила Достоевского выступить в январском номере «Времени» за 1863 г. с «Необходимым литературным объяснением по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов». Однако эта статья лишь усугубила конфликт Достоевского с революционно-демократическим лагерем, так как писатель резкой гранью отделил в ней Чернышевского и Добролюбова от их последователей, которые, по его словам, «бездарно волочили великую мысль по улице и вместо того, чтоб произвести энтузиазм, надоели публике». В особую заслугу «Времени» Достоевский поставил разногласия с Чернышевским и Добролюбовым, когда они «были боги», подчеркнув тем самым беспристрастность и принципиальность в позиции своего журнала, что в атмосфере назревающей полемики могло быть и было воспринято как элемент похвальбы.

Первый по возобновлении, январско-февральский, номер «Современника» в конце января уже поступил в цензуру, поэтому ответа на «Необходимое литературное объяснение...» в нем еще быть не могло. Однако «Современник» не прошел мимо напечатанного в сентябрьской книжке «Времени» «Объявления о подписке...». В хронике «Наша общественная жизнь» (печатавшейся анонимно) Щедрин язвительно цитировал приведенные выше строки из него, прямо относя их к так называемым «мальчишкам» — как презрительно окрестил передовую молодежь катковский «Русский вестник»: «...мальчишки — это, по счастливому выражению „Времени", „пустые и безмозглые крикуны, портящие всё, до чего они дотронутся, марающие иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют"; мальчишки — это свистуны, свистящие из хлеба (какая разница, например с «Временем»! «Время» свистит и в то же время говорит: «из чести лишь одной я в доме сем *свищу!*») и только для того, чтобы свистать, выезжающие верхом на чужой украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающие себя маленьким кнутиком рутинного либерализма» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 372). В примечании Щедрин следующим образом оговаривал свое свободное цитирование: «Справедливость

---

[1] Существенный вклад внесла Л. М. Розенблюм в разработку этой темы и как автор комментария к полемическим статьям Щедрина (см.: *Салтыков-Щедрин,* тт. V и VI).

требует, однако ж, сказать, что „Время“ не прилагает этих эпитетов собственно к мальчишкам; по своему обыкновению, оно беседует в пустыне и о пустыне. Но этот „маленький кнутик рутинного либерализма“ — прелесть! Как должно было взыграть сердце Н. Ф. Павлова при чтении этих строк! Что должен был он сказать! Очевидно, он должен был сказать: всё это я уже целых два года думаю, а М. М. Достоевский только возвел в перл создания!» (там же). Таким образом, Щедрин не только конкретизировал адрес, в который послал свое обвинение Достоевский, но и уподобил позицию редактора «Времени» М. М. Достоевского позиции беспринципного журналиста Н. Ф. Павлова, издателя проправительственной газеты «Наше время». В этом же номере «Современника» Щедрин выразил свое отношение к напечатанному в 12-й книжке «Времени» за 1862 г. письму писателя Г. П. Данилевского, известного под псевдонимом А. Скавронский. В своем письме в редакцию «Времени» Данилевский извещал читателей, что он не имеет никакого отношения к печатающемуся в Москве Н. Скавронскому (псевдоним А. С. Ушакова). В редакционном примечании к письму были подробно перечислены произведения Данилевского (А. Скавронского) с указанием, где и когда они были напечатаны.

В неподписанной заметке-«рецензии» на «Литературную подпись» (под таким заголовком было напечатано во «Времени» письмо А. Скавронского) Щедрин уничтожающе высмеял хлестаковский поступок Г. П. Данилевского, сделал веский упрек редакции «Времени» в поощрении хлестаковщины. Представленная сатириком интрига А. и Н. Скавронских задевала и лично Достоевского, так как в ней заключался пародийный намек на сюжетную коллизию «Двойника».

С «Объявлением о подписке на журнал „Время“ на 1863 год» резко полемизировал в этом же номере «Современника» и М. А. Антонович в своем «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев», напечатанном анонимно. Выпады в адрес журнала Достоевских содержались и в разделе «Внутреннее обозрение», автором которого был Г. З. Елисеев.

Материалы первой книжки «Современника» за 1863 г. давали, таким образом, понять читателям и редакции журнала «Время», что «Современник», не оставивший без ответа сентябрьского «Объявления о подписке...», не пройдет мимо напечатанного в январском номере «Времени» за 1863 г. «Необходимого литературного объяснения...».

Подтверждением этому было письмо за подписью «Свистун» в 40-м номере газеты «Очерки», появившееся на следующий день после выхода в свет январско-февральской книжки «Современника», — 10 февраля 1863 г. Автор письма, которое Достоевский приводит полностью в статье «Ответ „Свистуну“», сопоставляя высокую оценку Добролюбова в «Необходимом литературном объяснении...» с пренебрежительным отзывом о нем же в статье «Н. А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений», написанной Н. Н. Страховым (*Вр*, 1862, № 3), уличал редакцию «Времени» «в явной недобросовестности и непоследовательности».

Газета «Очерки», просуществовавшая немногим более трех месяцев (с 1 января по 8 апреля 1863 г.), была своего рода филиалом «Современника», так как ее издатель, либеральный журналист А. Н. Очкин, привлек к участию в ней ведущих сотрудников «Современника» — Г. З. Елисеева и М. А. Антоновича: первого — по внутреннему, второго — по политическому отделам газеты. Г. З. Елисеев был фактическим редактором «Очерков». Участием Антоновича и Елисеева определился круг печатавшихся в газете авторов, близких или прямо принадлежавших к «Современнику» (см.: Н. И. Якушин. Газета «Очерки» — орган революционной демократии. *РЛ*, 1969, № 1, стр. 151—164).

Кто был автором письма в редакцию «Очерков», скрывшимся под псевдонимом «Свистун»? «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова и другие источники не дают ответа на этот вопрос. Анализ содержания, фразеологии и лексики письма позволяет выделить из ряда возможных и известных авторов как наиболее вероятных Антоновича и Салтыкова-Щедрина.

Не исключено также, что напечатанное в «Очерках» письмо было написано ими совместно. Сам Достоевский прямыми и точными данными на этот счет, возможно, не располагал, хотя в полном неведении, по-видимому, не был. Об этом свидетельствует иронический акцент, сделанный в его «Ответе „Свистуну"» на эпитете «посторонний». Так или иначе, письмо в «Очерках» могло быть воспринято писателем в одном ряду с полемическими выступлениями в адрес «Времени» в январско-февральской книжке «Современника».

В свете обозначившейся в выступлениях «Современника» и «Очерков» перспективы полемики революционно-демократических изданий с журналом «Время» Достоевский счел тактически более целесообразным предварить ответ «Современнику» «Ответом „Свистуну"», в котором отстаивал основные положения статьи «Необходимое литературное объяснение...», доказывая, что в них нет противоречия с мыслями, высказывавшимися во «Времени» ранее. Опровергая обвинения в недобросовестности и непоследовательности, предъявленные «Свистуном» редакции «Времени», Достоевский утверждал, что они — следствие ограниченности собственных убеждений его оппонента, его одностороннего подхода к людям и явлениям жизни, его неспособности преодолеть «безграничное поклонение перед авторитетами».

Если в «Ответе „Свистуну"» Достоевский, хотя и не без иронии, выделял своего оппонента из разряда «хлебных свистунов», то в статье «Молодое перо» прямо причислял к таковым Салтыкова-Щедрина, которого узнал в анонимном авторе рецензии на «Литературную подпись» А. Скавронского. Подчеркнуто конкретной направленностью этой статьи Достоевский, возмущенный личными выпадами Щедрина против М. М. Достоевского в хронике «Наша общественная жизнь», как бы парировал содержавшееся там же замечание сатирика о том, что «Время», «по своему обыкновению <...> беседует в пустыне и о пустыне» (см. выше, стр. 302). Щедрин не назван в статье по имени, его инкогнито как автора рецензии на «Литературную подпись» было приоткрыто Достоевским в прозрачном намеке, сопровождавшемся оскорбительной сентенцией, которая вызвала справедливое возмущение Щедрина (см. ниже, стр. 307). Дискредитируя сатирика в глазах читателей, Достоевский тем самым ставил под сомнение авторитет «Современника», членом редакции и ведущим сотрудником которого с 1863 г. стал Щедрин. Этой двойной целью и был предопределен характер статьи-отповеди Достоевского за Скавронского, неожиданной по своей резкости и по самой сути содержащихся в ней оценок и уподоблений.

Г. П. Данилевский (А. Скавронский), представленный в статье «Молодое перо» скромным писателем-тружеником, имел в литературных кругах репутацию, близкую к характеристике, данной ему сатириком,[1] которая была одной и неглавной в ряду причин, побудивших Достоевского выступить против Щедрина. «Литературную подпись» А. Скавронского Достоевский расценивал как закономерный поступок писателя, дорожащего своим трудом, как факт, не заслуживающий ни большого общест-

---

[1] Г. П. Данилевский выразительно упомянут как «еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литератор» в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева (*Тургенев*, *Сочинения*, т. XIV, стр. 70). Тургеневский же отзыв о сборнике малороссийских рассказов Данилевского «Слобожане» (там же, т. V, стр. 422), напечатанный в 1854 г. в «Современнике», был не менее резок и уничижителен, чем щедринская рецензия на «Литературную подпись». Написанную Данилевским биографию Г. Ф. Квитки (Основьяненко) отрицательно оценил Н. Г. Чернышевский (см.: *С*, 1856, № 1, отд. IV, стр. 1—6). Хлестаковские претензии Данилевского, поощряемые некоторыми изданиями провинциальной украинской прессы, были высмеяны Д. Д. Минаевым в статье «Господин Гарибальди и господин Скавронский» (*И*, 1862, 6 июля, № 25, стр. 347—348).

венного внимания, ни тем более осуждения. В реакции Щедрина на этот факт Достоевский видел проявление безыдейности его юмора, своего рода искусство для искусства, с которым еще недавно на страницах «Современника» вели борьбу Чернышевский и Добролюбов. Достоевский прямо отказывал Щедрину в преемственной связи с Чернышевским и Добролюбовым, утверждал, что его деятельность идет вразрез с идеями вождей революционной демократии.

Достоевский начинает свою статью подражанием слогу О. И. Сенковского (барона Брамбеуса), оговариваясь в примечании, что делает это «не без цели». Эти первые строки должны были навести читателя на мысль о сходстве критической манеры Щедрина с манерой пресловутого барона Брамбеуса, который, по словам Чернышевского, «избрал остроумничанье своею специальностью, старался ни одного слова не сказать без украшения остроумием» (*Чернышевский*, т. III, стр. 47). Подражание Сенковскому напоминало о его рецензии на «Мертвые души» Гоголя, которой редактор «Библиотеки для чтения» снискал себе особую «славу» (см.: *БдЧт*, 1842, № 8, т. LIII, отд. VI, стр. 24—54). Эту многолетней давности рецензию воскресил для читателя Чернышевский, процитировавший ее как образчик разносной и поверхностной критики Сенковского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856 г.) «Вы видите меня в таком восторге, в каком еще никогда не видали, — цитировал Чернышевский Сенковского. — Я пыхчу, трепещу, прыгаю от восхищения: объявляю вам о таком литературном чуде, какого еще не бывало ни в одной словесности. Поэма! Да еще какая поэма!» и т. д. (*Чернышевский*, т. III, стр. 63). То, что в «Современнике» еще вчера было предметом осуждения, сегодня стало образцом для подражания — к такому логическому выводу подводил Достоевский читателя, сближая Щедрина с Сенковским.

Не оставил без внимания Достоевский и выпад Щедрина в рецензии на «Литературную подпись» А. Скавронского против Тургенева, обвинив сатирика в передергивании фактов из желания угодить редактору «Современника» Некрасову (см. ниже, стр. 307).

Таким образом, писатель, имя которого сам Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» поставил рядом с именем Гоголя, был выведен в «Молодом пере» беспринципным, гоняющимся за дешевой славой журналистом, к которому Достоевский обращал свое сентенциозное: «Береги честь смолоду».

В статье «Молодое перо» бесповоротно определился памфлетный характер последующей полемики Достоевского со Щедриным, резкость которой усугублялась от выступления к выступлению, как с той, так и с другой стороны. См. в наст. томе статьи: «Опять „Молодое перо“», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Необходимое заявление», «Чтобы кончить».

Стр. 72. *Мы сами иногда посвистывали.* — Достоевский прежде всего имеет в виду свою статью «Щекотливый вопрос», названную в подзаголовке: «Статья со свистом, с превращениями и переодеваньями». Эта статья и комментируемые слова писателя вызвали презрительно-иронический отклик М. А. Антоновича в 9-м выпуске «Свистка»: «Даже „Время“, болезненное и хилое, по самой природе своей предназначенное для плача и сетования, усиливалось и натужилось свистать, — что, конечно, очень вредно действовало на его слабый организм; оно осклаблялось болезненно и раздражительно, и это осклабление в простоте своей принимало за свист; оно сочиняло статьи „со свистом и пляскою, с переодеванием“ и т. д., рассуждало о „хлебных свистунах“, о „либеральных кнутиках“ и т. д. Вследствие этого, подражая той знаменитой мухе, которая говорила некогда: „мы орали“, и „Время“ говорит теперь о себе: „и мы свистали!“ Действительно, свистали; оно свищет и теперь, только в собственный кулак и на собственную шею» (*С*, 1863, № 4, «Свисток», стр. 6—7).

Стр. 74. ...*Петра Великого*... — К осмыслению и оценке деятельности Петра I Достоевский не однажды обращался в своем творчестве; нап-

более развернутый отзыв о нем содержится в статье «Два лагеря теоретиков» (1862; см. выше, стр. 14—16).

Стр. 74. *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839) — граф, государственный деятель и ближайший советник Александра I; сторонник конституционной монархии; автор «Плана государственного преобразования» (1809). В 1812 г. подвергся опале и был сослан в Нижний Новгород; в 1819—1821 гг. занимал пост сибирского генерал-губернатора; в последние годы царствования Александра был возвращен из ссылки. В николаевскую эпоху руководил изданием «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов». См. о нем: М. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. 1—2. СПб., 1861.

Стр. 74—75. *Игнатий Лойола ∾ колотил головой об стену.* — Лойола, дон Иниго Лопес де Рекальдо (1491—1556) — основатель и первый генерал иезуитского ордена. В 1622 г. был канонизирован папою Григорием XV. Высказанная здесь Достоевским отрицательная оценка католичества и папского Рима получит развитие в его позднейшем творчестве, и прежде всего в его романах «Идиот» и «Братья Карамазовы». Однако уже в 1864 г., в набросках неосуществленной статьи «Социализм и христианство» (см. выше, стр. 190) Достоевский высказывает свое отношение к католическому христианству в формулировках, близких к тем, которые вложит через несколько лет в уста князя Мышкина.

Стр. 75. *Белинский ∾ раза три в жизни основным образом менял свои убеждения.* — В статьях 1860-х годов Достоевский часто упоминает Белинского. В 1867 г. за границей им была написана не дошедшая до нас статья «Знакомство с Белинским», в которой, по-видимому, Достоевский не только излагал свои впечатления от встреч с Белинским, но и оценивал его убеждения. Замысел этой статьи, вероятно, в какой-то степени преломился впоследствии в «Дневнике писателя» за 1873 и 1877 годы. См. об этом подробнее: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 159—161, 425—428, а также в кн.: *Кирпотин, Достоевский и Белинский.*

Стр. 77. *Родевич* Михаил Васильевич (р. 1839) — публицист 1860-х годов, воспитатель пасынка Достоевского П. А. Исаева, на почве чего между ним и писателем произошел резкий разрыв отношений (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 383—390).

Стр. 77. *Сокальский* Николай Петрович (1834—1871) — публицист 1850—1860-х годов, сотрудник «Современника», а также «Времени» и других изданий.

Стр. 77. *«Указанными статьями ∾ прогрессивной и гуманной?»* — Достоевский цитирует анонимный обзор «Текущая журналистика», напечатанный в воскресном XLVI номере газеты «Сын отечества» за 1862 г. (18 ноября, стр. 1108). Этот обзор почти целиком был посвящен разбору октябрьской книжки «Времени».

Стр. 78. *Вообще в «Современнике» как будто начинается опять искусство для искусства.* — Поборником чистого искусства выступал А. В. Дружинин, который сотрудничал в «Современнике» в эпоху «мрачного семилетия», после смерти Белинского и до прихода в 1855 г. в журнал Чернышевского. Смысл утверждения Достоевского в том, что Салтыкову-Щедрину, занявшему в «Современнике» после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского положение одного из ведущих критиков, по сути дела, ближе принципы теоретика искусства для искусства, нежели идеи вождей революционной демократии, боровшихся за реалистическое гоголевское направление в литературе. Достоевский здесь в известной мере предвосхитил обвинения против Щедрина Д. И. Писарева в полемической статье последнего «Цветы невинного юмора» (1864).

Стр. 78. *Еще у Кошанского сказано, что хорошие мысли предпочитаются блестящему слогу.* — Достоевский, по-видимому, имеет в виду следующее рассуждение Н. Ф. Кошанского: «Есть люди, кои полагают *Красноречие* в громких словах и выражениях и думают, что быть красноречивым значит блистать *Реторическими украшениями*, и чем высокопарнее, тем кажется им красноречивее. Они мало заботятся о мыслях и их

расположении и хотят действовать на разум, волю и страсти *Тропами* и *Фигурами*. Они ошибаются» (Н. Кошанский. Частная реторика. СПб., 1832, стр. 11).

Стр. 79. ...*вы бы тотчас же «впились» в нарушителя собственности.* — Здесь и ниже Достоевский обращается к Щедрину, пользуясь его же словом из рецензии на «Литературную подпись» А. Скавронского. Сатирик писал там: «В заключение, мы просим извинения у г-на Н. Скавронского, что привлекли его к этому нелепому делу. Он поймет, что предметом статьи нашей служил не он, а собственно А. Скавронский, который почему-то впился в Н. Скавронского и требует, чтоб их разлучила публика» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 141—142).

Стр. 80. ...*молодое поколенье зажигает дом богатого владельца ∞ и деревянный домик скромного счастливца.* — Достоевский не только не был солидарен с журналистами, обвинявшими молодежь в поджогах, но в статье «О новых литературных органах и о новых теориях» прямо обвинял реакционную прессу в подстрекательстве общественного мнения. Кроме того, Достоевский, несомненно, был солидарен с двумя запрещенными цензурой редакционными статьями его старшего брата, которые были посвящены петербургским пожарам (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 48—54). В них отвергалось обвинение молодого поколения и требовались розыски виновных.

Стр. 80. ...*таланты здесь изображены под видом домов, что употребляется в литературе (см. дом Краевского на Литейной и дом Старчевского на Мойке).* — Издатель «Отечественных записок» и «Голоса» Краевский Андрей Александрович (1810—1889) и издатель «Сына Отечества» Старчевский Адальберт-Войтех Викентьевич (1818—1901) были петербургскими домовладельцами. Достоевский, по-видимому, намекает на тот факт, что эти не имевшие ни литературного таланта, ни убеждений журналисты нажили себе состояние от литературы, умело подвизаясь на поприще издательской деятельности.

Стр. 81. ...*я не читал его «Бедных в Малороссии» ∞ Но я зато читал его «Беглых в Новороссии» и знаю наверно, что роман этот имел очень большой круг читателей и приобрел писателю значительную известность.* — В своей рецензии на «Литературную подпись» А. Скавронского (Г. П. Данилевского — см. выше, стр. 302) Щедрин пародирует названия трех его произведений: «Пенсильванцы и каролинцы на Украйне», «Село Сорокопановка» и «Беглые в Новороссии». Сатирик следующим образом описывает тот «кабалистический маскарад, в котором А. и Н. Скавронские интригуют друг друга и не могут никак опознаться»: «„Да ты Н. ли Скавронский?“ — вопрошает А. Скавронский. „Да ты А. ли Скавронский?“ — в свою очередь вопрошает Н. Скавронский. „Моя ли повесть «Село Сарановка»? — мучительно спрашивает сам себя А. Скавронский, — или я все это во сне видел: и «Сарановку», и «Пенсильванцев и виргинцев», и «Бедных в Малороссии»?“» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 140). Роман «Беглые в Новороссии», в несправедливом отношении к которому Достоевский упрекал Щедрина, был напечатан в 1-м и 2-м номерах журнала «Время» за 1862 г. В разгар полемики между Достоевским и Щедриным во «Времени» (1863, №№ 1—3) печатался другой роман А. Скавронского — «Беглые воротились». В конце 1863 г. оба романа, объединенные названием «Воля», вышли отдельным изданием в Петербурге (на обложке — 1864 г.). Это дало повод Салтыкову выступить с развернутой рецензией в декабрьской книжке «Современника» за 1863 г. Сатирик отрицательно оценивал произведение Данилевского-Скавронского как «совершенно исключительное явление в современной русской литературе». Эту исключительность сатирик видел «в невоздержности, в фантазерстве и в бесцеремонном служении тому, что по-французски зовут словом blague, а по-русски просто-напросто хлестаковщиной». Подробно аргументируя свою оценку анализом романа «Беглые в Новороссии», Щедрин косвенно парировал предъявленные ему Достоевским за А. Скавронского обвинения.

Стр. 81. *«Ничего, ничего, молчанье!»* — Цитата из «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя (1835).

Стр. 81. *...про известное заявление Тургенева, напечатанное в «Северной пчеле» прошедшей осенью!* — Речь идет о «Письме к издателю „Северной пчелы“» И. С. Тургенева (*СП*, 1862, 10 декабря, № 334). Задетый неверным, с его точки зрения, освещением в печати его конфликта с «Современником», Тургенев доказывал, что инициатива его разрыва с редакцией «Современника» принадлежала исключительно ему, в то время как редактор «Современника» Некрасов разными способами старался предотвратить этот разрыв. В подтверждение этого Тургенев ссылался, в частности, на письмо к нему Некрасова, в котором тот признавался, что видит его часто во сне. Все это и дало повод Щедрину, не называя имени Тургенева, интерпретировать его письмо как заявление о своем величии.

Стр. 82. *Вы добиваетесь славы Сенковского, Жюль-Жанена, Дружинина...* — Т. е. славы журналистов, прежде всего заботившихся о форме своих сочинений. Жанен (Janin) Жюль (1804—1874) — известный французский театральный критик, член Французской академии.

Стр. 82. *Или вы уж так весь впились в интересы редакции «Современника», что, впиваясь, оставили прежнее у порога?* — Достоевский намекает на сотрудничество Щедрина в конце 50-х годов в «Русском вестнике» и в 1862-м — во «Времени». Этим намеком, вызвавшим возмущение Щедрина, Достоевский давал понять, что анонимный автор рецензии на «Литературную подпись» А. Скавропского ему известен. Подробнее об этом см. ниже, стр. 313.

ОПЯТЬ «МОЛОДОЕ ПЕРО»

(Стр. 83)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 3, отд. II, стр. 148—163, без подписи (ценз. разр. — 8 марта 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 231—254. Принадлежность статьи Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209) и подтверждается связью этой статьи с другими выступлениями писателя, направленными против М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Молодое перо», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Необходимое заявление...», «Чтобы кончить» (см. наст. том).

Печатается по тексту первой публикации.

Статья «Опять „Молодое перо“», как указано в ее подзаголовке, — ответ на напечатанную в мартовском номере «Современника» статью «Тревоги „Времени“». Достоевский начал писать ее, по-видимому, не ранее 19 марта — даты выхода в свет мартовской книжки «Современника» — и закончил не позднее конца марта, так как 3 апреля мартовский номер «Времени» уже вышел в свет.

«Тревогами „Времени“» завершался мартовский выпуск анонимной щедринской хроники «Наша общественная жизнь», в котором журнал Достоевских задевался неоднократно (см. об этом: *Борщевский*, стр. 39—40). Полемически заострена против «Времени» была в мартовской книжке «Современника» и другая принадлежащая Щедрину анонимная статья — «Несколько полемических предположений». В этом же номере «Современника» выпады в адрес журнала Достоевских содержались также в статье Ю. Г. Жуковского «Крестьянское дело и общественная инициатива» и во «Внутреннем обозрении» Г. З. Елисеева (см.: *С*, 1863, № 3, отд. I, стр. 183; отд. II, стр. 39).

«Тревоги „Времени“» — первое развернутое выступление Щедрина против журнала Достоевских, вызванное последовательно появившимися в 1-м

и 2-м его номерах за 1863 г. статьями Достоевского «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» и «Молодое перо». Щедрин подверг резкой критике идейную позицию журнала «Время», воспользовавшись в сатирических целях напечатанным в первом номере этого журнала за 1863 г. стихотворением Ф. Н. Берга «Из-за моря птицы прилетали...». Уподобив редакцию и сотрудников «Времени» «скромным птицам, утицам залетным» из этого стихотворения, Щедрин пишет «продолжение этой диковинной пьесы», в котором среди птиц фигурируют Ф. М. и М. М. Достоевские и Н. Н. Страхов.

Сатирик утверждал в своей статье, что «Необходимое литературное объяснение...» Достоевского лишено каких бы то ни было оснований. «Кого вы обидели? Кто заявлял вам об обиде? По поводу чего вы объясняетесь и извиняетесь?» — обращался он к редакции «Времени» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 197). Эволюцию журнала Достоевских Щедрин связывал с именами Каткова и Булгарина. «...Вы начнете катковствовать в самом непродолжительном времени» (там же, стр. 198), — предрекал он и в редакционном примечании к этому месту своей статьи констатировал, что катковствовать «Время» уже начало статьей «Молодое перо». В этом редакционном примечании, написанном, как справедливо полагал Достоевский, самим Щедриным, последний выражал свое возмущение содержавшимися в статье «Молодое перо» оскорбительными намеками и сентенциями, адресованными ему лично.

В «Необходимом литературном объяснении...» Достоевский писал по поводу «нападений» на журнал «Время» в конце 1862 г.: «Иные из этих нападений основаны чисто на конкуренции и имеют в виду одну только подписку». В стремлении подорвать репутацию «Времени» у подписчиков обвинялся редактор «Отечественных записок» и «Голоса» А. А. Краевский. «Разражаться друг против друга в подписное время — старинная привычка старинных журналов, а отвыкать от старинных привычек, известно, нехорошо...» — иронизировал Достоевский. Это его рассуждение Щедрин оспаривал в статье «Несколько полемических предположений».

В противоположность Достоевскому Щедрин утверждал здесь, что некоторым изданиям полемика приносит несомненные выгоды, не уменьшая, а наоборот, увеличивая число их подписчиков. Чтобы лишить этих выгод издания, «которые, по всей справедливости, пользуются названием литературных помойных ям» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 3), сатирик предлагает называть их в полемике не настоящими именами, а псевдонимами. Проектируя эту меру для петербургской газеты «Русский листок», которая именуется в статье то «Убогим», то «Плохим листком»,[1] Щедрин соглашается отступить от нее только в том случае, «если „Убогий листок“ даст положительное обязательство сравняться в либерализме по крайней мере с М. М. Достоевским» (там же, стр. 6). Язвительный смысл этого сближения усугублялся тем обстоятельством, что в статье «О новых литературных органах и о новых теориях», напечатанной в январском номере «Времени» за 1863 г., Достоевский сам разоблачал реакционность «Русского листка». Возлагая на реакционных публицистов, и в частности на одного из редакторов «Русского листка» В. Д. Скарятина, ответственность за распространение в народе в связи с пожарами слухов и настроений, враждебных студенческой молодежи, Достоевский уподоблял их испуганным, все преувеличивающим «хохлаткам», объединял понятием «кудактающее направление». Вероятно, по аналогии с этими уподоблениями Достоевского Щедрин писал в своей статье о его брате: «М. М. Достоевский есть не что иное, как проживающий инкогнито Петр Иваныч Бобчинский, которого роль должна бы собственно в том заключаться, чтоб „петушком-петушком“ за кем-нибудь подпрыгивать, но который, вследствие знакомства своего с Хлестаковым, возомнил, что может быть са-

---

[1] В доцензурных гранках «Современника», с учетом которых статья Щедрина печатается в современных изданиях его сочинений, «Русский листок» назывался «Смрадным» и «Поганым листком».

мостоятельным и имеет право на знакомство с министрами» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 3).

С позиций «Современника» выступали «Искра», «Русское слово» и «Очерки». Беспощадно отвергающий, разоблачительный характер полемики революционно-демократической прессы с журналом «Время» был вызван утопической расплывчатостью и политической неопределенностью проводимых им идей, которые тем не менее в программных заявлениях журнала, и прежде всего в статьях Достоевского, сочетались с резкой критикой последователей Чернышевского и Добролюбова. «А знаете ли вы, что с „Русским вестником" все-таки приятнее иметь дело, нежели с вами? По крайней мере не обманываешься: войдешь в „Русский вестник" — ну, и знаешь, что вошел в лес, а в вас войдешь — не можешь даже определить, во что попал: и серенько, и жиденько, и скользко...» (там же, стр. 198) — так охарактеризована компромиссная позиция «Времени» в статье «Тревоги „Времени"», в принадлежности которой Щедрину Достоевский не сомневался.

В статье Щедрина Достоевского возмутило утверждение о том, что своим успехом «Время» обязано восьмимесячной приостановке в 1862 г. «Современника». Это возмущение было усугублено появлением через несколько дней после выхода в свет мартовского номера «Современника» статьи И. И. Дмитриева в «Очерках», где успех «Времени» не только связывался с приостановкой «Современника», но и приписывался особого рода «смекалке, которою щедро одарены, например, наши барышники» (см. ниже, стр. 312—313).

Статья «Тревоги „Времени"» и сопутствующие ей выступления как Щедрина, так и других представителей революционно-демократической журналистики преследовали цель полной компрометации журнала, на страницах которого были напечатаны «Необходимое литературное объяснение...» и «Молодое перо» Достоевского. Это в известной степени обусловило характер комментируемой статьи, прежде всего и главным образом направленной на дискредитацию личности сатирика. Не называя имени Щедрина и лишь ограничившись угрозой разоблачения, Достоевский тем не менее придал своей статье черты памфлета. С еще большей резкостью, чем в статье «Молодое перо», он писал здесь о Щедрине, как о представителе «искусства для искусства в обличительном роде», категорически причислял его, следуя своей же классификации, к свистунам, свистящим из хлеба. Страстно отстаивая позиции «Времени» как самостоятельного и прогрессивного журнала, Достоевский противопоставлял его как реакционным и либеральным, так и революционно-демократическим органам русской журналистики.

Статья Достоевского не встретила сочувственных откликов. После ее появления в поддержку Щедрина выступила «Искра», которая, процитировав пародийные стихи из статьи Достоевского, писала в анонимной заметке «Козни злонамеренных»: «„Время" достигло своей цели — разоблачило себя вполне перед своими читателями ‹...› свистунам нечего будет делать: „Время" само решилось себя освистать, разбить и расхлестать» (*И*, 1863, 19 апреля, № 14, стр. 207).[1]

Отрицательно отнесся к статье «Опять „Молодое перо"» и Тургенев, которого защищал Достоевский в полемике со Щедриным. 7 (19) мая 1863 г. он писал Н. В. Ханыкову по поводу мартовского номера «Времени»: «Там, между прочими любезностями, в одной полемической статье автор обращается к своему противнику со следующими стихами:

Ро роро, роро, роро,
Молодое перо!
Усь усь, усь усь усь —
Ах, какой же ты гусь!

---

[1] «Искра» не однажды высмеивала пародийные стихи из статьи «Опять „Молодое перо"» и позднее. См., например: *И*, 1863, №№ 15 и 16; 1864, № 11.

Как вы находите уровень, до которого (чуть было не сказал: поднялась) опустилась российская литература?» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 124—125; см. там же, стр. 127 и 131).

Прямого ответа со стороны Щедрина на статью «Опять „Молодое перо"» не последовало. Однако в 9-м выпуске «Свистка», вышедшем приложением к апрельскому номеру «Современника», журнал «Время» и лично Ф. М. и М. М. Достоевские задевались неоднократно. Неозаглавленный анонимный сатирический перечень, помещенный на двух последних страницах «Свистка» и начинающийся словами: «Для следующих номеров „Свистка" между прочими имеются в виду следующие статьи», был главным образом посвящен «Времени» и Достоевским. В этом перечне, составленном Щедриным, упоминалась «детская сказка в стихах» «Самонадеянный Федя» и были приведены две строфы из нее, которыми впоследствии в сатирических целях, задевая, в частности, и Щедрина, Достоевский воспользовался в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 221 и т. IX, стр. 443—444).

Материалы «Свистка» свидетельствовали о намерении «Современника» и лично Салтыкова-Щедрина продолжить полемику с журналом «Время». Она приостановилась, так как журнал Достоевских был запрещен, на апрельском номере 1863 г. (см. стр. 252—253). С началом издания в 1864 г. «Эпохи» полемика Достоевского с Щедриным возобновилась (см. выше, стр. 102—120).

Стр. 83. *Впился-таки!* — Достоевский начинает свою статью сатирической метафорой Щедрина, которой он воспользовался уже в статье «Молодое перо» (см. примеч. к стр. 79).

Стр. 83. *Вы рассердились на статью во «Времени». ∾ «Тревоги „Времени"».* — Свое отношение к статье «Молодое перо» Щедрин выразил в примечании, которое далее Достоевский полностью цитирует.

Стр. 83. *Вот это-то и значит свои бока подставлять.* — Источником этой сентенции Достоевского были очерки самого Щедрина «Литераторы-обыватели» (1861) и «Клевета» (1861). В первом из них, высмеивая мелочной характер обличительной литературы, сатирик писал о незавидной судьбе корреспондента, обличителя узкоместных пороков и нравов, которого земляки-обыватели могут и сквозь «строй жизненных обстоятельств пропустить ‹...› могут легонько бока ему помять». В очерке «Клевета» Щедрин создал обобщающий образ глуповца, который «имел совесть покладистую и готов был на всякий подвиг ‹...› не только подслушивал и подсматривал, но даже и присочинял», и за это ему иногда «с замечательною щедростью накладывали ‹...› и в зубы, и в нос, и в скулы, а нередко повреждали и самые бока» (*Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 435, 471). Ситуация, обрисованная сатириком в «Литераторах-обывателях», в журналистике 60-х годов не однажды сопоставлялась с аналогичными ей фактами реальной жизни. Так, «Искра» в одном из выпусков «Хроники прогресса» (автор Г. З. Елисеев) писала: «Г-н Щедрин ‹...› довольно рельефно изобразил нам в своих *литераторах-обывателях* незавидное положение провинциальных хроникеров ‹...›

Ныне из корреспонденции „Киевского телеграфа" открывается, что рассказ г-на Щедрина ‹...› стоит гораздо ниже суровой действительности.

Один корреспондент из Остра пишет, между прочим, в „Киевский телеграф", что „ради гласности он должен пожертвовать своими *боками*, так как передовой член одного общества выразил намерение (заочно) *отдуть его* за помещение в газетах двух писем"» (*И*, 1862, 1 июня, № 20, стр. 281).

Тему «протеста своими боками» Щедрин разрабатывал и позднее, в оставшемся не напечатанным при его жизни апрельском выпуске хроники «Наша общественная жизнь» за 1864 г. Он писал здесь: «Протестовать своими боками — дело очень нетрудное, но в то же время и совершенно невыгодное ‹...› Это простое наследие или рабства, или дикости, или такой цивилизации, которая растлена в самых своих источниках»

(*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 330; см. там же комментарии П. С. Рейфмана и С. А. Макашина, стр. 667—668). По мнению С. С. Борщевского, разработка этой темы в апрельском выпуске хроники «Наша общественная жизнь» заключала в себе «публицистическую оценку» позиции героя «Записок из подполья» Достоевского (см.: *Борщевский*, стр. 145—146). Используя в комментируемой статье в отношении к Щедрину им самим созданный сатирический образ, Достоевский как бы причисляет сатирика к им же высмеянному сонму «литераторов-обывателей».

Стр. 84. *...«розы рвал и фиалки поливал»...* — Вероятно, перефразированная цитата из драмы А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет», напечатанной в 1-м номере «Времени» за 1863 г.: «Розы рвать, жасмины поливать!» (слова Жмигулиной — д. I, сцена II, явл. 3).

Стр. 84. *...называют «молодым пером», «молодым человеком», говорят, что подражает Брамбеусу, Дружинину...* — См. выше, «Молодое перо», стр. 78—82.

Стр. 84. *И брызгал перлом водомет.* — Неточная цитата из стихотворения В. В. Крестовского «Солимская гетера» (1858), посвященного А. П. Милюкову. По свидетельству последнего, Достоевскому, слышавшему это стихотворение из уст самого поэта, оно очень нравилось, и он «не раз просил Крестовского повторять его» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 325). Использование строки из стихотворения Крестовского в иронической характеристике Щедрина, по-видимому, связано с появлением в № 1—2 «Современника» за 1863 г. анонимной отрицательной рецензии на издание его «Стихов» (СПб., 1862), автором которой был сатирик. В этой рецензии В. В. Крестовский охарактеризован как поэт «второго сорта», подражатель А. Н. Майкова. «Приятный жанр скрытной клубнички, которого тайною обладал доселе один г-н Майков, — писал Щедрин, — вдруг разрушен и уничтожен окончательно откровенным и хладным прикосновением к нему г-на Вс. Крестовского!» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 133). В статье «Тревоги „Времени“», утверждая, что «ничто так не убивает дела, как неловкое подражание ему», сатирик снова иронически варьировал эту мысль: «Вспомните г-на Вс. Крестовского: мог ли А. Н. Майков предчувствовать, что ему придется погибнуть от руки его в цвете лет?» (там же, № 3, отд. II, стр. 200). Достоевский был, очевидно, задет этими отзывами о ценимых им поэтах, с которыми к тому же его связывали узы дружеской симпатии.

Стр. 84. *...литературные, так сказать, прибавления к «Инвалиду-Современнику».* — Достоевский обыгрывает название газеты «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», выходившей в Петербурге в 1831—1839 гг. (в 1840—1849 гг. — «Литературная газета»). Цель этого обыгрывания — подчеркнуть, что с утратой Чернышевского и Добролюбова «Современник» утратил и свою ведущую роль в общественной жизни.

Стр. 84. *...нигилист du lendemain* — Щедрин вспомнит об этом определении, данном ему Достоевским, через десять с лишним лет в очерке «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (1873; цикл «Помпадуры и помпадурши»), написанном под впечатлением от романа Достоевского «Бесы». Помпадур Феденька Кротиков говорит о герое гончаровского «Обрыва» Марке Волохове, введенном в щедринский очерк на правах действующего лица: «C'est un conservateur du lendemain...» ‹Это консерватор завтрашнего дня (*франц.*)› (*Салтыков-Щедрин*, т. VIII, стр. 185).

Стр. 84. *Вы горько жалуетесь, что мы называем вас «молодым человеком» ∾ Всё — молодым.* — Щедрин говорит об этом в подстрочном примечании к своей статье, которое далее Достоевский приводит полностью.

Стр. 85. *...(вроде «Корнета, играющего на пистоне» ∾ в «Головешке»).* — Речь идет о карикатуре Н. А. Степанова, помещенной в «Искре» (1862, 19 октября, № 40, стр. 523). Комический смысл карикатуры и подписи к ней был основан на каламбуре и сводился к тому, что невежественный крупный чиновник (собеседник именует его «ваше превосходительство») не воспринимает слова cornet à piston (корнет-а-пистон)

как название духового музыкального инструмента и, по собственному признанию, приехал в Павловск, «единственно, чтоб послушать, как играет корнет на пистоне». Достоевский упоминает об этой карикатуре в первой редакции «Преступления и наказания» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 52).

Стр. 85. ... *кураж!* — смелее! (от франц. courage).

Стр. 85. ...*попреков за табачную фабрику.* — Владельцем табачной фабрики был М. М. Достоевский. «Искра», как справедливо пишет Достоевский, многократно высмеивала на своих страницах этот факт биографии редактора «Времени» (см., например: *И*, 1862, 30 ноября, № 46, стр. 639; 1863, 8 февраля, № 6, стр. 80; 1863, 12 апреля, № 13, стр. 195 и др.). В № 7 за 1863 г. (стр. 105) «Искра» в статье за подписью «Хлебный Свистун» (В. П. Буренина) поясняла, почему она «перестала различать издательскую деятельность г-на М. Достоевского от его деятельности как папиросного фабриканта»: «И здесь и там фразы, велеречивые объявления вместо дела, и здесь и там сюрпризы вместо требуемого товара».

Стр. 85. ...*«Головешка» ∾ на постном масле начиная с самой подписки сидит...* — Этот выпад Достоевского в ее адрес «Искра» не оставила без ответа. В 16-м номере журнала за 1863 г. была помещена карикатура Н. А. Степанова, где на фоне обложки мартовского номера «Времени» изображен Косица (Н. Н. Страхов), повторяющий эти слова из статьи Достоевского, на которые возражает его собеседник, утверждающий, что «Искра» имеет семь тысяч подписчиков.

Стр. 86. ...*московские известия о толстоте тела г-на Лонгинова...* — Достоевский имеет в виду следующее место из «Московских писем» Салтыкова-Щедрина, подписанных псевдонимом «К. Гурин»: «Носится слух, что некто, увидев в английском клубе М. Н. Лонгинова, сказал: „сей человек утонул, распух, да с тех пор в оном виде и остался“» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 20).

Стр. 87. ...*Барклай де Толли зашевелился...* — Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818), князь, в начале Отечественной войны 1812 г. — военный министр и главнокомандующий 1-й русской армии; его тактика, вызвавшая недоверие к нему в самых широких кругах русского общества, сделала имя его нарицательным для обозначения всякого рода промедлений. Объективный и всесторонний анализ деятельности этого полководца дан в работе Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (см.: Е. В. Тарле. 1812 год. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 455—533).

Стр. 87. *О призвании вашем из-за моря, к участию в «Современнике» ∾ сама редакция столько уже печатала в своих объявлениях...* — В объявлениях об издании «Современника» в 1863 г., печатавшихся в конце 1862 г. в газетах и журналах, говорилось, что журнал будет издаваться под редакцией Н. А. Некрасова и «при постоянном участии в трудах редакции М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича». Слова Достоевского «о призвании вашем из-за моря» отсылают нас к рассказу Щедрина «Гегемониев» (1859; «Невинные рассказы»), герой которого истолковывает летописную легенду о призвании на Русь варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора как аллегорию. «...Зачем было отцам нашим, — рассуждает Гегемониев, — из-за моря варягов призывать, когда у нас и свои завсегда налицо?» (*Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 11). Братья-варяги, призванные из-за моря, по Гегемониеву, суть не кто иные, как представители отечественной бюрократии: «...первый-то брат — капитан-исправник, второй-то брат — стряпчий, а третий братец, маленький да востренький, — сам мусье окружной!» (там же). Говоря о призвании из-за моря Салтыкова-Щедрина, Достоевский тем самым прозрачно намекает на его принадлежность к варягам-бюрократам: только в начале 1862 г. Салтыков вышел в отставку с поста тверского вице-губернатора и, вернувшись в Петербург, на несколько лет всецело отдался писательскому и редакторскому труду.

Стр. 88. ...*один господин ∾ написал на нас длиннейшую статью с ядом и ругательствами.* — Достоевский цитирует далее уже упоминавшуюся нами выше статью И. И. Дмитриева «Литературное обозрение»

с подзаголовком «Незаслуженный успех. „Время" 1863 года, книга 1-я и 2-я» («Очерки», 1863, 24 марта, № 81).

Стр. 89. *Пожар способствовал ей много к украшению ее журнала.* — Перефразированная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. II, явл. 5).

Стр. 89. *...эта статья появилась в «Современнике»...* — Речь идет о повести И. И. Дмитриева «Провинциальная газета, ее редактор и сотрудники. Из записок литератора-обывателя» (*С*, 1863, № 1—2, отд. I, стр. 319—350). В статье «Тревоги „Времени"» Щедрин сравнивал действия героя этого произведения с тактикой редакции журнала «Время»: «Вы устраиваете примерное сражение; вы сами себя уязвляете, да потом сами же себе приносите оправдания и извинения. Косица обидит Косицу, Страхов Страхова, Григорьев Григорьева, а потом и поведут сами с собою ожесточенную полемику! Этот прием не нов; прочтите в прошлом номере „Современника" статью г-на Дмитриева „Провинциальная газета" и убедитесь, что герой этого рассказа давно уже употреблял его для придания живости своему журналу» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 197).

Стр. 90. *...в апрельском нумере «Времени» за прошлый год были помещены у нас две ваши статьи.* — Действительно, в апрельской книжке «Времени» за 1862 г. были напечатаны две пьесы Щедрина: «Соглашение» и «Погоня за счастьем», — объединенные общим названием «Недавние комедии» и вошедшие затем в книгу «Сатиры в прозе» (СПб., 1863). Ошибка Щедрина, которую Достоевский истолковывает как намеренную ложь, возможно, связана с тем, что в период запрещения «Современника» он, по-видимому, уже вынуждаемый обстоятельствами, напечатал в сентябрьской книжке «Времени» еще один очерк из «Сатир в прозе» — «Наш губернский день». Появление этого очерка в печати было сопряжено с цензурными осложнениями (см. об этом: *Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 618—619). Возможно, поэтому печатание во «Времени» «Нашего губернского дня» заслонило в памяти Щедрина более ранний факт появления двух других его произведений в журнале Достоевских.

Стр. 90. *...в апреле же месяце прошлого года ∞ «Современник» еще издавался.* — «Современник» был приостановлен на 8 месяцев правительственным распоряжением от 15 июня 1862 г. Последний (майский) номер журнала за 1862 г. вышел в свет 11 июня.

Стр. 91. *...plus royaliste que le roi.* — Выражение Франсуа Рене Шатобриана в книге «Monarchie selon la charte» (1816), ставшее крылатым.

Стр. 92. *«Прихлопнет и не пикнете», — говорите вы нам, грозя нам сим московским деятелем. Слова многознаменательные.* — В статье «Тревоги „Времени"» Щедрин писал, обращаясь к редакции журнала «Время»: «Вы говорите, что г-на Каткова оспаривать можно и следует (и что вы так пристали к Каткову? или вы получили от него разрешение? смотрите, ведь он когда-нибудь и сам на вас замахнется — и не пикнете!)...» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 199). Слова сатирика оказались действительно многознаменательными, и тем более многознаменательными в перефразировке Достоевского. После опубликования в апрельской книжке «Времени» статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященной польским событиям, в редактируемых М. Н. Катковым «Московских ведомостях» (1863, 22 мая, № 109) появилась заметка К. Петерсона, обвинявшая автора «Рокового вопроса» (статья была напечатана в журнале за подписью «Русский») в полонофильстве. Эта заметка сыграла роль доноса, в результате которого журнал «Время» по повелению царя 24 мая был закрыт. См. об этом: *Нечаева, «Время»*, стр. 304—309.

Стр. 92. *Чем выше вы, как литератор, Надимова, который утверждал, что надо крикнуть на весь свет и т. д.?* — Достоевский приравнивает Щедрина к герою либерально-обличительной пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856), в образе которого воплощены характерные для либералов той поры представления о способах искоренения общественного зла. «Надо вникнуть в самих себя, — говорит Надимов, — надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора, и, действительно, она при-

шла, — искоренить зло с корнями» (В. А. Соллогуб. Чиновник, комедия в одном действии. СПб., 1856, стр. 25). Язвительный смысл сделанного Достоевским сравнения Щедрина с Надимовым усугублялся тем, что сам сатирик еще в «Губернских очерках» устами одного из своих героев (рассказ «Озорники») высмеял поверхностно-обличительный пафос комедии Соллогуба: «...говорят и волнуются, что чиновники взятки берут! Один какой-то шальной господин посулил даже гаркнуть об этом на всю Россию. Конечно, я этого не оправдываю <...> но почему же они берут? Почему они берут, спрашиваю я вас?» (*Салтыков-Щедрин*, т. II, стр. 266). Наиболее развернуто свое резко отрицательное отношение к пьесе Соллогуба Щедрин высказал в рассказе «Приезд ревизора» (1857; «Невинные рассказы»). Постановку «Чиновника» на любительской сцене в губернском городе сатирик сделал сюжетным стержнем этого рассказа (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 28—57 и примеч. на стр. 566—567).

Стр. 93. *Живьем рады проглотить (ваши слова, употребленные против нас).* — Достоевский имеет в виду следующие строки из статьи «Тревоги „Времени"»: «И не то чтобы вы не стремились обидеть кого бы то ни было: нет, у вас есть желание не только обидеть, но даже живьем проглотить» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 198).

Стр. 93. *...и яд ваш, и злость ваша, и остроумие ваше — все это тоже младенчески чисто...* — По-видимому, с этим утверждением Достоевского связано происхождение одного из псевдонимов Салтыкова-Щедрина: свой сатирический этюд «Цензор впопыхах», появившийся в «Свистке» (возобновленном после смерти Добролюбова в апрельской книжке «Современника» за 1863 г.), он подписал: Михаил Змиев-Младенцев. Возможно, в целях мистификации Достоевского сатирик подписал сокращенным вариантом этого псевдонима — Мих. Змиев-Младенцев — и напечатанные в этом же номере «Свистка» свои «Московские песни об искушениях и невинности», в то время как «Песнь московского дервиша» В. П. Буренина появилась здесь же за подписью «Мих. Змеев-Младенцев».

Стр. 93. *Вас потянуло к нигилистам ∾ Вы примкнули к ним от души, веря, что они всех сильнее.* — Этот вывод Достоевского основан на высказываниях Щедрина в хронике «Наша общественная жизнь». Заканчивая ее первый январско-февральский выпуск, сатирик задавался вопросом, отчего происходит «нравственное распадение в современном человеке, отчего он обязывается балансировать, отчего он никуда не может примкнуть с уверенностью, что тут именно сила, что тут он дома?» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 376). В мартовском выпуске хроники, напомнив читателям свой вопрос, Щедрин утверждал, что так называемое мальчишество представляет «корпорацию, которая одна и может заключать в себе залоги действительной силы» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 175).

Стр. 94. *Какой-нибудь «обличительный поэт»...* — Под этим псевдонимом в «Искре» печатался Д. Д. Минаев (1835—1889), не однажды задевавший в своих сатирических стихах журнал «Время», его редактора и сотрудников (см., например, его «Ад» в 49-м номере «Искры» за 1862 г.).

Стр. 94. *...вы ∾ говорите, что мы садимся между двух стульев.* — В «Тревогах „Времени"» Щедрин обращался к редакции «Времени»: «Какой руководящей мысли вы были органом? — никакой. Что вы высказали? — ничего. Вы постоянно стремились высказать какую-то истину вроде „сапогов всмятку", вы всегда садились между двух стульев и до того простирали свою наивность, что даже не хотели заметить, как шлепались на пол» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 197—198).

Стр. 94. *Помните статью «О духе времени» г-на Антоновича. ∾ Тогда-то вы и начали борьбу.* — В статье «О духе „Времени" и о г-не Косице, как наилучшем его выражении» (*С*, 1862, № 4) М. А. Антонович, подводя итоги своей полемики с Н. Н. Страховым, оценивал деятельность журнала «Время» за весь годичный период его существования. Цитируя статьи Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Антонович стремился показать противоречивость в позиции журнала, за-

являл о принципиальном характере разногласий между «Современником» и «Временем».

Стр. 94. *А «Отечественные-то записки» осенью...* — См. об этом выше, стр. 292.

Стр. 94. *...а старая-то «Библиотека для чтения»...* — Т. е. «Библиотека для чтения», выходившая под редакцией А. Ф. Писемского, которого в 1863 г. сменил П. Д. Боборыкин. В 12-м номере этого журнала за 1862 г. в статье М. И. Касторского «Несколько слов о литературных заслугах г-на Каткова» отрицательно оценивалась позиция «Времени» в полемике с Катковым из-за г-жи Толмачевой, хотя в целом статья Касторского была довольно критична и по отношению к Каткову. Кроме того, в первом и втором номерах журнала за 1862 г. была напечатана статья Е. Ф. Зарина, отрицательно оценившая роман Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Стр. 94. *...«Очерки», вот уже четвертый раз бросающиеся на нас с тем, чтоб нас проглотить...* — На протяжении недолгого периода своего существования демократическая газета «Очерки» занимала неизменно враждебную позицию по отношению к «Времени» (см. об этом выше, стр. 302). Достоевский говорит здесь о четырех развернутых критических выступлениях в адрес «Времени» в 35-м, 53-м, 68-м и 81-м номерах «Очерков».

Стр. 94. *...а «Русское-то слово»...* — В 1-м номере этого журнала за 1863 г. была подвергнута критике позиция редакции «Времени», якобы основанная прежде всего на расчете привлечь возможно большее число подписчиков (*РСл*, 1863, № 1, отд. II, стр. 93—94). В ответ на «Необходимое литературное объяснение...» Достоевского «Русское слово» выступило со статьей «Хлебная критика „Времени“» (1863, № 2, отд. III, стр. 1—8).

Стр. 95. *Вы говорите, что мы не понимаем, что такое авторитет, и смешиваем его с лицами...* — «...Вы даже понятия об авторитете не можете отделить от чьего-нибудь лица, — писал Щедрин в «Тревогах „Времени“», — вы даже думаете, что авторитет есть что-то такое, что можно ощупать, поцеловать и т. д. Для вас есть авторитет — Тургенев, авторитет — Добролюбов, дальше вы не идете» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 200).

Стр. 95. *...бюрократия прогрессизма. Вот вы к ней-то и примкнули...* — По-видимому, Достоевский в это изобретенное им понятие вкладывал оскорбительный для недавно оставившего государственную службу Салтыкова намек, что он и в литературе руководствуется принципами и расчетами стремящегося сделать карьеру бюрократа.

Стр. 96. *Век и Век и Лев Камбек ∾ Ах, какой же это гусь!* — В первом четверостишии Достоевский пародирует рифмы и темы сатирической поэзии «Искры». Рифма «Век» (название журнала) и «Лев Камбек» (имя популярного обличительного журналиста-хроникера) стала в 60-е годы своего рода сатирической рифмой-штампом. Многочисленным насмешкам по критике «Искры» и «Современника» подвергался Н. Н. Страхов за статью «Жители планет» (*Вр*, 1861, № 1). Ср. выше, стр. 55. Второе четверостишие является пародией на стихи Щедрина в «Тревогах „Времени“», где сатирик в свою очередь пародировал напечатанные во «Времени» стихи Ф. Н. Берга. Как сказано выше, данное четверостишие вызвало резкую реакцию современников.

Стр. 96. *Что это у вас в «Тревогах „Времени“» за Оленька Р. такая и Машенька Н.? Хоть убейте — ничего не понял...* — Этим вопросом Достоевский отвечает на вопрос Щедрина, обращенный к редакции «Времени»: «И зачем вы анонимы употребляете? зачем вы беседуете с читателем в форме какого-то невинного письма от Машеньки Н. к Оленьке Р.?» (*С*, 1863, № 3, отд. II, стр. 201). Достоевскому был, конечно, понятен смысл сатирической метафоры Щедрина: критические статьи, помещавшиеся во «Времени», часто были написаны в форме письма к редактору. На эту особенность обратил внимание и Антонович, который писал по этому поводу в своей статье «О духе „Времени“ и о г-не Косице, как

наилучшем его выражении»: «Многие критические статьи появляются в форме писем в редакцию то с Васильевского острова, то от „ненужных“ людей, то от каких-то „посторонних“ критиков. Редакция видимо не желает печатать их от своего имени и старается свалить с себя ответственность за мнения, высказываемые в этих статьях» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 273).

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «ВРЕМЕНИ» НА НАПАДЕНИЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

(Стр. 97)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *1883*, т. I, стр. 249—254 (в тексте «Воспоминаний» Н. Н. Страхова, засвидетельствовавшего здесь же авторство Достоевского). Подпись: Редакция «Времени».

Печатается по тексту первой публикации.

Заметка сотрудника катковских изданий К. А. Петерсона (1811—1890) «По поводу статьи „Роковой вопрос“ в журнале „Время“», ставшая объектом полемической отповеди Достоевского, была, по всей вероятности, инспирирована редакцией «Московских ведомостей». Как видно из текста ее (целиком приводимого Достоевским), издателям «Времени» предъявлялось обвинение в том, что, опубликовав антипатриотическую статью «Роковой вопрос» без подписи, в качестве редакционной, они тем самым солидаризировались с ее автором и уподобились «бандитам», которые «наносят удары с маской на лице».

В условиях, когда на западе Российской империи происходило польское восстание, обвинение, выдвинутое газетой Каткова, было равносильно политическому доносу. Уловив в нападках Петерсона симптомы надвигающейся бури, угрожающей существованию журнала, Достоевский попытался отвести или смягчить готовящийся удар. Не дожидаясь выхода очередной книжки «Времени», он направляет «Ответ редакции» в газету «С.-Петербургские ведомости», рассчитывая, что там ответ этот напечатают незамедлительно. Однако эта попытка самозащиты не имела успеха. По свидетельству Страхова, статья Достоевского была набрана, но цензор, напуганный слухами о крайне неблагоприятной реакции на «Роковой вопрос» в правительственных сферах, «не решился ее пропустить» (*Биография*, стр. 249). 24 мая 1863 г., уже через два дня после появления заметки Петерсона, последовало «высочайшее повеление» о закрытии журнала. Официальное распоряжение на этот счет было опубликовано несколько позже в газете «Северная почта» (1 июня 1863 г.).

Подробное освещение всех обстоятельств, связанных с запрещением журнала «Время», дано в воспоминаниях Страхова (*Биография*, стр. 247—256; ср. выше, стр. 252).[1] «Если бы „Время“ не было запрещено, — утверждал здесь Страхов, — мы бы подняли горячую полемику с московскими изданиями, стараясь перещеголять их в патриотизме, споря о том, кто лучше и глубже понимает русские интересы» (*Биография*, стр. 256). Достоевский в письме к Тургеневу от 17 июня 1863 г. писал: «...запретили журнал за статью в высшей степени, по-нашему, патриотическую. Правда, что в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые и подали повод ошибочно перетолковать ее <...> Но мы понадеялись на прежнее и известное в литературе направление нашего журнала, так что думали, что статью поймут и недомолвок не примут в превратном смысле <...> Мысль статьи <...> была такая: что поляки до того прези-

---

[1] См. также статью А. С. Долинина «К цензурной истории первых двух журналов Достоевского» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 559—577).

рают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится».

Следует особо отметить, что самое название статьи Страхова было полемическим намеком не только на стихи Пушкина (см. выше, стр. 253), но и на публицистику Каткова. В статье «Польский вопрос», являвшейся своего рода программным документом, содержащим развернутый, подкрепленный ссылкой на непреложные факты истории план беспощадных действий против восставшей Польши, Катков писал: «Вопрос о Польше был всегда и вопросом о России. Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца. Между ними вопрос был уже не о том, кому первенствовать или кому быть могущественнее: вопрос между ними был о том, кому существовать ‹...› И не Россия, а прежде Польша почувствовала силу этого рокового вопроса; она первая начала эту историческую борьбу, и было время, когда исчезала Россия, и наступило другое, когда исчезла Польша. Навсегда ли удержит силу этот роковой вопрос? ‹...› Об этом можно размышлять на досуге, но в минуту кризиса ‹...› поляку естественно отстаивать польское дело, а русскому естественно отстаивать русское дело» (*РВ*, 1863, № 1, стр. 476—477).[1]

Из воспоминаний Страхова видно, что и ему и братьям Достоевским претила катковская безжалостно историческая, слишком «крутая и узкая» трактовка проблемы польско-русских государственных отношений. По определению Страхова, она грешила «поразительной скудостью категорий для суждений» (*Биография*, стр. 247). О более гибкой, «почвеннической» концепции этих отношений, выдвинутой Страховым в противовес официозной позиции Каткова, см. выше, стр. 252—255.

Полемика Достоевского с Петерсоном содержала ряд достаточно резких выпадов, направленных непосредственно против издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Как и в целом ряде прежних своих полемических выступлений, Достоевский осуждал Каткова за неверие в самостоятельность русского «национального развития», за преклонение перед западной цивилизацией в «англизированном» ее выражении (см. ниже, примеч. к стр. 99, 100).

Как отмечено выше (стр. 255), через два месяца после закрытия «Времени», Страхов добился помещения в «Русском вестнике» нового разбора его статьи, написанного самим Катковым и снимавшего основные обвинения Петерсона. Сравнительно мягко упрекнув автора «Рокового вопроса» за вольные и невольные комплименты полякам (до этого в специальном письме Страхов сумел убедить Каткова в своем отнюдь не восторженном отношении к полякам и полонофилам), Катков в заключительной части статьи подверг резкой критике характерное для Достоевского и Страхова противопоставление самобытной православной России католической Европе. О содержании «Ответа редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“» Катков, если и знал, то только понаслышке. Тем не менее рассуждения его о «всемирной» цивилизации, необходимо связующей и объединяющей все народы, и России как одной «из самых коренных сил Европы» выглядели полемическим ответом на обвинение в пренебрежении к русской народности, высказанное Достоевским и в настоящей статье (см.: *РВ*, 1863, № 5, стр. 416; эта книжка журнала вышла в свет со значительном опозданием — в самом конце июля).

Стр. 97. *Валентин Федорович* — В. Ф. Корш (1828—1893) — редактор «С.-Петербургских ведомостей».

[1] Эта книжка «Русского вестника» вышла в свет 24 февраля 1863 г. На то, что название статьи Страхова «Роковой вопрос» полемически переосмысляет формулу, выдвинутую Катковым, комментатору указал Г. М. Фридлендер.

Стр. 99. *...император Александр I ∞ дал полякам высшее устройство...* — Подразумевается относительно либеральная конституция, дарованная Польше Александром I после Венского конгресса (1815) и действовавшая до польского восстания 1830 г.

Стр. 99. *Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени ∞ обижаетесь ∞ что русские упорно хотят остаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов. Да ведь это-то и хорошо...* — Полемизируя здесь уже не столько с Петерсоном, сколько с самим Катковым, Достоевский опирается в известной мере на суждения Белинского, который писал в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики...» И далее: «Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. Она есть самобытный результат соединения людей <...> Чем ближе человек или народ к своему началу, тем ближе он к природе, тем более он ее раб; тогда он не человек, а ребенок, не народ, а племя <...> но человеческое тем не менее приходит к народу не извне, а из него же самого, и всегда проявляется в нем национально» (*Белинский*, т. X, стр. 29).

Стр. 100. *Мы еще два года назад укоряли «Русский вестник», что он русской народности не признает.* — См. примеч. к статье Достоевского «По поводу элегической заметки „Русского вестника"» (наст. изд., т. XIX, стр. 331).

Стр. 101. *Очень может быть, что поляки поторопятся перевести...* — Перевод «Рокового вопроса» (правда, на французский, а не польский язык) появился вскоре в парижской прессе, сочувствовавшей польскому национально-освободительному движению. Н. Н. Страхов писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «В „Revue de deux mondes", 1 Août, 1863, появилась статья Мазада, в которой целиком и очень точно был переведен „Роковой вопрос". Французский журнал находил в ней подтверждение своей мысли <...> с которой он сам смотрел на польское восстание <...> Статью мою Мазад приписал Достоевскому и, по этому случаю, говорил об его ссылке и его сочинениях. Там было сказано, между прочим: il a écrit des livres navrants sur sa patrie ‹он написал о своей родине душераздирающие книги (*франц.*)›. Федору Михайловичу доставило маленькое удовольствие то, что он известен за границею. Смеясь, он замечал, однако, что слово navrants напоминает ему русское слово *наврал*». Впрочем, там же Страхов процитировал отрывок из своего письма к Достоевскому от 18 сентября 1863 г., из которого следовало, что отношение к «Роковому вопросу» за границей было двояким: «Я слышал от приезжих из-за границы, что моя статья служила для тамошних русских патриотов орудием против увлечения польским делом, что на нее указывали как на истинно патриотический взгляд... Это странное известие меня порадовало. Нашлись же понимающие люди!» (*Биография*, стр. 258).

ГОСПОДИН ЩЕДРИН, ИЛИ РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ

(Стр. 102)

Источники текста

НР — Наборная рукопись с авторской правкой. 1864 г. Три фрагмента: 1) 9 листов (наст. том, стр. 102, строка 1 — стр. 111, строка 1). Авторская нумерация листов: 1—9; 2) 2 листа (наст. том, стр. 112,

строка 29 — стр. 114, строка 27). Авторская нумерация листов: 12, 13; 3) 5 листов (наст. том, стр. 116, строка 13 — стр. 120, строка 20). Авторская нумерация листов: 16—20.

Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.3.4/1—3; см.: *Описание*, стр. 53. Публикуется впервые.

Э — 1864, № 5, стр. 274—294.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 5, стр. 274—294, без подписи (ценз. разр. — 7 июля 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 284—315.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями по наборной рукописи (*НР*):

Стр. 112, строка 30: «делали» вместо «сделали».

Стр. 112, строки 41—42: «и он, как» вместо «и, как».

Стр. 113, строка 25: «и явились свои» вместо «и явились и свои».

Стр. 119, строки 12—14: «Желчь, голова в отлучке, мыслей не бывало, — нет, пиши, вертись, как бес перед заутреней, переливай» вместо «желчь гонит, пиши, вертись, как не бывало, — нет, пиши, вертись, как бес перед заутреней, переливая».

Стр. 119, строка 22: «сатирик» вместо «старик».

Статья «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» написана Достоевским в ответ на статью Щедрина «Литературные мелочи», которая появилась в майской книжке «Современника», вышедшей в свет 14 июня 1864 г.

Статья «Литературные мелочи» открывалась размышлениями сатирика о «дряни» и «дрянных людях», вызванными «Записками из подполья» Достоевского (см. об этом ниже, стр. 321), содержала далее прямые сатирические выпады в адрес А. А. Григорьева, М. М. Достоевского и Н. Н. Страхова и завершалась «драматической былью» «Стрижи», в которой под покровом сатирической аллегории были представлены редакция и ближайшие сотрудники журнала «Эпоха».

Свою полемику с журналом Достоевских, прерванную весной 1863 г. (см. выше, стр. 310), Щедрин возобновил в крайне неблагоприятных для него условиях резко обострившихся разногласий между «Современником» и «Русским словом».[1] Эти разногласия, обозначившиеся еще в начале 1862 г., когда М. А. Антонович в «Современнике» и Д. И. Писарев в «Русском слове» выступили с принципиально различными оценками романа Тургенева «Отцы и дети»,[2] еще более четко определились после появления в «Современнике» в августе 1863 г. щедринского цикла «Как кому угодно», где сатирик выразил свое скептическое отношение к утопическому идеалу Чернышевского, считая его изображение в романе «Что делать?» тактически несвоевременным.[3]

В ноябрьской книжке «Современника» за 1863 г. в хронике «Наша общественная жизнь» Щедрин выступил уже с прямой критикой позиций той части молодого поколения (по терминологии сатирика — «детей»), ко-

---

[1] О полемике «Современника» с «Русским словом» и об участии в ней Салтыкова-Щедрина см.: *Борщевский*, стр. 359—390; Е. Покусаев. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, стр. 159—201; Ф. Кузнецов. Журнал «Русское слово». М., 1965, стр. 276—321. См. также соответствующие разделы комментариев к щедринской хронике «Наша общественная жизнь» в издании: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, где на стр. 640—641 дана подробная библиография работ, посвященных этой теме.

[2] См. комментарий А. И. Батюто к роману «Отцы и дети»: *Тургенев, Сочинения*, т. VIII, стр. 590—595.

[3] См.: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 682 (примеч. В. А. Мыслякова).

торая не хочет выйти из своего «замкнутого уютного мира» в реальный «мир грубости и пошлости». Критика была направлена в адрес Д. И. Писарева и его последователей, группировавшихся вокруг журнала «Русское слово».

В январском выпуске хроники «Наша общественная жизнь» Щедрин еще более резко писал об общественном индифферентизме радикальной молодежи, упрекал ее в «понижении тона», утверждал, что так называемые нигилисты, мечтающие об осуществлении утопического идеала, но практически ничего не делающие для его приближения, «суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты» (*С*, 1864, № 1, отд. II, стр. 28). Нарисованная здесь же картина литературного обеда у некоего мецената представляла прозрачную сатирическую аналогию положению редакции «Русского слова», издававшегося гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко. Эта сатирическая сцена в значительной степени повлияла на характер ответных выступлений Д. И. Писарева и В. А. Зайцева в «Русском слове».

В статье Писарева «Цветы невинного юмора», написанной в виде рецензии на «Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы» Щедрина, сатирик был охарактеризован как беспринципный юморист, представитель искусства для искусства. Смех Щедрина, — доказывал Писарев, — «бесплодное проявление чистого искусства, подобное лирическим воздыханиям г-д Фета, Крестовского и Майкова» (*РСл*, 1864, № 2, отд. II, стр. 24).

Неприкрытой грубостью тона отличалась напечатанная в этом же номере «Русского слова» статья Зайцева «Глуповцы, попавшие в „Современник“».

В статьях Писарева и Зайцева варьировались обвинения, предъявленные Щедрину за год перед тем Достоевским. Возможно, главная мысль статьи Писарева была не только повторением мысли Достоевского, первым бросившего Щедрину упрек в служении «чистому искусству» (см. в наст. томе статьи «Молодое перо» и «Опять „Молодое перо“»), но и оформилась под ее влиянием, хотя автор «Цветов невинного юмора» причислял к рангу жрецов «чистого искусства» и «весь легион сотрудников „Времени“» (*РСл*, 1864, № 2, отд. II, стр. 6).

С явной ориентацией на полемику Щедрина с Достоевским в 1863 г. была написана статья Зайцева «Глуповцы, попавшие в „Современник“», в которой пародировались щедринские «Тревоги „Времени“»: «Бедный сатирик! Бедный публицист! — восклицал, обращаясь к Щедрину, Зайцев, — сочувствую вам! И за что это вас обидели, за что заставили вас будировать, между тем как вы всегда были готовы улыбнуться и развеселиться» (там же, отд. III, стр. 35). Зайцев солидаризировался в оценке Щедрина с журналом «Время», который год тому назад «заподозрил искренность его нигилизма» (там же, стр. 38). Упрекая сатирика в бессмысленных юмористических намеках на роман «Что делать?», содержащихся, по его мнению, в хронике «Наша общественная жизнь», Зайцев припоминал Щедрину и его насмешку в «Свистке» над «Записками из Мертвого дома» Достоевского.

После появления в «Современнике» мартовского выпуска хроники «Наша общественная жизнь», где Щедрин, целя в публицистов «Русского слова», писал о «вислоухих» и «юродствующих», которые в своем доведенном до абсурда рвении способны скомпрометировать любую мысль, любое дело, в «Русском слове» против Щедрина выступил Г. Е. Благосветлов. В статье «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника“» Благосветлов с иронией констатировал «изумительное сходство» между суждениями Щедрина о «вислоухих» и «юродствующих» и выпадом Достоевского в «Объявлении о подписке на журнал „Время“ на 1863 год» против «свистунов, свистящих из хлеба», который был исходным моментом в полемике Щедрина с Достоевским (см. об этом в комментарии к статье «Молодое перо» и ниже, примеч. к стр. 113).

Таким образом, Достоевский оказывался очевидно причастным к полемике внутри революционно-демократического лагеря.

В мартовском номере «Эпохи» в «Заметках летописца» Н. Н. Страхов информировал читателей журнала о начавшейся между «Современником» и «Русским словом» полемике, которая обещает быть очень жаркою (*Э*, 1864, № 3, стр. 339). Называя далее начавшуюся полемику «междоусобною битвою», Страхов доказывал читателям, что было бы ошибкой считать ее фактом «весьма немаловажным». «Усобица эта, — писал он, — происходит в той области, которая давно уже отличается полнейшим бесплодием, давно застыла в неподвижные формы и живет одним повторением и пережевыванием давно сказанных речей. Тут невозможно ожидать какого-нибудь оживления; сколько бы ни было шуму и движения в начинающейся перепалке, все это только мнимое и видимое» (там же). Страхов игнорировал принципиальный характер спора между «Современником» и «Русским словом», главная цель его заметки — в пространном цитировании статьи Писарева, замечания которого в определении достоинств и характера юмора Щедрина, по его мнению, «очень метки и остроумны» (там же, стр. 340). Осенью 1864 г. в статье «Литературные кусты», предназначавшейся для октябрьской книжки «Современника», но оставшейся не опубликованной при жизни Щедрина, последний писал об этой заметке Страхова как о причине возобновления своей полемики с журналом Достоевских. «„Эпоха“, — писал здесь Щедрин, — начала свое существование тем, что в 1—2 №№[1] выпустила на счет „Современника“ сплетню; дело шло о каких-то несогласиях, будто бы возникших между „Современником“ и другим журнальцем, который „Эпоха“, по свойственной ей проницательности, считает солидарным с „Современником“; над этими несогласиями „Эпоха“, разумеется, веселенько подсмеивалась. Конечно, вся эта история была выдумана затем единственно, чтобы кормиться ею как можно долее (ибо где никогда не было согласия, там, естественно, не может быть и несогласия); но спрашивается: если б и в самом деле мнимосуществовавшее между двумя литературными органами согласие вдруг превратилось в несогласие, — есть ли тут повод для хихиканья и настоит ли надобность показывать в кармане кукиш? Очевидно, что повода нет и надобности не настоит и что роль третьей стороны в подобном деле заключается единственно в оценке мнений обеих враждующих сторон и в произнесении своего собственного суждения. Однако „Эпоха“ предпочла показать кукиш. На этот кукиш „Современник“ отвечал комедией „Стрижи“» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 507—508).

Это авторское свидетельство нуждается, однако, в существенном дополнении, так как «Заметки летописца» Страхова были не единственным поводом к возобновлению полемики между «Современником» и журналом Достоевских. В 1—2 и 4-м номерах «Эпохи» были напечатаны «Записки из подполья» Достоевского, полемически направленные в адрес Чернышевского как автора романа «Что делать?». В условиях вспыхнувшего внутри революционно-демократического лагеря конфликта, когда «Русское слово» обвиняло «Современник» и лично Салтыкова-Щедрина в измене идеям Чернышевского и Добролюбова, для «Современника» было принципиально важно выступить с отповедью «подпольному парадоксалисту». Это и осуществил Щедрин в статье «Литературные мелочи». В открывавшем ее рассуждении о «дряни» и «дрянных людях» сатирик не только парировал личный выпад против него, содержавшийся в «Записках из подполья» (см. об этом ниже, стр. 329), но и косвенно оценивал главную мысль этого произведения, его героя.

«Записки из подполья» определили сатирический колорит и эзоповские средства завершавшей статью «драматической были» «Стрижи», действие которой происходит в погребе и в которой дан коллективный, но вместе с тем выпукло индивидуализированный аллегорический портрет редакторов и ближайших сотрудников «Эпохи». Ф. М. Достоевский, вы-

---

[1] Щедрин допустил здесь фактическую ошибку, так как «Заметки летописца», о которых идет далее речь, были напечатаны в 3-м номере «Эпохи».

веденный в образе «Стрижа четвертого, беллетриста унылого», выражая мысли Щедрина, сам характеризует «Записки из подполья», названные здесь «Записками о бессмертии души» (*С*, 1864, № 5, отд. II, стр. 24). В сохранившемся отрывке не дошедшей до нас полемической статьи, относящейся, вероятно, к ноябрю—декабрю 1864 г., Щедрин писал по поводу «Стрижей», обращаясь к сотрудникам «Эпохи», именуемым и здесь «стрижами»: «Вы обиделись, стрижи! Охотно вам верю. Вы обиделись, во-первых, тем, что я в кратких словах изобразил всю вашу сущность ‹. .› Вы прикидывались то пеночками, то горихвостками, то скворушками, то.... даже орлами (а ведь орел все-таки птица, а не человек, стрижи!). Но публика видела, что тут что-то не то, что от вас отдает погребом, сыростью, темнотою, ночными похождениями... В эту самую минуту, когда публика была в недоумении, я произнес слово „стрижи“... Чем же я виноват, что оно пришлось как раз в меру? что оно определило не только цвет ваших перьев, но и духовную сущность вашу?» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 520).

Статью «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» Достоевский писал во второй половине июня 1864 г., по-видимому в течение нескольких дней, под непосредственным впечатлением от статьи Щедрина «Литературные мелочи» и в ответ на нее.

Памфлет Достоевского преследовал более широкие цели, нежели только карикатура на Щедрина. Полемика, развернувшаяся в революционно-демократическом лагере, в представлении Достоевского компрометировала самые основы революционно-демократической идеологии, которую он и стремился окарикатурить в своем памфлете, используя для этого не только материалы журнального спора, но и распространившиеся в связи с ним в литературных кругах слухи. В ответ Щедрину, сатирически высмеявшему в «Стрижах» миросозерцание, пропагандируемое «Эпохой», Достоевский окарикатуривает убеждения так называемых нигилистов, создает карикатурный образ самого Щедрина, делая его центральной фигурой своего повествования.

В сохранившейся наборной рукописи статьи, которая, судя по количеству и характеру содержащихся в ней исправлений, возможно, была единственной рукописью этой статьи, глава из романа-карикатуры «Щедродаров» имеет еще более обнаженный памфлетный характер, так как изображенные и упоминаемые в нем лица и журналы, замененные в печатном тексте прозрачными псевдонимами, названы своими настоящими именами: Щедродаров — Щедриным, Правдолюбов — Добролюбовым, Скрибов — Писаревым, Кроличков — Зайцевым, «Своевременный» — «Современником», «Заграничное слово» — «Русским словом».

В процессе работы Достоевский отказался от первоначального замысла сблизить Щедрина с героем «Записок из подполья», вычеркнув в рукописи один из наиболее значимых в этом плане монологов, вложенных в уста сатирика («Он хотел ∾ по книжке»; см. выше «Варианты», стр. 239, а также: *Борщевский*, стр. 112—113). Вместе с тем, работая над рукописью, писатель стремился к нарочитому подчеркиванию в характере Щедрина — Щедродарова таких черт, как неудовлетворенное тщеславие, самохвальство. Он усугублял категоричность и абсурдность суждений изображаемых им нигилистов, язвительность своих авторских характеристик. Так, слов: «А следственно, Пушкин — роскошь и вздор» — первоначально в рукописи не было. За счет эпитетов был усилен иронический смысл сравнения В. С. Курочкина с Гомером (см. выше «Варианты», стр. 239). Вероятно, задетый насмешками «Искры» над его стихами из статьи «Опять „Молодое перо“», Достоевский сам критиковал их и объяснял факт их появления. Эти строки, зафиксированные в рукописи, носят характер самооправдания, что, по-видимому, и побудило Достоевского отказаться от них в окончательном тексте. Большей эмоциональностью, чем в печатном тексте, была отмечена в рукописи оценка статьи Щедрина «Литературные мелочи» с ее «драматической былью» «Стрижи».

Сам Достоевский определил жанр центральной части своей статьи как отрывок из романа-карикатуры и основывался на материалах, которые уже содержали в себе элементы предвзятости, тенденциозности (статья Писарева «Цветы невинного юмора») и карикатуры (статьи «Глуповцы, попавшие в „Современник“» Зайцева и «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника“» Благосветлова). В ответ на уничтожающую сатиру, в корне подрывавшую редактируемый им журнал, Достоевский стремился скомпрометировать ее автора, переводя полемику с ним, как и ранее (см. статьи «Молодое перо» и «Опять „Молодое перо“»), в сугубо личный план. Писатель впадал в очевидные и им самим сознаваемые противоречия, когда вкладывал в уста беспощадно и несправедливо разоблачаемого им критика и хроникера «Современника» положительный отзыв о журнале «Время», настаивал на общности его и своих мыслей, превращая таким образом своего непримиримого оппонента в единомышленника.

Известная противоречивость в мировоззрении Щедрина, критическое осмысление им после крушения революционной ситуации в России революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова, его поиски практических путей к обновлению жизни и наряду с этим его резкая, не свободная от полемических передержек критика как наиболее радикальных последователей идей Чернышевского и Добролюбова, так и их принципиальных противников, — все это и было причиной раздавшихся в адрес сатирика в 1864 г. обвинений в двойственности и неискренности его убеждений, — обвинений, которые Достоевский сделал темой и содержанием своего памфлета.

С ответом на статью Достоевского в «Современнике» выступил Антонович (см. об этом ниже, в примеч. к статье «Необходимое заявление»). Из-за возникших в редакции «Современника» разногласий[1] целый ряд статей Щедрина, относящихся к его полемике с «Русским словом» и «Эпохой», остался ненапечатанным (см.: *Салтыков-Щедрин*, тт. V и VI). В статье «Г-дам „семейству М. М. Достоевского“, издающему журнал „Эпоха“», написанной в конце 1864 г. в форме открытого письма и также оставшейся ненапечатанной, Щедрин подвел итоги своего личного участия в полемике «Современника» с «Временем» и «Эпохой», выразил свое отношение к статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах»: «Я всего два раза в течение моей недолговременной журнальной деятельности, — писал здесь сатирик, обращаясь к издателям и сотрудникам «Эпохи», — имел удовольствие беседовать об вас <...>. Я отнесся к вам в художественной форме; я заставил вас говорить самих за себя — и публика поняла в совершенстве, что в известных случаях эта манера есть единственно возможная. И, заметьте, я ни одним словом не оскорбил ни всех вас в совокупности, ни кого-либо из вас в частности; <...> я просто имел в виду наглядно и безразлично изобразить вашу журнальную сущность, ваше журнальное миросозерцание — и, разумеется, успел в этом как нельзя лучше. <...> вы выпустили на мой личный счет целую эпопею под названием „Щедродаров, или Раскол в нигилистах“... Говорю, положа руку на сердце, упражнение это нимало не оскорбило меня. Прочитавши его, я ощутил только чувство глубочайшего омерзения к перу, излившему зараз такую массу непристойной лжи, и в то же время мне показалось,

[1] Об этих разногласиях, и в частности о своих разногласиях с Салтыковым-Щедриным, в очевидно смягченной форме упоминает сам Антонович в своих «Воспоминаниях» (см.: Шестидесятые годы. Изд. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 202—203). Об Антоновиче как о «заправиле» «Современника» в последние годы его существования пишет и входивший тогда в состав редакции журнала Г. З. Елисеев (там же, стр. 278—279). Об обостренных отношениях Салтыкова с Антоновичем в этот период свидетельствует в своих литературных воспоминаниях и Н. Н. Мазуренко (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1957, стр. 67)

что я наступил на что-то ехидное и гадкое. Столько лжи, клевет и самых недостойных сплетен, пущенных в упор, в виде ответа на оценку, может быть и резкую, но все-таки чисто литературного свойства, — воля ваша, а это уж слишком игриво!» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 524—525). Щедрин писал это уже после появления в печати «Необходимого заявления» Достоевского, в котором последний назвал статью «Господин Щедрин или Раскол в нигилистах» своей. Поэтому в примечании к цитированной выше статье сатирик просил Достоевского извинить его за «резкость», полагая, что он «сам поймет, что статья его не заслуживает и не может заслуживать иного отзыва» (там же, стр. 525).

Отрицательные отзывы на статью Достоевского появились в «Русском инвалиде» (1864, № 175, 8 (20) августа, стр. 3, А. И-н ‹А. С. Суворин›, «Журнальные и библиографические заметки») и в «Искре» (1864, 25 августа, № 32. Х. Цередринов ‹В. П. Буренин›, «Видения редакторов. Ерундиада, или Начало конца»).

По-видимому, сам Достоевский после напечатания своего памфлета испытывал известную неудовлетворенность, которой можно объяснить появление в 7-м номере «Эпохи» за 1864 г. статьи Н. Соловьева «Теория безобразия», где снова. но уже в благожелательном для Щедрина смысле оценивалась статья Писарева «Цветы невинного юмора». «Г-н Писарев, — писал Н. Соловьев, — с особенною резкостию напал на Щедрина, называя его то поклонником чистого искусства, то человеком, пишущим для своего удовольствия. На него, говорит он, опирается симпатия молодежи и потому нужно его уронить. Худо делает г-н Писарев. Щедрина менее всего можно назвать пишущим для своего удовольствия; он был первый писатель, создавший деловую практическую литературу». Автор возмущался далее советом Писарева Щедрину «популяризировать чужие идеи»: «Что за странная замашка уговаривать идти по проложенной дорожке. Переводить, компилировать, извлекать — экая диковинка! Около этого и без того вертится деятельность многих ученых, которые проявляют свою ученость одними переводами. Самостоятельной деятельности, а не пережевывания до тошноты Бокля, Льюиса и Дарвина — вот чего нам нужно» (*Э*, 1864, № 7, стр. 12).

Однако острота конфликта между «Современником» и «Эпохой», ярким проявлением которой была статья Достоевского, не ослабевала и далее, когда оппонентом Достоевского в «Современнике» стал Антонович (см. в наст. томе статьи «Необходимое заявление» и «Чтобы кончить» и примечания к ним).

Стр. 102. *С горечью попрекнуло «Русское слово» «Современник».* — Достоевский имеет здесь в виду прежде всего статью Г. Е. Благосветлова «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника"» (*РСл*, 1864, № 4).

Стр. 102. *...в апрельской книге «Современника» г-н Щедрин очевидно стушевывается.* — В апрельском номере «Современника» были напечатаны четыре рецензии Щедрина (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. V, стр. 436—443). Утверждение Достоевского связано, по-видимому, с тем обстоятельством, что в этом номере «Современника» не появился очередной выпуск хроники «Наша общественная жизнь», с которой Щедрин регулярно выступал в журнале на протяжении 1863 (за исключением летних месяцев)—начала 1864 г. Причины непоявления в журнале написанного сатириком апрельского выпуска хроники неизвестны (см. об этом в примечаниях к ней П. С. Рейфмана и С. А. Макашина в издании: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 665—666).

Стр. 102. *...он соединяется с каким-то посторонним сатириком и едет в Москву издавать там свой собственный сатирический орган...* — Поводом для распространения этого «слуха» было, возможно, намерение Щедрина издать «Альманах», о котором сохранилось единственное свидетельство в письме И. С. Тургенева к П. В. Анненкову от 1 (13) апреля 1864 г. «Перед самым моим отъездом (в середине февраля ст. ст. 1864 г., —

ред.), — писал здесь Тургенев, — Салтыков говорил мне, что он хочет издать „Альманах“ и просил моего сотрудничества; узнайте от него, пожалуйста, не переменил ли он своего намерения?» (*Тургенев. Письма*, т. V, стр. 247). «Предположение» Достоевского о существовании «постороннего сатирика» обыграл в июльском номере «Современника» М. А. Антонович, подписавший свой ответ Достоевскому псевдонимом «Посторонний сатирик» (см. об этом ниже, стр. 333).

Стр. 102. ...*вышел майский № «Современника», и г-н Щедрин опять там...* — В майской книжке «Современника» за 1864 год были напечатаны без подписи статья Щедрина «Литературные мелочи» и его рецензия на комедию Ф. Н. Устрялова «Чужая вина».

Стр. 104. ...*«Греческий человек Трефандос» выглядывает из-за каждой строки, каждая мысль пахнет «фиками»...* См. выше, стр. 106.

Стр. 104. ...*«Русское слово» теперь утверждает, что г-н Щедрин выражает вовсе не убеждения, а испускает «какую-то желтую жидкость».* — Достоевский цитирует упоминаемую выше статью Благосветлова «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника“» (*РСл*, 1864, № 4, отд. II, стр. 68).

Стр. 104. ...*в наш «портфель редакции»...* — Достоевский заключает в кавычки слова, за употребление которых он иронизировал над М. Н. Катковым, приверженным «к парламентским формам выражения» (см. выше статью «Щекотливый вопрос»). В 1-м номере «Современника» за 1864 г. в некрологе А. В. Дружинина о портфеле редакции «Современника» упомянул Некрасов. По этому поводу в «Заметках летописца» в мартовской книжке «Эпохи» Н. Н. Страхов иронически замечал: «Кстати, откуда произошло ложное мнение, господствовавшее несколько времени назад, что будто только у „Русского вестника“ есть *портфель редакции*? Вы видите, он есть и у „Современника“» (*Э*, 1864, № 3, стр. 329).

Стр. 104. *«Страшимся сказать» ∾ «Опыта о новых хлыщах».* — Достоевский пародирует следующие непосредственно предваряющие «Стрижей» строки из статьи Щедрина «Литературные мелочи»: «Страшусь сказать, но думаю, что молодой драматург в своем произведении имел в виду едва ли не „Эпоху“, журнал, в который, по-видимому, перешли все орнитологические тенденции „Времени“. Вот этот драматический опыт» (*С*, 1864, № 5, отд. II, стр. 18). Название «Опыт о новых хлыщах», очевидно, связано с осмыслением Щедриным деятельности радикалов революционной демократии как сектаторства. Так, в январском выпуске хроники «Наша общественная жизнь» сатирик писал о зайцевской хлыстовщине, которая со временем «утвердит вселенную» (*С*, 1864, № 1, отд. II, стр. 26; см. также: *Борщевский*, стр. 360—365). Это полемическое название возникло у Достоевского, вероятно, по аналогии с названиями, приведенными у Щедрина в перечне «Для следующих номеров „Свистка“...» (в 9-м выпуске «Свистка»), которые имели прямое отношение к Достоевскому: «Опыты самораздирания», «Опыты сравнительной этимологии, или „Мертвый дом“ по французским источникам», «Опыты отучения сотрудников от пищи и бесплатного снабжения их одеждою» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. V, стр. 303—304, 623—626).

Стр. 104. *Произошло это назад тому года полтора.* — Щедрин вошел в редакцию «Современника» в начале 1863 г., с возобновлением журнала после восьмимесячной приостановки его издания правительством в июне 1862 г.

Стр. 105. ...*Правдолюбов скончался; остальные не оказались в наличности.* — Речь идет о Н. А. Добролюбове, умершем 17 ноября 1862 г., и Н. Г. Чернышевском, который 7 июля 1862 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Стр. 105. ...*напечатать роман «Что делать?»!* — Роман Чернышевского «Что делать?» печатался в «Современнике» с марта по май 1863 г.

Стр. 105. ...*«когда наступят новые экономические отношения»...* — О новых экономических отношениях много писали в «Современнике» Чернышевский и его последователи. В черновых набросках к «Крокодилу»

Достоевский использует эту стереотипную формулировку в записи, очевидно направленной против Ю. Г. Жуковского. В окончательном тексте «Крокодила» в мечтах Ивана Матвеевича изобрести «новую собственную теорию экономических отношений» содержится намек на Чернышевского (см.: наст. изд., т. V, стр. 194 и 390—392).

Стр. 106. ...*статью г-на Скрибова ∾ в журнале «Заграничное слово».* — Речь идет о статье Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора», которую Достоевский цитирует далее в подстрочном примечании.

Стр. 106. ...*в одной из глуповских сцен...* — Писарев берет свой пример из рассказа Щедрина «Наш дружеский хлам» (1860; «Невинные рассказы»).

Стр. 107. *Город «Пупов» пора бросить.* — Достоевский заменяет щедринский Глупов Пуповым. Советом бросить Глупов, выраженным в категорической форме, заканчивалась статья Писарева «Цветы невинного юмора». Щедрин не внял совету критика: Глупов, занимающий одно из главных мест в сатире Щедрина начала и середины 60-х годов, явился прообразом Глупова «Истории одного города». Об очерках распавшегося глуповского цикла, как вошедших в «Сатиры в прозе», так и запрещенных цензурой, см.: *Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 584—594; т. IV, стр. 547—573.

Стр. 107. ...*вы должны ∾ популяризировать естественные науки, излагая их в виде повестей и рассказов.* — Писарев в статье «Цветы невинного юмора» писал: «...естествознание составляет в настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекает молодежь от этого дела, тот вредит общественному развитию. И потому еще раз скажу г-ну Щедрину: пусть читает, размышляет, переводит, компилирует, и тогда он будет действительно полезным писателем. При его уменьи владеть русским языком и писать живо и весело он может быть очень хорошим популяризатором» (*РСл*, 1864, № 2, отд. II, стр. 42).

Стр. 108. *Век и Век и Лев Камбек, // Лев Камбек и Век и Век...* — см. выше, примеч. к стр. 96.

Стр. 108. ...*о «Гражданской слезе»...* — см. ниже, примеч. к стр. 115.

Стр. 108. ...*яблоко натуральное лучше яблока нарисованного...* — Достоевский приписывает этот тезис эстетике революционеров-демократов на основании высказываний Чернышевского в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). «Прекрасное в природе непреднамеренно; уже по этому одному не может быть оно так хорошо, как прекрасное в искусстве, создаваемое преднамеренно», — излагал Чернышевский мысль своих оппонентов. «Действительно, неодушевленная природа не думает о красоте своих произведений, как дерево не думает о том, чтобы его плоды были вкусны. Но тем не менее надобно признаться, что наше искусство до сих пор не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошных плодах тропических земель», — утверждал он. «Мнение, будто бы рисованный пейзаж может быть величественнее, грациознее или в каком бы то ни было отношении лучше действительной природы, отчасти обязано своим происхождением предрассудку, над которым самодовольно подсмеиваются в наше время даже те, которые, в сущности, еще не отделались от него, — предрассудку, что природа груба, низка, грязна, что надобно очищать и украшать ее для того, чтоб она облагородилась» (*Чернышевский*, т. II, стр. 38, 59).

Стр. 108. ...*яблоко натуральное и яблоко нарисованное, два совершенно разнородные предмета, которые никоим образом нельзя сравнивать ∾ яблоко натуральное едят, но яблоко нарисованное для того именно и нарисовано, чтоб на него смотреть, а не есть.* — В связи с этим рассуждением Антонович, отвечая Достоевскому, писал, что, даже утрировав чужую мысль, «стрижи» не могут ее опровергнуть. «...Отчего же нельзя сравнивать яблока натурального с нарисованным? — спрашивал Антонович. — <...>и на тот и на другой я могу *смотреть* и притом с одинаковою целью, и тот и другой имеют одинаковое назначение — произвести

на меня чрез посредство зрения известное впечатление <...> это только вы не можете понять, как можно сравнивать яблоко нарисованное с натуральным, а для всех это понятно, и сравнивание их не есть нелепость, как вы думаете, а серьезный вопрос, уже давно занимающий эстетиков...» (*С*, 1864, № 7, отд. II, стр. 145). Достоевский не был удовлетворен ответом Антоновича и в «Необходимом заявлении» писал, что «Современник» «выказал в своем возражении всю бедность своего понимания этого вопроса» (см. выше, стр. 125).

Стр. 109. *...сапоги во всяком случае лучше Пушкина...* — Это высказывание Достоевского, часто приписываемое Писареву, не имеет прямых аналогий в статьях последнего.

Стр. 109. *...просвещенный Курочкин...* — Поэт Василий Степанович Курочкин (1831—1875), бессменный редактор и издатель «Искры» (1859—1873), которую до 1865 г. он издавал и редактировал совместно с Н. А. Степановым.

Стр. 109. *Островского можно печатать единственно потому, что он обличил московских купцов; другого же достоинства в нем нет ни малейшего...* — Достоевский, по-видимому, основывается здесь на статье Писарева «Мотивы русской драмы» (*РСл*, 1864, № 3), в которой критик пересматривал оценку образа Катерины из «Грозы» Островского Добролюбовым, утверждая, что статья последнего «Луч света в темном царстве» была ошибочной. Писарев отказывал Островскому в возможности изображать сильные протестующие характеры. Снижение образа Катерины сопровождалось в статье Писарева резкими высказываниями по адресу других пьес Островского. Критик писал, в частности, что он не видит, «чем „Козьма Минин" отличается от драмы Кукольника „Рука всевышнего отечество спасла"» (*РСл*, 1864, № 3, отд. II, стр. 37).

Стр. 109. *...можно еще напечатать «Минина», но единственно в подписные месяцы.* — Драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» была напечатана в январском номере «Современника» за 1862 г.

Стр. 109. *...вздумалось похвалить его Бюхнеру, в «Stoff und Kraft»...* — Л. Бюхнер поставил эпиграфом к главе «Бессмертие материи» своей книги «Kraft und Stoff» («Сила и материя») слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (д. V, сцена I):

Кто поселял в народах страх,
Пред кем дышать едва лишь смели,
Великий цезарь — ныне прах,
И им замазывают щели!

(Перевод А. И. Кронеберга)

«Этими глубоко прочувствованными словами, — писал Бюхнер по поводу своего эпиграфа, — великий британец уже 300 лет назад очертил истину, которая, несмотря на свою ясность и простоту, несмотря на свою неоспоримость, до сих пор ни одним ученым естествоиспытателем не была доведена до общедоступного значения» (Louis Büchner. Kraft und Stoff. Frankfurt a. Main, 1856, S. 9).

Стр. 109. *Вам укажут пять «умных книжек», которые вы непременно должны прочесть, чтоб нам уподобиться.* — Для этой пародийной сентенции Достоевского, возможно, исходными были следующие строки из статьи Писарева «Цветы невинного юмора»: «Если б г-н Щедрин не был блестящим беллетристом и если бы вследствие этого он был принужден побольше читать и размышлять, тогда он не питал бы вышеозначенного убеждения и понимал бы некоторые вещи, которых он теперь не понимает и которые поэтому постараюсь ему объяснить» (*РСл*, 1864, № 2, отд. II, стр. 38). Кроме того, герой зайцевского романса-памфлета «Ты пойми, пойми, мой милый друг!» Яша Злючкин, в образе которого окарикатурен

Щедрин, представлен либеральничающим по книжке (*РСл*, 1864, № 4, отд. III, стр. 72—74).

Стр. 109 ...*для счастия всего человечества* ∾ *важнее всего должно быть — брюхо...* Этот сатирический вывод Достоевского основан на выступлениях в печати радикальных представителей революционной демократии, и в первую очередь Писарева и Зайцева. Так, в «Очерках из истории труда» Писарев утверждал: «... мы с полным основанием можем сказать, что человек захватывает приготовленный запас пищи вследствие размышления. Конечно, размышление это в высшей степени просто, потому что, как мы уже видели, все животные размышляют точно так же. Но именно по своей простоте это размышление, доступное всем людям без исключения, оказывало и до сих пор оказывает на судьбу нашей породы такое могущественное влияние, каким не пользуются ни чистейшие нравственные истины, ни величайшие научные открытия. Из этого размышления развилось всё, что составляет красоту и гордость нашей цивилизации, и всё, что составляет ее позор и страдальческий крест» (*РСл*, 1863, № 11, отд. I, стр. 55—56). В прямой зависимости от насущных материальных нужд народа Писарев рассматривал вопросы этики и эстетики. «Нравственность того или другого общества, — писал он ниже, — зависит исключительно от того, насколько члены этого общества сознательно понимают свои собственные выгоды» (там же, стр. 61). В статье «Цветы невинного юмора» отчетливо проявились нигилистические тенденции критика в отношении искусства. Аналогичные идеи, но в еще более утрированной форме проводил в своих статьях Зайцев, который, например, в рецензии на книгу Я. Молешотта «Учение о пище», писал: «Судить, понимать, наслаждаться, положим, эстетическими творениями, человек может только тогда, когда организм его находится в условиях, благоприятных для этого. Заболели у человека зубы — и он не только не станет восторгаться г-ном Фетом, хотя бы был самим г-ном Анненковым или самим г-ном Дудышкиным, а со злобой швырнет неповинные песнопения фетовской музы в угол. Человек не ел долго или слишком наелся — и ему не под силу рассуждать о важных материях». И далее: «По-видимому, в наше время должно казаться странным приводить доказательства в пользу того, что те или другие особенности, свойства и проявления деятельности того, что называется духом, зависят от принимаемой пищи» (*РСл*, 1863, № 8, отд. II, стр. 50, 51). Самый термин «брюхо» Достоевским был употреблен уже после Зайцева, в памфлете которого «Ты пойми, пойми, мой милый друг!» герой диалогизирует со своими «мозгами» и «брюхом». Однако Зайцев в рецензии на «Стихотворения» Некрасова, по-видимому, в непосредственной связи со статьей Достоевского счел необходимым «предупредить всякую возможность замечаний, крайне пошлых и нелепых, но возможных со стороны людей, повторяющих по сту раз в год и всякий раз с одинаковым удовольствием, как нечто необычно остроумное, что для нигилистов важнее всего брюхо» (*РСл*, 1864, № 10, отд. II, стр. 79).

Стр. 110. *Муравьи* ∾ *умели изобрести муравейник, то есть самый высочайший идеал социального устройства...* — Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), полемизируя с утопическими представлениями социалистов о возможности достичь идеального общественного устройства на основе расчета и взаимной выгоды, Достоевский с удовлетворением констатировал: «... далеко еще человеку до муравейника!» (см.: наст. изд., т. V, стр. 81 и 371). Еще более резко на эту же тему рассуждает герой «Записок из подполья» (там же, стр. 117—119; см. также: *Борщевский*, стр. 69).

Стр. 111. ...*«стряпчий городничему живот укусил».* — Об этом эпизоде упоминает чиновник в рассказе Щедрина «Приезд ревизора» (1857; «Невинные рассказы» — *Салтыков-Щедрин*, т. III, стр. 30).

Стр. 112—113. ...*статьи о мальчишках и об засиживателях новых идей...* — Т. е. статьи хроники «Наша общественная жизнь», напечатанные в ноябрьском (1863 г.), январском и мартовском (1864 г.) номерах «Современника» (см. выше, стр. 301, 307, 310, 319).

Стр. 113. *С яростию восстали Скрибов и Кроличков...* — Речь идет о статьях «Цветы невинного юмора» Писарева и «Глуповцы, попавшие в „Современник"» Зайцева (см. выше, стр. 320).

Стр. 113. ...*«Заграничное слово» прямо говорит, что вы это взяли из «Времени»...* — О сходстве приведенных Достоевским цитат из «Объявления о подписке на журнал „Время" на 1863 год» и мартовской хроники «Наша общественная жизнь» Щедрина писал Благосветлов в статье «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника"» (см.: *РСл*, 1864, № 4, отд. II, стр. 71).

Стр. 115. *Позади бесцветная // Дней былых равнина, // Спят в ней безответные // Слезы гражданина...* — Достоевский цитирует напечатанное в февральской книжке «Современника» за 1864 г. стихотворение И. И. Гольц-Миллера, начинающееся словами: «В сердце грусть тяжелая...». Писатель, по-видимому, намеренно заменяет в последней строке процитированного четверостишия слово «грезы» словом «слезы», высмеивая приверженность к последним в современной ему демократической поэзии (см. также ниже, примеч. к стр. 171).

Стр. 116. ...*прочтите мой талантливый февральский фельетон в «Своевременном»...* — Т. е. статью хроники «Наша общественная жизнь», напечатанную в февральской книжке «Современника» за 1864 г., где Щедрин писал о тяжелом положении народа в пореформенной России. В этой статье содержались сатирические выпады против запрещенного правительством «Времени» и идеологии почвенников.

Стр. 116. ...*я сделал «новое экономическое отношение»...* — Достоевский в утрированном виде пересказывает далее следующие окрашенные горькой иронией строки, которыми Щедрин резюмировал свой подробный анализ полной лишений жизни русского мужика: «И потому, о москвич! ты, который с Плющихи или из-под Новинского поспешаешь на кабалистико-чревовещательный вечер на Спиридоновку или на юридическо-сиккофантское утро на Страстной бульвар, вспомни всё изображенное выше и не торгуйся с ванькой, запрашивающим с тебя четвертак, не вынуждай его ехать с тобою за пятиалтынный, но действуй щедрой рукой и даже прибавляй пятачок на водку!» (*С*, 1864, № 2, отд. II, стр. 218).

Стр. 117. ...*«страшимся сказать»...* — Как и в начале статьи, Достоевский пользуется здесь сатирической гиперболой Щедрина (см. выше, примеч. к стр. 104).

Стр. 118. ...*мы тогда же уличили г-на Щедрина в «сознательной неправде»*. — См. выше, примеч. к стр. 90.

Стр. 118. ...*намекается, что мы, начав издание «Эпохи», будто бы изменили в некотором пункте свои убеждения.* — В статье «Литературные мелочи» Щедрин писал, имея в виду редакторов и сотрудников «Эпохи»: «„Не роди ты меня, мать — сыра земля", — умиленно-унылыми голосами вопиют все эти бескорыстные труженики, и в то же время присматривают, как бы им так приноровиться, чтобы всех прельстить смиренством да „тихим, кротким поведением"». И далее: «Что хотят совершить эти ужасные люди? намереваются ли они превзойти „Русский вестник" или же, подобно Купидоше (см. комедию Островского «В чужом пиру похмелье»), замышляют только „удивить мир коварством!.."» (*С*, 1864, № 5, отд. II, стр. 17, 18).

Стр. 119. *Ну, скажите, в чем тут идея...* — Достоевскому, который в «Записках из подполья» сделал выпад в адрес Щедрина, как поклонника «гадчайшей, бесспорной дряни», был, вероятно, понятен полемический смысл рассуждений сатирика о «дряни» и «дрянных людях», содержавших косвенную оценку повести Достоевского и ее героя.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

(Стр. 121)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 6, стр. I—VI, с подписью: Федор Достоевский (ценз. разр. — 20 августа 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXII, стр. 210—216.

Печатается по тексту первой публикации с исправлением опечатки: «июля» вместо «июня» (М. М. Достоевский умер 10 июля 1864 г. — см. сообщение об его смерти: «Русский инвалид», 1864, 12 июля, № 155).

Ф. М. Достоевского со старшим братом, с которым он вместе воспитывался, а в период учения в Инженерном училище, когда Михаил Михайлович жил в Ревеле, где служил в кондукторской роте, состоял в постоянной переписке, объединяла общность литературных и общественных интересов. После возвращения осенью 1847 г. М. М. Достоевского в Петербург, где он выступает как переводчик, беллетрист и критик, личные и творческие контакты между братьями укрепляются. Познакомившись через Федора Михайловича с петрашевцами, Михаил Михайлович на время разделяет его увлечение идеями утопического социализма. О степени душевного родства писателя в эту пору с любимым братом свидетельствуют его показания во время следствия. На вопрос комиссии, с кем он чаще встречался и был наиболее тесно связан, Ф. М. Достоевский ответил: «*Совершенно откровенных* сношений не имел ни с кем, кроме как с братом моим, отставным инженер-подпоручиком Михайлою Достоевским» (наст. изд., т. XVIII, стр. 136). О том же говорит и письмо, отправленное Федором Михайловичем брату 22 декабря 1849 г. — в день разыгранного ритуала смертной казни, ее отмены и оглашения нового приговора. Рассказывая брату о пережитом, он писал: «. . .в последнюю минуту ты, только один ты был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!». В свою очередь, и М. М. Достоевский был так же предан Федору Михайловичу. Он поддерживал последнего духовно и материально во время каторги и службы в Сибирском линейном батальоне, а затем — по переселению его в Тверь и в Петербург. Основанные М. М. Достоевским журналы «Время» и «Эпоха», ведение организационно-финансовых дел и обязанности редактора-издателя которых он взял на себя, стали для вернувшегося Ф. М. Достоевского журнальной трибуной. До конца своих дней Федор Михайлович сохранил о Михаиле Михайловиче память как о любимом и близком человеке, сыгравшем большую роль в его жизни. Объясняя, почему он после смерти брата счел своим долгом взять на себя расчеты с его кредиторами (после закрытия «Эпохи» и ликвидации табачной фабрики) и заботы об его семье, Ф. М. Достоевский писал А. Н. Майкову 21 марта (2 апреля) 1868 г.: «А ведь Вы не знаете, чем всю жизнь с первого моего сознания был для меня этот человек! Нет, Вы этого не знаете!» (см. также: *Достоевский, А. М.*, стр. 43 и *Достоевская, А. Г.*, *Воспоминания*, стр. 89).

Кроме публикуемого некролога, характеристике М. М. Достоевского как человека и редактора, его взаимоотношений с сотрудниками журналов, и в частности с самим Ф. М. Достоевским, посвящены также «Примечание к статье Н. Страхова „Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве“» (см. выше, стр. 133) и реплика «За умершего», включенная в апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 121. *Мысль об издании журнала ∾ давно.* — Об истории «Времени» и «Эпохи» см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 203—212, 229—235, а также выше, стр. 250—258.

С т р. 121. *Когда-то, в молодости своей, он был ∾ фурьеристом.* — М. М. Достоевский заинтересовался учением Фурье в кружке С. Ф. Дурова и А. И. Пальма, куда он был введен Ф. М. Достоевским в конце 1847 г. Но, как известно из документов «дела петрашевцев» и мемуаров современников, он был настроен очень умеренно. По воспоминаниям С. Д. Яновского, когда Федор Михайлович, сблизившись с наиболее революционным членом кружка Н. А. Спешневым, рекомендовал брату почитать Луи Блана, тот отвечал: «Я, кроме Фурье, никого и ничего не хочу знать, да правду сказать, и его-то, кажется, скоро брошу; всё это не для нас писано» (*РВ*, 1885, кн. 3—4, стр. 817). М. М. Достоевский вместе с А. И. Пальмом высказались против изменения мирных позиций кружка и перехода его к активному действию. Вследствие этого, а также благодаря горячей защите его Ф. М. Достоевским в его следственных показаниях по делу петрашевцев Михаил Михайлович был через два месяца после ареста освобожден и даже, как невинно пострадавший и обремененный большой семьею, получил «негласное пособие двести рублей серебром» (см.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 254—265).

С т р. 121. *Процесс обращения от беспочвенного, отвлеченного верования к чисто русскому общению ∾ произошел в нем органически...* — Мнение о том, что М. М. Достоевский самостоятельно, «органически» пришел к почвенническим убеждениям, которые потом стали главным стимулом его совместной с Ф. М. Достоевским журнальной деятельности, подтверждает опубликованная им в журнале «Светоч» статья о «Грозе» Островского (1860, № 3). Она свидетельствует о том, что «ряд идей „почвенничества“ был впервые сформулирован в печати М. М. Достоевским, хотя бы и при участии брата. Это делает вероятным, что М. М. Достоевскому принадлежала большая, чем это было принято думать до сих пор, роль в выработке идеологической платформы журналов братьев Достоевских» (*Фридлендер, У истоков «почвенничества»*, стр. 406—410; см. также: *Нечаева, «Время»*, стр. 28—29).

С т р. 122. *Он был человек ∾ страстно любивший поэзию и сам поэт.* — В юности М. М. Достоевский зачитывался Жуковским, Шиллером, Гете, немецкими романтиками и сам писал стихи, подражая любимым поэтам. «Твои лирические стихотворенья были прелестны: „Прогулка“, „Утро“, „Виденье матери“, „Роза“ (кажется, так), „Фебовы кони“ и много других прелестны. Какая живая повесть о тебе, милый! И как близко она сказалась мне», — откликался на его лирику Ф. М. Достоевский в письме от 1 января 1840 г. См. также: А. З. Писцова. Ревельский период жизни и деятельности М. М. Достоевского. — Научные труды Ташкентского университета, 1974, вып. 474, стр. 55—74 (По страницам русской и зарубежной литературы).

С т р. 123. *Он написал несколько повестей и рассказов ∾ в одном небольшом рассказе, помещенном в «Отечественных записках» в 48 году.* — В «Отечественных записках» в 1848 г. были опубликованы повести М. М. Достоевского «Дочка», «Господин Светелкин» и рассказ «Воробей»; в 1849 г. — «Два старичка. Из воспоминаний праздного человека»; в 1850 г. — повесть «Пятьдесят лет»; в 1851 г. — комедия «Старшая и меньшая»; в журнале «Пантеон» в 1852 г. напечатан эпизод из романа «Деньги» — «Брат и сестра» (ср.: Собрание сочинений М. М. Достоевского в 2-х томах, вышедшее в 1915 г. в издательстве «Пантеон литературы»; в качестве введения к 1-му тому здесь перепечатан и данный некролог). Беллетристика М. М. Достоевского, посвященная в основном изображению быта городской бедноты, переживаний «маленького человека», продолжает традиции «натуральной школы». В лучших его произведениях, таких, например, как рассказ «Воробей», явно ощутимо влияние «Петербургских повестей» Гоголя и «Бедных людей» Ф. М. Достоевского. Однако до значительных художественных обобщений он в своем творчестве не поднялся и, осознав это, по-видимому сам, от продолжения его отказался.

См. о прозе М. М. Достоевского в кн.: В. С. Нечаева. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., «Наука», 1979, стр. 245—269.

Стр. 123. *Несколько более ценил он свои переводы из Шиллера и Гете ∾ вторым изданием.* — М. М. Достоевскому принадлежат переводы поэмы Гете «Рейнеке-Лис» (*ОЗ*, 1848), драм Шиллера «Дон Карлос» (*БдЧт*, 1848) и «Разбойники» (в кн.: Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей, изд. под ред. Н. В. Гербеля, ч. 3. СПб., 1857), его трактата «Наивная и сентиментальная поэзия» (*ОЗ*, 1850), стихотворения «Боги Греции» («Светоч», 1860), повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти» («Светоч», 1860). Переводы Шиллера получили высокую оценку современников (Н. А. Добролюбова, А. В. Дружинина, М. Л. Михайлова). Перевод «Рейнеке-Лиса» Гете до сих пор не утратил значения классического образца (см.: В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., Гослитиздат, 1937, стр. 477).

Стр. 123. *...несколько статей его, в отделении критики.* — Наиболее ярко представляют М. М. Достоевского-критика его статьи «О новейших русских писателях» («Пантеон», 1848), «Жуковский и романтизм» («Пантеон», 1852) и «„Гроза“ А. Н. Островского» («Светоч», 1860). Во «Времени» была опубликована рецензия М. М. Достоевского на «Стихотворения» А. Н. Плещеева (1861).

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

(Стр. 125)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф начала статьи (см. наст. том, стр. 125, строка 18 — стр. 125, строка 33). 2 листа. 1864 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1. 3.5; см.: *Описание*, стр. 100. Публикуется впервые.

К — Корректура в гранках с авторской правкой. 2 полосы. 1864 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29501. CCXб. 21; см.: *Описание*, стр. 100. Публикуется впервые.

НК — Неправленная корректура в гранках, отпечатанная с предыдущей (*К*). 2 полосы. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100. № 29501. CCXб.21; см.: *Описание*, стр. 100. Публикуется впервые.

Э — 1864, № 7, отд. IX, стр. 1—4.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 7, отд. IX, стр. 1—4, с подписью: Федор Достоевский (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 358—362.

Печатается по тексту первой публикации.

«Необходимое заявление» было вызвано опубликованием в июльском номере «Современника» статей «Торжество ерундистов» и «Стрижам», которыми М. А. Антонович ответил на памфлет Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». Июльская книжка «Современника» вышла в свет 21 августа 1864 г. Но Достоевский к работе над «Необходимым заявлением» приступил только в начале сентября. 1 сентября в записной тетради им была сделана запись: «Собрать завтра утром материалы для статьи: ответ „Совр‹еменни›ку“» (см. выше, стр. 179). Датами этой записи и цензурного разрешения июльского номера «Эпохи» и определяется время написания статьи — первая половина сентября 1864 г.

В «Необходимом заявлении» Достоевский выступил с решительным отказом продолжать полемику с «Современником» на том уровне мелочной уничижительной брани, к которому она сводилась в статьях Антоновича.

Статья «Торжество ерундистов» появилась в «Современнике» без подписи, «Стрижам» — под псевдонимом «Посторонний сатирик» и с подзаголовком: «Послание обер-стрижу, господину Достоевскому». Антонович раскрыл инкогнито Достоевского, прямо заявив во второй статье, что памфлет «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» «нацарапал сам обер-стриж, господин Достоевский Феодор», и свое возмущение этим памфлетом выражал в личных оскорблениях, направленных в адрес его автора и других сотрудников «Эпохи». Критик «Современника» пытался мистифицировать Достоевского, утверждая, что «драматическая быль» «Стрижи» была написана не Щедриным, а им, «Посторонним сатириком». По-видимому, в этих же целях Антонович предпослал статье «Торжество ерундистов» заголовок, совпадающий с названием статьи Щедрина, которую завершали «Стрижи», — «Литературные мелочи», а статью «Стрижам» начал щедринской страницей, взятой им из написанного, но не появившегося в «Современнике» из-за внутриредакционных разногласий ответа Щедрина Достоевскому (см. об этом выше, стр. 323).

Однако Достоевский, как об этом свидетельствуют его записные тетради, не поддался мистификации, хорошо ощущая различие в полемических приемах Щедрина и Антоновича (см. выше, стр. 197).

«Необходимое заявление» Достоевского было своего рода апелляцией к общественному мнению, которая первоначально имела более эмоциональный и откровенный характер (см. варианты, стр. 244). Писатель, очевидно, не умалял и своей собственной роли в том заострении и подчеркнутом огрублении полемических приемов, которые продемонстрировал в своих статьях Антонович. Поэтому в «Необходимом заявлении» он стремился к сдержанности и лаконизму.

В августовском номере «Современника», появившемся ранее выхода в свет июльской книжки «Эпохи» с «Необходимым заявлением» Достоевского, Антонович в «Вопросе, обращенном к стрижам» пояснял свою полемическую тактику. «„Современник", — писал он здесь, — принял за правило руководствоваться в полемике известною в уголовном праве системою возмездия — око за око, зуб за зуб, то есть наказывать всякую литературную ракалию тем же оружием, которым она сама согрешает. Доказывать какой-нибудь ракалии, что ее приемы не хороши, не деликатны, — дело трудное, доказательствами ее не проймешь; а гораздо лучше каждую ракалию заставить на ее же собственной спине почувствовать прелесть ее полемических приемов, может быть и опомнится и на будущее время исправится» (*С*, 1864, № 8, отд. II, стр. 340).

На «Необходимое заявление» Достоевского и на помещенную в том же номере «Эпохи» анонимную заметку Страхова «Мрак неизвестности» («Заметки летописца»), также вызванную указанными выше статьями Антоновича, последний отвечал в сентябрьской книжке «Современника» пятью статьями, объединенными заглавием «Литературные мелочи» (см. ниже, примеч. к стр. 129). В первой из них — «Стрижи в западне», сопоставляя выдержки из своих статей с цитатами из статей Достоевского против Щедрина, Антонович демонстрировал сходство полемических приемов. Свои излишества по сравнению с Достоевским Антонович объяснял и оправдывал тем, «что всякий долг необходимо возвращать с процентами» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 97). После этой статьи Достоевский окончательно отказался вести полемику с Антоновичем (см. выше статью «Чтобы кончить»). Полемика «Современника» с «Эпохой», длившаяся вплоть до прекращения «Эпохи» на февральском номере 1865 г., стала полемикой Антоновича со Страховым.

Летом и осенью 1864 г., после напечатания статьи Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» и ответных на нее выступлений Антоновича, в газетах и журналах появился ряд неодобрительных отзывов, квалифицировавших полемику «Современника» с «Эпохой» как неприличную брань.

Однако все эти отзывы касались лишь внешнего характера ведения спора, игнорировали его принципиальную основу. См.: *ОЗ*, 1864, № 9,

стр. 508—510; «Современная летопись», 1864, № 33, стр. 13—15; *РИ*, 1864, 8 августа, 5 и 17 сентября, 5 октября, №№ 175, 197, 257 и 275.

Стр. 125. ...*«Цель оправдывает средства» — правило старинное* ∾ *западническое*... — В ответ на это в статье «Стрижи в западне» Антонович писал: «Действительно, примечание редакции к моему „Посланию" неловко, и редакция даже не хотела печатать его, так же как и всё послание; но я напомнил ей, как теперь напоминаю всем читателям, те многочисленные, мизерные, но задорные статейки, которые некогда печатались в журнале стрижей под названием „Писем с Васильевского острова", о „повсеместном распространении невежества в литературе" и т. д.; к этим статейкам редакция стрижей всегда прибавляла свои примечания, в которых она говорила, что хотя она и не одобряет статеек, однако печатает их для хороших целей, для „оживления литературы", для ознакомления публики с оригинальными воззрениями статеек и т. д. <...> По образцу этих-то примечаний и для пародии их и составлено примечание к моему „Посланию"...» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 86).

Стр. 125. ...*знаменитый пункт — «о яблоке натуральном и яблоке нарисованном»*... — См. выше примеч. к стр. 108.

Стр. 126. *Значит, он был знаком со мною, коли разговаривал со мной*... — «...Я, — отвечал Достоевскому Антонович, — <...> не знаю ни вас, ни вашей болезни, ни вашего лечения, не имею чести быть знакомым с вами и не имел даже никогда удовольствия говорить с вами...» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 105).

Стр. 126. ...*как и когда получил я болезнь*... — Писатель связывал происхождение и развитие своей болезни с годами, проведенными им на каторге, что, однако, противоречит свидетельству лечившего его врача С. Д. Яновского, который утверждал, что Достоевский «страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского, а следовательно, и до ссылки в Сибирь» (*НВр*, 1881, 24 февраля, № 1793; см. также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. 1, стр. 153—154).

Стр. 126. *Выражение «дуракова плешь»* ∾ *в «Современнике»*. — В хронике «Наша общественная жизнь» Щедрин в характерной для него манере эзоповского иносказания оценивал правительственные реформы 60-х годов, иронизируя по поводу «того неторопливого поступания к идеалу, которым прониклась современная русская жизнь». Сатирик писал в связи с этим, что его читатель-«провинциал» «не всегда может объяснить себе, почему мы стремимся именно *к* идеалу, а не *от* идеала. Иногда ему кажется, что было бы гораздо легче бежать под гору, нежели взбираться, бог весть с какими усилиями, на крутизну, которая, в довершение всего, носит название „Дураковой плеши". Мое дело растолковать ему, что́ и ка́к. Мое дело сказать ему: любезный провинциал! если ты побежишь под гору, то уткнешься в „Дураково болото", тогда как если взберешься на крутизну, то, напротив того, уткнешься в „Дуракову плешь"! Пойми» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 358). Этим выводом Щедрина оскорбился И. Г. Долгомостьев, который в статье «Сказание о „Дураковой плеши"» писал: «„Современник" втихомолку считал нас с вами, читатель, за совершенных пешек, а в первой книжке даже и положительно высказал, что мы с вами (то есть люди, сочувствующие и «по силе-мочи» содействующие прогрессу только не по мыслям и по инициативе «Современника», а вследствие внутреннего непреоборимого побуждения) не кто иные, как люди из „Дуракова болота лезущие на Дуракову плешь"» (*Вр*, 1863, № 3, отд. II, стр. 99—100). В этой статье, полемически направленной против напечатанных в «Современнике» (1863, № 1—2) статей А. А. Слепцова «Педагогические беседы» и А. Н. Пыпина «Наши толки о народном воспитании», Долгомостьев делал вывод о пребывании «Современника» на «Дураковой плеши». Иронизируя над упрощенным, с его точки зрения, подходом авторов «Современника» к проблемам воспитания, Долгомостьев заключал свою статью: «Где ж нам в болоте порешить так скоро и так мудро такие пустые

вопросы! Наше дело слушать и удивляться тому, что изрекут господа — с Дураковой плеши...» (*Вр*, 1863, № 3, отд. II, стр. 127).

Стр. 126. *В журнальном споре нашем он никогда, ничем* ∾ *не участвовал!* — Антонович, возражая Достоевскому, писал: «...доктор участвовал и упоминался в наших спорах» — и в доказательство приводил слова из статьи Достоевского «Опять „Молодое перо“»: «...статья ваша точно доктором вам прописана, по рецепту». Принимая обращенную к Щедрину статью Достоевского на свой счет, Антонович писал по поводу процитированного: «...вы указанною фразою оскорбили меня и моего доктора ничуть не менее, чем я оскорбил вас и вашего доктора моею фразою» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 103).

Стр. 126. *Тут именно разумеется мой доктор...* — На это Антонович отвечал: «...успокойтесь, г-н Достоевский, прекратите ваши изумления и успокойте вашего доктора; я не имел ни малейшего намерения ругать его, я вовсе не знаю его <...> он обруган не как личность, врачующая вас, а просто как слово „доктор“, как фраза, выдуманная вами в виде остроты над моею статьею, — собственно, обругана ваша статья, а не доктор» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 105).

Стр. 128. ...*«если и теща есть, так чтоб и теще!»* — Слова слесарши Пошлепкиной из комедии Гоголя «Ревизор» (д. IV, явл. XI).

ЧТОБЫ КОНЧИТЬ
ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С «СОВРЕМЕННИКОМ»

(Стр. 129)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 9, отд. X, стр. 1—6, без подписи (ценз. разр. — 22 ноября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 346—350. Принадлежность статьи Достоевскому удостоверяется также списком Н. Н. Страхова (см.: наст. изд., том XVIII, стр. 209).

Печатается по тексту первой публикации.

«Последнее объяснение с „Современником“» стало действительно последним в ряду полемических выступлений писателя, начатом статьей «Молодое перо» и продолженном статьями «Опять „Молодое перо“», «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», «Необходимое заявление».

Стр 129. ...*заявление, самое необходимое...* — См. выше, стр. 125—128.

Стр. 129. ...*вы отвечаете полемикой ровно в сорок восемь страниц!* — Антонович ответил на «Необходимое заявление» Достоевского и заметку Страхова «Мрак неизвестности (Заметки летописца)» пятью статьями, объединенными названием «Литературные мелочи» и подписью «Посторонний сатирик»: «Стрижи в западне», «Проект», «К какой литературе принадлежат стрижи — к петербургской или к московской?», «Уловки стрижей», «Увлечения стрижей» (*С*, 1864, № 9, отд. II, стр. 77—122).

Стр. 130. *Антонович* ∾ *разрушил г-на Тургенева.* — Достоевский имеет в виду резко отрицательную статью Антоновича об «Отцах и детях» Тургенева — «Асмодей нашего времени», появившуюся в мартовской книжке «Современника» за 1862 г. Упоминанием Антоновича Достоевский, очевидно, давал понять ему и читателям, что инкогнито, скрытое псевдонимом «Посторонний сатирик», — для него не тайна.

Стр. 130. ...*совсем, что ли, глупою считаете вы публику?* ∾ *слово «доктор»?* — См. выше, примеч. к стр. 126.

Стр. 130. ...*повесть* ∾ *«о разбитой чашке и о кулаках в стену»...* — См. выше статью «Опять „Молодое перо“», стр. 86.

Стр. 130. ...*нашего прошлогоднего оппонента*... — Т. е. Салтыкова-Щедрина. См. выше статьи «Молодое перо» и «Опять „Молодое перо"» (стр. 78—96).

Стр. 130—131. ...*слухи* ∾ *что г-н Щедрин уезжает в Москву*... — См. выше статью «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», стр. 102.

Стр. 131. *«Мáстеры» вы, а не «Мистеры»!* — Т. е. «молодые люди»: слово «мастер» (master) употребляется в английском языке в значении, близком к значению слова «мистер» (mister) — господин, при обращении к юноше.

Стр. 132. ...*прочтите объяснение этого места у г-на Буслаева.* — В приведенной Достоевским выше цитате из «Слова о полку Игореве» Ф. И. Буслаев указывал на слово *Стрибожи* как на мифологический архаизм, заимствованный автором «Слова» «из старых словес» (см.: Ф. Буслаев. Русская народная поэзия, т. I. СПб., 1861, стр. 382).

Стр. 132. ...*Кювье говорит о них*... — Далее цитируется труд: Ch-er Cuvier. Le Règne animal, distribué d'après son organisation, t. I. Paris, 1817, p. 373.

Стр. 132. *Жди ясного на завтра дня: // Стрижи мелькают и звенят.* — Начальные строки стихотворения А. А. Фета (1854). В ответ на цитацию Достоевского Щедрин в оставшейся ненапечатанной тогда и дошедшей до нас в отрывке статье цитировал Пушкина: «Конечно, презирать не трудно // Отдельно каждого глупца» и т. д. (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 518).

Стр. 132. ...*«посылать шиши в беспредельное пространство и считать их разрушительными гранатами»*... — Достоевский неточно цитирует статью Е. Ф. Зарина (Incognito) «Начало конца. Очерк с претензией, вызванный расколом в нигилизме» (*ОЗ*, 1864, № 6, отд. I, стр. 806).

ПРИМЕЧАНИЕ ‹К СТАТЬЕ Н. СТРАХОВА «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АПОЛЛОНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ГРИГОРЬЕВЕ»›

(Стр. 133)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 9, стр. 51—55, с подписью: Ф. Достоевский (ценз. разр. — 22 ноября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. I, стр. 208—212 (в тексте «Воспоминаний...» Н. Н. Страхова).

Печатается по тексту первой публикации.

В сентябрьском номере «Эпохи» за 1864 г. были опубликованы «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Н. Н. Страхова, в состав которых были включены одиннадцать писем к мемуаристу Ап. Григорьева из Оренбурга, куда он уехал в конце мая—начале июня 1861 г. учителем русского языка и словесности в тамошнем кадетском корпусе и где пробыл до мая 1862 г. В письмах этих Ап. Григорьев делился со Страховым как своими сокровенными переживаниями, так и размышлениями над современным состоянием литературы, обосновывал отдельные положения «почвеннической» теории и «органической» критики, высказывал суждения о ряде литературных деятелей тех лет, писал о своих местных делах и впечатлениях, переводческой и критической работе, взаимоотношениях с редакцией журнала братьев Достоевских «Время», с которой в эту пору у него наметилось расхождение. Достоевский сопроводил эту публикацию послесловием, затронув взволновавшие его в письмах Ап. Григорьева и комментариях к ним Страхова моменты.

Стр. 133. *Слова Григорьева* ∾ *не могут быть обращены в упрек моему брату*... — О взаимоотношениях М. М. Достоевского и Ф. М. Достоевского подробнее см. выше, стр. 330.

С т р. 133. *Привыкнув так работать, я поступил точно так же и с «Униженными и оскорбленными»...* — В течение работы над «Униженными и оскорбленными» Достоевский, действительно, несколько раз сообщал своим корреспондентам, что находится «в лихорадочном положении», что сначала «запустил» роман, а потом «работал усиленно» (см. письма к А. И. Шуберт от 3 мая 1860 г. и к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г.; ср.: наст. изд., т. III, стр. 521).

С т р. 134—135. *«Помилуйте ∾ какие же глубокие мыслители Киреевский и Хомяков?» ∾ Но Григорьев никогда не понимал таких требований.* — Возвращаясь к данному конфликту в «жизнеописании» Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхов перепечатал его «Примечание», предварив новыми пояснениями. По словам Страхова, братья Достоевские «были прямыми питомцами петербургской литературы», в традиции которой вошло несколько насмешливое отношение к славянофильству. «Михайло Михайлович, — писал Страхов, — был, разумеется, более подчинен и был холоден или даже предубежден против славянофилов <...> Федор Михайлович, хотя и был тогда почти вовсе незнаком со славянофилами, конечно, не был расположен противоречить Григорьеву, и своим широким умом чувствовал, на чьей стороне правда. Как бы то ни было, очевидно, направление „Времени“ через Ап. Григорьева примыкает к одной ветке погодинского славянофильства...» (*Биография*, стр. 204). Страхов несколько преуменьшает противоречия, возникшие в это время между Ап. Григорьевым и Достоевскими. Ф. М. Достоевский высоко оценил И. В. Киреевского и А. С. Хомякова как теоретиков в более поздние годы, когда оформились его взгляды на судьбы христианства и католичества, в которых явно проступает общность с воззрениями «старших славянофилов», в частности с учениями, изложенными в трех брошюрах Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (изданы в 1853 г. на французском языке в Париже) и статье Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (*РБ*, кн. 2, 1856). Но в начале 1860-х годов Достоевский непримиримо разошелся со славянофилами по вопросам идеологическим. Ему претил «аристократизм» славянофилов, их «исступленность». Особенно резкий протест Достоевского вызвала напечатанная в № 4 за 1861 г. газеты И. С. Аксакова «День» статья Н. В.<езобразова?>, оправдывающая крепостное право. Все эти несогласия нашли выражение в опубликованной в 11-й книге «Времени» за 1861 г. статье Достоевского «Последние литературные явления. Газета „День“» (см.: *наст. изд.*, т. XIX, стр. 57—66). Ап. Григорьева волновали резкие формы этой полемики.

С т р. 135. *Совершенная правда, что в журнале в первые годы его существования были колебания — не в направлении, а в способе действия.* — Страхов имеет в виду стремление Достоевского в 1861—1862 гг. наладить контакты с передовой журналистикой. Именно это явилось главной причиной недовольства Ап. Григорьева. В письмах к Страхову он возражал против «срамной дружбы» «Времени» с «Современником», призывал дать отпор «Искре»; «...нельзя, — писал он, — работати Богу и Маммоне: нельзя признавать философию, историю и поэзию и дружиться с „Современником“...» (см. более точную и полную публикацию его писем в кн.: Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, стр. 267, 285—286).

С т р. 135. *Требование же «нового и свежего человека» для Политического обозрения ∾ не выражало направления журнала.* — Отдел «Политического обозрения» во «Времени» с основания журнала до его закрытия вел А. Е. Разин, человек яркого политического темперамента и демократических воззрений. Его особенной симпатией пользовались народно-освободительное движение в Италии под руководством Гарибальди. Разин-публицист внимательно следил за войной Северных и Южных штатов в Америке, посвящая ей обзоры, наполненные пафосом борьбы с рабством. Освещая общественно-экономическую жизнь Франции, Англии и других стран Европы, Разин остро разоблачал капиталистическую эксплуатацию

трудящихся (см. о нем: *Нечаева, «Время»*, стр. 155—174). Ап. Григорьев, желая иметь во главе политического отдела журнала сотрудника, взгляды которого более соответствовали бы его почвенническо й платформе, называл А. Е. Разина «Стенькой Разиным» и усматривал в его статьях «дешевый либерализм» (Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, стр. 285).

Стр. 136. *Но я рад чрезвычайно, что публика и литература могут яснее узнать ∾ убеждения.* — Достоевский вообще придавал большое значение деятельности и личности Ап. Григорьева. Позднее, в 1868 г., он выражал Страхову пожелание «в „Заре“ пустить статью об Аполлоне Григорьеве, то есть не то чтоб биографию, а вообще о его литературном значении» (письмо Н. Н. Страхову от 12 (24) декабря 1868 г.). В 1876 г., когда вышли в свет «Сочинения» Ап. Григорьева с предисловием в 1-м томе Страхова, в записных книжках Достоевского несколько раз повторяется заметка о том, что необходимо было описать «смерть Аполлона Григорьева», осветить ее обстоятельства.

КАЛАМБУРЫ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

(Стр. 137)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 10, отд. V, стр. 20—32, без подписи (ценз. разр. — 24 ноября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1918*, т. XXIII, стр. 257—276. Принадлежность статьи Достоевскому засвидетельствована Н. Н. Страховым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209).

Печатается по тексту первой публикации.

По справедливому заключению Л. П. Гроссмана, статья эта, написанная в связи с публикацией в «Голосе» объявления об издании «Отечественных записок» в 1865 г., замечательна «как характеристика многих воззрений Достоевского-журналиста», высказавшего «широкий, в то время еще далеко не общепринятый взгляд на обширные задачи ежемесячника» (*1918*, т. XXIII, стр. 255—256). Подчеркивая, в противоположность Краевскому, жизненную необходимость для литературы «толстых» журналов, Достоевский протестует одновременно против низведения ежедневной прессы до роли всеядного и поверхностного регистратора событий. Это второе его обвинение адресовано не только редактору «Голоса», но и некоторым, по-видимому ближайшим, его сотрудникам (см. ниже, примеч. к стр. 147). Достоевского возмущает также чрезмерная гибкость либерально-европеизированного направления газеты Краевского, граничащая с деляческим приспособленчеством. Указания на этот «изъян», очевидные уже в «Щекотливом вопросе», еще очевиднее в тесно связанных с замыслом настоящей статьи заметках из записных тетрадей 1864—1865 гг.: «...надо много ума, — отмечал здесь Достоевский, — кроме ума, надо понимать вещи, надо быть самостоятельным, надо иметь мнение, надо иметь направление. Да кроме того, чтоб иметь *свое* направление, надо и быть *своим*, то есть русским». И далее: «Из чего вы горячитесь, хлопочете, узнаете, волнуетесь, играете в „Теймс“ или в „Opinion National“, потому что у вас, во 1-х, никакого опиньона и быть не может, а во-вторых, от вас его и не нужно, просто не нужно, да и дело с концом». И наконец: «А что такое „Голос“? Прихвостень» (см. выше, стр. 182—184).

Застарелая антипатия к толстосуму Краевскому, человеку холодному и прижимистому, на которого Достоевский работал в былые времена зачастую на кабальных условиях, вынужденный неоднократно унижаться перед ним в поисках хотя бы минимального финансового обеспечения своего беспокойного литературного труда (см. письма Достоевского к Кра-

евскому от 1 февраля, 25—26 и 31 марта 1849 г.), накладывает на некоторые страницы настоящей статьи отпечаток «горечи и злости».

В дальнейшем, однако, «Голос» (наряду с «Московскими ведомостями») — постоянно читаемая Достоевским газета.

Стр. 137. ...*начиная с его «Бориса Годунова...»* — Подразумевается апологетическая статья А. А. Краевского «Борис Федорович», напечатанная сначала в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (т. 6, стр. 349—376), а затем отдельной брошюрой (1836 г.). Современники иронически называли брошюру «борисолюбивым творением», а ее автора — «борисофилом» (см.: Вл. Орлов. Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского (в тридцатые годы). «Ученые записки Ленингр. ун-та». Серия филологических наук, 1941, вып. 11, стр. 25). По-видимому, Достоевского особенно возмущало, как свидетельство невежества или недобросовестности, противоречащее пушкинской точке зрения утверждение Краевского о том, что Борис Годунов не был повинен в убиении царевича Дмитрия.

Стр. 137. ...*кончая его последними штучками с «героем Кастельфидардо».* — Касаясь вопроса об итальянском национально-освободительном движении, газета «Голос» в передовой статье «Санкт-Петербург. 17-го октября 1864 года» допустила грубую ошибку, назвав Гарибальди «героем Марсалы и Кастельфидардо» (*Г*, 1864, 18 октября, № 288). В действительности победителем при Кастельфидардо был генерал Чиальдини, а сам Гарибальди одержал победу при Калатафими, которая предопределила успех Сицилийского похода 1860 г. и которую Энгельс назвал «одним из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 63). Отвечая «С.-Петербургским ведомостям», указавшим на эту ошибку, «Голос» оправдывался тем, что произошло «корректорское недоразумение» (*Г*, 1864, 21 октября, № 291). Имея в виду именно этот эпизод, Достоевский отмечал в записной тетради 1864—1865 гг.: «Кастельфидардо, лгать (мы, конечно, не позволили бы себе употребить такое резкое слово, если б на всей этой лжи не лежало того оттенка совершенно детской невинности, который характеризует ложь, сказанную в первом детском возрасте, не лишенную даже детской грациозности) и вилять» (см. выше, стр. 182). По-видимому, автором разъяснения насчет «корректорского недоразумения» был секретарь «Голоса» Загуляев, так как в записной тетради 1864—1865 гг. имеется помета Достоевского: «...г-н Загуляев утверждает, что загулял корректор, а нам кажется, что подгулял сам г-н Загуляев» (стр. 183).

Стр 137. ...*он желает теперь (и недавно сам заявил об этом желании), чтоб на журналы как можно меньше подписывались...* — По всей вероятности, имеется в виду статья «Переворот в журналистике» (см. ниже, примеч. к стр. 147).

Стр. 138—139. ...*всю жизнь на свое литературное дело смотрел не как на дело, а как на делá.* — Едкий и не единственный в этой статье намек на меркантильность Краевского, которую в 1840-е и последующие годы неоднократно разоблачали его современники — Белинский, сам Достоевский как автор «Бедных людей», И. И. Панаев, Тургенев и многие другие (см.: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 18—22). Уже в 1846 г. Достоевский жаловался брату в письме от 7 октября: «...система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной». Не обладая сколько-нибудь заметным литературным талантом, Краевский был удачливым издателем-предпринимателем, откровенно эксплуатировавшим своих сотрудников, благодаря чему нажил в конце концов крупное состояние.

Стр. 139. ...*объявление гласит об издании ежемесячного журнала «Отечественных записок» в будущем 1865 году.* — См.: *Г*, 1864, 16 октября, № 286. Ниже это объявление щедро цитируется Достоевским.

Стр. 140. ...*если б журнал продолжался.* — О запрещении журнала «Время» см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 211—212; наст. том, стр. 252—255.

Стр. 141. *И «Московские ведомости» и теперешние «С.-Петербургские» — очень недавно явились в теперешних своих редакциях...* — С 1856 по 1862 г. газета «Московские ведомости» редактировалась В. Ф. Коршем, затем М. Щепкиным (вторая половина 1862 г.). С 1863 г. руководящая роль в ней перешла к М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву. Со средины 1862 г. «С.-Петербургские ведомости» выходили под редакцией В. Ф. Корша. До него редактором газеты был А. Н. Очкин (с 1851 г.) при постоянном участии А. А. Краевского (с 1852 г.).

Стр. 142. *...положим прямо, что издатель «Голоса» будет говорить, как восьмой мудрец.* — Насмешливое сравнение Краевского с семью древнегреческими мудрецами — Питтаком, Солоном, Периандром, Клеовулом, Хейлоном, Фалесом и Биантом (VII и VI вв. до н. э.), подвизавшимися на законодательном, политическом, военном и поэтическом поприщах. Всех их отличало умение выражать свои мысли в форме кратких изречений.

Стр. 142. *...цените это, — ну, положим, хоть в пятнадцать рублей с пересылкою на дом.* — Намек на пространное объявление Краевского о подписке на новую газету «Голос», в конце которого указывалось, что годовая подписная цена на газету в Петербурге, без доставки — 12, а с доставкою — 15 руб. (см.: *СПбВед*, 1862, 30 августа, № 189). Достоевский высмеивал претенциозность этого объявления еще в статье «Щекотливый вопрос» (см. выше, стр. 32).

Стр. 144. *...огромные факты ∾ крестьянской реформы ∾ — о теперешнем положении дворянства?* — Достоевскому импонировала постановка и в известном смысле разработка вопроса о положении и общественно-историческом предназначении русского пореформенного дворянства в целом ряде статей, напечатанных в славянофильской газете «День». Наоборот, статьи Б. Н. Чичерина по тому же вопросу, печатавшиеся в газете Н. Ф. Павлова «Наше время» и отражавшие интересы дворянства как особо привилегированного сословия, встречали со стороны Достоевского и его журнала резкую критику (см. выше, примеч. к стр. 31).

Стр. 144. *Не все же вопросы похожи ∾ на прошлой неделе в Фонтенебло.* — В августе 1864 г. на гастроли в Петербург приехал виртуоз-канатоходец Блонден, прославившийся ходьбой по канату, протянутому над Ниагарским водопадом. Его биографии и предстоящим гастролям газета Краевского посвятила большую статью под эффектным названием «Блонден, герой Ниагары» (*Г*, 1864, 9 августа, № 218). Значительное место «вопросу о Блондене» отводилось также в фельетоне «Вседневная жизнь», в развернутом подзаголовке которого имелась характерная рубрика, по-видимому особенно возмутившая и без того раздраженного Достоевского: «...Блонден; что он такое и что такое господин, которого он носит на своих плечах по канату» (*Г*, 1864, 23 августа, № 232). Неоднократные объявления «Голоса» о выступлениях Блондена отличались зазывным стилем балаганных афиш и набирались чуть ли не аршинными буквами. Репортеры «Голоса» наперебой восхищались бесстрашием и спокойствием канатоходца, умевшего придать своим позам «истинно античную пластичность», сообщали об огромных толпах праздной публики, стекавшейся на эти представления под открытым небом, и т. п. (*Г*, 1864, 18 августа, № 227, отдел «Петербургские отметки»). Заботясь об удовлетворении запросов этой публики, один из сотрудников Краевского, собираясь на поиски «жизненного» материала для очередной заметки или статьи, ставил перед собою даже такой «гамлетовский» вопрос: «Куда ехать в воскресенье: на скачку или к Блондену?» (*Г*, 1864, 16 августа, № 225, фельетон «Вседневная жизнь»). После отъезда Блондена в Москву газета Краевского напечатала фельетон «Московская жизнь», в котором вновь напоминала: «Читатели „Голоса“ знакомы уже с биографией и, отчасти, с талантом ниагарского героя по тем статьям, которые печатались во время пребывания Блондена в Санкт-Петербурге» (*Г*, 1864, 15 сентября, № 255).

Шумиха в «Голосе» по поводу гастролей Блондена воспринималась Достоевским как свидетельство неглубокости и случайности содержания этой слишком «практической», по его мнению, газеты, стремившейся упрочить

свою популярность, а следовательно, и шансы на хорошую подписку путем потакания различным, в том числе и низкопробным, читательским вкусам. То же самое следует сказать о непомерно большом, по мнению Достоевского, внимании «Голоса» к заграничным «увеселениям». Перепутав (скорее всего намеренно) Версаль с Фонтенебло, Достоевский намекал на двухподвальное «Парижское обозрение» Евгении Тур, в котором подробно описывались приготовления к празднику, а затем и сам праздник с роскошной иллюминацией, устроенной Наполеоном III «в честь мужа королевы испанской» (*Г*, 1864, 19 августа, № 228). Быть может, в связи с таким отношением Достоевского к заграничным корреспонденциям «Голоса» находится его характеристика Е. Тур и Краевского в записной тетради 1864—1865 гг.: «Андрей Александрович есть только ухудшенная Евгения Тур, а Евгения Тур есть улучшенный Андрей Александрович» (см. выше, стр. 182).

Стр. 145. ...*сам «Сын» позавидует.* — Подразумевается газета «Сын отечества» (редактор — А. В. Старчевский), пользовавшаяся благоволением правительства, как издание охранительного направления (см.: М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. 1859—1865. СПб., 1904, стр. 191).

Стр. 146. ...*журнал старинный и почтенный, имеющий свою замечательную историю в истории нашей литературы.* — Достоевский имеет в виду период с 1839 по 1846 г., когда успех и литературно-общественное значение журнала «Отечественные записки» предопределялись почти исключительно сотрудничеством в нем В. Г. Белинского.

Стр. 147. ...*один «посторонний, но беспристрастный критик» ∾ что с появлением «Голоса» ∾ искусство убиты у нас наповал...* — Это «беспристрастное мнение» было высказано в статье «Переворот в журналистике. (Заметки постороннего наблюдателя)», подписанной псевдонимом А. М.-в. Всячески подчеркивая преимущество — в пору процветания «гласности» — ежедневных газет перед ежемесячными журналами, заключающееся в способности быстрой и нестесняемой свыше реакции на важнейшие события внутренней и зарубежной общественно-политической жизни, автор этой анонимной статьи декларировал в заключение: «Будущность нашей журналистики принадлежит, несомненно, ежедневным газетам и литературным ученым обозрениям» (*Г*, 1864, 23 октября, № 293). Несколько выше он утверждал, что «Записки охотника» и «Антон Горемыка», переполненные иносказаниями и намеками на злобу дня, «были прямым следствием ограничения гласности по крестьянскому делу» и что с отменой ограничения «вся эта аллегорическая литература перестала интересовать читателей».

Стр. 147. ...*не только, например, хоть Тургенев ∾ Гоголь теперь уже анахронизм перед «Голосом».* — Сильно утрированное и все же по существу верное истолкование выпадов автора «Переворота в журналистике» против «толстых» ежемесячных изданий и печатавшихся в них крупных произведений русской литературы, которые, по его мнению, уже утратили или катастрофически быстро утрачивают свое злободневное общественное значение. Достоевский имеет в виду следующий пассаж из упомянутой статьи: «За нашей литературой останется, конечно, та заслуга, что она успела, в форме беллетристики и критики, коснуться многих очень важных вопросов, политических и общественных. Но в этом самом качестве, без сомнения чрезвычайно важном, таились уже источники ее падения в тот момент, как скоро явится возможность обсуждать общественные дела прямо и открыто. Взгляните, с какой быстротою, по этому самому обстоятельству, упали в нас многие авторитеты, потеряли значение многие капитальные произведения литературы <...> с освобождением крестьян „Записки охотника“ лишились значения основной своей идеи; даже „Мертвые души“, в отношении к интриге, сделались анахронизмом, который чрез одно поколение потребует уже комментариев. Для будущего во всем этом останется только сторона историческая да художественная. А сколько еще писателей сойдет с литературной сцены с началом гласного судопроизводства, с рациональным устройством нашего земства! Посмотрите, напри-

мер, как по мере улучшений в наших провинциях, со дня на день ветшает несомненное дарование главного представителя наших обличителей, г-на Щедрина. Многие из современных писателей очутились теперь в положении рыбы, под которой начали спускать воду...» (*Г*, 1864, 23 октября, № 293, стр. 2). «Посторонний критик» умаляет общественное значение творчества Гоголя, Тургенева и Щедрина. Между тем Достоевский берет под свою защиту только Гоголя и Тургенева. А в записной тетради за 1864—1865 гг. даже и Гоголь не фигурирует. Там есть только помета: «Насчет Тургенева „Зап‹исок› охот‹ника›“ отзыв „Голоса“» (см. выше, стр. 184). Такое явное замалчивание имени Щедрина — прямое следствие полемики между ним и Достоевским, отличавшейся крайним ожесточением. Глубочайшее уважение к Щедрину как одному из крупнейших представителей критического реализма, отразившему в своем творчестве чисто русскую «способность самоосуждения... во имя негодующей любви к правде, истине», полною мерой воздается Достоевским до начала этой полемики — в статье «Два лагеря теоретиков».

Стр. 147. *Эта ничтожная и тупейшая статья весьма любопытна...* — Третий выпад против «Постороннего критика», которому в записной тетради 1864—1865 гг. соответствует следующее разъяснение Достоевского: «Пусть бы статьи писал какой-нибудь наш политик вроде г-на Загуляева и проч., или г-н Краев‹ский›, которому за делами некогда заняться литературой. Тогда можно еще простить, но, очевидно, писал эту статью не литератор, человек с делом не знакомый и грубо не понимающий того, о чем пишет» (см. выше, стр. 184).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «ПО ПОВОДУ САМОПРИЗНАНИЙ ДВУХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ»›

(Стр. 148)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 12, отд. IX, стр. 11, с подписью: Федор Достоевский (ценз. разр. — 25 января 1865 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 579—580.

Печатается по тексту первой публикации.

Это примечание Достоевский печатает за своей полной подписью, поскольку речь в нем идет о личном впечатлении. Описываемая встреча могла иметь место как во время первой (1862), так и во время второй (1863) поездок Достоевского за границу (оба раза он посетил Женеву). Кого из детей русских эмигрантов имел в виду Достоевский, установить трудно. Мысль, высказанная в примечании, не случайна для писателя. Еще в 1863 г. Достоевский размышлял о типе «заграничного русского» (см. письмо к Н. Н. Страхову от 18/30 сентября 1863 г.) и собирался о нем писать, к размышлениям этим восходит замысел романа «Игрок» (см.: наст. изд., т. V, стр. 398—399). Мысль о детях, оторванных от родной «почвы», волновала Достоевского также позднее — в период работы над «Идиотом», «Бесами», «Подростком». Не раз обращался Достоевский к этой теме и в «Дневнике писателя» за 1876—1877 гг. (см., например: *ДП*, 1876, июль и август, гл. III).

Статья Д. В. Аверкиева «По поводу самопризнания двух петербуржцев» имеет подзаголовок: «„Современник“, 1864, V. Внутреннее обозрение. „Библиотека для чтения“, 1864, VI. Передовая статья». Аверкиев разбирает обе указанные статьи и утверждает, что «философствующий Петербург» («Библиотека для чтения») приходит к «бесплодному сомнению», а «цивилизующий Петербург» («Современник») вырождается во «внутренне пустой», европейский, безликий город. Причину потери даже «дюжинным» обыкновенным петербуржцем «русских коренных основ»

Аверкиев видит в «нерусском» воспитании детей. Самым губительным Аверкиев считает заграничное воспитание. «Что будет с такими? — риторически спрашивает Аверкиев. — Они язык позабудут». «Очевидцы рассказывают, что уже попадаются такие полуонемеченные, полуофранцуженные субъекты» (*Э*, № 12, стр. 11). Именно к этому месту и делает свое примечание Достоевский.

О сходных мыслях в более раннем обозрении «Наши домашние дела» (О. А. Филиппова? — *Э*, 1864, № 10) см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 43.

ОБ ИГРЕ ВАСИЛЬЕВА В «ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ»

(Стр. 148)

Печатается по черновому автографу, хранящемуся: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 186—187.

Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 11, стр. 32—34; перепечатано (с отдельными исправлениями) С. В. Беловым: *ЛН*, т. 86, стр. 55—58.

В собрание сочинений включается впервые.

Время написания этой неоконченной заметки Достоевского — «единственной его театральной рецензии» — определяется, как установил А. А. Гозенпуд, связью ее с опубликованной в журнале «Время» статьей Ап. Григорьева «Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены» (*Вр*, 1863, № 2, отд. II, стр. 149—182; ценз. разр. — 6 февр. 1863). Об игре П. В. Васильева 2-го в роли Краснова в пьесе А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет» (1863) Григорьев писал здесь: «...это *игра мочаловская*, игра, от которой забывается сколько-нибудь нервный зритель». И далее: «Это была настоящая игра трагического артиста. Настоящее имя такой игры — *мочаловская игра!*» (стр. 182; курсив в обоих случаях наш, — *ред.*); ср.: *Гозенпуд*, стр. 85—86. Поскольку рецензия Достоевского начинается с упоминания этой оценки не названного им по имени Григорьева (стр. 148), то, очевидно, что она написана в период с конца января по март 1863 г.

Драма Островского «Грех да беда на кого не живет» появилась в журнале «Время» (1863, № 1, отд. I, стр. 35—110). В Петербурге в Александринском театре премьера ее состоялась 23 января (через 2 дня после премьеры московского Малого театра), причем на первом представлении роль Краснова здесь играл Ф. А. Бурдин, не пользовавшийся как актер любовью ни А. А. Григорьева, ни Достоевского (см. позднейшие отрицательные отзывы о нем: Григорьева — *Вр*, 1863, № 2, стр. 180—181; *Э*, 1864, № 1, стр. 422; № 2, стр. 240; Страхова — *Вр*, 1863, № 2, стр. 200, а также Д. В. Аверкиева — *Э*, 1864, №№ 7 и 9); ср. письмо Достоевского к Бурдину от ноября—декабря 1864 г. и письма Бурдина к Достоевскому — *Описание*, стр. 342; ср.: *Д., Письма*, т. I, стр. 216.

А. А. Гозенпуд высказал предположение, что рецензия Достоевского, предназначавшаяся для журнала «Время», не была окончена и не появилась в печати из-за закрытия последнего (*Гозенпуд*, стр. 86; то же предположение повторил С. В. Белов — *ЛН*, т. 86, стр. 55). Однако Достоевский мог отказаться от продолжения работы над рецензией еще раньше и по другой причине: кроме статьи А. А. Григорьева, в том же февральском номере «Времени» было помещено письмо в редакцию Н. Косицы (Н. Н. Страхова) «Новые художественные произведения и наша критика» (*Вр*, 1863, № 2, отд. II, стр. 194—212), почти целиком посвященное пьесе Островского и отвечавшее ее критикам из «СПб. ведомостей», «Иллюстрации», «Русского слова» и «Очерков». При этих условиях публикация в журнале третьей статьи по поводу драмы Островского, помещенной на его страницах, для редакции «Времени» вряд ли была возможной и

допустимой по тактическим соображениям. В рецензии Достоевский пишет, что он «был на первом представлении» в Петербурге, «в котором играл Краснова г-н Бурдин» (стр. 148), но не присутствовал на первых спектаклях, где роль Краснова исполнял Васильев, и смотрел его, уже знакомый с оценкой Григорьева (которую мог услышать от него до появления статьи или прочитать статью в рукописи или корректуре). Следовательно, скорее всего он видел спектакль в начале февраля и тогда же, под свежим впечатлением от него, начал статью, но затем бросил ее, ознакомившись со статьей Страхова (которую мог не читать до выхода второй книжки журнала) или обсудив свой замысел с братом.

Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861) Достоевский заявил об Островском, что «верует в его новое слово» и знает, «что он как художник угадал то, что нам снилось еще даже в эпоху демонических начал и самоуличений...» И здесь же обмолвился: «но об Островском потом» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 60). Возвращаясь вскоре после этого в записной книжке к пьесе «Не в свои сани не садись» (1853), которая была включена в I том Собрания сочинений Островского, вышедший в 1859 г., Достоевский оценил ее как анализ «чистого сердцем» русского человека, изображенного со свойственным ему «высоким целомудрием». Тогда же Достоевский замышлял неосуществленную статью «Гоголь и Островский» (см. выше, стр. 154). Островский печатался во «Времени» дважды — до пьесы «Грех да беда на кого не живет» здесь была напечатана его комедия «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» (*Вр*, 1861, № 9). Достоевский восторженно отозвался о ней в письме к драматургу от 24 августа 1861 г. Островский же еще раньше, в письме к Достоевскому от 19—20 августа 1861 г., препровождая ему свою комедию для «Времени», положительно оценил эстетические принципы, изложенные в статье Достоевского «Г-н —бов и вопрос об искусстве» и составлявшие критическую платформу журнала (*Островский*, т. XIV, стр. 89—90). В 1864—1865 гг. между редакцией «Эпохи», где неизменно давалась высокая оценка Островскому (см. выше, стр. 217, 229), и драматургом велись переговоры о печатании в журнале его новой, очередной пьесы, но до закрытия его, и Островский для «Эпохи» ничего не написал (*Островский*, т. XIV, стр. 112, 122). О позднейших колебаниях отношения Достоевского к Островскому см. выше, стр. 229. О Достоевском и Островском ср.: Из архива Достоевского. Письма русских писателей, М.—Пгр., 1923, стр. 56—60; А. С. Долинин. Примечания в кн.: *Д., Письма*, т. I, стр. 522—523; *Островский*, т. XIV, стр. 334; *Фридлендер. У истоков «почвенничества»*; Л. М. Лотман. Островский и литературное движение 1850—1860-х годов. В кн.: А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Изд. «Наука», Л., 1974, стр. 109—110; *Нечаева, «Время»*, стр. 221—223; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 167—170.

Васильев 2-й, Павел Васильевич (1832—1879) — известный русский трагический актер. После окончания в 1849 г. Московского театрального училища долгое время играл в провинции. В 1860 г. сменил на петербургской сцене умершего А. Е. Мартынова. После 1874 г. оставил Александринский театр и переехал в Москву. Прославился особенно как исполнитель ролей в пьесах Островского (Любим Торцов, Краснов и др.) и А. В. Сухово-Кобылина (Расплюев).

Кроме вышеуказанных книги А. А. Гозенпуда и заметки С. В. Белова к его публикации о данной рецензии см.: М. П. Алексеев. О драматических опытах Достоевского. В кн.: Творчество Достоевского. Одесса, 1921, стр. 41—62; R. Pletnjew. Eine Theater-Kritik von Dostojewskij. In: Dostojewskij-Studien, Reichenberg, 1931, SS. 99—104; *Нечаева, «Время»*, стр. 222—223.

Стр. 148. *«Мочаловская игра!»* — Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — великий русский трагический актер. О сильнейшем впечатлении от его исполнения роли Ф. Моора в «Разбойниках» Ф. Шиллера, которое

он видел в возрасте 10 лет, Достоевский писал Н. Л. Озмидову 18 августа 1880 г. А. А. Григорьев был горячим поклонником Мочалова. Подобная похвала в его устах (см. выше, стр. 343) была крайне редка и означала наивысшую его оценку актерской работы Васильева в роли Краснова.

Стр. 149. ...*нельзя никогда увидать ∽ русского купца влюбленным.* — В рассказе беллетриста А. П. Голицынского «Шестая часть света», незадолго до этого напечатанном в «Русском вестнике», говорилось: «Но я готов прозакладывать свою голову, что вам не случалось встретить когда-нибудь влюбленного русского купца» (*РВ*, 1862, № 11, стр. 161).

Стр. 149. ...*цивилизованною по-«благородному».* — Ср. в этой пьесе Островского слова Жмигулиной, обращенные к помещику Бабаеву: «Да вам, по благородству вашему, и знать-то это низко» (д. II, явл. 4 — *Островский*, т. III, стр. 271).

Стр. 149. *«Мы к этому не привыкли, потому что мы другого совсем воспитания».* — Ср. у Островского слова той же Жмигулиной: «Это вы очень горячи к любви-то, а мы совсем другого воспитания» (д. II, явл. 3 — *Островский*, т. III, стр. 269).

Стр. 149. *«Любовь через пять лет иногда приходит», — думает он про себя.* — Ср. у Островского слова Краснова: «Были и такие случаи, что любовь-то на пятый или на шестой год после свадьбы приходит. Да еще какая! Лучше, чем смолоду» (*Островский*, т. III, стр. 269).

Стр. 150. ...*хотя бы он был так же цивилизован, как герои «Подводного камня».* — «Подводный камень» (1860) — роман М. В. Авдеева (1821—1876), написанный в подражание тургеневской манере и посвященный жизни дворянского общества и положению в нем женщины. Появившийся в «Современнике», а затем вышедший в 1863 г. отдельным изданием роман Авдеева имел, благодаря тому, что в нем, хотя и весьма неглубоко, был затронут привлекавший в 1860-е годы широкое общественное внимание женский вопрос, при появлении большой читательский успех, но вскоре оказался прочно забытым. В январском номере «Времени» за 1861 г. была напечатана рецензия М. П. Погодина на роман «Подводный камень» (см.: *Вр*, 1861, № 1, отд. III, стр. 35—45).

Стр. 150. ...*«Как ты груб»...* — Ср.: «Грех да беда на кого не живет» (д. I, явл. 3 — *Островский*, т. III, стр. 249).

‹ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. А. ГОЛОВАЧЕВА О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ›

(Стр. 151)

Печатаются по рукописи, хранящейся: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 182—184; см.: *Описание*, стр. 134.

Впервые опубликовано: «Былое», 1907, № 8, стр. 124.

В собрание сочинений включается впервые.

Публикуемые наброски — замечания на статью А. А. Головачева, предназначавшуюся для ближайшего после мартовского (где была помещена другая его статья) номера «Эпохи» за 1864 г.

Алексей Андрианович Головачев (1819—1903) — демократический общественный деятель и публицист. В 1860 г. в связи с нашумевшим делом тверского дворянства вместе с А. М. Унковским и А. И. Европеусом был отправлен в административную ссылку. Еще в Твери тесно общался со Щедриным, а в дальнейшем сотрудничал в «Отечественных записках». Достоевский встречался с Головачевым в 1860-х годах на «пятницах» Унковского в Петербурге. В мартовской книжке «Эпохи» за 1864 г. была напечатана статья Головачева «О средствах к отвращению затруднений нашего денежного рынка».

После этого Достоевский заказал Головачеву вторую статью — в связи со спорами о классическом и реальном образовании, которые велись в печати со времени обнародования 24 января 1862 г. «Проекта устава общеобразовательных заведений и плана устройства народных училищ».

Как явствует из неопубликованного письма Головачева к Достоевскому, данная его статья была представлена в журнал, но вызвала возражения редактора; его пожелания, высказанные автору письменно, Головачев не счел возможным учесть (*ГБЛ*, ф. 93, II, 2, 98). Однако на этом сотрудничество Головачева в «Эпохе» не оборвалось: в августовской и сентябрьской книжках были помещены два его политических обозрения. Но ко времени подготовки следующего обозрения обнаружилось «резкое идейное расхождение редактора и сотрудника в вопросе о значении экономического начала в дальнейшем развитии и жизни русского народа» (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 78 и стр. 75—83). После этого имя Головачева на страницах «Эпохи» больше не появлялось.

ЗАПИСИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ТЕТРАДЕЙ 1860—1865 гг.

<I ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1860—1862 гг.>

(Стр. 152)

Печатается по рукописи, хранящейся: *ГБЛ*, ф. 93, I, 2.6; см.: *Описание*, стр. 313.

Впервые частично опубликовано: «Литературный критик», 1939, № 5—6, стр. 66—102; № 8—9, стр. 85—108; *Борщевский*, стр. 51—64; полностью (с пропусками и неточностями): *ЛН*, т. 83, стр. 125—158.

В собрание сочинений включается впервые.

Книжка заполнялась в 1860—1862 гг. (крайние даты, встречающиеся в ней — 4 января 1860 г. и 29 мая 1862 г.)[1] без определенной последовательности: на одной и той же странице находятся записи разного времени, сделанные то чернилами, то карандашом, отдельные страницы исписаны во всех направлениях. Карандашные записи местами стерлись и не поддаются прочтению.

1860—1862 гг. — период активной критико-публицистической деятельности Достоевского, поэтому наряду с записями литературного и автобиографического характера значительное место в книжке занимают записи, отражающие идейные искания писателя начала 60-х годов, его эстетические взгляды и вкусы. Здесь отклики на газетные и журнальные сообщения, на различные общественные события, здесь же планы, наброски, черновики и конспекты будущих статей, записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью. Наряду с темами для задуманного продолжения «Ряда статей о русской литературе» (например, заготовками к статье «Гоголь и Островский»), встречаются темы, получившие развитие значительно позднее, уже в период работы над «Дневником писателя» («Ряд статей о судах», «Что значит Рим для папы» и др.). Большое место в книжке занимают заметки по многим, самым значительным проблемам эпохи, относящиеся к полемике с «Современником» вообще, с Н. А. Доб-

---

[1] При дате 29 мая нет года, но он легко восстанавливается, так как дата помещена в конце полностью датированных записей счетов и долгов, которые Достоевский систематически заносил в книжку из месяца в месяц на протяжении двух лет: с июля по декабрь 1861 г. и с января по май следующего года.

ролюбовым и Н. Г. Чернышевским в частности (анализ расхождений в позиции «Времени» и «Современника» см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 234, 276—284; Г. М. Фридлендер. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста. *ЛН*, т. 83, стр. 98—103).

Записи располагаются в хронологической последовательности. Наброски, относящиеся к полемике с Чернышевским и расположенные на разных страницах книжки, печатаются подряд. Вместе также даются и заготовки для ответа Добролюбову по поводу его статей о Н. И. Пирогове. Наброски для объявления о подписке на журнал «Время» (на 1862 г.) помещены в т. XIX наст. изд., стр. 215—216.

Стр. 152. *Полезность и нравственность. Ряд статей ∾ Мнения Чернышевского...* — Замысел этот воплощен не был, но отдельные положения его, например спор с «утилитаристами» по вопросам «полезности» произведений искусства, отразились в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103). Ср. также в «Журнальных заметках. I. Ответ „Свистуну“» — наст. том, стр. 71, а также примечание Достоевского к словам «Теория „полезного искусства“...» в статье Аверкиева об А. Григорьеве — выше, стр. 230.

Стр. 152. *Шекспир ∾ (мнения «Современника»).* — В этих тезисах Достоевский передает, обостряя их, содержание ряда полемических высказываний публицистов «Современника», рассматривавших творчество Шекспира под углом насущных общественных и литературных задач. Так, еще в 1854 г. Чернышевский, призывая «без ложного подобострастия смотреть на Шекспира», отмечал, что на современном этапе литературного развития «может быть, уже не столь естественно отдавать Шекспиру бесконтрольную власть над нашими эстетическими убеждениями и кстати и некстати приводить в пример всего прекрасного его трагедии, находя в них всё прекрасным» (*Чернышевский*, т. II, стр. 283). Позднее, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (*С*, 1856, № 4) Чернышевский писал о Шекспире: «...что́ хотел он сделать специально для современной ему Англии? В каком отношении был он к вопросам ее тогдашней исторической жизни? Он как поэт не думал об этом: он служил искусству, а не родине, не патриотические стремления, а только художественно-психологические вопросы были двинуты вперед Макбетом и Лиром, Ромео и Отелло» (*Чернышевский*, т. III, стр. 136—137). Подробнее об отношении демократической критики к Шекспиру см. в кн.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 407—423.

Стр. 152. *Нравственность (Щеглова).* — Дмитрий Федорович Щеглов (псевдоним Охочекомонный, ум. 1902) — публицист, экономист, сотрудник «Библиотеки для чтения», «Отечественных записок»; печатался также во «Времени» и «Эпохе»; автор «Истории социальных систем» в 2-х томах, представляющей собою критическое обозрение социальных учений, начиная с Платона и кончая Ог. Контом и Литтре. Как отметили Л. Р. Ланский и С. С. Борщевский, речь идет об отдельных рассуждениях Щеглова на темы нравственности и морали в статьях во «Времени». Так, в статье «Экономические реформы Рима» (*Вр*, 1861, № 6), говоря о нравственном превосходстве братьев Гракхов, Щеглов писал: «В этом же заключается и невыгода их положения, потому что народ больше верит тому и больше поддерживает того, кто выдает себя за нечто высшее, особенное, метафизическое или какое другое ‹...› Гракхам если чего недоставало, то именно этой недобросовестности и способности обманывать. Но за это, надеюсь, никто вслух их не осудит» (стр. 115). Возможно также, по мнению тех же исследователей, речь идет о статье Щеглова «Семейство в рабочем классе во Франции» (*Вр*, 1861, № 11, стр. 287—324), в которой вопросы морали рассматриваются в тесной связи с условиями жизни и быта рабочих и работниц (*ЛН*, т. 83, стр. 159). Эта статья посвящена книге Жюля Симона «L'ouvriere». Приведя из нее многочисленные факты падения нравственности среди современного рабочего класса на Западе, Щеглов замечает: «Язвы, от которых страдает Запад,

начинают действовать и у нас. <...> читая Ж. Симона, невольно вспоминаешь рассказы о быте наших фабричных» (*Вр*, 1861, № 11, стр. 324).

Стр. 152. *Ряд статей о судах.* — В связи с начавшейся в 1861 г. подготовкой судебной реформы разгорелась полемика в печати, в частности между «Русским вестником» и «Днем»; откликнулись на нее «Отечественные записки» и ряд газет. Возможно, что Достоевский, сохранявший постоянный интерес к судебным делам и положению суда в России, собирался выступить со своей статьей во «Времени» (см. также: наст. изд., т. VII, стр. 387; т. XII, стр. 299, а также ниже, примеч. к стр. 180).

Стр. 152. *Аномалии Европы и России.* — Мысль эта нашла отражение уже во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 41—61).

Стр. 152. *Что значит Рим для папы.* — Статья на эту тему написана не была. Об отношении Достоевского к католичеству см. ниже, стр. 380

Стр. 152. *Нечто о современном общественном направлении.* — См. развитие этой темы во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (наст. изд., т. XVIII, стр. 61—70).

Стр. 152. *Мысль о назначении России в Азии и в ее естественных пределах.* — Эта мысль была развита Достоевским позднее (см. выше, стр. 188—189).

Стр. 152. *Будущие критические статьи.* — Замысел воплощен не был, но частично нашел отражение в «Ряде статей о русской литературе» (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 237).

Стр. 153. *Эгоизм и так называемые направл<ения>.* — См. об этом ниже, примеч. к стр. 181—182.

Стр. 153. *Катков.* — Об отношении Достоевского к Каткову и о полемике с ним см. выше, стр. 278—279, 296.

Стр. 153. *Милюков.* — Александр Павлович Милюков (1817—1897) — историк литературы, педагог, критик. Достоевский был знаком с ним с 1840-х годов. В 1860—1862 гг. Милюков выступал с критическими статьями в журнале «Светоч», фактическим редактором которого он был. Позднее печатался в «Эпохе». Отношение Достоевского к Милюкову не было ровным: от приятельского в 40-х годах и довольно теплого после возвращения из ссылки до отрицательного в конце 60-х—начале 70-х годов (см., например, в письмах к Э. Ф. Достоевской от 23/11 октября 1867 г., к Н. Н. Страхову от 1 сентября 1869 г. и 24 марта (5 апреля) 1870; см. также: *ЛН*, т. 86, стр. 398).

Стр. 153. *...ambition rentrée...* — Запись, по всей вероятности, связана с выпадами Каткова против Достоевского (см. об этом в статье «Ответ „Русскому вестнику“» — наст. изд., т. XIX, стр. 119, 300).

Стр. 153. *...промахи... 50 р<ублей> «Светоча»...* — «Светоч» — ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1860—1862 гг. под ред. Д. И. Калиновского. В этой записи заключен отклик на заметку «Новые правила приема в университеты» («Светоч», 1861, № 8), автор которой отнесся с одобрением к введению пятидесятирублевой оплаты слушанья лекций (согласно правилам 1861 г., были, в частности, отменены свидетельства о бедности, освобождавшие студентов и вольнослушателей «недостаточного состояния» от уплаты 50 рублей). На заметку «Светоча» откликнулся «Современник», выразив возмущение по поводу нападок на студенчество (см.: И. А. Пиотровский. Студенты перед судом «Светоча». *С*, 1861, № 9, стр. 29—36). Об отношении «Времени» к университетскому вопросу см.: наст. изд., т. XIX, стр. 187—210, 337—343.

Стр. 153. *Пирогов.* — В этой записи отражено намерение Достоевского включиться в полемику, вызванную статьей Н. А. Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (*С*, 1860, № 1, стр. 157—182. Подробнее об этом см. ниже, стр. 355—358).

Стр. 153. *...личности и портреты à la Жемчужников.* — Известно, что Достоевский лично знал А. М. Жемчужникова (1821—1908) в пору «пятниц» Петрашевского. Прямых свидетельств о том, как он в то время к нему относился, не сохранилось. Однако, судя по позднейшим записям,

Жемчужников не вызывал у него симпатий. Для Достоевского он был прежде всего аристократом, сыном сенатора, занимавшим крупный пост, а следовательно, чиновником. Вероятно, и после демонстративной отставки (в 1859 г.) Жемчужников мог раздражать Достоевского своим либеральным западничеством. Ср. с позднейшей записью в тетради 1876—1877 гг.: «...такие как вы, Жемчужниковы, европейцы, люди принципов, освобождали крестьян не из-за того, что им тяжело было, не думаю (о, не говорю про исключения), а оттого, что принцип крепостничества был осужден в Европе. Неужели не так? ‹...› Книжные вы люди, ослы, навьюченные книгами».

Стр. 153. *Чернышевск‹ий› — недавняя полемика. Что есть истинности в «Современнике».* — Этими словами Достоевский обозначил тему статьи, о которой мы узнаем из его письма к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г.: «Чернышевский начал ряд статей о современной журналистике; преимущественно отвечает своим неприятелям. Очень бойко и — главное — возбуждает говор в публике, а это важно. Поставил себя очень рельефно и оригинально». И в этом же письме Достоевский намечает характер собственной статьи: «В этой оригинальности, разумеется, и недостатки его. Мы, может быть, скажем что-нибудь по поводу его полемики, и скажем с полным беспристрастием» (см. ниже, стр. 350—355). Судя по следующим ниже заметкам, статья эта мыслилась в очень широком плане, касаясь литературно-критических и исторических работ Чернышевского, а также его эстетических воззрений. В словах *«Что есть истинности в „Современнике“»*, по всей вероятности, заключен отклик на продолжавшийся в журналистике спор о молодом поколении. После выступлений Чернышевского (его статей «Полемические красоты», «Граф Кавур») и Добролюбова («Литературные мелочи прошлого года», «Что такое обломовщина» и др.) в этот спор включился Салтыков-Щедрин (очерком «Наша общественная жизнь»). «Что же касается до нигилизма, — писал по этому поводу член Совета по делам книгопечатания О. А. Пржецлавецкий, — то „Современник“ отстаивает его ‹...› представляя его одним истинным деятелем прогрессивности» (*ЛН*, т. 13—14, стр. 136).

Стр. 153. *Но рассмотрим идею нашей литературы ∾ туп, как гений.* — По-видимому, Достоевский предполагал развить эти мысли в «Ряде статей о русской литературе». Но он ограничился характеристикой Гоголя — «колоссального демона» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 59).

Стр. 153. *Куда вы торопитесь? ∾ Оно разъединено.* — Здесь и ниже Достоевский продолжает наброски для полемики с Чернышевским. Комментируемые слова перекликаются с «Введением» к «Ряду статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 61—70).

Стр. 153. ...*(вопрос о женщине, всё в голове, а не в теле).* — Запись полемична по отношению к нигилизму, которому противниками его приписывалось грубо чувственное отношение к женщине. Физиологический аспект чувств, в частности любви, не раз подчеркивался в «Русском слове». Так, например, в статье А. Г-фова (Гиероглифова) «Любовь и нигилизм» утверждалось, что любовь — «побуждение родотворного инстинкта», что причина ее — стремление к продолжению «рода», а цель — «в физическом сближении». Автор писал о «любовных отправлениях живущего поколения» и т. п. (*РСл*, 1863, № 1, стр. 32—33).

Стр. 153. *Вы утверждаете, что общество созрело...* — Эта мысль развита Достоевским во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 61—70; ср. также: наст. изд., т. XII, стр. 283—284).

Стр. 153. ...*а вопрос о Пирогове...* — См. ниже, стр. 355—358. Чернышевский коснулся этого вопроса в «Полемических красотах. Коллекция вторая». Он писал: «...г-н Пирогов старался связать вещи несовместные — розги с гуманностью: по-нашему, что-нибудь одно: или секи, или не секи...» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 755). Однако по сравнению с Добролюбовым (см. ниже, стр. 355) Чернышевский был склонен к более мягкой оценке личной вины Пирогова. Он тут же замечал: «Г-н Пирогов не ви-

новат в том, что был непоследователен: он в такое время воспитался».

Стр. 153. *Вы препинаетесь о Кавуре ∾ журнал отпетый.* — Достоевский имеет в виду полемику между русской либеральной печатью (в частности, «Русским вестником») и «Современником» о роли вождя итальянских либералов графа К.-Б. Кавура (1810—1861) в итальянском национально-освободительном движении. Полемика эта была вызвана появлением в «Современнике» статей Чернышевского «Общий очерк хода событий в Южной и Средней Италии» (1860, № 8) и «Граф Кавур» (1861, № 6) и Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (1861, №№ 6—8). Чернышевский дал Кавуру отрицательную характеристику, разоблачив его предательскую роль по отношению к итальянскому демократическому движению, которое возглавлял Гарибальди. Вражду между Гарибальди и Кавуром он охарактеризовал как «вражду двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов, только в пределах, допускаемых им» (*Чернышевский*, т. VIII, стр. 294). Чернышевский и Добролюбов проводили в своих статьях параллель между тактикой Кавура и его политической ролью в истории Италии, с одной стороны, тактикой и предательской ролью русских либералов — с другой.

Стр. 153. *...напрасно г-н Антонович говорит о Гете. ∾ справедливость.* — Как отметили Л. Р. Ланский и С. С. Борщевский, Достоевский, вероятно, имеет в виду следующее высказывание М. А. Антоновича в статье «Асмодей нашего времени» об «Отцах и детях» И. С. Тургенева (*С*, 1862, № 3, отд. II, стр. 71): «Г-н Тургенев через какого-то из своих фаворитов спрашивает героя: „Вы отрицаете всё? не только искусство, поэзию... но *и* ... страшно вымолвить...“ — „Всё“, — с невыразимым спокойствием отвечал герой». «Конечно, ответ неудовлетворительный; но как знать, живой-то герой, может быть, ответил бы: „Нет, — и прибавил бы: — Мы отрицаем только ваше искусство, вашу поэзию, г-н Тургнев, ваше *и*; но не отрицаем и даже требуем другого искусства и поэзии, другого *и*, хоть такого *и*, какое представлял себе, например, Гете, такой же поэт, как и вы, однако отрицавший ваше *и*“». Н. Н. Страхов в анонимной рецензии на роман Тургенева в № 4 «Времени» иронически отозвался об Антоновиче, который «объявляет себя поклонником Гете и утверждает, что молодое поколение признает поэзию *великого старца*» (стр. 61; см.: *ЛН*, т. 83, стр. 168).

Стр. 153. *Ну, этого и Петр Лаврыч не разрешит, который всё знает.* — Иронические слова Достоевского относятся к П. Л. Лаврову (1823—1900), философу-идеалисту, в то время — редактору «Энциклопедического словаря», одному из позднейших идеологов народничества. Его «Очерки вопросов практической философии» (1860) вызвали оживленную полемику, в которую оказались вовлечены, кроме Чернышевского, П. Д. Юркевич, М. А. Антонович и Д. И. Писарев. В том же 1860 г. Лавров выступал с публичными лекциями в зале петербургского Пассажа, а в 1861 г. опубликовал «Три беседы о современном значении философии».

Стр. 153. *Вы говорили, что Добролюбов — гений ∾ за гения.* — Достоевский откликается на слова Чернышевского из некролога «Н. А. Добролюбов» (*С*, 1861, № 11): «Ему было только 25 лет. Но уже 4 года он стоял во главе русской литературы». За этими словами следовал текст, не пропущенный цензурой: «О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 852). Достоевский мог слышать эти слова Чернышевского, так как они прозвучали на похоронах Добролюбова 20 ноября. Ср. также со словами Достоевского о Добролюбове из «Журнальных заметок. I. Ответ „Свистуну“» (стр. 73—76).

Стр. 154. *...Боклея — что можно.* — Речь идет о книге английского историка Генри-Томаса Бокля (1821—1862) «History of civilization in Eng-

land» («История цивилизации в Англии», 1857—1861 гг.), печатавшейся в 1861 г. в русском переводе в «Отечественных записках». Отдельное издание ее (в русском переводе, т. 1) находилось в библиотеке Достоевского (*Гроссман, Семинарий*, стр. 37). О знакомстве Достоевского с «Историей» Бокля см.: наст. изд., т. V, стр. 384.

Стр. 154. *«Contradictions économiques» Прудона.* — Речь идет об известном сочинении П.-Ж. Прудона «Système des Contradictions économiques ou la Philosophie de la Misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты», 1846).

Стр. 154. *«De la démocratie en Amérique» Токвиля.* — О книге А.-Ш.-Г.-К. Токвиля «Демократия в Америке» см.: наст. изд., т. XII, стр. 280—281.

Стр. 154. *В статью «Гоголь и Островский».* — Такой статьи Достоевский не написал. Об отношении его к Островскому см. стр. 109, 327.

Стр. 154. *Чернышевскому ∾ часто говорили.* — Набросок является откликом на статью «Полемические красоты. Коллекция вторая. — Красоты, собранные из „Отечественных записок“» (*С*, 1858, № 12), в которой Чернышевский отвечал сотрудникам этого журнала, упрекавшим его в невежестве, самомнении, саморекламе.

Стр. 154. *...Б-а, ба...* — В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (*С*, 1858, № 12) Чернышевский писал: «...если вы не были учителем приходского училища, то, пробежав эту статью, можете чувствовать, как утомительна, тяжела обязанность этого бедного труженика. Согласитесь, редко приходилось нам испытывать такую страшную скуку, какая производится чтением нашей статьи, весь характер которой выражается такою формулою: бе-а ба, бе-а ба, ба-ба ‹...› Повторим еще ....» (*Чернышевский*, т. V, стр. 390—391). В этой статье Чернышевский отталкивается от диалектической идеи Шеллинга и Гегеля: «По форме, высшая степень развития сходна с началом, от которого она отправляется» (там же).

Стр. 154. *...тешится тем, что подзывает к себе пальцем ∾ Канта, Гегеля...* — Отвечая на нападки Н. В. Альбертини и С. С. Дудышкина, Чернышевский писал, обращаясь к ним: «Изволите ли вы знать, что называли невеждой — не то что меня, а, например, Гегеля? Известно ли вам, за что его называли невеждой? За то, что он имел известный образ мыслей, не нравившийся некоторым ученым. Как вы полагаете, невежда был Гегель или нет? ‹...› Известно ли вам, что называли невеждою Канта?» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 770).

Стр. 154. *...Альбертини, Дудышкина ∾ учить по складам.* — Вероятно, Достоевский имел в виду следующие слова из названной выше статьи Чернышевского «Полемические красоты...», обращенные к Альбертини: «Г-н Альбертини ‹...› сделает очень хорошо, если постарается жить исключительно в кругу людей благородного образа мыслей ‹...› Пусть он спрашивает у них мнения о том, что пишет» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 735). Или: «Напрасно вы компрометируете себя, г-н Альбертини. Не делайте этого вперед ‹...› Вы лучше читайте пока „Историю государства Российского“ Карамзина, похвальные слова Ломоносова, „Леонида“ г-на Р. Зотова, „Рославлева“ и „Юрия Милославского“ Загоскина ...» (там же, стр. 740—741). Обращаясь к Дудышкину, Чернышевский писал: «Углубитесь в самого себя, наблюдайте умственным оком ваш психический процесс...» (там же, стр. 759).

Стр. 154. *...напоминает Поприщина...* — Поприщин — герой «Записок сумасшедшего» Гоголя. О нем Достоевский упоминает также в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 72).

Стр. 154. *...даже Н. Ф. Павлов возвышается над г-ном Чернышевским и называет его азиатом.* — Н. Ф. Павлов (1803—1864), редактор газеты «Наше время», беллетрист и публицист, выступил против Чернышевского со статьей «Г-н Чернышевский и его время (исторический очерк)» («Наше время», 1861, 22 августа, № 28), в которой, в частности, писал, что Чернышевский «в продолжение своей литературной деятельности ка-

сался всех отраслей человеческих знаний и хозяйничал в области наук истинно с каким-то азиятским самовластием, не только выводил произвольные заключения, но сочинял данные, факты, которые не существуют, о которых ученые и не слыхивали». «Он вообще немилосерд, — продолжал Павлов. — Его мысль крута. Характер, приемы, сущность этой мысли носят на себе признаки не европейского, а азиятского происхождения».

Стр. 154. ...*«Р‹усский› вестник» читает ему мораль...* — Как отметили Л. Р. Ланский и С. С. Борщевский, имеется в виду полемическая статья М. Н. Каткова «Виды на entente cordiale ‹сердечное согласие (*франц.*)› с „Современником"», в которой делалась попытка отчитать «почтенного редактора „Современника"» в связи с появлением «второй коллекции „Полемических красот"». Катков писал: «Г-н Чернышевский, прежде всего, произносит общий приговор об „Отечественных записках". Он объясняет, что это журнал ничтожный, бесхарактерный, издаваемый неспособною рукой, сшивок нескольких журнальцев. Хорошо ли это? У него с „Отечественными записками" были некоторые определенные вопросы для препирательства: зачем же он не ограничился этим? Зачем он пустился в общие отзывы о редакции этого журнала?» (*Рв*, 1861, № 7, стр. 60—61; см.: *ЛН*, т. 83, стр. 162).

Стр. 154. ...*аргументы Н. Ф. Павлова очень крепки...* — Павлов полемически доказывал, что в статьях Чернышевского проявляется «не отрицанье, а скорее безмыслие, не деятельность, а праздность ума», что ему «мало было воплотить в себе общественные недостатки, обнажить глубокие язвы, он лично сам с своими особенностями не захотел остаться за кулисами, а вздумал стать на сцене в великолепную позу. Это-то, по нашему мнению, и повредило ему ‹...› Наше просвещение в лице г-на Чернышевского сдернуло с себя маску, сорвало покровы, обнажило свои сокровенные красоты и явилось на глаза людей, что называется, как мать родила: всё, что мы нахватали без разбора, чего не переварили, чего не поняли, во что нарядились, как в павлиньи перья, выложилось перед нами на стол, в громадном изобилии...» («Наше время», 1861, 28 августа, № 28).

Стр. 154. *Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные.* — Эта мысль вошла в объявление журнала «Время» на 1862 г. (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 149; ср. выше, стр. 6).

. Стр. 154. *Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы.* — В февральском политическом обзоре «Современника» за 1860 г. Чернышевский писал о Кавуре: «Он просто дипломат, которому хороши все средства, ведущие к обыкновенной цели дипломатов, к увеличению силы того государства, которым он управляет» (*Чернышевский*, т. VIII, стр. 32). Подробнее об отношении Чернышевского к Кавуру см. выше, стр. 350. Достоевский печатно выразил свое отношение к Кавуру лишь косвенно. В статье «Ответ „Русскому вестнику"» он следующим образом раскрыл смысл употребленного им термина «кавурство»: «...мелкое самоупоение ‹...› кичливость, юпитерское величие, детская раздражительность» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 121).

Стр. 155. (*NB. Французы бы не пошли против Гарибальди.*) — Отклик на суждения Чернышевского в октябрьском политическом обзоре «Современника» за 1860 г. (*Чернышевский*, т. VIII, стр. 319).

Стр. 155. *Плоды не едят на картине.* — Достоевский отзывается полемически на одно из центральных положений диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии — только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности» (*Чернышевский*, т. II, стр. 91). Ср. ироническое переложение той же фразы Чернышевского — замечание о «яблоке натуральном» в «Отрывке из романа „Щедродаров"» — и возвращение к ней далее (см. стр. 108, 367).

Стр. 155. ...*вы столько писали о политической экономии...* — В статье «Полемические красоты. Коллекция первая...» Чернышевский

писал: «До прошлого года я писал политико-экономические статьи об отдельных вопросах <...> это были вопросы, которые мне казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы <...> В начале прошлого года показалось мне полезно дать русской публике систематический трактат об экономической науке во всем ее объеме» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 717—718).

Стр. 155. *...вам позволено похвастаться...* — Вероятно, Достоевскому не понравился тон следующего высказывания Чернышевского (в статье «Полемические красоты. Коллекция вторая»): «...вам угодно знать, ученый ли я человек? Извольте. Давно уж не занимаюсь я специально ничем, кроме политической экономии. Прежде занимался я кое-какими другими предметами довольно усердно <...> Или вам всё не то хочется узнать, а то, как обширны мои знания? На это могу отвечать вам только одно: несравненно обширнее ваших. Да это вы и сами знаете» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 765).

Стр. 155. *...вы защищаетесь против тех, которые вам говорят, что вы ничего не знаете...* — В коллекции второй «Полемических красот» Чернышевский отвечал на подобные обвинения П. Д. Юркевича в «Русском вестнике» и С. С. Дудышкина в «Отечественных записках» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 762). Достоевский отозвался на эти выпады в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“». Он восклицал: «Но если он (Чернышевский, — *ред.*) так ничтожен и смешон, для чего же шесть статей в таком серьезном и ученом журнале, да еще разом, в одной книжке? То же и в Москве...» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 177).

Стр. 155. *Начало:* ∾ *и развернулись.* — Возможно, что Достоевский в форме обращения (*после слова*: Начало — *было начато*: М‹илостивый› г‹осударь›) собирался ответить Чернышевскому на его в общем-то доброжелательную рецензию «„Время“, журнал политический и литературный, № 1» (*С*, 1861, № 1 — см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 949—956).

Стр. 155. *...вы желчевик...* — Достоевский пользуется сложившейся еще в пятидесятые годы в кругу И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина неприязненной характеристикой Чернышевского как человека, страдающего «расстройством печени» или «разлитием желчи» (см. письмо Тургенева к Дружинину от 11 ноября 1856 г. — *Тургенев, Письма*, т. III, стр. 28—30; *Толстой*, т. 60, стр. 75). В 1860 г. назвал Чернышевского «желчевиком» Герцен (в статье «Лишние люди и желчевики»). Желчевики, по его определению, «слишком угрюмы, слишком действуют на нервы <...> Первое, что нас поразило в них, это легкость, с которой они отчаивались во всем, злая радость их отрицания и страшная беспощадность» (*Герцен*, т. XIV, стр. 317—327).

Стр. 155. *Чернышевский говорит, что он семинарист.* — В VI разделе статьи «Полемические красоты. Коллекция первая», откликаясь на статью Юркевича «Из науки о человеческом духе», написанную в опровержение статьи об «антропологическом принципе» и помещенную в трудах Киевской духовной академии, Чернышевский писал: «Это опровержение помещено в журнале, издаваемом Киевскою духовною академиею, а сам г-н Юркевич — профессор этой академии. Я сам — семинарист» (*С*, 1861, № 6, стр. 464—469; то же см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 725).

Стр. 155—156. *Чернышевскому.* ∾ *(Падение Запад‹ной› Римск‹ой империи›).* — Имеется в виду статья Чернышевского «О причинах падения Рима. (Подражание Монтескье)», полемическая по отношению к теории общинного социализма А. И. Герцена (*С*, 1861, № 5). Поводом для ее написания послужило одно из программных произведений Герцена — статья «Русский народ и социализм», написанная в 1851 г. и опубликованная в русском переводе в Лондоне в 1858 г. Чернышевский выступил против утверждения Герцена о неспособности Западной Европы развиваться по пути к социализму и против того, что русский «сельский коммунизм» (так Герцен называет общину) содержит все необходимые предпосылки для непосредственного движения по направлению к социализму (подробнее см.: *Герцен*, т. VII, стр. 307—339, 437—438).

Стр. 156. *Пародия крестовых походов.* ∾ *Мы, впрочем, написали пародию.* — Достоевский собирался, по-видимому, пародировать тон упомянутой выше статьи Чернышевского «О причинах падения Рима...».

Стр. 156. *Вот г-н Писарев пошел дальше.* ∾ *что он пишет.* — Признавая «талантливость» Д. И. Писарева, говоря о своем «уважении» к нему, Достоевский отмечал, что не принимает его «эксцентричности» (см. выше, стр. 228). Как отметил А. С. Долинин, «в борьбе с идеями 60-х годов по вопросам искусства и морали» Достоевский «имел перед собою, по-видимому, образ Писарева как самого откровенного и последовательного выразителя этих идей, неустрашимо идущего до конца в отрицании тех эстетических и нравственных ценностей, поход против которых начал „Современник" во главе с Чернышевским» (*Д, Письма*, т. II, стр. 472). В данном случае скорее всего имеется в виду статья Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (*РСл*, 1861, № 5) с ее центральной формулой: «...вот ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (*Писарев*, т. I, стр. 135). Именно после этой статьи цензор А. В. Никитенко заявил в официальном докладе, что «Русское слово» «разрушает все авторитеты власти, нравственности, верований, науки...» (*РА*, 1895, № 2, стр. 225—228).

Стр. 156. *Невежество Чернышевского.* — Чернышевский сам дал такую отповедь в ответ на упреки в невежестве, исходившие от публицистов «Русского вестника» и «Отечественных записок»: «Неужели я вам должен объяснять разницу между начитанностью и специализмом, между специальным ученым, который двигает вперед одну науку или одну отрасль науки, и между журналистом, которому довольно быть образованным человеком, который только популяризирует выводы, сделанные учеными, только осмеивает грубые предрассудки и отсталость?» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 764—765). См. также выше, примеч. к стр. 155.

Стр. 156. *Семинаризм.* — См. выше, примеч. к стр. 155.

Стр. 156. *Как вы поступили с Пироговым?* — См. ниже примеч. к стр. 158—166.

Стр. 156. *С Кавуром?* — См. выше, примеч. к стр. 153.

Стр. 156. *...Искусство, а Марко Вовчок и Бов?* — Об отношении Достоевского к статье Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья (по поводу рассказов Марка Вовчка)» см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 276—279. Чернышевский в отношении творчества Марко-Вовчок был единодушен с Добролюбовым. Сразу же после выхода статьи он писал критику: «Ваша статья о М. Вовчке, вероятно, понравится молодежи вроде „Темного царства"...» (*Чернышевский*, т. XIV, стр. 409). Что касается до художественности произведений Марко-Вовчок, то Чернышевский пошел дальше Добролюбова, ограничившегося по преимуществу рассмотрением прогрессивной, демократической направленности ее творчества. Он писал: «...это талант сильный, смелый. По смерти Помяловского он опять остался первым, как был до него» (*Чернышевский*, т. XII, стр. 683). Настаивая на необходимости издания собрания сочинений украинской писательницы, он говорил: «Я высоко ценю ее талант; по-моему, она была талантливейшим из всех наших беллетристов эпохи послегоголевской. Может ли окупиться полное собрание ее сочинений?.. Я сделал бы для того, что могу: например, написал бы предисловие, которое было бы обзором движения идей в беллетристике того времени (1860—1875 годов)» (*Чернышевский*, т. XV, стр. 831).

Стр. 156—157. *Шутовство и Балакирев* ∾ *покамест не облили водой.* — Эти наброски, вероятно, предназначались для полемического выступления против Чернышевского и вобрали в себя некоторые из предыдущих записей. Замысел остался неосуществленным. Достоевский и раньше упрекал Чернышевского в «шутовском» тоне, причем словечко «шутовство» он, по-видимому, взял у самого Чернышевского, писавшего в коллекции первой «Полемических красот»: «Думал я подписывать эти статьи каким-

нибудь задорно-шуточным псевдонимом; но, судя по-нынешнему, не одно шутовство в них будет...» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 713). Балакирев Иван Александрович (1699—1763) — любимый слуга Петра I, впоследствии шут при дворе Анны Иоанновны. Славился остроумием и смелостью (подробнее о нем см.: наст. изд., т. I, стр. 496).

Стр. 156. ...*(вот даже г-н Павлов)*... — См. выше, стр. 351—352.

Стр. 157. ...*разбиваете китаизм литературных отношений*... — Термины «китаизм», «китайский уклад» нередко употреблялись в русской публицистике XIX в., вслед за Белинским, в качестве синонима косности, застоя, деспотизма (ср.: наст. изд., т. V, стр. 70, 369).

Стр. 157. *Павлов прав, говоря про ваше самолюбие.* — В статье «Г-н Чернышевский и его время» (см. также выше, стр. 351) Павлов писал: «Статья г-на Чернышевского («Полемические красоты», — *ред.*) написана чрезвычайно бойко, изворотливо, в иных местах язвительно и забавно, лучше, чем какая-либо из других его статей. Видно, что достоинства собственной персоны, что желание побеседовать о них и доказать то, что он доказывает, составляет для него более живой интерес, чем всё то, что он проповедывал до сих пор и над чем трудился неусыпно. Так вот она, сущность-то дела, так вот на что сводятся заботы о благоденствии родины и всего человечества...»

Стр. 157. *Красота и естественная потребность красоты.* — Этот тезис развит в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 94).

Стр. 157. *Человек с двумя ушами* ∾ *Резать носы.* — Ср. выше, стр. 205.

Стр. 158. *Пирогов. Как вы ни оправдывайтесь* ∾ *это уже не Чернышевского).* — Эти наброски относятся к замыслу статьи, направленной против Добролюбова и вызванной появлением в «Современнике» (1861, № 8) его статьи «От дождя да в воду».

Стр. 158. *Тон не такой должен быть с Пироговым.* — В оправдание своего тона в полемике с Пироговым Добролюбов писал: «Часто случалось мне слышать упреки, что я обращаюсь к почтенным лицам в небрежном и насмешливом тоне: тон статейки о г-не Пирогове не может подвергнуться даже этому упреку. В серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уважение, которое я питал к г-ну Пирогову, и то огорчение, которое почувствовал я при виде жалкого факта, допущенного и освященного его авторитетом» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 136).

Стр. 158. *Чернышевскому. А ведь перед г‹осподином›-то Буслаевым вы были неправы.* — Достоевский имеет в виду выступление Чернышевского (вслед за А. Н. Пыпиным) против Ф. И. Буслаева (1818—1897) в статье «Полемические красоты. Коллекция вторая» по поводу сравнительной оценки изображений Страшного суда в русской традиции и у Микеланджело. К 1860 г. наметилось резкое расхождение Буслаева с критиками «Современника» как по вопросам исторического развития фольклора, так и в оценке эстетической стороны древнерусского народного искусства. Буслаев к этому времени обладал известностью крупнейшего ученого, он был одним из создателей фольклористики как особой науки, автором ряда основополагающих работ по языкознанию, народной словесности, древнерусскому искусству и литературе (подробнее о нем см: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. Учпедгиз, М., 1963, стр. 53—70). Поэтому Достоевский возражал против уничижительного тона выступления Чернышевского, как и против свойственного ему как просветителю прямолинейного понимания прогресса (см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 740—751).

Стр. 158. *Вопрос о Пирогове*... — Далее следуют наброски для предполагавшейся статьи (еще одно название ее: «Опыт окончательного решения по вопросу о Пирогове»), которые вписывались в тетрадь тотчас же после появления статьи Добролюбова «От дождя да в воду» (*С*, 1861, № 8. См. выше, примеч. к стр. 153). Достоевский, признавая в принципе справедливость упреков Пирогову, возмущался «злостью», «тоном» статьи («не в свисте должна была состоять она», «кулаками не лечут»). Судя

по столь подробным наметкам, статья должна была войти в один из ближайших номеров «Времени». Но 17 ноября 1861 г. Добролюбов умер, и намерение Достоевского осталось невыполненным. Нельзя считать случайным помещение в 4-м номере «Времени» за 1862 г. рецензии на литературные и педагогические статьи Пирогова. Как отметили Г. М. Фридлендер и В. С. Нечаева, «это совсем не разбор и не оценка указанных книг, а именно определение своей позиции в связи с дискуссией вокруг статей Пирогова» (*Нечаева, «Время»*, стр. 141). Вероятно, Достоевский был согласен с мнением рецензента, писавшего: «Но, признавая г-на Пирогова за одного из лучших наших общественных деятелей, мы во имя той же правды и добра ‹...› не признаем его вполне безукоризненным деятелем. Что его убеждения вполне благородны и честны, об этом мы упоминали уже несколько раз; но что он остался совершенно верен им на практике, этого мы не скажем, может быть именно из уважения к г-ну Пирогову. Читатели, вероятно, уже догадались, о чем мы хотим говорить. Им, конечно, не безызвестна история розог, подавшая повод к „Всероссийским иллюзиям, разрушаемым розгами". Статья эта бесспорно желчна, горяча, но была ли она в сущности несправедлива — это вопрос» (*Вр*, 1862, № 4, отд. II, стр. 16. Подробнее см.: *ЛН*, т. 83, стр. 102—103).

Стр. 158. *Первоначально было «Великорусские иллюзии — розгами».* — Неточное название статьи Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами», помещенной в «Современнике» (1860, № 1, отд. III, стр. 157—182) за подписью «Н. —бов». Поводом для написания статьи послужило издание «Правил о поступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» Н. И. Пироговым («Журнал для воспитания», 1859, № 11). Гнев революционного демократа Добролюбова вызвала непоследовательность Пирогова, который в «Правилах» допускал, хотя и с ограничениями, сечение детей в гимназиях (подробнее см.: *Добролюбов*, т. VI, стр. 472—476).

Стр. 158. *Г-н Бов горько жалуется ∾ грязью.* — Достоевский имеет в виду слова Добролюбова в статье «От дождя да в воду»: «Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута триумфального удаления его будет очень удобна для того, чтобы бросить несколько комков грязи в темного журналиста, осмелившегося когда-то жестко отозваться об одном из распоряжений г-на Пирогова» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 133).

Стр. 158. *...скакать перед ним, точно как бы перед Аскоченским, и тем сами себя уронили.* — В. И. Аскоченский (1813—1879) — реакционный публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа». Ср. с памфлетным изображением Аскоченского в статье «Щекотливый вопрос» (см. выше, стр. 46).

Стр. 160. *Да ведь это история ваша с Кавуром...* — Статья Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (*С*, 1861, № 6), написанная им с целью показать, «что такое был и чем всегда оставался либерализм», вызвала резкий отпор со страниц большинства тогдашних русских либеральных изданий. «Ярость на нас за Кавура повсюду неописанная», — писал Добролюбову Чернышевский в письме от 1 июля 1861 г. (*Чернышевский*, т. XIV, стр. 434). Включилось в общий хор и «Время» (1861, № 6, отд. III, стр. 45—46).

Стр. 161. *Возраж‹ения› Бову «От‹ечественных› записок» слабы.* — Достоевский имеет в виду помещенную в «Отечественных записках» (1861, № 6, стр. 137—142) корреспонденцию Е. Суд‹овщикова› «Пирогов и „Современник". Письмо из Киева» и заметку от редакции («Пирогов и „Современник"»), предпосланную письму. Добролюбов отвечал Судовщикову в статье «От дождя да в воду» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 135—160).

Стр. 161. *Драгоманов...* — Студент Киевского университета (впоследствии собиратель и исследователь украинского фольклора, профессор и либеральный общественный деятель) М. П. Драгоманов (1841—1895) выступил против Добролюбова со статьей «По поводу заметки о Н. И. Пирогове в № 4 „Отечественных записок" в 1861 г. „Обед в Киеве"» («Рус-

ская речь», 1861, 6 июля, № 54). Добролюбов отвечал ему в статье «От дождя да в воду».

Стр. 161. *«мои стихи...* — Имеется в виду сатирическое стихотворение Добролюбова «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа» (*С*, 1860, № 3, «Свисток», стр. 27—28), которое он сам упоминает в статье «От дождя да в воду». В стихотворении есть строки:

Я б хотел, чтоб высекли меня!..
<. . . . .>
Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,
А другим, какое счел приличным
Николай Иваныч Пирогов

(*Добролюбов*, т. 7, стр. 420).

Стр. 162. *Замечание о наказании за лихоимство и воровство — зачем (по Бову) одно менее, другое более.* — Добролюбов, упрекая Н. И. Пирогова за непоследовательность в «Правилах», в первой статье восклицал: «...что же такое лихоимство, как не самый гнусный вид воровства? И не должно ли его наказывать строже уже и потому, что в жизни всякого гимназиста, когда он будет служить, представится гораздо более поводов к лихоимству, нежели к простому воровству...» (*Добролюбов*, т. VI, стр. 25). В статье «От дождя да в воду» он вернулся к тому же вопросу: «Если уж в самом комитете большинство отличалось такою мудростью, что, например, за лихоимство постановило наказание меньше, чем за простое воровство <...> то каких подчас премудрых соображений можно ожидать от иных педагогических советов!» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 149).

Стр. 162. *...рассуждение увольнением.* — Достоевский имеет в виду следующие слова статьи Добролюбова «От дождя да в воду»: «...отчего бы прямо не заменить розги увольнением? Жестоко, скажете? — Нет, не так жестоко, как кажется. Ведь вы только раз допускаете розги, а потом увольняете...» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 150).

Стр. 162. *Тоже смешно увольнять и после дерзости* ∾ *За что же увольнять?* — Достоевский полемизирует со следующим рассуждением Добролюбова: «Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не бесчеловечно ли пороть за нее, как бы становиться самому ребенком и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбление, имеет серьезный вид, происходя либо от испорченного нрава ученика, либо от его антагонизма с начальником. В этих случаях увольнение — самое лучшее, потому что если после розги ученик и сделается тише в отношении к нелюбимому наставнику, так ведь тайная-то ненависть загорится еще сильнее» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 150—151).

Стр. 162. *Смешная уступка Бова розге: обнаружил ребенок полное раскаяние, да еще его сечь.* — В своем ответе Пирогову Добролюбов иронизировал: «Но говорят, сами родители часто просят, чтобы их детей секли... Ну, вот для этих случаев и сохраните вашу розгу, если уж вам так жалко с нею расстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправления мальчика, если он обнаружил полное раскаяние при получении увольнения и родители его упрашивают лучше высечь, но оставить в гимназии, — то можно, уступая их просьбе, делать опыт» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 151).

Стр. 163. *...отцы возымеют же, наконец, амбицию.* — Предполагая, что процитированные его слова могут вызвать возражения: «Да так, наверное, придется больше сечь, чем теперь, при „Правилах“!», Добролюбов выражал надежду, что «количество случаев сеченья будет быстро уменьшаться, потому что отцы возымеют же, наконец, амбицию...» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 151).

Стр. 164. ...*à la pudeur...* — Возможна связь этого выражения с названием статьи Герцена в «Колоколе»: «Appel à la pudeur» (издателям русских газет) («Колокол», л. 30—31, 15 декабря 1858 г.; *Герцен*, т. XIII, стр. 409—415; см.: *ЛН*, т. 83, стр. 165).

Стр. 164. *Заключение Бова, зачем, дескать, Пирогов не направил всех сил на решительное и коренное изменен‹ие› и т. д.* — В конце статьи «От дождя да в воду» Добролюбов, подчеркивая, что его «занимают не личные достоинства г-на Пирогова, а самое дело», писал: «А дело могло бы пойти успешно только тогда, когда бы — Пирогов ли или кто другой — направил все свои усилия на решительное и коренное изменение того положения, которое оказалось препятствием для г-на Пирогова на пути более широких реформ» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 159—160).

Стр. 166. *Зачем вы, например, уменьшаете такой факт, как прощальный обед ∾ говоря об них таким тоном.* — 18 марта 1861 г. Н. И. Пирогов был уволен «по высочайшему повелению» с поста попечителя Киевского округа. Последней каплей, переполнившей чашу «монаршего» терпения, была деятельность хирурга по созданию воскресных школ (подробнее см. в кн.: В. Порудоминский. Пирогов. Изд. «Молодая гвардия», М., 1965, стр. 263—266). Торжественный обед в его честь, состоявшийся в Киеве 4 апреля 1861 г., вызвал отклики не только в столичной периодической печати, но и в «Колоколе» (л. 100, 1 июня 1861 г.). Герцен писал: «Проводы Н. И. Пирогова были великолепны. Это уж не чиновный юбилей Княжевича и не юбилей Вяземской риторики. Нет — это было совершение великого долга, долга опасного, и потому хвала тому доблестному мужу, который вызвал такие чувства, и хвала тем благородным товарищам его, которые их не утаили!

Отставка Н. И. Пирогова — одно из мерзейших дел России дураков, против Руси развивающейся. Видеть девичью какой-нибудь Васильчиковой, лепечущую бессмысленные доносы с помощью инспектора Рейнгардта, видеть всепростоту государя, пишущего какой-то бред на маршах, вслед за тем падение человека, которым Россия гордится, — и не покраснеть до ушей, от стыда, — невозможно» (*Герцен*, т. XV, стр. 103).

Добролюбов, вскользь коснувшись отставки Пирогова, писал иное: «На торжественных проводах можно говорить что угодно, особенно если это приятно г-ну Пирогову: отчего же не воздать честь человеку? Но честь честью, а дело делом» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 159—160).

Стр. 167. ...*неужели молодежи нравится такое лаяние?* — Словечко «лаяние» здесь употреблено не случайно. Ср. с тем, о чем иронически писал Добролюбов: «Притом же „Современник“ вообще известен тем, что находит ехидное наслаждение в попирании всяких заслуг, в опозорении всего священного и возвышенного, в „облаянии“ всякой благородной личности!» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 135).

Стр. 167. *Говорят, г-ну Чернышевскому ∾ ваши увлечения и т. д.»* — Достоевский имеет в виду внешне подчеркнуто вежливую форму обращения Чернышевского в статье «Полемические красоты. Коллекция вторая...» к С. С. Громеке (1823—1877), который вел в это время в «Отечественных записках» отдел «Современная хроника в России» (см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 753, 755).

Стр. 168. ...*если припомним некоторые «Соврем‹енные› хроники» или «Современные летописи» по поводу недавних событий в «Отеч‹ественных› записках».* — Ср. с замечаниями об «Отечественных записках» в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 81—83. Ср. также: *Чернышевский*, т. VII, стр. 734—739).

Стр. 168. *Непременно разборы ∾ Гончаров...* — В записях отражено намерение Достоевского отозваться на перечисленные темы в очередных номерах «Времени».

Стр. 168. *«Читальник»...* — Проект книги для народного чтения поэта Н. Ф. Щербины, опубликованный в «Отечественных записках» (1861, № 2). Статья о нем Достоевского, названная «Книжность и грамотность», была

включена в цикл «Ряд статей о русской литературе» (*Вр*, 1861, № 8—9). Подробнее о ней см.: наст. изд., т. XIX, стр. 230—241).

Стр. 168. *По поводу одной рецензии...* — В статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» Достоевский подробно остановился на разборе Добролюбовым рассказов Марко-Вовчок (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 80—92).

Стр. 168. *Авторитеты (и Чернышевский)...* — По всей вероятности, заметка связана с разработкой объявления о подписке на журнал «Время» на 1861 г., где говорилось о независимости нового органа «от литературных авторитетов» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 35—39). О полемике с Чернышевским см. примеч. к стр. 153—155.

Стр. 168. *Кузьма Прутков...* — Возможно, что Кузьма Прутков упомянут здесь в связи с рассуждением о «партиях» в русской литературе, изложенным в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 72—73).

Стр. 168. *Поэтики Всеволод Крестовский ∞ и проч.* — Такая статья написана не была. В. В. Крестовский (1840—1895) — впоследствии популярный беллетрист, автор нашумевших «Петербургских трущоб» (1864—1866), а затем ряда антинигилистических романов, в конце 50-х—начале 60-х годов выступал как поэт, в стихах которого зачастую гражданские мотивы сочетались с эротикой; с 1861 г. — сотрудник «Времени» (ср. также: наст. изд., т. V, стр. 47, 362). Уничижительное наименование «поэтики» свидетельствует о невысокой оценке Крестовского, хотя именно в это время, т. е. в 1860—1861 гг. братья Достоевские были постоянными посетителями «вторников» А. П. Милюкова вместе с Крестовским, А. Н. Майковым, Д. Д. Минаевым, Н. С. Курочкиным (см.: *Биография*, стр. 182). О характере отношения Достоевского к перечисленным лицам можно судить по его отзыву из письма Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г. Рассказывая об отношении современников к роману Полонского «Свежее предание» (*Вр*, 1861, № 1), Достоевский писал: «Партия Минаевых, Курочкиных, воображающих, что они составляют партию, ругается. Н. Курочкин (брат Василия) получил редакторство „Иллюстрации“ — то-то прибыло! <...>Но гадости всех этих мерзляков, разумеется, не имеют ни смысла, ни влияния». Ко времени, к которому относится замысел Достоевского, Минаев еще начинал свой творческий путь (сборником «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта». СПб., 1860), и его пародии вызывали критику Добролюбова (см. его рецензию: *Добролюбов*, т. VI, стр. 211—260). Неудачной оказалась попытка привлечь Минаева во «Время»: написанный им для первого номера фельетон не удовлетворил Достоевского, и он заменил его «Петербургскими сновидениями в стихах и прозе» (см.: наст. изд., т. XIX), сохранив лишь стихотворные вставки поэта: единственный материал Минаева во «Времени» — фельетон по поводу русских переводчиков Гейне, помещенный без подписи в первом номере журнала.

Стр. 168. *Кохановская...* — Надежда Степановна Соханская (псевд. Кохановская, 1825—1884) — писательница, к этому времени автор повестей «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова», «После обеда в гостях», «Гайка», отличавшихся идеализацией патриархальной жизни и горячо поддержанных славянофилами (см.: например, восторженную статью о ней Н. П. Гилярова-Платонова в «Русской беседе», 1859, кн. III). Запись связана с намерением пригласить Кохановскую участвовать во «Времени». С этой целью обращался к ней по поручению М. М. Достоевского Г. П. Данилевский (в ноябре 1861 г.; подробнее см.: *ЛН*, т. 83, стр. 188). Из письма к А. Н. Майкову из Милана от 26 октября (7 ноября) 1868 г. становится известным, что внимание Достоевского к писательнице было привлечено ее повестью «Гайка», напечатанной в «Русском слове» (1860, кн. 4). Ср. об отношении Достоевского к Соханской в примечаниях А. С. Долинина: *Д, Письма*, т. II, стр. 432).

Стр. 168. *Гончаров...* — Возможно, что эта запись связана с появлением отрывков из нового романа И. А. Гончарова («Обрыв»). В конце февраля 1860 г. вышел из печати № 2 «Современника» с отрывком

«„Софья Николаевна Беловодова“ из романа „Эпизоды из жизни Райского“», а в январе и феврале 1861 г. в № 1 и № 2 «Отечественных записок» были напечатаны отрывки «„Бабушка“ из романа „Эпизоды из жизни Райского“ («Обрыв»)» и «Портрет».

Стр. 168. *Современнику ∾ (о Кавуре)...* — Об отношении критиков «Современника» (Чернышевского и Добролюбова) к Кавуру см. выше, стр. 350.

Стр. 168. *...прикинуться Диогенами...* — Т. е. простаками. Сравнение с Диогеном (применительно не к «Современнику», а к «Свистку») было употреблено Достоевским в «Ответе „Русскому вестнику“» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 122).

Стр. 168. *«Русская речь», № 64, 10 августа.* — По-видимому, Достоевский собирался ответить на критические замечания по поводу статьи «Книжность и грамотность», появившиеся во «Внутреннем обозрении» «Русской речи» (1861, № 64, 10 августа). Подробнее об этом см.: наст. изд., т. XIX, стр. 240.

Стр. 168. *Наши критики до сих пор силятся не понимать Пушкина.* — Об этом см.: наст. изд., т. XIX, стр. 9—18.

‹II. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1863—1864 гг.›

(Стр. 170)

Печатается по рукописи, хранящейся в *ГБЛ*, ф. 93, I.2.7; отдельные листы: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 182—184; см.: *Описание*, стр. 134, 313—314.

Впервые частично опубликовано: Л. Гроссман. Путь Достоевского. Л., 1924, стр. 130—131; «Былое», 1907, август, стр. 124; полностью (с пропуском отдельных листов, хранящихся в *ИРЛИ*) — *ЛН*, т. 83, стр. 171—188.

В собрание сочинений включается впервые.

Книжка заполнялась в 1863—1864 гг. На начальную дату указывают содержащиеся здесь размышления о польских событиях, отклики на появившуюся в «Медицинском вестнике» (1863, № 47—48) статью И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и на статью М. П. Погодина «Петр Первый и национальное, органическое развитие» (*РВ*, 1863, № 7), а также замысел политической статьи, вызванный, по-видимому, изобретением нового вида пороха, и другие материалы. Есть в книжке и датированная помета: «25 ноября 63 г. выезд из Москвы». Большинство других материалов относится к 1864 г. Записи, кроме первой страницы, заносились в книжку разновременно, причем заполнялась она в обратном направлении, чернилами и карандашом. Однако разновременные записи невозможно при воспроизведении книжки разъединить и расположить в вероятной хронологической последовательности: часто занесенные в книжку одновременно (или почти одновременно), заметки принимали окончательный вид позднее, уже в другое время.

В начале 1863 и в 1864 г. продолжалась критико-публицистическая деятельность Достоевского во «Времени» и «Эпохе». В данной книжке, как и в предыдущей, значительное место занимают планы и наброски критических статей, материалы для полемики с «Современником» и в особенности с главным теперь оппонентом Достоевского — М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Большое место в книжке занимают записи литературного характера, а также материалы, связанные с редакторской и издательской деятельностью (см. об этом: *ЛН*, т. 83, стр. 183, 187; ср.: наст. изд., т. I, стр. 435—436, 483; т. VII, стр. 5, 309). Здесь же содержатся чрезвычайно важные записи дневникового характера, которые, по верному замечанию Л. М. Розенблюм, представляют собой попытку писателя «уяснить и сформулиро-

вать для себя основные пункты собственного философского, религиозного, общественно-исторического мировоззрения» (*ЛН*, т. 83, стр. 105).

Стр. 170. *Что такое настоящая война ∾ а народное.* — Этот набросок был использован в «Ответе редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“» — см. выше, стр. 98—101. Отношение к польскому вопросу Достоевский выразил в письме к И. С. Тургеневу (из Петербурга, от 17 июня 1863 г.), написанном по поводу запрещения журнала «Время». Поясняя Тургеневу основную мысль статьи Страхова «Роковой вопрос», он писал: «Некоторые журналы («День» между прочим) серьезно стали нам доказывать, что польская цивилизация только поверхностная, аристократическая и иезуитская, а след‹овательно›, вовсе не выше нашей. И представьте себе: доказывают это нам, а мы это самое и имели в виду в нашей статье; мало того: доказывают тогда, когда у нас буквально сказано, что эта польская хваленая цивилизация носила и носит смерть в своем сердце».

Стр. 170. *Г-н Катков не находит разницы ∾ сломит ногу.* — См. выше, примеч. к стр. 153.

Стр. 170. *Память чувства (статья Сеченова).* — Статья И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» появилась в «Медицинском вестнике» (1863, № 47—48). Об интересе Достоевского к болезням мозга и нервной системы и обращении его к научной литературе по этим вопросам см.: наст. изд., т. VII, стр. 391—392. Ср. также: *Д, Письма*, т. I, стр. 488.

Стр. 170. *Погодина защита Петра I-го — суконная фабрика.* — Эти слова Достоевского — отклик на статью М. П. Погодина «Петр Первый и национальное, органическое развитие» (*РВ*, 1863, № 7). «Слава Петрова, — писал Погодин, — находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов тайной канцелярии бросили, в последнее время, мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание проясняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию». Далее Погодин отмечал: «Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы везде не встретился с нами Петр ‹...› Мы просыпаемся. Какой нынче день? 18 сентября 1863 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настрижена с овец, которых развел он» (ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 198).

Стр. 170. *Мы не общество. ∾ (в проект).* — Эта мысль была выражена Достоевским в объявлении журнала «Время» на 1863 г. (см. выше, стр. 207—209).

Стр. 171. *В политич‹ескую› статью ∾ Главное развить.* — Подробнее этот набросок развит в записной тетради 1864—1865 гг. — см. ниже, стр. 376—377.

Стр. 171. *Об изобрет‹ении› оружий.* — Возможно, что Достоевский откликается здесь на газетные сообщения об изобретении нового вида пороха. Так, фельетонист «Голоса» писал по этому поводу: «Мы говорим о любви к человечеству, а посмотрите, во скольких странах люди режутся с остервенением, достойным диких зверей; посмотрите, сколько светлых, благородных умов занято изобретением новых снарядов и орудий для лучшего и скорейшего истребления друг друга. Так, недавно во Франции наделало страшный шум изобретение нового пороха. Изобретатель его, Эдуард Шульц, капитан прусской артиллерии ‹...› Комиссия, назначенная для рассмотрения нового пороха, решила, что г-н Шульц сделал весьма важный шаг к открытию новой баллистической силы, более подходящей к усовершенствованному оружию» (*Г*, 1863, 15 февраля, № 40).

Стр. 171. *Шедо-Ferroti «Opinion publique en Russie».* — О книге Шедо-Ферроти см. ниже, стр. 378.

Стр. 171. *Гражданские слезы* ∾ *не нравится.* — Отклик на строки из напечатанного в «Современнике» (1864, № 2) стихотворения Ив. Г. М. (И. И. Гольц-Миллера, 1842—1871):

Позади — бесцветная
Дней былых равнина;
Спят в ней безответные
Грезы гражданина.

«Весьма любопытный образчик нашей современной поэзии ‹...› — писал по поводу этого стихотворения Н. Н. Страхов в «Заметках летописца» («О том, как слезы спят в равнине»), как и Достоевский, переменив слово *грезы* на *слезы* (*Э*, 1864, № 4, стр. 368). — Весьма метко говорит поэт, что у него *нет сил расстаться* с грустью: так мила ему эта грусть, так она его греет и вдохновляет! *Слезы гражданина* заменяют теперь *луну*, *деву*, *мечту* прежних поэтов». В другой статье Страхов замечал: «Эти слезы не случайность; они — органический продукт нашей литературы. Эти слезы, по всей вероятности, есть цветок, выросший на почве многих стихотворений г-на Некрасова (*Э*, 1864, № 12, стр. 16; *ЛН*, т. 83, стр. 189). То же стихотворение Гольц-Миллера высмеивается Достоевским и в одном из черновых вариантов повести «Крокодил» (см.: наст. изд., т. V, стр. 330). Выражения «гражданский поэт», «гражданские мотивы», «гражданская скорбь» прочно вошли в литературный обиход с начала 60-х годов. Так, в некрологе Добролюбову Чернышевский писал: «...не труд убивал его, — он работал беспримерно легко, — его убивала гражданская скорбь» (*С*, 1861, № 11, стр. 4). В 1863 г., в связи с выходом в свет сборника стихотворений «Гражданские мотивы», изданного А. П. Пятковским, рецензент «Голоса» писал: «Этот сборник состоит из лучших стихотворений прошедшего восьмилетия ‹...› Это было время, когда требовалось в самом деле прежде всего гражданское мужество... у нас оно почти всегда заменялось *гражданской скорбию.* И в сборнике г-на Пятковского выражается тоже исключительно *гражданская скорбь*» (*Г*, 1863, 23 января, № 22). Позднее (в 1873 г.) близкий к Достоевскому Н. Н. Страхов иронически писал: «Настроение, овладевшее Некрасовым еще в 1856 г., впоследствии нашло себе весьма пригодную почву ‹...› все остальные стихописатели захотели непременно быть „гражданскими“ поэтами, стали выбирать предметом пения „гражданские мотивы“ и стали проливать „гражданские слезы“» (см. в кн.: Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. СПб., 1890, стр. 55—56).

Стр. 171. *Гамалиил.* ∾ *свобода слова.* — Гамалиил — евангельский персонаж, «фарисей», «законоучитель, уважаемый всем народом». Он призвал «мужей израильских» отпустить из темницы апостолов. Внимание Достоевского привлекли слова Гамалиила, призывавшего членов синедриона не карать апостолов за «слово», обращенное к народу, «ибо, если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться богопротивниками». Члены синедриона послушались Гамалиила и «призвавши апостолов, били их, и, запретивши им говорить от имени Иисуса, отпустили их». Апостолы же «всякий день в храме и по домам не переставали учить...» (Деяния апостолов, гл. 5, ст. 34—42).

Стр. 171. *«Современник». Июль.* ∾ *ходила по монастырям»*; стр. 177. *О монастырях* ∾ *не дико или это?* — В этих набросках содержится отклик на анонимную рецензию «Новый роман автора „Проклятого“» на книгу аббата*** «La Religieuse» («Монахиня») (*С*, 1864, № 6, отд. II, стр. 141—156). Рецензия была написана А. Н. Пыпиным. По-видимому, иронию Достоевского вызвали следующие его слова: «Автор изображает Терезу женщиной с сильным здравым смыслом, чувством правды и нежным сердцем, хотя ее похождения и не доказывают первого из этих качеств. Перебывши в трех или четырех монастырях, она все еще не может составить себе о них понятия...» И далее: «..очевидно

и сам Лубер, вообще имевший большое пристрастие к Терезе, сомневался в ее здравом смысле» (там же, стр. 143. Подробнее см.: *ЛН*, т. 83, стр. 192).

Стр. 171—172. *Социалисты хотят переродить человека* ∾ *Западная дребедень.* — В записях этих Достоевский продолжает спор с революционными и атеистическими идеалами «Современника». Подробнее позитивные идеи свои он развил в материалах к неосуществленной статье «Социализм и христианство» (см. выше, стр. 193—194).

Стр. 172. *...человек не захочет обратить любовь в клубничку.* — Выражение «клубничка» (фигуральное обозначение любовных похождений) употреблял гоголевский Ноздрев («Мертвые души», т. I, гл. 4). Достоевский использовал его также в «Записках из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 145) и в «Ответе „Русскому вестнику“» (т. XIX, стр. 133—136).

Стр. 172. *Рудин. Волынцев...* — Герои романа И. С. Тургенева «Рудин» (1855).

Стр. 172. *Теоретикам и нигилистам можно сказать* ∾ *универсальное лекарство всему обществу.* — В этой записи продолжена полемика с лагерем «Современника» и «Русского слова».

Стр. 172—175. *16 апреля. Маша лежит на столе.* ∾ *жизнь бесконечная.* — Эти записи связаны со смертью М. Д. Достоевской (она умерла от туберкулеза 15 апреля 1864 г.). В последние годы жизни жены отношение Достоевского к ней изменилось: прежнее страстное чувство уступило место заботливости и состраданию. Любовь к А. П. Сусловой, пережитая Достоевским в эти годы, не вытеснила из его сердца глубокой привязанности к «самой честнейшей, самой благороднейшей и великодушнейшей женщине». После ее смерти в жизни его «стало больно и пусто...» (см. письмо к А. Е. Врангелю от 31 марта 1865 г.). Раздумья о смерти жены переросли у Достоевского в философские размышления о личном бессмертии, о противоборстве в душе человеческой эгоизма и самопожертвования, о возможности будущей мировой гармонии, и о непрерывной связи человека с теми, кто жил до него, и кто придет ему на смену (подробнее см. в статье Л. М. Розенблюм «Творческие дневники Достоевского» — *ЛН*, т. 83, стр. 13—15).

Стр. 172. *Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой...* — Ср. в Евангелии от Матфея: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (гл. 19, ст. 19).

Стр. 173. *«Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божии».* — См. Евангелие от Матфея: «...ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы божии, на небесах» (гл. 22, ст. 30; ср. Евангелие от Марка, гл. 12, ст. 25; от Луки, гл. 20, ст. 35).

Стр. 173. *...(учение о мече)...* — Ср. одну из заповедей Христа апостолам: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Евангелие от Марка, гл. 10, ст. 34—36).

Стр. 174. *...«времени больше не будет».* — Апокалиптическое пророчество о состоянии, которое настанет после второго пришествия Христа (см.: Откровение Иоанна Богослова, гл. 10, ст. 6—7).

Стр. 174. *... (Прудон, происхождение бога)...* — Свою «гипотезу бога» П.-Ж. Прудон изложил в книге «Système des Contradictions èconomiques, ou Philosophie de la Misère» ‹«Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (*франц.*)› Об отношении Достоевского к Прудону см.: наст. изд., т. IX, стр. 444—445.

Стр. 175. *...(в дому отца моего обители многи суть).* — Ср. в Евангелии от Иоанна: «...в доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: „Я иду приготовить место вам“» (гл. 14, ст. 2).

Стр. 175. *...правильное изучение природы происходит весьма недавно (Декарт и Бэкон)...* — Упоминание основателей новой философии Декарта (Descartes, 1596—1650) и Фрэнсиса Бэкона (Bacon, 1561—1626), возможно, связано здесь с перечитыванием работы А. И. Герцена «Письма об изучении природы» (1845), с которой Достоевский впервые познакомился еще в 1840-е годы. Герцен посвятил Декарту и Бэкону письма Шестое

и Седьмое, где назвал их «зачинателями новой философии» (см.: *Герцен*, т. III, стр. 242—273). Следует также иметь в виду, что в 1860-х годах друг Достоевского и сотрудник «Времени» и «Эпохи» Н. Н. Страхов работал над переводом первых томов «Истории новой философии» К. Фишера: отрывки из него печатались в журналах братьев Достоевских.

Стр. 175. *(Впрочем, кровь у них дешева). ∾ кровь, которою бредят революционеры...* — Ср. с аналогичными полемическими обвинениями в адрес революционеров в «Бесах» — наст. изд., т. XII, стр. 291—292.

Стр. 176. *Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю ∾ связана нераздельно.* — Достоевский откликается на указ о крестьянской реформе в Польше (19 февраля 1864 г.), которому он дает оценку, близкую к оценке тогдашней либеральной прессы. По этому указу крестьяне должны были заплатить за находившуюся в их пользовании помещичью землю, после чего она становилась их собственностью.

Стр. 176. *Костомарову ∾ Служит многим господам.* — Этой записью начинается ряд набросков для задуманной, но неосуществленной статьи о полемике Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным (см. об этом замысле в письме к М. М. Достоевскому из Москвы от 29 февраля 1864 г., где мы читаем: «С завтрашнего дня сажусь за статью о Костомарове»). 5 марта 1864 г. Достоевский писал брату: «Статья моя (будущая) о споре Погодина с Костомаровым, будет во всяком случае ‹...› Я не знаю истории так, как они оба, а между прочим, мне кажется есть что сказать и тому и другому». Однако статья не попала в нужный номер «Эпохи», и писатель согласился на предложение М. М. Достоевского поручить написать на ту же тему Д. В. Аверкиеву, выразив пожелание, «чтоб он собственно о Костомарове писал, а не о споре его с Погодиным». Статья Аверкиева под названием «Г-н Костомаров разбивает народные кумиры» была напечатана в «Эпохе» (1864, № 2, стр. 276). В другом письме к брату от 2 апреля 1864 г. из Москвы Достоевский подробнее развивал свой замысел: «Я ведь не историческую статью хочу писать, а по поводу русских историков и их знания своего дела. Не беспокойся, я знаю, что сказать, и достаточно даже специалист — не в истории, а в развитии наших идей исторических в литературе, во взглядах наших историков (главнейших). Одним словом, в грязь лицом не шлепнусь, да, кроме того, тут все идеи „Эпохи" о „почве" должны быть выражены, не беспокойся».

Стр. 176. *...Пушкин, писавший пошленькие стишонки...* — Костомаров писал, возражая Погодину: «..если что мне действительно антипатично, так это тот патриотизм, который может, не краснея, говорить о себе:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Вы же сами, после этих стихов, сознаетесь, что историк не может так говорить. Не только историк, но всякий честный человек должен гнушаться такими понятиями. Для чего же вы привели эти пошлые стишонки?» (*Г*, 1864, 1 февраля, № 32). На полемику Погодина и Костомарова отозвался в «Эпохе» Н. Н. Страхов заметкой «Пушкина ругают» (1864, № 4). Л. Р. Ланский и С. С. Борщевский высказали предположение о «влиянии или даже соавторстве» Достоевского в связи со следующим отрывком этой заметки: «Факт презнаменательный. Появились, изволите ли видеть, нынче точки зрения, с которых стихи Пушкина кажутся пошлыми, исполненными странностей и т. п. ‹...› Кто же не одобряется ими? Пушкин; не одобряется самое прекрасное, светлое явление нашей литературы. Пушкин у нас есть явление, выходящее из ряду вон; он был воплощенный поэт; все движения его души и мысли носят на себе глубокий поэтический характер, носят на себе печать красоты и гармонии. И вдруг — его стихи оказываются пошлыми!» (*ЛН*, т. 83, стр. 189). Однако слова эти могли принадлежать и Страхову, который в своем отношении к Пушкину был близок к Достоевскому и А. Григорьеву.

Стр. 176. *...вы петербургский историк, которого изыскивают даже в академических календарях.* — Статья Костомарова, на которую возражал Погодин, — «Куликовская битва» — была напечатана в «Календаре» Академии наук на 1864 г. (см.: Месяцеслов на 1864 год. Изд. ими. Академии наук. СПб., 1864. Приложение, стр. 1—24). Заметка Достоевского совпадает с фразой из упоминавшейся выше статьи Д. В. Аверкиева. который писал: «Г-н Костомаров, ученый, пользующийся в Петербурге большой известностью, любимец петербургской публики, написал, как известно, по поручению здешней Академии наук статью для „Месяцеслова" на 1864 г. Эта статья успела в короткое время прославиться чуть ли не больше всех других трудов почтенного ех-профессора и по справедливости заслужила позорную известность. Статья эта вызвала замечание и Погодина в № 4 „Дня" и таким образом повела к длинной полемике, окончившейся 2 марта статьею г-на Костомарова, напечатанной в № 62 „Голоса"» (*Э*, 1864, № 3, стр. 276).

Стр. 176. *...кто боится Тохтамыша...* — Тохтамыш (ум. 1406) — хан Золотой Орды, напавший в 1382 г. на Москву и подчинивший ее своей власти. В упоминавшейся выше статье о Куликовской битве Костомаров скептически оценивал заслуги Дмитрия Донского.

Стр. 176. *...а кто боится потерять популярность «Искры» и у Абличительного поэта.* — Ср. с замечанием П. Д. Боборыкина, отметившего, что «Искра» играла в Петербурге «как бы роль „Колокола"» (П. Д. Боборыкин. За полвека. М.—Л., 1929, стр. 137). Подробнее о роли «Искры» в жизни русского общества см. в кн.: И. Г. Ямпольский. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). Изд. «Художественная литература», М., 1964. «Обличительный поэт» — псевдоним Д. Д. Минаева. Один из мемуаристов писал о пем: «Минаева знала вся читающая публика. Его пародии, экспромты, эпиграммы облетели всю Россию и повторялись и повторяются, переходя из уст в уста» (цит. по кн.: И. Ямпольский. Середипа века. Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Изд. «Художественная литература», Л., 1974, стр. 241). Подробпее о Минаеве см. на стр. 240—286 (этой книги). Об отношении Достоевского к Минаеву см. выше, стр. 294, 314, а также: наст. изд., т. XVIII, стр. 207; *Фридлендер, У истоков «почвенничества»*, стр. 400—401.

Стр. 176. *Рой ∾ к этой держиморде с хрусталями.* — Набросок для задуманной, но не написанной статьи о Н. С. Кохановской-Сохапской (см. о ней выше, стр. 359). Об этой статье Достоевский сообщал брату в письме от 5 марта 1864 г. Отношение его к творчеству писательницы, вначале вызвавшему его интерес, вскоре изменилось. В 1868 г. он писал А. Н. Майкову, что советовал бы Страхову «за одно имя не платить, а только за дело». Достоевский вспоминал о повести Кохановской «Рой Саввич на спокое», этой «аллилуйе с маслом, от которой даже Аксаков морщился» и после которой имя писательницы он увидел «с ужасом». В этом же письме, однако, он продолжает: «А вот если даст что-нибудь вроде „Гайки", ну, тогда и погордиться можно».

Стр. 176. *Заметка ∾ у врагов наших.* — Достоевский возвращается к мысли, выраженной в объявлении об издании «Времени» на 1863 г.: «Мы хвалим хорошее и во враждебных нам изданиях и никогда из кумовства не похвалили худого у друзей наших. Увы! неужели такую простую вещь приходится в наше время ставить себе в заслугу?» (см. выше, стр. 212).

Стр. 176. *В полемику ∾ Ничего, догонят.* — Возможно, что этот набросок (как и некоторые следующие далее) сделан для статьи, о которой 29 февраля 1864 г. Достоевский писал брату из Москвы: «Выдумал еще великолепную статью на теоретизм и фантастизм теоретиков («Современника»). Она не уйдет, особенно если они нас затронут. Будет не полемика, а дело».

Стр. 177. *Наши либеральные тупицы провозглашают Пушкина отсталым сравнительно с Рылеевым ∾ отыскал Белкина.* — В середине XIX в., когда в легальной печати стало возможным говорить о Рылееве, нередко его гражданский пафос противопоставлялся пушкинскому «артистизму».

Раньше всех высказался в этом роде Н. А. Бестужев. В 30-х годах в «Воспоминаниях о Рылееве» (опубликованных в «Полярной звезде», № 7, за 1861 г.) он писал: «Переведите сочинения обоих поэтов на иностранный язык и увидите, что Пушкин станет ниже Рылеева». Говоря о поэме «Войнаровский», Бестужев отмечал, что эта поэма «выше всех поэм Пушкина, оригинального только в „Цыганах“». Правда, он здесь же оговаривался: «...хотя по стихосложению она никак не может равняться ни с самыми слабыми произведениями сего поэта» (подробнее см.: В. Базанов и А. Архипова. Творческий путь Рылеева. В кн.: К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Изд. «Сов. писатель», Л., 1971, стр. 51—52. («Библиотека поэта». Большая серия)).

Стр. 177. *Рылеев был только Карамзин в стихах...* — В этих словах Достоевский не только дает полемическую оценку дарования Рылеева, возражая критикам писаревского толка, но и имеет в виду то, что сюжеты целого ряда дум были взяты поэтом из «Истории Государства Российского».

Стр. 177. *А Пушкин был русский человек и отыскал Белкина.* — Для Достоевского пушкинский Белкин — представитель народа, «смиренный, простодушный тип» (см.: *ДП*, 1876, февраль, гл. I, подглавка 2).

Стр. 177. *...из лучиночек...* — См. развитие той же мысли выше в набросках неосуществленной статьи «Социализм и христианство», стр. 191—194.

Стр. 177. *Мы не за то ругаемся с ними* ∾ *проповедуют общечеловека на чужих помочах.* — Эта мысль была развита Достоевским в статье «Два лагеря теоретиков» (см. выше, стр. 6—7).

Стр. 177. *C'est plus ‹точнее: c'est pire› qu'un crime, c'est une faute.* — Слова, сказанные Буле де ля Мёртом по поводу расстрела Наполеоном I герцога Энгиенского (1804) и приписывавшиеся также Талейрану. Позднее они стали крылатым выражением. См.: O. Guerlac. Les Citatuions françaises. Paris, 1961, p. 273.

Стр. 177. *...что наука общечеловечна* ∾ *в высочайшей степени национальны.* — Достоевский откликается на полемику о народности в науке, начатую в 1856 г. славянофильской «Русской беседой», выдвинувшей тезис о необходимости «развития русского воззрения на науки и искусство» независимо от «безусловного авторитета Западной Европы» (см.: *РБ*, 1856, кн. 1, 2; 1857, кн. 5, 7, 8). Против «Русской беседы» выступили целый ряд либерально-западнических журналов и газет, отстаивавших западное просвещение, по их словам, «общечеловеческое воззрение» (см., например: *ОЗ*, 1856, № 9; *РВ*, 1856, № 5; 1857, №№ 10, 11; *СП*, 1857, № 239; *МВед*, 1856, №№ 27, 29, 58). Свое самостоятельное мнение, не совпадавшее с мнением либералов, заявил в этом вопросе «Современник» (см.: *С*, 1856, №№ 6, 12; 1857, № 3).

Стр. 177. *Станция Тверь, profession de foi.* — Возможно, что заметка эта связана по смыслу с размышлениями Достоевского по поводу смерти М. Д. Достоевской (см. выше, стр. 172—175).

Стр. 177. *Из католического христианства вырос только социализм; из нашего вырастет братство* ∾ *вздор*). — Наброски для неосуществленной статьи «Социализм и христианство» (см. выше, стр. 191—194).

Стр. 177. *Вы обращаете литературу* ∾ *своей личности...* — К полемике с «Современником». См. выше, стр. 349—350.

Стр. 177. *Вы мстительны, как г-жа Музовкина.* — Марья Петровна Музовкина (Скорпиона Аспидовна) — героиня очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Госпожа Музовкина» (из цикла «Губернские очерки», 1856—1857).

Стр. 177. (*Сальяс, палку.*) — Как установили Л. Р. Ланский и С. С. Борщевский, в этих словах содержится отклик на эпизод из «Путевых очерков Испании» (*Г*, № 227, 1864, 18 августа) Вадима (псевдоним графа Евгения Андреевича Салиаса де Турнемир, 1840—1908). Описывая свою поездку по Испании, автор рассказывает о встрече на улице с мальчишкой-попрошайкой, пытавшимся выманить у него грошик. «Я не разнежился, потому что это известная фраза мальчишек, которую слышишь раз

двадцать в день. Едва я прошел, обещая ему вместо chavico — uno paliza, то есть удар трости, он вдруг захохотал и запел мне вслед <...>:

Не боюсь палки,
Ибо говорите ради смеха,
И с улыбкой
И поспешно отходя...

Это, ясно, была импровизация. Я остановился.

— Кто вас выучил этой песне? Сами вы ее сочинили, сейчас же?». «Ничего нет мудреного, что мальчик испугался, — отмечалось в «Заметках летописца» № 7 «Эпохи». — Где же бедному испанскому мальчику понять то удивительное сочетание гуманности и грубости, просвещения и потемок, которое нет-нет да и выкажется у нас в полном своем блеске. Человек грозит ему палкой; но вдруг разнеживается при одной *мысли* об импровизации, начинает заговаривать, говорит ему *вы* (это *вы* — прелестно! Особенно после палки!) и пр. Как тут не испугаться! Мальчик думал, что это западня, что его хотят прибить; а выходит, не западня, а тончайшее просвещение, любовь к импровизациям и к изучению народной жизни. Но главное: *вы* и *палка*. Обе эти противоположности совершенно гармонируют одна с другой у наших путешествующих Вадимов и в петербургском „Голосе“» (*ЛН*, т. 83, стр. 192). Данная запись указывает, что либо на это место внимание Н. Н. Страхова обратил Достоевский, либо запись сделана им после ознакомления со статьей Страхова.

Стр. 177—178. — *Да я жить хочу.* ∾ *Мальтус, Писарев.* — Слова Т.-Р. Мальтуса (1766—1834) о бедняке: «На великом жизненном пиру нет для него места» (см.: Опыт о законе народонаселения, т. I. СПб., 1868, стр. 12) обратили внимание Достоевского и вызвали его отповедь также в размышлениях князя Мышкина и в «Необходимом объяснении» Ипполита в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 343—344, 351; т. IX, стр. 448—449, 452). Отношение Д. И. Писарева к работам Мальтуса отразилось в его «Очерках из истории труда» (*РСл*, 1863, №№ 9, 11—12).

Стр. 178. *Яблоко нарисованное и яблоко действительное.* — Запись представляет собою, по-видимому, самый ранний набросок для полемики с «Современником» по эстетическим проблемам («о яблоке натуральном и яблоке нарисованном» см. выше, стр. 108, 155 и 352). Достоевский считал, что этот «знаменитый пункт» составляет «почти всю сущность нигилистического воззрения на искусство». Полемику против тезиса Чернышевского о «яблоке натуральном и яблоке нарисованном» начал Ап. Григорьев в статье «Искусство и нравственность» (1861), где он критиковал следующее положение его эстетической диссертации: «...надобно признаться, что наше искусство до сих пор не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошных плодах тропических земель <...> Лучше действительной розы воображение ничего не может представить; а исполнение всегда ниже воображаемого идеала» (*Чернышевский*, т. II, стр. 38, 58—59).

Стр. 178. *«Книжный вестник» — не то что уж золотушная, а скрюченная газетка.* — «Книжный вестник» — «журнал книжно-литературной деятельности в России», выходил в Петербурге с 1860 г. под редакцией П. А. Ефремова.

Стр. 178. *Как кому угодно.* ∾ *а не теории испускать.* — См. выше, стр. 71—96, 102—120, 125—133 и примеч. к ним.

Стр. 178. ...*генерал Зубатов* ∾ *умирающими.* — Генерал Зубатов — герой рассказа Салтыкова-Щедрина «Зубатов» («Невинные рассказы»). Рассказ был впервые опубликован в «Московском вестнике» (1859, № 3) под заглавием «Из книги об умирающих».

Стр. 178. *Г-н Костомаров, который не всегда пожинал лавры от нигилистов...* — Достоевский намекает на обструкцию, устроенную революционным студенчеством Н. И. Костомарову во время его публичной лек-

ции в Думе 8 марта 1862 г. («думская история») (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 189; см. также: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1958, стр. 258—270).

Стр. 178. *...и Пушкина пошляком выругал ∾ и говорю об этом прямо.* — См. выше, примеч. к стр. 176.

Стр. 178. *Чтоб быть русским историком, нужно быть прежде всего русским.* — Н. И. Костомаров был украинцем.

Стр. 178. *Я люблю роль Москвы в русской истории.* — В этих словах содержится отклик на слова Костомарова в его статье против Погодина: «...я люблю вашу Москву и признаю за нею звание *собирательницы земель русских и основательницы государства.* Я не могу не признавать этого, потому что это — совершившийся факт» (*Г*, 1864, № 32, 1 февраля).

Стр. 178. *Кохановской. Мы многому научились ∾ не следует.* — Эта запись была развита Достоевским в объявлении об издании «Эпохи» на 1865 г. (*Э*, 1864, № 8). См. выше, стр. 217.

Стр. 178. *Кто слишком крепко стоит за насильственную целость России ∾ (в чем главное).* — Вероятно, эта запись, как и последующие, сделана при обдумывании объявления об издании «Эпохи» на 1864 г.

Стр. 179. *Дожевывать Данию.* — См. стр. 188, 377.

Стр. 179. *«Contradictions économ‹iques›» Proudhon.* — См. выше, примеч. к стр. 154.

Стр. 179. *Мы не считаем национальность последним словом ∾ новая форма демократии.* — Эти наброски были использованы как для объявления «Времени» о подписке на 1863 г., так и в «Ответе редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“» (см. выше, стр. 98—99, 208—210).

Стр. 179. *Идея почвы, национальностей есть точка опоры; Антей.* — См. объявление «Времени» о подписке на 1863 г. (стр. 206).

Стр. 179. *Укроти голову. Речь архангельского протопопа.* — На что намекает в данном случае Достоевский, установить не удалось.

‹III. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг.›

(Стр. 179)

Печатается по рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ, ф. 212.I.3; см.: *Описание*, стр. 315.

Впервые частично опубликовано: *Борщевский*, стр. 128, 129—130; *Описание*, стр. 97, 121, 135; полностью: *ЛН*, т. 83, стр. 201—234.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется 1864—1865 годами в соответствии с содержанием и на основании дат, встречающихся в тетради.

После смерти брата (10 июля 1864 г.) Ф. М. Достоевский остался единоличным редактором журнала «Эпоха». Напряженная работа по изданию журнала (об этом см. в письме Достоевского к А. Е. Врангелю от 31 марта 1865 г. и к И. С. Тургеневу от 24 декабря 1864 г.) находит отражение и в тетради: большое место занимают здесь планы очередных номеров «Эпохи», записи счетов и дел, связанных с издательской деятельностью писателя (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 30—31). В этом смысле тетрадь в отличие от других записных книжек и тетрадей примыкает к редакционным и гонорарным книгам братьев Достоевских (см. о них: *Нечаева, «Время»*, стр. 44—47). В ней продолжена полемика с «Современником», отражены замыслы новых статей (наброски к полемической статье против «Голоса», частично использованные в «Каламбурах в жизни и литературе») и план особого издания («Записная книга»), посвященного анализу современной общественной жизни и предвосхищающего будущий «Дневник писателя».

Специфику третьей тетради (как, впрочем, и последующей) составляет большой объем художественных текстов, содержащихся в ней (см.: наст. изд., т. V, стр. 322—323, 387; т. VIII, стр. 96—118, 130—153; т. XVII, стр. 15—23, 445—447).

Записи располагаются в хронологической последовательности.

Стр. 179. *О задатках и Ласенере.* — Ласенер Пьер-Франсуа (Lacenaire Pierre François) (1800—1836) — преступник, получивший широкую известность благодаря нашумевшему в 1830-х годах в Париже процессу, материалы которого были напечатаны во «Времени» (1861, № 2) с предисловием Ф. М. Достоевского. Хладнокровие, цинизм, «безграничное тщеславие», логический ум и демонстративное безверие этого «интеллигентного» убийцы, объяснявшего свои грабежи «идеей» мести обществу, сближали Ласенера в представлении Достоевского с типами современных ему молодых людей, в частности — в связи с размышлениями над образом героя будущего романа «Преступление и наказание» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 334—335; т. XIX, стр. 89—90, 284—286).

Стр. 179. *Об объявлениях об «Эпохе».* — Вероятно, речь идет о тексте объявления «От редакции» или «Объявления об издании журнала „Эпоха" на 1865 год» (см. выше, стр. 216—222).

Стр. 179. *26 ‹августа› ∾ NB. Завтра же составить объявление в «Голос» и проч.* — Объявление о выходе шестой книжки «Эпохи» (цензурное разрешение 20 августа) и о продолжении подписки на журнал появилось в газете «Голос» 30 августа, № 239 (а также в *СПбВед*, 1864, 30 августа, № 191; и в «Дне», 1864, 12 сентября, № 37.

Стр. 179. *Собрать завтра утром материалы для статьи: ответ «Совр‹еменни›ку».* — Речь идет о материалах для статьи «Необходимое заявление» (см. выше, стр. 125—128).

Стр. 179. *№ 36 «Дня» ответить о кафедрах «русск‹ого› дух‹овенства›».* — По всей вероятности, номер 36 «Дня» за 1864 г. упомянут Достоевским ошибочно: в нем нет специальной статьи о положении русского духовенства. Возможно, что Достоевский имел в виду статью «О православном духовном ведомстве в России», напечатанную в предыдущем номере газеты (см.: *Д*, 1864, 29 августа, № 35; см. также ниже, стр. 390).

Стр. 180. *...вы смеетесь?.. 1/2 дела будет сделана...* — Возможно, запись связана со следующим фрагментом из статьи М. Ю-на (М. Н. Лопатина) «Из деревни», опубликованной в упомянутом Достоевским выше 36-м номере «Дня»: «Русский образованный человек доболел уже до инстинктивной уверенности, что всякие личные его усилия войти живою ‹...› причиною в самый круговорот народной грубой нашей жизни останутся навсегда усилиями ‹...› достойными лишь смеха». И далее: «Если б что-нибудь да разом, вдруг; а то якшаться и возиться с окружающим беспонятным черным людом ‹...› обучать ничтожную местную кучку крестьянских детей ‹...› помогать им словом и делом в решении ничтожных общественных задачек или пробуждать в них художественные ‹...› вкусы ‹...›. Во-первых, нестерпимо скучно; во-вторых ‹...› смешно! Такими ли вздорами двигается громадная общественная жизнь!» (*Д*, 1864, 5 сентября, № 36, стр. 5).

Стр. 180. *...паршивой Белой Арапии.* — Белая Арапия — символ праздной, полусонной фантазии в пьесах А. Н. Островского «Праздничный день после обеда» и «Тяжелые дни» (*Островский*, т. II, стр. 125, 451). Символ этот в полемике вокруг драматургии Островского употреблялся как синоним «темного царства» (см., например, рецензию В. Александрова: *СПбВед*, 1863, 8 декабря, № 273). Ап. Григорьев, активный участник этих споров, полемически переосмыслил его значение: Белой Арапией он, а впоследствии под его влиянием и Достоевский, называли утопические картины будущего в «Что делать?» Чернышевского и аналогичные идеи русских революционных демократов, а самих их — белоарапов-

цами. В таком значении термин употребляется и в статьях Ап. Григорьева «Парадоксы органической критики» (*Э*, 1864, № 5, стр. 268) и «Отживающие литературные явления» (там же, № 7). Использование Достоевским той же формулы указывает, что в последующем отрывке содержится полемический отклик на основную идею первой из указанных статей Ап. Григорьева (близкие примеры использования сквозных формул противника в полемических целях см. выше, стр. 157, 190, 193) об «исторической необходимости» появления «нигилизма» на русской почве и «органической» принадлежности этого явления к русской «духовной жизни» (*Э*, 1864, № 5, стр. 268, 259). О выражениях «Белая Арапия» и «белый арап» см. статьи: В. И. Чернышев. Темные слова в русском языке. В сб.: Академия наук СССР. XIV. Академику Марру. М.—Л., 1935, стр. 396—397; Н. А. Крылов. Откуда пошли белые арапы. *ИВ*, 1906, № 5, стр. 694—695; *Тургенев, Сочинения*, т. XII, стр. 558.

Стр. 180. *«Хотя бы кто из мертвых воскрес, и того не послушают».* — Неточная цитата из Евангелия от Луки, гл. 16, ст. 31.

Стр. 180. *В Записн‹ую› книгу.* — Замысел журнала «Записная книга» осуществлен через несколько лет в «Дневнике писателя». См. выше, записи на стр. 181. Ср.: *Фридлендер*, стр. 312.

Стр. 180. *Отнюдь не надо ждать, пока у нас образуются адвокаты* ∾ *людей нет?* — Вопрос об адвокатуре становится в России особенно злободневным в связи с подготовкой и проведением судебной реформы в 1864—1865 гг. В обсуждении его принимает участие и журнал братьев Достоевских (*Э*, 1864, № 3, стр. 160—191). Проблема адвокатуры обсуждалась исходя из практических возможностей повсеместного и быстрого введения ее во всех судах. По сравнению с предыдущим периодом общественного подъема (1862—1863) она имела теперь меньшее число сторонников. Так, славянофильская газета «День», указывая на недостаточное количество людей с юридическим образованием, предлагала «до времени» не вводить «никакой адвокатуры» или ввести ее на ограниченном пространстве, в крупных городах (*Д*, 1864, 18 февраля, № 6). Особенно много сторонников подобная точка зрения снискала после утверждения судебных уставов и обнародования их 20 ноября. Как отметил А. Ф. Кони, «наше излюбленное выражение ‹...› „людей нет“», бывшее «в большом ходу относительно судебной реформы», особенно усилилось под влиянием наступившей реакции «в последний год перед открытием судов» (А. Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах, т. IV. Юриздат, М., 1962, стр. 242). Вопрос «откуда же взять людей?» для нового института присяжных часто ставился на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (1864, 28 ноября, № 276; 1865, 5 и 15 января, №№ 5 и 12, передовые статьи и др.); в «Журнале Министерства юстиции» в статье «Адвокатура в России» автор А. Беликов подчеркивал, «что на первый раз адвокатура едва ли может установиться даже во всех университетских городах» (1865, № 2, стр. 283); мысль о том, что адвокатское сословие в России должно долго «образовываться», высказывала газета «Биржевые ведомости» (1864, 18 декабря, № 336). Особенно консервативную позицию в этом вопросе занимали «Московские ведомости». Используя тот же довод (нет «людей с реальным знанием, опытом и преданностью системе») и прикрываясь общими рассуждениями, что не реформа создает новых людей, а умелые люди проводят реформу, автор статьи предлагал постепенно улучшать старый судебно-полицейский аппарат, т. е. по сути дела выступил против введения нового института присяжных (*МВед*, 1865, 15—17, 23—24, 28 и 30 апреля, 1 мая, №№ 80—82, 86—87, 90, 93 и т. д.). Передовая журналистика, иронизируя над затянувшимся обсуждением реформ («приступ к которым нисколько не обещает от них прямого результата» («Колокол», 1865, 1 февраля, л. 194, стр. 1595)), выражала неодобрение по поводу двухлетнего бездействия и «красноречия» в юридических обществах вместо настоящего дела (*БдЧт*, 1865, № 5, стр. 99—100). Мысль о том, что «судебная защита есть дело чисто практическое» и поэтому «совершенно излишне наперед вооружаться какими бы то ни было теориями», выска-

зывает журнал «Русское слово» (1864, № 6, отд. II, стр. 17, 26). С программой немедленного и повсеместного введения адвокатуры, по-видимому, собирался выступить и Достоевский.

Стр. 181. *Газета в $1^1/_2$ листа ∾ в 2 листа в неделю без приложения.* — Проект этот осуществлен не был.

Стр. 181—182. *В статью: «Наши направления. Западники. Славянофилы и реалисты» ∾ обкрадывает.* — Неосуществленный замысел, относящийся к многочисленным попыткам Достоевского определить место почвенничества в идейной борьбе 60-х годов. Писатель отходит от традиционного для него деления русского образованного общества на два лагеря, где под западниками были объединены и представители либеральной журналистики и идеологи революционно-демократического лагеря (см., например, статьи: «Два лагеря теоретиков», стр. 5—22; «Объявление об издании „Времени" на 1862 год», наст. изд., т. XIX, стр. 147—150, и др.); полемические выпады в адрес «реалистов» позволяют предположить, что к этому лагерю он теперь относит оппонентов «Эпохи» — сотрудников журналов «Современник» и «Русское слово».

Стр. 182. *Об этой драме пророчествовали ∾ и не побежит.* — Этой фразой открывается полемика Достоевского с газетой «Голос» и ее редактором А. А. Краевским (см. стр. 50, 137, 182—184 и примеч. к ним). Достоевский напоминает о скандале, разразившемся в связи с запрещением постановки комедии Островского «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова») Театрально-Литературным комитетом 23 сентября 1861 г., причем главным виновником запрещения критика не без основания считала А. А. Краевского (см.: *РМ*, 1862, 10 ноября, № 44, а также: Неизданные письма к А. Н. Островскому. «Academia», 1932, стр. 670 и др.). Не последнюю роль в борьбе передовых журналов (см.: *И*, 1861, № 44; «Гудок», 1862, №№ 42, 50) с мнением «Андреев Александровичей» играло и «Время», на страницах которого пьеса была впервые опубликована (*Вр*, 1861, № 10) и получила высокую оценку (*Вр*, 1862. № 10). Восторженно откликнулся на комедию Островского и сам Достоевский (см. его письма А. Н. Островскому от 24 августа 1861 г.). Однако и после победы Островского над «отлупленным» комитетом (пьеса была разрешена к постановке 17 ноября 1862 г.) Краевский продолжал настаивать на несценичности комедии, поместив в одном из первых номеров «Голоса» анонимную рецензию, в которой и заключалось «пророчество», что «сцены» Островского «За чем пойдешь, то и найдешь» не имеют и не будут иметь успеха у публики (*Г*, 1863, 6 января, № 6, стр. 22). В следующем году в том же «Голосе», в отделе «Вседневная жизнь», анонимный критик, анализируя комедию Островского «Шутники», высказывает мнение, что «драматическое поприще Островского кончено» (*Г*, 1864, 18 октября, № 288). Возможно, последняя статья и побудила Достоевского напомнить издателю газеты о прежних «пророчествах» этого органа.

Стр. 182—185. *«Голос» и «С.-П‹етербургские› ведомости» ∾ в ущерб русской литературе.* — Эти наброски были использованы в полемической статье «Каламбуры в жизни и литературе» (*Э*, 1864, № 10; см. выше, стр. 137).

Стр. 182. *«Голос» и «С.-П‹етербургские› ведомости» ∾ издания.* — Ср. со словами Достоевского: «„Голос" и „С.-Петербург‹ские ведомости›" (ужас!) невозможно читать без скверного ощущения» (в письме к А. Н. Майкову от 9/21 апреля 1868 г.).

Стр. 182. *Ты там шути, а, однако ж, Шмерлинг-то воротился.* — Пародируется тон и характер политических сообщений «Голоса». Шмерлинг Антон, фон (Schmerling, Anton, von, 1806—1893) — австрийский политический деятель, с 1860 по 1865 г. стоял во главе Министерства внутренних дел и проводил либеральные реформы в области судоустройства, цензуры и личной свободы граждан. В связи с обострением датско-германских отношений в России возрос интерес к политике Австрии в шлезвиг-гольштейнском вопросе, что нашло отражение в периодических изданиях;

в 1864—1865 гг. имя австрийского министра особенно часто встречается на страницах газет и журналов.

Стр. 182. *...встречаю г-на Загуляева у входа в Пассаж...* — Эпизод посещения Загуляевым Пассажа использован в черновых набросках к «Крокодилу» (см. наст. изд., т. V, стр. 332). О М. А. Загуляеве см. ниже.

Стр. 182. *Андрей Александрович есть только ухудшенная Евгения Тур ∾ Андрей Александрович.* — В основном тексте «Крокодила» используется то же сопоставление (наст. изд., т. V, стр. 195, 395).

Стр. 182. *...ум тут Персиньи...* — Персиньи (Filian Jean Gilber Victor duc de Persigny, 1808—1872) — с 1860 по 1863 г. министр внутренних дел Франции, один из наиболее беспринципных сторонников Наполеона III, вызвавший ненависть к себе всех прогрессивных сил Франции. Персиньи упорно и тщетно боролся с буржуазной оппозицией, но в результате выборов 1863 г. вынужден был выйти в отставку. Сравнение издателя «Голоса» с Персиньи имело особую полемическую остроту, так как в это время на страницах газеты появляются статьи, резко критикующие политические взгляды этого французского деятеля (см., например, статью «Либерализм Персиньи» — *Г*, 1864, 19 августа, № 228).

Стр. 182. *Точно «Siècle» и «Opinion National»...* — «Либеральная болтовня» и продажность этих французских газет часто высмеивались на страницах русской прогрессивной печати (см., например, отдел «Политика» в «Современнике»).

Стр. 182. *Политик Загуляев.* — Михаил Андреевич Загуляев (1834—1900) — журналист, писатель и переводчик, в прошлом офицер морской артиллерии. С 1863 по 1884 г. заведовал политическим отделом газеты «Голос». Бойкий, талантливый журналист, М. А. Загуляев был известен в 1863 г. своим сотрудничеством в журналах «Светоч» (см. письмо Ап. Григорьева к А. Н. Майкову — *ЛН*, т. 86, стр. 573; об участии Загуляева в «Светоче» см.: П. Быков. Словарь русских писателей. — ГПБ, ф. 118, арх. Быковых, ед. хр. 56, л. 332), «Русский мир», «Сын отечества», «Библиотека для чтения»; состоял в переписке и был лично знаком с Достоевским (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 128; *Нечаева, «Время»*, стр. 204, 389). Достоевского раздражало фрондерство и крайнее франкофильство корреспонденций Загуляева (о связях Загуляева с Францией см.: Т. Гриц. Письма Жана Ришпена к М. А. Загуляеву. *ЛН*, т. 31—32, стр. 934 и далее). В 70—80-е годы Загуляев, продолжая сотрудничать в «Голосе», принимает участие в «Отечественных записках», «Неделе», «Всемирной иллюстрации», «Заре», в газетах «Новое время», «Русско-славянские отголоски» и др. В этот период он близко сходится с Достоевским в доме Е. А. Штакеншнейдер (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 309; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 302—303, 304, 314; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 428, 430, 458), а в 1880 г. в журнале «Огонек» помещает рассказ «Скороспелый» с посвящением Ф. М. Достоевскому (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 315).

Стр. 182. *Кастельфидардо, лгать ∾ и вилять.* — См. ниже, стр. 373—374.

Стр. 182. *Но всего смешнее, когда они начнут: мы предсказывали, мы смотрим на претензии принца Аугустенбурга...* — В 1864 г. в разгар войны между Пруссией, Австрией и Данией за Шлезвиг и Гольштейн (южная часть Ютландского полуострова) претензии на эти герцогства предъявил принц Аугустенбургский, представитель старшей ветви гольштейн-зондербургской династии, которая в случае прекращения мужской линии королевского дома в Дании получала право престолонаследия в Шлезвиг—Гольштейне. После смерти датского короля Фридриха VII (1863) герцог Фридрих Аугустенбургский предъявил права на Шлезвиг — Гольштейн. Он был признан населением герцогства и большинством немецких государей, что вызвало протест Пруссии. На страницах «С.-Петербургских ведомостей» и «Голоса» публиковались и перепечатывались из

французских газет «меморпи», письма, заявления принца Фридриха Аугустенбургского о своих наследственных правах на Шлезвиг—Гольштейн (*Г*, 1864, 2, 4 и 6 сентября, №№ 242, 244, 246 и др.).

Стр. 182—183. ...*недалеко с этим уедет Тьер...* — Возможно, имеется в виду устойчивая характеристика французского деятеля как «плохого администратора», но «прекрасного оратора» в статьях и корреспонденциях «Голоса» (см.: *Г*, 1864, 26 и 28 мая, №№ 144, 146 и др.).

Стр. 183. ...*Шлиммер Шнапс, министр княжества Зигхарственкера, воротился в Эшен.* — Пародия на текст официальных телеграмм «Голоса»; вымышленное имя министра и название княжества высмеивают корреспонденции о мелких немецких княжествах и их деятелях (см., например, сообщение о политических претензиях княжества Лихтенштейн — *Г*, 1864, 16 октября, № 286).

Стр. 183. ...*от механического раздробления на две книжки...* — В объявлении об издании «Отечественных записок» на 1865 г. сообщалось о превращении журнала в двухнедельный (см. ниже, примеч. к стр. 184).

Стр. 183. *В «От‹ечественных› зап‹исках›», в которых уверялось ∾ за свой идеал.* — Имеется в виду характерное для общей линии «Отечественных записок» 1850-х годов обвинение А. Н. Островского в «славянофильском стремлении выставить грубую жизнь необразованной части нашего купечества как высокий идеал, к которому должно стремиться современное общество» (*ОЗ*, 1857, т. CXV, декабрь, отд. III, стр. 76—90; см. также статью П. Н. Кудрявцева «Журналистика» (*ОЗ*, 1853, т. LXXXVII, апрель, отд. V, стр. 100—120)). Это обвинение было полемически направлено против позиции молодой редакции «Москвитянина» и в частности против оценки творчества Островского в статьях Ап. Григорьева. Полемизируя в журнале с противоположной, «обличительной» трактовкой творчества Островского (см. стр. 109, а также стр. 327), Достоевский, однако, не включил полемику с «Отечественными записками» в статью об их редакторе Краевском. Основной причиной этого было не только сотрудничество Островского во «Времени», но, можно предположить, и наметившееся уже тогда расхождение писателя с трактовкой драматургии Островского в статьях Ап. Григорьева. Позже в письме к Н. Н. Страхову от 6 апреля 1869 г. Достоевский высказал «убеждение», «что Добролюбов *правее* Григорьева в своем взгляде на Островского», а в письме к А. Н. Майкову от 11 декабря 1868 г. критически отозвался о типе Любима Торцова в комедии «Бедность не порок» как о попытке создания идеального характера.

Стр. 183. *Серебром лишь побрякал он...* — Строка из баллады А. Мицкевича («Czaty», 1827—1828) «Воевода» в переводе Пушкина (1833).

Стр. 183. *Таким образом, г-н Загуляев утверждает ∾ сам г-н Загуляев.* — См. выше, примеч. к стр. 182.

Стр. 183. ...*Голос г-на Краевского в «Голосе» против русской журналистики и литературы.* — См. выше, примеч. к стр. 182.

Стр. 184. *Г-н Боборык‹ин›, проехав свою путь-дорогу ∾ более уже ехать некуда, и раздваивается на два проселка.* — Каламбур, построенный на обыгрывании названий двух романов, помещенных в журнале П. Д. Боборыкина «Библиотека для чтения»: «В путь-дорогу» самого издателя (*БдЧт*, 1864, №№ 1, 12 и в приложениях к остальным томам этого года) и «Некуда» Стебницкого (псевдоним Н. С. Лескова) (*БдЧт*, 1864, №№ 1—5, 7—8, 10—12). Боборыкин вслед за А. А. Краевским объявил о выходе в 1865 г. «Библиотеки для чтения» «двумя книжками» (см. объявление об этом в «Голосе», 1865, 5 января, № 5), что также обыгрывается в каламбуре и явилось поводом для упоминания имени Боборыкина в полемических записях против Краевского.

Стр. 184. *Насчет Тургенева «Зап‹исок› охот‹ника›» отзыв «Голоса».* — См. выше, стр. 147 и примеч. к ней.

Стр. 184. *То же самое случилось и с г-ном Краевским ∾ Да и что такое Кастельфидардо и Каталафими ∾ Эка важность!* — Достоевский иронизирует по поводу ошибки Краевского, спутавшего победу генерала Чи-

альдини при Кастельфидардо с победой Гарибальди при Калатафими (близ Марсалы), 14 мая 1860 г. (*Г*, 1864, № 288, 18 октября). Подробнее об этом см. стр. 137, 339.

Стр. 185. *Фаворизир‹ованный› человек* — баловень, любимец (от франц. favori).

Стр. 186. *Русский за границей теряет употребление русского языка и русских мыслей.* — Возможно, запись к задуманной статье «О примирении общечеловека с почвой» (см. стр. 177, 366). Ср. с мыслью в «Зимних заметках о летних впечатлениях» о русских, «которые окончательно там (за границей, — *ред.*) поселились, забывают свой язык и начинают слушать католических патеров» (наст. изд., т. V, стр. 63), а также с записью в подготовительных материалах к «Бесам» о типичной судьбе русского барина, поселившегося в Париже, чтобы «слушать Кузена и кончить чаадаевским и гагаринским католицизмом» (наст. изд., т. XI, стр. 87). Под «русскими за границей» Достоевский имеет в виду крайних «западников», порвавших с «почвой».

Стр. 186. *Газета «Весть» ∾ через Управу благочиния.* — Намек на полицейский характер корреспонденций газеты «Весть» (1863—1870), органа реакционной дворянско-крепостнической оппозиции, издатели которой, В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов, помещали на ее страницах прямые политические доносы и провокационные заметки (подробней об этом см. выше на стр. 61, 69—70).

Стр. 186. *Но нет человека, который бы, читая о чашке ∾ больной.* — Полемические записи, частично использованные в статье «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (*Э*, 1864, № 9; наст. том, стр. 129—132) и отражающие непосредственную реакцию Достоевского на статьи М. А. Антоновича («Постороннего сатирика») в девятом номере «Современника»; в основном это полемика со статьей «Стрижи в западне» (*С*, 1864, № 9).

Стр. 186. *...читая о чашке ∾ литературная выходка...* — Достоевский говорит о «литературной выходке» в статье «Опять „Молодое перо“» (см. выше, стр. 83—104), пародийно использованной М. Антоновичем в послании «Стрижам» (*С*, 1864, № 7) и в статье «Стрижи в западне» (*С*, 1864, № 9, стр. 96).

Стр. 186. *Сплетня, где выдумано и прилгано ∾ мою статью.* — Достоевский возражает Антоновичу, который в статье «Стрижи в западне» (*С*, 1864, № 9, стр. 90—91) обвинил его в распространении в статье «Г-н Щедрин, или Раскол в нигилистах» сплетен о М. Е. Салтыкове-Щедрине.

Стр. 186. *(Мальчик прибить хочет насмерть в школе).* — Ответ на следующее место статьи Антоновича: «Известно, что в школах самые слабосильные школьники бывают самыми драчливыми; драчун пристает ко всем и часто нарывается на силача, который его и отколотит как следует» (*С*, 1864, № 9, стр. 83).

Стр. 186. *...вы мне на эти 3 страницы ровно 60...* — См. нижеследующее примечание.

Стр. 186. *...к чему бы так много прудить.* — Достоевский переадресовывает Антоновичу обвинение в многословии, используя его выражения из статьи «Стрижи в западне» (*С*, 1864, № 9, стр. 102; ср. также со словами Щедрина из «Журнального ада»: «...к чему прудить целые пруды своими помоями? не в собственное ли ложе прудишь ты?» — *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 497).

Стр. 186. *Сами же признались в такой гадости...* — Имеются в виду следующие слова из статьи М. А. Антоновича: «Действительно, мое послание обер-стрижу Достоевскому нехорошо, неприлично, безобразно...» (*С*, 1864, № 9, стр. 79).

Стр. 186. *Тем-то вы и смешны ∾ общ‹ественного› мнения.* — Ср. с упреком М. Е. Салтыкова-Щедрина в адрес сотрудников «Русского слова»: «...им кажется, что вся Россия взирает на них...» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 326).

С т р. 186—187. *Шиши. Тьер ∾ называть обер-шишами.* — Возможно, Достоевский предполагал провести параллель между «пустым болтуном» Тьером и своими оппонентами из «Современника», воспользовавшись их же отрицательной характеристикой, данной этому французскому политическому деятелю (см.: *С*, 1864, № 5, стр. 79).

С т р. 186. *И он спрашивает меня, отчего вы то-то и то-то.* — Возможно, что данные слова относятся к следующему ироническому намеку Антоновича на болезнь Достоевского: «Если вы больны ‹...› зачем же ведете полемическую войну» (*С*, 1864, № 9, стр. 83; ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 240). Достоевский мог иметь в виду и другой вопрос Антоновича: «Я думаю, многие проницательные читатели и писатели сильно порицали мое „послание“ за ‹...› неблаговидный способ выведывания чужих тайн ‹...› отчего же стрижи в своих ответах на мое послание не порицают в нем этой неблаговидной стороны...» (там же, стр. 87).

С т р. 186. *Разжалобить...* — М. А. Антонович писал: «Не надеясь на свои силы, стрижи ‹...› прибегают к жалобам...» (*Э*, 1864, № 9, стр. 82).

С т р. 187. *...шиши в беспредельное пространство...* — Источник этой словесной формулы см. выше, в примеч. к стр. 132. Ее повторяет Н. Н. Страхов в «Заметках летописца» (*Э*, 1864, № 7, отд. V, стр. 1), что вызвало раздражение М. А. Антоновича (*С*, 1864, № 9, стр. 114). Это могло побудить Достоевского повторить ее в своей статье «Чтобы кончить...» (стр. 132).

С т р. 187. *...что их подшпиговывает.* — Ср. со словами М. Е. Салтыкова-Щедрина из статьи «Тревоги „Времени“»: «Выдумали себе каких-то несуществующих врагов, да и шпигуете их чем попало!» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 49).

С т р. 187. *...обер-шиш господин Пыпин?* — Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — историк литературы и этнограф, впоследствии академик; в 1860-е годы активный сотрудник «Современника» и редактор отдела «Современное обозрение». С 1865 г. А. Н. Пыпин вместе с Некрасовым становится ответственным редактором журнала. Достоевский неприязненно относился к просветительскому рационализму радикально настроенного в то время Пыпина (см. резкие характеристики его в записной тетради 1872—1875 гг.).

С т р. 187. *...шишик с гражданской слезой такой-то.* — См. выше, примеч. к стр. 171.

С т р. 187. *...он литературным образом обокрал меня...* — Достоевский повторяет обвинение, использованное в «Необходимом заявлении» (см. выше, стр. 125—128), в ответ на оправдание М. А. Антоновича: «...я взял их „тирады“ (т. е. редакторов «Времени», — *ред.*) только напрокат» (*С*, 1864, № 9, стр. 79).

С т р. 187. *...шатающихся даром лишних людей.* — Сближая «нигилистов» и «лишних людей», Достоевский пользуется словесными формулами Щедрина. Последний в мартовском обозрении «Наша общественная жизнь» называл и либералов и сотрудников «Русского слова» «шатающимися» «из угла в угол» «паразитскими» существами (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 322). Близкую характеристику писатель дал Герцену в главе «Старые люди» (*ДП*, 1873), что позволяет отнести к разряду «праздношатающихся баричей» не только оппонентов Достоевского (сотрудников «Современника»), но и представителей лондонской эмиграции (см. об этом: *Борщевский*, стр. 239).

С т р. 187. *Мы честны, мы прямы, мы лгать не хотим-с ∾ подвиг.* — Ответ на вопрос, поставленный Антоновичем: «В прошлем году стрижи хвастались так: „...в нас вовсе нет настолько слишком уж самоохранительного и виляющего до малодушия благоразумия, как, например, было в Булгарине, то есть пропадай другие, было бы нам хорошо“; спрашивается, могут ли стрижи и теперь похвастаться тем или нет?» (*С*, 1864, № 9, стр. 120).

С т р. 188. *...муравейник.* — См. примеч. к стр. 110, 193.

Стр. 188. ...*как мальчики.* — Достоевский использует образ Щедрина, употребленный им для обозначения «всех и всяческих молодых сил реакции и консерватизма» (*Салтыков-Щедрин*, т VI, стр. 290—296, 657).

Стр. 188. *Щедрин о вислоухих и засиживателях.* — Выражения Щедрина, примененные по отношению к сотрудникам «Русского слова» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 325).

Стр. 188. *Стрижи ∾ недостаток остроумия.* — Ответ на реплику М. А. Антоновича в статье «Стрижи в западне»: «Я очень хорошо знаю природу стрижей и уверен, что они ни за что на свете не решатся произнести слово „стриж“ <...> Оно не есть ругательство, а просто условное название, очень меткое и весьма удобное в своей краткости» (*С*, 1864, № 9, стр. 88).

Стр. 188. *Jupiter — и хоть вы не Юпитеры.* — Эта запись развернута в статье «Чтобы кончить...» (см. выше, стр. 130).

Стр. 188. *Разжалобить публику! ∾ ругают моего доктора, а меня корят тем, что я больной.* — См. об этом выше, стр. 125—127. Возвращение к этой теме было вызвано заявлением Антоновича в статье «Стрижи в западне», что Достоевский притянул к спору доктора и так много о нем пишет, чтобы опять разжалобить публику (*С*, 1864, № 9, стр. 100—106).

<IV. ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1864—1865 гг.>

(Стр. 188)

Печатается по рукописи, хранящейся в *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.4; см.: *Описание*, стр. 315—316.

Впервые частично опубликовано: *Борщевский*, стр. 65, 90, 133; *Описание*, стр. 121, 135—136; полностью (с неточностями) — *ЛН*, т. 83, стр. 243—272.

В собрание сочинений включается впервые.

Тетрадь заполнялась одновременно с предыдущей. Датируется второй половиной 1864—1865 гг. Записи сделаны чернилами и карандашом, с начала и конца тетради. Значительное место в ней занимают материалы к первой (краткой) редакции «Преступления и наказания» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 5—95). Здесь же находятся черновые наброски к повести «Крокодил» и план неосуществленного романа «Брак» (см.: наст. изд., т. V, стр. 319—320, 323—338, 388).

В тетради отражена текущая полемика с «Современником» (наброски к статье «Необходимое заявление» и отклики на полемические выступления М. А. Антоновича «Стрижам» и «Торжество ерундистов»), продолжена разработка вопроса о нигилистическом романе. Особый интерес представляет набросок «Социализм и христианство», раскрывающий и поясняющий многие стороны внутренне противоречивого мировоззрения писателя. В нем Достоевский развивает свою концепцию истории человечества, критикует современную ему цивилизацию, считая, что человек может измениться лишь под влиянием христианского идеала, «от перемены нравственной». В тетради содержится также ряд заметок по вопросам международной и внутренней политики, в том числе план «политической статьи», касающейся восточного вопроса, прусского милитаризма и т. д., заметки о судах и адвокатуре, связанные с подготовкой судебной реформы, размышления и заметки на тему «о падении идеалов в Европе» и будущих судеб католического запада. В отличие от предыдущей тетради здесь почти отсутствуют записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью, а также заметки биографического характера.

Стр. 188. *Политические статьи. Заметки.* — Аналогичные замыслы разрабатывались в других записных тетрадях этого периода (стр. 171, 203)

и связаны с введением «Политического обозрения» в августовский и сентябрьский номера «Эпохи» за 1864 г. Высказанные в набросках мысли в 1870-х годах частично получили развитие в публицистике «Дневника писателя».

Стр. 188. *Entente cordiale ∾ Поплатилась покамест Дания.* — Выражение «сердечное согласие» применялось для характеристики отношений между Англией и Францией (см., например, статью «Потрясение сердечного согласия» — *БВ*, 1864, 26 июня, № 169). Проблемы взаимоотношения Франции и Англии, их предательское поведение по отношению к Дании в датско-германской войне и шлезвиг-гольштейнском вопросе широко обсуждались на страницах русской и зарубежной прессы и освещались также в «Эпохе» (1864, №№ 8, 9, отдел «Политическое обозрение»). Возможно, запись непосредственно связана с заметкой «Московских ведомостей», где приводится следующее мнение «Morning Post» по этому вопросу: «Если бы Англия и Франция находились в добром согласии между собою, то Дания не подверглась бы такой ужасной катастрофе» (*МВед*, 1864, 19 августа, № 182).

Стр. 188. *Наверно, кончится разделом Турции...* — Политика европейских держав на Балканах обсуждалась на страницах русской и европейской прессы. Достоевский писал об этом позднее в «Дневнике писателя» (1876, гл. II, подглавка 3).

Стр. 189. *Супрематия Пруссии.* — Главенство, первенство (от франц. suprématie). Мысль о возвышении Пруссии, упадке влияния Австрии и союза германских государств могла возникнуть в результате пристального внимания писателя к внешней политике Бисмарка (см. выше, запись на стр. 203).

Стр. 189. *...(оружие) (Америка изобре‹ла›).* — Возможно, Достоевский здесь отзывается на сообщения об опытах изготовления в Америке бездымного пороха (ср. с записью в следующей тетради — стр. 203). Так или иначе, скорее всего заметка связана с затянувшейся гражданской войной между Севером и Югом (1861—1865). Проблема изобретения новых видов оружия и их возможная роль в изменении расстановки сил на международной арене в то время вообще занимала общество (см., например, сенсационные сообщения прессы об изготовлении бумажных пушек — *Г*, 1864, 22 августа, № 231; *МВед*, 21 августа, № 174 — и корреспонденции о новой системе прусских пушек — *Г*, 1864, 6, 18 марта, №№ 66, 78; 17 апреля, № 107 и др.); ср. также с записью в книжке 1863—1864 гг. (стр. 171 и примеч. к ней).

Стр. 189. *Эмиль Жирарден «Le Droit» («Голос»).* — Запись связана с сообщением «Голоса» о выходе в свет новой книги Эмиля Жирардена «Les droits de la pensée» («Права мысли», 1864). Приводя выдержки из предисловия к ней, опубликованного в газете Жирардена «Press» 5/17 августа, корреспондент «Голоса» подчеркивает, что «замечательный публицист» остался верен своему идеалу «абсолютной и безграничной свободы печати» (*Г*, 1864, 14 августа, № 223). Ореол борца за свободу, приписанный ему «Голосом», не вполне соответствовал облику журналиста. Эмиль Жирарден (Girardin Emile, de, 1806—1881) представлял собой тип журнального дельца-предпринимателя. Ему принадлежала инициатива издания ежедневной многотиражной дешевой политической газеты, благодаря которой он составил себе огромное состояние. После февральской революции 1848 г. Жирарден постоянно менял убеждения и партии, в зависимости от того, какие из них могли дать ему наибольшую выгоду. На страницах «Современника» и «Русского слова» неоднократно высмеивалось его либеральное пустословие.

Стр. 189. *Статейка о естественных границах ∾ переход на почву).* — Имеется в виду статья «Естественные границы» из «Saturday revieu», опубликованная в «Голосе» (1864, 9 августа, № 218) и в «С.-Петербургских ведомостях» (20 августа, № 183, стр. 739). Корреспондент «Голоса» подчеркивает, что выдвигаемая во Франции «теория естественных границ ‹...› нанесла бы вред национальному чувству более, чем нынешняя

система», так как «это вредное заблуждение <...> нельзя осуществить иначе как посредством вековых войн...» (*Г*, 1864, 9 августа, № 218). Политические цели этой «французской теории», выгодной Наполеону III, освещены в «обозрениях» «Эпохи» (1864, №№ 8, 9). Выступая против призыва установить в Европе новые, якобы «естественные» границы (проходящие по рекам и морям), между государствами (см. запись о «внутренней племенной силе, которая должна заменить границы естественные»), Достоевский противоречит далее себе, утверждая, что «все наши искусственные границы <...> суть естественные и приобрет<ены> бессознательно» (стр. 203).

Стр. 189. *Ложь Руссо.* — По-видимому, Достоевский имеет здесь в виду размышления Руссо о возможности вечного мира между государствами Европы, изложенные в «Извлечении из проекта вечного мира г-на аббата де Сен-Пьера» (1756; опубл. 1761) и «Суждении о вечном мире» (1782). Высказывание Достоевского о Руссо см. также на стр. 203.

Стр. 189. *Социалисты: два миллиона голов.* — Ср. слова немецкого демократа К. Гейнцена, приводимые Герценом на страницах «Былого и дум», гл. XXXVII, ч. V (*Герцен*, т. X, стр. 60—61). Достоевский позднее отозвался на них полемически в «Идиоте» и «Бесах», истолковав их тенденциозно как своего рода символ веры западного социализма (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 451; т. IX, стр. 458; т. X, стр. 77; т. XII, стр. 291).

Стр. 189. *Банкет Гарибальди.* — По-видимому, речь идет о поездке Гарибальди в Англию весной 1864 г., где ему был устроен восторженный прием. Об этом много писала русская пресса (*БВ*, 4, 7, 11, 12, 15 апреля, №№ 92, 93, 95, 97, 99, 100, 102; *Г*, 15, 29 марта, 2—3, 5, 7—17 апреля, №№ 75, 88, 92—93, 95, 97—107; *МВед*, 7—8, 10—12, 14—17 апреля, №№ 78—79, 81—87, и другие газеты). Подробных сведений о банкетах или описаний правительственных обедов в легальной русской прессе, однако, не было. Соседство с герценовской формулой о «двух миллионах голов» а также с заметкой «Польша и социалисты» дает возможность связать запись с передовой статьей «Колокола» (1864, 1 мая, л. 184, стр. 1509—1510), где Герцен описывает завтрак Гарибальди с двадцатью его друзьями, эмигрантами-революционерами, во время лондонской поездки; здесь же приведены тосты Мадзини и Гарибальди за «свободу Польши» и «юную Россию, которая под знаменем „Земли и воли“ в скором времени подаст Польше братскую руку, признает ее равенство, независимость и изгладит воспоминание о России царской» (см.: *Герцен*, т. XVIII, стр. 116—118). Ряд сведений о приеме Герценом Гарибальди сообщался в официальной прессе (*Г*, 1864, 16 апреля, № 106; *ОЗ*, № 4, отд. «Современная хроника», стр. 237).

Стр. 189. *...не такие гадания, как книга Шедо-Ферроти.* — Д. К. Шедо-Ферроти (барон Ф. И. Фиркс, 1812—1872), агент русского Министерства финансов в Бельгии, с 1857 г. издавал на французском языке за границей ряд этюдов по вопросам внутренней и внешней политики России под общим названием «Études sur l'avenir de la Russie» («Этюды о развитии России»); некоторые из них обратили на себя внимание (см.: «Военный сборник», 1864, № 8; *СП*, 1864, № 247, и т. д.). Книга, о которой упоминает Достоевский «Que fera t'on de la Pologne» («Что сделают с Польшей», 1863) была восьмым этюдом из этой серии. «Благонамеренность» Шедо-Ферроти, «прославившегося» письмом-памфлетом к Герцену (*Лемке, Политические процессы*, стр. 530—548; *Писарев*, т. II, стр. 321—326), побудила министра народного просвещения А. В. Головнина приобрести 1000 экземпляров книги о Польше и разослать «по всем училищам и всем не только знакомым, но и не знакомым ему лицам» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. I. СПб., 1911, стр. 164). Утверждая, что «поляки такие же дети императора России, как финны и русские», Шедо-Ферроти восхваляет политику великого князя Константина в Польше и защищает его от критики Каткова, обвинявшего Константина Николаевича в недостаточно энергичной расправе с повстанцами. Наивность тона и антиисторизм автора, предлагавшего

«фантастический» проект братского объединения России с Польшей, вызвали иронический отклик прессы (*Г*, 1864, 16 августа, № 225). Возможно, осуществлению замысла статьи Достоевского помешал скандал, поднятый «Московскими ведомостями» вокруг этой книги и деятельности Головнина (*МВед*, 1864, 6 сентября, № 196; 29 сентября, № 212; *Лемке, Эпоха цензурных реформ*, стр. 352—356; *Никитенко*, т. II, стр. 462—468, 473).

Стр. 189. *Обо всех европейских державах порознь.* ∾ *Смирение.* — Неосуществленный замысел статьи о «падении идеала в Европе». Достоевский, по-видимому, предполагал начать ее с анализа речи Пальмерстона перед избирателями (см. ниже) и закончить противопоставлением духовной мощи и «смирения» России эгоизму Запада, его материальному благополучию и бездуховности.

Стр. 189. *Пальмерстонова речь избирателям.* — Имеется в виду речь английского премьер-министра, лидера партии ториев, Генри Джона Темпля Пальмерстона (Palmerston Henry John Temple, 1784—1865), произнесенная им 10/22 августа 1864 г. перед избирателями в Тиверстоне (*Г*, 18 августа, № 227; *СПбВед*, 18 августа, № 181; *БВ*, 19 августа, № 220; *МВед*, 20 августа, № 183).

Стр. 189. *Илья Муромец. Смирение.* — Сравнение России с Ильей Муромцем восходит к М. Ю. Лермонтову и А. С. Хомякову. Последний, в частности, в статье «Мнение русских об иностранцах» (1846) указал на образ этого былинного богатыря как на воплощение «величия русского народа» и «смиренного добродушия русского человека», «идеал гигантской силы, всегда покорной разуму и нравственному закону, идеал <...> которому ни одна народная поэзия не представляет равного» (А. С. Хомяков. Сочинения, т. I. М., 1861, стр. 58). Достоевский повторил сравнение России с Ильей Муромцем во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе», возводя его к лермонтовскому (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 56). Возвращаясь к образу Ильи Муромца в 1864 г., писатель, возможно, скрыто полемизировал с Д. И. Писаревым, который писал в «Реалистах»: «Мы — не идиоты и не обезьяны по телосложению, но мы люди кавказской расы, сидевшие сиднем, подобно нашему милому Илье Муромцу, и, наконец, ослабившие свой мозг этим продолжительным и вредным бездействием» (*РСл*, 1864, № 9; *Писарев*, т. III, стр. 9).

Стр. 189. *Статья «Morning Post», хвалебная Наполеону* ∾ *19 августа).* — В «Московских ведомостях» (19 августа, № 182) была перепечатана статья из «Morning Post». Газета отмечала, что статья эта представляет собой «длинный и до приторности хвалебный гимн императору французов и его правлению». Полемический отклик Достоевского могли вызвать, в особенности, следующие заявления английского корреспондента: «Правительство империи неоспоримо соответствует потребностям и желаниям большинства французского населения <...> Положение дел в Европе заставляет нас желать прочного и тесного союза с Францией. Может быть, Франции предстоит великая роль в решении европейских затруднений» (ср. выше: «Франция давно не первенствовала, их идеал обшарпался» — стр. 189).

Стр. 189. *...«Journal de Débats»* ∾ *грозятся папе.* — Достоевский ссылается на заметку из «Journal de Débats», перепечатанную в «Московских ведомостях» (1864, 19 августа, № 182). Французская газета критикует нравы Римского двора, допускающего и поощряющего преступления, подобные похищению Коэна (см. ниже) и утверждает, что в настоящее время светская власть папы всецело держится на французской армии. Угрожая папе, газета предлагает «французскому правительству сказать <...> только одно слово» и отозвать «нашу армию из Рима», чтобы «довести папское правительство до того благодетельного состояния политического бессилия, в которое поставлено <...> французское духовенство великими принципами 1789 года...».

Стр. 189. *...о похищении в Риме мальчика Коена...* — История похищения 10-летнего еврейского мальчика Иосифа Коэна, находившегося

в учении у башмачника, католическим аббатом и «помещение его без ведома родителей в школу оглашенных для насильственного обращения в католическую веру» вызвала возмущение в Италии и во Франции. Об этом подробно сообщалось и в русской прессе (*Г*, 1864, 1, 12, 13, 15, 16 августа, 14, 29 сентября, 8 октября, №№ 210, 221, 222, 224, 225, 254, 269, 278; *МВед*, 1864, 29, 30 июля, 19 августа, №№ 166, 167, 182, и др.; *СПбВед*, 1864, 4, 13 августа, №№ 171 (стр. 691), 178 (стр. 719); *БВ*, 1864, 11—12 августа, № 212—213, стр. 851, 855; 19 августа, № 220, стр. 875; *РВед*, 1864, 1 августа, № 91, стр. 6; 8 августа, № 94, стр. 4; подробнее см.: *ЛН*, т. 83, стр. 274).

Стр. 189. *Папская власть падет* ∾ *иезуитизм.* — Ср. со словами корреспонденции, перепечатанной из газеты «Journal des Débats» в названном выше номере «Московских ведомостей»: «...светская власть папы поколебалась и теперь быстро склоняется к своему падению» (*МВед*, 1864, 19 августа, № 182). Мысль об исторической неизбежности падения папства не могла не возникнуть в обстановке объединения Италии и походов Гарибальди; ее настойчиво повторяла славянофильская газета «День», а позже и органы других направлений (см.: *Г*, 1864, 28 августа, № 237; 2 октября, № 272; *РСл*, 1864, № 9, отд. «Политика», стр. 6—12). Философско-исторические идеи, заключенные в данном наброске, зародившиеся под влиянием исторических событий и сообщений русской и зарубежной прессы, получили дальнейшее развитие на страницах «Идиота» (наст. изд., т. VIII, стр. 450—459), «Бесов» (наст. изд., т. X, стр. 30), «Братьев Карамазовых» (т. XIV, стр. 57, 61, 234) и в публицистике «Дневника писателя».

Стр. 189. ...*кунштиком*... — Т. е. фокусом, трюком (от нем. Kunststück).

Стр. 189. *Ламенне* Фелисите-Роберт (Lamennais Félicité Robert, 1782—1854) — французский мыслитель; будучи учеником Сен-Симона, проделал эволюцию от ортодоксального католицизма, через отрицание светской власти папы к христианскому социализму и к разрыву с католической церковью. Книга Ламенне «Paroles d'un croyant» («Слова верующего», 1834) была известна Достоевскому: экземпляр ее имелся в библиотеке Петрашевского (В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский. М., 1922, стр. 170; *Библиотека*, стр. 11), одну главу из нее перевел на церковнославянский язык А. П. Милюков (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 540; т. II, стр. 517).

Стр. 189. *Лакордер* Жан-Батист-Анри (Lacordaire Jean-Batiste Henri, 1802—1861) — французский проповедник, член академии. Сблизившись с Ламенне, участвовал вместе с ним в издании журнала «L'Avenir». Лакордер пытался примирить ортодоксальный католицизм с идеей политической свободы; после закрытия журнала и энциклики папы Пия IX Лакордер отступил от своих убеждений и возвратился к ортодоксальной вере. Собрание его проповедей вышло в Париже в 1865 г.

Стр. 189. *У них явятся такие поклонники, на которых Римский двор даже и не рассчитывает теперь.* ∾ *соединится прямо с революционерами и с социалистами*... — Круг идей Достоевского, отраженный здесь, связан по своим истокам во многом со славянофильской публицистикой 1860-х годов. «Светская власть папы висит, так сказать, на волоске, — констатирует передовая статья газеты «День», — а между тем с вопросом о светской власти папы связана судьба <...> всего католичества. Что станет с западным миром, если рушится престол Римского папы?» (*Д*, 1864, 15 августа, № 33). Указывая на «нелогичность» существования католических областей, отлученных папой, «папизма без папы», Аксаков утверждает, что такое положение «не может <...> быть продолжительно <...> неудержимая потребность логической правды или произведет реакцию в пользу папы, или же заставит итальянцев приискать новую почву...» Полемизируя с Гизо по вопросу о том, что первично: христианская идея или политический строй, Аксаков высказывает мысль, что развитие «внешней церкви» на Западе вылилось в революционную формулу «братство,

равенство и пр.», к разрешению которой люди шли «путем извращенным, не христианским, путем отрицания, насилия и революции». Близкие мысли уже раньше высказывались, в частности, в статьях Хомякова. Основные идеи данного наброска развиты Достоевским в черновиках и основном тексте романа «Бесы», в публицистике 1873 г. и в «Дневнике писателя» 1875 и 1876 гг. (об этом подробнее см.: наст. изд., т. XII, стр. 360).

Стр. 189—190. *...(вроде того, как теперь помогает разбою в Италии)...* — Сообщения о грабежах и о разбойничьих нападениях на итальянские провинции едва ли не ежедневно публиковались в русских и иностранных газетах. В «Московских ведомостях» (1864, 19 августа, № 182) было помещено сообщение из Турина о том, что «найдены новые следы, доказывающие, что разбойничество в неаполитанских провинциях устраивается в Риме и оттуда получает пособие». Такие методы борьбы с молодым итальянским королевством объяснялись опасением папы потерять политическую власть из-за угрозы новых походов Гарибальди за присоединение римской области к Италии.

Стр. 190. *Лучиночки и братство.* — Противопоставление «лучиночек» (т. е. представителей западного мира, где, по приговору Достоевского, произошло распадение общества на отдельные человеческие атомы — на единицы-«лучиночки», у которых нет ощущения «братского начала» и которые западные социалисты стремятся поэтому тщетно объединить, взамен отсутствующей внутренней, искусственной внешней связью) и «братства» (являющегося исконным идеалом русского народа, выраженным во всем строе его понятий и отраженным в православном истолковании христианства) продолжает линию размышлений Достоевского, намеченную в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 78—81).

Стр. 190. *(Нидерланды и происки католической партии).* — Достоевский мог иметь в виду события начала 50-х годов, связанные с проведением в Нидерландах в жизнь статьи конституции о независимости церкви от государства. Сильное влияние католичества на внутреннюю жизнь страны вызвало волну возмущения протестантского населения, на сторону которого встал король. Но более вероятно, что речь идет не о самих Нидерландах, а о современных Достоевскому событиях в бывшей их католической провинции Бельгии. О вмешательстве католической партии Бельгии в дела управления государством (в частности, об осуществлении надзора за воспитанием, цензурой и прессой) писали «С.-Петербургские ведомости» (1864, 18 августа, № 181), «Голос» (1864, 8, 12 и 28 августа, №№ 217, 221, 237) и другие газеты.

Стр. 190. *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — поэт и мыслитель, теоретик раннего славянофильства, критиковавший «римскую», «формально логическую» основу католицизма в ряде сочинений, в том числе в «Нескольких словах православного христианина о западных вероисповеданиях» (на франц. языке; Париж, 1853, Лейпциг, 1855, 1858). Критика католицизма и папства в сочинениях славянофилов, в том числе Хомякова, оказала в 1860-х годах влияние на выработку философско-исторических идей Достоевского и на его понимание природы католицизма.

Стр. 190. *...гадкая статья Чаадаева.* — Достоевский имеет в виду знаменитое первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (1794—1856). Из-за напечатания его в 1836 г. в «Телескопе» журнал был закрыт, редактор Н. И. Надеждин сослан, а сам Чаадаев объявлен сумасшедшим. В 1860-х годах интерес к произведениям и личности Чаадаева возник вновь и особенно обострился в связи с выходом в Париже его сочинений (Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, Paris, 1862) и публикацией в ноябрьском номере «Русского вестника» воспоминаний о нем М. Н. Лонгинова. Для Достоевского были неприемлемы западничество Чаадаева, крайне отрицательно оценивавшего прошедшее и настоящее православно-самодержавной России, «отторгнутой» от Запада, а также его положительная оценка католицизма.

Стр. 190. *«Голос» 20 августа (отмечено).* — Внимание Достоевского, не раз высказывавшего в эти годы и позднее мысль о возможном обращении папы, теряющего свою власть, за помощью к народу и к западным социалистам, могла привлечь корреспонденция из «Daily News», перепечатанная в «Голосе» под названием «О нынешнем положении в Испании». Указывая на кризисную ситуацию в стране (голод, заговоры, «зыбкость конституции» и «неуверенность граждан в завтрашнем дне»), английский корреспондент писал: «В настоящую минуту каждый в Испании ожидает взрыва, и панический страх овладевает всеми то из-за социалистов, то из-за какого-нибудь диктатора ‹...› папы, с одной стороны, или же революционеров — с другой» (*Г*, 1864, 20 августа, № 229). Мысль о союзе клерикалов с революционерами в испанских мятежах Достоевский развивал в статьях 1873 г. в «Гражданине».

Стр. 190. *«Московские ведомости». Суббота 22 августа. ∾ Маршируют в ряд.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1864, 22 августа, № 185) говорилось о намерениях Бисмарка подчинить Пруссии все германские государства начиная с Шлезвиг—Гольштейна. Здесь же высказывалось предположение, что Австрия потому согласилась не противиться могуществу Пруссии, что та обещала ей «отстаивать неприкосновенность итальянских, венгеро-славянских и польских областей» не только против революционных партий во главе с Францией, но и против России. Мысль об опасности прусского милитаризма получила развитие в политических статьях Достоевского 1873 г. в «Гражданине» и в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг.

Стр. 190. *Чугунки* — железные дороги.

Стр. 190. *29 августа ∾ иезуитизм сгубил их.* — Статья, на которую ссылается Достоевский, была перепечатана газетой из «Dziennik warszawski» от 22 августа/3 сентября. Внимание Достоевского привлекли некоторые рассуждения автора брошюры, которую цитирует «Journal de St. Petersbourg», в частности о причинах падения Польши: «Великие добродетели наших предков незаметно исчезли, простота нравов, прямодушие, любовь к родине, самопожертвование и самоотверженность также пропали, и на их месте воцарился обскурантизм, шарлатанство, материализм, надувательство, торговля совестью личной и общественной ‹...› Гангрена иезуитизма, родиной которой является Рим, так глубоко проникла в высшие слои общества, что магнаты и богатая аристократия потеряли даже наследственные добродетели — мужество, рыцарство, которыми отличались их предки».

Стр. 191. *Ссора принца Вельского с матерью.* — Речь идет о конфликте между английской королевой Викторией и ее сыном принцем Уэльским: прусские симпатии королевы в шлезвиг-гольштейнском вопросе шли вразрез с сочувствием Дании принца и его жены — датской принцессы. На страницах газет обсуждались последствия этой «ссоры» — раскол в парламенте, падение популярности королевы, возможная смена власти в Англии, которая привела бы к войне между Англией и Пруссией (см., например: *Г*, 1864, 11, 16, 18, 21 июня, №№ 159, 164, 166, 169 и т. д.).

Стр. 191. *Речь Персиньи.* — О Персиньи см. выше, стр. 372. Имеется в виду речь, произнесенная им 13/25 августа на банкете по поводу открытия Генерального совета департамента Луары. Речь Персиньи вызвала резкие возражения зарубежной прессы («La France», «Temps», «Journal de Débats», «Daily News»). Восхваляя конституцию Второй империи и внутреннюю политику Наполеона III, «основателя свободы во Франции», Персиньи осуждает намерение ввести бóльшую свободу печати и «возвращение к парламентской системе» (*МВед*, 19 августа, № 182; *Г*, 18, 19 и 22 августа, №№ 227, 228 и 231; *БВ*, 29 августа, № 230; *СПбВед*, 19 и 21 августа, №№ 182 и 184). В связи с этими декларациями Персиньи газета «La France» язвительно заметила, что «любовь и уважение к власти доходит у г-на Персиньи до страстных увлечений», и назвала его «теорию свободы» теорией «власти» и «неподвижности» (*МВед*, 19 августа, № 182).

Стр. 191. *Безбрачие.* ∾ *Эротическая болезнь.* — Вопрос о насущной необходимости отмены обета безбрачия для католического священника широко обсуждался на страницах русской прессы (*СПбВед*, 1864, 13 августа, № 178, стр. 717—718; рецензия на романы из жизни духовенства — *ОЗ*, 1864, № 1—2; *РСл*, 1864, №№ 1, 11; *С*, 1864, №№ 2, 6, и др.).

Стр. 191. *Marquis de Sade* — литературное имя Донасьена Альфонса-Франсуа, графа де Сада (1740—1814), французского писателя, художественные произведения которого (частично написанные в заключении, в Бастилии, куда он попал за разврат) характеризуются сочетанием утонченной жестокости и эротики. Имя маркиза де Сада как символ такого сочетания не раз встречается в романах и публицистике Достоевского (см.: наст. изд., т. XVII, по указателю имен).

Стр. 191. *Книга Мишле.* — Скорее всего Достоевский имеет в виду одну из самых популярных в России книг французского историка и публициста-демократа Ж. Мишле (J. Michelet, 1798—1874) «Le prêtre, la femme et la famille» («Священник, женщина и семья», 1844); книга имелась в библиотеке Петрашевского, так что Достоевский мог с нею познакомиться еще в 1840-е годы (В. И. Семевский, М. В. Буташевич-Петрашевский, ч. I. М., 1922, стр. 170). Мишле был противником иезуитов, в книге нашел выражение характерный для него культ семьи и женщины — матери и жены — как ее нравственной основы. Считая семейный очаг краеугольным камнем общества, Мишле останавливается здесь на обете безбрачия католических священников, развивая мысль о его пагубном влиянии на душу молодого человека; о другой книге Мишле — «L'Amour» поэт-революционер М. Л. Михайлов писал в «Современнике»: «Это опять разбор вопроса о роли женщины в обществе; но вопрос не подвинут ни на шаг. Мишле ждет обновления общества от иных семейных отношений, чем какие существуют теперь, и рисует очень поэтические картины, скромную хижину и любовь. Как реакция разврату и господству камелий, книга могла бы принести пользу...» (*С*, 1858, № 12, стр. 528—629; ср. также: *ЛН*, т. 83, стр. 276). Русский перевод этой книги появился в 1863 г. и вызвал полемические отклики в прессе (см.: *БдЧт*, 1864, № 1, отд. II; *СПбВед*, 1863, № 29; *РСл*, 1864, № 3, отд. II, и др.).

Стр. 191. *Духинский («От‹ечественные› Зап‹иски›». Июль). Россия, ее назначенье. О покорении духом, а не мѐчем.* — Духинский Франциск (Duchinski Franciszck H., 1817—1893), националистический польский историк, уроженец Украины. После польского восстания 1863 г. издал в Париже на французском языке книгу, излагавшую псевдонаучную теорию славянской этнографии. Здесь он доказывал, что великоруссы, или, как их называет Духинский, «москали», принадлежат будто бы не к славянскому, а к азиатскому, «туранскому» племени, в то время как Польша и Малороссия — к европейской, «арийской» расе. Эти идеи Духинского получили резкий отпор русских публицистов и ученых-этнографов (*МВед*, 1864, 23 апреля, № 90; *Д*, 1864, 11 июля, № 28; *РИ*, 1864, 12 сентября, № 202; *ВЕ*, 1887, № 1). Достоевский ссылается на анонимную статью в «Отечественных записках» (1864, № 7) «Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов», содержащую резкую критику книги Духинского «Peuples Aryâs et Tourans. Agriculteurs et l'histoire de peuples aryâs-européens et tourans particulièrement de Slaveset de Moscovites» (1864). Слова Достоевского о назначении России и о «покорении духом, а не мѐчем» содержат полемический отклик на одно из положений Духинского — о воинственности «туранцев». Позднее те же мысли Достоевский разовьет в Пушкинской речи.

Стр. 191. *Нравственность народа ужасна.* ∾ *Солдат, не верующий в бога, кормилица.* — По-видимому, запись связана с газетными сообщениями об уголовных процессах и преступлениях в простонародной среде. Так, в № 93 «Голоса» (1864, 3 апреля) сообщалось о краже креста из церкви Измайловского полка, а позже — о похищении из приходской пятковской церкви денег рядовым I линейной роты (*Г*, 1864, 5 мая, № 133). Возможно, запись о кормилице связана с публикацией анонимного

письма, в котором сообщалось о найме мамки (кормилицы), которая заразила новорожденного ребенка «сифилитической болезнью» (*Г*, 1864, 7 апреля, № 97).

Стр. 191. *Семинаристы.* — Об отношении Достоевского к «семинаристам» и «семинаризму» см. выше, стр. 155—156 и примеч. к ним.

Стр. 191. *Пеш и бос.* — Эту формулу Достоевский использовал как высказывание Петра Верховенского в окончательной редакции романа «Бесы»: «Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни...» (см.: наст. изд., т. X, стр. 323) — и в одной из статей 1873 г. цикла «Иностранные события» (ср.: «Папе ли, „торжествующему и непогрешимому“, а не „пешему и босому“...»).

Стр. 191. *900 Андр‹еев› Александрович‹ей›...* — Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — редактор-издатель «Голоса» и «Отечественных записок»; о нем и об отношении к нему Достоевского см. выше, стр. 371—374.

Стр. 191. *Семена Захожева записки.* — Одна из первых записей, связанных с замыслом «Крокодила» (см.: наст. изд., т. V, стр. 388).

Стр. 191. *Бедная женщина. — Статья Сол‹овье›ва.* — Достоевский имеет в виду, по-видимому, статьи Н. И. Соловьева «Теория безобразия», «Женщинам» (*Э*, 1864, №№ 7, 12). В них автор полемизирует с решением «женского вопроса» в «нигилистических» романах (в частности, в «Что делать?» Чернышевского) и касается проблем семьи, эмансипации женщины и вопроса проституции в современном обществе (подробнее см. ниже, стр. 387).

Стр. 191. *Социализм и христианство.* — Далее в тетради следуют наброски неосуществленной статьи на эту тему, развивающие ряд идей, выраженных в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V), в записи от 16 апреля «Маша лежит на столе...» и в заметке о «лучиночках» и «братстве» (см. стр. 172, 190). Здесь намечены многие положения, легшие в основу общественно-исторического, философского и нравственного мировоззрения писателя 1860—1870 гг. (подробнее о замысле статьи «Социализм и христианство» см. в статьях Л. М. Розенблюм «Творческие дневники Достоевского» и Г. М. Фридлендера «Новые материалы из наследия художника и публициста» — *ЛН*, т. 83, стр. 39—40 и 105—107).

Стр. 192. *...он — идеал человечества. Последнее слово — Ренан.* — Речь идет о книге Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863). Подробнее о ней и об отношении к ней Достоевского см.: наст. изд., т. IX, стр. 397—399; т. XII, стр. 319, 350. Сходную мысль Достоевский повторил в «Дневнике писателя» за 1873 год (гл. II), где он говорит, что Ренан провозгласил «в своей полной безверия книге „Vie de Jesus“, что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем».

Стр. 192. *Социалисты дальше брюха не идут.* — См. выше, стр. 109, 328.

Стр. 192. *«Молодая Россия»...* — Т. е. в широком смысле представители революционно-демократического движения (по названию известной прокламации 1862 г.). В таком же обобщенно-символическом значении пользуется этой формулой и Герцен, называя так революционно настроенную молодежь и студенчество.

Стр. 192—193. *...сапоги лучше Шекспира...* — См. выше, стр. 109.

Стр. 193. *... (новый Иерусалим, объятия, зеленые ветви). ∾ доходили только некоторые его представители...* — Иерусалим в Библии — символ разрушенной и вновь возрожденной жизни (Книга пророка Исаии, гл. 51, ст. 17; гл. 52, ст. 9; ср.: Откровение Иоанна Богослова, гл. 21, ст. 1—3); с этим символом связан и образ ветви: «Посему так говорит Господь: Я обращаюсь к Иерусалиму с милосердием; в нем соорудится дом мой ‹...› и землемерная ветвь потянется по Иерусалиму» (Книга пророка Захарии, гл. 16. ст. 16). В толковании сен-симонистов образ Нового Иерусалима служил синонимом «золотого века», общества будущего (об этом см.: наст. изд., т. VII, стр. 380—381).

Стр. 193. *...социального муравейника...* — См. выше, стр. 188. О смысле и источниках этой часто встречающейся у Достоевского формулы см.: наст. изд., т. V, стр. 371.

Стр. 193. *... обязанности эти сладки ∾ attroyant.* — Эти слова направлены против этики «разумного эгоизма» Чернышевского и Добролюбова. Формулой Ш. Фурье «travail attroyant» пользуется в полемике с Чернышевским и М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Литературные мелочи».

Стр. 193. *... не верьте Апокалипс‹ису›.* — Т. е. не принимайте ложного Христа (Антихриста) за истинного. Апокалипсис — последняя книга Нового завета, содержащая пророческие предсказания о Страшном суде и грядущих судьбах мира. Достоевский часто обращается к апокалипсической символике (см.: наст. изд., т. V, стр. 70, 369; т. VI, стр. 419—420; т. VIII, стр. 254, и т д.). О своеобразном толковании апокалипсических образов Достоевским см.: наст. изд., т. VII, стр. 399). В данном случае Достоевский отождествляет западный социализм с видением образа ложного Христа в Апокалипсисе.

Стр. 194. *С Петровской реформой ∾ («День», № 5, 65 г.) ∾ Передовая статья.* — Достоевский ссылается на передовую статью И. С. Аксакова в указанном номере «Дня», где говорилось: «... разобщение между жизнью и знанием, практикой и теориею, между действительностью и представлением у нас, вследствие петровского переворота, сильнее, чем где-либо» (1865, № 5, стр. 98). Причину «самого худшего из всех деспотизмов» в России — «деспотизма теории над жизнью» — автор статьи видит в создании Петром чиновничества, не имеющего «ни времени, ни охоты трудиться над изучением законов нашей русской действительности...» В статье осуждалось посягательство на общину и древний народный быт «в видах какой-то экономической свободы» (там же, стр. 99).

Стр. 194. *Социальные теории...* — Ср. разъясняющую эту заметку дальнейшую запись: «социальные не свои теории ‹...› («Современник», «Рус‹ское› слово»)».

Стр. 194. *В «Записную книгу». Процесс Никитченко.* — О замысле издания «Записная книга» см. выше, стр. 270. В 1865 г. в Париже происходил процесс над русским 29-летним отставным поручиком Александром Егоровичем Никитченковым (фамилия в связи с неодинаковой транскрипцией французского написания в русской печати встречается в разных вариантах), совершившим покушение на членов русского посольства (см.: *Г*, 1865, 24—25 августа, №№ 233—234; «Современная летопись», 1865, август, № 32). Необычное поведение Никитченкова на суде и загадочность его поступка подчеркивались и в русской прессе. Облик молодого интеллигентного человека, убийцы, отличавшегося непомерным самолюбием и выдававшего себя на суде за революционера, привлек внимание Достоевского, работавшего в это время над «Преступлением и наказанием» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 376).

Стр. 195. *В объявление о журнале ∾ нравоучители.* — Мысль эта не была развита Достоевским и не вошла в текст объявления об издании «Эпохи» на 1865 г., возможно, в связи с тем, что «органическое проявление жизни духа» как новое «изобретение» почвенничества (намек на статьи Ап. Григорьева «Парадоксы органической критики») грубо высмеял Антонович в статье «Стрижам» (*С*, 1864, № 7).

Стр. 195. *Китайский уклад.* — См. выше, примеч. к стр. 157.

Стр. 195. *Письма об исходе...* — Возможно, замысел цикла статей, направленных против публицистов «Современника».

Стр. 195. *Некрасова продернуть.* — «Практичность» Некрасова, его деловой ум, который во многом определил успех «Современника», вызывал раздражение не только его политических врагов, но нередко и либерально настроенных друзей и попутчиков (см. отзывы о Некрасове в переписке В. П. Боткина и И. С. Тургенева: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 202); злая ироническая характеристика Некрасова, находившегося летом 1864 г. за границей, дана в письмах А. И. Герцена к И. С. Тургеневу и Н. П. Огареву (*Герцен*, т. XXVII,

стр. 234, 454); осенью 1864 г. появилась карикатура на Некрасова под названием «Промышленно-литературное акробатство по случаю наступающего 1865 г.» («Заноза», 1864, № 45). Именно в это время Некрасов отказался поддержать «Эпоху» Достоевского, что явилось причиной временного прекращения их личных отношений (см.: Н. А. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 296). Однако Некрасов не был «продернут» в «Эпохе». Подробнее об отношении Достоевского к Некрасову см.: М. Гин. Достоевский и Некрасов. «Север», 1971, №№ 11—12, стр. 103—123, 106—124; Ф. И. Евнин. Достоевский и Некрасов. *РЛ*, 1971, № 3, стр. 24—48; В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 33—66.

Стр. 195. *Дешевый гуманизм г-на Щедрина.* — Запись вызвана статьями Щедрина из «Современника» — «В деревне» (1863, № 8) и «Наша общественная жизнь» (1864, № 2), в которых писатель рассматривал условия пореформенной жизни крестьян. Достоевский увидел в этих статьях барски-сочувственное отношение к мужику (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 188).

Стр. 195. *Г-н Пыпин есть только либеральный барабан...* — Ср. выше, стр. 187 и примеч. к ней. Резкая оценка Пыпина, постоянно сотрудничавшего в 1860-х годах в «Современнике», была вызвана его статьями и рецензиями, в которых он высмеивал теории славянофилов и почвенников («прозелитов славянофильства») (см., например, его статьи: «Вопрос о национальности и панславизм» — *С*, 1864, №№ 1—3; «Причины и первые оппозиции католичеству в Чехии ‹...› Соч. ‹...› В. Надлера. Харьков. 1864» — *С*, 1864, № 7). Раздраженный отклик Достоевского, вызванный, в частности, рецензией Пыпина на роман «Монахиня» («Новый роман автора „Проклятого“» — *С*, 1864, № 6), см. выше, стр. 171, 177, и примеч. к ним.

Стр. 195. *В статью ответ «Современнику».* — См. выше, стр. 349.

Стр. 195. *Всё это было чрезвычайно комично: сначала уничтожался Тургенев ∾ Зайцев.* — Достоевский возвращается к эпизоду ранней полемики со Щедриным о Тургеневе (см. статью «Опять „Молодое перо“» — стр. 83—104). Намек на щедринское «осмеяние г-на Тургенева» использован и в статье «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (стр. 129—132). О полемике «Современника» с «Русским словом» см. выше, стр. 319—321.

Стр. 195. *Кумиры западнические разбились (Гер‹цен›) ∾ ‹Аксаков›.* — Возможно, данная запись — фрагмент задуманной статьи «Славянофилы, западники, реалисты» (стр. 181). Достоевский имеет в виду падение популярности «Колокола» после польских событий 1863 г. В условиях наступившей реакции «вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши ‹...› всё „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. XXI, стр. 260). В 1865 г. ненависть к Герцену специально разжигается правительством, инспирировавшим клеветническую кампанию «об агентстве Герцена в Тульче» (*МВед*, 1865, 23 августа, № 183; *Г, 1865*, 24 августа, № 233). Разрыв с Россией мучительно осознает и сам Герцен (*Герцен,* т. XVII_2, стр. 454; З. П. Базилева. «Колокол» Герцена. М., 1949, стр. 235—243). Об отношении Достоевского к Герцену см.: *Долинин*, стр. 215—230; С. Д. Лищинер. Герцен и Достоевский. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 37—64. О полемике Достоевского с Катковым см. выше, стр. 278, 296. На симпатии писателя к позиции И. С. Аксакова в этот период указывают записи на стр. 265, 266. В частности, Достоевскому были близки основные положения славянофильской концепции истории, нашедшие в 1860-е годы развитие на страницах аксаковской газеты «День» (мысль о мессианской роли России в истории Европы, критика петровских реформ, неприятие католицизма и западноевропейского пути развития для России).

Стр. 196. *Статья о Тьере «Современника» ∾ белоараповцев.* — См. выше, стр. 369.

Стр. 196. *В романе Ахшарумова ∾ Нигилистические романы.* — Ряд фрагментов к задуманной статье о нигилистическом романе см. также: стр. 194, 195, 202. Достоевский имеет в виду третью часть романа Д. Н. Ахшарумова (1823—1910) «Мудреное дело», который печатался в «Эпохе» (1864, №№ 5—7). Герой его Бубнов, не признавая церковных обрядов, сомневается, жениться ли ему на героине, обманутой ранее нигилистом, или нет, и обращается за советом к своему другу Иверскому; героиня же, не желая зависеть от будущего мужа, отказывается переехать к нему.

Стр. 196. *Вы были ряд нахальных бездарностей ∾ Чернышевский ∾ не всегда, впрочем, добросовестный.* — Эти полемические записи направлены против «Современника» и его ведущих теоретиков. О полемике Достоевского с Чернышевским см. выше, стр. 349—355.

Стр. 196. *В статью «Яблоко натуральное» и проч.* — О замысле этой статьи см. выше, стр. 178. Достоевский полемически использует формулу «яблоко натуральное» также в статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (стр. 108 и примеч. к ней, стр. 328); после ответа Антоновича («Стрижам» — *С*, 1864, № 7) он еще раз возвращается к прежнему замыслу, но так и не доводит его до конца.

Стр. 197. *Тип этих чревовещателей Белой Арапии...* — См. выше, стр. 369.

Стр. 197—202. *Мне нужно то, что у меня есть ∾ Катков брал у нас всё.* — Данные полемические записи, частично использованные в статье «Необходимое заявление» (стр. 125—127), отражают реакцию Достоевского на помещенные в июльском номере «Современника» полемические статьи М. А. Антоновича «Торжество ерундистов» и «Стрижам».

Стр. 197. *Мне нужно то, что у меня есть...* — Ответ на заявление Антоновича, что Достоевский в статье «Господин Щедрин...» «жует» остроты о «дураковой плеши» и «жёлтой жидкости». Антонович намекал на использование Достоевским мотивов и образов полемических статей Салтыкова-Щедрина (*С*, 1864, № 7, стр. 149).

Стр. 197. *«А вот отделал я их».* — Ср. в статье Антоновича: «...я сам лично слышал от него такие слова: а, что отделал я их, небось прикусили язык, не отвечают!» (*С*, 1864, № 7 стр. 159).

Стр. 197. *Только «Стрижей» не вы писали...* — См. выше, стр. 333.

Стр. 197. *Капитолий* — один из холмов, на котором был расположен древний Рим, центр религиозной и общественной жизни Римского государства. Здесь находился храм Юноны, в котором иногда заседал сенат; на площади перед храмом происходили народные собрания. Запись использована в романе «Преступление и наказание», где образ Капитолия был символически переосмыслен («Кровь <...> которую все проливают <...> за которую венчают в Капитолии...» — наст. изд., т. VI, стр. 400 и примеч. в т. VII, стр. 397); в какой связи Достоевский обращается к нему в полемике с «Современником» — не ясно.

Стр. 197. *Посторонний сатирик* — псевдоним М. А. Антоновича.

Стр. 197. *...эту статью вашу...* — Речь идет о статье М. Е. Салтыкова-Щедрина «Стрижи». Антонович приписывает ее авторство себе (см. выше, стр. 333) и в издевательском тоне описывает чтение этой статьи Достоевским, которое, по мнению критика, произошло сразу же, как только принесли очередной номер журнала, при гостях (*С*, 1864, № 7, стр. 158), и закончилось скандальным «эпизодом с чашкой» (см. выше, стр. 374).

Стр. 197. *«А вы и рады». Мне жаль их как людей и литераторов. ∾ люди честные ∾ унижать себя.* — Возмущение Достоевского вызвано финалом статьи Антоновича «Торжество ерундистов». Критик цитирует фразу из статьи «Господин Щедрин...»: «Правдолюбов (Добролюбов, — *ред.*), скончался, остальные не оказались в наличности» (намек на арест и заточение Чернышевского) — и комментирует ее следующим образом: «А вы и рады этому <...> вот до чего доходит болезненная злость! Вы забыли, что хоть для приличия нужно дорожить собственной репутацией <...> все понимают, почему должны торжествовать вы, а вместе с вами и вся литературная

шваль, подобная вам <...> Как это мило, добросовестно и честно» (*С*, 1864, № 7, стр. 148).

Стр. 197. *Но чтоб я вилял ∞ никогда вы этого не докажете...* — Достоевский отвечает Антоновичу, упрекавшему сотрудников «Эпохи» в том, что они «ловко виляют» перед «Русским вестником» (*С*, 1864, № 7, стр. 170). Антонович имел в виду письмо Н. Н. Страхова М. Н. Каткову в связи со статьей «Роковой вопрос» и запрещением «Времени» (см. выше, стр. 254).

Стр. 198. *«Били кулаком в стенку».* — См. выше, стр. 86. 130.

Стр. 198. *Об искусстве. Финал. Не беспокойтесь, это вовсе не так глупо.* — Набросок для ответа Антоновичу, писавшему в статье «Торжество ерундистов», что полемические рассуждения «Эпохи», направленные против эстетической теории Чернышевского, о «яблоке нарисованном и натуральном» основаны на невежественности почвенников в вопросах искусства.

Стр. 198. *Вы теперь погибли, вы теперь раздавлены и проч.* — Пересылка Антоновичу его же упреков сотрудникам «Эпохи». Достоевский цитирует выражение Антоновича, сравнившего в статье «Торжество ерундистов» «Эпоху» с «прибитой, издыхающей тварью».

Стр. 198. *Помещать статью, хотя бы и в журнале с враждебным направлением. Тут ровно ничего дурного...* — См. об этом выше, стр. 88—90.

Стр. 198. *Да, я болен падучею болезней, которую имел несчастье получить 12 лет назад.* — См. выше, стр. 126, 334.

Стр. 198. *...один даже полмира перевернул по-своему, несмотря на то, что был в падучей болезни.* — Достоевский имеет в виду Магомета, о «священной болезни» которого он упоминал позже в «Идиоте» (наст. изд., т. VIII, стр. 189; т. IX, стр. 442), «Бесах» (наст. изд., т. X, стр. 451; т. XII, стр. 318). Об интересе Достоевского к учению и личности Магомета см.: наст. изд., т. I, стр. 494—495; т. IX, стр. 442.

Стр. 198. *У нас нет вестовщика. ∞ говорите, что у вас есть...* — ответ на полемическую выходку Антоновича, обвинившего Достоевского в собирании «сплетен» о Щедрине («вестовщики ваши бегали до упаду и собирали непечатные материалы для поражения вашего мучителя г-на Щедрина»), а затем рассказавшего историю своего знакомства с неким господином, который с удовольствием «доставил» ему различные сведения об «Эпохе» (*С*, 1864, № 7, стр. 157).

Стр. 198. *«Он мне сам говорил». Стало быть, вы меня знаете...* — Этот фрагмент использован в статье «Необходимое заявление» (ср. выше, стр. 126).

Стр. 199. *Но ведь это вещь серьезная (монастырка) ∞ перейдя юношество.* — По-видимому, Достоевский в задуманной статье намеревался вернуться к полемике с «Современником» о романе аббата*** «Монахиня» (см. выше, стр. 171 и стр. 362).

Стр. 199. *Вспомните Кречинского ∞ о плевках.* — Достоевский имеет в виду ответ Кречинского Нелькину в связи с его вызовом на дуэль: «...с одним условием извольте, что на всякий ваш выстрел я плюну вам в глаза. Вот мои кондиции» (А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского. *Д.* III, явл. 6).

Стр. 199. *О Тургеневе. ∞ даже и для г-на Антоновича.* — Имеется в виду резко отрицательная статья Антоновича «Асмодей нашего времени» об «Отцах и детях» Тургенева (*С*, 1862, № 3, отд. II). См. о ней: *Тургенев. Сочинения*, т. VIII, стр. 590—592.

Стр. 199. *«Дорого бы дали и проч.» ∞ нельзя дать.* — Конспективная запись фразы Антоновича: «Дорого бы они (сотрудники «Эпохи», — *ред.*) дали <...> если б им в самом деле пришлось видеть поминки своего врага» (*С*, 1864, № 7, стр. 142).

Стр. 199. *...подставляете бока...* — См. выше, стр. 310.

Стр. 199. *...сначала учите злости: одна баба наговорит, а другая обдаст одним словом) ∞ И выходит баба, которая ничего в себе удержать*

не умеет. — Достоевский переадресовывает Антоновичу его упрек в том, что статья «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (стр. 102—104) написана в ослеплении и злобе. Сравнивая полемику «Эпохи» и «Современника» с ссорой деревенских баб, Антонович писал: «...ты сякая, ты такая <...> кричит горячая своей спокойной противнице, которая на целый поток подобной брани отвечает только одним словом, но это слово точно огнем обожжет горячую...» (*С*, 1864, № 7, стр. 144).

Стр. 199. *(Теория яблока.)* — См. выше, стр. 367.

Стр. 199. *Музовкина...* — См. выше, стр. 366.

Стр. 200. *А вы этому рады? Чему-с? Не смешивайте двух вещей. ∾ Я жалею о безвременно умершем Добролюбове...* — Достоевский отвечает Антоновичу, обвинившему его в том, что он будто бы радуется «смерти Правдолюбова» (см. выше, стр. 73—76).

Стр. 200. *...Но вашему замешательству, конечно, рад.* — Мысль эта получила развитие в статье «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником"» (стр. 129—132).

Стр. 200. *Хотя уж теперь дело идет о г-не Страхове...* — Последнюю часть статьи «Стрижам» Антонович посвятил полемике со статьями Н. Н. Страхова.

Стр. 200. *Коли теща есть, так чтоб и теще.* — См. примеч. к стр. 128.

Стр. 200. *Ведь вы очень хорошо знаете и понимаете причину, по которой не отвечал и не отвечает г-н Страхов, зачем же вы лжете.* — Намек на цензурные условия, при которых защита в печати статьи Страхова «Роковой вопрос» и обсуждение всех последующих событий, связанных с запрещением «Времени», были невозможны. Достоевский, таким образом, переадресовывает Антоновичу обвинение в использовании «непозволительных средств» в полемике (*С*, 1864, № 7, стр. 159).

Стр. 200. *О дураковой плеши ∾ вы моего доктора-то обругали?* — Эти наброски легли в основу статьи «Необходимое заявление» (стр. 125—128).

Стр. 200. *Воняет, воняет! (поговорка Суворова).* — Достоевский, по-видимому, переадресовывает Антоновичу его обвинение в том, что «Голос» «попахивает стрижами» (см. запись ниже: «Вы мещане социализма...»). Источником «поговорки Суворова» послужили либо «Записки Льва Николаевича Энгельгардта» (М., 1860), либо рецензия на них в «Современнике» (*С*, 1860, № 10). Описывая свой первый обед у Суворова, Энгельгардт рассказывает, что, приготовившись сносить все странности Суворова, все-таки допустил оплошность — усмехнулся на вопрос о старшинстве чина, который задал ему сержант, разливавший водку (на обеде Суворова водку разливали по чинам и по старшинству). «Граф это подметил, — продолжает мемуарист, — и, когда все сели за стол, он вдруг вскочил и с криком „воняет!" ушел в другую комнату». Начали всех обнюхивать, и Энгельгардта выпроводили под предлогом «нечистых сапог» (*С*, 1860, № 10, стр. 296).

Стр. 201. *...Страхов обращался к г-ну Каткову∾ теперь сам говорит, что надобно глубже смотреть на это дело...* — Речь идет о письме Н. Н. Страхову к М. Н. Каткову по поводу статьи «Роковой вопрос» и запрещении «Времени». Как свидетельствует Страхов, Катков «тотчас отозвался» на его обращение и принялся «действовать с великим усердием» (*Биография*, стр. 254—255; см. выше, стр. 254).

Стр. 201. *Впрочем, вы сами говорили от ред<акции>...* — См. статью «Необходимое заявление...» (стр. 125—128).

Стр. 201. *Я не прячусь...* — Достоевский отвечает на обвинение Антоновича в том, что, напечатав без подписи статью «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», он якобы «очень выгодно» нашел способ «закрывать свое лицо».

Стр. 201. *«Угрюмый, верный и тупой...»* — Перефразировка строки из стихотворения Н. А. Некрасова «На Волге» (1860). У Некрасова: «Угрюмый, тихий и больной». Иронический отклик на это стихотворение встречается в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. V): «...вы и на Волге любили

общечеловека в бурлаке и действительно страдали по нем, то есть не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общебурлаке». Переделывая некрасовскую строчку, Достоевский пользуется пушкинскими определениями евнуха в «Бахчисарайском фонтане» (ср. выше, стр. 197).

Стр. 201. ... (*жену не надо любить...* — Ср. выше набросок статьи о нигилистических романах (стр. 196).

Стр. 201. *Какой вы сатирик!* — Намек на псевдоним Антоновича: «Посторонний сатирик».

Стр. 202. *Об обеспечении духовенства. «День», 29 августа.* — В № 35 газеты «День» была помещена статья «О православном духовном ведомстве в России (составлено в 1859 г. по официальным источникам)», автор которой отмечал скудость содержания священников бедных приходов, консисторий, училищ и семинарий.

Стр. 202. *Финал моей статьи: в ответ «Современнику» на его майскую выходку против «Дня».* — Достоевский намеревался ответить Салтыкову-Щедрину. Последний в статье «Литературные мелочи» (*С*, 1864, № 5, стр. 13—17) иронизировал над направлением и полемическими приемами славянофильской газеты «День», сближая взгляды ее издателя И. С. Аксакова и вдохновителя реакции 1860-х годов М. Н. Каткова.

Стр. 202. *«Шедше научите вся языцы».* — Слова Иисуса из Евангелия от Матфея (гл. 28, ст. 19).

Стр. 202. *Если можно согласиться с идеями Бокля о влиянии климата...* — Речь идет о книге Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (о ней см. выше, стр. 350—351). Об интересе Достоевского к Боклю см. также: наст. изд., т. V, стр. 384.

Стр. 202. (*Теперь все обращаются*). — Достоевский имеет в виду корреспонденцию «Голоса» о распространении христианства в Турции и об ежедневных групповых и единичных обращениях магометан (*Г*, 1864, 23 августа, № 232, стр. 3).

Стр. 203. ...*там личность, у нас общность* ∾ *Духинский прав.* — Об этнографической теории Духинского см. примеч. к стр. 191. Достоевский останавливается на одном из отличий русских («московитов») от европейцев («арийцев»), обусловливающих, по Духинскому, особый характер их цивилизации. На Западе («у арийцев») цивилизация построена на индивидуальной собственности, а в «московии» имеет характер «коммунизма»; поэтому «французские европейские слова: собственность, наследство, духовенство, дворяне ‹...› теряют свое значение ‹...› и не идут далее бассейна Днепра» (*ОЗ*. 1864, № 7, стр. 442).

Стр. 203. ...*в l'homme de la raison, в l'homme de la nature и de la vérité...* — Источником этих характеристик являются слова из «Исповеди» (1782—1789) Ж.-Ж. Руссо: «Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de la nature, et cet homme, ce sera moi» ‹Я хочу показать своим собратьям человека в истинной природе — и этим человеком буду я (*франц.*)›. О полемике с идеей «естественного человека» см.: наст. изд., т. IX, стр. 405 (об отношении Достоевского к Руссо см. также: Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. В кн.: Жан-Жак Руссо. Трактаты. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 603—604. (Литературные памятники).

‹V. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1864—1865 гг.›

(Стр. 203)

Печатается по рукописи, хранящейся в ГБЛ, ф. 93. I. 2. 8; см.: *Описание*, стр. 314.

Впервые частично опубликовано: *Описание*, стр. 134; полностью *ЛН*, т. 83, стр. 284—288.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется 1864—1865 гг. по содержанию и по датам, встречающимся в книжке: она заполнялась параллельно с двумя предыдущими тетрадями и тематически их продолжает.

Кроме чернового наброска «Политического обозрения», планов статей и полемических заметок, в книжке содержатся записи припадков, различные счета и стихотворный памфлет «Офицер и нигилистка» (последний см.: наст. изд., т. XVII, стр. 15).

Стр. 203. *Политическое обозрение* ∾ *карта Европы.* — См. выше, стр. 171, 188 и примеч. к ним.

Стр. 203. *Новые изобретения вроде пороха.* — См. выше, стр. 377.

Стр. 203. ... *у нас Кавказ покорен.* — 12 июля 1864 г. было объявлено об окончании кавказской войны. Описания празднований в честь завершения присоединения Кавказа к России, устроенных в Москве и в провинции, встречаются в августовских и сентябрьских номерах газет (*МВед*, 14, 21 августа, №№ 179, 184; *Г*, 8, 20 августа, №№ 217, 229; *РИ*, 25 августа, № 188; *БВ*, 25 сентября, № 255, и др.).

Стр. 203. *Все наши искусственные границы* ∾ *суть естественные...* — См. выше, стр. 377.

Стр. 203. *Пруссия силой соберет Германию.* — Ср. выше, стр. 377.

Стр. 203. *Весь реализм Писемского сводится на знание, куда какую просьбу нужно подать.* — «Бытовой реализм» А. Ф. Писемского (о нем Ап. Григорьев писал, что он переходит «даже в своего рода крайность, становится односторонним» — «Якорь», 1863, № 18, стр. 341) был чужд Достоевскому-художнику: уже в письме к брату от 31 мая 1858 г. он характеризует роман «Тысяча душ» как «старую тему на новый лад» и как «посредственность»; личность Писемского также не вызывала у него симпатий (см. письмо М. М. Достоевскому от 19 ноября 1863 г.; об отношении Достоевского к Писемскому см. комментарий А. С. Долинина в кн.: *Д, Письма,* т. I, стр. 523). Имеет ли Достоевский в данном случае в виду определенный реальный факт биографии Писемского, не ясно. Возможно, ему была известна история запрещения к печати двух очерков Писемского из цикла «Русские лгуны», которые тот собирался напечатать в «Отечественных записках» А. А. Краевского, и дальнейшие хлопоты Писемского о разрешении хотя бы одного из них. Писемский требовал, чтобы Краевский или опубликовал их без цензурного разрешения (ссылаясь на пример Каткова, опубликовавшего таким образом «Взбаламученное море») или добился разрешения, прибегнув к покровительству Мины Бураковой, фаворитки министра двора В. Ф. Адлерберга (А. Ф. Писемский. Письма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 179—180). В таком случае полемический выпад против Писемского, нового сотрудника «Отечественных записок», Достоевский предполагал включить в статью о Краевском и его печатных органах (см. выше, стр. 371—374). Говоря о «знании куда какую просьбу подать», Достоевский мог иметь в виду и другие факты биографии Писемского (см.: А. Ф. Писемский. Письма, стр. 154—190), поэтому краткая запись в равной мере может относиться и к возникавшему у писателя замыслу статьи о Писемском и его творчестве, и к замыслу другой статьи — «Нигилистический роман» (см. выше, стр. 55, 387; см. также о замысле статьи-рецензии на «Взбаламученное море» Писемского и «Что делать?» Чернышевского в письме Достоевского к брату от 19 ноября 1863 г.).

Стр. 203. *Сила не нуждается в ругательствах.* — Запись для неосуществленной полемической статьи против «Современника» (ср. выше, стр. 153, 349).

Стр. 204. *Обломов.* ∾ *Он также и барич, но и барич-то уже не руссий, а петербургский.* — Возможно, что эта запись представляет собой фрагмент задуманной, но неосуществленной «передовой статьи» «О помещичестве и белоручничестве в нашей литературе» (см. стр. 204, 392).

Стр. 204. ... *продукт петербургский* ∾ *не русский, а петербургский.* — Противопоставление Петербурга Москве как города «европейского» — рус-

скому, усвоенное Достоевским, восходит к давней литературной традиции — в том числе к славянофилам 1840-х годов.

Стр. 204. *«С‹овременни›ку. Всё из лучиночек...* — Ср. выше, стр. 190 и примеч. к ней.

Стр. 204. *Всё мещанство социализма ∾ в «Голосе» — всё мещанство петербург‹ско›го либерализма.* — Ср. выше, стр. 193, см. также стр. 338.

Стр. 204. *Пишущий с акцентом вроде того, как говорят с акцентом.* — Возможно, что запись была сделана для неосуществленной статьи «О примирении общечеловека с почвой» (ср. выше, стр. 366). Характеристика стиля у Достоевского часто непосредственно связывалась с мировоззрением. Ср. выше, стр. 374.

Стр. 204. *Ант‹онович› ∾ сдунул г-на Тургенева...* — См. выше, стр. 335.

Стр. 204. *Малоизвестный г-н Пыпин обер-ши‹ш› ∾ с гражданской слезой на глазах.* — См. выше, стр. 375; ср. стр. 362.

Стр. 204. *Каткову. ∾ но вы этим не вызовете.* — Ср. выше, стр. 278—279. Возможно, запись относится к статье «Славянофилы, западники и реалисты» (см. выше, стр. 371).

Стр. 204. *Для «Голоса» ∾ некогда.* — Записи к статье «Каламбуры в жизни и литературе» — см. выше, стр. 137—147.

Стр. 204. *Серебром лишь побряцал он...* — См. выше, стр. 373.

Стр. 204. *На небе много звезд прекрасных...* — Неточная цитата из седьмой главы «Евгения Онегина» (1823—1830), строфа LII:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве,
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.

Стр. 204. *Нашелся же для известных идей г-н Скарятин.* — См. выше, стр. 186, 374.

Стр. 204. *О помещичестве и белоручничестве в нашей литературе.* — Замысел неосуществленной «передовой статьи», возникший в связи с новым этапом полемики о типе «лишнего» человека в жизни и литературе. Ряд мыслей на эту тему Достоевский высказал ранее в статье «Книжность и грамотность» (наст. изд., т. XIX, стр. 11—12) — о Печорине, Онегине и Рудине; о «белоручничестве» Чацкого он подробно говорит также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 61—63); тема эта получила дальнейшее развитие в «Дневнике писателя» (1876, апрель. гл. I) и в Пушкинской речи. См. выше, стр. 208.

Стр. 205. *Тема. То, что называется в России обществом ∾ (буржуазия).* — Здесь сформулирована основная идея задуманной, но неосуществленной Достоевским передовой статьи для «Эпохи» «О примирении общечеловека с почвой» — ср. выше, стр. 204, 366.

Стр. 205. *Теперь помещиков нет. Наше общество должно быстро измениться.* — Ср. выше примеч. к стр. 204.

Стр. 205. *Яблоко натур‹альное›* — См. выше, стр. 367.

Стр. 205. *...режь нос...* — Ср. выше, стр. 157.

Стр. 205. *...а вы к нам несете формулу.* — Мысль о «мертвящем формализме» Запада (Франции) была высказана А. С. Хомяковым (см.: А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1861, стр. 47, 64, 78—79, 99 и др.), причем термины «формализм», «формула», «формальное право» Хомяков употребляет двояко: имея в виду внутреннюю сущность западной цивилизации (Рима) и явления русской жизни, возникшие в связи с «подражанием иностранным образцам, понятым в виде голого результата». В последнем случае «формализм имеет ‹...› постоянное притязание заменять собою всякую нравственную и духовную силу и находить ‹...› всякое начало движения в голых и вещественных формулах, приложенных к вещественным требованиям и побуждениям челове-

чества» (там же, стр. 61). В дальнейшем мысль о формализме Запада постоянно варьируется у поздних славянофилов в характеристике европейского мира и его социальных учений. Близкий смысл (мертвая законченность, неспособность к развитию или одностороннее развитие определенных начал) вкладывает в термины «формула» и «формульность» Достоевский.

‹1. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВРЕМЯ» НА 1863 г.›

(Стр. 206)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 8, с подписью: Редактор-издатель М. Достоевский (ценз. разр. — 14 августа 1862 г.).

Печатается по тексту первой публикации.

Это предварительное объявление скорее всего написано М. М. Достоевским (Ф. М. Достоевский с 7 июня по сентябрь 1862 г. был за границей). Оно убедительно свидетельствует о том первостепенном значении, которое придавала редакция «Времени» изменениям в программе журнала, остро и полемично изложенным Ф. М. Достоевским по его возвращении в большом, развернутом объявлении, напечатанном в следующем месяце (о нем см. ниже).

‹2. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВРЕМЯ» НА 1863 г.›

(Стр. 206)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 9, перед титульным листом (стр. 1—12), с подписью: Редактор-издатель М. Достоевский (ценз. разр. — 14 сентября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. I, отд. III, стр. 28—34.

Печатается по тексту первой публикации.

На принадлежность объявления Ф. М. Достоевскому указал Н. Н. Страхов, перепечатавший его в *Биографии* (отд. III, стр. 28—34). Сохранились черновые наброски к тексту объявления в записной книжке писателя 1860—1862 гг. (см. выше, стр. 169—170).

Н. Н. Страхов рассказал о том, как создавалось только что вернувшимся из-за границы Ф. М. Достоевским объявление, и раскрыл, с кем в нем ведется полемика: «Первым делом Федора Михайловича было написать для сентябрьской книжки длинное объявление об издании „Времени“ в 1863 году ‹...› Оно очень хорошо написано, с искренностью и воодушевлением. Главное содержание, кроме настоятельного повторения руководящей мысли журнала, состоит в характеристике противников. По терминологии Ап. Григорьева, одни из них называются *теоретиками* — это нигилисты; другие — *доктринерами* — это ортодоксальные либералы, напр‹имер› тогдашний „Русский вестник“. Почти всё объявление посвящено именно теоретикам и обличителям. Есть, однако, и оговорка об уважении, так же как и в предыдущем объявлении на 1862 год. Объявление на 1863 год имело большой успех, то есть возбудило литературные толки, большей частью враждебные. Живописное выражение

об „кнутике рутинного либерализма“, было подхвачено мелкими журналами, понявшими, что речь идет об них» (*Биография*, стр. 245—246).

Воспоминания Страхова упрощают подлинную картину: Страхов, повидимому сознательно. «забывает», что к «теоретикам» Достоевский в 1860-е годы (объявление на 1863 г. в этом смысле не исключение) относил не только «нигилистов» «Современника» и «Русского слова», но и славянофилов «Дня». Поэтому Достоевский счел необходимым, защищая почвенничество от нападок теоретиков и доктринеров, подчеркнуть отличие почвенничества от славянофильства: «В сущности, один только наш журнал признает вполне народную самостоятельность нашу даже и в том виде, в котором она теперь находится <...> Мы не ходили в древнюю Москву за идеалами...» Правда, полемика Достоевского со славянофилами постепенно ослабевает.

«Доктринерами» Достоевский называл не только влиятельную партию «Русского вестника» Каткова, но не в меньшей степени и «Отечественные записки» Краевского и Дудышкина. «Рутинные крикуны», «лакеи» — это не представители каких-либо определенных журнальных партий, а их «подголоски», узкие и рьяные догматики, ничего не выстрадавшие, но ревностно отстаивающие «чужие» идеи.

Страхов тенденциозно упомянул о возмущении объявлением «Времени» только «мелких журналов». «Современник» и «Русское слово», которых преимущественно задевало объявление, действительно, в 1862 г. не имели возможности для ответа: они были приостановлены на восемь месяцев и сразу же возобновили полемику со «Временем», уделив особое внимание объявлению, с января 1863 г. Но «Искра» полемически откликнулась на текст объявления моментально в «Хронике прогресса», иронизируя над почвеннической программой журнала и претензией «Времени» на роль первооткрывателя: «Беру я объявление о выходе в будущем году „Времени“, не „Нашего времени“, а просто только „Времени“, — мне и тут делается так хорошо, что я пересказать не умею! Я утопаю в восторге! „Время“ продолжает открывать давно открытую Америку, то есть необходимость соединения с народом, и из всех сил рвется доказать, что оно первое говорит об этом, дошло до этого своим умом. Подите, разубедите его! Никто, говорит, кроме нас, не говорил, что нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче, что надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица. Этого, говорит, не только никто доселе не говорил, а даже никто не понял и тогда, когда мы объясняли. Впрочем, прибавляет „Время“ в утешение тех, которых бы могло подобное известие обеспокоить: „за нашу идею мы не боимся“. Какое милое: *мы пахали!!*» (*И*, 1862, 26 октября, № 41). Владимир Монументов (В. П. Буренин) в сатире «Домашний театр „Искры“. Шабаш на Лысой горе, или Журналистика в 1862 году (драматическая фантазия)» также иронически упоминает «почву» и «теоретиков», выделывающих «сальто-мортале» в воздухе (*И*, 1862, 30 ноября, № 46). Целый ряд выпадов против «ученой редакции „Времени“» и направления «убогого журнала» содержится и в «Хронике прогресса» от 7 декабря; особенно показательны следующие риторические вопросы хроникера: «...отчего „Время“, трактующее постоянно о том, что оно открыло какую-то новую народность, которой прежде не только никто не примечал, но которой будто бы и теперь никто не может понять после сделанного им, „Временем“, истолкования, никак не может добиться того, чтобы за ним признали это открытие? Отчего то же „Время“, также неумолимо внушающее всем, что у него есть направление, никого доселе не может убедить в этом?» (*И*, 1862, 7 декабря, № 47). Обличительный поэт (Д. Д. Минаев) в пародии «Ад. Сцена в трех песнях (*подражание Данте*)» помещает в ад и «жреца „Времени“, тщетно ищущего „почву“» (*И*, 1862, 21 декабря, № 41); этот же номер газеты открывается карикатурой, изображающей Сатурна с косой и М. М. Достоевского на «пьедестале собственного изделия». Наконец, автор «Литературных размышлений в начале второго тысячелетия России» последний раз в 1862 г. за-

дел объявление «Времени», которое обильно цитирует, сопровождая ироническими замечаниями в скобках и курсивом (*И*, 1862, 30 декабря, № 30).

Другие ранние отклики появились в газете «Русский мир» и журнале «Отечественные записки». Фельетонист «Русского мира» «—Z—» коротко, но язвительно в своем ироническом обзоре объявлений на 1863 г. упомянул и «Время»: «...готовит грозный поход на всех свистунов, как оно выражается, из хлеба...» (*РМ*, 1862, 27 октября, № 42). В журнале А. А. Краевского появилась большая статья А. Ленивцева (А. В. Эвальда) «Недосказанные заметки. (Теория здравого смысла, теория почвы, теория сердцевины и коры, теория стихийных начал)» (*ОЗ*, 1862, № 10, отд. II, стр. 217—234). Эвальд широко использует в статье полемические статьи М. А. Антоновича, направленные против «Времени», и совершенно отказывается увидеть в журнале Достоевских оригинальное направление: «Побойтесь хоть бога и г-на Ивана Аксакова! Ведь он еще жив и издал сочинения не только своего брата, но также и Хомякова и Киреевского. Правда, г-да Даль и Бессонов не пишут о таинственных французских уголовных делах, но ведь они тоже давно говорят кое о чем народном и прежде, чем вы, научились кой-чему из статей г-на Григорьева» (там же, стр. 225). Эвальду отвечал анонимный рецензент «Северной пчелы», в заметке «Наши журналы» — и это единственный сочувственный отклик на объявление — вступившийся, в частности, и за направление «Времени» — «которое совершенно точно проводится в критических статьях г-на А. Григорьева и полемико-философских г-на Косицы. В этом отделе можно заметить скорее пробелы, но не отступления от программы» (*СП*, 1862, 24 ноября, № 318).

Но по-настоящему серьезная, а по тону необыкновенно резкая полемика с программой «Времени», изложенной в объявлении, развернулась в 1863 г., особенно после заметки Ф. М. Достоевского «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (см. выше, примеч. к стр. 292). В полемике, помимо «Искры», энергично участвовали и все другие органы демократической журналистики: журналы «Современник» и «Русское слово», газета «Очерки», а также только что начавшая выходить новая газета Краевского «Голос», уже в январе мимоходом задевшая «Время» в анонимной рецензии «Детские книги» (*Г*, 1863, 11 января, № 10). Спустя месяц в том же «Голосе» появился фельетон В. —кина «Литературный Дулькамара. (Письма к редактору «Голоса»)», в котором повторялись заимствованные из «Искры» и «Современника» ставшие уже традиционными антипочвенные тезисы. «Это объявление произвело на меня какое-то странное впечатление, — писал фельетонист „Голоса“. — Мне было и смешно, потому что там встречаются высококомические вещи, и досадно за то наивно бессознательное неуважение к словам „народность“, „Русь“, „прогрессизм“ и проч., с каким они третируются г-ном Достоевским, и, наконец, грустно за самого редактора, который, горячась (потом я увидел отчего), ломаясь и выдавая себя за какого-то провозвестника *новой* идеи, которая одна только может спасти нас и вылечить нравственно, напоминает собою знаменитого Дулькамару из оперы „Любовный напиток“, который, с пестрой, раззолоченной колесницы, в блестящей театральной одежде, разубранный всевозможными побрякушками, приглашает падкую до всяких диковинок толпу покупать у него любовный напиток и эликсир от всех болезней» (*Г*, 1863, 16 февраля, № 41). Фельетонист «Голоса» упрекает «Время» в шутовстве, в «эквилибристических упражнениях» (вроде pas de podpiska) на наконец-то отысканной «почве», тем самым вскрывая истинную, коммерческую подоплеку полемики газеты Краевского с журналом Достоевских. Совсем иными мотивами руководствовались, возобновляя и усиливая полемику со «Временем», «Русское слово», «Современник», «Искра». В февральском номере «Русского слова» была помещена очень резкая полемическая статья «Хлебная критика „Времени“ (Посвящ. М. М. Достоевскому)», за подписью «Старый свистун», в которой язвительно говорилось о изобретенном редакцией «Времени» «учении о *почве*» и утверждалось, что «все

хлебные свистуны, взятые вместе, ничего не значут в сравнении с *хлебным* критиком „Времени“» (*РСл*, 1863, № 2, отд. II, стр. 2, 7. Журнал имеет в виду Ап. Григорьева, — *ред.*). В том же номере иронически упоминались «*почва*, которую взрывает М. М. Достоевский с своей компанией» в «Библиографическом листке» (там же, стр. 7), и «хлебные свистуны» в «Дневнике темного человека» Д. И. Минаева (там же, отд. IV, стр. 36).

Ни один номер «Искры» в первые месяцы 1863 г. не обходился без выпадов против «Времени», причем по-прежнему главной мишенью для нападок оставалось объявление журнала. Нападки достигли кульминации в большом фельетоне В. П. Буренина и В. С. Курочкина за подписью «Хлебный свистун» — «Домашний театр „Искры“. Ванна из „почвы“, или Галлюцинации М. М. Достоевского. Фантастическая сцена». В этой фантазии, в частности, фигурирует «кнутик рутинного либерализма, высвистывающий над ухом М. М. Достоевского свою песню» (*И*, 1863, 22 февраля, № 7).

Вышедший в начале года сдвоенный номер «Современника» уделил «Времени» и его объявлению видное место в статьях, обзорах и хрониках М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Антонович в «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев» увидел в новом объявлении «Времени» повторение прежних туманных фраз о «почве» и «теоретиках» лишь «с небольшим видоизменением»: «...прежде оно уверяло, что теоретики хотят превратить русский народ в „стертый пятиалтынный“, а теперь уверяет, будто они „верят, что народности в дальнейшем развитии стираются, как старые монеты“. Что значит это пристрастие к одним и тем же метафорам и аллегориям — к почве, воздуху, истертым монетам и т. д.? А то, что они не выражают никакой мысли, что если б не эти метафоры, то людям, употребляющим их, нечего было бы и сказать» (*С*, 1863, № 1—2, отд. II, стр. 252). «Хлебных свистунов» и «либеральные кнутики» вспомнит Антонович и в статье «„Свисток“ и его время. Опыт истории „Свистка“» (*С*, 1863, № 4, «Свисток», № 9, стр. 7). В 9-м номере «Свистка» Михаил Антиспатов (В. П. Буренин) предпошлет стихотворению «Ах, зачем читал я „Время“» эпиграф из объявления («Мы ненавидим пустых ∾ кнутиком рутинного либерализма»), которое язвительно и остроумно пародирует (там же, стр. 85):

Хлеб ли есть теперь начну я,
Как прилично сыну Феба,
И внезапно вспомню: боже!
Я свистун, свистун из хлеба!
<. . . . .>
Ванька ль встретится, и ваньку
Я найму за пятьалтынный —
Глядь, у ваньки кнут ... и тотчас
Вспомню кнутик свой рутинный!
<. . . . .>
О редактор Достоевский!
Я прошу вас: ради неба,
Не казните так жестоко
Тварь, свистящую из хлеба!
Лучше вы собой займитесь
Иль Катковым Михаилом,
Но в особенности Павлов
Вам пришелся бы по силам!

Однако самым остроумным и метким откликом на объявление было выступление М. Е. Салтыкова-Щедрина в хронике «Наша общественная жизнь» (январь—февраль 1863 г.): «...этот „маленький кнутик рутинного либерализма“ — прелесть! Как должно было взыграть сердце Н. Ф. Павлова при чтении этих строк! Что должен был он сказать! Оче-

видно, он должен был сказать: всё это я уж целых два года думаю, а М. М. Достоевский только возвел в перл создания» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 21). В мартовской хронике, положившей начало новому ожесточенному этапу полемики «Современника» с «Временем», Салтыков напомнит снова слова объявления, как определяющие истинную суть направления «Времени»: «Вся ваша деятельность за два года ограничилась тем, что вы открыли каких-то „свистунов, свистящих из хлеба и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма". Это самое ясное из всего, что вы сказали» (там же, стр. 45). Далее Салтыков, прекрасно видя, как «Время» дорожит полемикой с «Русским вестником», очень резко пишет о нейтральной позиции журнала («Вы постоянно стремились высказать какую-то истину, вроде „сапогов всмятку", вы всегда садились между двух стульев и до того простирали свою наивность, что даже не захотели заметить, как шлепались на пол») и отказывается придавать сколько-нибудь серьезное значение его антикатковской линии, пророча полное согласие между нынешними противниками в ближайшем будущем: «Вы называете Каткова булгаринствующим, но разве неправ будет тот, кто вас, „Время", назовет катковствующим? Вот я, например, именно одарен такою прозорливостью, которая так и нашептывает мне, что вы начнете катковствовать в самом непродолжительном времени» (там же, стр. 47). Салтыков в обоюдоострой полемике, постепенно приобретавшей личную окраску, значительно сгущает краски. Но если отвлечься от полемических излишеств, то его заметки в хронике дают верную картину того «успеха», какой имело объявление о подписке на журнал «Время» в конце 1862—начале 1863 гг. в либерально-демократических кругах русской журналистики (подробнее о полемике Салтыкова-Щедрина с Достоевским см. выше, стр. 299—316, 318—320, 332—336).

Современникам надолго запомнится это программное объявление журнала Достоевских. Так, в 1873 г., касаясь «предыстории» романа «Бесы», о нем вспомнит бывший сотрудник «Времени и «Эпохи» П. Н. Ткачев в статье «Больные люди» («Дело», 1873, №№ 3, 4; см.: наст. изд., т. XII, стр. 262).

Стр. 211. *Мы долго сидели в бездействии ∾ ничего не сделает.* — См. о связи данной здесь характеристики современного человека с образом героя повести «Записки из подполья» — наст. изд., т. V, стр. 376.

ОБ ИЗДАНИИ НОВОГО ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА «ЭПОХА», ЛИТЕРАТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ МИХАИЛА ДОСТОЕВСКОГО

(Стр. 213)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *СПбВед*, 1864, 31 января, № 25; *РИ*, 1864, 31 января, № 25; *МВед*, 1864, 31 января, № 25; *Г*, 1864, 1 февраля, № 32. О позднейших перепечатках см. стр. 399.

Печатается по тексту *СПбВед*.

Ф. М. Достоевский в январе 1864 г. находился в Москве. Данное объявление составлено, по-видимому, М. М. Достоевским, без участия брата, сразу по получении окончательного разрешения на издание «Эпохи» (см. об этом выше, стр. 255). При выработке его текста М. М. Достоевский руководствовался советами, изложенными в письме к нему брата от 19 ноября 1863 г. (см. выше, стр. 256). «Объявление мастерское, именно такое, о каком питал замыслы Федор Михайлович», — так оценил объявление Н. Н. Страхов (*Биография*, стр. 267—268). Об истории «Эпохи» и о характере данного объявления см. также: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 13—14.

Стр. 213. *...мы уже слишком долго толковали о почве* ∾ *его интересами...* — К этому месту Н. Н. Страхов в своих «Воспоминаниях» сделал примечание: «Эта нескладная фраза отзывается цензурными поправками, о которых у меня сохранилось смутное воспоминание» (*Биография*, стр. 267. Возможно, однако, что Страхов имел при этом в виду не только эту, но и последующую фразу, открывающуюся словами: «Великие события последнего времени...»).

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «ЭПОХА» ПОСЛЕ КОНЧИНЫ М. М. ДОСТОЕВСКОГО›

(Стр. 214)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 6, в начале книги, без подписи (ценз. разр. — 20 августа 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 565.

Печатается по тексту первой публикации.

Есть все основания считать это объявление (и все другие, напечатанные в «Эпохе» после июля 1864 г.) принадлежащим перу Ф. М. Достоевского. После смерти М. М. Достоевского ему пришлось взять на себя не только хозяйственные, но и издательские дела по журналу (см. выше, стр. 257). В письме к И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г. Достоевский пишет о продолжении журнала после смерти брата: «...издаем мы все, прежние сотрудники, а главное я ‹...› Работаю день и ночь ‹...› Все дела на мне, а главное — *издательская* часть...»

Стр. 214. *С кончиною Михаила Михайловича Достоевского* ∾ *А. У. Порецкий.* — М. М. Достоевский умер 10 июля 1864 г. 18 июля вдова его Э. Ф. Достоевская подала в С.-Петербургский цензурный комитет прошение о праве продолжать издание «Эпохи» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 574—575. А. С. Долинин высказал предположение, что прошение было написано Ф. М. Достоевским — там же, стр. 562, 574). Журнал был разрешен в соответствие с просьбой вдовы, «опекунши детей» и «сонаследницы», ввиду того что «издание упомянутого журнала было единственным средством, служившим к содержанию осиротевшего семейства» (там же, стр. 576). Ф. М. Достоевский взял на себя после смерти брата долги по журналу и заботу о семье покойного.

А. У. Порецкий также подал в Цензурный комитет краткое прошение о разрешении ему принять на себя обязанности редактора «Эпохи» «по соглашению с наследниками покойного ‹...› Михаила Достоевского» (там же, стр. 575). 25 июля 1864 г. из канцелярии III Отделения последовал ответ на запрос Цензурного комитета по этим двум прошениям: «...к дозволению вдове отставного подпоручика Достоевского продолжать издание журнала „Эпоха“ под редакциею статского советника Порецкого со стороны 3-го отделения ‹...› препятствий не встречается» (там же, стр. 576). А. У. Порецкий (1819—1879) окончил восточный факультет Казанского университета, с середины 1840-х годов служил в Петербурге и занимался переводами (в частности, он переводил Жорж Санд). Тогда же познакомился с братьями Достоевскими в доме Майковых. С 1864 по 1870 гг. преподавал русский язык и историю в Доме воспитания бедных. Был сторонником педагогических идей Л. Н. Толстого. Помещал анонимно в «Отечественных записках», во «Времени» и других изданиях статьи и рецензии по вопросам воспитания и на другие темы. Перейдя из иллюстрированной еженедельной газеты «Воскресный досуг», где с ноября 1863 г. он заведовал редакциею, по приглашению Ф. М. Достоевского, в «Эпоху»,

Порецкий был лишь номинальным редактором журнала. В письме к И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г. Ф. М. Достоевский писал по этому поводу: «Порецкий наш знакомый (мой и покойного брата) ‹...› Когда-то он составлял „Внутреннее обозрение“ в „Отечеств‹енных› записках“. Этим занимался он и во „Времени“ в 61-м году ‹...› Теперь мне объявили, что я официально редактором быть не могу и чтоб я подыскал себе официального редактора. Порецкий — человек тихий, кроткий, довольно образованный и без литературного имени ‹...› но, главное, статский советник. Я и представил его как редактора ‹...› Он помогает в редакции и даже стал писать „Внутреннее обозрение“...» В письме к А. М. Достоевскому от 29 июля 1864 г. Ф. М. Достоевский писал: «Я остаюсь, в сущности, редактором журнала. От правительства, кроме того, назначен еще и другой». А. У. Порецкий вел в «Эпохе» отдел «Наши домашние дела» (внутреннее обозрение) (см. о Порецком также комментарий А. С. Долинина — *Д, Письма*, т. I, стр. 495—496).

‹1› ОТ РЕДАКЦИИ

(Стр. 214)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 7, стр. I—IV, без подписи (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 565—566.

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 214—215. *Редакция нашего журнала* ∾ *журнала «Время».* — Объявление о расчете с подписчиками «Времени», написанное М. М. Достоевским (см. выше, стр. 213—214), было напечатано на обороте обложки № 1—2 журнала «Эпоха» (ценз. разр. — 20 марта 1864 г.).

Стр. 215. *Об этом расчете* ∾ *во всех известнейших и наиболее читаемых газетах...* — «Расчет с подписчиками „Времени“ 1863 года» был напечатан 31 января 1864 г. в 25-х номерах газет «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид», а также в № 32 газеты «Голос» за 1 февраля (см. выше, стр. 397). В объявлении о выходе № 1—2 журнала «Эпохи» в марте он был повторен в ряде газет (см.: *Г*, 24 марта, № 84; *СПбВед*, 24 марта, № 67; *РИ*, 25 марта, № 67 и *МВед*, 28 марта, № 70).

Стр. 216. *...семейством покойного М. М. Достоевского* ∾ *непосредственное участие...* — Ф. М. Достоевский давал этими словами понять подписчикам «Эпохи», что сам будет участвовать в журнале. Необходимость такого разъяснения диктовалась слухами среди читателей, что умер «знаменитый Достоевский», известный писатель (см. об этом в воспоминаниях Н. Н. Страхова — *Биография*, стр. 272 первой пагинации).

Стр. 216. *Августовская книжка* ∾ *времени.* — Августовская книжка «Эпохи» вышла лишь 27 октября.

ОБ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА «ЭПОХА», ЛИТЕРАТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО, ИЗДАВАЕМОГО СЕМЕЙСТВОМ М. М. ДОСТОЕВСКОГО

(Стр. 216)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, № 8, 1864, стр. I—VIII, с подписью: Редактор А. Порецкий (ценз. разр. — 22 октября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. I, отд. III, стр. 35—41.

Печатается по тексту первой публикации.

Объявление было переплетено Страховым и включено им в список статей, написанных Ф. М. Достоевским для «Времени» и «Эпохи» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 209). Подтверждением авторства писателя является почти дословное совпадение следующих слов объявления: «Многое мы научились бранить ∾ за это нас никто не похвалит» с заметкой в записной книжке Ф. М. Достоевского: «Мы многое научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и [не] имеем до сих пор, что хвалить на Руси, за что, впрочем, и нас похвалить не следует» (стр. 178). Запись скорее всего сделана Достоевским еще в Москве, когда он, по просьбе брата, работал над полемической статьей для первых книг «Эпохи» (см.: письма к М. М. Достоевскому от 29 февраля и 20 марта 1864 г.).

Стр. 216. *Все прежние всегдашние сотрудники...* — Из числа перечисленных Достоевским сотрудников активно работали в «Эпохе» Д. В. Аверкиев (во всех номерах за 1864 г. и в № 2 за 1865), Н. Н. Страхов (во всех номерах за 1864 г.; 1865. №№ 1, 2) и анонимно участвовавший в составлении обозрений А. У. Порецкий. М. И. Владиславлев поместил в «Эпохе» три статьи (1864, №№ 9, 11: 1865, № 1), Н. Д. Ахшарумов — роман «Мудреное дело» (1864, №№ 5, 6, 7), А. А. Головачев — статью (1864, № 3), И. Г. Долгомостьев — две статьи (1864, №№ 1—4, 8, 11), А. Н. Плещеев — «Сцены» (1864, № 9), Я. П. Полонский — стихотворения и две пьесы (1864, №№ 4, 9, 10; 1865, № 1), А. П. Милюков — отрывки из воспоминаний и статьи (1864, №№ 1—2, 4, 8), К. И. Вабиков — стихотворение и роман «Глухая улица» (1864, №№ 1, 9, 10, 11, 12), А. М. Фатеев — очерк «Ералаш» (1864, № 7), А. Н. Майков — стихотворения (1864, №№ 1, 3), И. С. Тургенев — повесть «Призраки» (1864, № 1). А. Н. Островский в «Эпохе» не печатал ничего.

Стр. 217. *...А. Н. Островский положительно обещал нам в будущем году свою комедию.* — Став фактическим редактором «Эпохи», Достоевский 24 августа 1864 г. обратился с письмом к А. Н. Островскому с просьбой «поддержать» журнал. Вскоре он получил согласие драматурга, о котором сообщил И. С. Тургеневу в письме от 20 сентября 1864 г.: «Островский только что прислал теплое письмо. Обещает непременно в течение года две комедии». Это дало Достоевскому право указать Островского в числе сотрудников журнала на 1865 г. Однако, несмотря на настойчивые напоминания Достоевского (в письмах от 19 сентября, 9 и 30 декабря 1864 г.), Островский ничего не поместил в «Эпохе», хотя в письме к Достоевскому от 3 января 1865 г. вновь повторил обещание: «Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пьесу, и скоро» (*Островский*, т. XIV, стр. 122).

Стр. 217. *И. С. Тургенев уведомил нас...* — К И. С. Тургеневу с предложением сотрудничества Достоевский обращался 24 августа и 20 сентября 1864 г. Тургенев в ответном письме из Баден-Бадена от 3 (15) октября уверял редактора «Эпохи» в готовности «содействовать» успеху журнала и обещал свое сотрудничество «по мере сил» в следующих словах: «...даю вам обещание первую написанную мною вещь поместить у вас» (*Тургенев*, Письма, т. V, стр. 287). Таким образом, Достоевский почти точно повторил в «Объявлении» обещание Тургенева, которое не было, однако, исполнено, — возможно, ввиду прекращения «Эпохи».

Стр. 217. *Направление журнала неуклонно остается прежнее.∾ нас никто не похвалит.* — Эти строки «Объявления» были процитированы и подверглись резкой критике в № 10 «Современника». В частности, в статье «Литературные мелочи» Посторонний сатирик (М. Антонович) писал: «Вся эта тирада есть не что иное, как собрание фраз без значения <...> Поэтому мы думаем, что все эти обещания „русского национального на-

правления“ останутся по-прежнему одними фразами, а сама „Эпоха“ будет предаваться гегельянству» (*С*, 1864, № 10, стр. 251). «Гегельянством» Антонович называл «страховское направление» в журнале. В этом «Объявлении, как свидетельствуют записные тетради Достоевского, были использованы наброски двух статей «Социализм и христианство» и «О наших направлениях» (см. выше, стр. 191—194).

Стр. 217. *Непонятно и смешно другим стало наше выражение: «почва».* — О «почве» как девизе «Времени» и «Эпохи» и журнальной полемике вокруг этого понятия см. выше, стр. 259, 395.

Стр. 219—220. *Мы видим, как исчезает наше современное поколение ∾ наконец к жизни...* — Об отношении Достоевского к «лишним людям» и о психологической близости к ним героя повести «Записки из подполья» см.: наст. изд., т. V, стр. 375—376.

Стр. 220. *...все-таки смотрим на нашу литературу с уважением ∾ совершенно органическое.* — Мысль эта ранее была сформулирована Достоевским в записной книжке: «В объявление о журнале. Искусством мы потому занимаемся особенно, чтоб заявить о нашем уважении к органическим проявлениям жизни духа, который хотят игнорировать *нравоучители*» (см. выше, стр. 195).

Стр. 220. *...но личной полемики мы положительно хотим избегать...* — О полемике Достоевского с «Современником» см. выше, стр. 299—316, 318—329, 332—336.

‹2› ОТ РЕДАКЦИИ

(Стр. 221)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 11, без подписи (ценз. разр. — 24 дек. 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 567.

Печатается по тексту первой публикации.

О постоянном запаздывании номеров «Эпохи» см. выше, стр. 213, 214, 221. Что редакции «Эпохи» не удалось выполнить обещаний, данных в настоящем заявлении, видно из следующего ее объявления (стр. 222).

Стр. 222. *Окончание статьи г-на Филиппова...* — М. А. Филиппов. «Об особых родах гражданского судопроизводства. Статья первая» (*Э*, 1864, № 10, стр. 1—46). Вторая статья, несмотря на данное обещание, в «Эпохе» не появилась.

Стр. 222. *Политическое обозрение...* — Оно действительно появилось в декабрьской книжке «Эпохи» (*Э*, 1864, № 12, стр. 1—32) и продолжалось в №№ 1 и 2 за 1865 г.

‹3› ОТ РЕДАКЦИИ

(Стр. 222)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1865, № 1, на последнем листе без подписи (ценз. разр. — 5 февраля 1865 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 567—568.

Печатается по тексту первой публикации.

О принадлежности перу Ф. М. Достоевского всех редакционных объявлений «Эпохи», начиная с № 6, см. выше, стр. 398.

В объявлении от редакции в № 11 «Эпохи» (см. выше, стр. 222; вышел 1 января 1865 г.) было обещано выдать январскую книгу в январе; в действительности январская книжка вышла 13 февраля (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 259).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»

(Стр. 222)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Г*, 1865, 9 июня, № 157 и перепечатано: *БдЧт*, 1865, № 7—8, апрель (вышел во второй половине июня, ценз. разр. — 16 июня 1865 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 568—569.

Печатается по тексту первой публикации.

О принадлежности перу Ф. М. Достоевского всех редакционных заметок в «Эпохе», начиная с № 6, см. стр. 398 и 417.

Стр. 222. *Многие неблагоприятные обстоятельства...* — Как свидетельствует письмо Достоевского к А. Е. Врангелю от 31 марта—14 апреля, уже после выдачи второй книги журнала (вышла 22 марта 1865 г.) редакция не могла продолжать издание из-за отсутствия денег. Настоящее объявление означало признание временного банкротства. О последнем периоде и ликвидации «Эпохи» см. воспоминания Н. Н. Страхова (*Биография*, стр. 274); письмо Ф. М. Достоевского к А. П. Сусловой от 23 апреля 1867 г.; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 18—22.

Стр. 222—223. *Мы вошли в соглашение* ∾ *книжки.* — «Библиотека для чтения» не смогла выполнить этого обещания, так как прекратилась на том же 7-м—8-м номере, в котором перепечатала это объявление. См. об этом: П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. I. Изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 332—333, 391.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. А. БИБИКОВА «ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕСТИ»›

(Стр. 224)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 1, отд. II, стр. 31, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 8 января 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 572.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья постоянного сотрудника «Времени», публициста и переводчика П. А. Бибикова (1832—1875), имеет подзаголовок «нравственно-критический этюд». Это не столько разбор повести Н. Г. Помяловского «Молотов» (1861), сколько свободный разговор о современном герое русской литературы, семье, браке, «мещанском счастье». Но поводом для статьи Бибикова послужили слова героя повести Молотова, с которыми он и полемизирует: «...не всем быть героями, знаменитостями, спасителями отечества. Пусть какой-нибудь гений напишет поэму, нарисует картину, издаст закон, придем и посмотрим на все это ‹...› Неужели запрещено устроить простое, мещанское счастье...» (Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. I. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 275).

Редакционное примечание свидетельствует об исключительно высокой оценке братьями Достоевскими повести Помяловского, произведения которого вскоре появятся во «Времени» (см. ниже, стр. 407). Однако редакция «своего мнения» о «Молотове» не высказала ни в 1862-м, ни в 1863 гг. Возможно, статью о «Молотове» собирался написать сам Ф. М. Достоевский, в творчестве которого нашли, несомненно, преломление некоторые мотивы повести, особенно философия «кладбищенства» Череванина (об этом см.: Р. Г. Назиров. Об этической проблематике повести «Записки из подполья». В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 148; Л. М. Лотман. Достоевский и Н. Г. Помяловский. Там же, стр. 120—130; И. Г. Ямпольский. Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский (к статье Л. М. Лотман). В кн.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 200—202). Ф. М. Достоевскому, может быть с большой долей вероятности, принадлежит и данное редакционное примечание.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ОЧЕРКИ ПОСЛЕДНЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ»›

(Стр. 224)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 3, отд. I, стр. 149 и 176, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 7 марта 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включены в издании: *1926*, т. XIII, стр. 572 и 573.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья «Очерки последнего литературного движения во Франции» представляет собой свободную компиляцию лекций швейцарского писателя и публициста Уильяма Реймона (William Reymond, род. 1823), изданных отдельной книгой: «Etudes sur la littérature du second Empire français, depuis le coup d'État du deux Décembre» (Berlin, 1861).

Автор примечаний поясняет, что не все мнения У. Реймона редакция разделяет — второе полемическое примечание к статье отчасти разъясняет, какие именно суждения швейцарского литератора ей чужды. Тем не менее он находит статью — и это не случайно — «весьма любопытной». Особенно, видимо, редакции «Времени» могла показаться интересной и верной общая характеристика в статье Реймона состояния современной французской литературы: «Нынешние литераторы скоро приметили, что самое лучшее средство приобрести скорее успех, а следовательно, и деньги, состоит в том, чтобы соразмерять свои шаги и идеи со вкусами и мнениями толпы, льстить самым грубым инстинктам своей публики и заменять количеством недостаток качества в своем товаре. Говоря *товар*, мы нисколько не преувеличиваем. Известно, что умственный труд сделался теперь исключительно ремеслом ‹...› Литературная промышленность, унижение идеала, продажность прессы, потеря всякого нравственного сознания, измельчение характеров и талантов — все эти явления, общие всем эпохам упадка, суть следствия ошибок и несчастий Франции с самого начала нынешнего столетия» (*Вр*, 1862, № 3, отд. I, стр. 157).

Сходный взгляд на французскую литературу периода Второй империи проводился в других статьях журнала: П. А. Бибикова «Как решаются нравственные вопросы французской драмы» (*Вр*, 1862, № 2, отд. II, стр. 109—121); В. Ососова «Едмон Абу и парижские студенты» (*Вр*, 1862, № 3, отд. I, стр. 297—312). Наконец, Ф. М. Достоевский создал в главе VIII («Брибри и мабишь») «Зимних заметок о летних впечатле-

ниях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 90—98) язвительный памфлет на французский буржуазный театр. Это дает основание считать, что Ф. М. Достоевскому принадлежат и оба редакционных примечания к статье Реймона.

Второе редакционное примечание к статье У. Реймона — полемическое. Возражение редакции вызвали следующие утверждения швейцарского публициста: «Идеал действительный, то есть индивидуальное чувство действительности и эпохи, остался у нас, потому что он может исчезнуть только с разумом и понятиями человека. Вот этот-то идеал мы называем *реализмом*, хотя эти два слова, „идеал“ и „реализм“, кажется, никогда не могут сойтись между собой.

Итак, реализм есть чувство или, если хотите, оригинальный инстинкт эпохи. Если между способностями духа человеческого чувство это занимает низшую степень, то оно тем не менее законно и может достигнуть большой глубины, когда основанием его будет искреннее и разумное наблюдение общества и природы. Конечно, оно не произведет всемирных, общечеловеческих творений, подобно творениям Гомера, Данта, Шекспира, Мольера, Гейне, которые соединяли с характеристическою чертою своего времени глубокое познание человеческой души всех времен» (*Вр*, 1862, № 3, отд. I, стр. 196).

Возражение редакции вызывает противопоставление «идеализма» «реализму» и «общечеловеческого» «национальному». Несомненно, что редакция была несогласна и с оценкой, данной У. Реймоном творчеству Бальзака и развивающей ту же мысль публициста: «Он (Бальзак, — *ред.*) пренаивно думал обнять в своем понимании всё человечество, но ему удалось изобразить только француза, да и то (за исключением нескольких провинциальных типов) *человек* для него ограничивается *парижанином.* Что же касается до *женщины*, то ее положительно нет у Бальзака. То безнравственное и бездушное существо, которое является постоянно в его романах, не может считаться даже типом парижанки, а разве только известного класса, получившего впоследствии название полусвета» (там же, стр. 181).

И это примечание, очевидно, принадлежит Ф. М. Достоевскому: оно представляет собой вариацию излюбленной идеи писателя (см.: *Фридлендер*, стр. 367—368). К тому же и его стиль (дважды повторенное с курсивным выделением слово «высшее») очень характерен для Достоевского.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Н. Н. СТРАХОВА «НЕЧТО ОБ „ОПАЛЬНОМ ЖУРНАЛЕ“ (ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ)»›

(Стр. 225)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 5, отд. II, стр. 90, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 6 мая 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 573.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья Н. Н. Страхова (Н. Косицы) и развернутое редакционное примечание-приложение к ней — очередной этап полемики «Времени» с «Современником». После этого совместного выступления Страхова и редакции «Времени» полемика прервется, так как «Современник» был закрыт на восемь месяцев, но возобновится с новой силой в 1863 г., чтобы вновь прерваться в апреле на этот раз в связи с запрещением журнала «Время».

Н. Страхов отвечает в статье в основном на полемическую статью М. А. Антоновича «Русская литература. — О духе „Времени“ и о г-не Косице, как наилучшем его выражении» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 247—293); меньше места Страхов отводит Г. З. Елисееву («хроникеру»), уделившему во «Внутреннем обозрении» несколько иронических страниц «Времени» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 293—296). Вспоминает критик «Времени» также и некоторые другие, более ранние статьи М. А. Антоновича, особенно рецензию на перевод Н. Н. Страховым «Истории новой философии» Куно Фишера (*С*, 1862, № 2, отд. II, стр. 282—292) и памфлетный разбор «Отцов и детей» И. С, Тургенева — «Асмодей нашего времени» (*С*, 1862, № 3, отд. II, стр. 65—116). Статья Н. Страхова, согласно его собственному утверждению, — «седьмое» полемическое письмо критика «Времени»: «Все семь писем, включая и настоящее, составляют меньше семи печатных листов...» (*Вр*, 1862, № 5, отд. II, стр. 79). Этому письму предшествуют: «Нечто о петербургской литературе» (1861, № 4); «Еще о петербургской литературе» (1861, № 6); «Нечто о полемике» (1861, № 8); «Об индюшках и о Гегеле» (1861, № 9); «Литературные законодатели» (1861, № 11); «Пример апатии» (1862, № 1). Авторитетнейшее признание Страхова, сделанное в мае 1862 г., позволяет утверждать, что все другие анонимные и псевдонимные письма в редакцию или к редактору «Времени» ему не принадлежат, в том числе и «Письмо с Васильевского острова», подписанное буквами «Л. К.», по мнению Б. В. Томашевского скорее всего принадлежащее Страхову (см.: *1926*, т. XIII, стр. 596).

Почти все полемические письма Н. Страхова направлены против «Современника» и «Русского слова». Это обстоятельство и превратило Н. Страхова (Н. Косицу) в непременный персонаж полемических статей, фельетонов, карикатур, пародий в «Современнике», «Русском слове», «Искре» и других журналах.

Редакция «Времени» до этого письма Н. Страхова прямо в его полемику (преимущественно с «Современником») не вмешивалась. Но, видимо, тот факт, что «Современник», по замечанию Н. Страхова, «*все свое критическое обозрение* в апрельской критике посвятил» «Времени», побудил редакцию добавить к письму Н. Косицы несколько резко язвительных замечаний.

Примечание написано в характерной для Ф. М. Достоевского-полемиста стилистической манере, что позволяет считать его автором примечания.

Стр. 225. *Эх, вы! Чудачина!* — Пародируется стиль М. А. Антоновича, так обращавшегося к Страхову и редакции «Времени» в статье «О духе „Времени“ и о г-не Косице, как наилучшем его выражении»: «Вот чудаки, право!», «Эх, вы! да опомнитесь же наконец» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 265, 267).

Стр. 225. *Он просит, чтобы «Время» ∾ заплатил за журнал 16 рублей.* — Имеется в виду следующее место из упомянутой статьи М. А. Антоновича: «Да с вашей стороны негуманно даже отказываться поучить и меня; ведь я ваш подписчик, выписываю „Время“, и за мои 16 рублей вы должны научить меня чему-нибудь, хоть растолковать мне, что такое почва и что значит оторваться от нее» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 267).

Стр. 225. *Не имея нимало в виду «придираться к физиономии» г-на Антоновича...* — См. у Антоновича: «...та же моя любезная маска так беззастенчива и нахальна, что в каждой своей статейке прямо лезет мне в лицо и в глаза, придирается к моей личности, к моей физиономии» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 277). На это же неудачное выражение Антоновича обратил внимание и Страхов: «...я будто бы позволяю себе в отношении к нему личности, или, как он оригинально выражается, что я „придираюсь к его физиономии“...» (*Вр*, 1862, № 5, отд. II, стр. 83).

Стр. 225. *«Не всё ли зло и кумиры?»* — Цитата из статьи Н. Н. Страхова «Пример апатии» (*Вр*, 1862, № 1, отд. II, стр. 71).

Стр. 225. *...с какой стати г-н Антонович клеплет на нас, будто мы «Современник» сравнивали с Базаровым?* — Имеется в виду следующее место из статьи Антоновича: «„Время“ воображает, что и весь мир так же благоговел пред „Современником“, как оно, и уверяет, что и г-н Тургенев написал свой роман для „Современника“, изобразил в нем „Современник“ в виде Базарова, и изобразил для того, чтобы показать „Современнику“, что он понимает „Современника“ даже лучше самого „Современника“» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 285).

Стр. 225. *Мы раз как-то осмелились уподобить его Ситникову, да и это сделали с разными оговорками.* — Сравнил с «оговорками» «Современник» с героем Тургенева Н. Н. Страхов в статье об «Отцах и детях»: «Хотя злые языки могут заметить, что статья „Современника“ напоминает не Базарова, а скорее Ситникова, продолжающего дело Базарова; положим, говорим, что „Современник“ имеет в себе много базаровского, что он может принять на свой счет то, что относится к Базарову» (*Вр*, 1862, № 4, отд. II, стр. 82—83). Напоминая это осторожное сравнение Страховым «Современника» с Ситниковым, Достоевский парирует язвительное уподобление Антоновичем «Времени» княжне Х...ой: «...в романе <...> изображено и „Время“ в виде старой девицы, княжны Х...ой, которой всё существование ограничивалось тем, что она сидела в кресле, злилась на Базарова до того, что у нее дрожали чепцы или ленты на голове — не помню что; злость свою на Базарова она изливала перед своими служанками, и брань ее выражалась только в одном бессмысленном слове: „оголтелый“» (*С*, 1862, № 4, отд. II, стр. 285).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. Н. ТКАЧЕВА «О СУДЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ЗАКОНОВ ПЕЧАТИ»›

(Стр. 225)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 6, отд. II, стр. 48, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 8 июня 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 574.

Печатается по тексту первой публикации.

Это редакционное примечание к статье одного из самых радикальных публицистов «Времени» и «Эпохи», в начале 1860-х годов студента юридического факультета Петербургского университета, будущего идеолога народничества П. Н. Ткачева (1844—1885), скорее всего принадлежит М. М. Достоевскому — Ф. М. Достоевский в это время был за границей.

Возражение редакции вызвало следующее место в статье Ткачева: «Мерка, которою определяется годность или негодность граждан занимать лавки присяжных, должна быть одна и та же как для судов по делам печати, так и для общих судов. А так как эта мерка еще неизвестна, то мы, с своей стороны, предлагаем постановить единственным ограничительным условием для присяжных по делам печати — *небытие* под уголовным судом и возраст от двадцати одного года до шестидесяти лет» (*Вр*, 1862, № 6, отд. II, стр. 48).

‹ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ А. САГОТОВИЧА «ЮРИДИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОДНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ОКОНЧАТЕЛЬНО РЕШЕННОГО В 1849 ГОДУ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ»›

(Стр. 226)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 8, отд. I, стр. 155, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 14 августа 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 574.

Печатается по тексту первой публикации.

Редакционное предисловие к статье А. Саготовича, видимо, принадлежит М. М. Достоевскому, так как Ф. М. Достоевский летом 1862 г. был за границей. Статья А. Саготовича, продолжения которой не появилось во «Времени», примыкает по либеральному направлению к другим юридическим материалам, регулярно печатавшимся в журналах Достоевских (об этом см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 110—126).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ОЧЕРКУ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО «БУРСАЦКИЕ ТИПЫ»›

(Стр. 226)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 9, отд. I, стр. 323, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 14 сентября 1861 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 574.

Печатается по тексту первой публикации.

Редакционное примечание к очерку Н. Г. Помяловского «Бурсацкие типы» однотипно с тем примечанием, которым сопроводил Ф. М. Достоевский 3-ю главу 2-й части «Записок из Мертвого дома»: «Всё, что я пишу здесь о наказаниях и казнях, было в мое время. Теперь, я слышал, всё это изменилось и изменяется» (см.: *Вр*, 1862 № 2, стр. 579; наст. изд., т. IV, стр. 152). Поэтому есть основание считать, что ему же принадлежит и примечание к очерку Помяловского.

«Бурсацкие типы» — вторая публикация Помяловского в журнале «Время». Ранее, в майском номере журнала, был напечатан «Зимний вечер в бурсе» (*Вр*, 1862, № 5, стр. 183—224), вызвавший острую реакцию, особенно в церковно-семинаристской среде. Редакционное примечание было ответом на эту реакцию. В том же номере «Времени» напечатана анонимная рецензия «Два слова о двух статьях («Зимний вечер в бурсе» Н. Помяловского, «Время», май 1862 г.; «Родные картины» Е. Стопакевича, «Современник», май 1862 г.)» (*Вр*, 1862, № 9, отд. II, стр. 28—42). «При всей очевидности фактов, изображенных в означенных статьях и подтверждаемых очевидцами этой бурсацкой жизни, — писал автор рецензии, — нашлись люди, которые оспаривали их достоверность, доказывали их невозможность и нелепость, называли г-на Помяловского лжецом, „Иудою-предателем“, призывали на его голову проклятие неба и страшные кары начальства за его клевету и злонамеренность» (там же, стр. 29). Далее автор делится с читателем личными впечатлениями от «В-ской бурсы», подтверждающими жизненность и правдивость очерка Помяловского, публикацию которого он считает делом необходимым и полезным: «„Положим, всё это справедливо; но к чему, спрашивается, выводить всю эту грязь наружу?“ — не раз слышал я этот вопрос от людей, читавших

„Зимний вечер в бурсе“ г-на Помяловского. По моему мнению, когда в комнате грязь хранится по уголкам, то ее мало замечают, и она остается в комнате надолго; а вымети ее на середину — авось кто-нибудь догадается и совершенно очистит от нее комнату» (там же, стр. 37).

Очерки Помяловского, редакционное примечание к «Бурсацким типам» и упомянутая анонимная рецензия вызвали резкие замечания В. Поречникова (Н. Д. Хвощинской): «О строгости семинарий, о бестолковом учении и безотрадной бедности этого сословия известно давно, но в воспоминаниях г-на Помяловского незаметно, чтоб беда происходила от учения, от строгости или от бедности: у г-на Помяловского дурны, жестоки и развращены сами по себе, по своей натуре эти люди (восьмнадцатилетние юноши и дети!), и так развращены и дурны, что против них поднимается в душе не прискорбие взрослого воспитания, негодующего и страдающего при виде ужасов, совершаемых вредным воспитанием, а злоба, ненависть, отвращение, как к злодеям <...> Г-н Помяловский выражается очень неопределенно, что пишет о каком-то прошедшем „периоде“ обучения, о каком именно? Это следует аккуратнейшим образом определить; по возможности даже цифрами годов — это очень важно. Г-н Помяловский говорит вскользь именно об этом важном вопросе и умолчанием заставляет предполагать, что всё это происходило недавно. Можно сказать положительно, что около тридцати лет в семинариях подобных вещей не делается <...> Г-н Помяловский, вероятно в минуту „кладбищенства“, собрал все какие видел и о каких слыхал уличные драки и потехи, составил из них „веселенький пейзажик“ и поместил его в фантастической местности, в бурсе — единственной местности на свете, о которой еще ходят темные предания <...> он не симпатичнее к своим дикарям, чем г-н Стопакевич к своим идиотам в комедии „Родные картины“...» (*ОЗ*, 1862, № 10, отд. II, стр. 247—248).

Очерк «Бурсацкие типы» появился в том же номере журнала, что и объявление о подписке на 1863 г., свидетельствовавшее, по единодушному мнению демократической печати, о значительном поправении курса «Времени» (об этом см. выше, стр. 394). Помяловский, ознакомившись с программой журнала, почти сразу же порвал с ним отношения, известив о своем решении М. М. Достоевского в письме от 26 октября 1862 г.: «Не сходясь с программой Вашего журнала по идее, я не могу в нем участвовать. Вследствие этого мои очерки не будут у Вас печататься» (Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. II. «Academia», Л., 1935, т. II, стр. 274). Следующие произведения Помяловского публиковались в «Современнике». Тем не менее Помяловский личных контактов с братьями Достоевскими на прекратил; посещение Помяловским незадолго до смерти четверга у Достоевских запомнилось Ф. Бергу («Из воспоминаний прошлого. А. Н. Майков. Помяловский». «Русский листок», 1899, 27 января, № 26). О личных и творческих контактах Ф. М. и М. М. Достоевских с Н. Г. Помяловским см. в примеч. И. Г. Ямпольского к изданию: Н. Г. Помяловский. Полное собрание сочинений, т. II, «Academia», Л., 1935, стр. 311—316, 349, 352, 356—357; а также: Л. М. Лотман. Достоевский и Н. Г. Помяловский. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 120—130; И. Г. Ямпольский. Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский (к статье Л. М. Лотман). В кн.: *Материалы и исследования*, 1, стр. 200—202.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К РОМАНУ С. Н. ФЕДОРОВА «СВОЕ И НАНОСНОЕ»›

(Стр. 226)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 10, отд. I, стр. 143, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 11 октября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 574.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание к роману С. Н. Федорова (ум. 1868), как и другие редакционные примечания к беллетристическим произведениям, скорее всего принадлежит Ф. М. Достоевскому.

Федоров, драматург, очеркист и романист 1860-х годов, сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Искре»; он был знаком еще по Оренбургу А. Н. Плещееву, который и рекомендовал его произведения в журнал Достоевских. А. Н. Плещеев в письме от 30 мая 1858 г. в самых лестных выражениях сообщал о Федорове Ф. М. Достоевскому: «Здесь есть молодой человек, с которым я очень близок и который отправил в „Современник" драматические сцены. Некрасов его восхвалил и очерки напечатал...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 441). В письме к Достоевскому от 27 октября 1859 г. Плещеев просил обратить внимание на «Рассказ моего хозяина» С. Федорова, напечатанный в «Московском вестнике» (1859, № 245, 23 октября), и вновь с похвалой отзывался о своем оренбургском друге: «Это дарование, которое я открыл в Оренбурге. Отличный человек; служит там офицером в кадетском корпусе, и еще очень молодой. Его драматические очерки были в „Современнике"; у него очень много оригинального юмору. Но этот рассказ в другом роде. Мне нравится» (*ЛА*, т. 6, стр. 261—262).

Продолжение романа С. Федорова «Свое и наносное» не появилось ни в журналах Достоевских, ни в каких-либо других изданиях. Помимо первой части романа «Свое и наносное», в журнале «Время» была опубликована повесть Федорова «Помешанный» (1861, № 3, отд. I, стр. 193—232).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ П. П. СОКАЛЬСКОГО «ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ»›

(Стр. 226)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 10, отд. II, стр. 164, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 11 октября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 575.

Печатается по тексту первой публикации.

Судя по содержанию и стилю, примечание принадлежит Ф. М. Достоевскому.

Примечания к статье публициста 1850—1860-х годов П. П. Сокальского (1834—1871), подписанной инициалами П. С., объясняет причины, побудившие редакцию допустить в журнале полемику по острому социальному вопросу. Ранее в журнале на ту же тему была опубликована статья-рецензия М. В. Родевича (род. 1839) «*Наша общественная нравственность.* Мысли об устройстве убежища или общества для обращающихся с пути заблуждения женщин в России, бывшего воспитанника императорского училища правоведения, эстляндского дворянина, барона Эммануила Александровича Штейнгеля. СПб., 1862 г.» (*Вр*, 1862, № 8, отд. II, стр. 60—81). М. В. Родевич, постоянный сотрудник «Времени» и учитель пасынка Достоевского — П. А. Исаева (о Родевиче см. комментарий А. С. Долинина: *Д, Письма*, т. I, стр. 574—576), останавливается в статье на социальных причинах печального состояния общественной нравственности в России, выделяя особо две главных — нищету и неве-

жество. Родевич выступает в статье убежденным сторонником эмансипации женщины, требуя, в частности, коренных изменений в «организации наших браков», введения развода, положившего бы конец скрепленной законом нерасторжимости брачного союза, введения налогов на содержателей публичных домов и т. д. Большое значение Родевич придает материальным причинам. Он согласен с мнением В. Гюго, «что даже дева орлеанская едва ли бы осталась девою орлеанскою, если бы была голодна» (*Вр*, 1862, № 8, стр. 65). «Вообще можно признать справедливою мысль, — пишет Родевич, — что разврат обратно пропорционален материальному благосостоянию» (там же). П. Сокальский выражает решительное несогласие со столь «материальным» взглядом Родевича. Те меры, которые предлагает Родевич, он отвергает, возлагая надежды на «укрепление в обществе идей правды и добра»: «Против развратителей — сила мнения. Вооружите против них всю силу негодования и мщения за поруганное человеческое достоинство, воздвигните между ними и их жертвами непреоборимую преграду мнения, защитите честный труд и честное имя от голода и нищеты, дайте свету в тьму кромешную, — и вы сделаете что-нибудь для общественной нравственности...» (*Вр*, 1862, № 10, стр. 180). Неубедительными представляются Сокальскому и слова Гюго об орлеанской девственнице; в противовес им он рассказывает одну бытовую трагедию в купеческой среде, следующим образом ее резюмируя: «Это — быль. Наша дева, ценою смерти, осталась девою. — Кто знает: может быть, так поступила бы и орлеанская дева» (там же, стр. 178). Не соглашается Сокальский и с мнением Родевича о большем распространении разврата среди бедных слоев общества: «Если и говорят, что между бедными более разврата, то это потому только, что он там виднее, обнаженнее, циничнее, но не забудем, что в этом быту разврат большею частью носит характер ужаса, отчаяния, тот мрачный, раздирающий душу характер, который так поражает нас в произведениях некоторых английских писателей и который придает ему еще человеческое значение на самом краю пропасти. В утонченном разврате — на сцене холодный расчет. Льдом окружены его шаги, а где нужно — блеском и золотом. Толпа часто не видит его, а еще чаще не понимает. Но оттуда-то и идет закваска того яда, который так легко поражает бедность и невежество. Там — огонь. А солома — внизу» (там же, стр. 179). Это место в статье Сокальского несомненно было особенно близко взглядам Ф. М. Достоевского, чем, видимо, и объясняется тот факт, что в редакционном примечании мысль автора названа «замечательною», а статья в целом «прогрессивной» и «гуманной».

Сознательно допуская в журнал статьи, в которых мало выясненные и определенные явления общественной жизни трактовались с различных точек зрения, редакция оставалась верна принципу, с наибольшей отчетливостью заявленному в полемической заметке «Противоречия и увлечения „Времени“»: «Кто ж не знает, что в двенадцати книгах в год, в любом журнале, без больших натяжек можно отыскать несколько противоречий? <...> Ведь не может же быть, чтоб все сотрудники журнала мыслили, желали и верили как один человек. Противоречия всегда будут <...> Хорошая критика всё это знает и к пустякам не придирается. Лишь бы главная мысль проводилась последовательно и без противоречий» (*Вр*, 1861, № 8).

Примечание к статье Сокальского вызвало язвительный комментарий рецензента «Сына отечества», обратившегося к редакции с вопросом: «Мы позволяем спросить: считает ли после этого редакция самую статью г-на Родевича *прогрессивной* и гуманной?» (*СО*, 1862, 18 ноября, № 16). Ф. М. Достоевский в заметке «Ответ „Свистуну“» резко возразил критику «Сына отечества»: «Ах, боже мой, да почему же нет? Точно прогрессивный и гуманный человек не может ошибаться? <...> Противоречие противоречию рознь. Ведь у них цель одна. Да они и оба могли ошибаться и в то же время оставаться и прогрессивными и гуманными» (см. выше, стр. 77).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К «ПИСЬМУ К РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ВРЕМЯ“ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ПЕВЕЦ КУБРЫ“» АЛЕКСАНДРЫ ШАЛИКОВОЙ›

(Стр. 227)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 11, отд. II, стр. 143, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 12 ноября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 575.

Печатается по тексту первой публикации.

В июньском номере «Времени» была напечатана статья Е. Я. Колбасина (1831—1885), писателя и историка литературы, сотрудничавшего в «Отечественных записках», «Атенее», «Веке», «Современнике», — «Певец Кубры, или Граф Дмитрий Иванович Хвостов (психологический очерк)» (*Вр*, 1862, № 6, отд. I, стр. 139—182).

Колбасин дает в статье подробную характеристику поэту Д. И. Хвостову (1757—1835) преимущественно с психологической, даже патологической стороны: «Старик одержим был страшною болезнью, известной под именем *стихомании*» (там же, стр. 139). Болезнь Хвостова представляется Колбасину «психологической загадкой»: «...отчего же этот далеко не глупый человек, образованный и честный, забывал всякое человеческое достоинство, унижаясь перед такими людьми, как например Воейков, и даже в обществе снисходительных своих друзей — Жуковского, Ал. Ив. Тургенева — заслужил репутацию наглеца и падшего во всех отношениях человека, на которого ни в чем нельзя положиться?» (там же, стр. 156). Отвечая на этот вопрос, Колбасин почти всецело возлагает вину на заинтересованных и крайне неумеренных в своей хвале льстецов поэта, «говоривших Хвостову, что имя его бессмертно и не умрет в потомстве, что его не признают из одной лишь зависти» (там же, стр. 156). Среди «хвостовских панегиристов» Колбасин особенно выделяет поэта и издателя П. И. Шаликова (1768—1852), приводя его стихи и письма, в которых неумеренная лесть нередко переходила тут же в просьбы сугубо материального характера. Не ограничиваясь подлинными документами, Колбасин весьма не лестно в целом характеризует князя Шаликова как поэта, по бездарности превосходившего самого Хвостова и берущего с него взятки за свои восторженные рецензии: «Мелкий и подозрительный, сам способный к интригам, он не мог допустить мысли, что другие могут действовать чистосердечно и без интриги» (там же, стр. 166).

Упомянута была в одном из подлинных писем Шаликова к Хвостову, приведенных Колбасиным, и жена Шаликова: «Рассматривая черты лица вашего нового портрета, который, при новом литературном подарке от вас, часто бывает перед нашими глазами, я воскликнул однажды: „Какая милая, добродушная физиономия у графа! всё показывает в ней человека мыслящего и чувствующего благое!“ Жена и дети, окружавшие меня в сию минуту, разделили со мною удовольствие рассматривать черты лица нашего благодетеля. Наконец первая, то есть жена, в свою очередь воскликнула: „Для чего ты не попросишь графа... о чине? Щедритский чрез ходатайство нашего постоянного милостивца получил же чин коллежского асессора: верно и тебе не откажет в новой милости“. И я произнес: буду просить!» (там же, стр. 159).

Вдова Шаликова была, естественно, сильно раздражена и задета психологическим очерком Колбасина и направила к редактору «Времени» письмо-опровержение, которое редакция сочла возможным поместить «единственно из принципа справедливости», тем более что Шаликова вступилась не только за покойного мужа и его друзей (особенно Щедритского), но и попыталась пояснить в выгодном свете неприятное для нее лично письмо Шаликова, процитированное в статье: «Если и действи-

тельно в письме моего мужа к графу Хвостову и говорилось: „жена моя просит вас ... о чине“, то самые точки показывают, что тут было намерение вызвать улыбку на лице старика. Муж мой любил употреблять шутливый тон и нередко говаривал, желая охарактеризовать какого-нибудь господина: он так глуп, что шутки не понимает. Ныне, в самом деле, все так глубокомысленно погружены в свои интересы, что не понимают смысла той игривости, которая проявляется у людей ребячески чистых душою. Говоря откровенно, ни портрета графа, ни просьбы нашей о чине я не помню; всё это были такими незначительными событиями в моей жизни» (*Вр*, 1863, № 11, отд. II, стр. 150—151).

Редакция «Времени» прямо не защищает выводов и заключений Колбасина, но подчеркивает, что они основаны на подлинных фактах и письмах, и решительно отвергает несколько раз прозвучавшее в письме А. Шаликовой обвинение Колбасина в клевете: «Признаюсь вам, не только я сама, но и все знавшие лично покойного моего мужа, едва верили глазам своим, читая истинно забавные ... ‹я› бы сказала *клеветы* г-на Колбасина, если б могла предполагать в человеке совершенно постороннем какой-нибудь умысел бросить тень на его память»; «Намек г-на Е. Колбасина, который говорит, что будто бы „хвалители графа Хвостова взяли с него что могли“, может заставить думать, что литературные друзья графа жили на его счет. Смело скажу, это *чистая клевета* ‹...› Что сказать о тех, которые преднамеренно и дерзко бросают тень клеветы, основывая свое право только на том, что встречали имя его под печатною статьей?» (там же, стр. 143, 147, 151; курсив наш, — *ред.*).

А. Шаликова закончила письмо к редактору вызывающим post scriptum'ом: «Весьма любопытно бы знать, кто и что такое Колбасин? Как равно любопытно знанье, имеет ли право журналистика обнародывать переписку лиц, которые еще не перешли в мир исторический» (там же, стр. 157). Редакция, видимо, сочла ненужным и неуместным сообщать биографические сведения о Е. Я. Колбасине, но на второй вопрос А. Шаликовой ответила твердо и положительно: «Оценка деятельности и самого характера лиц, сошедших с общественной сцены, есть несомненная принадлежность литературы, и оспаривать у нее это право в наше время немыслимо».

Примечание к письму А. Шаликовой (как и следующее — к письму Щедритского) написано в характерном для Ф. М. Достоевского стиле, что и позволяет считать его автором обоих примечаний.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПИСЬМУ И. А. ЩЕДРИТСКОГО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ПЕВЕЦ КУБРЫ»›

(Стр. 227)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1862, № 11, отд. II, стр. 155, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 12 ноября 1862 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 575.

Печатается по тексту первой публикации.

Об авторстве примечания см. предыдущий комментарий.

Письмо И. А. Щедритского (1792—1869), профессора российской истории и географии и статистики Московского университета (до 1847 г.), третьестепенного поэта, печатавшегося в основном в «Сыне отечества», автора нескольких статей на различные темы, опубликованных в «Вестнике Европы» (1828—1832), адресовано княгине А. Шаликовой и приложено ею к своему письму к редактору «Времени» со следующими сопроводительными словами: «Прилагаю при этом письмо, писанное ко мне

Из. Ал. Щедритским, которое и прошу вас, г-н редактор, поместить в конце моей статьи, если вы желаете показать беспристрастие в этом деле» (*Вр*, 1862, № 11, отд. II, стр. 155).

И. А. Щедритский был выведен Е. Я. Колбасиным в статье «Певец Кубры», как один из самых неумеренных и корыстных апологетов поэта Д. И. Хвостова. Колбасин процитировал несколько весьма выразительных мест из писем Щедритского к Хвостову, выделив «знаменитую фразу» Щедритского: «вы бессмертный писатель, гражданин веков и всех народов» и другие «до наглости льстивые слова» (*Вр*, 1862, № 6, отд. I, стр. 162—163). Колбасин убедительно вскрыл подоплеку «возвышенных и пламенных слов» Щедритского, приведя такую слишком ясную его просьбу в письме к благодетелю: «Сестра моя недавно писала просьбу к министру просвещения о исходатайствовании ей у государя-императора пенсиона покойного родителя нашего, по причине совершенно безденежного состояния ее. Ваше сиятельство, как друг человечества, примите участие в сем благом деле и покажите средства к успешнейшему его окончанию. Вам, без сомнения, известно состояние наше. Равным образом и мое дело все еще покоится на столе в Петербурге, а мы нетерпеливо ждем прибытия его в древнюю столицу» (там же, стр. 163). Подобного рода факты, следующие из писем Щедритского и Шаликова, и позволили Колбасину утверждать: «Щедритский, с своей стороны, не отставал от Шаликова; у них происходило даже соревнование, кто возьмет перевес над сенатором-поэтом» (там же, стр. 160).

В письме к А. Шаликовой по поводу сильно задевшей его лично статьи «Певец Кубры» Щедритский не опровергает подлинности приведенных Колбасиным писем, выражая лишь некоторое сомнение в точности цитат: «...нахожу, сколько могу припомнить, что действительно были писаны мною письма к гр. Хвостову, но в тех же самых выражениях и всё ли писал то, что напечатано, — не помню. Вероятно также, что я упомянул в письме и о сестре своей...» (*Вр*, 1862, № 11, отд. II, стр. 155). Не в силах опровергнуть факты, Щедритский обрушивается с самой неумеренной бранью на автора статьи и публикатора писем.

Редакция «Времени», извинившись перед Колбасиным, сочла возможным поместить в журнале письмо Щедритского. Во-первых, потому, что княгиня Шаликова признала «его удобным к печати и полезным для своей статьи» — с явной иронией замечает редакция. И во-вторых, как любопытное в литературно-психологическом отношении: «образец полемики хвостовского времени».

Щедритский, собственно, не полемизирует, а бранится. Причем уделяет большое внимание личности Колбасина, которую всячески поносит: «злонамеренный Колбасин», «шут-скоморох», «невежда», «пошлый Колбасин». Достается и «низкому» социальному происхождению Колбасина, о котором говорится с аристократическим презрением: «Такой черный взгляд выражает только худое воспитание Колбасина, низкую среду, в которой он родился, вырос и из которой выполз на свет божий для того, чтобы злоречить о других своим гусиным пером». «Безумие», «галиматья», «ложь», «гнусное злоречие», «кривой суд» — вот что, по мнению разъяренного Щедритского, представляет собой статья Колбасина, человека, который «не знает и не понимает условий общественной жизни», «не имеет понятия о *душе*» (там же, стр. 155—157).

Именно потому, что необыкновенно грубое письмо Щедритского неопровержимым образом подтверждало правоту психологических «выводов» и «заключений» Колбасина, редакция «Времени» сочла необходимым его поместить. Письмо Щедритского своим откровенно раздраженным, грубым тоном, обилием бранных слов, к тому же великолепно оттеняло один «светский» совет Е. Я. Колбасину, преподнесенный в письме княгини Шаликовой: «...я замечу биографу и психологу Е. Колбасину, что, желая беспристрастно описать какую-либо эпоху, надо схватить все ее оттенки и особенности и не забывать, например, говоря о людях образованных екатерининского времени, что учтивость их доходила до крайних пре-

делов и впадала нередко в фразерство. Теперь, конечно, не то: теперь хвастаются тем, что готовы всячески насолить человеку, оказавшему им услугу; но в то время считалось признаком хорошего воспитания преувеличить сделанное одолжение и восхвалить за малейшую услугу. Autre temps, autre, mœurs ‹другие времена, другие нравы (*франц.*)›. Может статься, что в будущем столетии формула наших писем: *милостивый государь*, *ваш покорнейший слуга*, будет казаться верхом нелепости; но воля ваша, не могу предполагать, чтоб потомство всех нас осудило за это как тупиц и льстецов. Г-н Колбасин, надо признаться, взглянул с своей точки зрения на отдаленную эпоху и выпустил всё это из виду» (там же, стр. 148—149).

Письмо Щедритского, видимо с точки зрения редакции «Времени», и содержало некоторые драгоценные, «оттенки и особенности» «хвостовского времени», хотя, конечно, вовсе не те, которые имела в виду княгиня Шаликова. Что же касается образованных людей «екатерининского времени», то глубокую и меткую характеристику им даст Ф. М. Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях», вспомнив, очевидно, статьи Колбасина и письма по поводу ее Шаликовой и Щедритского (см.: наст. изд., т. V, стр. 53—64).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. КОСИЦЫ (Н. Н. СТРАХОВА) «„СЛОВО И ДЕЛО“, КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ Ф. Н. УСТРЯЛОВА (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВРЕМЕНИ»)›

(Стр. 227)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 172, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 11 января 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 575.

Печатается по тексту первой публикации.

Это редакционное примечание к статье-рецензии Н. Страхова (за подписью Н. Косица) на комедию журналиста, переводчика и драматурга Ф. Н. Устрялова (1836—1885) «Слово и дело» (1863), нейтральное в стилистическом отношении, в равной мере могло быть написано Ф. М. и М. М. Достоевскими.

Примечание редакции вызвало следующее место в статье Страхова: «На Мариинском театре появилась пьеса, которая тотчас возбудила внимание, произвела толки и до сих пор пользуется успехом ‹...› Шум произошел оттого, что герой пьесы, некто *Вертяев*, напоминает собою тургеневского Базарова, что он принадлежит к этому типу, будто бы воплощающему в себе наши новейшие стремления. Но в этом еще не все; говорили, что Вертяев, сверх того, есть исправленный Базаров, что автор в нем направил дело Тургенева, будто бы умышленно исказившего черты героя» (*Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 171—172).

С этими мнениями и полемизирует Н. Страхов, ранее опубликовавший в журнале большую статью об «Отцах и детях» (о ней см. выше, стр. 406).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ ИГДЕВА (И. Г. ДОЛГОМОСТЬЕВА) «НЕКОТОРЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ»›

(Стр. 228)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 2, отд. II, стр. 45, с подписью: *Пр. Ред.* (ценз. разр. — 6 февраля 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 576.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание к статье постоянного сотрудника журналов «Время» и «Эпоха» И. Г. Долгомостьева (ум. 1867), подписанной его обычным псевдонимом «Игдев», в равной мере могло быть написано Ф. М. и М. М. Достоевскими.

Примечание относится к следующим словам в статье: «Печатно Русь, как известно, заявила свое недовольство только недавно, но зато от самого сердца, от Москвы...» (*Вр*, 1863, № 2, отд. II, стр. 45). Речь идет о протесте, заявленном московскими купцами, недовольными воспитанием и образованием их детей в государственных гимназиях, и о намерении устроить на счет общества свою особенную гимназию. О протесте сообщено было в газетах (*СП*, 1862, № 246, 13 сентября); в журнале «Время» требования московских купцов нашли сочувственный отклик в статье М. В. Родевича «Купцы — реформаторы гимназий» (*Вр*, 1862, № 10, отд. II, стр. 120—141).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «НУЖЕН ЛИ ФЛОТ РОССИИ»›

(Стр. 228)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 3, отд. I, стр. 5, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 8 марта 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 576.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание к статье, открывающей мартовский номер «Времени», свидетельствует о первостепенном значении придаваемом редакцией вопросу о русском флоте. Оно в равной мере могло быть написано Ф. М. и М. М. Достоевскими.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ СТАТЬЯ О НОВОЙ КНИГЕ («СЕВЕРНОРУССКИЕ НАРОДОПРАВСТВА ВО ВРЕМЕНА УДЕЛЬНО-ВЕЧЕВОГО УКЛАДА», СОЧ. НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА. СПб., 1863. ДВА ТОМА)»›

(Стр. 228)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1863, № 4, отд. II, стр. 1, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 10 апреля 1863 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 576.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья, к которой сделано редакционное примечание, подписана буквами «—Мн—» (П. В. Знаменский — см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 200—201). Указано место жительства автора и дата написания статьи — «Казань, 1863 г., февраль 25» (*Вр*, 1863, № 4, стр. 45). Автор статьи в целом оценил книгу Н. И. Костомарова (1817—1885) довольно прохладно, увидев в новой работе популярного историка «собрание множества фактов,

которые пока еще только рассортированы по отделам для окончательной обработки, еще не начатой» (там же).

Ранее во «Времени» была напечатана первая статья Ап. Григорьева по поводу книги Костомарова (*Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 92—141).

Продолжения статьи Ап. Григорьева не последовало: журнал «Время» был закрыт, да, возможно, и сам Григорьев после появления в апрельском номере статьи казанского автора решил более не возвращаться к книге Костомарова.

Редакция нашла казанскую статью «замечательною» и, видимо, потому, что ее содержание соответствовало почвенническим идеалам. Рассуждения автора о земстве и вечевом начале должны были особенно заинтересовать Ф. М. Достоевского. Внимание писателя, без сомнения, привлекло, в частности, следующее место статьи: «Следя за новгородскими смутами, мы видим в них не выражение народного бессилия, ждем не гибели народа среди вечной усобицы, а примирения враждующих партий и разработки народного права. Сама летопись, рисуя мрачные картины, освещает их отрадным светом надежды. Мысль о примирении, требование общенародного единения постоянно высказываются на ее страницах, и тем чаще, чем дальше развивается история городов. Эта мысль о новом лучшем порядке вещей высказывается и в покаянном чувстве, с каким летописец рассказывает историю смут, и в этом постоянном призывании к братской любви, к покорению друг другу, которое он проповедует, и в рассказах о том, как мирные граждане плакали среди мятежей; как самые толпы, мятежные концы и улицы всякий раз заканчивали свою вражду миром и братскою любовью; как тот же самый Новгород, который мы видим в положении такого страшного внутреннего раздвоения во время усобиц, единодушно, как один человек, восставал против общего врага во время общей опасности. Всё это показывает, что в основе вечевой жизни лежали крепкие, жизненные начала. Следя за историей городов, можно проследить, как эти начала, сохраняя на себе следы еще первоначального хаотического брожения в неопределенности, всё более и более развивались, определялись в своих формах и постепенно выражались в довольно правильном земском строе» (*Вр*, 1863, № 4, стр. 28).

Принципиальный характер, который имеет редакционное примечание, дает основание приписать его Ф. М. Достоевскому.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ТЕОРИЯ БЕЗОБРАЗИЯ»›

(Стр. 228)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 7, отд. V, стр. 1, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 576.

Печатается по тексту первой публикации.

После смерти брата Ф. М. Достоевский остался единственным фактическим редактором «Эпохи». Это он неоднократно подчеркивал в своих письмах (см. письмо к А. М. Достоевскому от 29 июля 1864 г.: «Я остаюсь в сущности редактором журнала»; письмо к И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г.: «Работаю день и ночь ‹...› все дела на мне»; письмо от конца ноября 1864 г. Ф. А. Бурдину: «Ни одной статьи, из тех которые я рассматриваю, я не пропускаю без моей редакции ‹...› Я редактировал всего только три книги»). Из других писем Достоевского — к Н. М. Достоевскому, А. У. Порецкому, Ф. Ф. Веселаго — видно, что Ф. М. Достоевский сам возился с корректурами, ездил в цензуру, определял состав номеров и т. д. В «Дневнике писателя» за 1873 г., вспоминая

об этом времени, Достоевский со всей категоричностью писал: «...на самом деле ведь я был редактором „Эпохи", а не кто другой» (*ДП*, 1873, гл. IV. Нечто личное).

Б. В. Томашевский отметил, что редакционные примечания во «Времени» и «Эпохе» встречаются «преимущественно в тех номерах, которые редактировались при участии Достоевского» (*1926*, т. XIII, стр. 569). В «Эпохе», начиная с июньского номера, стали появляться своеобразные редакционные сопровождения некоторых статей, причем редактор чаще всего в той или иной форме высказывал в них свое мнение (иногда полемическое) по поводу вопросов, затронутых в статье. Круг этих вопросов (разоблачение нигилизма, противопоставление эгоизма и самопожертвования, значение идеалов в жизни человечества, определение роли Пушкина, Грибоедова, Белинского, Добролюбова, Ап. Григорьева и некоторые другие) совпадает с разработкой Ф. Достоевским в этот период двух замыслов: «Социализм и христианство» и статьи «О направлениях» (см. выше, стр. 181—182, 191—194; см. также: Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. *ЛН*, т. 83, стр. 38—40). Все это может послужить подтверждением высказанной Б. В. Томашевским мысли, что редакционные примечания в «Эпохе» принадлежат Ф. М. Достоевскому (*1926*, т. XIII, стр. 576).

Кроме этих общих соображений, относительно авторства редакционных примечаний к статье «Теория безобразия» следует также учесть, что именно Ф. М. Достоевский проявлял большой интерес к статьям Н. И. Соловьева и откликнулся через 10 лет на смерть его в «Гражданине», утверждая, что Соловьев «начал свое литературное поприще в журнале „Эпоха" покойного М. М. Достоевского. Туда он прислал (кажется, из Тулы, где служил) свою первую статью — несколько критических заметок о современной литературе — весьма талантливо написанную. Она тотчас же была помещена в „Эпохе" с отметкой от редакции весьма приветливою для начинающего автора». Н. Н. Страхов в письме к Ф. М. Достоевскому от середины марта 1868 г. подчеркивал, что «Н. И. Соловьев совершил блистательную карьеру с *Вашего* (курсив наш, — *ред.*) благословения» (*Шестидесятые годы*, стр. 259). Несомненно, он имел в виду именно редакционное примечание, сопровождавшее первое выступление Н. И. Соловьева в «Эпохе». Сам Н. Соловьев писал Достоевскому в январе 1871 г.: «...вы некоторым образом отворили мне узкие и тесные двери литературной арены» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 332). Достоевский, очевидно, оценил в Соловьеве спокойного, серьезного, знающего естественные науки союзника в борьбе с нигилистическими идеями «Русского слова».

Н. И. Соловьев (1831—1874) окончил медицинский факультет Киевского университета, служил в госпиталях, принимал участие в Крымской кампании. Литературную деятельность начал как публицист в журнале «Отечественные записки». В 1861 г. служил в Брянском арсенале и оттуда начал сотрудничество в «Эпохе», затем переехал в Петербург и помещал статьи во «Всемирном труде», «Русском вестнике» и других изданиях. В 1869 г. вышло три тома его статей под названием «Искусство и жизнь». К этому времени Соловьев переселился в Москву и стал активно сотрудничать в журнале С. А. Юрьева «Беседа», где помещал статьи главным образом по вопросам гигиены. В феврале 1871 г. Соловьев приглашал Ф. М. Достоевского в сотрудники «Беседы» (см. примеч. А. С. Долинина: *Д, Письма*, т. II, стр. 501).

«Теория безобразия» Соловьева направлена против критиков «Русского слова» Д. И. Писарева и В. А. Зайцева. Соловьев утверждает, что если отнять у человечества идеал нравственности и красоты, к чему, по его мнению, и стремятся публицисты «Русского слова», — то останется только «безобразие». Соловьев пытается опровергнуть идеи Писарева, ссылаясь на современные естественные теории. Он утверждает, что искусство есть «прямое и естественное продолжение природы» и, поскольку ни Риттер, ни Кетле, ни Бокль, ни Дарвин «не отвергли своими исследованиями

исторического прогресса и изменяемости», «исследовать эту изменяемость и разнообразие» человеческих характеров призвано, по мнению Соловьева, только искусство. «Наука, — пишет он, — в этом хаосе ничего не может объяснить, кроме физиологической сущности явлений. Группировать же и улавливать эти явления и определить их жизненный смысл может только искусство. Оно только дает нам средство к высшему уразумению жизни» (*Э*, 1864, № 7, отд. V, стр. 8).

Стр. 228. ...*в некоторых суждениях его о наших современных литераторах*... — Приводя суждение Зайцева о Гейне, Писарева о Тургеневе, Гончарове, Писемском и др., Соловьев мимоходом дает собственные характеристики этих писателей. По его мнению, «Гончаров восстал против апатии», «Тургенев против бессилия», «Писемский против фальши» (стр. 11). Так же поверхностно характеризует Соловьев творчество Гоголя, Помяловского, Щедрина и самого Достоевского (стр. 11—12).

Стр. 228. ...*главная, основная идея его совершенно разделяется нами*. — Достоевский имеет в виду идею Соловьева о значении искусства в жизни человечества (см. стр. 417).

Стр. 228. *Принимать сколько-нибудь за серьезное∞ г-на Зайцева*... — Достоевский, как правило, не вступал в прямую полемику с Д. И. Писаревым и В. А. Зайцевым. В сатирической форме он говорил о «Русском слове» («Заграничном слове») в статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». На мнения же Зайцева Достоевский-пародист отозвался в набросках к «Крокодилу», в «Преступлении и наказании» и «Бесах»; суждения Писарева в пародийной перефразировке также неоднократно обыгрываются в записных тетрадях и художественных произведениях Достоевского 1860-х и 1870-х годов (см.: наст. изд., т. V, стр. 379, 383; т. VII, стр. 390; т. XII, стр. 334 и др.).

Стр. 229. ...*просим его сотрудничества*. — Н. И. Соловьев поместил в «Эпохе» статьи «Теория пользы и выгоды» (1864, № 11), «Бесплодная плодовитость» и «Женщинам» (1864, № 12), «Дети» (1865, № 1) и «Разлад» (1865, № 2).

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «ЗНАЧЕНИЕ ОСТРОВСКОГО В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ»›

(Стр. 229)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 7, отд. VI, стр. 3, 7, 10, с подписями: *Ред.* (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 577.

Печатается по тексту первой публикации.

Кроме общих соображений (см. выше, стр. 417), в пользу авторства Достоевского говорят содержащиеся в примечаниях оценки Пушкина и особенно характеристика грибоедовского Чацкого (см. ниже). Одновременно с выходом журнала Достоевский писал в письме к И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г.: «...у меня есть статья в этом номере об Островском, хоть и хвалебная, но слишком уж, может быть, беспристрастная ‹...› не хочу и думать, чтоб она производила на него какое-нибудь враждебное журналу влияние». Озабоченность Достоевского была вызвана только что полученным от Островского письмом, где драматург обещал свое сотрудничество «Эпохе» (см. стр. 217).

Статья «Значение Островского в нашей литературе» подписана: «Один из почитателей Островского». Б. В. Варнеке высказал предположение, что автором статьи был Д. В. Аверкиев (см.: А. Н. Островский. 1823—1923. Сборник статей под ред. Б. В. Варнеке. Одесса, 1923, стр. 193—194).

Предположение это сейчас может быть подтверждено прямым раскрытием авторства Достоевским: в его записной книжке среди перечисленных статей 7-го и 8-го номеров «Эпохи» читаем: «Остр‹овский› Аверк‹иева›» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 208). Статья Аверкиева написана в форме письма к редактору «Эпохи» и содержит полемические замечания по адресу Ап. Григорьева, который последовательно начиная еще с 50-х годов утверждал, что Островский — «первый и единственный народный драматург», «вершина» русской литературы (см. об этом: Б. Ф. Егоров. Аполлон Григорьев — литературный критик. В кн.: А. Григорьев. Литературная критика. Изд. «Художественная литература», М., 1967, стр. 30). Аверкиев разделял мнение Григорьева о «громадном таланте» и о «новом слове» Островского. Еще в 1863 г. он на страницах газеты «Якорь» писал о промахах критики, не сумевшей правильно определить место Островского в литературе. Хотя тогда Аверкиев главным образом имел в виду Н. А. Добролюбова, Н. Ф. Павлова, И. С. Некрасова (Ивана Степановича, сотрудника газеты «Русская речь»), часть упреков относилась и к Ап. Григорьеву (см.: «Якорь», 1863, № 33, стр. 655—659).

Теперь на страницах «Эпохи» Аверкиев утверждает, что называть Островского «полнейшим выразителем русского народного духа» несправедливо и «непростительно», ибо у нас есть «единственный великий русский поэт (в полном смысле этого выражения) — Пушкин» (*Э*, 1864, № 7, стр. 3). Также нелепостью считает Аверкиев утверждение Ап. Григорьева, что «Островский равен Шекспиру» (там же, стр. 2).

Стр. 229. *Наше мнение* ∾ *подобных вопросов и сопоставлений.* — Это примечание сделано к следующим словам Аверкиева: «Ну и сопоставим Пушкина с Островским и посмотрим: кто перетянет? Окажется ли Островский ручьем перед этим морем, или оно иссякнет перед ним?» Ап. Григорьев действительно в статье о романе «Взбаламученное море», сравнивая мимоходом Писемского и Островского, замечал: «...да ведь Островский и из ряду же вон, и после „Грозы“, „Минина“, „Грех да беда“ мы, откровенно говоря, большого различия между ним и Шекспиром не видим» («Якорь», 1863, 27 июля, № 21, стр. 409). О «шекспировских характерах» в пьесе «Воспитанница» писал Ап. Григорьев в «Якоре» (1863, 21 декабря, № 42). В статье о «Доходном месте» он утверждал, что «нет такого великого мастера на женские типы, как Островский. В этом отношении он может быть выше Пушкина...» («Якорь», 1863, 12 декабря, № 32). Все эти оценки, очевидно, и имел в виду Аверкиев, сам сотрудничавший в это же время в «Якоре». Редактор «Эпохи», вмешиваясь в полемику Аверкиева и Григорьева, высказывает свое несогласие с обоими критиками.

Стр. 229. *Об этом и вопроса не может быть* ∾ *далеко не так у Островского.* — Это примечание сделано к тем словам Аверкиева, где он, сопоставляя «Бориса Годунова» с «Мининым», говорит о народе у Пушкина: «...он составляет основу всего эпоса; он, хотя и не везде осязательно, — главное действующее лицо в ней. Скажут, что многие места у Островского *колоритнее*, например, даже самый язык — бог знает, так ли это» (*Э*, № 7, стр. 7). Далее Аверкиев говорит, что Островский «искусно обходит изображение народа». Редактор «Эпохи» уточняет мысль Аверкиева, подчеркивая то, что он считает основным, конкретным отличием в изображении народа у Пушкина: «смиреннолюбие», «кротость», «чистота» нравственных идеалов, «любовь». Аналогичные мысли о Пушкине высказывал Достоевский в «Ряде статей о русской литературе» (см.: наст. изд., т. XVIII), в «Дневнике писателя» за 1876—1880 гг. и подготовительных заметках к нему («Великий Пушкин — без гордости»; «Пушкин — этот главный славянофил России»).

Стр. 229. *Почему же не русское?* ∾ *в нашей литературе.* — Примечание относится к следующим словам Аверкиева: «...сам же Григорьев так прекрасно доказал, что Чацкий — единственное истинно героическое лицо (хотя и не русское) во всей нашей литературе» (*Э*, № 7, стр. 10).

Аверкиев имел в виду статью Ап. Григорьева «По поводу нового издания старой вещи. „Горе от ума“» (*Вр*, 1862, № 8), где сказано: «Чацкий до сих пор единственное героическое лицо нашей литературы <...> честная и деятельная натура, притом еще натура борца» (см.: *Григорьев*, стр. 503). Мысль о «нерусском» характере Чацкого высказывал Аверкиев, что и вызвало возражение редактора. Отношение к Чацкому как к «особому типу нашей русской Европы», взывающему «к России и к почве» и вместе с тем оторванному от нее, Достоевский в 1862 г. выразил в «Зимних заметках о летних впечатлениях». По замечанию Е. И. Кийко (см.: наст. изд., т. V, стр. 367), «образ Чацкого всплывал в сознании Достоевского всякий раз, когда он обращался к созданию оторванных от почвы героев». К этому можно добавить, что даже тогда, когда Чацкий упоминался уже не с сочувствием, а с иронией и даже гневом (в записных тетрадях 1877—1881 гг.), Достоевский неизменно воспринимал его как национальный русский тип.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ Э. РЕНАНА «ДРЕВНИЕ РЕЛИГИИ»›

(Стр. 229)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 7, отд. II, стр. 26, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.).

В собрание сочинений Достоевского включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

О принадлежности примечаний в «Эпохе», помеченных «Ред.», Ф. М. Достоевскому см. выше, стр. 417.

Статья Ренана, несомненно, могла вызвать его интерес. Среди записей-набросков к статье «Социализм и христианство», над которой Достоевский работал как раз в этот период, упомянут Ренан (см. выше, стр. 192) как автор книги «Жизнь Иисуса» (1863; ср.: наст. изд., т. IX, стр. 396—399). Кроме того, в набросках той же статьи у Достоевского мелькают идеи, в некотором отношении созвучные основным положениям статьи «Древние религии»: «Патриархальность была состояние первобытное. Цивилизация — среднее, переходное. Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал...» (см. выше, стр. 194). Достоевский, как видно из его писем 1854—1855 гг., вскоре после выхода с каторги, одно время специально интересовался историей церкви. Не исключено, что у Е. И. Якушкина или у кого-то другого он мог видеть в это время в Сибири изданную в 1812 г. (перепечатано в Париже в 1816 г.) брошюру С. С. Уварова «Essai sur les mystères d'Eleusis», о которой и идет речь в примечании. Эта брошюра вошла в состав книги Уварова «Etudes de philologie et de critique. S.-Petersbourg, 1843.

Элевзинские (Элевсинские) мистерии (таинства) совершались ежегодно в честь Деметры и Персефоны и у древних греков считались важнейшими религиозными действами.

Статья Ренана «Древние религии» посвящена критике книги доктора Ф. Крейцера «Religions de l'antiquité considéres principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques, du D-r Fr. Creuzer, ouvrage traduit et refondu par J. D. Guigniaut. 10 vol. Paris, 1825—1851. Ренан утверждает, что древний культ далеко не всегда был следствием мистической легенды и потому должен вызывать у нас «не презрение или жалость», а сознание религиозности человечества во все времена. «Очень возможно, — пишет в заключение Ренан, — что все нам дорогое, что составляет в наших глазах украшение жизни, либеральная культура ума, наука, великое искусство, — обречены существовать только известный срок; но религиозное чувство не умирает... Цивилизация может перемежаться,

но религия никогда» (*Э*, № 7, стр. 32). Об отношении Достоевского к Ренану см. также: Д. Л. Соркина. Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина. «Ученые записки Томского университета», 1964, № 48, стр. 14—151; Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. В кн.: *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 106—122.

Следует отметить, что хотя примечание подписано «*Ред.*», нельзя исключить возможности в данном случае технической ошибки: оно все же может принадлежать и переводчику статьи.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Д. В. АВЕРКИЕВА «АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ»›

(Стр. 230)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 8, отд. VIII, стр. 1, 6, 9—10, с подписями: *Ред.* (ценз. разр. — 22 октября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 577—578.

Печатается по тексту первой публикации.

Из трех примечаний к статье Аверкиева первое по тону и характеру своему может принадлежать только главному редактору журнала, функции которого, как было сказано выше (см. стр. 417), в №№ 6—12 за 1864 г. исполнял Ф. М. Достоевский. Второе и третье примечания, кроме этих общих соображений, могут быть атрибутированы Достоевскому также и по содержанию. (Об отношении Достоевского к эстетическим взглядам Белинского последних лет см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 127; об отношении Достоевского к Добролюбову см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 70—104, 269—292).

Стр. 230. *Автор говорит здесь ∾ исполнить эту обязанность.* — Примечание сделано к заглавию статьи Аверкиева. А. А. Григорьев умер 25 сентября 1864 г. Это — первый отклик в «Эпохе» на смерть сотрудника, еще в предыдущем номере напечатавшего статью «Отживающие в литературе явления. Д. В. Григорович». Об отношении Достоевского к А. А. Григорьеву см. выше, стр. 336—338.

Стр. 230. *Она должна их устранить ∾ своей деятельности.* — Примечание сделано в подтверждение следующих слов Аверкиева, полемических по отношению к Белинскому и Добролюбову: «А. Григорьев положил основание *научной* критике. Теория «полезного» искусства не в силах объяснить высших проявлений искусства, она их устраняет, не хочет знать» (*Э*, № 8, стр. 6).

Стр. 230. *Это и потому еще, что Григорьев был шире Добролюбова ∾ а сам он самоувереннее.* — Примечание сделано к тому месту, где Аверкиев говорит об «увлечениях» Ап. Григорьева, которые считает «более жизненными» и «сочувственными», чем «увлечения многих других». Далее Аверкиев пишет: «Так, Григорьев не мог никогда увлечься, подобно высокоталантливому Добролюбову, и признать гончаровского Штольца за какое-то нравственное совершенство, а бюрократическое произведение г-на Гончарова за решение, окончательное и безапелляционное, вопроса о русском человеке, единственно по случаю встречающегося в этом произведении слова: обломовщина» (*Э*, № 8, стр. 9). Редактор «Эпохи» не только соглашается с характеристикой Григорьева, данной Аверкиевым в сопоставлении с Добролюбовым, но более всего разъясняет именно свое отношение к покойному критику.

Следует отметить, что Аверкиев далее касался несходной оценки Добролюбовым и Григорьевым Островского и утверждал, что «с каждым

днем определение Островского, сделанное Добролюбовым, как писателя темного царства, становится несостоятельным, а определение григорьевское как писателя бытового получает все больший и больший круг поклонников» (*Э*, 1864, № 8, стр. 10). Достоевский, как свидетельствуют его отзывы о Добролюбове в полемике с «Современником» 1863 г. (см. выше, стр. 75), разделял в это время мнение об одностороннем понимании Добролюбовым «темного царства», но спустя пять лет в письме к Страхову от 18 апреля 1869 г. он писал: «Знаете ли, я убежден, что Добролюбов правее Григорьева в своем взгляде на Островского. Может быть, Островскому и действительно не приходило в ум всей идеи насчет темного царства, но Добролюбов *подсказал* хорошо и попал на хорошую почву».

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ОЧЕРКУ М. ДОЛГОМОСТЬЕВОЙ «ИНСТИТУТКИ»›

(Стр. 230)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 10, отд. V, стр. 1, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. —24 ноября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 579.

Печатается по тексту первой публикации.

Об авторстве Ф. М. Достоевского см. выше, стр. 417.

Б. В. Томашевский приписал очерк М. Долбневой (*1926*, т. XIII, стр. 578). Однако, как свидетельствуют редакционные книги «Эпохи» и позднейшие разыскания, он принадлежит перу жены постоянного сотрудника журналов братьев Достоевских И. Г. Долгомостьева — М. Долгомостьевой (см.: *Масанов*, т. I, стр. 326; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 134, 258, 270). Примечание редактора замыкает вступительное примечание автора очерка. Долгомостьева пишет, что «давно вышла из института», но, хотя многое там изменилось, она все же надеется па то, что ее очерк принесет пользу.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ Г. ЛОТЦЕ «НАСЛАЖДЕНИЕ В ЖИЗНИ И ТРУД»›

(Стр. 230)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 10, отд. III, стр. 47, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 24 ноября 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 578.

Печатается по тексту первой публикации.

Это примечание к публикации статьи Лотце — в отличие от еще одного, приводимого ниже, — помечено: «Ред». Общие соображения относительно участия Достоевского как главного и единственного редактора «Эпохи» во всех редакционных примечаниях №№ 6—13 за 1864 г. см. выше, стр. 417.

Статья Лотце была помещена в номере, очевидно, в последний момент перед выходом. Упоминания о ней совершенно отсутствуют в перечнях статей для готовящихся номеров в записных тетрадях Достоевского (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 205—209). Можно предположить, что переводчиком ее был М. И. Владиславлев, ученик и почитатель Лотце (см. о нем ниже, стр. 425).

Герман Лотце (1817—1881), немецкий философ, с 1844 г. профессор в Геттингене, автор ряда работ по психологии и логике. Наибольшей популярностью пользовался его труд «Medizinische Psychologie oder Physiologie der Seele» (1852). «Микрокосмос» — попытка популяризации философской системы, сочетающей элементы позитивизма и идеализма, — вышел в Лейпциге в трех томах в 1856—1864 гг., позже был переведен на русский язык Е. Коршем (1870).

Примечание редакции сделано к заглавию статьи Лотце.

Кроме того, к тому месту, где Лотце говорит, что «церковь запрещением или неодобрением того, что естественно пробуждается в нас, предоставляет воображение народа его собственной пустоте» (*Э*, № 10, стр. 74), под строкой имеется следующее примечание: «Лотце разумеет здесь, конечно, протестантскую церковь». В большинстве переводных статей «Эпохи» такие непомеченные примечания принадлежат переводчикам. Однако из содержания статьи Лотце невозможно сделать вывод, что он имеет в виду только протестантскую церковь, и потому трудно предположить, что примечание о церкви принадлежит переводчику. Не исключено, что примечание сделано редакцией под давлением цензуры.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ТЕОРИЯ ПОЛЬЗЫ И ВЫГОДЫ»›

(Стр. 231)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 11, отд. IX, стр. 11, 13—14, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 24 декабря 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 579.

Печатается по тексту первой публикации.

Есть основания считать эти два примечания принадлежащими перу Достоевского: статья «Теория пользы и выгоды», как и предыдущая статья Соловьева «Теория безобразия» (*Э*, 1864, № 7, стр. 1—16), по своей направленности (борьба с утилитаризмом) была созвучна его эстетической позиции. Достоевский разделял и мысль Соловьева о неравенстве долга и предназначения женщины и мужчины; 14 сентября 1864 г. писатель заметил в записной книжке: «Имение. (Бедная женщина. Статья Сол‹овье›ва)» (см. выше, стр. 191). Мысль о том, что женщина, отдаваясь любви, должна думать о ее последствиях (беременности, воспитании детей и пр.) проходит через все напечатанные в «Эпохе» статьи Соловьева. Так, в «Теории безобразия» после полемических упреков Писареву и Зайцеву Соловьев, имея в виду прежде всего «Что делать?» Чернышевского, иронически замечает, что неслучайно в романах с «современной целью» герои всегда бездетны — наличие детей сразу же осложнило бы ситуацию. Продолжением полемики с идеями Чернышевского явилась статья Соловьева «Женщинам» (*Э*, 1864, № 12). Возможно, она уже была у Достоевского в сентябре, но он по каким-то редакторским соображениям сначала поместил в журнале «Теорию пользы и выгоды». Но и в этой статье, касаясь мнений Писарева по «женскому вопросу», Соловьев утверждал, что женщина не может «желать и чувствовать, как Базаров», хотя бы потому, что «любовь ей обходится дороже, чем мужчине» (*Э*, № 11, стр. 4).

Статья «Женщинам», где речь идет о невозможности «эмансипации» женщины в обычном для радикальных шестидесятников понимании и с этих позиций иронически разбирается роман Чернышевского «Что делать?», очевидно, из всех статей Соловьева более всего запомнилась Достоевскому. Так в «Дневнике писателя» за 1873 г. он писал: «В одном из самых последних №№ прекратившегося в то время журнала „Эпоха“

(чуть ли не в самом последнем) была помещена большая критическая статья о „знаменитом“ романе Чернышевского „Что делать?“. Эта статья замечательная и принадлежит известному перу» (*ДП*, 1873, гл. IV. Нечто личное).

Статья «Теория пользы и выгоды» — продолжение полемики с «Русским словом», начатой Соловьевым в «Теории безобразия». В №№ 9—11 своего журнала Д. И. Писарев напечатал резко полемическую (в основном против М. А. Антоновича) статью «Нерешенный вопрос» («Реалисты»). Писарев мимоходом высказался здесь и против идей «Теории безобразия»: «Я решительно не верю, чтобы искусства каким бы то ни было образом содействовали умственному или нравственному совершенствованию человечества» (*Писарев*, т. IV, стр. 114) и иронически просил «эстетиков» «Эпохи» и «Библиотеки для чтения» доказать ему, «каким образом Моцарт и Фанни Эльслер, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великие дарования к какому-нибудь разумному делу» (там же, стр. 115). Соловьев отвечал Писареву опровержением главной его идеи, идеи «пользы». По мнению Соловьева, «польза не может быть целью человеческой деятельности», ибо одним «насущным и настоящим» человек, «как существо историческое, жить не может». В теории «пользы» Соловьев видит тот же «нигилизм», «утилитаризм» и бесплодное отрицание. «Если думать только о хлебе немедленном, — пишет Соловьев, — то задачи пролетариата (ваши задачи по преимуществу...) останутся неразрешенными» (*Э*, № 11, стр. 2).

Стр. 231. *Автор говорит ∾ нашего журнала.* — Это редакционное примечание сделано к следующим словам Соловьева: «Мы тоже испытали удовольствие быть обруганными и не скажем, чтоб это удовольствие было слишком большое». Как было уже сказано в преамбуле, Писарев лишь мимоходом задел статью Соловьева. Зато Антонович (Посторонний сатирик) в статье «Литературные мелочи» (*С*, 1864, № 10) подверг резкой критике не столько самую статью Соловьева «Теория безобразия» (критик назвал ее лишь походя «мизерной и слабой во всех отношениях»), сколько редакционное примечание к ней (см. выше, стр. 228). Антонович «уличает» редакцию «Эпохи» в том, что она, желая во что бы то ни стало пополнить скудеющие ряды своих сотрудников, печатает статьи, с которыми не вполне согласна и которые сама же характеризует как «до крайности наивные» (*С*, № 10, стр. 267—268).

Стр. 231—232. *Разумеется, автор говорит ∾ что мое и что твое.* — Данное примечание сделано к следующим словам Соловьева: «Только из равновесия эгоизма и гуманизма в личности, или, лучше сказать, из нормального закона человеческой природы <...> образуется то, что мы называем „честный человек“». Б. В. Томашевский справедливо заметил, что примечание полемично по отношению к одной из основных идей Соловьева (см.: *1926*, т. XIII, стр. 579), который видит идеал именно в «равновесии» личных стремлений и «долга перед человечеством». Достоевский же высказывает мысль о «наслаждении жертвовать» собою, своею личностью «из любви к человечеству». Эта же мысль развивается Достоевским также в набросках статьи «Социализм и христианство», над которой он работал именно в эти месяцы: «В чем идеал? Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое *я* — и отдать это *всё* самовольно *для всех*» (см. выше, стр. 192). Далее в записи Достоевский, возможно, использует некоторые мысли статьи Соловьева. Так, автор «Теории пользы и выгоды», утверждая нерасторжимую связь между нравственными и эстетическими чувствами человека, говоря о наслаждении «великодушным и благородным поступком», иронически замечает, что «у господ реалистов» «общий знаменатель» всегда только «польза», «выгода», «как ни кинь — брюхо» (*Э*, № 11, стр. 14). Достоевский же в указанных набросках пишет об идеале человека (пожертвовать своим *я*, «отдать его всем»): «Если вы его оставите в раздробленном на личности состоянии, то вы <...> ничего не получите» (стр. 192).

О связи этического идеала, сформулированного Достоевским в данном примечании, с нравственно-философской проблематикой повести «Записки из подполья» см.: наст. изд., т. V, стр. 381; А. П. Скафтымов. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского. «Slavia», 1929, т. VIII, вып. 1, стр. 101—117; вып. 2, стр. 312—334.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НОВОПРИЕЗЖЕГО»›

(Стр. 232)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1864, № 11, отд. XII, стр. 16, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 24 декабря 1864 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII стр. 579.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание по своему характеру и тону принадлежит главному редактору журнала, то есть Ф. М. Достоевскому.

Под псевдонимом М. В.—в (или М. Ва.) в № 11 «Эпохи» за 1864 г. выступил М. И. Владиславлев, философские статьи которого в № 9 («Реформаторские попытки в психологии» — разбор работ С. Вундта) и в № 1 за 1865 г. («Современный материализм») печатались также и за полной его подписью. В данном случае Владиславлев выступил в критическом отделе журнала и статья его имела полемический характер (против «Современника» и «Русского слова») — этим, очевидно, и продиктовано обращение к псевдониму. Как свидетельствуют записные книжки Достоевского, первоначально в № 11 «Эпохи» были запланированы две статьи Владиславлева — «О современном материализме» и «Куно Фишер» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 209). Затем статья «О современном материализме» была перенесена в № 1 за 1865 г., а «1 п‹ечатный› л‹ист›», то есть «Литературные впечатления новоприезжего» остались в № 11, где тем же проблемам посвящена статья Н. И. Соловьева «Теория пользы и выгоды».

М. И. Владиславлев (1840—1890) — автор ряда работ по истории философии, логике и психологии, позже профессор философии и ректор Петербургского университета. В 1866 г. Владиславлев защитил диссертацию «Современные направления в науке о душе», где показал себя последователем идей К. Фишера и Г. Лотце и противником так называемого тогда «современного» материализма (Бокля, Дарвина, Вундта, Бюхнера, Фогта, Молешотта). С той же программой он выступал и в «Эпохе». В 1867 г. М. И. Владиславлев женился на племяннице Ф. М. Достоевского М. М. Достоевской, но, как свидетельствует фотография, хранящаяся в Музее-квартире Достоевского в Москве, он, еще будучи женихом и находясь за границей, поддерживал с Ф. М. Достоевским дружеские отношения. Надпись на фотографии: «Федору Михайловичу Достоевскому на память» сделана Владиславлевым еще в Геттингене и датирована 10 марта 1864 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 391). Таким образом, подтверждается, что Владиславлев был «*действительно* новоприезжим».

Примечание редактора сделано в самом конце статьи Владиславлева, в которой, солидаризируясь с общим направлением «Эпохи», автор утверждает, что Россия переживает интеллектуальный «кризис» и потому все ее литературные направления и так называемые «интеллигентные произведения» «совершенно чужды народной мысли» (*Э*, № 11, стр. 10). Замечая далее, что все зло идет от французских «либеральных книжек» и что поверхностное понимание новейшей философии материализма властвует «над беззащитными и незрелыми умами», Владиславлев надеется,

что русская литература, которая, по его мнению, уже начиная с Ломоносова всегда искала «идеал», переживет этот кризис и вернется к «народному направлению». «Только возвращение к народной почве, — пишет Владиславлев в заключение, — может исцелить нашу мысль от вялости и чахоточности <...> надо изучать быт, формы народной жизни, его песни, думы, миросозерцание, и только там искать истинно русские общественные идеалы, соответствующие историческому, географическому, юридическому положению России» (*Э*, 1864, № 11, стр. 16).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. И. СОЛОВЬЕВА «ДЕТИ»›

(Стр. 232)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Э*, 1865, № 1, отд. VII, стр. 12, с подписью: *Ред.* (ценз. разр. — 5 февраля 1865 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 580.

Печатается по тексту первой публикации.

Это единственное редакционное примечание в «Эпохе» 1865 г. принадлежит перу Ф. М. Достоевского, как и все аналогичные примечания в №№ 6—12 «Эпохи» за 1864 г. (см. выше, стр. 417). Можно предположить, что отсутствие, кроме настоящего, весьма краткого, других редакционных примечаний в первой и второй книгах нового года свидетельствует об утрате Достоевским интереса к изданию журнала, который, как уже стало ясно в январе, невозможно было спасти.

Данная статья Соловьева (см. о нем выше, стр. 417) посвящена музыкальному воспитанию ребенка. Примечание сделано к тому месту статьи, где автор утверждает, что мелодия «падает на чувство» и способствует «обузданию страстей», а гармония — «на волю» и побуждает «к решимости» (*Э*, № 1, стр. 12). Об отношении Достоевского к музыке см.: *Гозенпуд.*

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Печатные источники

БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Вр — «Время» (журнал).
Врангель — А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1954—1966.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Изд. «Музыка», Л., 1971.
Григорьев — Ап. Григорьев. Литературная критика. Изд. «Художественная литература», М., 1967.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.
Д — «День» (газета).
Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1955.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
Долинин — *А. С.* Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1963.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.
Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971.
Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. Изд. «Советский писатель», М., 1971.
ДП — «Дневник писателя».
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.
И — «Искра» (журнал).
ИВ — «Исторический вестник» (журнал).
Илл — «Иллюстрация» (журнал).
Кирпотин, Достоевский и Белинский — В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. Изд. «Советский писатель», М., 1960.
Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. Изд. «Художественная литература», М., 1966.
ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, тт. 1—6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938—1961.
Лемке, Политические процессы — М. К. Лемке. Политические процессы. Пб., 1907.
Лемке, Эпоха цензурных реформ — М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865. Пб., 1904.
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1974. Издание продолжается.
Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. 1—4. Изд. «Наука», Л., 1974—1980.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Милюков — А. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.
НВр — «Новое время» (газета).
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. Изд. «Наука», М., 1975.
Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник, тт. I—III. Гослитиздат, М., 1955—1956.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).
Островский — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1949—1953.
Писарев — Д. И. Писарев. Сочинения, тт. I—IV. Гослитиздат, М., 1955—1956.
РА — «Русский архив» (журнал).
РБ — «Русская беседа» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РИ — «Русский инвалид» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
РСл — «Русское слово» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. Изд. «Художественная литература», М., 1965—1977.

Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.

СО — «Сын Отечества» (журнал).

СП — «Северная пчела» (газета).

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

ССл — «Современное слово» (газета).

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. Гослитиздат. М., 1928—1964.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Фридлендер, У истоков «почвенничества» — Г. М. Фридлендер. У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). «Известия АН СССР». Серия литературы и языка, 1971, № 5, стр. 411—416.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Э — «Эпоха (журнал).

1883 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

1918 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XXIII. Изд. «Просвещение», Пб., 1911—1918.

1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского, К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
1862		
Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого)	5	259
Славянофилы, черногорцы и западники, самая последняя перепалка	23	270
‹Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери»›	28	272
Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваньями	30	278
1863		
Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов	50	292
Журнальная заметка. О новых литературных органах и о новых теориях	59	295
Журнальные заметки		
I. Ответ «Свистуну»	71	299
II. Молодое перо	78	299
Опять «Молодое перо». Ответ на статью «Современника» «Тревоги „Времени“» («Современник», март, № 3)	83	307
Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей»	97	316
1864		
Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах	102	318
Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском	121	330
Необходимое заявление	125	332
Чтобы кончить. Последнее объяснение с «Современником»	129	335
Примечание ‹к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве»›	133	336
Каламбуры в жизни и в литературе	137	338
‹Примечание к статье Д. В. Аверкиева «По поводу самопризнаний двух петербуржцев»›	148	342
Об игре Васильева в «Грех да беда на кого не живет»	148	343
‹Заметки по поводу статьи А. А. Головачева о классическом образовании›	151	345
Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860—1865 гг.		
‹I. Записная книжка 1860—1862 гг.›	152	346
‹II. Записная книжка 1863—1864 гг.›	170	360
‹III. Записная тетрадь 1864—1865 гг.›	179	368
‹IV. Записная тетрадь 1864—1865 гг.›	188	376
‹V. Записная книжка 1864—1865 гг.›	203	390

	Текст	Примечания
Приложение I		
Редакционные объявления журналов «Время» и «Эпоха» (1862—1865)	206	
1862		
‹1. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1863 г.›	206	393
‹2. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1863 г.›	206	393
1864		
Об издании нового ежемесячного журнала «Эпоха», литературного и политического, под редакцией Михаила Достоевского	213	397
‹Объявление об издании журнала «Эпоха» после кончины М. М. Достоевского›	214	398
‹1› От редакции	214	399
Об издании ежемесячного журнала «Эпоха», литературного и политического, издаваемого семейством М. М. Достоевского	216	399
‹2› От редакции	221	401
‹3› От редакции	222	401
От издателей журнала «Эпоха»	222	402
Приложение II		
Редакционные примечания (1862—1865)	224	
1862		
‹Примечание к статье П. А. Бибикова «По поводу одной современной повести»›	224	402
‹Примечания к статье «Очерки последнего литературного движения во Франции»›	224	403
‹Примечания к статье Н. Н. Страхова «Нечто об „опальном журнале“ (письмо к редактору)»›	225	404
‹Примечание к статье П. Н. Ткачева «О суде по преступлениям против законов печати»›	225	406
‹Предисловие к статье А. Саготовича «Юридический обзор одного уголовного дела, окончательно решенного в 1849 году. Часть первая»›	226	407
‹Примечание к очерку Н. Г. Помяловского «Бурсацкие типы»›	226	407
‹Примечание к роману С. Н. Федорова «Свое и наносное»›	226	408
‹Примечание к статье П. П. Сокальского «Заметки по вопросу об общественной нравственности»›	226	409
‹Примечание к «Письму к редактору журнала „Время“ по поводу статьи „Певец Кубры“» Александры Шаликовой›	227	411
‹Примечание к письму И. А. Щедритского по поводу статьи «Певец Кубры»›	227	412
1863		
‹Примечание к статье Н. Косицы (Н. Н. Страхова) «„Слово и дело“, комедия в пяти действиях Ф. Н. Устрялова (письмо в редакцию «Времени»)›	227	414
‹Примечание к статье Игдева (И. Г. Долгомостьева) «Некоторые педагогические и научные тенденции»›	228	414
‹Примечание к статье «Нужен ли флот России»›	228	415

	Текст	Примечания
‹Примечание к статье «Еще статья о новой книге («Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада», соч. Николая Костомарова. СПб., 1863. Два тома)»›	228	415
1864		
‹Примечание к статье Н. И. Соловьева «Теория безобразия»›	228	416
‹Примечания к статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе»›	229	418
‹Примечание к переводу статьи Э. Ренана «Древние религии»›	229	420
‹Примечания к статье Д. В. Аверкиева «Аполлон Александрович Григорьев»›	230	421
‹Примечание к очерку М. Долгомостьевой «Институтки»›	230	422
‹Примечание к переводу статьи Г. Лотце «Наслаждение в жизни и труд»›	230	422
‹Примечания к статье Н. И. Соловьева «Теория пользы и выгоды»›	231	423
‹Примечание к статье М. И. Владиславлева «Литературные впечатления новоприезжего»›	232	425
1865		
‹Примечание к статье Н. И. Соловьева «Дети»›	232	426
Варианты	233	
Примечания	247	
Список условных сокращений	427	

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XX

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*

Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*

Технический редактор *М. Н. Кондратьева*

Корректоры *Э. Н. Липпа*, *Ф. Я. Петрова* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 5.12.79. Подписано к печати 28.04.80. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печ. л. 27 + 1 вкл. ($^{1}/_{8}$ печ. л.) = 27.12 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 34.37. Тираж 55000. Изд. № 6642. Тип. зак. № 950. Цена 3 р. 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12